

Dr. N. KOLLER
LAUSANNE
Av. Mouton, n° 33
Téléph. n° 53.63

Дм. ТИМКОВСКІЙ.

$\frac{P}{\sigma} \frac{4}{308}$

801-11
1243

НАША СТРАНА.

==== КАРТИНЫ. ====
природы и быта народовъ Россіи.

==== ГЕОГРАФИЧЕСКІЙ СБОРНИКЪ
ДЛЯ ЧТЕНІЯ ВЪ СЕМЬѢ И ШКОЛѢ. ====

Съ 400 рисунками.

72900

М. Н. Пр. допущено въ ученичскія бібліотеки низшихъ
учебныхъ заведеній.

Типографія Т-ва И. Д. Сытина, Пятницкая улица, свой домъ.
Москва.—1910.

Остров Новая Земля.

(Изъ соч. Этельгардта, Житкова и Охочинскаго).

Наконецъ вдали показалась темная полоска береговъ Новой Земли. Мы минуемъ Сѣверный Гусиный Носъ, входимъ въ заливъ Моллера, у входа въ гавань Малыя Кармакулы ясно вырисовывается крестъ, стоящій на высокомъ

Для жителей Новой Земли приходъ парохода, конечно, большой праздникъ: цѣлый годъ они не видятъ посторонняго челоуѣка, цѣлый годъ не знаютъ, что дѣлается на свѣтѣ, пароходъ несетъ имъ извѣстiя съ родины, новую провiзiю и т. д.

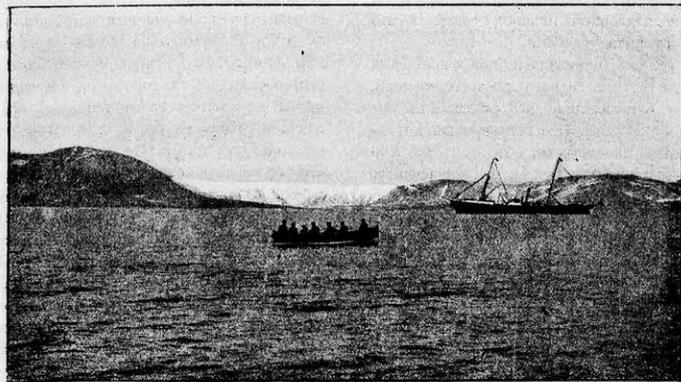

Рис. 1. Новая Земля. Маточкинъ Шаръ.

утесъ. При нашемъ входѣ въ гавань грянулъ пушечный выстрѣлъ, — одинъ, другой: это приветствуютъ насъ обитатели Новой Земли. На берегу у пушки суетятся самоѣды, въ сторонѣ виднѣется высокая фигура iеромонаха Юны, а псаломщикъ, исполняя обязанности бомбардира, заряжаетъ пушку, которая, Богъ вѣсть, какъ сюда попала.

Островъ Новая Земля расположенъ между 70 и 77 параллелями сѣверной широты и съ запада на 51,5° восточной долготы отъ Гринвича. Такъ называемымъ Маточкинымъ Шаромъ (проливомъ) (рис. 1) Новая Земля раздѣляется между 73 и 74 параллелями на два острова, изъ которыхъ сѣверный почти въ два раза больше южнаго. Въ длину, съ юга на сѣверъ, островъ

Библиотека СССР
им. В. И. ЛЕНИНА

К.619 - 48

2007339225

простирается слишком на 800 верст, а въ ширину занимает, въ среднемъ, около 150 верстъ. Новая Земля составляетъ какъ бы дальнѣйшее продолженіе Уральскихъ горъ—хребта Пай-Хоя; между нею и сѣверными отрогами послѣдняго лежить островъ Ваггагъ, такой же гористый, какъ и Новая Земля.

Каждый, конечно, видѣлъ Новую Землю на картѣ. Но, вѣроятно, не всѣ имѣютъ вполне ясное представленіе о томъ, какое количество труда и энергіи понадобилось для того, чтобы нанести на карту этотъ небольшой участокъ суши и сколько человѣческихъ жизней стоили усилія пробиться до сѣверныхъ частей острова.

Кѣмъ и когда открыта Новая Земля за отсутствіемъ точныхъ и опредѣленныхъ историческихъ данныхъ, рѣшить трудно, но не подлежитъ никакому сомнѣнію, что она открыта русскими.

Русскія промышленники посѣщали этотъ островъ задолго до того времени, когда о немъ появились свѣдѣнія въ Западной Европѣ. Это подтверждаетъ и самое названіе острова, объ этомъ же свидѣтельствуотъ и имѣющіеся письменные памятники. Такъ, итальянскій писатель XVII вѣка Мавро Урбино пишетъ: „Россіею изъ Барміи, плавающие по сѣверному морю, открыли, около 100 лѣтъ назадъ, островъ, дотолѣ неизвѣстный, показываемый на картахъ,—Новая Земля“. Въ XVII же вѣкѣ Новоземельскій островъ входилъ уже въ кругъ административныхъ заботъ правительства и былъ предметомъ попеченій духовной власти. Въ бібліотекѣ Антоніана-Сійскаго монастыря, Архангельской губерніи, хранится грамота патріарха Іоасафа II игумену Сійскаго монастыря Феодосію, отъ 1-го января 1672 года, о посылкѣ на Новую Землю священника съ псаломщикомъ. Литературныя данныя о Новой Землѣ относятся къ срединѣ XVI столѣтія, ко времени извѣстной экспедиціи Ченслера. Въ особенности расширены свѣдѣнія о Новой Землѣ, благодаря голландской экспедиціи Барен-

ца. Въ іюль 1594 года Баренцъ достигъ Новой Земли и думалъ обогнуть ее съ сѣвера, но, встрѣтивъ льды, вынужденъ былъ въ августѣ возвратиться обратно въ Голландію. 20-го мая 1596 года изъ Амстердама вышла новая экспедиція, подъ командою того же Баренца. Послѣ невѣроятныхъ усилій онъ достигъ въ концѣ августа сѣверной оконечности острова, но вскорѣ судно его было окружено льдами, возвращеніе въ Голландію оказалось невозможнымъ, и экспедиція вынуждена была зазимовать подъ 76° сѣверной широты. Къ счастью, на берегу нашлись занесенныя сюда морскими течениями деревья, изъ которыхъ представилось возможнымъ построить жилище. Экипажъ, вынужденный вести борьбу со стуженою и съ нападавшими на него бѣлыми медвѣдями, испытывалъ всевозможныя страданія и лишения, которыя еще болѣе увеличались, когда 14-го ноября солнце совершенно скрылось съ горизонта, съ тѣмъ, чтобы показаться снова лишь въ слѣдующемъ году, въ февралѣ. Между людьми появилась цынга. Не имѣвъ возможности освободить судно изъ льдовъ, Баренцъ рѣшился 25-го мая выѣхать на лодкахъ; но лишения и цынга дали себя почувствовать,—въ концѣ іюля умеръ отъ цынглы самъ Баренцъ, а за нимъ погубило и нѣсколько матросовъ; остальные его спутники встрѣтились 7-го августа съ русскими промышленниками, которыми были радушно приняты и доставлены въ Норвегію. Послѣ Баренца надолго прекратились экспедиціи западныхъ народовъ въ Ледовитый океанъ; изслѣдованія Новоземельскаго острова продолжались преимущественно уже русскими, при чемъ немаловажно побудительное причиною было установившееся мнѣніе о богатствахъ острова.

Изъ русскихъ экспедицій болѣе извѣстны слѣдующія.

Въ 1760 году лодманъ Савва Ложкинъ отправился для промысла на восточные берега Новой Земли и, благодаря своей

настойчивости, въ три года обогнулъ ее и этимъ доказалъ, что Новая Земля—островъ, въ чемъ до того времени географы сомнѣвались. Въ 1768 году была снаряжена экспедиція подъ начальствомъ лейтенанта Размылова, для изслѣдованія Новоземельскаго острова и снятія его на карту; экспедиція эта зимовала на восточномъ концѣ Маточкина Шара, въ такъ называемой Тюленей губѣ.

Въ 1807 году горный инженеръ Дудловъ былъ командированъ на Новую Землю для проверки слуховъ объ ея минеральныхъ богатствахъ, и хотя таковыхъ не нашелъ, но сдѣлалъ весьма тщательно геологическое описаніе острова.

Въ 1819 году русскимъ правительствомъ была снаряжена экспедиція лейтенанта Лазарева, но эта экспедиція также не имѣла успѣха. Въ теченіе 1821—24 гг. Новую Землю четыре раза посѣтила экспедиція подъ начальствомъ адмирала, графа Ф. П. Литке, подробно обследовавшая западный берегъ острова.

Въ 1832 году архангельскій купецъ Брандтъ снарядилъ на свой счетъ экспедицію, съ цѣлью открыть путь къ Енисею и, между прочимъ, составить карту восточныхъ береговъ Новой Земли, гдѣ онъ предполагалъ производить охоту на моржей. Изслѣдованіе восточныхъ береговъ Новой Земли было поручено штурманскому поручику Пахтусову, который прозимовавъ на островѣ, лѣтомъ 1833 года успѣшно выполнялъ возложенное на него порученіе и, пройдя черезъ Маточкинъ Шаръ, 12-го сентября вернулся на Печоры, въ Пустозерскъ.

Затѣмъ, въ 1834—35 гг. на Новую Землю была командирована правительствомъ экспедиція на двухъ судахъ, изъ которыхъ однимъ командовалъ поручикъ Пахтусовъ, а другимъ—прапорщикъ Циволька. Прозимовавъ на южномъ берегу Маточкина Шара, экспедиція вернулась въ Архангельскъ.

Въ 1838 году, съ цѣлью окончательной съемки Новой Земли, была снаряжена

правительствомъ новая экспедиція подъ начальствомъ Цивольки и лейтенанта Моисеева. Зимовка этой экспедиціи на восточномъ берегу острова, у Мелкой губы, дорого ей обоилась: двадцать пять чело-вѣкъ изъ экипажа заболѣли цынгою; изъ нихъ девять умерло, въ томъ числѣ и самъ Циволька.

Послѣ этого русскія экспедиціи на Новую Землю почти прекратились и островъ посѣщали только норвежцы, которые давно уже развивали у себя китовый промыселъ и, за оскуднѣніемъ добычи на Шпицбергенѣ, стали ежегодно промышленлять на Невой Землѣ.

Въ 70-хъ годахъ Новую Землю посѣщали прѣздомъ нѣкоторые изъ иностранныхъ полярныхъ экспедицій. Такъ, въ 1872 г. извѣстная экспедиція графа Вильчека посѣтила Маточкинъ Шаръ, губу Грибовую и Костинъ Шаръ.

Въ 1875 г. Норденшильдъ, направляясь къ Енисею, посѣтилъ Маточкинъ Шаръ.

Въ 1895 году Министерствомъ Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ была снаряжена геологическая экспедиція, подъ руководствомъ горнаго инженера Чернышева, для изслѣдованія тамъ каменноугольныхъ залежей. Возможность имѣть мѣстный уголь была, конечно, весьма важна для пароходовъ, плавающихъ въ нашихъ сѣверныхъ водахъ.

Отправившись изъ Архангельска 10-го іюня, экспедиція посѣтила Маточкинъ Шаръ, губу Грибовую, Малая и Большая Кармакуль, Пуховый заливъ, сѣверный берегъ Гусиной Земли и прошла поперекъ Новоземельскій островъ, изъ Кармакуль къ Карскому морю. Экспедиція пришла къ заключенію, что Новая Земля вообще не богата разными рудами, но что найденный тамъ каменный уголь, несомнѣнно, мѣстнаго происхожденія и по своему качеству долженъ быть отнесенъ къ бурнымъ углямъ—ископаемому топливу средняго достоинства.

Громадный, почти неизслѣдованный, островъ Новая Земля невольно привле-

кает внимание натуралиста и любителя природы своеобразной красотой пейзажей и оригинальностью своего животного и растительного мира.

Берега Новой Земли холодны и бурны. Выпадают и здесь летом изредка ясные дни, когда низкое полярное солнце плывет по зеленовато-синему, безоблачному небу (рис. 2). В такие дни прозрачно сияют дали, и тихое голубое море и

Рис. 2. Зимний полдень на Сѣверѣ.

цѣломъ и видомъ напоминает теплое Средиземное. Кристально-прозраченъ воздухъ надъ сушей и моремъ, и горныя цѣпи, если смотрѣть на нихъ издали, кажутся, подступаютъ ближе, рѣзко вырисовываясь зубчатыми гребнями вершинъ, наполненными снѣгомъ, щелями и крутыми черными обрывами. Въ теплые полдни, когда пригрѣетъ солнце, надъ неподвижной гладью холоднаго моря то тутъ, то тамъ вспыхиваетъ марево: надъ цѣпью протянувшихся по горизонту рядомъ пологихъ конусовъ маленькихъ островковъ появляется другая цѣпь такихъ

же островковъ, только перевернутыхъ вершинами кверху. Они висятъ въ воздухѣ, точно града темныхъ тучекъ, и, какъ и тучки, таютъ и расливаются при первомъ дуновеніи вѣтерка.

Но эти дни тишины и свѣта бываютъ рѣдко. Чаще густые туманы закрываютъ берега острова, по цѣлымъ днямъ мороситъ дождь съ холоднаго, затянутаго свищовыми тучами неба, и свищовыя волны съ шу-

момъ разбиваются о крутые берега. Сильнѣйшіе штормы бушуютъ по нѣсколькимъ днямъ, высоко вздымая волны и поднимая на воздухъ щебень и мелкіе камни. На три мѣсяца освобождаются обыкновенно берега острова отъ плывущихъ льдовъ. Но и среди лѣта бываетъ—при сѣверныхъ и сѣверо-восточныхъ вѣтрахъ—вдругъ надинутся льды съ сѣвера или черезъ проливы изъ Карскаго моря и опояшутъ горизонтъ, отсѣвчивая на небѣ ледянымъ отблескомъ.

Рано, иногда уже въ концѣ августа наступаетъ на Новой Землѣ зима, не

слишкомъ холодная вслѣдствіе близости моря, но бурная и снѣжная. Короче и короче становятся дни, и, наконецъ, солнце надолго исчезаетъ за горизонтомъ: трехмѣсячный полярный лѣтній день съ незаходящимъ солнцемъ смѣняется такой же длинной ночью. Только въ полдень, при ясномъ небѣ, видна на югѣ полоска зари, разогнающая нѣсколько ночной мракъ. Исчезнетъ заря,—и снова теменъ горизонтъ, и только играющіе нерѣдко зимою слохои бросаютъ невѣрный, мерцающій свѣтъ на одѣтыя снѣгомъ долины и ледяные обрывы горъ.

И берега и внутреннія части Новой Земли на большей части протяженія острова гористы. Чѣмъ дальше къ сѣверу, тѣмъ выше становятся горныя цѣпи, тѣмъ грознѣе и диче пейзажи, развертывающіеся передъ глазами путешественника.

Даже и самыя низкія части острова покрыты только мѣстами тонкимъ слоемъ наносной почвы, на которой и развивается скудная травянистая растительность. Въ другихъ мѣстахъ почва состоитъ изъ чернаго сланцеваго щебня. Такими же щебнемъ покрыты и обнаженные, совершенно лишенные растительности склоны горъ; отъ этого такъ сумраченъ видъ береговъ Новой Земли, напоминающихъ высокую горную область. Глазъ видитъ только бѣлый и черный цвѣта и больше никакихъ. Мхи и лишай, всползающіе довольно высоко по горнымъ склонамъ, окрашены такъ тускло, что на нѣкоторомъ разстояніи ихъ не отличишь на поверхности черныхъ скалъ.

Внутреннія области Новой Земли, насколько онѣ извѣстны, представляютъ дикую горную страну. На широтѣ становища Малыя Кармакулы горныя цѣпи начинаются въ 3—4 верстахъ отъ берега и тянутся съ сѣвера на югъ параллельными грядами. Цѣпи пересѣчены узкими долинами, по которымъ текутъ ручьи и гдѣ поверхность почвы покрыта травомъ. Все остальное пространство голо и пустынно. Трудно описать словами то впе-

чатлѣвнѣе, которое оставляетъ эта безжизненная страна. Художникъ или декораторъ, которому нужно изобразить адъ, не нашелъ бы для образца болѣе подходящаго пейзажа. Горы не высоки здѣсь—не болѣе 200 метровъ; но зато это неописуемый хаосъ отвѣсовъ, щелей, крутыхъ осыпей, состоящихъ изъ крупныхъ и мелкихъ обломковъ чернаго сланца. Пласты этого сланца то тянутся параллельно горизонту, выступая по краямъ скалъ длинными карнизами, то поставлены вертикально, громоздятся безформенными уступами. Бѣлая пятна снѣга, лежащаго въ щеляхъ, рѣзко выступаютъ на темномъ фонѣ горъ. Мертвая тишина царитъ надъ этой пустыней въ безвѣтренный день, и шумъ горныхъ потоковъ, бѣгущихъ изъ-подъ пластовъ снѣга, гармонируетъ съ тишиной, не нарушая и не разстраивая ея безжизненнаго теченія.

Морской характеръ климата Новой Земли сказывается въ обилии осадковъ. Лѣтомъ на островѣ часто выпадаютъ дожди. Снѣгу также выпадаетъ очень много. Сильные вѣтры сдуваютъ его съ возвышенностей, но въ мѣстахъ, защищенныхъ отъ вѣтра, скопляются сугробы въ нѣсколько саженъ мощностью. Сильнѣйшія снѣжныя бури, продолжаясь по нѣсколькимъ суткамъ, бушуютъ надъ островомъ зимою, когда солнце на три мѣсяца исчезаетъ за горизонтомъ. Бури нерѣдки и лѣтомъ, и самыя сильныя вѣтры дуютъ „съ горъ“, т. е. отъ внутреннихъ частей острова къ морю, на западномъ берегу отъ востока къ западу, на берегахъ Карскаго моря—наоборотъ. Сила вѣтра во время этихъ буръ такова, что людей сбиваетъ съ ногъ, и вѣтеръ поднимаетъ на воздухъ щебень и мелкіе камни. Сильные вѣтры налетаютъ часто неожиданно изъ горныхъ долинъ; особенно часты они въ Маточинномъ Шарѣ и сѣвернѣе.

Глубокіе заливы и бухты на западномъ берегу южнаго острова Новой Земли

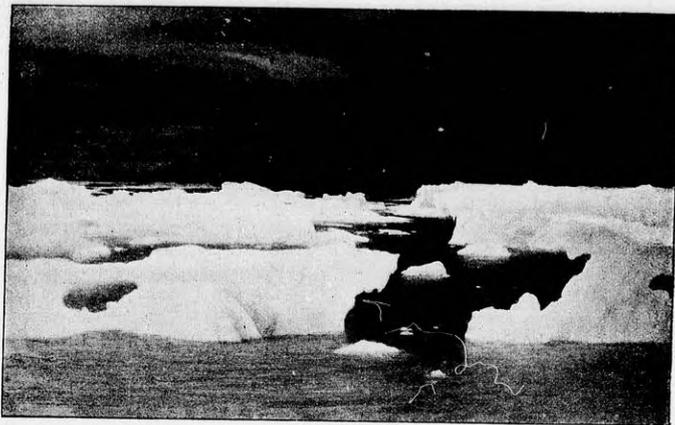

Рис. 3. Въ области льда.

обыкновенно освобождаются от льда, их набивающего, не ранее начала июля. Иногда и в средине июля лед еще стоит у берегов (рис. 3), но в большинстве случаев в течение июля, августа и сентября плавание у западных берегов острова свободно.

Животный мир Новой Земли не разнообразен: здесь мы находим блга медвди или ошкул — царя полярных пустынь, который встрчается на всем острове, но преимущественно водится по

Рис. 4. Псецъ.

сѣвернымъ и восточнымъ берегамъ. Пища блыхъ медвдей состоитъ изъ разной падали и морскихъ животныхъ, особенно тюленей, но иногда даже моржа, несмотря на всю свою силу, одолевается одинъ на одинъ медвдемъ и становится его добычей. Кромѣ медвдей, изъ другихъ хищниковъ на Новой Землѣ попадаются волки и лисицы, забгающіе въ зимнее время съ континента, и водятся во множествѣ псецы или полярныя лисицы (рис. 4). Отъ настоящей лисицы это животное отличается цвѣтомъ шерсти, которая зимою бллая, а лѣтомъ голубая или темно-пепельная. Питаются псецы трупами выбрасываемыхъ моремъ животныхъ, а также пеструшками; но зимою, когда норы пеструшекъ заносятся снѣгомъ, псецы иногда отъ голода поѣдаютъ другъ друга. Еще многочисленнѣе пеструшки, или песчовки—родъ полевыхъ мышей съ короткимъ хвостомъ и пушистою шерстью, отчего онѣ кажутся круглыми. О многочисленности пеструшекъ можно судить по тому, что склоны горъ во всѣхъ направленіяхъ

зарыты норами этихъ звѣрковъ, питающихся преимущественно листьями и цвѣтами. Иначе, если бы онѣ поѣдали корни, то могли бы, пожалуй, истребить всю растительность Новой Земли. Изъ жвачныхъ животныхъ здѣсь водится сѣверный олень, кормомъ для котораго зимою служитъ блый мохъ, или ягель, а лѣтомъ—разныя травы.

Новая Земля изобилуетъ пернатыми, между которыми встрчаются: лебеди, гуси, утки, гаги, гагары, чайки, топорники, чистяки, лурики, кайры, кулики, блыя полярныя совы и т. п.; особенно много здѣсь луриковъ. У птицъ есть свои излюбленныя мѣста, гдѣ онѣ гнѣздятся и собираются въ огромномъ количествѣ; такъ, напримѣръ, при входѣ въ гавань. Малыя Кармакулы есть островъ, въ видѣ одиноко стоящей въ океанѣ почти отвѣсной скалы, названный „Птичьимъ Базаромъ“ (рис. 5). Этотъ островъ въ течение всего лѣта сплошь покрытъ птицами; съ крикомъ носятся онѣ тысячами вокругъ острова и покрываютъ поблизости все видимое пространство океана.

Въ промышленномъ отношеніи между птицами первое мѣсто занимаетъ гага. Для предохраненія своихъ яицъ отъ холода она покрываетъ ихъ пухомъ и перьями, выщипанными изъ груди и изъподъ крыльевъ. Добываніе этого пуха чрезвычайно трудно, потому что гага вьетъ свои гнѣзда въ ущельяхъ горъ и на неприступныхъ скалахъ, такъ что промышленники должны иной разъ спускаться на веревкахъ съ громадныхъ утесовъ, поднимающихся отвѣсно надъ морскою пучиной. Изгнанная изъ своего гнѣзда, гага вьетъ себѣ другое, а если и это будетъ разорено, то третье и послѣднее. Сама гага и ея яйца употребляются въ пищу, и послѣднія очень вкусны. Кромѣ гагъ, промышленники ловятъ еще гагарокъ и гусей, мясо которыхъ солить и въ бочкахъ отправляютъ въ Архангельскъ (рис. 6).

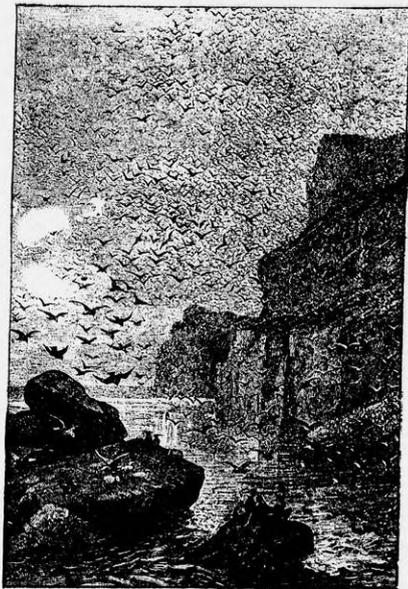

Рис. 5. Птичій островъ.

особенно въ сѣверныхъ его частяхъ. Толстыя и короткія переднія ноги ихъ, раздѣленныя на пять ногтестыхъ пальцевъ съ перепонками, позволяютъ имъ ползать по сушѣ, и они любятъ выходить на берегъ, чтобы грѣться на солнцѣ. Тюлени очень многочисленны и встрчаются преимущественно двухъ видовъ: нерпа, или обыкновенный тюлень, съ шерстью серебристаго цвѣта, и морской заяцъ, покрытый черновато-желтою шерстью и нѣсколько больше предыду-

цаго. Затѣмъ очень много разныхъ видовъ дельфиновъ, изъ которыхъ особенно важна бѣлуха, составляющая предметъ значительнаго промысла. Изъ китообразныхъ есть габбары — родъ кита съ весьма короткою бородой.

Рис. 6. Гагарки.

Число видовъ новоземельскихъ рыбъ весьма ограничено, ихъ не болѣе десяти. Изъ нихъ важны въ промышленномъ отношеніи: голцы — родъ семги, съ едва замѣтными чешуйками, затѣмъ части омуль и треска.

До 70-хъ годовъ XIX столѣтія Новая Земля не имѣла осѣдлага населенія. Но богатство далекаго и негостеприимнаго острова морскимъ звѣремъ издавна привлекало сюда партіи промышленниковъ, которые, отправляясь къ берегамъ Новой Земли на своихъ мореходныхъ ладьяхъ и карбасахъ, или проводили здѣсь только лѣто, или даже и зимовали на островѣ, занимаясь въ течение года ловлею песцовъ и охотой за оленями.

На судахъ, уходящихъ изъ поморья зимовать на Новую Землю, отправлялись обыкновенно подъ начальствомъ командира артели въ 8 — 16 человекъ, снаряженная на счетъ предпринимателя — хозяина карбаса. Судно брало съ собою въ разобранномъ видѣ избу въ 4—8 кв. саженъ величиною и 5—8 гребныхъ карбасовъ для промысловъ. Провіантъ запасался на годъ.

По прибытіи на мѣсто артели собирали привезенную съ собою избу, въ которой нужно было провести долгую полярную зиму.

Длинная зимняя ночь, проведенная въ избахъ, которые отапливаются „по чер-

ному“ въ дурномъ воздухѣ отъ скопленія многихъ людей въ тѣсномъ пространствѣ и горючихъ ночниковъ, налитыхъ звѣриннымъ саломъ, — обыкновенно не проходила даромъ зимовавшимъ партіямъ. Недостатокъ движенія во время продолжительныхъ зимнихъ бурановъ, бездѣятельность и скука въ течение четырехъ мѣсячной ночи порождали цыгту, отъ которой партіи зимовщиковъ вымирали иногда до послѣдняго человѣка. При тѣхъ санитарныхъ условіяхъ, въ которыхъ жили звѣроловы, климатъ Новой Земли являлся слишкомъ губительнымъ, и люди недостаточно крѣпкаго сложения не выносили годичнаго пребыванія на островѣ. Точно также перемерли всѣ безъ исключенія переселенцы, пытавшіеся устроить осѣдло на Новой Землѣ.

Въ концѣ семидесятыхъ годовъ истекашаго столѣтія впервые явилась мысль основать на Новой Землѣ спасательный пунктъ со складомъ припасовъ, который давалъ бы возможность промышленникамъ, потерѣвшимъ крушеніе у береговъ острова, пережить зиму. Въ 1877 году построена въ Малокармакульскомъ становищѣ изба и при ней амбаръ для склада припасовъ и баня. Тогда же какъ для охраны построекъ, такъ и для того, чтобы организовать на Новой Землѣ постоянный зимній промыселъ, были переселены на островъ изъ тундры Мезенскаго уѣзда пять чумовъ самоѣдовъ, не имѣвшихъ оленей и пожелавшихъ промыслить звѣря на Новой Землѣ (рис. 7). Самоѣды эти были снабжены топливомъ, одеждой, припасами, винтовками и вообще всѣмъ необходимымъ для жизни и промысловъ. Для поддержанія сношеній между Архангельскимъ и становищами Новой Земли были учреждены рейсы пароходовъ Мурманскаго общества.

До 1894 года на островѣ числилось 50 самоѣдовъ. Въ этомъ году архангельскимъ губернаторомъ А. П. Энгельгардтомъ переселены на Новую Землю еще 37 душъ самоѣдовъ. Мало-Кармакульское

Рис. 7. Самоѣды на Новой Землѣ.

становище увеличилось и стало цѣлымъ маленькимъ поселкомъ; было основано второе становище — въ западномъ устьѣ Маточкина Шара, и, наконецъ, третье — въ Бѣлушей губѣ. Въ настоящее время самоѣдовъ зимуетъ на островѣ ежегодно около 100 человекъ, и пароходы посѣщаютъ всѣ три новоземельскія становища два раза въ лѣто. Въ первый рейсъ пароходъ принимаетъ отъ колонистовъ ихъ годовую добычу — шкуры, сало и рыбу; во второй рейсъ въ становища доставляютъ топливо, керосинъ, съѣстные припасы и прочее.

Новоземельскіе самоѣды вовсе не держатъ оленей, такъ какъ, съ одной стороны, разбросанность оленьихъ пастбищъ, которыми обильны только рѣчные долины, дѣлаетъ пастбу оленей затруднительной, съ другой — сами самоѣды, занимаясь морскими промыслами, привязаны къ берегамъ. Для сообщенія по острову и перевозки тяжестей служатъ собаки. Всѣ колонисты живутъ исключительно промыслами морского звѣря, при

чемъ первое мѣсто по своему промышленному значенію занимаетъ медвѣдь, потомъ нерпы и олени. Шкуры и сало звѣрей (а также рыба — голцы) принимаются изъ становищъ пароходами и продаются въ Архангельскѣ.

Кармакульское становище, расположенное на довольно низкомъ берегу отгороженного отъ моря островами рейда, въ настоящее время представляетъ собою цѣлый поселокъ, состоящій изъ десяти отдѣльныхъ зданій. Маленькая церковь очень чиста и красива внутри (рис. 8). Рядомъ съ церковью стоитъ домъ причта, состоящаго изъ іеромонаха и псаломщика, присылаемыхъ Никольскимъ Корельскимъ монастыремъ. Кромѣ причта, въ Кармакулахъ постоянно живетъ фельдшеръ съ семейю, завѣдующій и складомъ припасовъ. Самоѣды живутъ въ избахъ.

Самое сѣверное становище, расположенное въ западномъ устьѣ Маточкина Шара, состоитъ только изъ трехъ избъ, стоящихъ на устьѣ рѣчки Маточки, у подножья высокихъ горъ, окружающихъ

проливъ и долину рѣки. Осѣдло здѣсь живетъ только одна семья. Двѣ другія семьи обыкновенно кочуютъ съ чумами по берегу Карскаго моря. Въ Кармакулахъ лѣтомъ остается обыкновенно также не болѣе трехъ семействъ, между тѣмъ

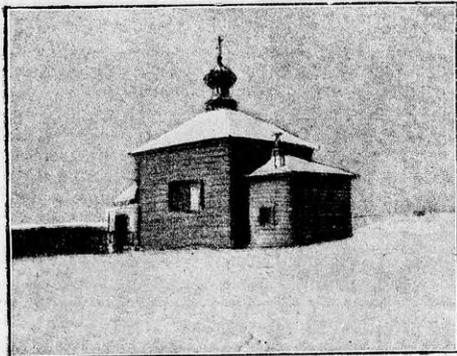

Рис. 8. Церковь въ Малыхъ Кармакулахъ на Новой Землѣ.

какъ зимою живетъ до девяти. Остальные самоѣды лѣтомъ живутъ въ чумахъ въ различныхъ частяхъ острова—въ Гусиной Землѣ, по западнымъ берегамъ и по побережью Карскаго моря. На Карской сторонѣ промыслы особенно выгодны: тамъ звѣря вообще больше; кромѣ того, тамъ даже въ неудачные для промысла, безледные на западномъ берегу года, льдовъ бываетъ достаточно, а потому всегда есть и тюлени, которые не любятъ разтаваться со льдами, и медвѣди, которые держатся вблизи тюленьихъ лежекъ.

Промыслы на Карскомъ морѣ сильно тормозятся трудностями сообщенія между становищами западныхъ береговъ острова и Карскимъ побережьемъ. Добыча промысловъ—сало, шкуры, соленая рыба—съ Карскаго моря должна быть доставлена въ одно изъ становищъ, откуда принимаетъ ее пароходъ. Самоѣды переходить Новую Землю рѣчными долинами, пе-

реѣзая и перевоза кладъ на собакахъ которыхъ впрягаются въ маленькя легкя нарты (рис. 9). Въ такія нарты, запряженныхъ 10-ю собаками, по зимнему пути можно грузить до 20 пудовъ, лѣтомъ 3—4 пуда.

Самоѣдскія собаки на Новой Землѣ служатъ не только упряжными животными. Онѣ помогаютъ промышленникамъ и при охотѣ, особенно на медвѣдей. Иногда бываетъ очень важно, чтобы стоя собака остановила и задержала медвѣдя, который уходитъ къ морю (гдѣ достать его уже не представляется возможнымъ), пока не подоспѣетъ охотникъ съ винтовкой. Самоѣды—хорошіе стрѣлки; охотятся они обыкновенно партиями въ нѣсколько человѣкъ на артельныхъ началахъ, при чемъ распределение добычи между членами партіи очень сложно, и въ этомъ отношеніи охотники руководятся твердо установившимся обычаемъ. На добытаго звѣря имѣетъ право не только тотъ охотникъ, пуля котораго его убила, но въ различной степени всѣ члены партіи. Собакъ—для пополненія ихъ убил, когда нужно—привозятъ самоѣдамъ изъ Архангельска, и собаки эти очень разнообразны по виду и цвѣту.

Матеріальное положеніе колонистовъ на Новой Землѣ уже и на первый взглядъ кажется находящимся въ хорошемъ состояніи. Въ избахъ и чумахъ можно видѣть самовары, чайную посуду и цѣнныя винтовки. Многіе колонисты, кромѣ обычныхъ оленьихъ „малицъ“, имѣютъ парадное „нѣмецкое“ платье. Промышленники вооружены прекраснымъ по вѣрности и силѣ боя звѣровымъ оружіемъ—берданками драгунскаго образца; но многіе колонисты покупаютъ, кромѣ того, довольно цѣнныя норвежскія „ремингтоны“—тяжелые и грубые съ виду, но хорошо вывѣренные карабины. Это тѣмъ

болѣе замѣчательно, что и до сихъ поръ еще самоѣды Канинской, Тиманской и Большеземельской тундры, а также и многіе русскіе промышленники съвера охотятся съ такъ называемыми „моржовками“—кременевыми винтовками производства мѣстныхъ кузнецовъ, неуклюжими и бьющими сколько-нибудь точно только на короткія разстоянія.

Сравнительный достатокъ не мѣшаетъ, впрочемъ, самоѣдамъ жить очень грязно. По мѣсяцамъ не выгнзаютъ они изъ своихъ

условіяхъ, нежели большинство кочующихъ самоѣдовъ материка. Несмотря на это, религіозныя понятія новоземельскихъ самоѣдовъ, конечно, еще очень сбивчивы и представляютъ собою остатки языческихъ вѣрованій, смѣшанныхъ съ христіанскими. Изъ святыхъ Николаю чудотворецъ пользуется особымъ почитаніемъ, какъ и почти всюду на сѣверѣ. Но рядомъ съ иконами поклоняются и идоламъ.

Самое сѣверное самоѣдское становище на Новой Землѣ лежитъ подъ 73° 16'

Рис. 9. Собачья упряжка на Новой Землѣ.

оленьихъ малицъ, которыя носятъ и лѣтомъ. Очень грязно готовится также пища. Живущіе въ Кармакулахъ самоѣды очень охотно посѣщаютъ церковь, никогда не пропуская богослуженій. Дѣти учатся въ школѣ, которой посвящаютъ часть своего времени живущіе на островѣ іеромонахи. Такимъ образомъ въ религіозномъ отношеніи и въ отношеніи просвѣщенія колонисты Новой Земли живутъ съ несравненно болѣе благоприятныхъ

сѣв. широты. Эта широта не является, конечно, предѣломъ возможнаго обитанія на островѣ. Уже теперь иногда охотничьи самоѣдскія партіи въ поискахъ за медвѣдями поднимаются на 100 верстъ сѣвернѣе Маточкина Шара. Нужно думать, что въ поискахъ за лучшими мѣстами охоты передвинутся со временемъ къ сѣверу и одинъ-два чума, а послѣ этого, быть-можетъ, будетъ основано и постоянное становище. Самоѣдскія посе-

ления явятся, вѣроятно, со временемъ и по Карскому побережью острова, гдѣ и теперь уже ежегодно кочуютъ нѣсколько чумовъ и куда влечетъ охотниковъ богатство Карскаго моря салынымъ звѣремъ, медвѣдями и рыбой. На материкѣ много

Печорскій край.

(Изъ соч. Мартынова).

I.

Печорскій край занимаетъ восточную часть Архангельской губерніи, и его огромная площадь равна приблизительно пространству въ 26 миллионѣв десятинъ или около 250.000 кв. верстъ, представляя собою равнину, прорѣзанную коегдѣ небольшими горными хребтами и возвышенностями. Главной рѣкой края и почти единственнымъ способомъ сообщенія является Печора, рѣка Пермской, Вологодской и Архангельской губ., длину течения которой предполагаютъ до 2.000 верстъ. Протягиваясь съ сѣвера на югъ, этотъ край, естественно, не можетъ носить вездѣ одинаковый характеръ, и природа береговой линіи очень отличается отъ болѣе континентальныхъ его частей. Сѣверный Ледовитый океанъ, омывающій его, далеко удаленъ отъ теплаго течения Гольфштрема, и расположенная вблизи холоднаго, негостеприимнаго моря часть Печоры обладаетъ очень суровымъ климатомъ. Лѣто длится не болѣе 2—2½ мѣсяцевъ въ году (съ половины іюля до половины сентября), и въ это время здѣсь парятъ туманы, дожди, холода и свирѣпыя сѣверные вѣтры. Ясныхъ и тихихъ дней немного, и будничныи видъ печорской природы унылъ, печаленъ и непривѣтливъ. Берега моря, покрытые до начала лѣта стоящими льдами, также холодны, суровы и негостеприимны, представляя собой только голыя, сѣрыя скалы, ненадолго покрывающіяся мхами и ползучей березой.

самоѣды, потерявшіе оленей, влчатъ очень жалкое въ матеріальномъ отношеніи существованіе, перебиваясь охотой и рыбною ловлей, которая не обезпечиваетъ ихъ жизни, вслѣдствіе зависимости ихъ отъ русскихъ и зырянскихъ торговцевъ.

Дальше тянутся безконечныя плоскія пространства, такъ называемыя тундры, покрытыя болотами, лишаями, мхами и мелкимъ явнякомъ. Южнѣе начинается уже ель съ тощей березой, еще южнѣе появляется сосна, а тамъ уже дремучіе лѣса, или, какъ ихъ называютъ, „тайболы“, которыхъ насчитывается до 10½ миллионѣв десятинъ.

Естественныя богатства Печорскаго края, какъ и вообще сѣвера Россіи, остаются еще до сей поры весьма мало изслѣдованными. Столь же невывѣченной остается и самая возможность ихъ эксплуатаціи.

Населеніе Печорскаго края состоитъ изъ русскихъ, зырянъ и самоѣдовъ. Господствующее по своему значенію вліянію есть племя русское, хотя по своей численности оно и уступаетъ племени зырянскому. Нынѣшній административный центръ Печорскаго края—село Усть-Цыльма—принадлежитъ къ древнѣйшимъ новгородскимъ поселеніямъ (XVI в.). Русское населеніе на Печорѣ, по сравненію его съ крестьянами центральной полосы Россіи, замѣтно отличается болѣею самостоятельностью, смѣлливостью и предприимчивостью. Объясняется это, съ одной стороны, отсутствіемъ здѣсь крѣпостного права, а также и самими особенностями экономическихъ условий въ странѣ, гдѣ климатъ и почва не позволяютъ заниматься исключительно земледѣльческимъ трудомъ, а заставляютъ обратиться къ лѣснымъ, рѣчнымъ и морскимъ промысламъ, сопряженнымъ съ большими опасностями.

Зыряне (рис. 10) живутъ въ верховьяхъ Печоры, а особая ихъ вѣтвь, отличающаяся собственнымъ нарѣчіемъ и извѣстная подъ именемъ ижемцевъ, занимаетъ собою область притока Печоры—рѣки Ижмы. Центромъ края, населеннаго ижемцами, является большое и богатое село Ижма. Въ немъ и лежащихъ около него 6 селахъ сосредоточены, можно сказать, почти все капиталы Печорскаго

рошей постройки. Большинство же деревень, напр., въ низовьяхъ и устьяхъ Печоры, состоитъ хотя изъ довольно большихъ,—если, конечно, ихъ сравнивать съ жалкимъ жилищемъ русскаго мушкетера въ центральной губерніи,—но почернѣвшихъ, покосившихся, полусгнившихъ отъ времени домовъ.

Здѣсь ни лѣса, ни сама Печора не оживляютъ ландшафта; видны лишь без-

Рис. 10. Зырянинъ.

Деревни, въ которыхъ живутъ русское населеніе Печорскаго края, расположены исключительно по берегу самой Печоры и ея притокамъ и нарѣдка около озеръ и представляютъ собой группы строеній, разбросанныхъ на разстояніи нѣсколькихъ саженъ другъ отъ друга, безъ всякаго плана и порядка. Исключение въ этомъ отношеніи представляютъ собою лишь нѣкоторыя большія села, какъ Усть-Цыльма, Ижма, Мохча и др., вмѣщая, въ общемъ, видъ зажиточной русской деревни съ правильными рядами двухэтажныхъ деревянныхъ домовъ хо-

конечныя, унылыя болота и мхи, унылая рѣка, на которой посреди необозримыхъ пространствъ встрѣчаются маленькія незамѣтныя деревушки.

Мелкія села, деревни и поселки на югѣ Печорскаго края по берегамъ Ижмы, Цыльмы и Ухты сами по себѣ столь же жалкіе, расположены, напротивъ, среди чрезвычайно живописной, дикой и безлюдной мѣстности. Громадныя горы

аспидного сланца, доманика и точилаго камня, покрытыя прекрасным сосновым и листовым лѣсомъ, красивые горныя вершины и пейзажи, которые можно сравнить съ лучшими швейцарскими видами, здѣсь на каждой шагу. Горы изобилуютъ ископаемыми богатствами, на Ухтѣ нефть бьетъ прямо изъ земли, на Цыльѣ множество шахтъ и рововъ свидѣлствуютъ о добываніи здѣсь когда-то серебра и мѣди, у крестьянъ въ домахъ можно найти образцы желѣзной и мѣдной руды, аметиста и каменнаго угля, а также и другихъ материаловъ. Но дорогъ нѣтъ; надо совершить цѣлый подвигъ, чтобы сюда доѣхать. Все лежитъ нетронутымъ, и населеніе живетъ бѣдно, а деревни имѣютъ немногимъ лучшей видъ, чѣмъ у устьевъ Печоры.

Крестьянскій домъ на Печорѣ устроенъ такъ, что изба и скотный дворъ представляютъ собою одно и то же строеніе. Дома вообще держатся очень чисто. Комнаты метутся каждое утро и подъ вечеръ, а если наберется въ избѣ соръ, то и чаще; моютъ же избу обыкновенно два раза въ недѣлю. По сравненію съ условіями жилищъ крестьянъ центральной губерніи, жилища вечерскаго населенія стоятъ въ лучшихъ условіяхъ: онѣ болѣе просторны, свѣтлы, содержатся опрятнѣе и снабжены обстановкой, о которой не знаетъ русскій крестьянинъ. По мѣрѣ приближенія къ сѣверу, въ низовьяхъ Печоры, постройки въ деревняхъ, какъ уже сказано было выше, становятся все бѣднѣе. То же надо сказать и о районѣ, населенномъ зырянami и по рѣкѣ Ижмѣ и Ухтѣ. Чѣмъ дальше удаленъ отъ села Ижмы, какъ отъ центра, тѣмъ бѣднѣе выйдутъ деревни. Хотя въ этой удаленной отъ Ижмы округѣ природа мягче, растительность богаче, и недалеко находятся обширные нефтеносные источники, представляющие собою неизмѣримое богатство, но все выдѣлится бѣдно, живетъ плохо и пред-

ставляетъ единственное, изъ видѣнныхъ нами глухихъ мѣстностей, мѣсто, гдѣ въ наши дни населеніе обычно употребляетъ въ пищу такія суррогаты, какъ листья и зерна растений или наросты съ дерьевъ, а мыло замѣняетъ листовичной губкой. Положеніе единственныхъ представителей здѣсь русской культуры — священниковъ и псаломщиковъ — почти столь же жалкое. У священника, напр., въ Ухтѣ домъ настолько холодный, что, придя отъ обѣдни, вмѣсто того, чтобы пить предлагаемый ему чай, онъ забирется поскорѣй на печку, сидитъ и грѣется: „Гибель настоящая! Какой тутъ чай, и безъ чаю замеренъ“. У псаломщика въ Ухтѣ есть, по крайней мѣрѣ, на всю семью одна малица (шуба), и если онъ уѣхалъ, то жена должна сидѣть дома безвыходно — иначе замерзаетъ; но у несчастнаго, притомъ больного, псаломщика въ Поромцѣ даже и того нѣтъ, и ѣхать ему на потребу со священникомъ возможно только тогда, если послѣдній подѣлится съ нимъ теплою одеждой.

II.

Населеніе Печорскаго края, благодаря почвеннымъ и климатическимъ условіямъ, питается преимущественно животною пищей. Рыба составляетъ одну изъ главнѣйшихъ составныхъ частей пищи жителей и употребляется въ разныхъ видахъ, преимущественно же въ соленомъ. Характерной особенностью является то, что въ наибольшемъ распространеніи находится соленая рыба, подвергшаяся уже порчѣ и издающая отвратительный запахъ. Другую существенную часть въ пищѣ печорскаго населенія представляетъ собою мясо, которое употребляется не одними лишь людьми богатыми, а составляетъ обычную пищу всякаго крестьянина, за очень рѣдкими исключеніями, каковы верховья Ижмы, населенныя зырянami. Въ остальныхъ же мѣстностяхъ мясо скота, баранина, а гдѣ скота

мало, то мясо олене употребляется какъ въ свѣжемъ, такъ и въ соленомъ видѣ, при чемъ мясо оленя также любятъ тогда, когда оно начинаетъ уже издавать запахъ. Молоко собираютъ здѣсь совершенно особымъ образомъ: оно сливается въ одну большую кадку, которая никогда не моется. Во время постовъ, напримѣръ, когда молока не ѣдятъ, оно сливается прямо сырмъ въ эту посуду, которая наполняется до краевъ, и такое прокислое молоко, вонючее и покрытое уже зеленью, ѣдятъ подъ названіемъ „прѣснаго“ молока. Растительная пища, за исключеніемъ хлѣба, можно сказать, не существуетъ совсѣмъ.

Что касается до пищи зырянскаго населенія, живущаго по теченію р. Ижмы, то она, какъ упоминалось выше, по мѣрѣ удаленія населенія отъ центра зырянскаго края, становится все хуже. Мясо оленя, составляющее одну изъ главныхъ частей въ пищѣ населенія, среди котораго развито оленеводство, уже не употребляется, рыба попадаетъ рѣдко. Главной пищей остается молоко и особенно ржаной и ячменный хлѣбъ, частью свой, а частью приобретаемый у чердынскихъ или ижемскихъ купцовъ въ обмѣнъ на продукты охотничьяго промысла.

Такъ какъ вѣтряныхъ мельницъ не существуетъ, а водяныхъ по теченію Ижмы очень мало, то перемолъ зерна на муку, что составляетъ занятіе женщинъ, производится ручными жерновами, какъ оно производилось еще во времена сѣдой древности на ручныхъ мельницахъ, представляющихъ подобіе тѣхъ, что мы встрѣчаемъ на изображеніяхъ евреевъ, работающихъ во время плбненія въ Египтѣ. Въ небольшомъ ящикѣ, поставленномъ на ножкахъ, находится два жернова; на верхній надбѣвается обручъ, къ краю котораго укрѣплены шесть, верхнимъ концомъ вдѣтый въ свободно двигающуюся палку; двигая ее одной рукой, женщина вращаетъ верхній камень, подбрасывая

временами другой рукой по горсти зерна. Пудъ зерна на такой мельницѣ перемалывается въ муку не менѣе, какъ въ 6—6½ часовъ. Къ Рождеству запасы хлѣба начинаютъ истощаться, а съ Великаго поста уже примѣшываютъ къ хлѣбу различные суррогаты: мякину, рябиновый листъ и такъ называемый борщъ. Эти примѣси къ мукѣ употребляются все не во время голодныхъ годовъ только, а составляютъ обычную пищу населенія каждый годъ, начиная съ весны до сбора новыхъ хлѣбцовъ. Въ другое время года питаніе населенія нѣсколько лучше. Водки въ деревняхъ по верховью Ижмы пьютъ вообще немного, и той тайной продажи вина, которая въ другихъ мѣстахъ Печорскаго края развита такъ же сильно, какъ и всюду въ Россіи, здѣсь, повидному, нѣтъ. Даже на свадьбахъ, какъ обычное угощеніе, гостямъ подносится не водка, а просто прѣсное молоко. Въ другихъ мѣстностяхъ Печоры пьянство существуетъ такъ же, какъ и всюду въ Россіи.

III.

Хотя на Печорѣ матери и кормятъ дѣтей грудью, но это дѣлается далеко не всегда, съ одной стороны, вслѣдствіе того, что о необходимости этого для здоровья ребенка и здѣсь, какъ и вообще по всей имперіи, понятія не имѣютъ, а съ другой — и потому, что нигдѣ женщина не бываетъ такъ сильно обременена и домашнимъ хозяйствомъ и полевыми работами, какъ это бываетъ всюду на Печорѣ, гдѣ все мужское населеніе покидаетъ скотъ и хозяйство на попеченіе женщинъ и ухаживаетъ далеко на рыбные, морские и звѣринные промыслы. Благодаря отсутствію надлежащаго ухода и кормленія, очень значительный процентъ дѣтей здѣсь умираетъ въ самомъ раннемъ возрастѣ, и нерѣдко у матери, имѣвшей, напримѣръ, 18 дѣтей, умерло 15, изъ 13—12 или изъ 17 осталось въ живыхъ только 6, а умерло 11.

Сейчас же послѣ рожденія ребенка вмѣстѣ съ родильницей отправляютъ въ баню, гдѣ моютъ теплой водой и сильно парятъ вѣнникомъ, послѣ чего „бабушка“ поить его квасомъ изъ своего рта. Въ ротъ даютъ соску, сдѣланную изъ тряпки, куда заворачиваютъ чаще всего пряники, размоченные въ водѣ. У самоѣдовъ даютъ кусокъ мягкаго оленьяго мяса съ кровью, который привязываютъ на нитку, чтобы ребенокъ не проглотилъ куска или не подавился бы имъ. Мѣсяцевъ съ 4 большинство матерей начинаетъ уже давать ребенку всю ту пищу, что ѣдятъ и всѣ домашніе. Когда мать уходитъ страдать, какъ здѣсь выражаются, т.-е. на полевая работы, то маленькія дѣти остаются въ деревнѣ на попеченіи старухъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, особенно въ ижемскихъ деревняхъ, устраивается иногда нѣчто въ родѣ элементарныхъ яслей, когда 2—3 семейства отдають дѣтей подъ присмотръ какой-нибудь старухѣ; за присмотръ платятъ тѣмъ, что или порабатываютъ за нее, или даютъ хлѣбомъ, или дарятъ матерію на рукава и на фартукъ.

Лѣтъ съ 10—12 дѣтей берутъ съ собою уже на полевая работы. Мальчиковъ цѣнятъ вообще гораздо больше; рожденіе дѣвочки не составляетъ праздника для семьи, и она не является здѣсь желанной гостьей. Уже съ самыхъ раннихъ лѣтъ она должна начинать отрабатывать тотъ кусокъ, который ей достается послѣ братьевъ, а когда она подрастетъ, ее цѣнятъ исключительно, какъ рабочую силу, заставляя, по мѣрѣ возможности, работать: нянчить дѣтей, мыть бѣлье и полы, чинить платья, плести сѣти или щипать изъ лыка ту тетиву, что употребляется при изготовленіи сѣтей. Когда она станетъ дѣвушкой, взглядъ на нее остается тотъ же: что она съѣсть—это не вернется со временемъ обратно, такъ какъ во время полного развитія ея рабочей силы ее придется отдавать въ чужую семью. По

выходѣ замужъ положеніе ея становится еще тяжелѣе. Мужъ, такъ же, какъ и вся новая семья, смотритъ на нее только какъ на рабочую силу въ хозяйствѣ, а пока она сдѣлается самостоятельной хозяйкой и распорядительницей дома, она является младшимъ членомъ семьи, на нее вваливаются всѣ тяжелыя и неприятныя работы при постоянномъ, къ тому же, гнетѣ и преслѣдованіяхъ со стороны свекрови. Прежде всего на нее ложатся всѣ домашнія работы по уходу за избой и скотнымъ дворомъ, составляющимъ съ избой одно цѣлое. Если на Печорѣ живутъ, сравнительно, очень опрятно, и избы моются два раза въ недѣлю, то это покупается цѣною непрерывной работы женщины, отражающейся на ея здоровьѣ. Скотный дворъ убирать приходится каждый день, что представлять работу тяжелую и очень грязную. Затѣмъ на печорской женщинѣ лежатъ и всѣ полевая работы; мужчина является здѣсь развѣ только въ роли помощника, пособляющаго лишь тогда, когда ему лично нечего дѣлать. На Печорѣ, не говоря уже про такія работы или очищеніе луговъ отъ зарослей кустарникомъ, что производится особымъ первобытнаго устройства орудіемъ, называемымъ „дерунъ“, даже такая, сама по себѣ нелегкая работа, какъ кошеніе травы, становится работой очень тяжелой, вслѣдствіе того, что траву здѣсь косятъ не обыкновенной косой, а такъ называемой горбушей, представляющей собою родъ грубаго, тяжелаго серпа на короткой ручкѣ, которымъ надо работатъ, все время наклонившись и не срѣзая, а скорѣе, срубая или сбивая траву. Кромѣ исполненія домашнихъ и полевыхъ работъ, женщина не освобождается и отъ обязанности помогать мужу въ его работахъ, если есть на то время: онѣ неводятъ рыбу, зимой возятъ дрова, изготовляютъ сѣти, возятъ пробѣгающихъ и грузы на лодкахъ, при чемъ тамъ, гдѣ приходится тащить лодку бечевой по берегу, обычно въ

лямку запрагаются женщины, въ то время, какъ мужчина исполняетъ на лодкѣ болѣе легкую работу. Словомъ, какъ выражаются женщины на Печорѣ, „бабамъ работы довольно“, и положеніе женщины въ Печорскомъ краѣ, гдѣ она является не безотвѣтной рабой мужа, а полноправнымъ членомъ семьи, покупается очень дорогой цѣной и отзывается на ея здоровьѣ. Это становится болѣе яснымъ, если сопоставить ея трудъ съ другими сторонами жизни: условиями климата, питанія продуктами разложенія, медицинской безпомощности при родахъ и болѣзняхъ, потерю дѣтей и проч.

Мужское населеніе Печоры занимается промыслами съ малолѣтства; напр., ребенокъ уже съ 10—12 лѣтъ начинаетъ ѣздить на рыбную ловлю, и на него идетъ такой же пай, какъ и на взрослого. Помимо рыбнаго, а на крайнемъ сѣверѣ и звѣринаго морскаго промысла, источникомъ матеріальнаго существованія служатъ охота на дичь и звѣрей въ лѣсахъ, оленеводство, которое развито, главнымъ образомъ, среди ижемцевъ и пустозерцевъ, также и торговля, которой занимаются преимущественно болѣе состоятельные изъ зырянъ. Свободное отъ промысловъ время крестьяне занимаютъ также и всѣми ремеслами, необходимыми для деревни: они столярничаютъ, изготовляя всю ту грубую мебель, безъ которой не обходится здѣсь ни одинъ домъ. Они же являются плотниками при постройкѣ домовъ, они — печники и маляры,—словомъ, заняты разнообразными ремеслами. Но работаютъ на Печорѣ лишь для удовлетворенія мѣстныхъ потребностей деревни и покидаютъ родныя мѣста вообще неохотно.

Такия экономическія условія уже развиваютъ въ населеніи духъ предпримчивости, смѣлвости, смѣлости и независимости, а свою долю вліянія, какъ сказано выше, имѣло, конечно, и отсутствіе крѣпостнаго права. Суровый климатъ въ связи съ такими условіями выращиваетъ

и суровое поколѣніе, выносившее въ бѣдахъ, напастяхъ и невзгодахъ, закаляетъ характеръ здѣшняго жителя и заставляетъ усиленно бороться за свое существованіе.

IV.

Въ отношеніи умственнаго развитія печорцы могутъ считаться стоящими гораздо выше жителей другихъ губерній Россіи. Вънѣшнимъ міромъ, тѣмъ, что происходитъ на свѣтѣ, населеніе интересуется настолько, что почти всюду, когда приходитъ почта, крестьяне отправляютъ цѣлой гурьбой въ волостное правленіе: „Ну, писарь, говори, какія новости?“ И писарь беретъ „Губернскія Вѣдомости“, „Сельскій Вѣстникъ“ и начинаетъ сообщать, что новаго пишутъ въ газетахъ. Новости эти передаются уже другъ другу и распространяются по селу.

Число грамотныхъ, если опять сравнить Печорскій край съ глухими мѣстностями Россіи, надо признать довольно значительнымъ. По официальнымъ даннымъ, въ Печорскимъ уѣздѣ за 1902 г. было всего 37 учебныхъ заведеній съ 1.438 учащими (1.132 мальч. и 306 дѣв.). Отношеніе къ школѣ со стороны населенія зависитъ, главнымъ образомъ, отъ личныхъ качествъ учителя, и гдѣ эти отношенія хороши, населеніе охотно оказываетъ школѣ возможную поддержку. Помимо школъ, населеніе обучается грамотѣ или самоучкой или у стариковъ-начетчиковъ и старыхъ дѣвицъ; изъ нихъ нѣкоторые учатъ „по милосердію“, т.-е. безплатно, но болѣею частью за плату, по 40 к. въ недѣлю. Книга распространена на Печорѣ мало; но это относится только къ гражданской печати. Церковныя же книги, и особенно старинныя, можно найти почти во всякомъ домѣ, а у зажиточныхъ людей ихъ бываетъ обыкновенно очень много. Молодое поколѣніе, кончившее курсъ въ школѣ, охотно беретъ книги для чтенія изъ школьныхъ библиотекъ, при чемъ члѣ-

тает книгу, какая попадется — и светскую и духовную. Женщины в отношении своем как к грамотности, так и к книгам, гораздо консервативнее мужчин, и даже среди такого склонного к обучению населения, как ижемцы, трудно, по словам учителей, убить мать отдать вѣточку в училище.

Несмотря на благоприятную, в общем, восприимчивую почву, которую встречает, повидимому, дѣло просвѣщенія народа в Печорском краѣ; несмотря и на относительно хорошо поставленные в нѣкоторых селах школы, не слѣдует закрывать глаза на отрицательныя черты духовной жизни населенія. В сущности, народное образование находится и здѣсь в очень жалкомъ положеніи, и благодаря тѣмъ громаднымъ разстояніямъ, на которыя школы отоготят другъ от друга, онѣ имѣютъ небольшое значеніе в смыслѣ духовнаго развитія народа. Наконец и сама школа, давая в видѣ только одного знанія грамоты и начал арифметики лишь орудіе развитія, которое ни къ чему не прилагается, не мо-

жетъ измѣнить сама по себѣ всего строя понятій народа, слагавшихся путемъ долгой исторической преемственности, ибо тѣ новыя идеи, которыя были внесены в народную жизнь реформами императора Александра II, Печоры не коснулись, и земскихъ учреждений здѣсь не существуетъ. Если в духовной жизни народа есть много привлекающихъ и положительныхъ чертъ, то есть и стороны обратныя, есть много давно отжившихъ, самыхъ нелѣпыхъ суевѣрій, низводящихъ его до уровня первобытнаго человѣка, который еще смотритъ на явленія и предметы природы, на весь окружающій міръ съ точки зрѣнія дикаря и язычника. Нигдѣ, кажется, не распространены столь широко такіе остатки сѣдой древности, какъ вѣрованіе въ реальное существованіе массы злыхъ духовъ, нечистой силы, порчи, сглаза, огорова или колдовства,—какъ на Печорѣ. И нигдѣ, пожалуй, нѣтъ такого разнообразія суевѣрныхъ и фантастически-нелѣпныхъ средствъ лѣченія болѣзней, какъ здѣсь.

Тундра.

(Из соч. Гартова.)

Во всемъ мірѣ нѣтъ ничего печальнѣе и безплоднѣе обнаженной тундры (рис. 11), состоитъ ли она изъ необозримыхъ болотъ, или изъ сухой, покрытой лишаями, почвы. Желтоватые мхи и сѣрые лишай образуютъ некрасивый коверъ, на которомъ изрѣдка, какъ дикий виноградъ, и то на плоскихъ склонахъ, обращенныхъ къ югу, поднимаются тощія травки или цвѣтки. Лишь въ особенно хорошо защищенныхъ мѣстностяхъ поднимается аршина на два отъ земли ива (рис. 12) или другое какое-либо дерево или кустарничекъ, который борется со всеунничтожающимъ дыханіемъ полярныхъ вѣтровъ...

Нѣтъ возможности составить себѣ понятіе о той ужасной, мертвой тишинѣ,

какая царитъ зимою в тундрѣ. Только изрѣдка раздаются по ночамъ лай одинокаго пса или крики бѣлой совы. Но лишь только весна откроетъ бурю землю и растаютъ необозримыя болота, какъ появляются безчисленныя стаи перелетныхъ птицъ, и на короткое время оживится сѣверная пустыня. Лѣтомъ здѣсь по неизмѣримымъ болотамъ и озерамъ, по плоскому морскому берегу, на берегахъ рѣкъ, въ обильномъ рыбѣю морѣ птицы находятъ себѣ пищу, и въ то же время въ совершенной безопасности могутъ гнѣздиться и перелетать. Иныя птицы держатся вблизи границы лѣсовъ, другія—летятъ далѣе къ сѣверу и кладутъ яйца на голую тундру. За водяными

Рис. 11. Низменная тундра.

и береговыми птицами тянутся ястреба, стада куропатокъ бѣгаютъ вокругъ низкихъ кустарничковъ, а когда сияетъ солнце, то даже раздается веселое пѣніе пташекъ. Когда, такимъ образомъ, лѣтняя теплота влечетъ къ сѣверу стаи перелетныхъ птицъ, въ то же время въ рѣкахъ лососи и осетры, двигаясь въ безчисленномъ количествѣ противъ течения, плывутъ отъ моря въ глубь материка метать икру. Въ то же время и дикій

сѣверный олень оставляетъ лѣсъ, чтобы пасться на покрытой лишаями равнинѣ и искать на прохладныхъ морскихъ берегахъ защиты отъ назойливыхъ оводовъ.

Такъ на нѣсколько мѣсяцевъ пустынная тундра измѣняется въ страну кипучей жизни и влечетъ къ себѣ кочевника. И идутъ сюда и рыболовы, и звѣроловы, и пастухи, охраняющій свои стада одомашненныхъ сѣверныхъ оленей.

Но лишь первые сентябрьскіе морозы укажутъ на приближающуюся зиму, все спѣшитъ оставить страну, гдѣ скоро иссякнутъ источники жизни. Гуси, утки и лебеди густыми стаями летятъ къ югу. Голенастыя птицы отыскиваютъ болѣе мягкую почву, въ которой онѣ могли бы своимъ клювомъ преслѣдовать добычу. Лососи и осетры возвращаются въ открытое море. Сѣверный олень снова идетъ въ лѣсъ. Ничто не удерживаетъ уже человѣка въ безлѣсной равнинѣ. Вскорѣ и твердая земля, и замерзшее озеро, и скованная льдомъ рѣчка,—однимъ словомъ, все на 7, 8 и даже на 9 мѣсяцевъ скрывается подъ толстымъ однообразнымъ снѣговымъ покровомъ, который срывается съ голой земли только лишь мѣстами, гдѣ промчитъ страшный сѣверо-восточный вѣтеръ. Этотъ снѣгъ, который, выпавши разъ, не растаетъ, пока долгій лѣтній день не сломитъ силы зимы, защищаетъ наилучшимъ образомъ растительность сѣвера отъ губительнаго вліянія долгихъ холодовъ. Сначала падаетъ снѣгъ не слишкомъ плотный, клочьями; за нимъ слѣдуетъ плотный покровъ зимней снѣжной пыли, и наконецъ, на немъ ложится слой мокраго весенняго снѣга.

Когда склоны, обращенные къ солнцу, начинаютъ таять, тогда быстротающіе

Рис. 12. Полярная ива (въ настоящую величину).

верхние слои снега стекают с более плотных слоев, лежащих под ними, как дождевая вода с крыши, а растениям нечего бояться, что их сорвут катящаяся вода, и еще долго пользуются они защитой теплого покрова от губительного ночного мороза.

Съверное сияніе.

(Изъ соч. Курюшаткина).

Посмотрите на съверь: на небѣ является темноватое пятно, будто облако; темнота сливается въ одно мѣсто, дѣлается гуще и гуще—и, наконецъ, глазу представляется почти черный отръзокъ большого круга; но всматривайтесь: это не матовая чернота, отръзокъ этотъ прозраченъ, и сквозь него проглядываютъ будто звѣзды; потомъ черный край отръзка свѣтлѣетъ, и вы видите кайму отъ четверти до полутора иногда аршина шириною (рис. 13, 14, 15 и 16). Въ этой дугѣ или по блѣлому играетъ голубоватый отливъ, или по желтоватому играетъ отливъ зеленый. Затѣмъ вы съ удивленіемъ видите, что въ свѣтлой дугѣ начинается какое-то колебаніе,—дуга то шатается вправо и влѣво, то качается вверхъ и внизъ. Такое однообразное качаніе продолжается нѣсколько часовъ; но вдругъ волненіе усиливается и ускоряется, свѣтлая дуга проваливается во многихъ мѣстахъ въ черный отръзокъ, въ этихъ провалахъ свѣтитъ еще ярче и ширится въ нихъ; затѣмъ вдругъ изъ этихъ мѣстъ, будто изъ ракетъ, вылетаютъ вверхъ огненные столбы въ четверть шириною и самыхъ разныхъ

этой дивною заботливостью природы, которая и въ тѣхъ странахъ, гдѣ какъ будто тяготѣетъ ея проклятіе, все же оказывается любящей матерью, обуславливается то, что даже на самомъ крайнемъ съверѣ земля дѣломъ все еще украшается цвѣтами.

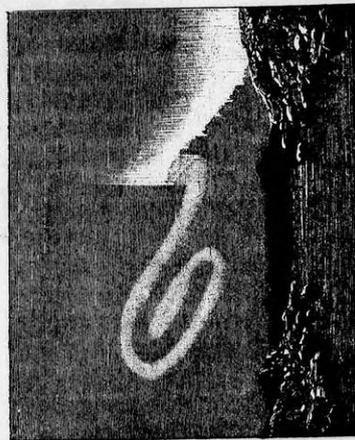
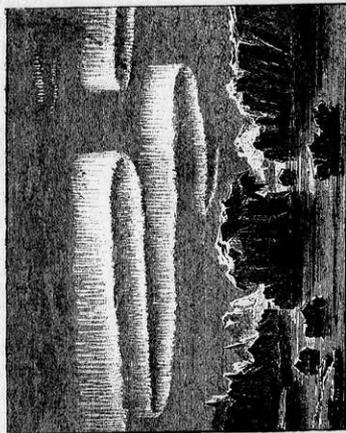
цвѣтовъ: тутъ увидите вы и желтый, и зеленый, и красный, и голубой, и пурпуровый. Да и самое вылетаніе ихъ до зенита, до середины неба, удивительно: они то извиваются змѣйкой, то сгибаются въ стороны, какъ гибкій камышъ отъ вѣтра, то укорачиваются, то удлиняются, а конецъ въ зенитѣ выпускаетъ между тѣмъ кисть изъ разноцвѣтныхъ лучей. Иногда столбовъ бываетъ очень много, и простираются они далеко за зенитъ. Это дивное явленіе не описать поэту, не изобразить красками живописцу!.. Представьте себѣ, что все это полнеба почти разноцвѣтныхъ огней колеблется, волнуется!.. Вы оглядываетесь вокругъ себя—и что же? всѣ предметы на землѣ тоже будто колеблются,—и эта блѣлая скатерть земли, усыпанная плотнымъ снѣжнымъ пескомъ, представляется уже не серебряною ризою, а брильянтовой, потому что въ каждой снѣжинкѣ играютъ разноцвѣтные лучи. Къ тому же безмолвная ночь среди пустынной тундры: чудится, будто все должно умолкнуть и уничтожиться предъ этимъ удивительно чуднымъ явленіемъ.

Самоѣды.

(Изъ очер. Полторановой, Львова, Максимова и друг.).

На дальнемъ съверѣ Россіи, по снѣжнымъ тундрамъ, тянущимся на тысячи верстѣ вдоль береговъ Ледовитаго океана, кочуютъ съ своими оленьими стадами немногочисленные инородцы. Носятъ они

нѣсколько странное названіе „самоѣды“. Легко подумать, что такъ прозвали ихъ за то, что они пожираютъ собственныхъ своихъ соплеменниковъ, но на самомъ дѣлѣ такое предположеніе совершенно

Виды съвернаго сиянія.
Рисунки 13, 14, 15 и 16.

невѣрно. Самоѣды даже въ самыя отдаленныя времена не были людѣями. По всей вѣроятности, русскіе, замѣтивъ, что народъ этотъ съ жадностью употребляетъ сырое оленье мясо, могли прийти къ ошибочному заключенію, какъ о народѣ-людѣѣ. Самоѣды со своими стадами переходятъ черезъ Уральскія горы въ

Сибирь, на громадный полуостровъ Ялмать. Ихъ кочевья встрѣчаются и на островахъ Ледовитаго океана, вдоль всей рѣки Енисей, а также между Иртышомъ и Обью, гдѣ они охотятся за пушнымъ звѣремъ по неизмѣримымъ лѣсамъ Сибири. Впрочемъ, самоѣды, издавна живущіе въ Сибири, какъ по своему внѣшнему виду, такъ и по образу жизни и развитію значительно отличаются отъ европейскихъ самоѣдовъ (рис. 17).

Область, занимаемая самоѣдами въ Архангельской губерніи, дѣлится на три земли или тундры: *Большая земля*, или *Большеземельская тундра* — по правую сторону Печоры и до Уральскихъ горъ; *Малая*, или *Тыманская земля* (тундра) — по лѣвую сторону Печоры, и *Камискаля земля* (тундра), занимающая полуостровъ *Канинъ*. По мѣсту же приписки для уплаты яса (податей) всѣ самоѣды раздѣляются на *пустозер-*

Рис. 17. Самоѣды.

скихъ, усть-цымленскихъ, носемскихъ и месенскихъ.

Въ тундрѣ зимой, продолжающейся 9 мѣсяцевъ, необычайно тихо, и тишина эта, не нарушаемая ни малѣйшимъ шорохомъ, дѣйствуетъ удручающе на непривычнаго человѣка. На тысячи верстъ тянутся снѣжныя равнины, которымъ, ка-

жется, нѣтъ и конца; лишь кое-гдѣ видѣется рѣдкѣйшій ельничикъ или ивовый кустарничекъ (рис. 18). Дни и недѣли можно ѣхать здѣсь, не встрѣтивъ никакого жилья. Солнце въ это время стоитъ на небѣ часа четыре, и за короткимъ днемъ наступаетъ томительная двадцатичасовая ночь, иногда оваряемая сѣвернымъ снѣгомъ (сполохомъ).

Особенно поразительно оно на Ледовитомъ океанѣ. Плавающая льдины сверкаютъ среди совершенно темныхъ водъ и кажутся издали огненными островами. Свѣтъ отъ сѣвернаго сиянія такъ силенъ, что почти за версту все ясно видно вокругъ. Съ благоговѣніемъ смотритъ самоѣдъ на сѣверное сіяніе. Онъ думаетъ, что богъ Нумъ, властитель вселенной, приблизился къ землѣ, освѣщая ее своей блестящей мантией.

Мѣсяць или два въ тундрѣ стоятъ сорокаградусные морозы, но самоѣды

Рис. 18. Полярный лѣсъ.

прекрасно переносятъ ихъ. Зато они никакъ не могутъ привыкнуть къ теплу; они не выносятъ долгой зимней жизни въ теплыхъ избахъ. У нихъ быстро развивается чахотка, и они умираютъ. Бывали случаи, что самоѣды-проводники изъ холодныхъ снѣговъ выходили на ночь и заваливались прямо въ снѣгъ во время самыхъ сильныхъ морозовъ и вьюгъ.

Вообще, самоѣды прекрасно приспособились къ тундрѣ и сильно любятъ ее; они сроднились съ своими снѣжными пустынями, которыя такъ скупо вознаграждаютъ ихъ за безконечныя лишения, и ни на что не променяютъ ихъ.

Самоѣды — некрасивый народъ. Они невысокаго роста, крѣпкаго тѣлосложения; лицо у нихъ плоское, широкое и смуглое, глаза узкіе и черные, скулы широкія и выдающіяся, носъ прямой, князу утолщенный, губы тонкія, подбородокъ выдается впередъ, ротъ и уши большіе, руки и ноги несообразно маленькія, туловище длинное. Они очень мужественны и выносливы. Среди женщинъ встрѣчаются болѣе или менѣе красивыя.

Самоѣды очень нечистоплотны, такъ какъ никогда не моются и не переменяютъ платья, развѣ только оборвется. Одежда самоѣдовъ такъ приспособлена

къ суровому климату нашего сѣвера, что ее одѣваютъ даже путешественники и чиновники, пускающіеся въ тундру зимой.

Живутъ самоѣды отдѣльными родами. Каждый родъ кочуетъ по своему родовому пастбищу. На такія пастбища раздѣлена вся тундра. Отдѣльные семьи живутъ въ чумахъ (микангахъ) — конусообразныхъ шатрахъ. Разобрать и поставить такой чумъ — дѣло одного часа, и этимъ обыкновенно занимаются женщины.

Посреди чума находится желѣзный листъ, на которомъ разводять огонь. Позади него, противъ входа, находится священное мѣсто „сникуй“, черезъ которое не имѣетъ права переступать „инька“ (жена самоѣда); здѣсь собраны всѣ драгоценности самоѣда: деревянные божки, наиболѣе вкусные куски мяса и т. п.

Возлѣ самага огня съ обѣихъ сторонъ лежатъ по двѣ доски для сидѣнія, такъ называемыя „латы“, а дальше — самоѣдскія постели. Надъ огнемъ, на высотѣ около двухъ аршинъ, помѣщаются укрѣпленные на двухъ шестахъ палки. Къ нимъ на желѣзномъ крюкѣ подвѣшивается котелокъ, а на нихъ самихъ кладутъ мерзлое мясо или рыбу (чтобы оттаять) или развѣшиваютъ для просушки одежду. Дымно, грязно и душно въ самоѣдскомъ чумѣ, и непривычному пут-

нику тяжело пробить въ немъ даже короткое время.

Чумы у богатыхъ самоѣдовъ отличаются прежде всего своими размѣрами. Стѣнки чума—изъ новыхъ красивыхъ шкуръ въ два ряда, и вѣтеръ сюда никогда не проходитъ. Зато попадаютъ среди самоѣдовъ и такіе бѣдняки, у которыхъ нѣтъ даже чума, такъ что они принуждены съ семьями жить подъ лодкой. При такихъ условіяхъ самоѣды могутъ жить, только благодаря своей выносливости; они привыкаютъ къ холоду уже съ самаго ранняго дѣтства.

Пища самоѣдовъ довольно неприхотлива. Самоѣды ѣдятъ очень часто сырую мерзлую рыбу и такое же оленье мясо. Рыбу ѣдятъ лѣтомъ сырую свѣжую, а зимой—мерзлую. Сырая рыба не такъ вкусна, какъ мерзлая, которую съ удовольствіемъ ѣдятъ даже пріѣзжіе. Мерзлую рыбу стругаютъ ножомъ. Стружку берутъ рукой за одинъ конецъ, а другой ловятъ гломъ, и рыба такъ и таетъ во рту и похрустываетъ на зубахъ. Особенно вкусна нельма. Оленину тоже ѣдятъ мерзлой. Она очень мягка и гѣжна. Пища эта питательна, и многие даже лѣчатся ею отъ желудочныхъ болѣзней. Самоѣды очень любятъ оленью кровь. Закалывая оленя, они заботятся о томъ, чтобы какъ можно меньше кро-

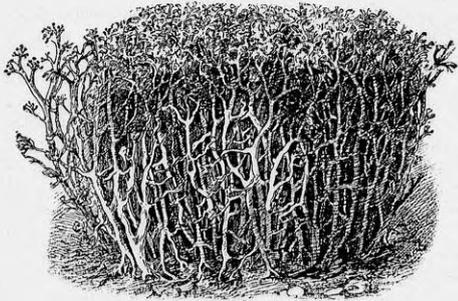

Рис. 19. Ягель—олений мохъ.

ви пропало даромъ. Оленья кровь, а также ягоды—брусника, голубика, особенно морошка спасаютъ инородцевъ отъ губительной болѣзни, очень распространенной на сѣверѣ—цины.

Величайшее лакомство для самоѣда—молоко и топленое масло, которое они глотаютъ прямо кусками.

Главное занятіе ихъ — оленеводство. Сѣверный олень—все для самоѣда.

Олень—животное довольно неприхотливое и питается, главнымъ образомъ, мхомъ (рис. 19), который онъ и зимой добываетъ самъ даже изъ-подъ глубокаго снѣга, выбивая его копытами. Если мохъ въ какомъ-нибудь мѣстѣ выбитъ черезчуръ сильно, онъ послѣ этого слишкомъ медленно отрастаетъ, и потому оленеводство требуетъ частыхъ перекочевковъ, не позволяющихъ долго засиживаться на одномъ мѣстѣ. Хотя олень не нуждается ни въ запахахъ сѣна на зиму, ни въ особыхъ помѣщеніяхъ на ночь или на холодное время, изъ этого не слѣдуетъ, чтобы оленеводство было легкимъ занятіемъ. Наоборотъ, присмотръ за оленями требуетъ много труда, особенно въ нѣкоторое время года. Дѣло въ томъ, что олень хоть и домашнее животное, но прирученъ очень плохо и, отбившись отъ стада, очень скоро дичаетъ, такъ что потомъ боится человѣка даже больше, чѣмъ настоящий дикій олень.

Лѣтомъ на сѣверѣ появляется масса разнаго рода насѣкомыхъ, которая сильно тревожитъ оленей; олени дѣлаются очень беспокойными и пастухи должны смотрѣть въ оба, какъ бы не разбѣжалось все стадо. А это вещь вполне возможная, и стоитъ оленямъ на минуту потеряться изъ виду,—потомъ ихъ не соберешь и половини: разбредутся въ разныя стороны и одичаютъ. Бываютъ случаи, что оленей напугаетъ какой-нибудь хищный звѣрь,

тогда стадо тоже разбѣивается по всѣмъ направленіямъ. Поэтому въ жизни инородцевъ-олeneводовъ не рѣдки случаи, что какой-нибудь богатъ въ одинъ день теряетъ все стадо и становится нищимъ, особенно если къ прочимъ напастямъ прибавится какая-нибудь болѣзнь, которая довольно часты среди оленей и уносятся ихъ массами. Весной оленеводамъ много хлопотъ доставляетъ присмотръ за новорожденными телятами: погода въ это время стоитъ довольно еще холодная, и безъ надлежащаго ухода телята легко могутъ погибнуть.

Для сѣверныхъ странъ олень—сущій кладъ по той громадной и разнообразной пользѣ, которую онъ приноситъ тамошнимъ народамъ. Олень не только кормитъ инородца, а также возитъ его, одѣваетъ и оказываетъ еще множество болѣе или менѣе крупныхъ услугъ. Оленьимъ молокомъ самоѣды не пользуются, но зато ѣдятъ и мясо оленя, и кровь его, облоачку роговъ и копыты, глаза и т. д.—словомъ, все, что только можетъ переварить человѣческой желудокъ. Не брезгаютъ они даже полуперевареннымъ мхомъ, который находятъ въ желудкѣ оленя. Конечно, кромѣ оленьяго мяса у оленеводовъ есть и другого рода пища: ѣдятъ они всякаго рода дичъ и рыбу, которую удалось имъ промислать, не отказываются и отъ растительной пищи, но все это имѣетъ у нихъ второстепенное значеніе, служить только замѣной недостающаго оленьяго мяса, особенно при голодовкахъ.

Помимо ѣды олень чрезвычайно важенъ для инородцевъ какъ главное средство передвиженія. Сравнительно съ лошадыю, олень слабосиленъ и не можетъ везти такой большой тяжести, какъ она, но зато онъ отличается неприхотливостью, выносливостью и, наконецъ, тѣмъ драгоценнымъ свойствомъ, что ему не нужны проложенныя дороги. У оленя очень широкія копыта, да и самъ онъ сравнительно легокъ, такъ что онъ проваливается въ снѣгъ гораздо меньше ло-

шадя. Благодаря этому, на оленяхъ можно ѣздить цѣлкомъ, не разбирая дорогъ, которыхъ къ тому же и не существуетъ въ сѣверныхъ пустыняхъ. Для ѣзды употребляются приспособленныя къ тому сани или нарты; онѣ состоятъ изъ обыкновенныхъ легкихъ полозьевъ, на которыхъ на подставкахъ (копыльяхъ) стоятъ сидѣнье, нѣсколько напоминающее своимъ видомъ скамейку. Копылья дѣлаются до поларшина и больше высотой, и это необходимо, такъ какъ полозья довольно глубоко врѣзаются въ снѣгъ и, помѣщая сидѣнье ниже, оно сильно затрудняло бы движеніе. Нельзя сказать, чтобы ѣзда на нартахъ представляла большія удобства; сидѣть на нихъ приходится преимущественно или бокомъ или верхомъ, на пригоркахъ легко вывалиться, а каждый попавшійся на дорогѣ камень или пень даетъ нарты очень сильный толчокъ. Зато нарта очень легка на ходу и требуетъ всего 2—3, а иногда даже одного оленя. Оленей запрягаютъ въ нарты всѣхъ рядомъ, но такъ что одинъ высовывается впередъ другихъ и какъ бы руководитъ ими: поэтому онъ называется вожакомъ. На нартахъ же перевозятъ и грузы, а такъ какъ олень вообще слабосиленъ, то для всякой перекочевки инородцу приходится снаряжать большой поѣздъ. Запрячь оленей не трудно, но зато не легка задача поймать ихъ для запряжки. Для этого употребляется арканъ и нужно большое искусство, чтобы отдѣлать намѣченнаго ѣздоваго оленя отъ остальнаго стада и затѣмъ набросить ему петлю на рога. Неопытному человѣку нечего и браться за подобное дѣло; въ лучшемъ случаѣ только понапрасну распугаешь оленей, а не то, такъ и самъ изувѣчишься, такъ какъ бывали случаи, что при неловкомъ дѣйствіи арканомъ онъ отрывалъ пальцы у человѣка.

Вмѣсто оленей иногда запрягаютъ собакъ (рис. 20).

У большинства самоѣдовъ оленей немного, штукъ по 30—50. Кто побогае,

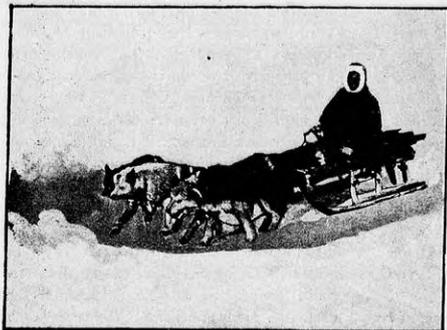

Рис. 20. Самоёльская собачья запржка.

тоть держать сотню, двѣ и даже нѣсколько сотенъ. Встрѣчаются и такіе богачи, которые имѣютъ по 1000 и по 2000 оленей.

Тяжела жизнь самоёдовъ и лѣтомъ и зимой.

Лѣтомъ самоёды страдаютъ отъ оводовъ и комаровъ, которые тучами носятся въ воздухѣ, преслѣдуя и людей и оленей. Въ теплые июльскіе дни комаровъ бываетъ такая масса, что кажется, будто какой-то паръ поднимается надъ землей. Чтобы защитить себя отъ ихъ укусовъ, самоёды-настухи надѣваютъ на голову сѣтки „накомарники“, безъ которыхъ прямо нѣтъ возможности пасти оленей. Въ это жаркое время олени способны работать только ночью. Днемъ они не принимаютъ даже пищи и спасаются отъ комаровъ въ дымъ костровъ, „дымокуръ“, которые нарочно для этой цѣли раскладываютъ самоёдами. Бѣдныя животныя до того тощакуютъ и ослабѣваютъ, что тройка оленей лѣтомъ едва можетъ поднять пудовъ восемь клади. Время это опасно еще въ другомъ отношеніи: лѣтомъ на оленяхъ бываютъ болѣзни. Особенно страшна оленья холера или сибирская язва, такъ какъ она очень заразительна и уничтожаетъ цѣлыя стада.

Къ счастью, холерные годы не очень часты, но зато въ такой годъ вся тундра бываетъ покрыта трупами несчастныхъ оленей, и многіе самоёды, раньше богатые оленями, теряютъ всё свои стада и становятся нищими.

Зимой, когда такъ тяжело приходится отъ страшныхъ метелей и морозовъ, нѣкоторые самоёды ухаживаютъ со своими стадами въ лѣсную полосу, гдѣ вѣтры не такъ опасны и гдѣ легче добывать топливо. Напротивъ, лѣтомъ, когда появляется несмѣтное множество комаровъ, оводовъ и слѣпней,

они выбираютъ въ открытую тундру, гдѣ частые вѣтры нѣсколько ослабляютъ мученіе отъ этихъ насѣкомыхъ. Но такія большія передвиженія (рис. 21) могутъ дѣлать только богатые самоёды съ огромными стадами, въ которыхъ олени держатся дружице и не такъ легко разбѣгаются отъ преслѣдующихъ ихъ насѣкомыхъ и хищныхъ звѣрей. Теперь, когда самоёды сильно обѣднѣли, большинство изъ нихъ уже не дѣлаютъ такихъ большихъ перекочевокъ. Одни изъ нихъ остаются круглый годъ въ открытой тундрѣ, перекочевывая по временамъ къ берегамъ океана, гдѣ они занимаются морскими промыслами. Другіе держатся ближе къ лѣсной полосѣ и занимаются рыбной ловлей въ рѣчкахъ и озерахъ, спасаясь отъ насѣкомыхъ въ дымъ костровъ.

Кромѣ оленеводства и рыбной ловли, самоёды занимаются также охотой. Зимой въ тундру изъ соседнихъ лѣсовъ забѣгаютъ разные пушные звѣри: лисицы, песцы, куницы, горностаи. Лѣтомъ къ многочисленнымъ озерамъ и рѣчкамъ тундры прилетаетъ множество всякой водной птицы: гуся, лебеди, утки, чайки. Много также водится въ тундрѣ бѣлыхъ куропатокъ. За всѣми этими животными и птицами и охотятся самоёды.

Всѣ они отличные стрѣлки, хотя до сихъ поръ у нихъ въ употребленіи грубая желѣзная ружья, которая дѣлаютъ мѣстные русскіе кузнецы. Любимая охота ихъ—на дикаго оленя „дикаря“, къ которому самоёды осторожно подкрадываются на лыжахъ, одѣтый въ бѣлое и защищенный бѣлымъ щитомъ отъ глазъ чуткаго животного. Въ птицѣ не стрѣляютъ на лету, а ждутъ, когда она слѣдетъ. Нѣкоторые самоёды прикочевыва-

рываются присвоить себѣ чужую вещь и скорѣе умрутъ съ голоду, чѣмъ украдутъ что-нибудь. Самыми безопасными кладовыми у нихъ считаются сани, поставленные посреди тундры безъ всякаго присмотра. Сложитъ самоёды съ наступленіемъ лѣта свои зимнія одежды, а самъ уйдетъ съ оленьимъ стадомъ за сотни верстъ и по возвращеніи зимой все находитъ въ цѣлости. Несмотря на свою честность, самоёды

Рис. 21. Перекочевка самоёдовъ.

ютъ къ берегамъ Ледовитаго океана и тутъ охотятся на морскихъ звѣрей: моржей, тюленей, а также на бѣлыхъ медвѣдей (ошкучевъ), которые водятся и на самомъ берегу и встрѣчаются часто на плавающихъ льдинахъ, довольно далеко отъ берега (рис. 22).

Самоёды очень скрытны и необщительны, но, какъ большинство дикихъ народовъ, отличаются замѣчательною честностью и правдивостью. До послѣдняго времени, когда самоёды, сблизившись съ русскими, стали пить водку, воровство и ложь были совершенно неизвѣстны самоёдамъ. Даже бѣднякъ не

не считаютъ преступленіемъ угнать у богатаго сосѣда косякъ оленей. Такой поступокъ вмѣняется даже въ заслугу удалцу, и долго съ восторгомъ рассказываютъ про него въ тундрѣ. Самоёды всегда готовы раздѣлить съ друзьями послѣдній кусокъ. Они берутъ къ себѣ и кормятъ своихъ бѣдныхъ родственниковъ. Бывали случаи, когда самоёды кормили цѣлыя семьи обнищавшихъ земляковъ, снабжали ихъ оленями для ѣзды по тундрѣ и надолго. Самоёды очень гостеприимны.

Почти всѣ самоёды въ настоящее время считаются христіанами, но въ

душѣ они остаются самыми грубыми язычниками. Правда, ни один самоѣд вамъ не признается, что болваны—это его боги, но тѣмъ же не менѣе всѣ безъ исключения носятъ съ собою маленькихъ болванчиковъ, вмѣстѣ съ которыми у иныхъ бываютъ и иконы. „Они носятъ крестъ, чтобы показывать его начальству, а за пазухой на всякій случай держатъ деревянные чурочки боговъ“.

Рис. 22. Бѣлый медвѣдь.

Самоѣды вѣрятъ, что существуетъ высшее божество—*Нумъ*, которое обитаетъ на небѣ и которымъ создано все въ мірѣ. За хорошую жизнь Нумъ даруетъ человеку и оленей, и лисицъ, и всякаго рода богатство и удачу, а за дурную—дѣлаетъ его бѣднымъ и несчастливымъ. Самоѣды не дѣлаютъ изображеній Нума на томъ основаніи, что никто никогда не видалъ его. Кромѣ Нума, есть еще злое божество, дьяволь—*Да*, котораго надо умилостивлять жертвами. Затѣмъ слѣдуютъ низшія божества или духи—*Тадібци*, которые живутъ на землѣ и въ воздухѣ и могутъ причинять людямъ и добро и зло. Тадібци вступаютъ въ сношенія съ нѣкоторыми избранными людьми, разговариваютъ съ ними и открываютъ имъ свои желанія. Такіе избранные люди называются *тадібелми* или *шаманами*. Тадібей пользуется огромнымъ уваженіемъ среди самоѣдовъ. Онъ приноситъ жертвы богамъ, гадаетъ

и лѣчить больныхъ. Если въ семьѣ самоѣда кто-нибудь заболѣетъ или случится какая-нибудь пропаяка, обращаются къ тадібей.

Одинъ изъ путешественниковъ такъ описываетъ это лѣченіе.

Въ чумъ больного самоѣда вошелъ тадібей какою-то нетвердою, лукавою походкой; красивый костюмъ его, освѣщенный пламенемъ, рѣзко бросался въ глаза. На немъ была замшевая рубаха (*самбурча*) съ красною суконной наймой, съ такими же выпушками по вѣсѣмъ швамъ и съ такими же эполетами на плечахъ. Глаза и все лицо его покрывались лоскутомъ сукна, такъ какъ шаманъ или, какъ зовутъ его самоѣды, *тадібей* проникаетъ въ тайны духовнаго міра только внутреннимъ взоромъ; на головѣ же не было ничего, и только узенькая лента изъ краснаго сукна проходила по затылку, а другая по темени для укрѣпленія лоскута, спускавшагося на лицо. На груди висѣла желѣзная бляха, а въ рукахъ онъ держалъ небольшой круглый барабанъ, изукрашенный разными кольцами, лоскутками и оловянными фигурами.

Войдя, онъ прямо подошелъ къ больному и сталъ спрашивать, не знаетъ ли онъ, кѣмъ наслана болѣзнь, кто его враги, съ кѣмъ больше ссорился, дрался и т. д. Но больной только отрицательно моталъ головой и все время бессмысленно мычалъ. Тогда тадібей приступилъ къ своему чародѣйству: забивъ оглушительно въ барабанъ, онъ заплѣлъ, вызывая невидимыхъ духовъ—*тадѣбисезъ*, нѣсколько таинственнымъ и ужающимъ напѣвомъ. Растягивая каждое слово и каждый слогъ до безконечности, онъ пѣлъ: „Не покидай, тадібей, больного, ступай на верхъ, ступай къ верховному владыкѣ, къ *Нуму*, и проси о вспомошествованіи“. И тадібей, видимо, по словамъ тадібей, исполнилъ его приказаніе и вернулся съ извѣстіемъ, что Нумъ не сказалъ ни слова и не далъ помощи. Тадібей при такомъ

извѣстіи упрасивалъ тадѣбци, чтобы онъ помогъ самъ; но тадѣбей отвѣчалъ: „Какъ мнѣ помочь? вѣдь я меньше Нума, я не могу помочь“. Тогда тадібей, не отставая въ своихъ просьбахъ, снова сталъ просить, чтобы тадѣбей вознесъ опять

къ Нуму и умолялъ бы его неотступно о помощи и спасеніи, на что тадѣбей будто бы отговаривался и совѣтовалъ тадібейю отправиться къ Нуму самому.

„Я не могу добраться до Нумы, — пѣлъ на это жалостливымъ тономъ тадібей:—онъ слишкомъ далеко отъ меня; если бы я могъ добраться до него, я не сталъ бы просить, тадѣбей, тебя; я пошелъ бы къ нему, но я не могу, такъ ступай же къ нему ты самъ“.

Послѣ такихъ увѣщаній тадѣбей какъ будто смилился и сказалъ тадібейю: „Ну, для тебя я пойду, но Нумъ безпрестанно бранитъ меня и говоритъ, что не скажетъ мнѣ ни слова“.

Такъ, бесѣдуя долго съ невидимымъ тадѣбциемъ, тадібей замолкалъ по временамъ и барабанилъ слабѣе, точно вслушиваясь въ отвѣты тадѣбей.

Окончивъ бесѣду, тадібей вдругъ заревѣлъ, забарабанилъ и въ какомъ-то восторженномъ состояніи, точно видя виднія, онъ сталъ, конвульсивно подергиваясь, возвѣщать изреченіе оракула.

Онъ говорилъ, что болѣзнь произошла отъ одного врага и, прося опять тадѣбци, онъ насыпалъ въ отщепеніе эту болѣзнь ея виновнику. За заклинаніями онъ вынулъ сушеную бурзовую губку и, вырѣзавъ изъ нея нѣсколько кусочковъ, онъ клалъ, зажигая эти кусочки, на большую ногу и, видимо, радовался, когда

кусочки отъ тѣла отскакивали. Онъ говорилъ, что болѣзнь пройдетъ, что Нумъ смилословился и что болѣзнь перейдетъ на врага. Его блуждающій взглядъ и его дикіе жесты дѣлались при этомъ покойнѣе, сдержаннѣе и подъ конецъ, принимая отъ

Рис. 23. Двѣнадцатилѣтній самоѣдъ—охотникъ на бѣлаго медвѣдя, и его сестра.

хозяйевъ жертву и удаляясь изъ чума, онъ еще разъ предвѣщалъ больному полное здравіе и долгую жизнь.

Но больной умеръ на другой же день, что, однако, не поколебало вѣры самоѣдовъ въ тадібей, такъ какъ, по ихъ понятіямъ, тадібей самъ ничего не можетъ сдѣлать, что онъ не больше какъ толмачъ неви-

димаго міра духовъ и тадебціевъ, а тадебціи дѣлають и добро, дѣлають и зло, и что все на свѣтѣ зависитъ отъ одного Нума.

Положеніе женщины у самоѣдовъ довольно незавидное. На ней лежатъ всѣ заботы о хозяйствѣ. „Инька“ съ утра до вечера не знаетъ покою: то она чинитъ малицу, то сучить изъ оленьихъ жилья нитки, то варить пищу; сама она приноситъ дровъ и воды, она устриваетъ и снимаетъ чумъ при кочевкѣ, обдѣлываетъ оленью кожу, обшиваетъ мужа и дѣтей

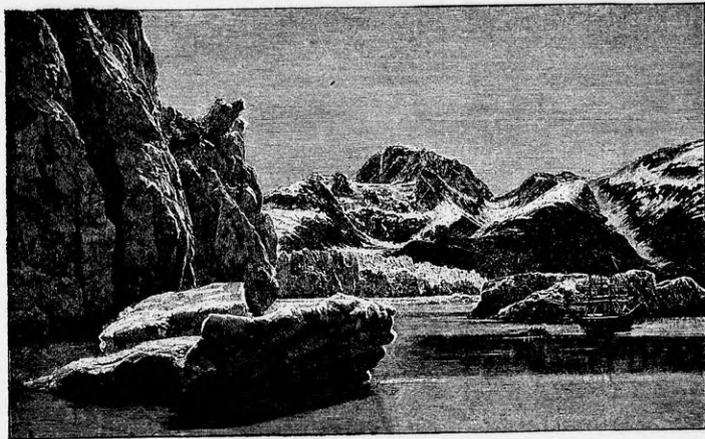

Рис. 24. Ледникъ, спускающійся въ море.

и т. п. Мужчина считаетъ только своею обязанностью изготовлять деревянную посуду и рыболовные снасти, пасти стада, заниматься охотой и рыболовством, все же остальное лежитъ на плечахъ его жены. Несмотря на свою неутомимость, женщина не пользуется уваженіемъ и считается существомъ низкимъ, нечистымъ.

Несмотря на такой взглядъ на женщину, самоѣдъ хорошо обращается съ своей инькой: онъ рѣдко бранитъ ее, еще рѣже бьетъ, развѣ только въ пьяномъ видѣ.

У самоѣда обыкновенно бываютъ двѣ жены. Многие живутъ съ одной женой, такъ какъ не имѣютъ средствъ взять другую. За жену приходится платить большою „калымъ“ (выкупъ). Поэтому отецъ, имѣющій нѣсколько дочерей, считается у самоѣдовъ богатымъ. Вѣдннй же отдаетъ въ видѣ „калымъ“ все свое имущество и часто поступаетъ къ своему тестю на положеніе работника.

Праздники свои, будь это по случаю свадьбы или похоронъ, самоѣдъ проводитъ

очень буйно и непремѣнно заканчиваетъ ихъ пьянствомъ и дракой. Вотъ какъ описываетъ одинъ путешественникъ свадебный пиръ у самоѣдовъ.

„При нашемъ прибытіи въ свадебную палатку, нѣсколько гостей, пьяные, уже безъ чувствъ лежало на землѣ; они валились безъ шапокъ, головой прямо въ сугробъ, и вѣтеръ покрывъ ихъ лица снѣгомъ. Но вотъ подходитъ женатый человекъ, осматриваетъ трупы, узнаетъ свою супругу, хватаетъ ее за голову, поворачиваетъ спиной къ вѣтру и па-

даетъ подлѣ нея; а вотъ другой бѣгаетъ вокругъ съ кофейникомъ, отыскиваетъ свою подругу и вливаетъ ей въ горло нѣсколько воды. Здѣсь одинъ наткнулся на своего врага, ударилъ его нѣсколько разъ и отошелъ прочь. Мы вошли въ палатку; здѣсь старикъ, молодая дѣвушка, мужчины и женщины сидѣли вперемежку. Въ числѣ самыхъ пьяныхъ былъ и женихъ. Я сѣлъ и выпилъ чаю съ хозяиномъ и сватомъ. Послѣ чая хозяинъ приказалъ убить сѣвернаго оленя; животное упало

легкія, печень и другіе лакомые кусочки плавали въ значительной массѣ крови. Хозяинъ взялъ меня за руку, подвелъ къ оленю и предложилъ начать трапезу. Какъ ясно онъ ни выговаривалъ свое желаніе, я все-таки притворился, что не принимаю его, и остался такимъ образомъ совершенно безучастнымъ передъ жертвой.

„Между тѣмъ вокругъ звѣря собрались свадебные гости, они вынули длинные ножи, отрѣзали по ломтю теплаго дымящагося мяса, обмакнули его въ кровь,

Рис. 25. Оленья почта.

отъ легкаго удара топоромъ по лбу. Послѣ этого прикололи оленя ножомъ въ сердце и вынули дыхательные пути. Изъ-за нихъ возникла драка между присутствующими, которая кончилась тѣмъ, что раздѣлили ихъ между ближайшими родственниками новобрачныхъ, которые должны были съѣсть ихъ тотчасъ же. Съ оленя сняли шкуру, вскрыли животъ, выбросили вонъ негодное для ѣды, и положили звѣря на спину. Онъ имѣлъ видъ большаго овальнаго сосуда, въ которомъ

руками поднесли кусокъ ко рту и начали жевать, поднимая лицо кверху, и во время жеванія ножомъ отрѣзывали части ломтя. Оставшаяся часть снова мокалась въ кровь и снова отправлялась въ ротъ. Кровь текла по бородѣ и шеѣ. Легкое и печень были съѣдены послѣ въ видѣ лакомства. Во время такого отвратительнаго обѣда дѣвщица заглянула въ снѣжки пѣсни, очень хорошия по словамъ, но по напѣву похожія на кваканье лягушекъ.

Пѣніе и пѣръ были прерваны ужаснымъ случаемъ. Какой-то самоѣдъ съ острымъ лицомъ взглянулъ въ дверь палатки и скрипучимъ голосомъ попросилъ позволенія участвовать въ пирушкѣ. Нѣкоторые изъ гостей пригласили его войти, и онъ воспользовался приглашеніемъ. Но это случилось безъ вѣдома хозяина. Лишь только послѣдній замѣтилъ незнакомаго гостя, какъ приказалъ его вытолкать вонъ. Нѣсколько готовыхъ рукъ поспѣшили исполнить приказаніе, другія поднялись въ защиту гостя. Хозяинъ схватился со сватомъ, и я попался между ними. Въ палаткѣ сдѣлалось большое смятеніе; всѣ безмысленно били другъ друга; котелъ, кофейники, горшки и другіе сосуды были опрокинуты и разлетѣлись. Исторія кончилась тѣмъ, что самоѣда вытолкали.

„Къ вечеру охота драться усилилась: куда ни посмотришь, вездѣ дерутся люди. Обыкновенно начиналось съ того, что хватили другъ друга за щетинястые черные волосы и потомъ бились кулаками, а нерѣдкѣ дрались костями и другими остатками пира. Битва начиналась безъ всякой причины: стоило двоямъ встрѣтиться, и ужъ таскали они другъ друга за волосы, не обращая вниманія на возрастъ и полъ. Здѣсь не просили и не давали пощады; каждый билъ и защищался изо всѣхъ силъ; побѣжденный обыкновенно оставался на снѣгу, а побѣдитель отправлялся далѣе, чтобы совершать новые геройскіе подвиги“

Поэзія самоѣдовъ такъ же бѣдна и уныла, какъ природа, среди которой они проводятъ свою жизнь. У самоѣдовъ почти нѣтъ сказокъ и преданій о прошлыхъ временахъ. Въ ихъ пѣсняхъ нѣтъ той красоты, юмора и жизнерадостности, какою отличаются русскія пѣсни. Самоѣдъ заунывнымъ голосомъ поетъ, что съѣлъ кто-то въ одинъ разъ семь сѣрыхъ омулей, что выпили такіе-то и такіе-то самоѣды тамъ-то столько вина. Онъ весь погруженъ въ свою пѣсню и со-

вершенно не замѣчаетъ, какъ идутъ часы. А между тѣмъ уже надвигается ночь, на небѣ одна за другою зажигаются яркія звѣзды, а самоѣдъ все сидитъ и поетъ про вино, про сырую оленью печень и оленью кровь.

У самоѣдовъ нѣтъ именъ для своихъ дѣтей, и они называютъ ихъ по какому-нибудь обстоятельству, случившемуся при рожденіи ребенка: снѣгъ повалилъ — и назовутъ снѣгомъ, пурга зашумѣла — и назовутъ пургой, русскій вошелъ въ чумъ — и назовутъ „немзя“ (нѣмецъ). Впрочемъ, и у некрещенныхъ самоѣдовъ попадаются христіанскія имена. Это происходитъ вслѣдствіе того, что самоѣды-язычники очень высоко цѣнятъ, если какой-нибудь русскій назоветъ ихъ своимъ именемъ.

Языкъ самоѣдскій очень бѣденъ. Его почти невозможно въ совершенствѣ изучить вслѣдствіе того, что самоѣды страшно быстро произносятъ свои носовые звуки.

Во главѣ рода стоитъ старшина, который исполняетъ обязанности главнаго судьи. Старшины судятъ по своему усмотрѣнію и по существующимъ искони обычаямъ. Они пользуются среди самоѣдовъ большимъ уваженіемъ и властью. Они же собираютъ подать и отвозятъ ее русскимъ властямъ. Самоѣды, какъ и всѣ инородцы, платятъ русскому правительству подать — „ясакъ“. Ясакъ самъ по себѣ былъ бы совсѣмъ не обременителенъ, если бы инородцы не вымирали такъ быстро.

Плательщиковъ съ каждымъ годомъ становится все меньше и меньше, а размѣръ налоговъ остается почти одинаковымъ. Сверхъ того, сборщики податей въ прежнее время часто притѣсняли инородцевъ, требуя отъ нихъ гораздо больше ясака, чѣмъ это было положено правительствомъ: такъ, напримеръ, вмѣсто того, чтобы брать налогъ съ каждой головы оленя, они брали съ каждого копыта, и въ случаѣ недоимки продавали

послѣднее имущество самоѣда, заставляя его этия итти въ кабалу къ кулаку-купцу.

Правительство, желая прійти на помощь обнищавшему самоѣду, разрѣшило уплачивать „ясакъ“ не деньгами, а мѣхами, но и эта мѣра не помогла.

Вслѣдствіе истощенія звѣринныхъ промысловъ, самоѣдамъ часто приходилось покупать шкуры у купцовъ и платить имъ отъ 15 до 25 рублей за шкурку, между тѣмъ какъ въ казну она шла за три рубля. Понятно, какъ плохо это отражалось на благосостояніи самоѣдовъ.

Говорятъ, что въ старину, когда самоѣды владѣли обширными землями и не соприкасались съ зырянками и русскими, имъ жилось привольнѣе. Съ ихъ появленіемъ жизнь самоѣдовъ стала все болѣе и болѣе ухудшаться, и вмѣстѣ съ тѣмъ число ихъ стало замѣтнымъ образомъ убывать, вслѣдствіе усиленной смертности. Вымирание самоѣдовъ естественно вытекаетъ изъ условій ихъ жизни.

Русскіе печорцы и зыряне какъ нельзя лучше сумѣли воспользоваться страстью самоѣдовъ къ водкѣ и не приступали ни къ одной торговой сдѣлкѣ, не оповѣвъ предварительно несчастнаго самоѣда.

Сколотивши деньги, покупалъ зырянинъ бочку водки и направлялся къ собѣднимъ самоѣдскимъ кочевьямъ. Съ лѣтвовой рѣчкой, почетнымъ поклономъ и добрыми пожеланіями всякаго благополучія входилъ хитрый зырянинъ въ подвижное жилище къ простяку и добряку самоѣду, и, конечно, выбиралъ самоѣда побогаче. Самъ тихій, ласковый, самоѣд тотчасъ располагался ласкою на ласку; сажалъ гостя поближе къ огню, спрашивалъ его согласіе заколотъ оленя, чтобы угостить гостя парной печонкой и еще дымившимся кровью сердцемъ животного. Зырянинъ благодарилъ и торопился самъ начать угощеніе: безъ дальнихъ разговоровъ вытаскивалъ изъ рукава полштофъ водки, щедро разбавленной водой. Самоѣдъ такъ любитъ этотъ напитокъ, что

каждый день пить бы его, хогъ поне-многу, да взять негдѣ. И самоѣдъ готовъ уже купить вытасченную зыряниномъ водку. Но зырянинъ желаетъ поточевать даромъ и только потомъ уже потолковать о цѣнѣ. У самоѣда глаза искрятся: либо ему, что зырянинъ поточуетъ не только его самого, но и жену его, и подростку-сыну подносить вино; и тѣ пьютъ охотно, по давней привычкѣ. Самоѣдъ видитъ, что зырянинъ самъ пьетъ меньше всѣхъ; но не только не домекаетъ тутъ злого умысла, а еще радъ: ему же больше достается. И самоѣдъ глазъ не спускаетъ съ рукава гостя: не выльзетъ ли оттуда кубокъ — полуштофъ водки, на пущую радость и веселье самоѣдское? Но кубка не видать; зырянинъ посмѣивается и выкидываетъ своей поры. Самоѣдъ начинаетъ еще просить водки. „Изволь, принесу еще кубокъ, да только этотъ будетъ денегъ стоить!“ отвѣчаетъ зырянинъ.

И приносилось вино. У самоѣда денегъ хотя и не было, зато бывала всегда въ запасѣ дорогая, добытая въ тундрѣ, пушнина: хоть бы лисья шкура. Видно, что лисица околѣла съ сломанной ногой: значить выкрадена изъ норы щенкомъ и, чтобы не убѣжала, растяла у самоѣда на дому съ сломанной ногой. Понятно, зырянинъ ею не погнушается: тѣ же деньги, да еще большія. Стоитъ-то лисья шкура много, и шла, бывало, она къ зырянину на безсовѣтномъ торгу за какой-нибудь полуштофъ. И самоѣдъ не упрямился. Онъ разсуждалъ такъ: „Не сегодня — завтра другой звѣрь набѣжитъ, — много его таскается въ тундрѣ, а вино можеть уѣхать и въ другія самоѣдскія становища; тогда его не догонишь, пожалуй“. И распивался еще кубокъ. Уже самоѣдъ начиналъ самъ потчевать и зырянина, и свою жену, и сына. Мало-помалу самоѣдъ окончательно разгуливался: поилъ даже маленькихъ своихъ дѣтей и бранилъ зырянина, что тотъ мало пьетъ; требовалъ еще водки. Зырянинъ объ-

лявлять, что — вся. Самоёды говорили, что не вёрить, и не стоять за пушиной, была бы водка. Пользуясь случаемъ, зырянинъ выговаривалъ у самоёда драгоценную чернобурюю ласицу, шкурки другихъ пушныхъ звѣрей, выскакивающихъ по зимамъ въ тундрѣ, пару живыхъ оленей, а если не бралъ стылъ, то и шкуру медвѣдя, да кстаи ужъ и сани. Такъ-то складывалъ онъ бережно на неправонажитая сани неправонажитое добро, при чемъ ему помогали тѣ же жалкіе и бѣдные простяки-самоёды. И уѣзжалъ зырянинъ дальше къ другимъ самоёдскимъ жильямъ. И тамъ повторялась та же исторія. Просыпался самоёды по утру и жалѣлъ несчастный только о томъ, что не купилъ про запасъ да на похмелье еще кубокъ вина...

Мало-по-малу, изъ года въ годъ, изъ мѣсяца въ мѣсяцъ, кончилось тѣмъ, что зыряне, а отчасти и русскіе печорцы перекупили у пьяныхъ печорскихъ самоёдовъ за безцѣнокъ всѣхъ оленей... Самоёды очутились нищими, голяками, и рады-рады, когда ихъ брали, изъ-за куска хлѣба насущнаго, стережъ ихъ же прежнее добро, проданное ими за безцѣнокъ, въ часы загула...

Желая освободиться отъ притѣсненія грозныхъ для него пришельцевъ и уплатить „ясакъ“ своему старшинѣ, самоёды, поставленный въ такія неблагоприятныя условия существованія, начинаютъ хищнически истреблять звѣрей въ лѣсахъ. Истощивъ одинъ промыселъ, онъ переходитъ къ второму, затѣмъ къ третьему. Такъ оленеводъ, обдѣлывъ, дѣлается рыболовомъ. Рыболовъ, передавъ рыбныя ловли, бросается въ лѣса. Выловивъ звѣря и истощивъ рыбныя богатства, онъ продаетъ все и насколько не улучшаетъ этимъ своей жизни: онъ попрежнему мерзнетъ и голодаетъ, такъ какъ и драгоценные мѣха и тысячи пудовъ великолѣпной рыбы — все это переходитъ въ руки русскихъ.

Постепенно всё пространство, сколько-нибудь цѣнная для рыбной и звѣриной

ловли или для хлѣбопашества, перешли въ руки зырянъ и русскихъ, а самоёды принуждены были все болѣе и болѣе отодвигаться къ сѣверу, поневолѣ занимая самыя неплодородныя мѣста. Понятно, что съ ухудшеніемъ земли сократились и средства къ пропитанію. Голодовки и заразныя болѣзни стали все чаще и чаще. Нечистоплотность самоёдовъ, а также пьянство еще болѣе увеличивали смертность. Если такъ будетъ продолжаться и далѣе, то черезъ какихъ-нибудь пять-соть лѣтъ отъ самоёдовъ останется одно только воспоминаніе.

Зло, причиненное русскими и зырянами самоёдамъ, пустило слишкомъ глубокіе корни. Для того, чтобы его уничтожить, русскіе должны совершенно измѣнить свое отношеніе къ самоёду. Они должны перестать смотрѣть на него, какъ на низшее существо, гибель котораго ни для кого не важна. Самоёды далеко не заслуживаютъ такого отношенія, такъ какъ представляютъ дѣльный и безусловно способный народъ.

Самоёды отличаются большою смѣтливостью на промыслахъ и считается незамѣнимымъ работникомъ. Честные и кроткіе самоёды въ опасныхъ случаяхъ не знаютъ страха и часто поразняютъ своей находчивостью и умѣньемъ. Сотни матросовъ, застигнутыхъ льдами и бурей у береговъ Ледовитаго океана, обязаны своимъ спасеніемъ самоотверженію самоёдовъ. Когда на шкунѣ, затертой со всѣхъ сторонъ льдами и обреченной вмѣстѣ съ экипажемъ на вѣрную гибель, раздается крикъ: „Самоёды идуть!“ — то всѣ какъ бы возрождаются къ новой жизни. Крики радости смѣняются въсходное отчаяніе; матросы готовы броситься въ объятія и расцѣловать своихъ избавителей. И, дѣйствительно, самоёды пріющаютъ, накормятъ и дадутъ возможность всѣмъ выбраться изъ суровыхъ тундръ, надолго оставаясь въ памяти у благодарныхъ европейцевъ.

Среди самоёдовъ встрѣчаются нерѣдко энергичные люди. Въ старое время са-

моёды отправляли въ Москву депутаціи съ жалобой на купцовъ, и ихъ выборные умѣли отстаивать свое родное дѣло передъ боярской думой, которая выдавала имъ много грамотъ. Самоёды довольно восприимчивый народъ. Опытные самоёды легко выучиваются говорить по-русски, по-зырянски, по-остяцки. Дѣти самоёдовъ, обучающіяся въ семинаріяхъ, отличаются сообразительностью, памятью и очень легко изучаютъ иностранные языки.

Все это говорить за то, что пора, наконецъ, позаботиться объ улучшеніи жизни самоёда. Самоёды нуждаются въ

врачебной помощи, нуждается въ грамотности, въ добромъ примѣрѣ болѣе умнаго и развитаго русскаго человѣка, который, вмѣсто того, чтобы разорять инородца, поучилъ бы его лучше разумной жизни, постарался бы развить въ немъ чувство опрятности. Только при такихъ условіяхъ жизнь самоёда могла бы измѣниться къ лучшему. Пока этого не будетъ сдѣлано, самоёды будутъ жить такъ же, какъ и теперь, такъ же безуспешно будутъ вымирать въ своихъ тундрахъ, часто не оставляя по себѣ никакого слѣда.

Рис. 26. На Мурманѣ.

Мурманъ (рис. 26).

(Изъ очер. Этельгардта и Людвикаго.)

Мурманскимъ берегомъ называется вслѣдъ прибрежная полоса Ледовитаго океана отъ Бѣлаго моря, считая отъ св. Носа до границъ Норвегіи.

Первыми русскими поселенцами на Мурманѣ были новгородскіе выходцы, а первымъ поселеніемъ, о которомъ упоминается въ русскихъ лѣтописяхъ 1264 г.

была Кола; но въ какомъ году и кѣмъ Кола основана, — положительныхъ свѣдѣній не имѣется. Постоянный войны, которая велъ Іоаннъ Грозный съ Швеціей, требовали на далекомъ Сѣверѣ укрѣпленнаго военнаго пункта, а потому въ 1550 г. Кольскій поселокъ былъ переименованъ въ Кольскій острогъ и управление Коль-

скимъ округомъ вѣрено особому воеводѣ. вмѣстѣ съ тѣмъ, Кольскій острогъ служилъ мѣстомъ для ссылки государственныхъ преступниковъ, что продолжалось до 1804 года.

Почти въ то же время, въ первой половинѣ XVI вѣка, на берегахъ р. Печенги и на Пазь-рѣчкѣ появился ревностный подвижникъ православія, сынъ священника изъ окрестностей г. Торжка, Трифонъ Печенгскій; онъ началъ проповѣдывать между лопарями слово Божіе и вскорѣ заслужилъ ихъ полное довѣріе своимъ простымъ обращеніемъ, аскетическою жизнью и добротой. Онъ основалъ на рѣчкѣ Печенгѣ обитель, которая привлекла сюда другихъ подвижниковъ и въ томъ числѣ солонецкаго инока Феодорита. Феодоритъ былъ человекъ выдающихся способностей, ему принадлежить переводъ разныхъ молитвъ на лопарскій языкъ. вмѣстѣ съ Трифономъ онъ идетъ въ Москву, чтобы хлопотать объ устроеніи новой Печенгской обители. Въ Москвѣ они были приняты милостиво; по жалованной грамотѣ 1556 года Печенгскому монастырю были даны на прокормленіе морскія губы: Мотовская, Урская, Илицкая, Печенгская, Пазьрѣцкая и Нивденская съ рыбными ловлями въ морѣ и рѣкахъ, съ окрестными землями, лѣсами и озерами и съ лопарями.

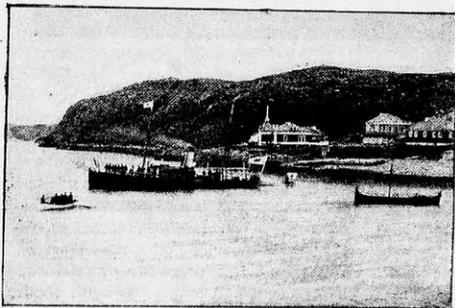

Рис. 27. Екатерининская гавань. Пароходъ „Мурманъ“.

Въ память этого пожалованія св. Трифонъ построилъ на Пазь-рѣчкѣ, на теперешней границѣ съ Норвегіей, храмъ во имя св. Бориса и Глѣба. Эта маленькая церковь стоитъ и понынѣ, какъ памятникъ далекой старины.

Печенгская обитель просуществовала недолго, — въ 1590 г. она была разрушена шведами, а вся братія убита.

Въ теченіе трехсотъ лѣтъ Печенгскій монастырь не возобновлялся и вновь былъ открытъ лишь въ 1890 г. Новый монастырь устроенъ въ 25 верстахъ ч.о. прежней обители, на томъ мѣстѣ, куда удалился Трифонъ, и гдѣ покоится его мощи.

Великій преобразователь Россіи Петръ Великій, сознавая, насколько важнъ стверъ важенъ въ политическомъ и торговно-промышленномъ отношеніи, укрѣпилъ Кольскій острогъ и въ 1701 году переименовалъ его въ Кольскую крѣпость.

Въ 1780 г., при императрицѣ Екатериинѣ II, Кольская крѣпость была упразднена и обращена въ уѣздный городъ. Арсеналь и боевые припасы перевезены въ Екатерининскую гавань, находящуюся въ 50 верстахъ отъ Кола, при устьѣ Кольской губы, у открытаго океана, гдѣ уже и въ то время предполагалось создать военный портъ (рис. 27). Эта мысль, однако, не осуществилась, и военные припасы были перевезены въ 1801 г. въ Соловецкій монастырь, а гавань разорена въ 1809 г. англичанами. Той же участи подверглась Кола и въ 1855 г.

Въ 1864 г. образовалась колонія изъ финляндцевъ въ губѣ Ура; тогда же появились колоніи изъ норвежцевъ въ Вайда-губѣ и Земляной. Поселившіеся финляндцы и норвежцы вполне доказали, что на Мурманскомъ берегу можно жить безбѣдно; имъ удалось обзавестись, безъ пособія со

стороны правительства, постройками и рогачьимъ скотомъ; занимаясь рыбными промыслами, они въ то же время разработали луга и завели даже огороды

Убѣдившись въ важномъ экономическомъ значеніи Мурманскаго берега для всего Сѣвера Россіи, правительство признало необходимымъ поощрить переселеніе на Мурманъ и предоставило поселяющимся на Мурманъ значительныя льготы.

Дарованныя льготы привлекли на Мурманскій берегъ новыхъ колонистовъ — сперва изъ Финляндіи и Норвегіи, а затѣмъ, постепенно и русскихъ переселенцевъ.

Колонизаціи Мурманскаго побережья способствовало также учрежденіе постоянного субсидируемаго правительствомъ Архангельско-Мурманскаго срочнаго пароходства, даващаго возможность колонистамъ сбывать свой промыселъ и, кромѣ того, выписывать все необходимое изъ Архангельска или Варѣ.

Финляндцы и норвежцы селились преимущественно на западномъ берегу, рускіе же — на восточномъ.

Берега Мурмана состоятъ почти сплошь изъ голыхъ гранитныхъ скалъ, покрытыхъ кое-гдѣ мхомъ и тощею растительностью. Между этими скалами, иногда далеко въ глубь материка, врѣзывается множество глубокихъ заливовъ, представляющихъ болѣе или менѣе удобныя стоянки для судовъ и убѣжища для промысловиковъ. По берегамъ рѣчекъ встрѣчается песокъ, покрытый иногда слоємъ торфа; на такихъ мѣстахъ есть недурные луга, доставляющіе сѣно для скота, содержимаго колонистами.

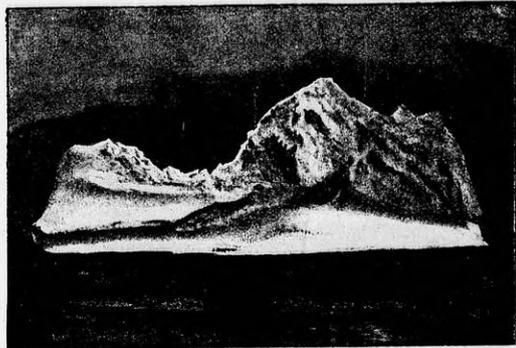

Рис. 28. Плавающая ледяная гора.

Климатъ Мурмана довольно умѣренный, благодаря, во-первыхъ, тому, что часть Ледовитаго океана, омывающая Мурманскій берегъ, находится подъ влияніемъ восточной вѣтви Гольфстрема (такъ называемое Нордкапское теченіе), и, во-вторыхъ, тому, что Мурманъ защищенъ отъ континентальныхъ вѣтровъ прибрежными горами.

Весна начинается здѣсь въ концѣ марта и продолжается до половины мая; это время тумановъ и дождей. Лѣто считается съ половины мая до половины іюля; это царство вѣчнаго дня и усиленныхъ трудовъ по рыбному промыслу. Къ концу лѣта поспѣваетъ много грибовъ и ягодъ: морошка, моховая смородина, брусника, черника, голубика, водяница.

Осенъ продолжается съ половины іюля до половины октября, когда опять наступаетъ время тумановъ. Перелетныя птицы и промышленники въ это время собираются въ обратный путь, и Мурманъ постепенно пустѣетъ.

Зима продолжается съ половины октября до половины марта: средняя температура зимы — 6° Р., морозы въ 10—15° Р. считаются на Мурманѣ рѣдкостью. Снѣгъ выпадаетъ въ изобиліи

особенно много его набивается в расщелины горь—до 7 и 8 аршин; в таких местах он не успевает растаять во все лето. Океан зимой никогда не замерзает и на нем не бывает плавающих ледяных горь (рис. 28); замерзают только небольшие губы, а по морю плавают не особенно крупные льдины, несколько, впрочем, не препятствующая мореплаванию. Такие льдины, скопаясь

Рис. 29. Поморы

у берегов, образуют иногда целые ледяные горы, так называемые торосы.

С 13 ноября до 9 января — царство постоянной ночи, освещаемой дневными северными сияниями, которые называются здесь «слоухами».

Главную основу для промышленной жизни и деятельности на Мурмань служат неисчерпаемая рыбная богатства моря у его берегов.

Давно уже минуло то время, когда весь север Европы был в руках русских промышленников—поморов, и роль последних сильно изменилась. Целый ряд государственных мероприятий в Норвегии, а также и быстрый рост норвежской культуры повели к тому, что промысел все больше и больше начал переходить в руки норвежцев; поморы не могли конкурировать с ними и скоро должны были ограничиться промыслом на Мурмань и в Белом море. Ссылки на Шпицберген и Новую Землю также прекратились и в настоящее время только рассказы поморов да некоторые исторические документы свидетельствуют о славно прошлом русских промышленников (рис. 29 и 30).

Но даже и мурманский промысел стоит у нас не на должной высоте. Это яче всего выступает при сравнении его с таким классическим промыслом, как лодотенский. Число рыбаков на Мурмань едва достигает 4.000 человек, между тем как у Лодотенских островов ежегодно промышленность около 30.000 человек; на Мурмань мы находим все условия для развития рыбных промыслов в самых широких размерах, но в настоящее время количество рыбы добываемой там, далеко не покрывает потребностей даже одной Архангельской губернии; так, напр., в 1899 году на Мурмань поймано рыбы 433.980 пудов, а из Норвегии рыбы тех же видов ввезено 832.525 пудов. Таким образом, при существующем на северном спросе на рыбу мы, русские, покупаем ее у норвежцев, а свои богатейшие рыбные промыслы остаются у нас неиспользованными. Такое ненормальное

Рис. 30. Поморы в зимней одежде.

явление становится вполне понятным, если мы обратимся к постановке промысла у нас и у норвежцев. Одним из первых условий успешного морского промысла является хорошая промысловая суда. Наши поморы до сих пор пускаются в море главным образом на шняк; это тяжелое безпалубное судно с прямым парусным вооружением. Выбав на шняк в море отнимает массу времени, а при штילהх шняку приходится вести на вслах; как безпалубное судно, она не позволяет нашим промышленникам уходить далеко в море, а при штормах, часто даже и у берегов, шняки служат причиной гибели многих рыбаков. Норвежцы выработали новые типы судов; их легкия суда, часто палубные и все вооруженныя косыми парусами, дают им возможность без риска охватывать гораздо больший район для промысла и выбавать в море гораздо быстрее наших. Кроме того, промысловая техника русских стоит весьма низко, да и общий

культурный уровень поморов далеко уступает норвежцам.

Уже этого достаточно, чтобы русские промышленники не могли конкурировать с норвежцами. Но это не все. Самая обстановка русского промысла во многом уступает норвежскому, так, напр., все рыбачьи становища Норвегии соединены телефоном или телеграфом, так что каждый рыбак в любой момент знает, где держится рыба, и в каком количестве; наживка на Мурмань ловится самими промышленниками, которые тратят на это массу времени, а у норвежцев наживка развивается на особых парходах, и каждый

рыбак всегда имеет возможность купить ее за недорогую плату. Если прибавить, что пути сообщения с Мурманом очень неудобны и условия жизни там очень тяжелы, то станет понятным, что даже сравнительно хорошие результаты промысла не могут привлечь туда промышленников в достаточном числе.

Как в черноземной полосе России все интересы вращаются около вопроса об урожае на хлебе, так на Мурмань

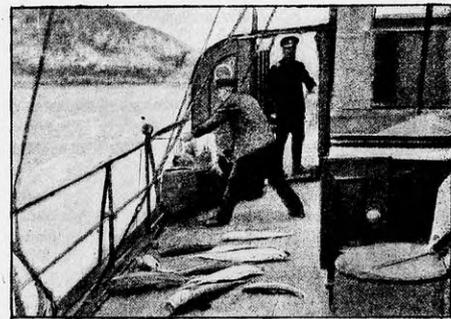

Рис. 31. Ловь трески на подбавь с пархода «Мурмань».

всѣ и веадѣ говорятъ только о трескѣ и о томъ, что такъ или иначе связано съ нею. Треска—крупная морская рыба, достигающая иногда до 1½ метровъ длины, живетъ обыкновенно около самаго дна, на глубинѣ, въ среднемъ, около 200 метровъ (рис. 31); ее сопровождаетъ рядъ другихъ рыбъ, которыя вмѣстѣ съ треской и являются наиболѣе важными промысловыми рыбами Мурмана. Изъ этихъ рыбъ укажемъ на пикшу—рыбу, близко стоящую къ трескѣ, но уже болѣе мелкую: она рѣдко достигаетъ 1 метра дли-

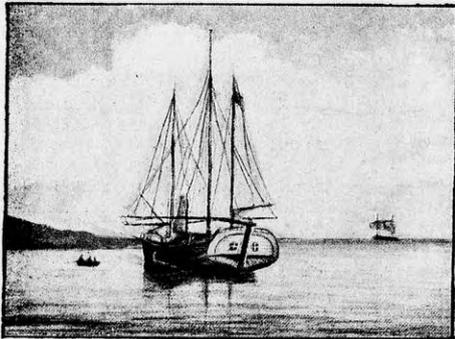

Рис. 32. Ладя поморовъ.

ны. Рѣже трески и пикши попадаетъ нагусть: это—большая камбала, въсомъ въ нѣсколько пудовъ и часто превышающая въ длину 2 метра. Если упомянуть еще о нѣсколькихъ видахъ зубатокъ, изъ которыхъ пестрая зубатка употребляется въ пищу наравнѣ съ треской, то этимъ и будетъ законченъ нашъ списокъ наиболѣе важныхъ промысловыхъ рыбъ Мурмана.

Съ наступленіемъ весны треска и всѣ сопровождающія ее рыбы появляются у береговъ Мурмана. Время ихъ появленія очень неопредѣленно: еще не такъ давно могъ существовать въ значительныхъ размѣрахъ „вешній“ промыселъ, такъ

какъ рыба появлялась въ мартѣ, вообще, ранней весной. Въ послѣдніе годы „вешній“ промыселъ совсѣмъ упалъ, такъ какъ рыба появляется въ окружающихъ водахъ только къ началу лѣта. Промыселъ ведется обыкновенно въ нѣсколькихъ верстахъ отъ берега, такъ какъ у самыхъ береговъ рыба мелкая, да и бываетъ ей мало.

Для промысла промышленники соединяются въ группы, обыкновенно по 4 человекъ. Старшимъ въ группѣ является „кормщикъ“, опытный, выдавшій виды промышленникъ; онъ же сплошь и рядомъ является хозяиномъ судна и снасти (рис. 32). Промыселъ производится этой маленькой артелью на паяхъ, гораздо рѣже нанимаютъ работниковъ за извѣстное жалованье. Такъ какъ треска и ея спутники живутъ у дна и на значительной глубинѣ, т. е. ихъ ловятъ, главнымъ образомъ, на особую крючковую снасть, такъ называемый ярусъ. Ярусъ состоитъ изъ очень длинной, крѣпкой бечевки, къ которой прикрѣпляются на разстояніи сажени другъ отъ друга форшии—тоненькія бечевочки, длиною около ½ метра; на концахъ форшей прикрѣпляются крючки, на которые насаживаютъ мелкую рыбу—мойву и песчанку. Вотъ и вся несложная снасть мурманскаго промышленника. Яруса обыкновенно очень длинные,—тянутся они иногда на 10 и болѣе верстъ. Всю описанную снасть бросаютъ на дно. Оставляютъ ярусъ въ водѣ около 6 часовъ, но иногда это время сильно увеличиваютъ въ расчетъ, что сначала на наживку набросится мелкая рыба, которая послужитъ приманкой для болѣе крупной. Очень хорошимъ ловомъ считается такой, при которомъ на каждые три крючка попадаетъ одна крупная рыба. Если рыба крупная и ярусъ до-

льно длиненъ, то одинъ такой ловъ даетъ до 300 пудовъ рыбы, но, къ сожалѣнію, это происходитъ очень рѣдко. Обыкновенно одинъ выѣздъ даетъ въ среднемъ 100—200 пудовъ рыбы.

Выбравъ ярусъ, отправляются домой. По дорогѣ, если не приходится все время грести, приступаютъ къ чисткѣ рыбы. Острыми, короткими ножомъ, отрѣзаютъ голову и, сдѣлавъ вдоль спины глубокой разрѣзъ, разворачиваютъ рыбу и вынимаютъ внутренности; послѣднія выбрасываются, за исключеніемъ печени, которая складывается въ особую посуду и сдается потомъ на салотопенные заводы для выдѣлки рыбьяго жира. Въ это время шняка окружается массой чаекъ (рис. 33) и глупышей, ожидающихъ пощадки. Всю вычищенную рыбу сейчасъ же по возвращеніи въ становище сдаютъ или фактористамъ, или скушникамъ для засолки. Солить треску часто прямо въ трюмѣ на корабляхъ и, сравнительно, рѣже прибѣгаютъ къ особымъ бочкамъ—„трещанкамъ“, въ которыя входитъ до 25 пудовъ рыбы. Посолка производится очень грязно. Норвежцы посолку трески производятъ гораздо тщательнѣе. Для себя промышленники изъ улова оставляютъ очень немного, но зато головы рыбъ дѣлкомъ переходятъ въ ихъ распоряженіе. Въ Западной Европѣ головы рыбъ и другіе отбросы идутъ на приготовленіе удобрительныхъ туковъ, но наши промышленники сохраняютъ ихъ, какъ пищевые запасы для себя на зиму. Для этого ихъ предвѣрительно развѣшиваютъ на воздухѣ и сушатъ. Такъ какъ температуры на Мурманѣ, вообще, не высоки, то прежде чѣмъ эти головы высохнутъ, въ нихъ заводятся масса червей—личиннокъ наебномыхъ. Противно дѣлается, когда подумаешь, что эти кишашіе червями отбросы будутъ ѣсть люди.

Реализовать свой уловъ на деньги или уплатить имъ долгъ, промышленники начинаютъ готовиться къ слѣдующему выѣзду въ море.

Очень оживленно проходитъ жизнь промышленника. Вернувшись съ моря, сейчасъ же ловятъ наживку и опять идти на промыселъ, но правильность промысловой жизни иногда нарушается отсутствіемъ рыбы, а еще чаще—отсутствіемъ наживки и штормами. Какъ только поднимается штормъ, всѣ сейчасъ же стремятся укрыться въ гавани, часто бросая въ морѣ яруса: настолько великъ рискъ быть застигнутымъ бурей на такомъ суднѣ, какъ шняка. Иной разъ штормъ длится нѣсколько дней, и промышленники томятся на берегу. Но еще досаднѣе бываетъ, когда при чудной погодѣ, при большомъ количествѣ рыбы въ морѣ

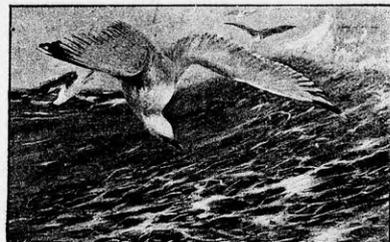

Рис. 33. Чайка.

приходится прекращать промыселъ за отсутствіемъ наживки, а такіе случаи довольно часты. Вопросъ о наживкѣ является для Мурмана однимъ изъ наиболѣе назрѣвшихъ и требующихъ возможно скорого разрѣшенія.

Промыселъ оканчивается обыкновенно около 15 августа; тогда промышленники сбиваютъ—одни въ Архангельскъ, на Маргаритинскую ярмарку, для распродажи своего товара, а другіе—по домамъ (рис. 34). Прежде чѣмъ отправляться домой, шняки вынимаются изъ воды и осмаливаются, а станы и разное имущество сдаютъ на храненіе мѣстнымъ колонистамъ и доплатя за условленную плату, и Мурманъ пустуетъ до слѣдующаго года.

Большая часть добытой рыбы отправляется в Петербург; жир сплавляется в Норвегию. Значительное количество рыбных продуктов отправляется, как говорилось выше, и в Архангельск.

Помимо парохода „Мурмань“, для охраны наших северных промыслов от вторжений иностранных промышленников, посылается особый военный крейсер, что положило конец нападкам

Рис. 34. Гавань г. Архангельска.

иностранцев, нарушавших в течение многих лет интересы приморского населения. Пробывание крейсера в Ледовитом океане приносит еще и ту несомненную пользу, что в свободное время офицеры крейсера делают съемки берегов, промеры и иные гидрографические наблюдения, которые послужат важным пособием для плавания в наших северных, так мало еще изслыдованных, водах.

На Мурмане, как, кажется, и вообще на промыслах, связанных с известным риском, любят вышивать. До 1901 г.

вино и водку можно было получать только на пароходах, совершающих рейсы между Варде и Архангельском. Приходит пароход в становище—и все, кто не ушел на промысел, стремится к нему, как к источнику жизни. Через несколько часов чуть не поголовно все становище оказывается пьяным, и в воздух стон стоит от ругани. Неприятную картину представлять в та-

кой момент становище. Летом 1901 года во многих колониях и становищах были устроены казенные винные лавки.

По всему Мурманскому берегу разбросаны колонии и становища; в первых живут колонисты, и тут же селятся и летние гости—поморы, а вторые служат пристанищем только для промышленников и обитаемы только летом.

В то время как дома колонистов вполне приспособлены к жизни в них зимой, станы, т.-е. жилища поморов, очень часто выстроены из досок и отапливаются небольшой железной печкой.

Главный пищевой продукт составляет, конечно рыба, летом—свежая, зимой—соленая. Продолжительная зима, при недостатке света, при скудном питании и северных гигиенических условиях, способствует развитию среди колонистов цинги: бывали случаи, когда зимою чуть не поголовно вся колония была охвачена этой болезнью. Если принять во внимание, что зимою на Мурмане есть только один врач, да и тот в Александровке, то такого положения нельзя не признать ужасным.

Необходимым элементом всякой более крупной колонии становища являются фактористы, которые обыкновенно в своих руках соединяют торговлю снастью и всею необходимым в обиход промышленника, а также скупают у них рыбу. Иногда фактористы имьют и свои промысловые суда и ведут промысел при помощи наемных рабочих. Товар из магазина отпускается часто в кредит, а уплата производится рыбой. Многие колонисты состоят в неоплатном долгу у этих предпринимателей, которые сплошь и рядом не стесняются в средствах для увеличения своих доходов.

Кромѣ фактористов, в каждом становище можно найти и специальных скупщиков, которые скупают рыбу у промышленников и сейчас же грузят ее на большие парусные суда для отправки в Архангельск или Петербург.

Насколько шумно и оживленно прибрежье Мурмана, настолько тиха и пустынна страна в нескольких верстах от берега. Редко-редко пролетит над вами какал-нибудь птица, так же редко промелькнет перед вами пестец или заяц. Уходя от берега, вы постепенно погружаетесь как бы в глубокую мо-

гилу; скоро тишина делается гнетущей, она давит вас.

Коренное население Мурмана—лопарь, не имеют почти никакого значения в

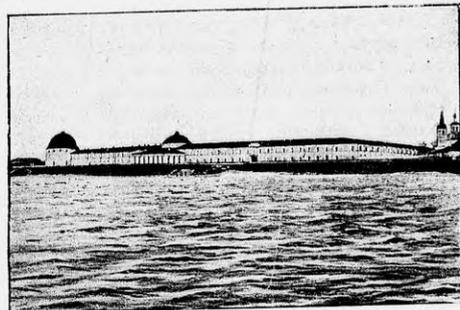

Рис. 35. Таможня в Архангельскѣ.

его жизни. Можно проехать на пароходе вдоль всего Мурмана и не встретить ни одного лопаря. Они совершенно отгнаны пришлым элементом, и нужно думать, что скоро лопарей постигнет участь всех полудиких племен, вошедших в соприкосновение с нашей культурой,—они вымрут. Лопари редко занимаются промыслом, да и то в большинстве случаев прибрежным, как, напр., семужьим; в их руках находится оленеводство; со стадами оленей они кочуют с места на место в поисках корма по всему Кольскому полуострову. Особым населением являются, как указывалось, колонисты русские и нерусские—шведы, норвежцы, финляндцы.

Замѣчательно то, что русские очень неохотно селятся на Мурмане, несмотря на то, что в последнее время каждому изъившему желание поселиться на Мурмане в целью промысла выдается значительная денежная сумма на первое обзаведение и предоставляется ряд других льгот, желающих воспользоваться всем этим находят сравнительно немного. Эта мера, быть может, очень

рациональная, имѣть и свои дурныя стороны: въ колонисты часто записываются люди, не имѣющие ничего общаго съ моремъ и морскими промыслами, иногда—это люди, которымъ нечего больше терять въ жизни. Конечно, подобнаго рода колонисты не могутъ способствовать особенному поднятію Мурманскихъ промысловъ. Насколько такіе факты имѣютъ серьезное значеніе, видно изъ того, что въ устахъ настоящаго промышленника—помора названіе колониста звучитъ довольно - таки презрительно. Совершенно инымъ типомъ являются колонисты нерусскіе. Это люди, съ дѣтства привыкшіе къ сѣверному морю и къ промысловой жизни; они являются на Мурманъ во все-

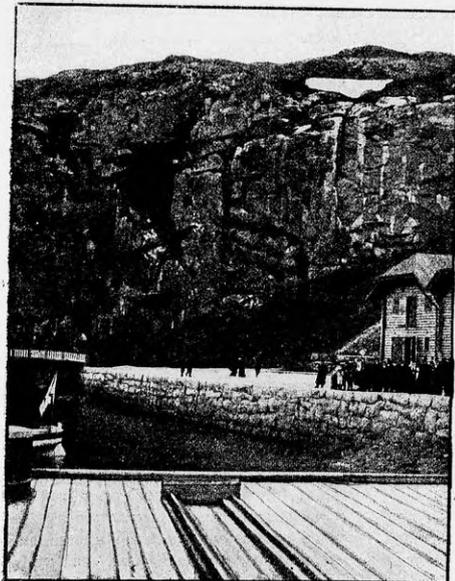

Рис. 36. Набережная въ Портъ - Александровскѣ.

оружіи хорошаго рыбака, знакомаго и съ новыми судами и съ болѣе совершенной промысловой техникой. Разница между русскими и нерусскими колонистами выражается прежде всего въ томъ, что первые влечатъ жалкое существованіе, между тѣмъ какъ послѣдніе живутъ часто очень зажиточно.

Еще до недавняго времени административнымъ центромъ Мурманъ является городъ Кола, лежащій въ глубинѣ Кольскаго залива, верстахъ въ 60 отъ открытаго моря. Неудобство такого положенія Колы сознавалось всѣми; попасть въ Колу и особенно на парусномъ суднѣ по узкому Кольскому заливу иной разъ было очень и очень затруднительно. Но такое положеніе оставалось безъ измѣненія, пока не явилась мысль о томъ, что одну изъ незамерзающихъ гаваней можно превратить въ стоянку военныхъ судовъ. Выборъ палъ на Екатерининскую гавань; здѣсь-то на берегу и былъ заложень новый городъ Александровскъ.

Александровскъ, какъ мѣсто для поселенія не привлекаетъ ни колонистовъ, ни промышленниковъ, такъ какъ онъ лежитъ все же довольно далеко отъ промысловаго района. Едва ли можно надѣяться на оживленіе этого города въ ближайшемъ будущемъ, но съ проведеніемъ туда желѣзной дороги, о чемъ одно время очень упорно говорили, Александровскъ превратится въ пунктъ, черезъ который Мурманъ будетъ сбывать свои богатства внутрь Россіи, и тогда онъ, конечно, заживетъ полной жизнью, какая только тамъ возможна (рис. 36).

Лапландія и ея жители.

(Изъ очер. Воронцова.)

На сѣверо-западной окраинѣ нашей Европейской Россіи, вдоль береговъ Ледовитаго океана, протянулась неширокой полосой непривѣтливая страна лопарей (рис. 37). Невысокія, но чрезвычайно скалистые горы бороздятъ ея поверхность по всѣмъ направленіямъ. Отъ множества озеръ, замкнутыхъ отвѣсными скалами, отъ быстрыхъ порожистыхъ рѣчекъ, топкихъ тундровыхъ болотъ и отъ этихъ горъ

приближенія къ берегамъ Ледовитаго океана. Моховыя пространства занимаютъ всѣ обильныя влагою низины и представляютъ привольныя пастбища для стада дикихъ и домашнихъ оленей. Въ своей западной половинѣ, ближе къ границѣ Норвегіи, эта страна нѣсколько теплѣе; тамъ и весна наступаетъ раньше, и зима не такъ сурова. Хотя холода стоять такіе же, какъ и въ восточной Лап-

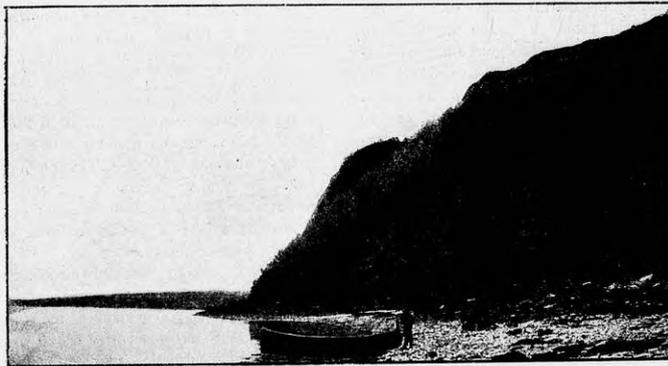

Рис. 37. Кольскій полуостровъ.

страна кажется очень дикою. Зимой, когда глубокіе снѣга сравниваютъ котловины, сглаживаютъ изрытые склоны горъ, покрываютъ сплошной чешеной озера и болота,—сообщеніе по странѣ становится возможнымъ. Лѣтомъ же многія мѣстности совсѣмъ непроходимы, и нѣрѣдко приходится дѣлать далекій окружный путь, чтобы добраться до мѣста, лежащаго по прямому направленію не далѣе нѣсколькихъ верстъ.

Хвойные лѣса покрываютъ полуденные склоны горъ и рѣдкуютъ только по мѣрѣ

ландіи, но зато зимнія бури и метели тутъ уже не такъ страшны и продолжительны. Съ половины октября и до мая вся страна погружена въ мракъ полярной ночи, который едва разсвѣивается сумеречнымъ разсвѣтомъ зимняго дня. Только *сиолохи*, то-есть сѣверныя сіиія, своимъ великолѣпнымъ волшебнымъ свѣтомъ озаряютъ эту мертвую глушь. Съ вечера, а чаще около полуночи, уже все горитъ и свѣтится, и въ блескѣ обаятаго пламени небосклона меркнутъ звѣзды и тусклѣетъ луна.

Но вот склонилась къ горизонту послѣдняя дуга потухающаго сѣвернаго сіянія, и все опять погружается во мракъ. Страшныя бури и метели часто нарушаютъ тишину полярной ночи и вносятъ въ жизнь этой, и безъ того обездоленной, страны ужасъ и разрушеніе. Спитигъ и воетъ сѣверный вѣтеръ при тридцати-градусномъ морозѣ; онъ наполняетъ воздухъ кружащейся въ страшномъ вихрѣ, снѣжною пылью, сбиваетъ съ ногъ и звѣря и человѣка, гонитъ обезумѣвшихъ отъ страха оленей въ снѣжными трупцобы и хоронитъ все живое, что не успѣло укрыться отъ бушующей природы. Къ концу мая холода и метели понемногу стихаютъ: солнце съ каждымъ днемъ все выше и выше поднимается надъ горизонтомъ, все долѣе и долѣе застается на безоблачномъ небѣ и, наконецъ, совсѣмъ перестаетъ заходить. Тогда наступаетъ полярное лѣто, съ его долгимъ днемъ безъ ночи. Теченіе времени какъ бы приостанавливается; не даромъ говорятъ лопари, что лѣтомъ времени нѣтъ, потому что нѣтъ ночи, нѣтъ обычной снѣжной занятій. Подъ влияніемъ теплыхъ лучей незаходящаго солнца, снѣга быстро таютъ и бѣгутъ многочисленными ручьями и потоками въ ложбины. Переполненные рѣки и рѣчки съ грохотомъ катятъ свои воды по каменистымъ русламъ, образуя множество бурныхъ водопадовъ и стремнинъ. За короткой весной лѣто быстро вступаетъ въ свои права. Зазеленѣли луга, сбросилъ дремучій лѣсъ свой зимній снѣжный уборъ, и душный запахъ хвои придаетъ живительную силу лѣсному воздуху. Потянули птицы съ юга, зачернѣли прибрежныя скалы миллионами чаекъ, гусей и утокъ, которые сбиваютъ воспользоваться короткимъ полярнымъ лѣтомъ для вывода своихъ птенцовъ. Оживилась вся природа, ожили вмѣстѣ съ нею и звѣрь и человѣкъ.

Хотя и не богата, не разнообразна и не весела природа Лапландіи, но она еще

можетъ прокормить человѣка. Не обильную трапезу и не привольную жизнь предлагаетъ она своему обитателю—лопарю, котораго, подобно другимъ полярнымъ инородцамъ, только нужда загнала въ эти непріютныя страны.

Лопарь приземистъ и смуглъ; его широкая голова сидитъ на короткой шеѣ, и копной торчатъ на ней черныя жесткіе волосы; совсѣмъ не вьжуются они съ его тошей рѣдкой бородкой; надъ выдавшимися скулами глядятъ подслѣповатые каріе глаза. Лопарь сумраченъ, молчаливъ и суровъ, какъ окружающаго его природа; онъ злопамятенъ и мститель, но вмѣстѣ съ тѣмъ гостепріимъ и щедръ, если встрѣчаетъ пріятель и уваженіе со стороны другихъ.

Значительная часть лопарей, такъ называемыхъ горныхъ, занимается оленеводствомъ. Между ними встрѣчаются богачи, владѣющіе стадами въ 10 и 20 тысячъ головъ, что на наши деньги составляетъ капиталъ въ 100—150 тысячъ рублей. Но такихъ немного; большинство имѣетъ отъ 1000 до 2000 оленей, а семьи, у которыхъ 500 и менѣе оленей, считаются уже бѣдными.

Русскіе лопари живутъ небольшими поселками, такъ называемыми *поостами*. Гдѣ-нибудь, среди дикой и пустынной долины или на пологомъ скатѣ горы, ютятся лопарскіе поселки: это хотя и продолжительное, но временное становище полукочевника. Лопарь-оленеводецъ сидитъ въ своемъ поселкѣ, пока олени не потравили всего моха въ окрестности: тогда онъ, волей-неволей, долженъ переехать на другое мѣсто, потому что мохъ растетъ такъ медленно, что пройдутъ десятки лѣтъ, пока новая поросль появится на потравѣ. Вотъ почему лопарскому поселку и вѣкъ не долгой, много-много, если постоятъ онъ на мѣстѣ лѣтъ двадцать или тридцать. Еще издали, подходя къ погосту, вы уже слышите лай собакъ и хриплые крики; въ воздухѣ пахнетъ рыбой и гарью; но вотъ

съ вершины послѣдней горы вы видите и самый погостъ. Маленькія избы, съ крышами на одинъ скатъ, собраны въ небольшія кучки, безъ всякаго порядка разбросанныя въ долину. Навстрѣчу всякому заѣзжему высыпаетъ все населеніе погоста и наперебой приглашаютъ къ себѣ гости. „Страннику даль—на промыслѣ взялъ“, говорятъ лопарская прословица, и лопарь, слѣдуя ей, непременно угоститъ путника всѣмъ, что есть у него лучшаго. Негостепріимная встрѣча среди лопарей составляетъ исключеніе.

Лопарское жилище (тупа, кувасъ, пярта, какъ они его называютъ) внутри очень неприглядно. Сажени три въ длину и двѣ въ ширину,— оно и тѣсно и темно. Два крошечныхъ слюдяныхъ¹⁾ оконца пропускаютъ очень мало свѣта, деревянная дверь ведетъ въ избу прямо со двора, безъ всякихъ стѣнъ, давая свободный доступъ холодному воздуху. Небольшой очагъ, сложенный изъ камней, мало грѣетъ; онъ только чадитъ, потому что дымъ плохо тянетъ черезъ дверь и черезъ небольшое отверстіе въ крышѣ. Полки по стѣнамъ да лавки вдоль стѣнъ, сколоченныя грубо изъ некрашенныхъ и плохо обдѣланныхъ досокъ, составляютъ все убранство лопарскаго жилища, въ которомъ нѣрѣдко живетъ до тридцати человѣкъ. Всѣ лопари, безъ различія состоянія, одѣваются одинаково; однако стремленіе къ щегольству встрѣчается и у нихъ. Заостренный и загнутый къверху носокъ сапога, узорчато-испещренная разноцвѣтными мѣхами и кожей оленья шуба, прихотливо украшенный пуговицами, бусами и галунами головной женскій уборъ отличаютъ лопарскаго щеголя и щеголиху. Вся одежда и домашнія утвари изготовляются самими лопарскими женщинами; но въ послѣднее время къ лопарямъ въ значительной степени

стали проникать издѣлія норвежскихъ и русскихъ фабрикъ, которыя мало-по-малу вытѣсняють предметы домашняго производства. Лопарь по природѣ чистоплотецъ; даже садясь за ѣду, онъ непременно вырядится въ лучшее платье; но чсто живетъ только горный лопарь-оленеводецъ; береговой же лопарь-рыболовъ живетъ грязно.

Лопари, какъ и всѣ полярныя народы, большіе любители всего жирнаго. Они охотно ѣдятъ даже ворвань и жиръ нерпы, отвратительный на вкусъ и запахъ. Снѣжая и вяленая рыба, уха изъ рыбы, оленье сало, топленое масло и ржаная лепешка составляютъ обычную пищу лопарей; но имъ уже знакомы и русскія сласти и норвежскій ромъ. Оленье мясо и птица появляются за столомъ лопаря только во время праздниковъ да въ торжественныхъ случаяхъ его жизни. Олень и собака—единственныя домашнія животныя у этого народа.

Лопарскій олень силенъ и статенъ. Онъ можетъ легко поднять до пяти пудовъ клады и пробѣгаетъ съ нею до 20 верстъ въ часъ. Болѣе грузная кладь надраваетъ силы животнаго, и оно гибнетъ. Зимой олень съ трудомъ добываетъ себѣ мохъ изъ-подъ отвердѣлаго слоя снѣга и тощаетъ, лѣтомъ же скоро отбѣдается и тунѣветъ. Небольшія стада оленей береговыхъ лопарей пасутся безъ всякаго надзора; у горныхъ же лопарей при каждомъ стадѣ есть пастухъ, обыкновенно подростокъ, и нѣсколько собакъ. Лопарскіе собаки не велики ростомъ, но сильны и храбры защитники хозяйскаго добра.

Олень кормятъ, поить, одѣваетъ и возитъ лопари, который ежечасно сознаетъ всѣ неисчислимыя выгоды отъ этого животнаго. Вотъ почему олень дорогъ лопарю, и всѣ его заботы сосредоточиваются на этомъ животномъ. Какъ конь для кочевника жаркихъ пустынь является образомъ силы и красоты, такъ и олень для лопаря—кочевника сѣвера. Олень

¹⁾ Слюда—слоистый прозрачный камень; въ сѣверныхъ странахъ его вставляютъ въ окна вмѣсто стекла.

стадо требует много хлопот и заботу от своего хозяина, особенно зимой, когда приходится оберегать животных и от непогоды и от голодных звёрей. Обезумившие от голода волки зимой уже без всякого страха лезут в стадо и успевают зарезать много животных, прежде чѣм лопарю удастся прогнать или перебить ихъ.

Лѣтомъ лопарь-оленоводъ спускается со своими стадами съ горъ (рис. 38) и приближается къ берегамъ Ледовитаго океана. Тамъ иногда можно видѣть, какъ надъ тихими водами какого-нибудь плеса стоять цѣлый лѣсъ оленьихъ роговъ: это бѣдныя животныя забрались въ воду, чтобы избавиться отъ комаровъ. Комаръ въ тѣхъ странахъ нарождается въ невообразимомъ количествѣ и является истиннымъ бичомъ и для животныхъ и для человѣка. Играя такую видную роль въ жизни лопаря, олень служитъ ему и еди-

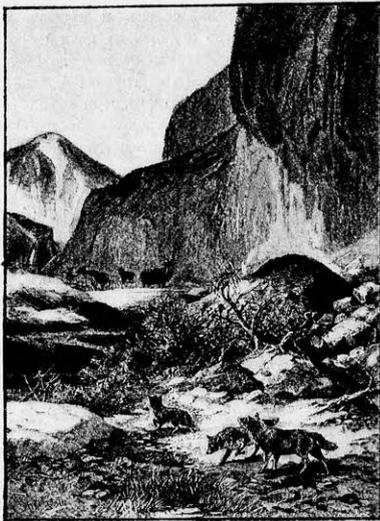

Рис. 38. Гористая тундра.

ницею цѣнности. Лопарь свое богатство и всѣ товары перекладываетъ на цѣну оленя.

Когда въ лопарской семьѣ родится ребенокъ, отецъ даритъ ему оленя-самку и мѣтитъ ее особымъ знакомъ. Затѣмъ весь приплодъ отъ нея составляетъ уже достояніе ребенка. Выбѣтъ съ возрастомъ молодого лопаря возрастаетъ и его стадо. Такимъ образомъ, когда придетъ время молодому лопарю обзавестись своимъ домомъ и хозяйствомъ, онъ вступаетъ въ жизнь уже владѣтелемъ порядочнаго стада оленей.

Ранней весной, около Егорьева дня, лопари-оленоводы поднимаются съ зимовокъ на перекочевку, — кто къ берегамъ Ледовитаго океана, кто къ большимъ озерамъ. Все лѣто они промышляютъ рыбой, частью на себя, частью на русскихъ и норвежскихъ промышленниковъ. Безоленные лопари также покидаютъ зимовки; часть ихъ работаетъ на рыбныхъ промыслахъ по Мурманскому берегу, часть уходитъ въ лѣса за птицей и звѣремъ. Послѣ Ильина дня всѣ уже сидятъ при рыбныхъ угодьяхъ и заготовляютъ свои зимніе запасы рыбы; а къ Рождеству снова возвращаются въ свои погосты.

Жизнь лопаря тяжела и разнообразна: лѣтомъ въ мокротѣ и сырости тянется онъ ежедневно тяжелый трудъ рыболова, зимой онъ запертъ въ своей извѣ неустанными выгомами и метелями. Если есть у него запасы пищи, онъ лѣниво проводитъ зимнее время, но если ихъ нѣтъ, то къ концу зимы онъ испытываетъ большую нужду и голодаетъ. Только исключительные случаи, напримѣръ, свадьбы, похороны и тому подобное, вносятъ разнообразіе въ его жизнь.

Лопари охотно справляютъ всѣ христіанскіе праздники, но особенно чтутъ изъ нихъ, въ которые наѣзжаютъ къ нимъ русскіе торговцы для мѣны товаровъ.

Русскіе безоленные лопари-рыболовы довольно замѣтно русьютъ, перенимая у русскихъ не только обычаи, но и одежду. Всѣ они обращены въ православіе около че-

тырехсотъ лѣтъ тому назадъ знаменитымъ въ свое время миссіонеромъ Трифономъ печенгскимъ. На рѣкѣ Паазъ, близъ береговъ Ледовитаго океана, въ церкви Бориса и Глѣба, построенной, по преданію, самимъ Трифономъ, можно видѣть удельныя приношенія лопарей разными мелкими вещацами, которыми увѣшаны образа.

Не весела, не привольна жизнь лопаря, не отвѣчаетъ она нашимъ привычкамъ и

Вѣра лопарей въ сеита.

(Изъ очер. Писенко.)

Считая себя за истинныхъ христіанъ, пося крестъ и строго соблюдая посты, лопари въ то же время свято вѣрятъ и въ существованіе чорта — „сеита“. Они прекрасно знаютъ, что ихъ крестилъ предодобный Трифонъ, далъ имъ посты, праздники, но далѣе исполненія этихъ постовъ и чествованія праздниковъ они не идутъ: исполненіе обязанностей христіанина, слѣдовательно, чисто внѣшнее. Чего проще человѣку, привыкшему добрую часть года питаться рыбой, — поститься, и любящему праздность — бездѣйствовать на праздникахъ святыхъ, утѣшая себя мыслью о грѣховности въ эти дни работъ? Будучи христіаномъ, рѣдкій изъ нихъ знаетъ, кто былъ Исусъ Христовъ. Въ то же время жизнь въ глухой странѣ, гдѣ лѣтомъ вокругъ одной вѣжи вертегъ на 30 отъ него нѣтъ ни одного человѣческаго жилища и гдѣ такія явленія природы, какъ громъ, молнія и выгоа, не могутъ находить въ умѣхъ лопарей истиннаго объясненія, заставляетъ ихъ чувствовать всю зависимость ихъ отъ природы, дѣлаетъ ихъ суевѣрными и, въ концѣ-концовъ, ведетъ къ прочному укрѣпленію вѣры въ существованіе какого-то высшаго, непонятнаго для нихъ духа—

1) Номадь — ночевникъ.

требованіямъ, но лопарь сжился со своей угрюмой природой, привыкъ къ ней и неохотно расстается съ нею. Уступая насиченнымъ мѣстамъ норвежцамъ и русскимъ, онъ забирается все далѣе и далѣе въ глубь лапландскихъ тундръ и тамъ попрежнему ведетъ дикую вольную жизнь съвернаго номада 1), свято сохраняя обычаи своихъ предковъ; но такихъ осталось уже немного.

„сеита“. Сеита лопарь представляетъ какъ, существо невидимое, но имѣющее чудное свойство превращаться въ живое существо, напримѣръ, въ птицу, рыбу, звѣря и прочее. Онъ живетъ, по ихъ мнѣнію жизнью лопаря: водитъ оленей, держитъ собакъ, строитъ вѣжи и прочее. Нѣкоторые лопари увѣряли, что они слышали, какъ охотился сеитъ, какъ лаяли собаки и хрустѣлъ снѣгъ подъ его кережей.

По мнѣнію лопарей, сеитъ вступаетъ въ бракъ, родится и умираетъ. Такъ, напримѣръ, по ихъ навивнымъ рассказамъ, на Выдѣ-озерѣ живетъ вдова сеита съ замужней дочерью. Живутъ онѣ въ высокой „похтѣ“ (скала, ущелье) со входомъ въ видѣ трещины, откуда по временамъ и вылетаютъ въ образѣ вороновъ. Такихъ мѣстъ встрѣтишь въ Лапландіи не мало; на каждомъ камнѣ, на каждой скалѣ, особенно причудливой формы: въ видѣ вѣжи, шалаша или фигуры человѣка, можетъ жить сеитъ.

На Пуль-озерѣ лопари умышленно пропустили одинъ изъ такихъ камней — обитель сеита, а на вышеупомянутое Выдѣ-озеро никто не соглашался насъ провѣдывать изъ опасенія навлечь на себя гнѣвъ великаго духа. Какъ бы въ подтвержденіе этого опасенія цѣлую недѣлю или надѣ тундрой шелъ проливной дождь,

или стояли втранные, холодные дни, не позволявшие нам съехать с Чортова острова и посетить тундру. Лопари обещали это противодействием сейта нашему желанию побывать на Выдь-озерѣ, которое какъ разъ находится въ серединѣ Хибинской тундры.

Богатство рыбою этого озера привлекаетъ сюда лопарей, но лишь только задуетъ свѣжій вѣтеръ, предсказывающей возможность непогоды, они быстро уѣзжаютъ. Рыбная ловля на Выдь-озерѣ производится зимой, такъ какъ привозимые на лѣто для ловли карбасы¹⁾ къ веснѣ оказываются изломанными въ куски, по увѣренію лопарей, сердитыми сейтомъ.

Въ одномъ мѣстѣ на берегу Чортова озера, мѣстоположеніе котораго лопари показать не хотѣли или не могли, по ихъ рассказамъ, стоитъ каменная фигура

По озеру Имандрѣ.

(Изъ путевыхъ воспоминаній. В. Х.)

Представьте себѣ огромное, на 100 верстъ растянувшееся въ длину озеро, теперь довольно спокойное, хотя сѣдое и слегка волнующееся. Вдали, ограничивая его воды, синѣютъ горы берега, какъ прозрачнымъ бѣлымъ пологомъ, закутанная легкимъ туманомъ. Что-то величественное въ этой громадѣ. Чувствуешь, что зануло или притворилось спящимъ это сѣдое чудовище — и вотъ-вотъ проснется, гнѣвно поднимется, разбухнетъ, а, можетъ-быть, только пошутитъ захочется ему, показать свою силу, а между тѣмъ гибель и разрушеніе принесетъ съ собой эта шутка. И, сознавая свое безсиліе передъ грозной и необузданной силой стихій, какъ-то страшно становится за бѣдное маленькое лопарское жилище, пріютившееся на берегу этой холодной страшной громады.

¹⁾ Карбасы—лодки.

сейта. Прѣзжающіе ловить рыбу подносятъ передъ ловлей сейту табуку, женщины же остаются на противоположномъ берегу.

Нѣкоторые лопари, по мнѣнію ихъ соотечественниковъ, знакомы съ сейтомъ и ведутъ съ нимъ дружбу. Такой лопарь можетъ будто бы испортить человѣка и даже накликать ему скорую смерть. Хотя предсказанія подобнаго колдуна не исполняются, но это нисколько не уменьшаетъ вѣры въ его чародѣйство, и лопари тутъ же подыскиваютъ подходящее объясненіе, въ родѣ „оматерѣнія“ колдуна. Оматерѣль, т.е. сталъ уже старъ, и сила его наѣговъ ослабѣла.

Въ болѣзняхъ обращаются къ тому же колдуну, хотя въ настоящее время лопари предпочитаютъ при случаѣ лѣчиться у русскихъ врачей (у кольскаго доктора).

Бѣдный лопарскій „пыртъ“, или тупа, и рядомъ крохотная вѣжа и есть станція Зашеечная на берегу озера Имандры. Станція въ Кольскомъ полуостровѣ отдается правительствомъ съ торговъ. Станція поступаетъ во владѣніе того изъ участниковъ торгова, кто за содержаніе ея беретъ меньшую сумму съ казны. На правительственные торгова, однако, по словамъ самихъ лопарей, не приходятъ туземцы, и такимъ образомъ содержаніе станцій является еще однимъ удобнымъ способомъ выгоды ихъ для русскихъ поморовъ. Получивъ отъ казны право на содержаніе станцій, поморъ устраиваетъ свой собственный торгова, приглашая на него лопарей ближайшихъ къ станціи погостовъ, и, въ свою очередь, отдастъ право на содержаніе ея тому, кто возьметъ съ него наименьшую плату, на много уступающую, конечно, полученной имъ самимъ отъ казны. Лопарь, содержатель почтовой станціи, оставляетъ свой погостъ и вмѣстѣ со своей семьей пере-

селется на мѣсто, гдѣ считается станція и гдѣ для него построено два жилища: зимнее—„пыртъ“ или, тупа, и лѣтнее—вѣжа. Безъ сомнѣнія, содержаніе станцій представляетъ извѣстную выгоду для лопаря, иначе не сталъ бы онъ бросать свой погостъ, свои обычныя перекочевыванія въ лѣтнія и осеннія мѣста для промысловъ. Но и тутъ лопарь не всегда бываетъ обезпеченъ отъ грубаго и безсовѣстнаго обмана.

Когда черезъ часть мы сѣдлись въ лодку, лопарка, сопровождавшая насъ въ качествѣ гребца, вышла на рукахъ колыбель съ малюткой-дочерью и бережно уложила ее на дно карбаса. На носу уже давно притаился сынишка ее Вася и еще какал-то дѣвочка.

Большой карбасъ тихо отчалилъ отъ каменистаго берега. Несмотря на то, что до слѣдующей станціи Иокъ-острова надо было сѣздать 30 верстъ по Имандрѣ, намъ дали только двухъ женщинъ-гребцовъ. Обѣ лопарки вѣяли за весла, и при помощи попутнаго вѣтра, карбасъ быстро и легко пошелъ перерѣзывать высокими острыми носомъ сѣдые волны.

Вѣлалъ ночь уже давно царилъ на небѣ. Мы устроили себѣ изголовье изъ нашего багажа и улеглись на кормѣ. Не совсѣмъ удобный, но пріятный ночлегъ. Легко покачивается карбасъ; волны съ тихимъ, пріятнымъ, хотя однозвучнымъ плескомъ ласкаются къ нему. Блѣдное, ровное, тихо-мерцающее небо опрокинуто надъ головой. Ночной, довольно холодный воздухъ снѣжнѣтъ своимъ дыханіемъ и влагаетъ въ легкія какую-то особенную силу. Закрывшись легкимъ туманомъ, точно занули дальніе берега. И среди этой ночной тиши, при которой и безъ того молчаливая природа Лапландіи кажется еще тише, спокойнѣе, еще болѣе проникнутой миромъ, отдыхается какъ-то особенно хорошо. Гребцы-лопарки не спятъ. Дружно гребутъ онѣ, вытянувъ впередъ

обутыя въ бахилы ноги. Ни на минуту не прекращается между нами быстрая лопарская болтовня. Дѣти вначалѣ тоже разговаривали, но ихъ уже давно сморилъ утомленіе дня, проведеннаго, должно-быть, въ бѣготнѣ. Уже давно не видать на носу ихъ головокъ. Прикрывшись мягкой бѣлой оленьей шкурой, они спятъ на днѣ возлѣ закрытой со всѣхъ сторонъ колыбельки.

Рано утромъ насъ будитъ своимъ произносящимъ холодомъ сырая мгла, лежащая на озерѣ и на гористыхъ берегахъ. Кругомъ все тихо. Одна лопарка сидитъ, другая влодъ двигаетъ веслами. Подъ оленьей шкурой на носу, гдѣ спятъ дѣти, видно движеніе. Дѣти, по вѣзмѣ вфронтимъ, уже проснулись, но имъ не хочется выйти изъ-подъ теплаго убжища на холодный воздухъ.

Мы прѣзжаемъ лопарскій погостъ. Стоять красиво разбросанные на дикомъ берегу почернѣвшіе пырты. Точно вымерло тутъ все. Ни души на берегу; не вѣетъ синеватой струйкой привѣтливый дымокъ, не залаетъ собака, любимца лопаря! До зимы останется пустыннымъ погостъ. Оживится онъ около декабря, когда жители его вернутся съ промысловъ, чтобы снова покинуть его около весенняго Егорія. Ни одного сторожа не остается при погостѣ. Даже не заперты тупы. Лопарь не боится воровъ: ихъ нѣтъ среди этого племени. Вскорѣ начинается накрапывать дождь, который усиливается съ каждой минутой. Мы благословляемъ судьбу, что вблизи виденъ берегъ. Сквозь густую сѣтку дождя мы вскорѣ начинаемъ различать лопарскую тупу и стоящую невдалекѣ отъ нея вѣжу.

— Иокъ-островъ, — говоритъ, лѣтливо приподнимался со дна и берся за весло, отдыхавшая лопарка.

Какая радость, намерзнувшись на холодномъ, сыромъ воздухѣ, взойти въ теплую тупу и обогрѣться у ярко-пылающаго камелька!

Кола.

(Из очер. Михайлова и В. Х.)

Вот и Кола. Дорога круто поворачивает влѣво, и городокъ неожиданно выступаетъ изъ-за высокаго прибрежья рѣки. Я говорю—городокъ, потому что таково его официальное наименование: по вѣчному виду своему это скорѣе деревня, во многомъ уступающая инымъ приморскимъ селамъ бышаго Кольскаго уѣзда. Только рѣзко бросается въ глаза древній кольскій соборъ да деревянная церковь во имя Воскресенія Христова, о девятнад-

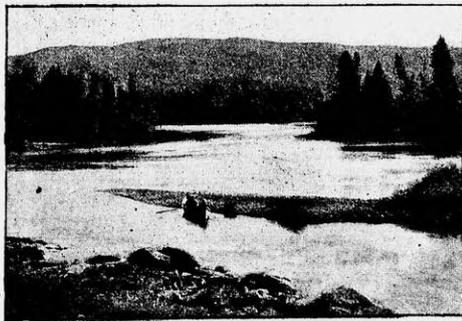

Рис. 39. Начало рѣки Колы у Мурдозера.

цати главахъ, а другихъ построекъ какъ бы и не существовало. Предъ вами раскинулись жалкія развалины и клѣтшкія. Кола (рис. 40) стоитъ между устьями рѣкъ Туломы и Колы, но при самой оконечности губы. Кольская губа не широка, но, несмотря на то, не замерзаетъ въ инныя зимы даже въ берегахъ. Глубокая и защищенная отъ сѣверныхъ вѣтровъ высокими берегами, она могла бы служить превосходной гаванью, если бы не отдаленность ея положенія. Тяжелое впечатлѣніе производить и подавляющимъ образомъ дѣйствуетъ на душу вся эта

обстановка далекаго города. Едва пробудешь въ немъ два-три дня, какъ уже помышляешь о томъ, какъ бы поскорѣе изъ него выбраться. Нужно родиться и вырасти здѣсь, чтобы свыкнуться съ почти двухмѣсячнымъ полнымъ отсутствіемъ свѣта съ продолжительными морозами въ 30 и болѣе градусовъ, наконецъ, съ страшными вьюгами, завывающими по цѣлымъ недѣлямъ и заносащими дома такъ, что нужно отрываться изъ-подъ снѣга.

Пустынно и мертвенно-тихо въ Колѣ лѣтомъ. Мужчины почти всѣ на промыслахъ, куда они отправляются ранней весной, чтобы возвратиться въ родной городъ только поздней осенью. Женщины сидятъ преимущественно дома, справляя домашнюю работу. На улицахъ только и увидишь, что ребятишекъ. То они шумно играютъ въ мячъ на зеленомъ морскомъ берегу, то, взваливъ на плечи весла, они бѣгутъ къ морю, чтобы, перѣхавъ на другой берегъ губы, забрать на торфя-

номъ болотѣ желтой морошки; то видишь—цѣлый отрядъ ихъ идетъ съ корзинами и граблями въ рукахъ на солончакъ за грибами, черникой и вороникой. Но, кромѣ ихъ веселыхъ, молодыхъ голосовъ, въ рѣдко услышите оживленный шумъ на улицѣ. Рѣдко-рѣдко только пройдетъ какой-нибудь колянникъ, стуча сапогами по деревянному тротуару—пройдетъ быстро, рѣшителнымъ шагомъ къ амбару или шинкѣ; вотъ медлительно, лѣниво возвращается домой изъ присутственнаго мѣста должностное лицо; вотъ двѣ колянки въ сарафанахъ и высокахъ ко-

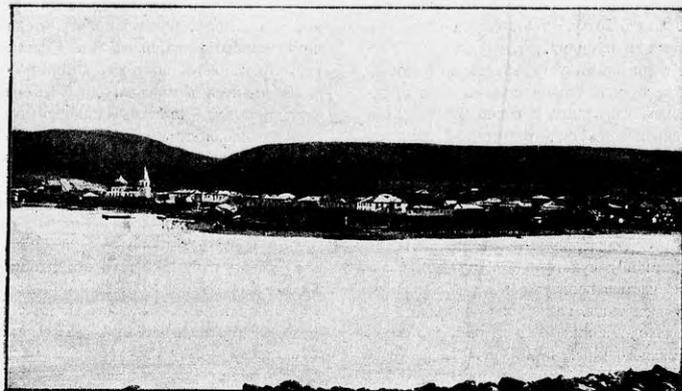

Рис. 40. Кола.

кошникахъ идти за водой къ рѣкѣ Колѣ. Стихъ шумъ отъ ихъ шаговъ—и снова молчаніе. Черезъ нѣсколько минутъ видишь того же колянника, возвращающагося такъ же быстро изъ амбара; тѣ же колянки идутъ, отягченные полнымъ ушатоми,—пройдутъ—и снова наступитъ тишина. Хозяйки рѣдко выходятъ изъ дому; онѣ должны стряпать, обшивать семью, вязать толстые чулки для хольбы (тутъ при ходьбѣ по каменной почвѣ, поросшей ягелемъ и жесткимъ кустарникомъ, предпочитаютъ толстые шерстяные чулки сапогамъ, которые скоро рвутся и стоятъ очень дорого, несмотря на то, что изготавливаются чаще всего дома; иногда къ этимъ чулкамъ пришиваютъ кожаную подошву) и исполнять другія домашнія работы.

По праздникамъ городъ оживляется немного больше, но только тѣмъ, что на улицахъ прибавляется число пьяныхъ. Кола пьянствуетъ посто-

янно. Норвежскій ромъ, ввозимый и до сихъ поръ въ большомъ количествѣ въ поморскія становища всего Мурманскаго берега, несмотря на недавнее запрещеніе правительства, въ большомъ употребленіи въ Колѣ.

Пьянство достигаетъ еще большихъ размѣровъ во время пребыванія въ Колѣ лопарей. Оживляется и городъ, по которому то и дѣло снуютъ кучки лопарей

Рис. 41. Промышленная избушка.

и поморь. Лопари, какъ известно, являются въ Колу, чтобы свести счеты съ кольскими кушцами.

Кто не жилъ хоть нѣкоторое время въ Колѣ, тотъ почти не можетъ себѣ представить, какъ вяло и сонно течетъ здѣсь жизнь и какъ она томительно ложится на душу. Чтобы хотя отчасти понять это, необходимо припомнить, что Кола, такъ сказать, отрѣзана отъ всего міра. Связаніе со всѣмъ остальнымъ этимъ міромъ устанавливается лѣтомъ во время навигаціи¹⁾; сухопутнымъ путемъ большею частью пользуются зимой. Во время же распутицы, весной и осенью, до Колы не доходитъ никакихъ вѣстей изъ всего остального міра, и живетъ Кола своей особенной тихой, вялой жизнью. Зимой веселѣе, конечно: возвращаются съ промысловъ мужчины; людиѣ становится въ городѣ, веселѣе жить, хотя тутъ-то и начинаются долгія полярныя ночи, освѣщенные только сполохами да отблескомъ снѣга,—ночи, уступающія дню иногда только нѣсколько часовъ въ сутки.

Есть въ Колѣ для обывателей три бібліотеки. Коляне вообще любятъ читать.

Соловецкіе острова на Бѣломъ морѣ.

(Изъ соч. В. Немировича-Данченко).

Пароходъ „Вѣра“ тихо плыветъ вдоль берега, словно въ безконечной панорамѣ развертывающаго передъ нами свои чудныя картины. То желтыя песчанья отмели, то зеленые откосы, то утесы, отвѣсно обрывающіеся внизъ... А тамъ, позади ихъ, что за ширь лѣсная, что за глушь тѣнистая!

Но вотъ одинъ поворотъ, и „Вѣра“ входитъ въ зеленую бухту, въ глубинѣ которой, словно призракъ волшебнаго аешнаго сна, поднимается блѣстѣнный

¹⁾ Навигация все время въ году, когда можно сплавать по рѣкѣ въ судахъ.

только тотъ, кто представитъ себѣ жизнь въ Колѣ, можетъ понять, что значить прибытіе парохода въ Кольскую губу—желаннаго парохода, который однимъ приноситъ письма, другимъ—газету, третьимъ—сѣстные припасы, нужный для какой-то постройки кирпичъ и тому подобное—и всѣмъ колянамъ, наконецъ, долю оживленія въ видѣ „привального“ и „отвального“ пиршества. Такъ какъ время прибытія парохода нельзя точно опредѣлить въ виду того, что туманы и бури въ Ледовитомъ океанѣ часто задерживаютъ его на неопредѣленное время и такъ какъ, кромѣ того, пароходъ останавливается въ 3-хъ верстахъ отъ города—его караулятъ нѣсколько дней. Бѣгаютъ на солончакъ смотрѣть, не покажется ли дымокъ, прислушиваются, не послышится ли свистокъ—и обманываются десятки разъ.

Трудно описать ту радость, которую почувствовали мы, когда въ одно холодное, пасмурное утро мы вдругъ услышали торопливые шаги людей, ходившихъ взадъ и впередъ подъ нашими окнами и часто повторявшихъ на разные лады заветное слово „пароход“.

монастырь съ высокими круглыми башнями, массою церквей, зеленые купола и золотые кресты которыхъ легко и воздушно рисуются на синемъ безоблачномъ небѣ (рис. 42). Всѣ словно замерли. Не слышно и дыханія... доносится только крикъ морскихъ чаекъ.

Тихо приближается пароходъ къ обители, которая все ярче и выше поднимается предъ нами изъ голубыхъ волнъ спокойнаго моря.

Невыразимо прелестенъ этотъ зеленый берегъ. Какое-то радостное чувство охватило всего, когда я спустился съ пароднаго трапа на плиты набережной.

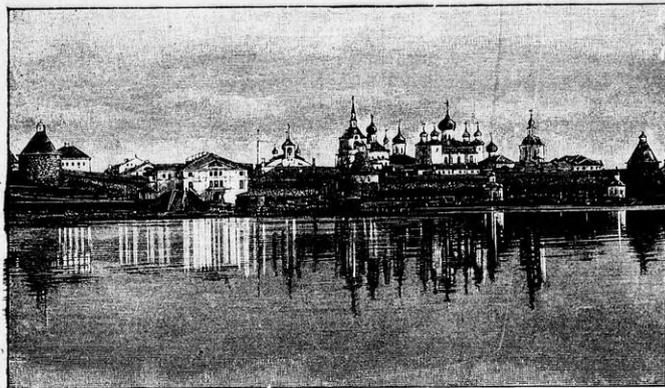

Рис. 42. Общій видъ Соловецкаго монастыря.

Прямо поднимались старинныя, изъ громадныхъ валуновъ сооруженныя стѣны. Нѣсколько башенъ высокихъ, съ остро-

ми столбѣтими вѣяло отсюда. Тутъ все было такъ же, какъ во времена первыхъ царей московскихъ. Нѣкоторые сооруже-

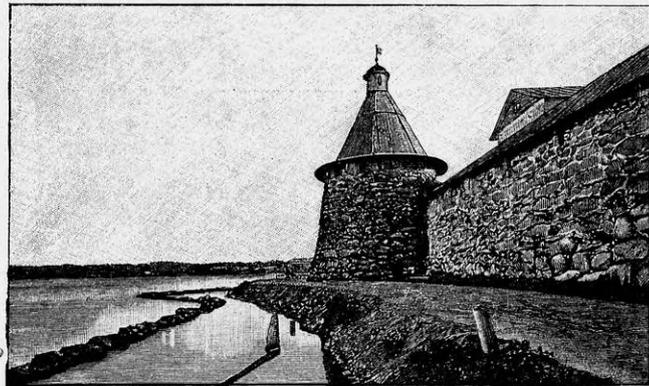

Рис. 43. Часть стѣны Соловецкаго монастыря съ гатью.

копечными верхушками, были сложены изъ тѣхъ же громадныхъ камней. На высотѣ въ стѣнахъ и башняхъ чернѣли узкія щели бойницъ. Древностью, цѣлы-

нія напоминали эпоху господина Великаго Новгородца. Отъ каждаго камня вѣяло былинною... И теперь настолько же массивны и недоступны эти стѣны (рис. 43).

Только вокруг обители все вѣсть новою жизнью, громадное трехэтажное зданіе гостиницы, доки, гдѣ монахи сами чинить и строить корабли, разводные мосты, искусственная гавань, набережная, подъемныя машины, деревянное зданіе страннопріимнаго дома, разрушеннаго англійскими ядрами, слѣды которыхъ и на монастырскихъ стѣнахъ отмѣчены черными кружками. Рядомъ съ монастыремъ тянется зданіе лѣсопильнаго завода, а кругомъ всю эту площадь обступилъ зеленый, свѣжий,—весь проникнутый изумруднымъ блескомъ, тѣнистою дремою и важнымъ покоемъ, лѣсъ. Здѣсь строятъ пароходы и литографируютъ картины для народа, дубятъ кожи, готовятъ кирпичи. Тутъ есть фотографія, финифтчики, золотильщики, ювелиры, сапожники, портные, башмачники, каменщики, механики, скотоводы, сыровары, строители-архитекторы; тутъ есть кладовыя, квасныя и пекарни. Монастырю принадлежатъ: два парохода, на которыхъ и капитаны и матросы—монахи, и морская шкуна, управляемая

тоже иноками, на ней она ловятъ рыбу и промышленногъ звѣря вдоль береговъ Мурманскихъ, въ Сѣверномъ Ледовитомъ океанѣ. Тутъ есть рубчики, столеры, гончары, кузнецы, коневоды, огородники, опытные садовники, живописцы,—словомъ, стрѣзанный иногда въ теченіе восьми мѣсяцевъ,—а шести всегда,—отъ всего остального міра, Соловецкій монастырь ни въ комъ не нуждается и ничего никогда не покупаетъ, а все, что ему необходимо, производитъ самъ, кромѣ хлѣба, пряжи и каменнаго угля. Монастырскіе огороды и сады славятся по всему сѣверу. Здѣсь чуть ли не у самаго царства полярнаго полюса ухитрились разводить въ теплицахъ арбузы, дыни и персики. Овощи огородныя такіе, какихъ не найдешь и гораздо южнѣе. Громадныя помѣщенія кузницъ, словно сказочныя подземелья, лѣтомъ охватываютъ вась своимъ мракомъ; за то работа здѣсь кипитъ, и багровые огни ярко блестятъ въ десяткахъ горнъ, слышится веселый говоръ или гнѣивъ молитвъ, стукъ молотовъ, и сыплется на окружающую

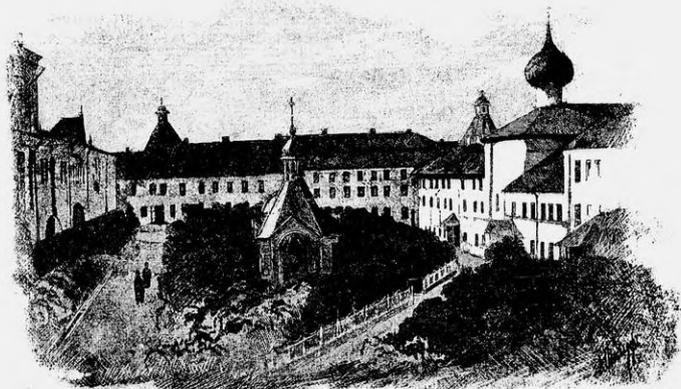

Рис. 44. Внутренній видъ Соловецкаго монастыря. Колокольня Благовѣстника.

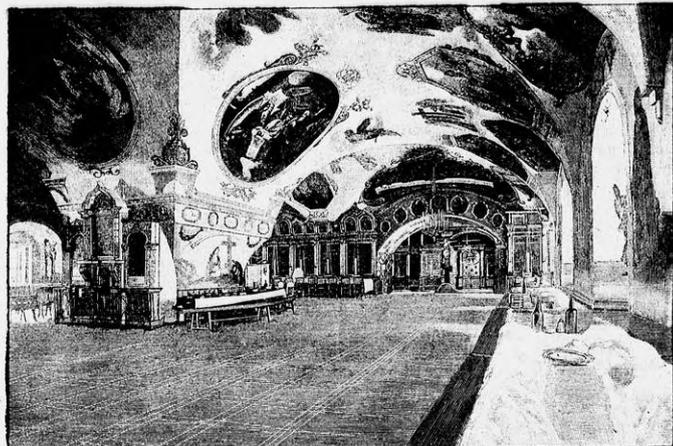

Рис. 46. Трапезная въ Соловецкомъ монастырѣ.

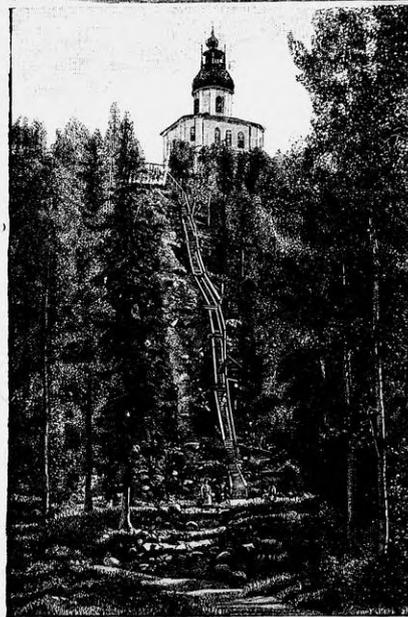

Рис. 45. Скитъ Сѣкиръ-гора въ Соловецкомъ монастырѣ.

тѣму въ-подъ нихъ цѣлыя снопы яркихъ серебряныхъ искръ. Кожевныя пускаетъ на монастырь болѣе восьми тысячъ нерпичьихъ кожъ; сверхъ того, тутъ же обдѣлываются тюленьи и моржевыя, олени и коровьи кожи. Громадный кирпичный заводъ стоитъ около и ежегодно даетъ обители четыреста тысячъ штукъ крупнаго и осадочнаго, весьма прочнаго кирпича. Всѣ зданія соловецкія выведены изъ него. Мало того: монахи, воспользовавшись ручьями, расчистили ихъ, углубили и обратили въ узенькіе каналы, устроивъ на нихъ въ одномъ мѣстѣ точильню, въ другомъ — водоподъемную машину.

Съ тѣхъ поръ, какъ Марія Посадница отдала Соловецкій островъ монастырю, монахи не переставали трудиться и работать надъ дорогами, такъ что

теперь вы идете по таким, каких нигде больше не найдете на нашем севере. Они воспользовались четырьмястами озерь маленьких, находящихся внутри островов, и завели там рыбные ловы. Своды молодых деревьев у этих озерь маняты в свою прохладную тень; роскошные кучи деревьев посреди водь, челны неподвижно чернеющие у берега, часто острые скалы, словно пики выступающие из озера,—все это полно летом невыразимого очарования. Казалось, природа хотела вознаградить здесь человека за краткость своего лета неописуемой роскошью и красотой картин. От островов к островам всюду устроены переправы, а два большие—Соловецк и

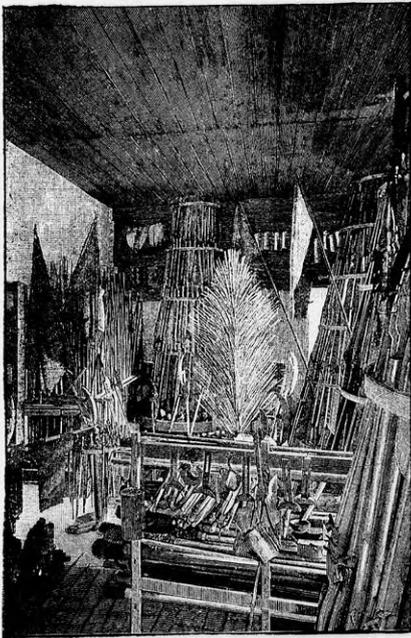

Рис. 47. Оружейная палата в Соловецком монастыре.

Мускальма—соединены между собой не болше ни мосте как мостомъ. Мостъ через море! Монахи ухитрились воспользоваться мелкими островками, лежащими между этими большими, и соединили ихъ всѣ между собою, заваливъ море камнями! Сооружение грубое, но колоссальное, вѣчное. Бури, ледяныя громады, время—безсилны передъ этою каменною стѣной. Все это сдѣлано безъ помощи машинъ, одною ручною силою.

А какъ хороша сѣверная природа Соловецкихъ острововъ! Эти скалы, рощи, озера, это, немолчно-ропчущее вокругъ. Сѣверное море, эти горы, съ которыхъ открываются дивныя виды! Весь Соловецкй островъ и соседнїе раскидываются подъ вами, когда, взойдя на вершукку горы, вы взглянете внизъ. Лѣса, озера, поляны, церкви, скиты, часовни и горы — все это смѣшивается въ общую чудную картину. Какіе нѣжные переливы красокъ; какіе мягкіе изгибы линий! Тутъ—темная зелень сосноваго лѣса, тамъ—изумрудный просторъ поемнаго луга и повсюду серебряныя щиты вязиныхъ озеръ. Они точно шары на зеленомъ бархатѣ. Берега острова рѣзко очерчиваются передъ глазами какъ на картѣ, но каждый пунктъ ихъ является отдѣльною картиной. Тамъ группа скалъ, вдвинувшихся въ море, обрывъ надъ ними; тутъ длинный мысъ, поросшїй щетиной темнаго лѣса; тамъ земная отложина, нечувствительно сливающаяся съ темнымъ моремъ; тутъ послѣднее глубоко-глубоко врѣзывается въ землю, образуя въ ней внутреннїя озера, едва замѣтныя проливами связанныя съ громаднымъ водянымъ просторомъ, золотящїяся лѣсными дорогами, бѣлыя церкви. Какъ малы и какъ вязицы они кажутся съ этой высоты! Въ лѣсахъ золотыя искры—кресты затерявшихся въ ихъ дремь часовенъ. Вонъ на зеленой

лужайкѣ раскинулось стадо оленей; глаза едва ихъ различить; а гребни этихъ холмовъ, этотъ чудный и чистый, какъ дѣтская молитва, воздухъ, это безбрежное море... Засияетъ розовая заря, и разомъ вспыхнутъ внизу сотни озеръ; точно безчисленные костры пылаютъ они,

пока солнце совѣтъ не зайдетъ за горы. Вершины лѣса тоже охвачены этимъ нѣжнымъ сініемъ; темное вокругъ море въ такомъ уголкѣ горитъ пурпуромъ, золотомъ и лазурью. Бѣлыя церкви становятся розовыми, пурпуровыми, золотыми...

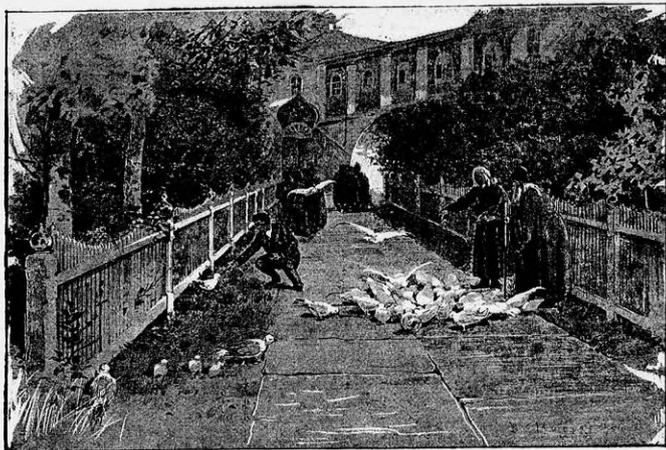

Рис. 48. Кормление чаекъ въ Соловецкомъ монастырѣ.

Въ поморскомъ селѣ.

(Изъ оч. Станровской).

Спустимся въ это красивое село и войдемъ въ главную улицу (рис. 49). Прежде всего вамъ бросятся въ глаза нѣсколько зданїй съ надписями: уѣздное училище, уѣздный судъ, уѣздное казначейство. А, такъ это городъ!—скажете вы, и не ошибетесь: это городъ, и городъ, имѣющїй для поморовъ большое значеніе. Спросите сами у любого изъ нихъ о Кемь, и онъ расскажетъ вамъ, что изъ Кемь много народу ѣдетъ на промыслы, очень много; что тамъ есть большіе богачи, къ которымъ можно наняться, если не имѣешь своего судна, своихъ снаря-

довъ для ловли; что тамъ хорошіе мастера судовъ, и прибавить, что хоти строить суда и въ другихъ селеняхъ поморья, но „супротивъ кемскаго ни одно судно не станетъ“, а добавокъ непременно постарается показать вамъ судно, сдѣланное кемскимъ мастеромъ.

— Гдѣ же они учились?—спросите вы.

— Почто учиться? и безъ ученья сдѣлаютъ, смастерятъ такое суденышко, что сколько годковъ будетъ ходить куда угодно,—ни у тебя течи, ни у тебя сломаются что... Почто ученье? Дѣды и отцы

еще положили эту науку,—ну, и передали сыну, тотъ своему, такъ все и идетъ...

Значитъ поморы не любятъ учиться, не учатъ дѣтей, подумаете вы послѣ этого разговора. Нѣтъ, вы ошибаетесь: загляните-ка въ Архангельское пхиперское училище, чьи дѣти тамъ учатся?—Поморы. Загляните въ большія поморскія села, вездѣ вы увидите большой деревянный домъ съ надписью: сельское училище. Да спросите въ той же Кемпи о шиперскомъ училищѣ: всѣ выразятъ

Рис. 49. Поморское село.

большое сожалѣніе, что его закрыли. Только поморъ уменъ: если онъ имѣетъ средства, онъ даже учитъ дѣтей въ Архангельскѣ; но, отдавая въ ученые мальчика, будетъ просить учить арифметикѣ и нѣмецкому языку по преимуществу (нѣмецкій языкъ сходенъ съ норвежскимъ): намъ, моль, это всего нужнѣе; отдавая же дѣвочку, проситъ о рукодѣльѣ и тоже объ арифметикѣ. „Въ хозяйствѣ-то болно нужно; вонъ мужъ уѣдетъ—все сама, и продать и кушитъ; вездѣ, значитъ, счетъ у насъ, безъ этого нельзя“, добавитъ умная, бойкая поморка.

Кипитъ ключомъ дѣятельность въ Поморьѣ вплоть до осени. Задуютъ осенние сѣверные вѣтры, вгустятся поморами: „гдѣ-то наши, благополучны ли, живы ли?“—сожмется сердце поморки за своего мужа, за своихъ маленькихъ дѣтишекъ, что тоже отправились въ море. Чаше и чаще выходитъ она на берегъ посмотрѣть, не ѣдутъ ли; бѣлѣющіеся паруса уже нѣсколько разъ обманывали ея ожиданія. Но вотъ и радость: наѣхали! Наѣхали и навезли товаровъ, поностей, а если изъ Норвегіи, то и подарковъ. Но не всѣмъ веселье, — привезутъ поморы и грустныя вѣсти: „а вѣдь у дяди Павла судно разбилось, всѣ потопили!“ А то и вѣстей нѣтъ, и осень пройдетъ—нѣтъ, и зима настанетъ—нѣтъ: погибли!

Возвратился домой поморъ, но еще отдыхомъ наслаждаться не можетъ: товары-то накоплены, рыбы и звѣрей наловлено, продать нужно. И бѣгутъ опять суда: бѣжить и шкуна, и ладья, и шнякя, и карбась, но бѣгутъ теперь въ другую сторону—въ Архангельскъ, на ярмарку. Раньше всѣхъ плывутъ небольшіе карбасики съ чѣмъ-то гризноватоблаго цвѣта; приглядитесь, и вы узнаете соль. Но отчего она такая гризная? А вотъ вернемся назадъ, заглянемъ въ тѣ деревни, гдѣ поморы занимаются вываркой соли. Прежде всего вамъ бросается въ глаза черные ветхіе сараи. Войдемъ. Дымъ густой бѣлой струей бросается вамъ въ глаза, такъ что вы невольно ихъ закрываете. Но въ слѣдующую минуту, когда часть дыма уйдетъ, вы мо-

жете разглядѣть большой черной котелъ, висящій надъ ямой, гдѣ съ трескомъ горятъ дрова, различитѣ и мальчика, присѣвшаго на корточки и подбрасывающаго топливо, и мужика, мѣшающаго въ котлѣ, и незакрытые сагроми. Съ плескомъ, журча, вливается вода, накачиваемая насосомъ черезъ трубу, проведенную изъ моря. Достаточно разъ взглянуть на черный, прокоптившійся котелъ, достаточно разъ вдохнуть тяжелымъ дымнымъ воздухомъ, чтобы догадаться, отчего соль не можетъ быть чистой, только что вываренная, и еще болѣе заглянитъ, оставаясь неприкрытою въ дымѣ и копоти.

Да солеварникамъ и нѣтъ побудительной причины дѣлаться аккуратнѣе, и такъ раскупать нарасхватъ: все Поморье требуетъ соль постоянно въ огромномъ количествѣ, часто даже не хватаетъ на соленье рыбы. Но вода въ варницу идетъ не только изъ моря, но также изъ соленыхъ колодцевъ, и часто ихъ устраиваетъ не одинъ владѣлецъ, а цѣлая деревня; въ послѣднемъ случаѣ варятъ соль по-

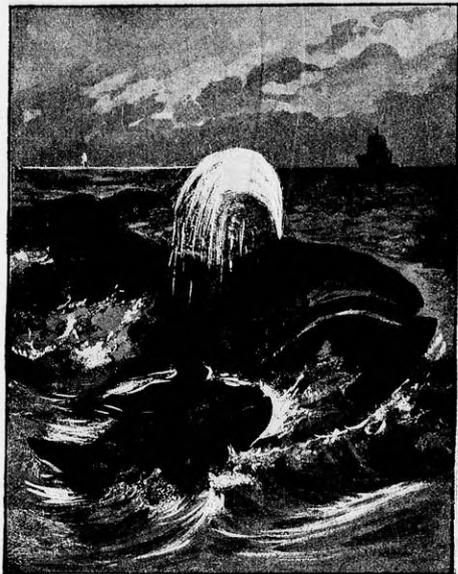

Рис. 50. Кить.

очередно. Узнавъ, гдѣ и какъ добываютъ соль, вернемся къ оставленнымъ судамъ.

Сѣверный вѣтеръ пронизываетъ платателей насквозь, такъ что и полшубокъ одѣть впору. Тяжелыя сѣрыя волны съ остервенѣніемъ нападаютъ на суда; глядя на нихъ, нельзя разсчитывать на благополучное плаваніе. Но вотъ показались воздушныя бѣлыя очертанія Архангельска, и скоро суда съ трудомъ подходятъ къ пристани. Шумъ, гамъ, толкотня на архангельскомъ базарѣ цѣлый мѣсяцъ, и только по окончаніи его все утихаетъ, наступаетъ холодная сѣрная зима. Свинцовое море въ бѣлыхъ берегахъ ужасно. Опять ходить на поверхности его угрожающія льдины, но угрожать теперь никому: поморы дома наслаждаются отдыхомъ.

Рис. 51. Моржъ.

Да и зима, впрочем, не всегда въ Поморьѣ обходится благополучно: не въ рѣдкость тамъ случаются такія вещи. Посреди моря сильнымъ вѣтромъ тащить огромную льдину; на ней, взмахивая руками, несется человекъ; шапку сорвало съ головы; русые волосы прядями падаютъ на страшно поблѣднѣвшее лицо; крики... не крики, а вопли доходятъ до товарищей. Всѣ они занимались ловлей морскихъ звѣрей (рис. 51), убивая ихъ въ ту минуту, когда, высовывая голову между льдинами, звѣри хотятъ вдохнуть свѣжей воздухъ. Вѣтеръ ли оторвалъ или звѣри столкнула своими судорожными предсмертными движениями, только одну льдину съ товарищемъ, прилежно занявшимся убитымъ звѣремъ, унесло, и замѣтили это только тогда, когда она была уже далеко... Рѣшили достать лодку и догнать, во что бы то ни стало; но вѣдь это дѣло сомнительное, тутъ не мудрено погибнуть и самимъ смѣльчакамъ. Хорошо, какъ вынесетъ льдину на островокъ: тамъ можно прожить, пока не подоспѣютъ товарищи, да нерѣдко бываетъ, что умираютъ на нихъ голод-

ною смертью: всѣ эти островки такъ пустынные...

Но зимой ловлей звѣрей занимаются очень мало; это время отдыха, свадебъ, праздниковъ. Только мальчики занимаются дѣломъ: усядутся около прорубей и спускаютъ въ воду веревку, съ привязаннымъ на концѣ кускомъ рыбы. Жадная навага (во множествѣ наполняющая поморскія рѣки) сейчасъ же бросается на него, минута—и она вытащена. Способъ не хитрый, и много же ея вылавливается, потому и цѣнится навага въ Поморьѣ очень дешево.

У крыльца того красиваго дома, въ которомъ мы побывали, стоитъ тройка лошадей. Крестьянъ, садится въ нее обьемистый хозяинъ, отправляясь въ Москву продавать семгу, шкуры звѣрей и другіе товары. Хозяйка и дѣтишки всѣхъ возрастовъ провожаютъ его, напоминая ему купить то-то и то-то. Звѣня колокольчиками, быстро помчалась тройка по снѣжнымъ сугробамъ, помчалась туда, гдѣ не такъ рискованно живется, гдѣ солнышко свѣтитъ теплѣе и ярче, гдѣ не такъ продолжительна и жестока зима.

Замѣчательные города и мѣстности Сѣвернаго края.

(По К. К. Случевскому)¹⁾.

Архангельскъ расположенъ на правомъ берегу Сѣверной Двины, въ самомъ началѣ рѣчной дельты (рис. 52 и 53). Когда подъѣзжаешь по Двинѣ къ городу, то изъ храмовъ ближе другихъ виднѣется Архангельскій монастырь съ его пятью темными вадутыми куполами; далѣе по берегу выдвигается соборъ съ пятью зелеными главами, покрытыми золотыми звѣздами. Двина дѣлаетъ тутъ поворотъ вправо, и поэтому всей замѣчательной длины города, тянущагося вдоль берега, сразу не оглядишь: Троицкая, главная

улица его, идетъ на семь верстъ. Но ширина города не болѣе полуверсты; сейчасъ же за городомъ начинаются тундровыя болота. Пароходъ идетъ вдоль вытянутыхъ подлѣ берега поморскихъ шкуновъ, барокъ, паузковъ и пароходовъ, и останавливается недалеко отъ таможи (рис. 35)—громкадѣйшаго зданія съ двумя высокими полукруглыми куполами. Налѣво видны: Моисеевъ островъ, Заостровье, Кегостровъ съ ихъ церквами, а вдали Соломбала, служащая гаванью для большихъ океанскихъ кораблей.

Мѣстность, на которой расположенъ Архангельскъ, ровная, низкая; только въ Соломбахѣ и по двинскимъ берегамъ она

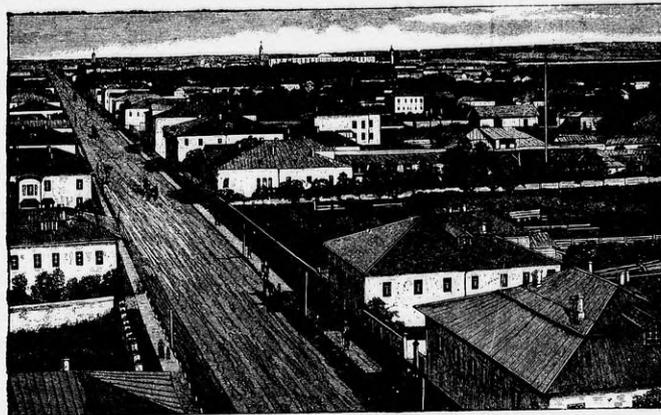

Рис. 52. Архангельскъ. Нѣмецкая слобода.

Рис. 53. Архангельскъ. Ломоносовская площадь.

¹⁾ Изъ книги „Русская земля“ Руднева.

немного подъята, но это совершилось „нѣмецкою землей“, привозившею сюда въ видѣ балласта и накопившею за долгое время громадными массами.

Дома въ Архангельскѣ болшею частью деревянные, небольшие, стоятъ на значительномъ разстоянн другъ отъ друга. Лучшая часть города — Соборная площадь; здѣсь стоитъ пятиглавый соборъ, окруженный бульваромъ, а кругомъ большіе каменные дома. Соборъ освященъ въ 1805 г. Очень замѣчательны въ соборѣ стояща съ обѣихъ сторонъ его по двѣ полукруглыя, на колоннахъ, подъ сѣнами, божницы; въ одной изъ нихъ высится крестъ, собореноручно сдѣланный Петромъ Великимъ, въ память избавленія отъ бури близъ Унскихъ Роговъ.

Архангельскъ получилъ свое имя отъ стоявшаго на его мѣстѣ, до основанія города, монастыря Чуда Архангела Михаила. Въ началѣ XV вѣка всѣ иноки этого уединеннаго монастыря были перебиты норвежцами, монастырь сожженъ и отстроенъ вновь съ трудомъ. Въ 1553 г. сюда впервые прибыли англичане. Отъскывая путь въ Китай и богатую Индію черезъ Ледовитый океанъ, они отправили три корабля подъ начальствомъ Вилгоби. Два корабля погибли со всѣмъ экипажемъ у Мурманскаго берега, а третій занесло къ устью Двины, къ монастырю, одиноко стоявшему на берегу. Капитанъ этого корабля, Ченслеръ, завелъ сношенія съ начальствомъ города Холмогоръ, а затѣмъ отправился въ Москву, гдѣ былъ милостиво принятъ царемъ Иоанномъ Грознымъ и отправленъ на родину съ грамотой къ английскому королю. Вскорѣ Ченслеръ вторично приѣхалъ въ Москву, уже въ качествѣ королевскаго посла, и выхлопоталъ англичанамъ право торговать безданно и безпошлинно во всѣхъ русскихъ городахъ.

Въпротиву, уже вскорѣ послѣ этого началось заселеніе того мѣста, гдѣ стоитъ городъ Архангельскъ, хотя прямыхъ указаній на это не имѣется. Основаніе го-

рода относится ко времени царствованія Θεодора Иоанновича: въ 1584 г. сюда прибыли царскіе воеводы и заложили деревянную крѣпость—Новыя Холмогоры. Стали селиться подлѣ крѣпости торговыя люди, прѣзжая сюда изъ Холмогоръ, составлявшихъ торговый и административный центръ края. Въ 1637 г. случился пожаръ; монастырь перенесенъ выше по рѣкѣ, и очистилъ такимъ образомъ мѣсто для быстро возникавшаго города.

Архангельскъ какъ будто подготовился и окрѣпъ какъ разъ ко времени Петра Великаго. Въ 1693 г., когда Петръ впервые посетилъ Архангельскъ, въ городѣ было уже 29 домовъ иностраннаго купечества и приходило до 40 кораблей. Царь, увидѣвъ впервые море, къ которому такъ упорно стремился и значеніе котораго провидѣлъ, немедленно принялся за дѣло съ свойственной ему энергіей. На соломбальской верфи закупѣла работа, царь ежедневно посѣщалъ верфи, биржу и ярмарку. Приказано было изготовить два купеческихъ судна, и одно изъ нихъ съ русскимъ товаромъ было отправлено за границу.

Въ слѣдующемъ году царь вторично прибылъ въ Архангельскъ. Въ маѣ вступилъ въ Двину первый выстроенный у насъ корабль „Св. Павелъ“, а въ юнѣ прибылъ фрегатъ, заказанный въ Голландіи. Отправившись въ Соловки на богомолье. Петръ I вынесъ страшную бурю; онъ и всѣ бывшіе съ нимъ причастились, ожидая смерти, но лощанъ Антонъ Тимоеевъ сумѣлъ провести судно въ Унскіе Рого. По возвращеніи царя изъ Соловокъ „Св. Павелъ“ былъ отправленъ за границу съ русскимъ грузомъ и подъ русскимъ флагомъ, впервые родившимся тогда на свѣтѣ и составленнымъ изъ трехъ голландскихъ цѣтговъ, но только въ обратномъ порядкѣ. Къ 1701 г. на архангельской верфи было построено 6 кораблей для царской заграничной торговли.

Въ третій разъ посетилъ Петръ I Архангельскъ въ 1702 г. и прибылъ вмѣстѣ съ царевичемъ Алексѣемъ. Съ флотомъ изъ 13 кораблей онъ вышелъ въ море, разсчитывая встрѣтить шведовъ, но тѣ не явились.

По преданію, въ одинъ изъ прѣздовъ Петра, получило свое названіе селеніе Соломбала. Царь увидѣлъ жнецовъ въ полѣ и захотѣлъ дать имъ балъ; снопы служили столами и скамейками, и это былъ настоящій „соломенный балъ“. Исторически это невѣрно, и названіе селенія происходитъ отъ финскаго „соломба“, означающаго болотистое мѣсто.

Какъ росла торговля Архангельска въ Петровское время, видно изъ того, что въ 1694 г. въ городъ прибыло 50 кораблей, а въ 1716 г.—233.

Въ 1708 г. началась постройка на соломбальской верфи военныхъ судовъ.

Насколько Петръ любилъ и холилъ Архангельскъ вначалѣ, настолько же безжалостенъ сталъ къ нему, когда возникло другое его дѣтище—Петербургъ. Указомъ 1622 года запрещено привозить къ Архангельску товаровъ больше, чѣмъ потребно для губерніи; послѣ этого указа къ городу пришло только 26 кораблей. Вскорѣ занесло пескомъ устье Двины, и суда, прежде подходившія съ самому Архангельску, принуждены были останавливаться у Соломбалы.

Въ 1762 г. указъ Петра I былъ отмѣненъ и это снова подняло духъ и предприимчивость архангелогородцевъ: заве-

Рис. 54. Островъ на Сѣв. Двинѣ.

лось снова 40 торговыхъ домовъ и вывозъ достигъ 10 милліоновъ; но золотымъ временемъ для города были 1809—1814, когда Наполеонъ закрылъ англичанамъ всѣ порты Европы, и они подъ американскимъ флагомъ стали ходить въ Архангельскъ. Со времени Отечественной войны стало быстро совершенствоваться и архангельское военное судостроеніе. Улучшеніе водныхъ сообщеній внутри имперіи къ Петербургу и проведеніе къ нему желѣзныхъ дорогъ въ третью четверть XIX вѣка гибельно отразились на процвѣтаніи Архангельска. Главный портъ въ Архангельскѣ былъ упраздненъ, торговля города пала. Теперь, несомнѣнно, Архангельску предстоитъ новый расцвѣтъ, ближайшей причиной котораго будетъ выстроенная уже Вологодско-Архангельская желѣзная дорога.

За городомъ, вверхъ по теченію Двины, лежатъ обширныя льняной и смольной буны, хранящіе огромныя запасы этихъ важныхъ отпускныхъ грузовъ. Еще при Петрѣ Великомъ, вслѣдствіе подлоговъ русскихъ товаровъ, отправлявшихся за границу, была учреждена должностъ бра-

ковшиковъ товара, которые нанимали нужное для себя количество помощниковъ. Это сохранилось и до настоящего времени. Браковка льна на бунтѣ производится въ длинномъ деревянномъ строеніи 4 браковщиками, 60 десятниками и 288 рабочими. Начинается она съ осмотра „пробоекъ“: это нѣчто въ родѣ льняныхъ сноповъ. Браковщики, захватывая между колѣнами связку льна, перебираютъ ее руками, будто расчесывая ее всю; такъ же поступаютъ съ худшими сортами, съ куделью или очесомъ; разобранныя по сортамъ пробойки переносятся на „машинны“, связываются въ „бунты“ около 17 пудовъ вѣсомъ, и къ нимъ прикладывается пломба. Пломбѣ этой вполне доверяютъ за границей. Ленъ приходитъ сюда, главнымъ, образомъ изъ Вологодской и Вятской губерній, сбывается въ Англію и Францію, Америку, отчасти въ Германію, Бельгію и Голландію.

Въ недалекомъ отстоящемъ отъ города смолянско бунтѣ, бочки со смолою и пекомъ лежатъ на землѣ, открыто, длинными правильными рядами. Браковщики съ замѣчательнымъ искусствомъ и быстротою опредѣляютъ, всунувъ въ бочку небольшую деревянную ложку „шупъ“, одинъ изъ пяти сортовъ смолы; на бочкѣ

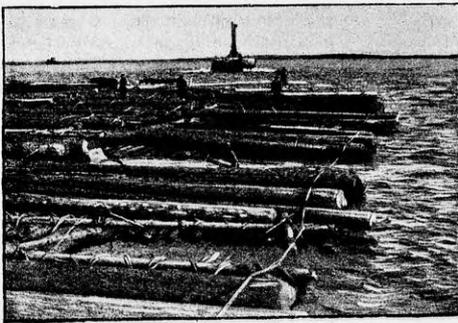

Рис. 55. Букировка лѣса въ Архангельскѣ.

„водянкѣ“, т.-е. съ примѣсью воды, выцарапываютъ крестъ. Пеку только два сорта, и браковщикъ, ломая плиточку, опредѣляетъ его достоинство по валому и по вкусу; на бунтѣ два браковщика, русскій и иностранный, и 60 рабочихъ. Товаръ приходитъ въ Архангельскъ изъ уѣздовъ Холмогорскаго, Пинежскаго, Шенкурскаго и изъ Вологодской губерній. Очень много пеку идетъ въ Италію и Испанію для передѣлки въ канифоль для смычковъ. Изъ Архангельска вывозится ежегодно болѣе 160 т. пудовъ смолы. Кромѣ льна и смолы, изъ Архангельска вывозятся: лѣсъ (рис. 55), мука, крупа, мясо, щетина и рогажи. Предметами привоза въ Архангельскъ служатъ: колоніальные и фабричные товары, соль, нефть, свинецъ, желѣзо, рыба. Значеніе Архангельска для заграничной торговли выражается въ присутствіи многихъ иностранныхъ консуловъ; ихъ пестрые, часто богатые нерусскіе мундиры придаютъ собранію представителей мѣстныхъ властей и сословій совершенно своеобразный видъ, не имѣющій мѣста въ другихъ губернскихъ городахъ. Важное значеніе Архангельска для нашего Сѣвера сказывается по осени, въ сентябрѣ, на Маргаритинской ярмаркѣ. Тутъ производится снабженіе припасами и материалами на всю нашу долгую зиму; тутъ устанавливаются годовыя цѣны добычи всѣхъ морскихъ промысловъ; тутъ можно наблюдать въ это время всѣхъ представителей нашего сѣвернаго населенія — кореловъ, самоѣдовъ, лопарей, поморовъ, каждаго со своими особенностями. За послѣдніе годы были сдѣланы нашими поморами попытки вывозить грузы изъ Архангельска прямо въ Англію; попытки увѣчались успѣхомъ, и нельзя не пожелать имъ дальѣйшаго, болѣе широкaго развитія.

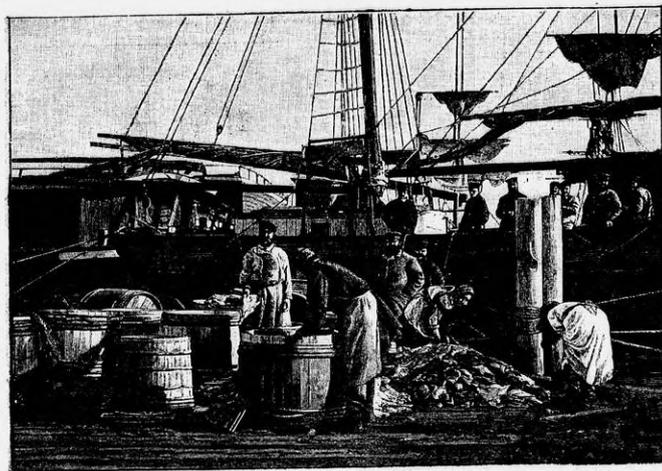

Рис. 56. Перегрузка трески изъ шхуны въ бочки въ Архангельскѣ.

П.

Плывя вверхъ по Двинѣ, мы встрѣчаемъ двѣ замѣчательныя мѣстности, имѣющія важное значеніе въ исторіи нашего сѣвера—это городъ Холмогоры и село Вавчуга. Маленькій городокъ Холмогоры находится недалеко отъ устья рѣки Пинеги, на берегахъ впадающей въ Двину рѣчки Курополки. Небольшое нынѣ село Вавчуга лежитъ верстахъ въ 12 отъ Холмогоръ, на возвышенномъ правомъ берегу Двины. Двина между Вавчугою и Холмогорами какъ будто раздулась, образовавъ цѣлыя группы острововъ, подлѣнные многими рукавами. На заливныхъ лугахъ этихъ острововъ приволье для холмогорскаго скота мѣстныхъ крестьянъ.

Холмогоры вырисовываются издали на совершенно плоскомъ, невысокомъ берегу. Пристань устроена приблизительно въ срединѣ города, разстланнаго въ одну улицу на полутораверстномъ разстояніи вдоль рѣчки. Это, собственно говоря, не

городъ, а не особенно большое село: въ немъ около 1000 жителей; луга и болота проникаютъ въ самый городъ, и холмогорскому скоту совершенно вольготно лежать даже на улицѣ. Вправо отъ пристани тянется какія-то полуразрушенныя, накренившіяся лачуги—это мѣстный гостинный дворъ. Своеобразность Холмогоръ сказывается и въ томъ, что соборъ его, оконченный строеніемъ въ 1691 г., и лежащій подлѣ него Успенскій монастырь составляютъ два послѣднія зданія вытнутаго въ одну улицу города.

Глядя на Холмогоры, съ трудомъ вѣрится, что этотъ городъ имѣлъ долгое и почтенное историческое прошлое, что во времена владѣчества на сѣверѣ Новгорода онъ былъ средоточіемъ всего Заволочья, а съ XV вѣка, когда Заволочье было присоединено къ Москвѣ, до Петра Великаго былъ торговымъ и административнымъ средоточіемъ края.

Съ возникновеніемъ Архангельска торговый людъ началъ мало-по-малу поки-

дать городъ и переселиться къ морю, но еще въ самомъ концѣ XVII вѣка Холмогоры были довольно значительнымъ городомъ: вдоль крѣпостной ограды Холмогоръ высилось 12 башенъ, имѣлось четверо воротъ и глубокий ровъ, слѣды котораго отчасти видны и теперь. Петръ I по пути въ Архангельскъ три раза былъ въ Холмогорахъ, по его повелѣнію сюда

Рис. 57. Памятникъ Ломоносову въ Архангельскѣ.

были доставлены голландскіе производители рогатаго скота, образовавшіе знаменитую холмогорскую породу.

Нельзя не упомянуть того, что въ 1744 году, въ архіерейскій домъ, нынѣшній Успенскій монастырь, неожиданно были привезены „секретные арестанты“. Тайна раскрылась только черезъ 36 лѣтъ. Ока-

залось, что Холмогоры служили мѣстомъ заключенія бывшей правительницы Анны Леопольдовны, ея супруга Антона Ульриха и дѣтей ихъ. Анна Леопольдовна и ея супругъ скончались въ заточеніи, а дѣти ихъ уже въ царствованіе императрицы Екатерины II были отправлены тайно въ Данію. Помѣщеніе, которое занимала семья несчастнаго Антона Ульриха, сохранилось и теперь: это небольшой, но свѣтлая комнаты, съ унылымъ, безжизненнымъ видомъ на рѣку.

Въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Холмогоръ находится деревня Денисовка, одна изъ многихъ (около 40) деревень большого острова Курострова, покрытаго лугами и полями. Эта деревня была родиной знаменитаго русскаго ученаго и писателя Михаила Васильевича Ломоносова (1712 — 1765). Памятникъ Ломоносову поставленъ въ Архангельскѣ (рис. 57), а въ деревнѣ Денисовкѣ открыто „Ломоносовское“ училище на добрую память, пользу и назиданіе потомкамъ.

Небольшое нынѣ село Вавчуга издавна принадлежало посадкамъ людямъ Баженинымъ. Они первые начали отправлять за границу лѣсъ съ построеннаго ими завода. Петръ I, осмотрѣвъ ихъ заводъ, остался имъ очень доволенъ и далъ Баженинымъ жалованную грамоту. Вскорѣ Баженины, съ разрѣшенія царя, принялись за кораблестроеніе. Съ паденіемъ кораблестроенія и торговли въ Архангельскѣ вавчужская верфь тоже пострадала и сдѣлалась ничтожною. Теперь въ Вавчугѣ отъ прежняго времени мало что осталось; о верфяхъ нѣтъ и помину, и только каменные части церкви да маленькая колоколенка съ деревянной галлерейкой, можетъ-быть, видѣли великаго Петра.

Недалеко отъ лѣваго берега Двины (въ 9 в.) находится Сійскій Антоніевъ ¹⁾ монастырь ²⁾, имѣющій немаловажное зна-

¹⁾ Св. Антоній пришелъ сюда изъ Твери въ 1520 г.

²⁾ Въ 162 в. отъ Архангельска.

значение въ исторіи нашего царствующаго Дома: Филаретъ Никитичъ, впоследствии патриархъ московскій, долгое время томился въ немъ въ суровомъ заточеніи. Въ монастырѣ хранится копія съ портрета Филарета Никитича, писанная въ XVIII вѣкѣ. Имѣется также очень хорошая копія произведенія великаго князя Іоанна Іоанновича — „Служба преподобному чудотворцу Антонію“ (1579 г.).

Небольшой теперь Сійскій монастырь имѣлъ когда-то 3500 душъ крестьянъ; особенно много жертвовалъ на него Іоаннъ IV на поминovanje убитаго имъ сына. Въ монастырѣ почиваютъ подъ спудомъ мощи св. Антонія.

Если гдѣ-либо время и люди не поддавали древности, то это именно въ Сійскомъ монастырѣ. XVI вѣкѣ осталась только въ прочныхъ, нерушимыхъ стѣнахъ—все остальное ново, подкрашено, испорчено, погибло. Погибла и келейка, въ которой жилъ когда-то патриархъ Филаретъ; говорятъ, она сгорѣла; теперь,

на мѣстѣ ея воздвигнута какое-то жалкое помѣщеніе.

Окрестности Сійскаго монастыря очень живописны и богаты озерами; говорятъ, императоръ Александръ Благословенный, проѣзжая въ 1819 г. въ Архангельскъ, вышелъ около монастыря изъ коляски и долго любовался представившимся ему видомъ.

III.

Къ сѣверо-востоку отъ Архангельска, при впаденіи рѣки Мезени въ губу Мезенскую, лежитъ городъ Мезень (рис. 58). Мезенская губа отличается особеннымъ обиліемъ бѣлухъ, достигающихъ здѣсь 3¹/₂ сажень длины и составляющихъ главное основаніе быта мѣстныхъ поморовъ. Крупныя бѣлухи постоянно показываются подлѣ судна на поверхности воды своими бѣловатыми спинами, которая иногда трудно отличить отъ лѣны, бѣгущей по волнѣ. Хотя бѣлуха водится и въ другихъ заливахъ Бѣлаго моря, а

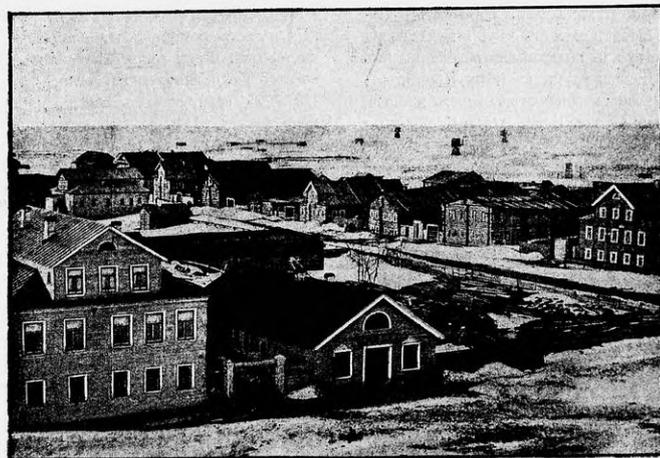

Рис. 58. Мезень, Архангельской г. (за городомъ тундра).

Рис. 59. Древняя деревянная церковь на Сѣверной Двинѣ (въ Бѣлой Слудѣ).

также около Новой Земли и при устьѣ Печоры, но изъ всѣхъ ближайшихъ мѣстъ она почему-то искони полюбила заливъ Мезенскій.

Съ юго-западной стороны въ заливъ впадаетъ рѣка Кулай. Въ этомъ забытомъ, непосѣщаемомъ краѣ еще и теперь существуетъ пользование волоками: изъ Сѣв. Двины идутъ въ рѣку Пинегу, отътуда, волокомъ въ полторы версты длиною, до рѣки Кулай. Близъ устья Кулай чуть-чуть обросовывается на низменномъ берегу деревня Щелье, жители которой занимаются ловомъ бѣлухи, особенно обильнымъ въ весеннее время. На противоположномъ берегу виднѣется деревня Семжа; жители ея, кромѣ бѣлухи, промышленяютъ также и семгу. Другихъ поселеній на узенькой песчаной прибрежной полосѣ нѣтъ. Дальше за этой полосой тянется одна безконечная, однообразная безотрадная тундра.

Мезенскій заливъ неглубокъ и для пароходовъ, сидящихъ въ водѣ всего на 4 фута, доступенъ только во время прилива. Почти нигдѣ нельзя встрѣтить такой мутной воды, какъ въ этомъ заливѣ. Вода здѣсь въ полномъ смыслѣ шоколад-

наго цвѣта, и солнечные лучи не могутъ проникнуть въ глубь ея. Эта муть обусловливается песчано-глинистыми берегами и такимъ же дномъ и необыкновенно и неустанно взбаламучивающихъ воду: кончается приливъ—а отливъ начинается, и это два раза въ сутки, на 22 фута вышины, начиная отъ самаго дна. Въ водѣ подобной воды образуется осадокъ песка и ила въ четверть аршина.

Войдя въ рѣку Мезень, судно проходить мимо Красновскаго лѣсопильного завода. Заводъ доставляетъ сосну въ Англю, а лиственницу—въ наше морское министерство. Весь рѣшительно лѣсъ вывозится распиленнымъ на доски.

Въ 25 верстахъ отъ завода, на правомъ берегу рѣки, возвышающемся надъ ея уровнемъ сажени на четыре, и стоитъ городъ Мезень. Въ городѣ имѣются „лицы, недурные дома, но тундра пробивается къ самымъ крыльцамъ ихъ, и кочки почтенныхъ размѣровъ мѣшаютъ ходбѣ и ѣздѣ. Въ Мезени два собора, изъ которыхъ одинъ новый, а другой старый; послѣдній освященъ въ 1718 г., но и до сихъ поръ красуется въ полномъ здравіи стараго, неразрушимаго лѣса и представляется однимъ изъ самыхъ цѣльныхъ, хорошо сохранившихся, деревянныхъ памятниковъ Петровскаго времени (рис. 59). Въ Мезени около 2 т. жителей. Большинство мужского населенія носитъ олени „дахи“ и „малыцы“. Костюмъ довершается мѣховою шапкою, „пыжикомъ“, и „пи-

Рис. 60. Мезенскій промышленникъ на тюленя.

мами“, сапогами изъ оленей шерсти волосомъ вверхъ. Нарядъ женщинъ никакими особенностями не отличается, если не считать повязки головныхъ платковъ съ двумя рожками на лбу.

Въ полтора верстахъ отъ Мезени, сразу послѣ зеленого луга, безъ всякихъ переходовъ начинается „адъ“—безконечная тундра, идущая отсюда на многія тысячи верстъ къ океану. Возлѣ города она совершенно суха и усыяна огромными кочками темно-бураго цвѣта съ самыми чашными слѣдами растительности. Безотрадною темнею отсюда идти она въ безконечность, и не напрасно называютъ ее „адамъ“: при взглядѣ на нее она производитъ впечатлѣніе такой безконечной, безотвѣтной и молчаливой смерти, что ничего подобнаго и представить себѣ нельзя.

Въ страшной глуши стоятъ Мезень, составляющая административное средоточіе огромнаго края въ 21.150.000 десятинъ. Къ Мезенскому уѣзду относятся и острова Колгуевъ, Вайгачъ и Новая Земля. Въ Мезенскомъ уѣздѣ три става. Въ составъ перваго входятъ 10 волостей и тундры Канинская и Тиманская. Населеніе уѣзда

составляютъ: великоруссы по Мезени и отчасти по Печорѣ, зыряне—четыре волости, и самоѣды, кочующіе по тундрамъ. Главныя занятія—хлѣбопашество, скотоводство (олень), лѣсная охота, а въ волостяхъ приморскихъ рыбные и морские звѣринные промыслы.

Отправимся на пароходѣ изъ Мезени, т.-е. съ восточнаго берега Бѣлаго моря, къ его южному берегу, къ городу Онегѣ (рис. 61).

Въ виду устья Онеги поднимается живописный островъ Кію, покрытый старымъ боромъ, въ густь котораго пріютились три церкви Крестнаго монастыря, осно-

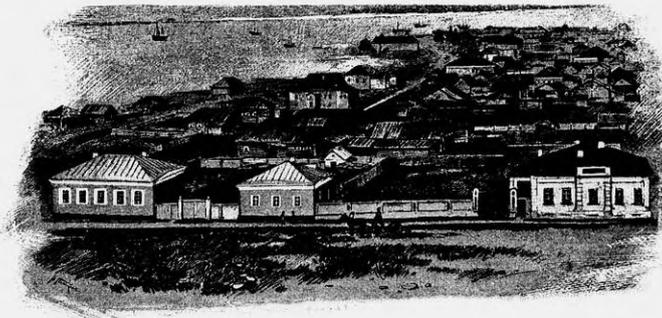

Рис. 61. Г. Онега.

ваннаго въ XVII столѣтїи Никономъ. Пароходы, направляющіеся къ Онегѣ, обходятъ Кио-островъ, оставляя его влево, и идутъ новымъ фарватеромъ, обозначившимся только нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Справа берегъ совершенно низменный, а на лѣвомъ берегу виднются гѣвыскія лѣсистыя горы. Рѣка Онега во время прилива кажется полноводною, но въ отливъ обнажается, хотя и не въ такой степени, какъ Мезень, и въ руслѣ, передъ самымъ городомъ Онегой, глубина никогда не бываетъ менѣе двадцати футовъ. Берега Онеги низки и болотисты. Въ шести верстахъ отъ устья, на лѣвомъ берегу рѣки, разсталися вдоль воды старинный лѣсопильный заводъ компаніи „Онежскаго лѣсного торга“, основанной англичанами уже болѣе ста лѣтъ тому назадъ, съ неисчислимымъ множествомъ бревенъ и досокъ, сложенныхъ въ многоярусные штабели. На правомъ берегу рѣки, плоскою, обрывистою и песчаной, лежитъ городъ Онега (63°53' сѣв. ш.). Городъ тянется вдоль рѣки версты на двѣ и, какъ и всѣ наши сѣверные города, придерживается воды и имѣетъ только одну улицу, если не считать коротенькихъ поперечныхъ переулочковъ, поросшихъ сочною травою, вполне пригодною подъ пастбища. Тундра, какъ и въ Мезени, топорицца по улицамъ и здѣсь. Въ глубинѣ за городомъ виднются невысокіе, поросшіе густымъ лѣсомъ холмы. Въ городѣ около 3000 жителей, занимающихся преимущественно морскимъ промысломъ, ловомъ семги (въ 18 в. отъ Онеги, у села Подпорожья) и нагрузкой лѣсного товара на иностранныя суда, которыхъ много стоитъ передъ городомъ въ лѣтнее время.

Въ Онегѣ, какъ и во всѣхъ остальныхъ городахъ сѣвернаго побережья, мы находимся на очень древней исторической почвѣ. Такой маленькой невзрачный городокъ, и такая удивительная историческая давность! Городъ основанъ въ XV вѣкѣ новгородцами подъ именемъ „Усть-

янской волости“. Въ 1613 г. эта волость была разорена литовцами и русскими измѣнниками. При царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ Устьянская волость вмѣстѣ съ ближайшими поморскими селениями была пожалована Крестному монастырю. Въ 1780 г. Устьянская волость превратилась въ уѣздный городъ Онегу.

Онега служитъ главнымъ мѣстомъ отпуски лѣса за границу. Лѣсное дѣло возникло здѣсь еще въ 1755 г., когда императрица Елизавета Петровна дала графу Шувалову привилегію на заведеніе тутъ лѣсопильныхъ заводовъ и иностранную торговлю лѣсомъ. Шуваловъ вскорѣ продалъ это право англичанину Гому, который завелъ при одной онежской верфи своихъ пятьдесятъ кораблей и положилъ начало опустошительному истребленію онежскихъ лѣсовъ. Впрочемъ, у Гома дѣло не пошло, и казна передавала это предпріятіе въ другія руки; въ 1756 году образовалась компанія „Онежскаго лѣсного торга“. Хищническое, небрежливое истребленіе лѣса продолжалось до послѣдняго времени, пока правительство не изслѣдовало нашего сѣвернаго лѣсного хозяйства и не установило извѣстныхъ правилъ относительно рубки, пользования и торга лѣсомъ. Но заботясь о прекращеніи хищническаго истребленія лѣсовъ, правительство въ то же время предоставило большія льготы поморамъ въ пользованіи лѣсами, которые на сѣверѣ имѣютъ важное значеніе не только для охоты, но и развитія и поддержки рыбныхъ промысловъ: поморъ можетъ строиться, отапливаться и поднимать шняву для промысловъ чуть ли не даромъ.

Лѣсопильный заводъ, лежащій почти противъ города,—одинъ изъ тѣхъ пунктовъ нашего сѣвернаго побережья, изъ котораго съ давнихъ дней идетъ за границу огромное количество нашихъ лѣсныхъ матеріаловъ. Лѣсъ за границу отправляется въ видѣ досокъ, а не бревнами. Досокъ четыре сорта, пятый—бракъ, остающійся для сбыта поморамъ,

которые торгуютъ имъ въ розницу. Рейки, остающіяся съ боковъ бревенъ, и обрѣзки концовъ идутъ, главнымъ образомъ, на дрова. Въ огромномъ количествѣ, изжелта бѣлыми холмами, лежатъ около завода опилки; опилки эти безопаснымъ образомъ сжигаются, хотя изъ нихъ можно было бы добывать уксусную кислоту и другіе химическіе продукты и дѣлать древесную массу.

На заводѣ преобладаетъ сосна, но имѣется не мало и ели, которая въ послѣднее время, вслѣдствіе скуднѣянія сосны, начинаетъ находить сбытъ. Самая удаленная отъ завода доставка лѣса идетъ изъ Каргопольскаго уѣзда по рѣкамъ Мошгѣ и Онегѣ розсыпью; у села Карельскаго поставленъ затонъ, ниже—другой, подлѣ Анды (въ 5—6 верстахъ отъ Онеги), откуда лѣсъ, связанный плотами бревенъ въ шестьсотъ, спускается до Онеги. Въ Англію отпускается болѣе 20 судовъ; для нагрузки имѣются два парохода. Заводъ устроенъ хорошо; рабочихъ лѣтомъ 500, зимой 200 человекъ; для нихъ устроена особая казарма.

Отъ Онеги, по западному берегу заливъ начинается *Поморье*, откуда крестьяне купцы и судохозяева снаряжаютъ „покруты“ на Мурманъ.

Приблизительно на среднѣмъ пути между Онегой и Сумскимъ посадомъ лежитъ большое (260 дворовъ) село Нюхча, знаменитое въ нашей исторіи походомъ Петра I отсюда на Онежское озеро, приведшимъ къ взытію шведской крѣпости Нотебурга (нынѣ Шлиссельбургъ) и основанію Петербурга. Явившись въ Нюхчу 16 августа 1702 года на 13 корабляхъ, съ царевичемъ Алексѣемъ и свитой, Петръ велѣлъ флоту ити обратно въ Архангельскъ, а при себѣ оставилъ только два фрегата. Фрегаты были вытасканы на берегъ и потянуть ихъ даръ за собою волокомъ на Повѣнецъ на разстояніи 160 верстъ. Черезъ десять дней войска вступили въ Повѣнецъ, а фре-

гаты спущены въ Онежское озеро. Уцѣлѣвшіе до сихъ поръ слѣды просѣкъ и свай носятъ въ народѣ названіе „Государевой дороги“.

Сумскій рейдъ мелокъ и фарватеръ направляется къ посадѣ очень извилисто; для обозначенія его поставлены въ открытомъ морѣ бераки и елочка, кое-гдѣ увѣшанныя вѣниками. Чтобы попасть въ посадъ, пересякаются на лодочки, которыми управляютъ женщины. Здѣсь, какъ въ Кемѣ и Колѣ, повторяется картина женскаго города, съ тѣмъ же блестящимъ одѣяніемъ, пестрою лентъ и золотомъ кокошниковъ; съ силою и ловкостью, управляются сумлянки со своими лодочниками, дружно налегаютъ на весла и громко кричатъ.

Сумскій посадъ расположенъ въ 3 верстахъ отъ устья рѣки Сумы, довольно узкой, извилистой, порожистой, шумно бѣгущей въ яркой сочной зелени низменныхъ береговъ. Если есть гдѣ-либо въ сѣверной Россіи такой видъ на поселеніе, который прелестенъ, собранъ въ одно красивое вдоль и поперекъ дѣло, такъ это Сумскій посадъ. Посадъ расположенъ по обѣимъ берегамъ рѣки Сумы, пробѣгающей подъ двумя мостами и образующей возлѣ верхняго, пѣшеходнаго, роскошннй пороги; выбѣжавъ, выскочивъ изъ-подъ этого моста, рѣка яркою кидается на небольшой островокъ, стараясь нести его, но неудачно. Когда подъѣзжаете къ посадѣ съ моря, вась поражаетъ характернаго его особенності: это бесчятные амбарники, нависающіе надъ Сумою, которая вмѣстѣ въ посадѣ сажень 30 ширины. Амбарники опираются на сваи, стоятъ рядомъ во всю длину посада, и отъ нихъ къ водѣ сбѣгаютъ лѣстницы, ступени которыхъ состоятъ иногда изъ цѣлыхъ бревенъ; между амбарчиками просѣиваются жилые дома, опрятные, высокіе, хорошо обставленные, какъ и всѣ дома нашихъ сѣверныхъ городковъ. Дома эти двухъ-п трехъэтажные тянутся вплотную одинъ-

Рис. 62. Типы старовѣровъ на Сѣверѣ.

подлѣ другого, такъ что если вы хотите гулять, то можете обходить въ круговую, отъ моста къ мосту, по обимъ берегамъ. Это главный центръ посада, и тутъ-то именно, въ глубокой неприкосновенности, высятся на двухъ холмахъ старинныя церкви посада, возлѣ моста черезъ Суму. Тутъ же вагромоздилось въ стѣнахъ своихъ, имѣющихъ еще бойницы, подворье Соловецкаго монастыря. Здѣсь же, въ центрѣ посада, старое кладбище, не обнесенное заборомъ. Все это, вмѣстѣ взятое, — церкви, мостъ, холмы, кладбище, подворье, оживленная толпа женщинъ въ пестрыхъ нарядахъ, быстрая рѣка съ амбарчиками на сваяхъ, — составляетъ картину изъ ряда вонъ великолѣпную.

Рис. 63. Главная улица Кемь.

Въ XV вѣкѣ Сумскій посадъ принадлежалъ Марѣ Посадницѣ и былъ дарованъ ею Соловецкому монастырю. Въ XVI вѣкѣ тутъ былъ поставленъ острогъ, основаніе котораго намѣчены и по сегодня: стѣна его имѣла около версты длины, 3 сажени вышины и 6 башенъ. Въ началѣ XIX вѣка, въ хорошіе годы торговаго мореплаванія, Сумскій посадъ имѣлъ до 148 судовъ, изъ нихъ 80 мореходныхъ; черезъ Суму шло снабженіе кипѣвшего тогда работою Архангельска, такъ какъ всѣ нужные материалы шли тогда гужомъ съ олонекскихъ заводовъ и изъ Петербурга.

Въ Сумахъ около 300 дворовъ; болѣе половины жителей — старовѣры (рис. 62).

Къ сѣверу отъ Сумскаго посада и какъ разъ противъ Соловецкихъ острововъ находится городъ Кемь. Городъ расположенъ по обимъ берегамъ рѣки Кемь и на образуемомъ ею устьями островкѣ Лепостровѣ, въ котловинѣ, окруженной покрытыми мхомъ и лѣсомъ горами. Море между Соловками и Кемью никогда не

спокойно, вѣчно терзается приливами и отливами, чрезвычайно разнящимися своею вышиною въ той или другой губѣ его; можно наблюдать простымъ глазомъ борьбу приливовъ съ отливами, называемую «сулоемъ». Для стѣзда съ парохода на кемскій берегъ необходимо воспользоваться приливомъ, при чемъ нѣсколько верстъ можно стѣлать на паровомъ катерѣ, а дальше, ближе къ городу, въ порогахъ рѣки Кемь приходится ѣхать на мѣстныхъ лодчонкахъ.

По мѣрѣ приближенія къ Кемь прежде всего обозначается на берегу сосновая роща, съ часовнею Ильи пророка, отстоящею въ трехъ верстахъ отъ Кемь; роща эта — любимое мѣсто прогулокъ кемлянотъ. Почти одновременно съ нею показывается и сама Кемь (рис. 63), съ ея двумя соборами, старымъ и новымъ, еще не оконченнымъ. По мѣрѣ приближенія катера все яснѣе и яснѣе поднимаются изъ воды мелкія строенія, вырастаютъ какъ будто и берегъ, замкнутый вдали по кругу довольно высокими холмами. Оставивъ влѣво полуразрушенную батарею, построенную противъ англичанъ

Рис. 65. Кемлянка.

Рис. 64. Поморки Кемскаго уѣзда.

въ 1855 году, катеръ входитъ въ довольно широкій бассейнъ, образумый рѣкою Кемью. Отсюда до берега кажется близко, рукой подать, а между тѣмъ тутъ-то и предстаетъ самое трудное: поблизости клокочетъ вѣчно ревущій порогъ. Между островкомъ съ часовенкою и городомъ рѣка Кемь перекидываетъ свои крупныя сердитыя волны черезъ крутой и высокій гребень скалы и направляетъ ихъ дугою, образуя сильную круговую стремнину. Тутъ переаживаются на легкія и быстрыя лодочки, доски которыхъ связаны сосновыми

Рис. 66. Старый Кемский Успенский собор.

корнями или тростником. Гребцы на лодочках женского пола (рис. 64). Съ лентами на лбу, въ золототканыхъ по-войникахъ, съ цвѣтными платками на шеѣ и на груди, быстро и ловко принимаются кемлянки за работу, и утлыя лодочки, поднимаясь могучимъ ударамъ весель нашихъ плечистыхъ сѣверянокъ, быстро скользятъ по безумно прыгающимъ бѣлымъ волнамъ порога и минуя черезъ пять достигаютъ берега.

Въ Кемѣ все мужское население города, способное работать, съ марта по сентябрь или октябрь живетъ на Мурманскихъ промыслахъ, а всѣ женщины остаются дома, что не мѣшаетъ имъ пускаться въ открытое море, когда угодно и на чемъ угодно; здѣсь дѣтя еще въ люлькѣ готовится быть морякомъ, такъ какъ матери берутъ съ собою дѣтей въ лодки и укладываютъ ихъ спать на носу или въ кормѣ. Сѣмьи кемлянки (рис. 65) до безу-

мя, и нерѣдко тонуть даже въ городскомъ порогѣ.

Кемь раздѣляется рѣкою на двѣ части, соединенныя между собою мостомъ. На правомъ берегу рѣки возвышается старый деревянный соборъ, построенный въ 1714 году (рис. 66). Соборъ замѣчательнъ по своей архитектурѣ и въ своемъ иконостасѣ хранить иконы, несомнѣнно болѣе древнія, чѣмъ онъ самъ. На лѣвомъ берегу рѣки строящийся каменный соборъ, а за нимъ рядъ большихъ и красивыхъ домовъ поморовъ. Живутъ поморы обыкновенно въ нижнемъ этажѣ, по праздникамъ переходятъ въ верхній и тутъ принимаютъ гостей. Дома убраны чисто, красиво, и могутъ похвастать обстановкою: занавѣси, зеркала и мягкая мебель не рѣдкость у хозяевъ промысловъ. Нарядятся любятъ жены и дочери не только хозяевъ, но и простыхъ работниковъ — „покручниковъ“. Наряды отличаются яркостью; мѣстный жемчугъ, вылавливаемый въ рѣкѣ Понькѣ (рис. 67 и 68), въ 50 верстахъ отсюда, составляетъ одно изъ любимыхъ украшеній. Здѣсь, какъ и вездѣ, любятъ „пѣсни играть“, и во всякое время на берегу, подъ роко-танье порога, слышатся пѣсни.

Жителей въ Кемѣ болѣе 2.000. Какъ и значительная часть побережья Бѣлаго

Рис. 67. Ловля жемчуга.

моря, Кемь была вотчиною Марыи Борепкой, которая въ 1450 году отдала ее Соловецкому монастырю. Въ концѣ XVI вѣка Кемь подвергалась нападеніямъ шведовъ. Въ XVII вѣкѣ Соловецкій мостырь поставилъ въ Кемѣ острогъ и снабдилъ его пушками, пищальми и припасами. Съ 1785 г. Кемь—уездный городъ, и открывалъ его бывший въ то время олонецкимъ губернаторомъ поэтъ Державинъ, едва не утонувшій при побѣдкѣ моремъ въ Кемь.

Хотя Кемь и считается однимъ изъ лучшихъ городовъ въ Архангельской губерніи, но лѣтомъ здѣсь не увидишь ни одной телѣги, ни одной лошади. Отъ Кемѣ до Онеги и по всему Канда-лакскому заливу на протяжении 500 верстъ вовсе нѣтъ сухопутныхъ дорогъ, и все сообщеніе происходитъ на карбасахъ; гребуть опять-таки только женщины, которыя могутъ въ сутки сдѣлать 120 верстъ, работая въ двѣ сѣмьи. Проѣзжая черезъ Кемь зимою, путникъ превращается изъ „сѣдока“ въ „лежкака“. Широкая дорога за Кемью превращается въ узкій, идущій между сугробами снѣга желобъ, по которому можно ѣхать лишь въ одиночку въ узкихъ и длинныхъ саняхъ съ шарошнымъ верхомъ; путешественника укладываютъ на оленью шкуру и везутъ, перекладывая на станціяхъ, 300 верстъ до Кандалакши, откуда начинается уже путь на оленяхъ въ Колу.

Кемью кончается богатое поморье и расколъ; дальше къ сѣверу начинается земля кареловъ.

IV.

Вологда, одинъ изъ древнѣйшихъ русскихъ городовъ, лежитъ на совершенно ровной, отчасти болотистой мѣстности, на берегахъ рѣки Вологды, вѣроятно, давшей свое имя городу.

По преданію, Вологда возникла въ одно время съ Москвою. Вологда много потерпѣла отъ новгородцевъ за то, что, словно предвидя будущее, постоянно тянула къ Москвѣ, подъ властью которой окончательно закрепились при Василии Темномъ. Ослѣпленный Шемякою Василий жилъ здѣсь и съ помощью вологжанъ возвратилъ себѣ московскій престолъ. При Иоаннѣ III Вологда служила для многихъ мѣстомъ заточенія.

Особенно нравилась Вологда Иоанну

Рис. 68. Отборка жемчуга.

Грозному. Онъ былъ здѣсь три раза и прожилъ въ послѣднее посѣщеніе очень долгое время. Онъ построилъ здѣсь Софійскій соборъ, недалеко отъ него заложилъ огромное подземное зданіе для казнохранилища, сдѣловъ котораго искали, но не нашли; онъ же прокопалъ канавки для осушенія города, началъ обносить его стѣною и хотѣлъ даже сдѣлать Вологду своею столицей. Построенный Грознымъ Софійскій соборъ существуетъ и теперь и выделяется изъ числа 42 церквей города, являясь его лучшимъ украшеніемъ. Соборъ о пяти куполахъ; иконостасъ пятнадцатый; фрески на стѣнахъ—конца XVII вѣка, но онѣ сильно подновлены лѣтъ 30 тому назадъ и кажутся свѣтловатыми, блѣдными. Постройка собора велась подъ личнымъ наблю-

дением царя. Однажды, осматривая работы, царь получил удар в голову от упавшего из свода камня. Царь так разгневался, что велел было сломать всю постройку, но смягчился просьбами посадских людей и дозволил достроить собор. Но освящен был храм только во время правления царицы Софии.

В царствование Грозного завязались торговые сношения с англичанами через Бѣлое море, и Вологда сдѣлалась очень важнымъ складочнымъ мѣстомъ. Въ междуправствіе Вологда пострадала отъ польскихъ шаекъ, царю Михаилу Федоровичу пришлось обнести городъ деревянною стѣною. Въ 1655 г. почти половина жителей Вологды погибла отъ моровой язвы. Дальнѣйшая исторія города связана съ именемъ Петра Великаго. Петръ I былъ въ Вологдѣ пять разъ и основаніемъ Петербурга убилъ торговое значеніе города. Память объ Юангѣ Грозномъ и Петрѣ Великомъ какъ-то сочета-

Рис. 69. Домикъ въ Вологдѣ, гдѣ жилъ Петръ Великій.

лась и живеть въ городѣ. Близъ церкви Теодора Стратилата, выстроенной Грознымъ при полученіи извѣстія о рожденіи сына Теодора, находится домъ, гдѣ два дня прожилъ Петръ I. Этотъ небольшой домикъ (рис. 69), въ которомъ всего двѣ комнаты, стоитъ на берегу рѣки Вологды. Въ немъ помѣщается небольшой историческій музей, гдѣ хранятся нѣкоторыя цѣлныя древности; передъ домомъ стоитъ петровская пушка и виситъ старинное церковное било.

Губернскимъ городомъ Вологда сдѣлалась въ 1796 году. Въ Вологдѣ черезъ рѣчку два моста; судостроеніе по рѣкѣ Вологдѣ очень развито, и спускается здѣсь на воду ежедневно около 300 судовъ. Въ послѣднее время городъ Вологда соединенъ рельсовымъ путемъ съ Архангельскомъ.

Въ пяти верстахъ отъ Вологды находится Прилуцкій монастырь, основанный въ XIV вѣкѣ св. Дмитріемъ Прилуцкимъ, современникомъ Дмитрія Донско-

Рис. 70. Г. Великій Устюгъ (Волог. губ.).

го. Въ ризницѣ монастыря хранятся: риза, пожертвованная Дмитріемъ Донскимъ, посохъ святителя и надгробныя пелены, пожертвованныя Строгановыми. Въ 1812 г. въ этомъ монастырѣ въ теченіе трехъ мѣсяцевъ лежали привезенныя изъ Москвы сокровища патриаршей ризницы кремлевскихъ соборовъ, Сергіевской лавры и монастырей.

Пароходы, идущіе отъ Вологды до Архангельска, грузятся обыкновенно въ 4 верстахъ отъ города. Отъ города Вологды по рѣкѣ Вологдѣ до впаденія ея въ Сухону 34 версты. На 267 верстѣ течения порожистой, красивой и обрамленной лѣсами Сухоны, стоитъ уѣздный городокъ Тотма. Онъ красиво вырисовывается на высокомъ лѣвомъ берегу Сухоны; на правомъ берегу стоитъ одиноко кладбищенская церковь, бывший женскій монастырь, гдѣ до постриженія въ Суздальскомъ монастырѣ жила первая супруга Петра I, Евдокія Федоровна.

Тотма выстроена при впаденіи въ Сухону рѣчки Песья Деньга. Городъ находится въ 15 верстахъ отъ того мѣста, гдѣ находилась древняя Тотма, разру-

шенная въ 1539 г. казанскими татарами, страшно неистовствовавшими здѣсь въ теченіе двухъ лѣтъ. Когда опасность миновала, жители стали выходить изъ лѣсовъ и селиться въ дѣлѣ верстахъ отъ нынѣшней Тотмы, близъ соляныхъ варницъ, а затѣмъ стали передвигаться все ближе къ Сухонѣ, и такимъ образомъ выросла нынѣшняя Тотма.

Тотма сильно пострадала въ Смутное время. вмѣстѣ съ Вологдой она отдалась самозванцу, но потомъ одумалась, отрелась отъ него и вмѣстѣ съ другими сѣверными городами послала своихъ людей стоять за правое дѣло. На земскомъ соборѣ, выбравшемъ царя, были также и томичи. Въ XVI и особенно въ концѣ XVII в. Тотма вела крупную торговлю съ Сибирью. Это былъ золотой вѣкъ торговаго развитія нашихъ сѣверныхъ городовъ, но они очень быстро обѣдѣли. Петръ Великій три раза былъ въ Тотмѣ, по пути въ Архангелъскъ, посѣтить соляную варницу и пустить бадю въ разсолъ, за что и потребовалъ платы.

Главная святиня Тотмы—могица преподобнаго Феодосія въ Спасо-Сумаринномъ

Феодосіевомъ монастырѣ, отстоящемъ отъ города версты на двѣ. Монастырь, всѣ зданія котораго вытнуты по лицевой сторонѣ, своими стѣнами, башнями и очень высокою колокольнею кажется очень большимъ и производитъ внушительное впечатлѣніе, хотя онъ невеликъ. Жители Вятской и отчасти Костромской г. считаютъ свою обязанностію побывать у преп. Феодосія; 28 января ежегодно здѣсь собирается до 10.000 человекъ богомольцевъ.

Немного дальше монастыря находятся соляныя варницы. Онѣ расположены въ холмистой мѣстности, на берегу рѣчки Ковды. Соль получается изъ трехъ колодезевъ, дающихъ вмѣстѣ до 200 т. пуд. соли ежегодно.

При слияніи Сухоны съ Югомъ стоитъ городъ Великій Устюгъ (рис. 70), получившій свое имя отъ Устья-Юга. Въ XV вѣкѣ Устюгъ былъ однимъ изъ богатѣйшихъ русскихъ городовъ; почти всѣ коренные сибирскіе купцы по происхожденію устюжане; въ немъ и теперь совершаются нѣкоторые обороты бѣло-

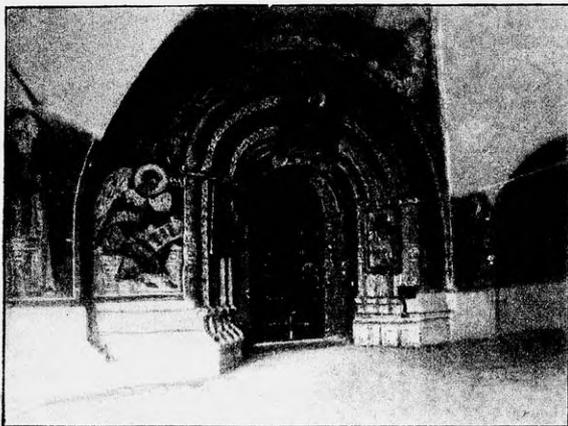

Рис. 71. Входныя ворота собора въ Сольвычегодскѣ.

морской торговли. Устюгъ занимаетъ очень выгодное мѣсто, которое, несомнѣнно, послѣ проведенія Пермь-Котласской желѣзной дороги оживится и оживитъ наше сѣверное поморье.

Видъ на Устюгъ Великій, съ широко раздавшаеюся предъ нимъ рѣкою, съ его безъ малаго тремя десятками церквей, съ высокою набережною, обдѣланною поставленными торчкомъ бревнами,—очень красивъ. Рѣка Сухона во все время существованія Устюга то и дѣло подымала и подымаетъ городъ; наводненій не перечесть; во время одного изъ нихъ, случившагося въ 1761 г., были снесены водой дома и размыты кладбища. Еще недавно принуждены были снести одну церковь, стоящую крайнею на берегу, по направленію къ мѣсту слиянія Сухоны съ Югомъ. Нѣкоторую пользу приносятъ шесть небольшихъ поперечныхъ дамбъ, поставленныхъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ.

Устюгъ очень богатъ церквами (26); если смотрѣть отъ пристани, то онѣ виднѣются одна за другой, длиннымъ рядомъ. Это множество церквей, болѣею частью очень древнихъ, придаетъ Устюгу нѣкоторое сходство съ другимъ, такимъ же стариннымъ городомъ, Ростовомъ Великимъ.

Изъ мѣстныхъ произведеній въ Устюгѣ, кромѣ полотенецъ Грибановской мануфактуры, видное мѣсто занимаютъ шкатулки всѣхъ величинъ, съ такими хитростными замками, что

и владѣлецъ шкатулки легко можетъ забыть, какъ она открывается: шкатулокъ этихъ два вида: однѣ покрыты разноцвѣтною фольгою и вырѣзаны узорами изъ бересты, другія полными жести съ „морозомъ“, т.-е. тѣми лучистыми отбѣнками жести, которые такъ хорошо извѣстны по дорожнымъ ящикамъ и погребцамъ Апраксина двора въ Петербургѣ. Въ самомъ Устюгѣ есть заводъ, перерабатывающій на крупную сумму шетину, идущую сюда сырцомъ изъ Сибири; изъ отбросковъ, получаемыхъ при обработкѣ шетины, выдѣлываются коврики, башмаки и туфли.

Маленькій уездный городъ Сольвычегодскъ находится въ восемнадцати верстахъ отъ впаденія Вычегды въ С. Двину. Сольвычегодскъ виденъ издали, верста за двѣнадцать; верхушки его церквей, по мѣрѣ приближенія парохода, тонуть въ глубокой дали и, выглядывая изъ-за низкихъ острововъ, то пропадаютъ, то снова обозначаются. Яснѣе другихъ виднѣются бѣлый соборъ и темноватое очертаніе высокаго Введенскаго монастыря.

Давнымъ-давно, въ трехъ верстахъ выше нынѣшняго города, находилось селеніе Черниговъ, бойко торговавшее съ Сибирью въ то время, когда еще только зачиналось Московское царство. Такъ какъ Вычегда, подобно Сухонѣ въ Устюгѣ, непрерывно подымаетъ берега, то жители переселились со стараго мѣста къ солянымъ варницамъ, и такимъ образомъ возникъ нынѣшній городъ, называемый народомъ просто „Солью“. Семья Строгановыхъ привела городъ къ богатству, заведя здѣсь въ началѣ XVI вѣка соляныя варницы. Съ перѣздомъ Строгановыхъ въ Москву городъ быстро захирѣлъ, варницы его покинуты, и только старинный соборъ напоминаетъ о быломъ богатствѣ и радѣніи городу Строгановыхъ.

Рис. 72. Г. Сольвычегодскѣ. Введенскій монастырь.

Сольвычегодскъ тамъ малъ, что можно сказать, виденъ весь насквозь. Это такое захолустье, гдѣ дичь продается не по родамъ ея, а просто по 1 р. 20 к. съ пуда „пера“. Тѣмъ величественнѣе въ этой глуши вырисовывается древній Благовѣщенскій соборъ, основанный въ 1560 году именитыми Строгановыми и богато одаренный ими. Вѣщность собора очень проста и ничего замѣчательнаго не представляетъ. Зато поразительна внутренность собора, имѣющая полное право быть поставленною, по художественности и археологическому интересу, рядомъ съ древностями московскаго Кремля, Киево-Печерской лавры, Ярославля. И это находится въ глухомъ Сольвычегодскѣ и сдѣлано одною семьею вѣрныхъ сыновъ Церкви и государевыхъ слугъ—Строгановыми. Немного храмовъ на Руси сохранилось въ такой неприкосновенности: входя въ Благовѣщенскій соборъ (рис. 71), вы входите въ настоящій XVI вѣкъ.

Стѣны собора покрыты древней, петропунтой рукой поправителя живописью, воспроизводящей ветхозавѣтную и новозавѣтную исторію, а на стѣнѣ, противоположной алтарю, изображены адъ и рай. Передъ величественнымъ четырехъ яруснымъ иконостасомъ висятъ массивныя бронзовыя позолоченныя панцикадила, изъ которыхъ каждое—археологическая достопримѣчательность. Замѣчательно хороши и красивы царскія врата, удивительно согласующіяся съ общимъ стилемъ храма. Древній, неподновленный, большою частью одѣтый цѣнными ризами иконы собора не только заполняютъ иконостасъ и алтарь, но обходятъ длинными поясами стѣны и колонны собора. Трудно перечислить всѣ старинныя рѣдкости и достопримѣчательности собора. Между прочимъ, обращаютъ на себя вниманіе пресходные шитые образа съ изображеніемъ того, какъ Качаловъ зарѣзываетъ

царевича Дмитрія. Въ подвальномъ помѣщеніи собора хранятся остатки отъ возка и саней Строгановыхъ. Это помѣщеніе состоитъ изъ отдѣльныхъ палатъ разной величины, совершенно темныхъ, соединенныхъ узкими переходами и служившихъ, вѣроятно, и темищами и казнохранилищами.

Мужской Введенскій монастырь въ Сольвчегодскѣ, основанный въ 1563 г., внутри пустъ и бѣденъ, но зато наружность его обращаетъ на себя вниманіе. Это какъ бы огромная четырехугольная башня, увѣнчанная пятью куполами и оживленная множествомъ архитектурныхъ украшеній (рис. 72). Зданіе не выблено, и прочная кирпичная кладка придаетъ ему тотъ пріятный цвѣтъ, который присущъ древности, и котораго никакая краска не замѣнитъ. Къ сожалѣнію, это замѣчательное зданіе не ремонтируется и приходитъ уже въ разрушеніе.

Финляндія.

(Изъ очер. *Лезина, Песковскаго и Елисева.*)

Если мы посмотримъ на карту Европейской Россіи, то увидимъ, что Финляндія занимаетъ ея сѣверо-западный уголъ. Къ востоку отъ нея расположены наши русскія губерніи — Олоонецкая и Архангельская; на сѣверѣ и западѣ она соприкасается съ Швеціей и Норвегіей. У Ботническаго залива ея сухопутная граница оканчивается и начинается морская. Здѣсь ея берега омываютъ волны Ботническаго залива на западѣ и Финскаго—на югѣ. Около береговъ Финляндіи очень много острововъ: они также принадлежатъ Россіи; изъ нихъ самыя большіе—Аландскіе острова на югѣ Ботническаго залива. Наконецъ, на югѣ же, Финляндія граничитъ съ Петербургскою губерніей. Чтобы проѣхать Финляндію отъ сѣвера къ югу, надо сдѣлать 1.100 верстг, а отъ запада къ востоку, въ самомъ широкомъ мѣстѣ, немного болѣе

500 верстг. Всего же Финляндія занимаетъ около 350.000 квадратныхъ верстг.

Въ финляндской природѣ поражаетъ очаровательное сочетаніе камня, воды и лѣса. Пріятно попасть въ Финляндію лѣтомъ: какъ бы ни разгоралось солнце, оно только ласкаетъ васъ, но не жжетъ. Воздухъ, пропитанный смолистыми испареніями лѣса, такъ хорошъ, что имъ, просто, не надышишься.

Финляндія — совершенно своеобразная страна. Весь Финляндскій полуостровъ сплошь гранитный. Въ эту каменную громаду ворвалось море и въ клочки разорвало ее, разлившись тысячами большихъ и малыхъ озеръ, образовавъ тысячи острововъ, полуострововъ, мысовъ, косъ и перешейковъ, густо поросшихъ лѣсомъ, преимущественно хвойныхъ породъ. Озера и озерки даютъ начало безчисленному множеству рѣкъ и рѣчонковъ,

то плавно катящихъ свои воды, то ниспадающихъ бурными водопадами или даже каскадами, когда горному потоку приходится прыгивать съ гранитнаго утеса.

Обычнымъ пейзажемъ для озерной Финляндіи, т.-е. для большей ея части, является слѣдующій: стоя на гребнѣ невысокаго холма, покрытаго сосновымъ лѣсомъ, сквозь который сѣрбуютъ скалы и камни, видишь подъ собой скаты съ лиственненнымъ лѣсомъ; за нимъ ядегъ луговая поляна съ сѣннымъ сараемъ, далѣе

пространства заняты болотами, покрытыми грубой травой, мхомъ да кривыми сосенками — безлѣтками. На всемъ финскомъ пейзажѣ лежитъ печать суроваго величія пустыни, какого-то спокойствія и той трудно передаваемой сѣверной мечтательной грусти. Глубокіе, простые и грустные аккорды финской народной пѣсни какъ нельзя болѣе гармонируютъ съ этой природою. Особенно сильное впечатлѣніе производитъ финскій пейзажъ въ тихую, сѣдлую лѣтнюю ночь, когда крутые лѣсистые берега отражаются въ

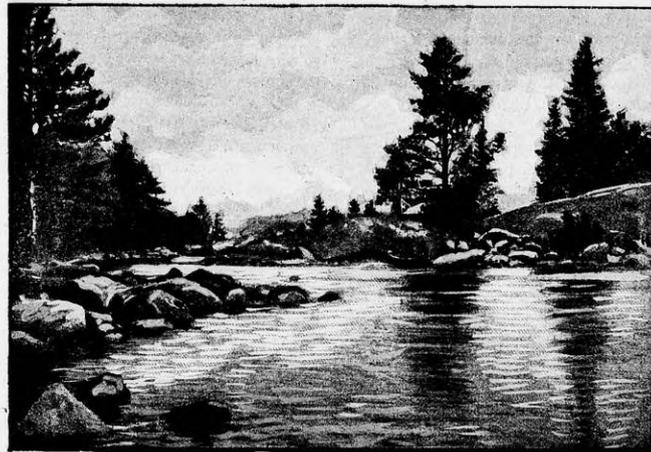

Рис. 73. Финляндскія шхеры.

клочокъ посѣва, перерѣзанный канавами для отвода воды; тутъ же одинъ дворъ или группа дворовъ; далѣе сверкаетъ озеро съ извилистыми берегами, узкими мысами и группами островковъ; за нимъ видна узкая полоса другого озера; фонъ картины замыкается синѣющимъ хребтомъ лѣсистыхъ холмовъ, или рядомъ хребтовъ, одинъ за другимъ. Проѣдешь нѣсколько верстг,—и снова почти повтореніе той же картины; порою большія

зеркалъ озера и невѣдомо откуда летятъ мягкія блѣдно-розовыя сѣтг.

Финляндія отъ края до края — страна гористая; въ какую сторону по ней ни направилъ, придется перебираться въ пути съ горы на гору. При этомъ передъ глазами путешественника развертываются виды одинъ другого заманчивѣе и живописнѣе. Высокихъ горъ, однако, здѣсь совсѣмъ нѣтъ. Самыя большія горы (250—500 сажень) высятся тамъ, гдѣ Финляндскія шхеры.

длія подходитъ къ Швеціи и Норвегіи. Чѣмъ дальше на югъ, тѣмъ горы эти дѣлаются ниже, а потомъ дѣлятся на два отрога. Одинъ идетъ ближе къ берегу Ботническаго залива на юго-западъ и называется Финляндскими горами; другой направляется на юго-востокъ, въ нашу Олонекскую губернію и называется Олонекскими горами.

Хотя горы эти незначительной высоты (не выше 80 саж.), тѣмъ не менѣе, онѣ защищаютъ лежащую между ними часть Финляндіи отъ холоднаго вѣтра; безъ нихъ климатъ Финляндіи былъ бы суровѣе. Внутри, между этими болѣе крупными возвышенностями, находится множество менѣе высокихъ; всюду изъ-подъ тонкаго слоя почвы выступаютъ граниты. До самыхъ береговъ доходятъ эти невысокія гранитныя горы. Онѣ оканчиваются тамъ обрывистыми утесами и скалами, а дальше, уже въ морѣ разбросано множество скалистыхъ островковъ самой разнообразной величины. Эти островки называются въ Финляндіи „шхерами“ (рис. 73). Шхеры есть и въ Финскомъ и Ботническомъ заливахъ. Особенно много ихъ около южнаго и юго-западнаго береговъ Финляндіи. Онѣ какъ бы окаймляютъ берегъ и достигаютъ ширины 10—20—30, даже 40 верстъ, а противъ города Або

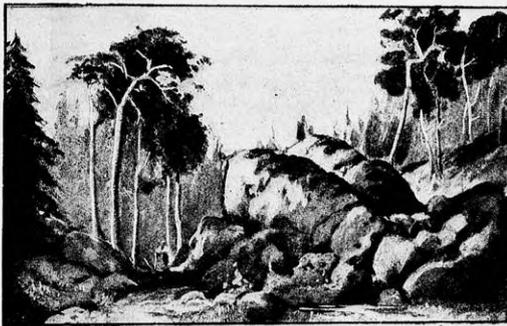

Рис. 74. Валуны въ Финляндскомъ лѣсу.

на юго-западномъ концѣ Финляндіи и значительно больше.

Шхеры представляютъ значительное удобство для мореплаванія: суда иногда идутъ ими, избѣгая такимъ образомъ крупнаго морскаго волненія. Онѣ изобилуютъ удобными природными гаванями, гдѣ въ дурную погоду и по ночамъ могутъ стоять мелкія суда. Тѣмъ не менѣе, омывающее Финляндію море имѣетъ и неудобныя свойства; къ нимъ прежде всего относится легкая его замерзаемость, вызываемая малымъ содержаніемъ соли въ его водѣ; тягостенъ и перемѣнчивъ, суровый климатъ; опасны частыя бури, поднимающія крутую, тяжелую волну; обиліе подводныхъ камней вызываетъ извилистость шхернаго фарватера, не вездѣ достаточно снабженнаго маяками; нерѣдко осеню суда натыкаются на подводные камни. Частые туманы дѣлаютъ положеіе мореплавателя еще болѣе затруднительнымъ.

Какъ указывалось выше, вода покрываетъ значительную часть Финляндіи. Озера вмѣстѣ съ болотами занимаютъ почти $\frac{1}{6}$ часть всей страны. Остальное сухое пространство представляетъ собою волнистую, неровную гранитную поверхность. Оно загромождено обломками скалъ;

куда ни взглянешь, всюду увидишь гранитныя валуны, которые представляютъ страннѣйшій видъ, какой-то особенный, дикій, но вмѣстѣ съ тѣмъ живописный видъ. Эти валуны бываютъ величюю съ избу и болѣе (рис. 74 и 75). Происхожденіе множества валуновъ и озеръ въ Финляндіи объясняется слѣдующимъ образомъ.

Въ далекомъ прошломъ горы Финляндіи были выше, чѣмъ теперь. По

тогда въ Финляндіи было и гораздо холоднѣе, вслѣдствіе чего на горахъ лежалъ ледъ. Такъ какъ онъ почти не таялъ лѣтомъ, а снѣгу выпадало все больше и больше, то ледъ этотъ достигъ громадной толщины. Всѣ, даже самыя высокія, горы исчезли подъ этимъ льдомъ, который покрывалъ не только теперешнюю Финляндію и Олонекскую губернію, но заходилъ и дальше на югъ, въ предѣлы собственной Россіи, южнѣе Московской губерніи.

Таки большія скопленія льда существуютъ и теперь на высокихъ горахъ, напримѣръ, у насъ, на Кавказѣ. Они называются *ледниками*. Но въ горахъ ледники, сравнительно, невелики, рѣдко болѣе 20 верстъ въ длину и 5—7 въ ширину. Они лежатъ въ углубленіяхъ или впадинахъ между горами, откуда отъ давленія сверху и собственной тяжести медленно спускаются внизъ, въ долины и на концѣ таютъ. Такой сползающій ледникъ имѣетъ форму языка. Вода отъ таянія сбѣгаетъ внизъ и образуетъ ручьи и рѣки.

Ледники же, покрывавшіе въ то время сѣверную Россію, занимали огромныя пространства, застилали ихъ сплошнымъ ледянымъ покровомъ и тянули только по краямъ, куда они спускались такими же языками, какъ и теперешніе ледники. Эти громадныя, въ нѣсколько миллионовъ пудовъ вѣсомъ глыбы льда сползали медленно, но неудержимо. Въ своемъ движеніи онѣ разрушали горы, по которымъ имъ приходилось двигаться, отламывали отъ нихъ камни и скалы различной величины и уносили ихъ съ собой. Часть камней вмерзала въ ледъ и двигалась вмѣстѣ съ нимъ, другая проваливалась по трещинамъ, которыхъ всегда бываетъ

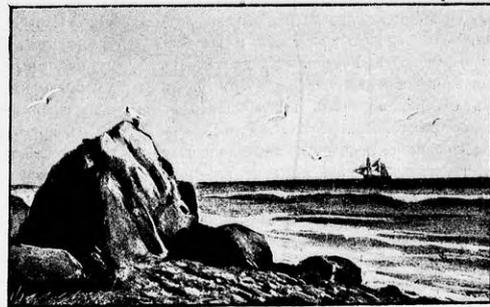

Рис. 75. Валуны на берегу моря въ Финляндіи.

много во льду, внизъ и тамъ двигалась по дну. Камни эти царапали дно при своемъ движеніи, но и сами шлифовались, перетирались, а нѣкоторые даже распались въ песокъ. Эта медленная разрушительная работа продолжалась цѣлые вѣка и превратила Финляндію, когда-то бывшую гористой страной, въ страну неровную, но довольно низкую. Какъ будто прошли по ней какія-то чудовищныя грабли, подобраны и унесли съ собой ея вершины и оставили слѣды въ видѣ глубокихъ бороздъ и впадинъ, да безчисленной росыпи раздробленнаго на валуны гранита (рис. 76).

Всѣ камни, которые несъ съ собой ледникъ, онъ оставилъ тамъ, гдѣ началъ таять ледъ. Тамъ они образовывали цѣлые холмы, цѣлые длинные ряды холмовъ. Такіе холмы можно видѣть и теперь во многихъ мѣстахъ Финляндіи или нашей Тверской губерніи. Часто они порастаютъ лѣсомъ, но стоитъ раскопать землю, и видишь, что она состоитъ изъ крупнаго и мелкаго песку, перемѣшаннаго съ валунами различной величины. Если мы станемъ внимательно разглядывать эти валуны, мы увидимъ, что на многихъ изъ нихъ еще угнѣдѣли царапины, которыя они получили, двигаясь по дну ледника и ударяясь о другіе валуны или скалистое дно.

Неизвестно, долго ли покрывали ледники теперешнюю Финляндию и всю северо-западную Россию. Предполагают даже, что они несколько раз отступали к северу, но опять возвращались на старое место. Наконец, климат Европы стал теплее; ледники постепенно начали отступать к северу, таять, и из-под ледяного покрова выступила сначала поверхность теперешней России, а затѣм и граниты Финляндии. Долше всего держался ледъ на Скандинавскихъ горахъ, гдѣ и теперь еще лежатъ большіе ледники.

Дякую и безотрадную картину представляла земля, сбросившая съ себя ле-

Рис. 76. Ледниковые штрихи.

дяной покровъ. Вся она была изрыта большими и маленькими впадинами, которая выпалахалъ ледъ въ гранитѣ. Всюду разбросаны были валуны—обломки скалъ, исцарапанные ледомъ. Всюду текли ручьи мутной воды; вода собиралась и наполняла впадины. Въ это-то время и появились въ Финляндіи тѣ тысячи озеръ, избыліе которыхъ такъ поражаетъ насъ теперь.

Вскорѣ страна покрылась растительностью, которая надвигалась съ юга по

мѣрѣ отступленія ледовъ. Обнаженные угловатые валуны зазеленѣли мхами и разноцвѣтными лишайниками. Берега и долины рѣкъ покрылись сочной травой, а на склонахъ горъ показались березы, сосны, другія деревья и кустарники. Понемногу лѣсъ одѣлъ всю Финляндію, а мелкія озера кое-гдѣ превратились въ болота. Еще недавно мертвая, обледенѣлая страна принарядилась. Сочная зелень растений закрыла слѣды недавняго погрома. Только совѣтъ гладкія, отполированные ледомъ гранитныя плоскости не могли дать пріюта корешкамъ растений и потому остались обнаженными. Огромные валуны отутились теперь въ

густой чащѣ деревьевъ, въ лѣсной тѣни; мягкія подушки мха выросли на нихъ, ласково прикрыли ихъ, и лежатъ они донынѣ на тѣхъ самыхъ мѣстахъ, гдѣ ихъ нѣкогда бросили отступавшіе льды, словно снѣтъ послѣ долгихъ странствованій и вспоминаютъ во снѣ о далекихъ горныхъ ущельяхъ, откуда они были насильно оторваны.

Вмѣстѣ съ деревьями, мхами и травами проникли въ Финляндію и животныя, а за ними появился и человѣкъ.

Финляндія пришлось испытать не только „ледниковый періодъ“. Здѣсь происходитъ еще другое явленіе, которое имѣетъ очень важное значеніе въ жизни земли. Дѣло въ томъ, что Финляндія то повышается, то понижается, сравнительно съ уровнемъ воды въ морѣ, берега ея то выступаютъ изъ воды, то скрываются подъ морскими волнами. Такое постепенное поднятіе и опусканіе твердой земли происходило и раньше. Послѣ того, какъ ледники отступили на сѣверъ, южная часть теперешней Финляндіи опустилась,

такъ что Финскій заливъ и Ладожское озеро составили одно море, которое соединилось съ Бѣлымъ моремъ. Тогда и освободившіяся отъ льда скалы тоже погрузились въ море и образовали шхеры. Потомъ южная часть Финляндіи поднялась. Поднятіе это продолжается и теперь, но очень тихо: отъ 2 до 6 футовъ въ сто лѣтъ. Это замѣтно, главнымъ образомъ, потому, что берега Финляндіи дѣлаются шире, и многія мѣстечки, когда-то стоявшія у самаго моря, отступили теперь уже дальше внутрь страны.

Вотъ откуда взялись въ Финляндіи ея тысячи озеръ и безчисленные валуны, которые поражаютъ всякаго пріѣзжаго, особенно если онъ попалъ туда изъ средней или южной Россіи.

Хотя въ Финляндіи много и озеръ и рѣкъ, ея рѣки невелики. Только на западѣ сбѣгаетъ къ Ботническому заливу рядъ довольно крупныхъ рѣчекъ. Первое по величинѣ мѣсто между ними занимаютъ самыя сѣверныя рѣки: Кеми-Йоки и Торнео, впадающія въ Ботнической заливъ близъ города Торнео.

Всѣ финляндскія рѣки имѣютъ быстрое теченіе, порожисты, т.-е. преграждены массой камней, между которыми вода мчится съ страшной быстротой, разбиваясь на тысячи брызгъ; а иногда онѣ прямо падаютъ съ отвѣсной стѣны, образуя красивыя водопады. Поэтому по мѣстнымъ рѣкамъ не могутъ плавать суда; по нимъ сплавливаютъ только лѣсъ изъ внутреннихъ частей страны къ портовымъ городамъ, откуда онъ вывозится затѣмъ за границу.

Обыкновенно озера лежатъ по нѣскольку вмѣстѣ и соединяются одно съ другимъ.

Озера Финляндіи занимаютъ около $\frac{1}{3}$ всей страны, то-есть около 40.000 ква-

дратныхъ верстѣ. Хотя почти всѣ эти озера соединяются между собой рѣчками и протоками, ихъ можно раздѣлять на три большихъ сплетенія, изъ которыхъ каждое включаетъ въ себя сотни озеръ самой разнообразной величины. Среди нихъ первое мѣсто занимаетъ восточное или Сайминское многоозерье. Оно покрываетъ своими развѣтвленіями весь юго-востокъ Финляндіи. Свое названіе получило оно отъ главнаго озера Сайма. Въ это озеро различными протоками и рѣчками вливаются воды 120 большихъ и нѣсколькихъ тысячъ мелкихъ озеръ.

На юго-востокѣ изъ Саймы вытекаетъ рѣка Вуокса, широкая, порожистая, бур-

Рис. 77. Водопадъ Иматра на р. Вуоксѣ.

ливал; впадаетъ она въ Ладожское озеро. Въ самомъ началѣ течения Вуокса должна пройти около четверти версты по сильно наклоненному, узкому, всего саженей въ 20, ущелью. Съ бѣшенымъ ревомъ устремляется туда рѣка и образуетъ извѣстный водопадъ Иматру (рис. 77). Иматра, собственно, не водопадъ, какіхъ встрѣчается много въ той же Финляндіи и въ сосѣдней съ ней Олонекской губерніи. Вода не падаетъ здѣсь съ отвѣсной стѣны, а устремляется по довольно крутому скату внизъ пятью ясно различимыми уступами, пѣнится, бурлитъ, образуетъ водовороты.

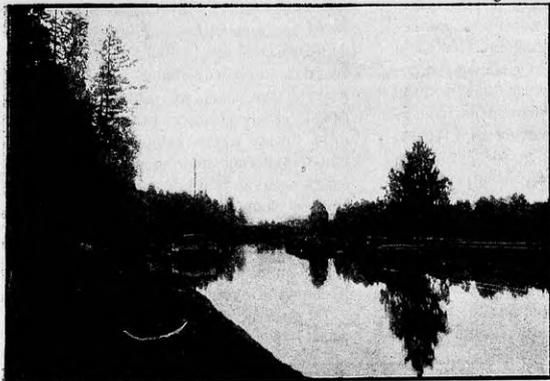

Рис. 78. На Сайминскомъ каналѣ.

завивается волнами въ нѣсколько саженъ, обшено бьется о гранитные берега, поднимается при этомъ брызги на $1\frac{1}{2}$ —3 сажени въ высоту, заставляя сотрясаться скалу и наполнять воздухъ мелкой водяной пылью. Правильнѣе было бы назвать Иматру порогомъ.

Съ перваго взгляда Иматра не поражаетъ зрителя. Передъ глазами бѣлѣетъ длинная пѣнистая, клокочущая полоса воды—и больше ничего. Но стоитъ устремить свой взглядъ на одну какую-нибудь бушующую волну водопада, чтобы понять всю его прелесть. Въ одно мгновение вырастаетъ бутгоръ бѣлой пѣны, который растетъ все выше и выше, дѣлается острѣе и прозрачнѣе, превращается въ букетъ жемчужныхъ брызгъ и рассыпается мельчайшей серебряной пылью... Едва исчезъ одинъ букетъ, на мѣсто его является другой, еще выше, еще красивѣе. Долго смотришь на эту волшебную игру и не можешь оторвать глазъ; перенесешь взглядъ на другой, третій бутгоръ—ведетъ новья, причудливая форма!

Особенно хороши эти букеты въ полдень, когда они играютъ подъ яркими лучами солнца всѣми цвѣтами радуги.

Тогда всюду на гребняхъ пѣнистыхъ волнъ, въ непрерывномъ дождѣ бриллантовыхъ брызгъ, наконецъ, въ водяной пыли, повисшей едва замѣтной дымкой надъ всѣмъ водопадомъ,—всюду играетъ и переливается радуга.

Вуокса соединяетъ Сайму съ Ладожскимъ озеромъ, но она не судоходна, такъ какъ и ниже Иматыры на ней есть пороги.

Для того, чтобы соединить Сайму съ моремъ, надо было избрать другой путь. Съ этой цѣлью около пятидесяти лѣтъ тому назадъ былъ прорытъ Сайминскій каналъ (рис. 78). Каналъ имѣетъ въ длину 54 версты и соединяетъ Сайму съ Финскимъ заливомъ, въ который онъ впадаетъ около города Выборга.

Съ прорытіемъ канала стало возможнымъ непрерывное судоходное сообщеніе съ моремъ даже для тѣхъ мѣстечекъ, которыя лежали внутри страны на разстояніи болѣе, чѣмъ тысяча верстъ. Внутренніе города, расположенные на берегахъ Сайминскаго многоозерья, стали приморскими; захолустныя до тѣхъ поръ мѣстечки сдѣлались бойкими торговыми городами и въ настоящее время ведутъ обширную торговлю. А съ развитіемъ торговли стала быстро развиваться и промышленность, стали строиться новыя заводы и фабрики. Тысячи нагруженныхъ бревнами и тесомъ барокъ ежегодно изъ самаго сердца Финляндіи спускаются въ Финскій заливъ. По Сайминскому каналу ходятъ и пассажирскіе пароходы, и поѣздка по каналу составляетъ одну изъ лучшихъ прогулокъ по Финляндіи.

Кромѣ Сайминскаго многоозерья, озера Финляндіи образуютъ еще два большихъ многоозерья,—Нясинское, на западѣ страны, и Пѣйянское, во внутренней ея части. Изъ этихъ озеръ судоходнаго пути въ море не существуетъ. Но и они соединены съ приморскими городами желѣзными дорогами. Не одинъ желѣзнодорожный мостъ повисъ надъ клокочущими безднами финляндскихъ водопадовъ!..

Финляндіа изобилуетъ водопадами. Иматра занимаетъ среди нихъ первое мѣсто, но и многіе другіе водопады славятся своей красотой. Однако водопадами здѣсь не только любятъ. Финны пользуются ими, какъ даровой рабочей силой: какъ у насъ, напримѣръ, пользуются силой паденія воды—на водяныхъ мельницахъ. Берега финляндскихъ водопадовъ застроены фабриками, на которыхъ машины приводятся въ движеніе водою. Близъ водопада Нокио, напримѣръ, стоитъ фабрика, изготовляющая изъ дерева картонъ; почти всѣ фабрики города Таммерфорса, на берегу Нясинскаго многоозерья, приводятся въ движеніе водопадами Тампере, однимъ изъ самыхъ большихъ и красивыхъ въ Финляндіи.

Обиліе воды: озеръ, рѣкъ, болотъ, каналовъ и водопадовъ, дѣлаетъ климатъ Финляндіи очень сырмъ. Дожди здѣсь часты, а зимой выпадаетъ много снѣгу.

Лѣто въ Финляндіи продолжается очень недолго. Оно отличается свѣтлыми ночами, какія знаютъ только сѣверныя страны. Солнце почти не заходитъ за край горизонта, и всю ночь небо горитъ въ предутренней зарѣ. Въ первомъ часу ночи можно свободно читать безъ лампы или свѣчи, просто сидя у окна.

Да, хороша финляндская природа! Но чего стоитъ людямъ жизнь среди нея, поймешь только тотъ, кто подольше поживетъ среди мѣстнаго населенія и по-

ближе ознакомится съ его бытомъ. Тогда всякій долженъ будетъ сознаться, что природа здѣсь для человѣка не мать, а суровая мачеха...

Населеніе Финляндіи нѣсколько болѣе $2\frac{1}{2}$ миллионъ и состоитъ, главнымъ образомъ, изъ финновъ и шведовъ; русскихъ здѣсь не болѣе 50 тысячъ, а другихъ народностей и того меньше. Населеніе это распредѣлено по странѣ крайне неравномѣрно; наиболѣе плотное населеніе на югѣ вслѣдствіе болѣе теплаго климата и близости къ морю.

Финны появились въ Финляндіи, какъ полагаютъ, въ VIII вѣкѣ послѣ Р. Х., вытѣсненные славянскими племенами изъ мѣстности между Зап. Двиной и Волгой. Въ IX вѣкѣ въ Финляндію прибыли по морю военные отряды шведовъ; вмѣстѣ съ ними прибыло и шведское духовенство для проповѣди финнамъ—язычникамъ ученія Христа. Покореніе Финляндіи продолжалось очень долго: только въ 1362 году она была включена въ число шведскихъ

Рис. 79. Финскіе рыбаки въ морѣ.

провинций; финны вынуждены были принять религию своих завоевателей. Затѣмъ при Петрѣ Великомъ Финляндія была занята русскими войсками. Побѣди шведскаго короля Карла XII, Петръ Великій заключилъ миръ съ Швеціей и удержалъ себя при этомъ только небольшою уголокъ Финляндіи съ городомъ Выборгомъ. На отвоєванной у шведовъ землѣ, при устьѣ р. Невы, Петръ основалъ новую столицу Россіи—Петербургъ. Вся же Финляндія осталась шведскою провинціей.

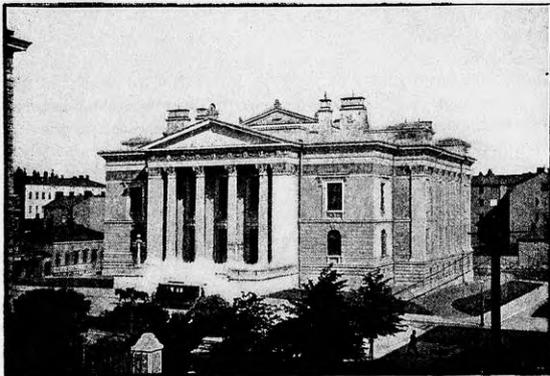

Рис. 80. Заніе Финляндскаго сейма въ Гельсингфорсѣ.

Черезъ 100 лѣтъ Финляндія опять увидала въ своихъ предѣлахъ русскія войска. Въ февралѣ 1808 года императоръ Александръ I объявилъ войну Швеціи. Поводомъ къ войнѣ послужилъ отказъ шведскаго короля Густава IV присоединиться къ союзу Франціи и Россіи противъ Англии. Эта война окончилась для Швеціи неудачно. Черезъ 3 мѣсца послѣ начала войны русскія войска овладѣли главной крѣпостью Финляндіи—Свеаборгомъ—и большая часть страны перешла въ руки русскихъ. Императоръ Александръ I издалъ манифестъ, которымъ объявлялось финскому народу, что

Финляндія навсегда присоединена къ Россіи. Затѣмъ жители Финляндіи были приведены къ присягѣ на вѣрное русскому престолу подданство; въ началѣ 1809 года на финскомъ сеймѣ въ городѣ Борго императоромъ Александромъ I было обѣщано народнымъ представителямъ сохранить Великому Княжеству Финляндскому его „религію, коренные законы, права и преимущества“. 17 сентября того же года шведы вынуждены были заключить съ русскими миръ и подтвердить присоединеніе своей провинціи къ русскому государству.

Послѣдствіемъ сохраненія Финляндіей ея правъ и преимуществъ является, между прочимъ, то, что самоуправленіе поставлено въ ней шире, чѣмъ въ остальной Россіи, и финскій народъ можетъ принимать дѣятельное участіе въ своихъ внутреннихъ дѣлахъ.

Большинство дѣйствующихъ

въ Финляндіи законовъ обсуждается предварительно сеймомъ, т. е. собраніемъ народныхъ представителей — „депутатовъ“.

До 1907 года въ Финляндіи существовало четырехпалатное народное представительство: рыцарство и дворянство, вступавшее въ свою палату по наследственному праву, духовное сословіе съ примыкавшими къ нему учителями и профессорами, крестьяне и горожане. Представители трехъ послѣднихъ сословій были выборные. Каждое изъ нихъ засѣдало въ отдельной залѣ сеймоваго зданія (рис. 80), кромѣ дворянъ, засѣдавшихъ въ „рыцарскомъ домѣ“.

Согласно новымъ законамъ, выработаннымъ чрезвычайнымъ сеймомъ 1905—1906 гг. и Высочайше утвержденнымъ, народное представительство въ Финляндіи расширилось до небывалыхъ въ Европѣ размѣровъ. Во-первыхъ, женщины получили право выбирать и быть выбранными, и, во-вторыхъ, каждый неопороченный и не находящійся на общественномъ призрѣніи гражданинъ, достигшій 24-лѣтняго возраста, признается политически полноправнымъ.

Очередные сеймы созываются разъ въ три года, но по мѣрѣ надобности Государь можетъ созывать и чрезвычайные сеймы. Послѣ обсужденія въ сеймѣ законы поступаютъ на Высочайшее утвержденіе, а затѣмъ переходятъ въ финляндскій сенатъ, которымъ и приводятся въ исполненіе.

Выборное начало проведено въ Финляндіи и въ области мѣстнаго самоуправленія. Каждая община — городская и сельская — „имѣетъ попеченіе о своихъ общихъ дѣлахъ, о порядкѣ и хозяйствѣ“, не подлежащихъ вѣдѣнію правительственныхъ мѣстъ. Общинныя дѣла рѣшаются на общинныхъ собраніяхъ, въ составъ которыхъ могутъ входить всѣ члены общины, т. е. всѣ жители, имѣющіе въ ней осѣдлость или приписанные къ ней. Нѣкоторыя же дѣла разрѣшаются собраніями уполномоченныхъ, избираемыхъ общинными собраніями.

Выборное начало проводится и въ судостроительствѣ Финляндіи, но цѣлый рядъ судебныхъ должностей въ Финляндіи замѣщаются и по правительственному назначенію.

Въ настоящее время финны занимаютъ почти всю страну. Шведы живутъ лишь по побережью Финскаго и Ботническаго заливовъ и на Аландскихъ островахъ. Живутъ они, главнымъ образомъ, въ городкахъ. Шведовъ въ Финляндіи насчитывается всего около 300.000, а финновъ—свыше 2.300.000. Финны дѣлятся

на два большихъ племени: тавастовъ и кареловъ. Тавасты населяютъ юго-западную часть Финляндіи, карелы — остальную, т. е. сѣверо-восточную Финляндію.

Въ то время какъ тавасты—настоящій типическій финнъ — по природѣ угрюмъ и мраченъ, какъ и нагорные дѣса его родины, карель—его родной братъ—живитъ и подвиженъ, какъ свѣтлая вода, обильная въ его родинѣ; при этомъ они различаются между собой не столько по типу, сколько по строю характера, какъ представители двухъ различныхъ племенъ.

Симпатичная, добродушная, со свѣтлыми добрыми глазами фигура карела дышитъ такою жизнью, что, слышав-

Рис. 81. Карельскія дѣвушки въ праздничныхъ нарядахъ.

шись раньше объ угрюмости и мрачности финновъ, не узнаешь въ разбитномъ и веселомъ карелѣ настоящаго финна. Онъ не угрюмъ и молчаливъ, а веселъ и болтливъ, любитъ хорошо провести время, поплясать и погѣть; въ немъ нѣтъ особенной финской осмотрительности и самоуглупленія; напротивъ того, онъ весь нараспашку, какъ русскій мужикъ. Онъ легко сходитъ, пріятенъ въ дружбѣ, не золь и не вѣруетъ въ роковую „судьбу“, какъ его сосѣдь тавастъ. При живости характера карель своеобразнѣе, быстро принимается за всякое дѣло, но зато скоро терпѣтъ и терпѣние. Въ отношеніи

Рис. 82. Слѣпой карель, играющій на кантеле.

къ другимъ онъ чрезвычайно мягокъ, любезенъ и обходителенъ. Между карелами встрѣчаются чрезвычайно пріятныя и даже, можно сказать, красивыя фізіономіи. Вообще, если такъ можно будетъ выразиться, я сравню карела съ французомъ въ противоположность тавасту, который похожъ на истого глубокомысленнаго нѣмца.

Тавастъ не похожъ на карела во всѣхъ отношеніяхъ. Тавастъ угрюмъ, серьезенъ и молчаливъ. Онъ рѣдко поетъ. Вся его фигура, неладно скроенная, да плотно сшитая, нѣсколько грузная и аляповатая, соответствуетъ его душевному складу. Глаза его, иногда прекрасные и выразительные, смотрятъ какъ-то вглубь себя; міра словъ нѣтъ для таваста; пре-

вратности судьбы не волнуютъ его потому, что онъ, какъ истый фанатикъ, вѣруетъ, что чему быть, того не миновать. Широкоплечая, приземистая фигура его указываетъ на то, что онъ не боится физическаго труда и лишений. Эта медленность въ движеніяхъ, тяжесть на подъемъ и вѣстѣ съ тѣмъ осмотрительность показываютъ увѣренность въ своихъ силахъ и желѣзное терпѣніе.

Но въ мрачности характера таваста кроются и дурныя его качества: тавастъ угрюмъ, ревнивъ, мстителенъ и жестокъ. Если только что-нибудь выведетъ его изъ его душевнаго равновѣсія, тогда мстительность и злоба его не имѣютъ предѣловъ, и съ виду добродушный, хотя и угрюмый финнъ можетъ стать ужаснымъ злодѣемъ.

Населеніе Финляндіи преимущественно сельское, такъ какъ изъ всего числа жителей въ городахъ живетъ только около 300.000 человекъ.

Такъ какъ плодородная почва въ Финляндіи пережѣтана съ почвой, для земледѣлія совершенно не годной, и, кромѣ того, много мѣста занимаетъ вода, то, чтобы прокормиться при такихъ условіяхъ,

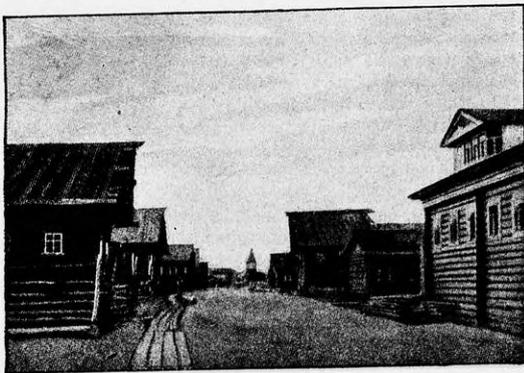

Рис. 83. Село Подужема (въ Карелии).

Рис. 85. Каріюлка—финскій экипажъ.

все сельское населеніе вынуждено было разбросаться по Финляндіи небольшими поселками (рис. 84). Поселки эти сообщаются другъ съ другомъ грунтовыми дорогами, содержащимися въ образовомъ видѣ самымъ населеніемъ. Вѣзять въ Финляндію по такимъ дорогамъ на двухколесныхъ таратайкахъ въ одну лошадь; повозка эта пазывается „кариюлка“ (рис. 85).

Если остановить вниманіе на самомъ плохонькомъ на видѣ финскомъ поселкѣ, то невольно бросится въ глаза опрятность его: улицы, переулки и дворы выметены, нигдѣ возлѣ избъ не красуются навозныя кучи, какъ въ нашихъ великорусскихъ деревняхъ. Не найдешь здѣсь и грязныхъ скотныхъ дворовъ, гдѣ можно завязнуть по колѣно; а на улицахъ нигдѣ не увидишь помойныхъ ямъ и глубокихъ выбоинъ съ вѣчно жидкой грязью. Избы финновъ деревянныя, часто на каменномъ фундаментѣ; въ большинствѣ случаевъ онѣ покрыты корой, на которой, настланы круглыя жерди, а поверхъ ихъ еще нерѣдко разбросаны камни. Финны позаянчивѣ кроютъ крышу избы коротень-

кими дранками, накладывая ихъ, какъ черепицу, рядами — одинъ поверхъ другого, или тесомъ.

Избы со всѣми службами и пристройками почти повсюду обнесены изгородью. Даже бѣдныя вбушки смотрятъ опрятно: на окнахъ видны занавѣски, горшки съ цвѣтами: также незамѣтно ни неряшества, ни неопрятности, ни зловопія.

Любовь къ чистотѣ финнъ всасываетъ въ себя съ молокомъ матери. Чистоплотность у него доходитъ до какой-то страсти. Почти при каждой финской избѣ выстроена баня, въ которой финны съ ожесточеніемъ парятся—зимой разъ или 2 раза въ недѣлю, а лѣтомъ — каждый день.

Раскинувшееся по такому обширному пространству населеніе живетъ, конечно, не всюду одинаково. Въ пограничной съ Россіей области, которая заселена карелами, очень замѣтны слѣды русскаго вліянія; даже самая наружность финна здѣсь измѣнилась. Многие изъ кареловъ исповѣдуютъ нашу право-

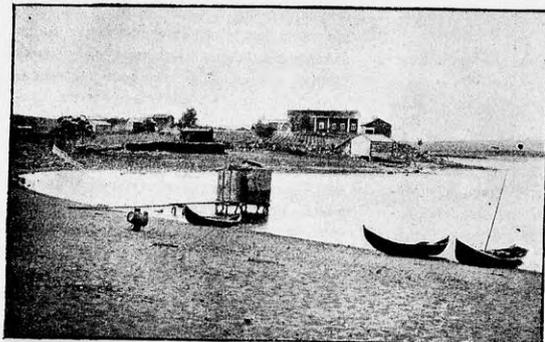

Рис. 84. Усадьба крестьянина въ Финляндіи (Сѣверная Эстерботнія).

славную вѣтру, одѣваются въ русскую одежду, а высокими ростомъ и чертами лица сильно напоминаютъ великорусса; даже упряжь лошадей здѣсь русская съ дугою и тяжелымъ хомутомъ; въ языкѣ слышатся испорченныя русскія слова. Точно такъ же и прибрежные, сосѣдніе со шведскими тавами заимствовали отъ послѣднихъ многое. Только во внутреннихъ областяхъ Финляндіи можно еще найти финновъ, которые мало испытали на себѣ иноземное вліяніе и сохранили многія особенности своего быта. Впрочемъ, чужеземное вліяніе проникло уже и сюда, только не отразилось на жизни населенія такъ ярко, какъ въ пограничной полосѣ. Здѣсь, въ сердцѣ Финляндіи, финскіе крестьяне во многомъ продолжаютъ еще жить почти такъ же, какъ жили ихъ предки сотни лѣтъ тому назадъ.

Пища финской крестьянской семьи самая неприхотливая и состоитъ, главнымъ образомъ, изъ ржаной муки, изъ которой финны готовятъ свою любимую кашу и печегъ себѣ хлѣбъ. Кромѣ ржи, финны въ значительномъ количествѣ потребляютъ ячмень, картофель и кислое молоко. Мясная пища для нихъ большая рѣдкость: ее замѣняютъ обыкновенно соленая рыба. Зато кофе, вѣрнѣе, цукорій, всегда кипятитъ на столѣ крестьянина, и его пьютъ въ невѣроятномъ количествѣ.

Однако въ сѣверной части Финляндіи, гдѣ неурожай случается гораздо чаще, жители совсемъ не знаютъ такого разносла. Тамъ почти не ѣдятъ чистаго хлѣба, а всегда смѣшиваютъ муку съ мелко истертой березовой корой. Вдали отъ городовъ,—тамъ, гдѣ финскій крестьянинъ живетъ исключительно земледѣліемъ, голодовки бывають очень часто, даже и въ урожайные годы. Хлѣба и при хорошемъ урожаѣ финская земля родить немного: его едва хватаетъ на прокормъ и на сбмена. Никакихъ запасовъ здѣсь и быть не можетъ. Поэтому достаточно одного лѣтняго ночного мо-

роза, губительнаго для посѣвовъ, и голодъ неминуемъ.

Несмотря на это, земледѣліе составляетъ главное занятіе финскихъ крестьянъ точно такъ же, какъ и русскихъ. И тѣмъ не менѣе до сихъ поръ обработана только одна сороковая часть всей финской земли. Остальное пространство занято пустошами, лѣсами, озерами и болотами. Когда финны переселились въ свою нынѣшнюю родину, они нашли здѣсь лѣса, воду и гранитъ, лишь коегдѣ покрытый тонкимъ слоемъ почвы. Какіхъ трудовъ и усилій стоило имъ побороть, подчинить себѣ эти голые почти камни и разбить на нихъ пашни! Цѣлые вѣка велась эта борьба за существованіе. Она закалала характеръ финновъ, сдѣлала ихъ упорными, устойчивыми въ трудѣ. Вся жизнь мѣстнаго сельскаго населенія—трудъ и трудъ безъ конца. Посмотришь на поле финскаго крестьянина: каждый загончикъ его окруженъ стѣнкою изъ гранитныхъ валуновъ; ихъ собиралъ и сносилъ сюда земледѣлецъ, когда очищалъ себѣ землю подъ пашню. Но среди пашни остались еще большіе камни: выковырять ихъ изъ земли было не подъ силу человѣку, и они продолжаютъ лежать тамъ, гдѣ онъ засталъ ихъ. Стоитъ коннуть послѣднѣе вглубь, и сейчасъ же наткнешься на такіе же камни, изъ которыхъ, кажется, состоитъ здѣсь самая почва. Гдѣ не видно сверху камней, тамъ торчатъ не рѣдко пенки сосенъ и березъ, съ ними тоже нелегко справиться хлѣбопашцу, потому что они цѣпляются за землю длинными и глубокими корнями. Вотъ и приходится ему обхаживать сошкою каждый древесный пенъ, каждый крупный камень, и весною нива его зеленѣетъ не сплошь, а только клочками и мелкими полянками. Пахать такую неровную пашню невозможно напей великорусской сохой. Поэтому свои новины финны вспахивають особыми двузубыми деревянными вилами съ жѣлезными наконечниками, а въ лѣкоторыхъ

мѣстностяхъ — крюками. Такой крюкъ состоитъ изъ острой жѣлѣзной части, въ родѣ лемеха, изъ колодки и рукоятки; онъ очень напоминаетъ обыкновенный плугъ, но не имѣетъ отвала и потому только рѣжетъ землю. Тамъ же, гдѣ пашни удаются со временемъ выровнять, вдутъ въ ходъ такіе же сохи о двухъ сошникахъ, какія употребляются и у насъ, въ Россіи.

Финскому земледѣльцу приходится постоянно считаться не съ одними камнями и деревьями. Его на каждомъ шагѣ добираетъ еще вода. Вода здѣсь круглый годъ виситъ въ воздухѣ—въ облакахъ и туманахъ, пропитываетъ собою почву, дерево, камень. Здѣсь все искусство земледѣльца обращено на то, какъ бы спасти отъ воды плоды тяжелыхъ трудовъ. Поля своего онъ не боронитъ, а вспахиваетъ вязкую сѣрую глину глубокими бороздами и между грядочками проводитъ канавки для стока воды, чтобы посѣвы не замокли и не погрѣли отъ излишней влаги. Снѣгъ свое, даже хлѣбные снопы финскій крестьянинъ не оставляетъ на землѣ. Здѣсь они никогда не просохли бы. Онъ навѣшиваетъ ихъ на треножки, на особые козлы, на вѣтви деревьевъ, на колья изгороди, окружающей его поле. Маленькіе, словно игрушечные скирдочки онъ тоже не ставитъ прямо на землю, а взгромозждаетъ на деревянные подмостки—повыше отъ земли, укладываетъ между колями и прикрываетъ настилкою изъ жердей.

Тѣмъ не менѣе урожаи бывають здѣсь очень недурны. Видъ яроваго поля просто изумляетъ: такую густую и высокую рожь можно видѣть только гдѣ-нибудь въ Малороссіи. Если идешь мимо такого поля съ финномъ, то невольно выразишь ему свое удивленіе и одобреніе.

— Да, хорошо выросло, — говорить онъ, — что-то соберемъ? Вамъ смотрѣть весело, а у насъ сердце не на мѣстѣ; знаете ли, вся эта благодать можетъ погибнуть въ одну ночь?

— Какъ такъ?

— Да вотъ: теперь у насъ днемъ сухо и жарко, пожалуй, будетъ граду-сухъ 25, зерно наливается, но еще не созрѣло; мѣсто здѣсь низкое, кругомъ—озера да болота; глядишь, къ ночи вдругъ будетъ 5—6 градусовъ, а то и меньше; если при этомъ будетъ вѣтра,—всему конецъ. Обложимъ поле кострами, зажжемъ ихъ, но какъ вѣтра нѣтъ, такъ ни тепломъ ни дымомъ на нихъ и не вѣдетъ. Протянемъ черезъ поле длинныя веревки, начнемъ ими водить по колосьямъ взадъ и впередъ, чтобы они двигались, но и это не помогаетъ; а къ разсвѣту станетъ еще холоднѣй, чуть не морозъ. Завоидетъ солнце—колосья всѣ въ иней, точно серебряные; хорошо еще, если ляжетъ тучи, и воздухъ будетъ нагрѣваться медленно, но если небо ясно, то жара наступаетъ быстро, и тогда наша нива погябла, и вмѣсто хлѣба, пожалуй, придется ѣсть отруби съ сосновой корой...

Но финскіе крестьяне (рис. 86) борются не только съ наступившими уже заморозками. Они прилагають всѣ усилія къ тому, чтобы устранить самую причину

Рис. 86. Финскій крестьянинъ.

этих губительных ночных туманов и холодов. Главной мѣрой въ этой борьбѣ служить осушеніе болотъ. Осушить всё болота финны, конечно, не въ силахъ. Поэтому они выбираютъ для осушки такія болота, которыя можно будетъ обратить потомъ въ пашни и дуга. Такимъ способомъ они достигаютъ сразу двойной выгоды,—и болото будетъ уничтожено, и прибавится новый кусокъ земли, годной для пашни.

Кромѣ ржи, овса и ячменя, финны сѣютъ въ большомъ количествѣ клеверъ пополамъ съ тимофеевкой. Благодаря финляндской сырости, клевера всходятъ чудесные — высокіе, густые. Клевера плутъ на прокормъ молочнаго скота. Финны уже издавна занимались скотоводствомъ; этому способствовалъ самый характеръ страны, изобилующей пастбищами. Молочное хозяйство имѣетъ громадное значеніе въ Финляндіи и быстро развивается тамъ. Молоко, послѣ ржаной каши, составляетъ главную пищу населенія; кромѣ того, молочные продукты вывозятся въ Западную Европу и отчасти въ Россію. Для обученія болѣе совершеннымъ способамъ выдѣлки молочныхъ продуктовъ вся Финляндія покрыта сѣтью школъ молочнаго хозяйства.

Кромѣ земледѣлія и молочнаго хозяйства, финскіе крестьяне въ шхерахъ и по берегамъ рѣкъ и озерамъ занимаются еще рыболовствомъ.

Финны очень религіозны и усердно посѣщаютъ церковь. Они исповѣдуютъ лютеранскую вѣру. Приходъ въ Финляндіи составляетъ цѣльную, дружную, органически сплоченную единицу, руководимую пасторомъ и его неизбѣжнымъ помощникомъ — учителемъ.

Въ воскресенье служба начинается обыкновенно около 10 часовъ утра. Народъ наполняетъ церковь и разсаживается на скамейкахъ. Характерную особенность церковной службы составляетъ

участіе въ ней самихъ прихожанъ, поющихъ псалмы подѣ управленіемъ кантора; необходимую часть службы составляетъ и проповѣдь, длящаяся около $\frac{3}{4}$ часа. По окончаніи службы священникъ читаетъ вслухъ „объявленія“, т. е. послѣднія распоряженія правительства и разныя увѣдомленія общинныхъ и церковныхъ властей.

Въ отдаленныхъ отъ церкви мѣстностяхъ лѣтомъ богослуженіе совершается подѣ открытымъ небомъ (рис. 87).

Иногда пасторы по просьбѣ прихожанъ руководятъ духовными бесѣдами.

Эта религіозность финновъ имѣетъ влияніе и на народную грамотность. Такъ, по закону никто не допускается къ причастію и не имѣетъ права вступить въ бракъ, если не умѣетъ читать катехизиса и Священное Писаніе и объяснять главные основы вѣры. Для того, чтобы провѣрить знанія своихъ прихожанъ, финскіе пасторы время отъ времени развѣщаютъ по приходу и дѣлаютъ испытанія дѣтямъ; кромѣ того, передъ допущеніемъ къ причастію всё молодые люди собираются на нѣкоторое время къ пастору, и онъ разъясняетъ имъ главные основы вѣры. Такимъ образомъ, религіозныя вѣрованія финскихъ крестьянъ находятся подѣ строгимъ надзоромъ и опытнымъ руководствомъ пасторовъ. Благодаря этому, въ средѣ финскаго народа быстро исчезаютъ остатки древнихъ языческихъ обрядовъ и суевѣрій. Но въ настоящее время у финновъ еще сохранилось много старинныхъ обычаевъ. Путешественники не разъ съ интересомъ подмѣчали и описывали ихъ, какъ слѣды древняго финскаго быта. Многія черты послѣдняго давнымъ-давно уже исчезли въ дѣйствительности. Но мы имѣемъ еще возможность познакомиться съ ними. Народная память поберегала здѣсь много старыхъ пѣсенъ и сказаній, въ которыхъ, какъ въ нашихъ русскаихъ былинахъ, отразилась и запечатлѣлась древняя жизнь...

Рис. 87. Финляндія. Богослуженіе въ шхерахъ.

Древній бытъ финскаго народа нашелъ себѣ яркое изображеніе преимущественно въ „Калевалѣ“.

„Калевалой“ называется собраніе финскихъ народныхъ пѣсенъ — „рунъ“. Всѣхъ рунъ въ Калевалѣ пятьдесятъ; онѣ связаны между собой, каждая изъ нихъ является какъ бы продолженіемъ предыдущихъ. Въ такомъ видѣ Калевала появилась въ половинѣ XIX вѣка, благодаря трудамъ одного любителя финской народной пѣсни — Ленрота. До него эти руны были разбросаны. Сложены онѣ были финскимъ народомъ очень давно. Это видно изъ того, что онѣ рисуютъ финновъ еще язычниками. Затѣмъ они переходили устно отъ одного поколѣнія къ другому.

Передавались онѣ нараспѣвъ подѣ звуки особаго финскаго музыкальнаго инструмента — „кантеле“.

Калевала является повѣствованіемъ о дѣтствѣ финскаго народа, объ его первобытномъ состояніи, о жизни, нравахъ и дѣятельности древнихъ финновъ. Главный герой ея, Вейнемейненъ, — полубогъ, получеловѣкъ; по власти своей надѣ

людьми и природой онъ во всякомъ случаѣ больше, чѣмъ человѣкъ. Его подвиги и дѣла подобныхъ ему героевъ: могучаго кузнеца Ильмаринена и веселаго, безпечнаго Леммякинена составляютъ главное содержаніе повѣствованія. Въ этихъ подвигахъ изображена иносказательно борьба финновъ съ древними жителями страны, которая называется въ Калевалѣ Похолой, но еще чаще — борьба человѣка съ различными силами природы.

До самаго послѣдняго времени образованіе народа было исключительно въ рукахъ пасторовъ. Благодаря имъ, Библия давно уже переведена на финскій языкъ, благодаря имъ, главнымъ образомъ, каждый мужчина и каждая женщина въ Финляндіи умѣютъ читать на своемъ языкѣ и могутъ обучать грамотѣ своихъ дѣтей. Но не всѣ дѣти могутъ научиться грамотѣ дома. У многихъ родители умерли, у иныхъ она и безъ того слишкомъ занята другими дѣлами. Поэтому для такихъ дѣтей устраиваются передвижныя школы грамотности. Ежегодно десятки странствующихъ учителей обходятъ самыя отдаленныя поселки Финляндіи, оста-

навливаются тамъ, гдѣ есть бездомные крестьянскіе ребята, и учать ихъ чтенію и письму. Послѣ 2—3-мѣсячнаго преподаванія учитель переселяется въ слѣдующій округъ. Надзоръ за школами этихъ бродячихъ учителей находится въ вѣдѣніи пасторовъ. Пасторъ же слѣдитъ и за тѣмъ, чтобы родители обучали своихъ дѣтей грамотѣ: онъ, какъ намъ уже явственно, имѣетъ право не допускать къ причастью неграмотныхъ. Понятно, что подъ страхомъ такого наказанія всѣ почти финскія дѣти выучиваются читать и писать. Но стремленіе финновъ къ образованію на этомъ не оканчивается. Грамотность—только начало; для грамотнаго открывается обширное поле самыхъ разнообразныхъ и полезныхъ знаний, и финны не хотять лишиться ихъ свои подрастающія поколѣнія.

Въ настоящее время законъ обязываетъ сельскія общины устраивать „высшія“ школы грамотности, какъ только въ околоткѣ окажется тридцать дѣтей, уже грамотныхъ и желающихъ учиться далѣе. Устройство и оборудование этихъ школъ падаетъ на сельскія общины, но жалованье учителю или учительницѣ выплачиваетъ казна; впрочемъ, и общины обязываются поддерживать своихъ учителей натурой.

Въ высшія сельскія школы (рис. 88) принимаются дѣти 9—12 лѣтъ, если они умѣ-

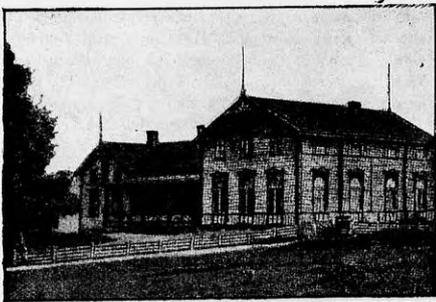

Рис. 83. Финляндія. Сельское народное училище.

ютъ уже читать и писать. Мальчики и дѣвочки учатся вмѣстѣ. Ученіе въ высшей школѣ продолжается четыре года. Въ это время ученики совершенствуются въ чтеніи и письмѣ; учатся, кромѣ того, закону Божію, счету, знакомятся съ образцовыми сочиненіями своихъ родныхъ писателей.

Въ большинствѣ вышихъ сельскихъ школъ ученіе платное; съ ученика берется копейка пятадесятъ въ полгода. Изъ этой платы одна половина идетъ учителю, а другая—въ пользу школы. Отъ платы освобождаются бѣдные ученики, а также тѣ, кто живетъ далеко отъ школы. Но среди вышихъ сельскихъ школъ есть и совсѣмъ бесплатныя.

Народному образованію въ Финляндіи много содѣйствовали такъ называемыя „крестьянскія академіи“. Это—особыя школы для взрослыхъ крестьянъ и крестьянокъ. Для поступленія требуется свидѣтельство объ окончаніи „высшей школы“. Ученіе въ академіяхъ продолжается около восьми мѣсяцевъ, а чаще даже шесть,—съ 1-го ноября по 1-е мая. Плата за ученіе существуетъ по обыкновенію небольшая, около 4—5 рублей. Тѣ кто не имѣетъ денегъ, освобождается и отъ этой платы, такъ что ученіе въ академіи доступно для всякаго, кто окончилъ „высшую“ школу и достигъ 18-лѣтняго возраста. Содержатся эти академіи отчасти на счетъ казны, отчасти на счетъ особыхъ обществъ. Никакихъ экзаменовъ при окончаніи ученія не бываетъ, и никакихъ свидѣтельствъ такая академія своимъ питомцамъ не выдаетъ.

Преподаваніе въ академіи ведется въ видѣ общедоступныхъ чтеній по вѣвозможнымъ образовательнымъ предметамъ. Слушателей знакомятъ, кромѣ того, съ различными прикладными знаніями: напримѣръ, съ веденіемъ конторскихъ книгъ, со всѣми улуч-

щеніями и новостями въ области сельскаго хозяйства, съ дѣченіемъ болѣзней домашняго скота, съ усовершенствованными приемами маслодѣлія, съ нѣкоторыми ремеслами. Преподаваніе полезныхъ и нужныхъ народу прикладныхъ знаній привлекаетъ въ академіи много слушателей.

Вообще культурный уровень страны очень высокъ. На маленькую территорию Финляндіи приходится около 60 газетъ и журналовъ. Изданія эти чрезъ пасторовъ и учителей проникаютъ въ отдаленнѣйшіе поселки и такимъ образомъ печатное слово становится достояніемъ даже самыхъ бѣднѣйшихъ финляндскихъ лачужекъ. Благодаря этому, въ Финляндіи совершенно нѣтъ „захолустья“ въ рускомъ смыслѣ слова и чрезвычайно трудно отыскать въ Финляндіи такой городишка, гдѣ бы не было не только книжной лавки, но и типографіи, занимающейся печатаніемъ газеты и полезныхъ для народа книгъ.

Вслѣдствіе всего этого финскіе крестьяне, конечно, очень развиты. Не трудно поэтому повѣрить тому, что пишутъ о нихъ побывавшіе въ Финляндіи путешественники,—что „о пьянствѣ, кутежахъ, буйствахъ, дакомъ кабакомъ разгулѣ финны и понятія не имѣютъ“. Это народъ трезвый и высокоответственный. Онъ понимаетъ, что пьяный человѣкъ унижаетъ себя, теряетъ образъ и подобіе разумнаго существа, становится какинъ-то грязнымъ и дикимъ животнымъ. Финны давно уже борются съ водкой. Въ настоящее время здѣсь вовсе нѣтъ кабаковъ въ деревнѣ, за городомъ. Кромѣ того, соблазнъ напиться умѣряется штрафомъ: съ каждаго пьянаго поло-

Рис. 89. Памятникъ Александру II въ Гельсингфорсѣ.

жено брать въ первый разъ около 10 рублей, во второй же разъ его ждетъ уже продолжительный арестъ въ холодной.

Финляндія ведетъ оживленную торговлю со многими европейскими государствами. Она продаетъ имъ лѣсъ, бумагу, чугунъ, стекло, камень, масло, сыръ. Финляндія занимается также и обработкой дерева: изъ древесины финны выдѣлываютъ бумагу. Последнее составляетъ важнѣйшую отрасль финляндской промышленности. Этимъ дѣломъ заняты 39 заводовъ и фабрикъ и около 5.000 рабочихъ.

Значительнаго развитія достигаетъ въ Финляндіи и производство пищевыхъ продуктовъ. Важнѣйшими заведеніями

въ этомъ производствѣ являются мукомольныя мельницы, сахаро-рафинадные заводы, пивоваренные, портерные и винокуренные заводы.

Какъ извѣстно, Финляндія ведетъ торговлю съ Россіей. Надо замѣтить, что хотя Финляндія подчинена Россіи и является ея составною частью, она въ этой торговлѣ пользуется особымъ преимуществомъ, какого нѣтъ у другихъ присоединенныхъ къ Россіи областей,

Рис. 90. Гавань въ Гельсингфорсѣ.

напр., Польша: въ Финляндіи имѣется своя таможня, черезъ которую и проходить туда всѣ товары изъ остальной Россіи; на этой таможнѣ русскіе товары оплачиваются пошлинами въ пользу Финляндіи. Но и Россія держитъ, въ свою очередь, на границѣ Финляндіи свою таможню, гдѣ такой же оплатѣ подвергаются товары, идущіе въ Россію изъ Финляндіи. При этомъ Россія остается въ болѣе благоприятныхъ условіяхъ, чѣмъ Финляндія: большинство ея товаровъ провозится туда беспошлинно, и только немногіе, какъ, напр.: солодовые напит-

ки, табакъ, сахаръ, вино, поваренная соль, игральные карты и др., оплачиваются сборами въ финской таможнѣ. Напротивъ, большинство финляндскихъ товаровъ облагаются въ русской таможнѣ высокими пошлинами. Этимъ Россія охраняетъ свою промышленность отъ соперничества болѣе совершенныхъ финляндскихъ фабрикъ и заводовъ.

Въ обмѣнъ на свои товары Финляндія получаетъ изъ Россіи и другихъ госу-

дарствъ, съ которыми финны ведутъ торговлю, хлѣбъ, муку, сахаръ, керосинъ, машины, желѣзные издѣлія, шерстяныя ткани,—словомъ, все, чего не производить сама или чего ей не хватаетъ.

Самая значительная часть этихъ товаровъ ввозится черезъ Гельсингфорсѣ (рис. 90).

Столица Финляндіи—Гельсингфорсѣ — небольшой, но красивый и чрезвычайно опрятный городъ. Чистота и порядокъ никогда не нарушаются, хотя не видно ни суеты ни тѣхъ, кто этотъ порядокъ поддерживаетъ и охраняетъ. Въ построй-

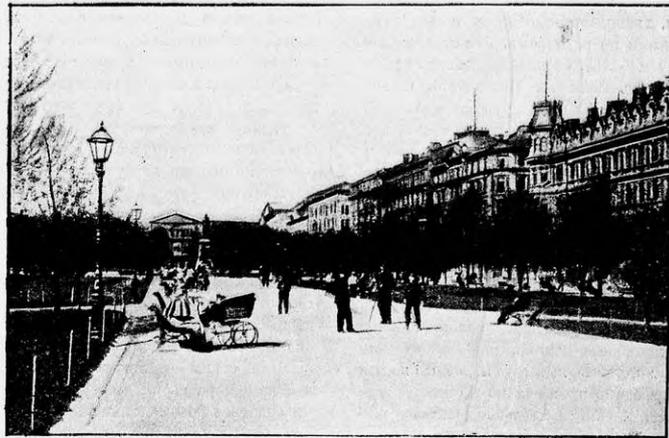

Рис. 91. Эспланада—главная улица Гельсингфорса.

кахъ зданій нѣтъ изящества, граціозности, но стиль выдержанный, довольно мрачный, напоминающій также выдержанный мрачный физономіи хозяевъ. Въ самомъ складѣ городской жизни также нѣтъ лихорадочной торопливости и безтолковой суетни. Даже на болѣшихъ желѣзно-дорожныхъ станціяхъ, на морскихъ, озерныхъ и рѣчныхъ пристаняхъ, гдѣ идетъ сложная разгрузка и нагрузка, опять-таки нѣтъ никакой суетни: работа производится съ удивительною методичностью и размѣренностью, потому что каждый хорошо знаетъ, что ему слѣдуетъ дѣлать, и дорожитъ малѣйшимъ моментомъ рабочаго времени.

Если проѣхать изъ Гельсингфорса по другимъ городамъ Финляндіи, то придешь къ заключенію, что все сказанное относится не къ одной только столицѣ ея. Тѣ же удобства, чистота и порядокъ встрѣчаются и въ другихъ финляндскихъ городахъ, даже въ самыхъ маленькихъ. Впрочемъ, и большинство финляндскихъ городовъ отличаются такой малочисленностью населенія, что по нашей русской

мѣркѣ могутъ казаться просто городишками.

И вотъ, когда знаешь, какъ мало населены финляндскіе города, просто поражаешься ихъ царовыми и парусными су-

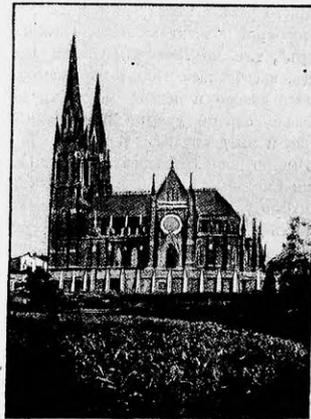

Рис. 92. Лютеранскій соборъ въ Гельсингфорсѣ.

дами, изящными, удобными и поместительными по размерам. Эти суда, по десятку и больше, скопляются за один раз на водах Невы в Петербург и хорошо известны в приморских городах всех частей света. Удивительно, откуда только берутся у этих маленьких городов деньги и средства, чтобы сооружать и разсылать по всему свету такие большие благоустроенные суда.

Попав в такой маленький финляндский городок, не поражаешься затворничеству, ни богатством построек, ни их громадностью. Маленькие одноэтажные и двухэтажные домики, деревянные или каменные, имбют весьма нарядный вид и производят чрезвычайно приятное впечатление. Они поставлены довольно широко друг от друга, обсажены деревьями и содержатся в замечательной опрятности. Холмистое положение городов, превосходные шоссевые дороги,

сочная зелень городских садов придают финляндским городам какой-то особенно нарядный и праздничный вид.

Деревянные домики на гранитных фундаментах покрыты драпками под черепицу. На окнах — шторы с нарисованными на них кораблями, башнями и деревьями. Войдешь внутрь, там — белый пол, иногда усыпанный еловыми ветвями, чистый, как у нас никогда не бывает, и кухонные столы, постель, на которой словно и не спят никто: так она чиста и аккуратна; подоконники и двери сверкают белизной; изразцовая печь сложена тщательно и изящно; на окнах цветы; потолки оклеены белой бумагой, стены — светлыми обоями. И никто не запирает ни дверей, ни окон, ни ворот, а разные вещи оставляются на дворе и на улицах без присмотра.

И во всех городах Финляндии та же честность, скромность, порядок, удобства, тишина и опрятность.

В „страну великих озер“.

(В. Корневская.)

Много раз мы собирались съехать из Петербурга позадку в „страну великих озер“, т. е. по Ладоге и Онеге, наконец, и собрались. Пароход свистнул, колесо плыва и как бы с трудом съездало первый удар по поверхности рьки, и мы двинулись в путь.

Быстро проносятся перед нашими глазами Смольный, Лавра, Александровская мануфактура и завод главного общества с их чадом и дымом; берега становятся все круче.

Направо, на высоком берегу, показалась обломанная сосна, а под ней и другая, с еще меньшим количеством ветвей; вокруг сосен старый полуразвалившийся каменный забор. А между тем это место великое и дорогое для всякого русского человека! Здесь, под уютным покровом когда-то раскид-

стых „красных сосен“, провез великий царь-работник последнюю ночь перед тем моментом, когда он совершил завоевание Неншанца, небольшого земляного города с посадом в четыреста домов, при впадении в Неву рьчки Охты; здесь проведена была, так сказать, последняя ночь старую Россией, а следующий день должен был разсвять мрак, царивший над всею русской землей.

Чем дальше от Петербурга, тем Нева становится все красивее и красивее.

За Преображенскою горой выплывает направо Шлиссельбург, а перед ним и островок с рьчюстью (рис. 93). Сам по себе Шлиссельбург представляет мало интересного и потому туристу нечего горевать, что пароход здесь стоять недолго и снова движется в ту водную

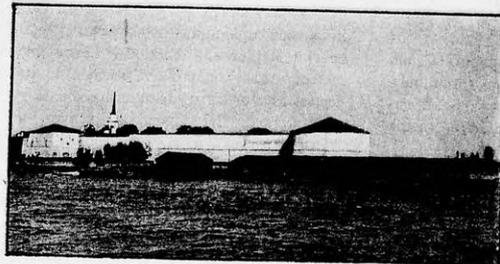

Рис. 93. Шлиссельбургская крепость.

равнину, которая разстилается перед ним, т. е. в Ладожское озеро, безбрежное и чудное при вечерней заре и ночью; так он увидит заход солнца на озеро и всю ночь пройдет по его шире, даже и не подумавши уснуть, хотя и в покойной, но все же душной каюте.

Поздно ночью, почти под самое утро, пароход пристает к Сермаксу. Сермакса расположена при устье рьки Свири и притом при конце большого длинного ряда каналов: Петра I, Александра II, Сясского и Свиракого; странные, устроенные на сваях, дома бросаются в глаза путнику, а волшебная „белая“ северная ночь придает картинке некий фантастический окрас; все то, что идет с Волги к Петербургу, непременно должно побывать и в Сермаксе.

В пять часов утра пароход пристал к городу Лодейное Поле.

В настоящее время Лодейное Поле состоит лишь из нескольких домиков, и вся былая жизнь его перешла в конечные пункты рьки Свири — Вознесенье и Сермаксу, а этот городок ни больше ни меньше,

как только промежуточная станция для судов и пароходов, направляющихся в Петербург.

Стоит только подняться по крутой лестнице от пристани на гору, как бывшая столица всея — народа, упоминаемого еще Нестором, предстает туристу во всей своей красе. Вблизи собора, на горке, виднеется обелиск, на ко-

тором сбоку вставлен медальон с выпуклым изображением его, наверху приделан двуглавый орел, а внизу — надпись, которая гласит следующее: „На том месте, где некогда был дворец императора Петра Первого“, и далее: „Да знаменует следы Великого сей скромный, простым усердием воздвигаемый, памятник“. Из Лодейного Поля, если только есть время, ъезжают знаменитый Александро-Свирский монастырь.

Если Неву называют „красавицей“, то Свирь больше нея заслуживает этого званья. Свирь почти вдвое уже Невы,

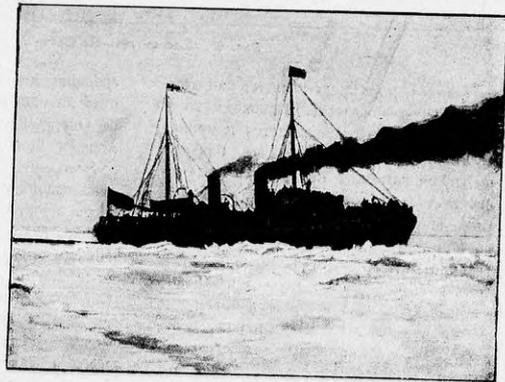

Рис. 94. Ледокол „Муртала“.

хотя и не вездѣ, но зато, гдѣ у Невы лишь намеки, тамъ у Свири дѣйствительность. Нева красуется родами, Свири почти сплошь обрамлена прелестнѣйшимъ лѣсомъ; берега Невы картинно возвышаются надъ уровнемъ воды, а на Свири обрывистые берега переходятъ уже въ скалы; вода промываетъ эти скалы и обнажила напластования; цѣлѣ пластовъ то и дѣло мѣняются, одна картина уступать мѣсто другой, еще болѣе прекрасной. Нева обладаетъ игрушечными порогами,

Рис. 95. Спасовъ день на Свѣрѣ.

на Свири пороги представляютъ уже дѣйствительную опасность. Пароходъ то и дѣло свиститъ, останавливается и принимаетъ мѣстныхъ лоцмановъ съ бляхами на груди; капитанъ не сходитъ съ своего мостика, а лоцманы такъ и вперяютъ глаза впередъ; быстро, подъ ловкими поворотами руля, несется большой красивый пароходъ черезъ журчащую луду; такъ вотъ и кажется, что сейчасъ онъ ударится о камень и пойдетъ ко дну, но ловкій маневръ лоцмана—и пароходъ повернуть на бокъ; масса судовъ встречается съ пароходомъ, то на бечевѣ, то на буксирѣ у маленькихъ пароходовъ.

Вечеромъ пароходъ пристаетъ къ Вознесенской пристани,—началу такъ называемой Маринской системы. Сотня людей окружаетъ пароходъ, нѣсколько ролсыхъ дѣвушекъ и женщинъ осаждаютъ пассажировъ предложеніями услугъ по части перевозки на другую сторону рѣки, гдѣ помѣщается Вознесеніе. Маринская система обязана своимъ существованіемъ Петру Великому, съ именемъ котораго сочетается все благо въ этихъ мѣстахъ. Всегда смотря на Россію, какъ на по-

средницу между Европой и Азіей, Петръ чуть ли еще не въ первый свой прѣздъ на Онегу задумалъ соединить Каспійское море съ Балтійскимъ.

Ясно, что для Олонецкаго края эта гениальная для того времени и при тѣхъ именно условіяхъ мысль имѣла весьма важное экономическое значеніе. Начало искусственнаго воднаго пути предполагалось при выходѣ Свири изъ Онежскаго озера, у пристани Вознесенской, а главный соединительный пунктъ вожскихъ водъ съ водами озеръ Онежскаго и Ладожскаго въ нынѣшнемъ Вытегорскомъ уѣздѣ. Въ тѣ времена мѣст-

ность города Вытегры была уже достаточно заселена и имѣла довольно большое торговое значеніе.

Завершивъ побѣдоносную войну со шведами на югѣ Полтавской побѣдой, Петръ послалъ въ 1710 году знаменитаго инженера того времени, шотландца Перри, произвести необходимыя изысканія въ трехъ разныхъ направленіяхъ. Перри, видимо, наученный работать самимъ Пет-

ромъ, скоро окончили работу и въ томъ же году представилъ свои изысканія царю. Петръ посѣтилъ мѣстность, осмотрѣнную Перри, и дѣло передано было на разсмотрѣніе сената, который въ 1712 году утвердилъ изслѣдованія и планъ Перри и назначилъ тысячу рублей на производство работъ. Но во время побѣды Перри въ Англію мысль о проколкѣ канала была оставлена, и только 75 лѣтъ спустя, въ царствованіе Павла I, проектъ попался на глаза. Стали прикидывать, во что обойдется работа, и петровскую смѣту

Рис. 96. Новгородъ. Древній Софійскій соборъ

сужѣли вытиснуть ровно въ сорокъ разъ; ясно, что задумались надъ затратою такой суммы, но покойная императрица Марія Феодоровна нашла возможнымъ позаимствовать на такое полезное дѣло изъ суммъ Воспитательнаго Дома необходимыя сорокъ тысячъ рублей, и въ 1810 году вся система была открыта для судоходства подъ именемъ „Маринской“.

Попастъ на Вытегру изъ Вознесенья можно или на невозможномъ трешкотѣ (плоскодонное небольшое судно), или на небольшомъ пароходѣ, который стая туда ходить лишь въ самое послѣднее время. Нельзя сказать, чтобы этотъ путь по узкому каналу былъ особенно пріятенъ; надо быть этнографомъ, чтобы находить

Рис. 97. Новгородъ. Памятникъ 1000-лѣтія Россіи.

удовольствие знакомиться с бытом приканальскаго народа, да притомъ и бытъ-то эгого до такой степени печаленъ, что вчужь болить сердце за этихъ несчастныхъ, принужденныхъ всю жизнь свою жить впрогодь. А между тѣмъ городъ Вытегра при-

Рис. 98. Церковь въ погостѣ Спасъ-Нередицъ, близъ Новгорода на р. Волховѣ, съ прекрасно сохранившимися фресками XII вѣка.

надлежитъ, по значенію своему, далеко не къ послѣднимъ пунктамъ нашего отечества; массы хлѣба направляются съ Воли именно на Вытегру и, кромѣ того, сюда же подходитъ и водный путь, соединяющій съ Балтійскимъ моремъ Сѣверную Двину. По Онежскому озеру въ Вытегру пароходы не ходятъ, такъ какъ это «внутреннее море» малозвѣстно и къ тому же южная оконечность его возбудитъ подводными камнями и любитъ угощать смѣльчаковъ, пускающихся по немъ, шквалами, отъ которыхъ не всегда поздоровится.

Верстахъ въ двадцати отъ Вытегры мѣстность рѣшительно напоминаетъ маленькую Швейцарію, а по красотѣ своей можетъ совершенно сравниться съ самыми знаменитыми, по прелести, пейзажами Западной Европы; громадная бѣлая скалы высятся къ облакамъ, ослѣпляя своей бѣлизной. Передъ нами Андомскія мѣловыя горы—мѣсто, откуда добывается весь мѣлкъ, который потребляетъ Петербургъ,

и куда вы ни взглянете, всюду будете поражены красотою пейзажа.

Стало свѣтать: «Нева» дождалась своего собрата, идущаго въ Петербургъ изъ Петрозаводска, и развела пары, готовясь тронуться въ путь прямо на сѣверъ, къ тому мѣсту, гдѣ на скромной рѣчонкѣ Лососинкѣ стоитъ, со времени Петра, Александровскій пушечно-снарядный заводъ. Всякій пассажиръ, нагулившійся вдоль по набережной Вознесенья, наслушавшійся калѣкъ - переходихъ, поющихъ духовные стихи, рѣшить, что теперь можно и выснасться, тѣмъ болѣе, что западный берегъ Онежскаго озера не представляетъ ничего особенно интереснаго, да и пароходъ идетъ отъ него слишкомъ далеко боясь натолкнуться на береговья луды, которыхъ здѣсь огромное множество. Кромѣ лѣса, главная масса кото-

раго, въ бревнахъ и доскахъ, идетъ въ рѣку Свирь, судовые грузы Онежскаго озера заключаются въ хлѣбныхъ и другихъ товарахъ, которыми снабжаются: Петрозаводскъ, Повѣнецъ, Пудожскъ и нѣкоторыя очень значительныя прибрежныя селенія. На пудожскомъ и петрозаводскоповѣнецкомъ прибрежьяхъ находятся уже нѣсколько лѣсопильныхъ заводовъ, а лѣса гибель,—ясно, что число этихъ заводовъ возрастетъ еще, когда явится возможность вполне безопасно слѣдовать по Онегу. Богатство лѣса по берегамъ Онега до того велико, что горьбыли и бракованныя доски ягутъ, такъ какъ ихъ некуда дѣвать; всюду богатѣйшія желѣзныя и мѣдныя руды; въ Повѣчанскѣ—жемчужныя раковины, въ Шушѣ—каменный уголь, на сѣверномъ берегу расположены превосходныя ломки гранита, порфира и мраморовъ, а по всему озеру производится обширное рыболовство. Предметы всѣхъ этихъ промысловъ, а также и весь пушной товаръ, привозимый съ Поморья,

сплавляютъ по озеру къ Петербургу, по немъ также плывутъ и толпы богомольцевъ, направляющихся въ Соловецкій монастырь.

При такомъ-то важномъ торговомъ-промышленномъ значеніи Онежское озеро въ мореходномъ отношеніи находится въ самомъ первобытномъ состояніи.

Быстро бѣжить «Нева» по глади озера, благо погода не бурная; вотъ прошли траверсъ¹⁾ острововъ Брусничныхъ, извѣстныхъ своимъ маякомъ, который значительно разнится отъ своихъ западно-европейскихъ собратьевъ: какой-то мужичокъ поставилъ на одномъ изъ острововъ шесть, протянулъ къ его вершинѣ бечевку и аккуратно каждый вечеръ вздергивалъ къ вершинѣ шеста фонарь съ салною свѣчой; миновали и Шокшу, славленную своими ломками порфира, и вотъ вдалекѣ начинаютъ высвѣтляться на горизонтѣ очертанія живописныхъ Ивановскихъ острововъ, а затѣмъ изъ-за лѣса показываются куполы соборовъ и церкви Петрозаводска. Скоро пароходъ входитъ въ узину между лѣвымъ берегомъ Онега и Ивановскими

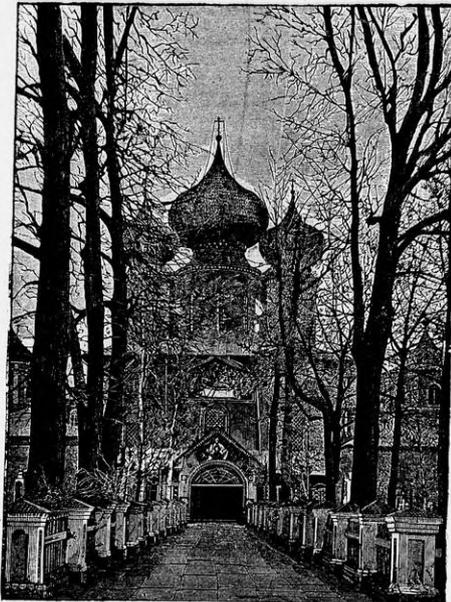

Рис. 99. Тихвинскій монастырь.

островами и пристаетъ къ пристани, гдѣ его ожидаетъ чутъ не весь городъ.

Осмотрѣть Петрозаводскъ, какъ городъ, очень нетрудно: онъ и весь - то состоитъ изъ одной улицы, не считая нѣсколькихъ еще переулочковъ и закоулочковъ. Во время сѣверной шведской войны у Петра не хватило ни пушекъ, ни гранатъ, ни ядери; хотя и приказалъ онъ переплавить церковные колокола на пушки, а все же орудій было мало. Тутъ - то и обратилъ великій геній свое вниманіе на тѣ массы

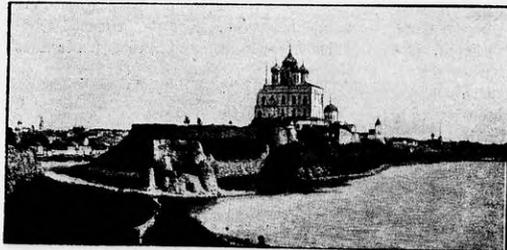

Рис. 100. Видъ кремля въ Псковѣ.

1) Траверсъ — направление, перпендикулярное ходу судна.

Рис. 101. Олонецъ.

болотного желѣза, котораго повсюду такъ много на Онего, и на мѣдъ, которую онъ видѣлъ въ 1702 году при походѣ своемъ черезъ Повѣнецъ. У Петра отъ идеи до выполненія проходило немного времени, и въ 1703 году при устьѣ рѣчки Лососинки былъ имъ построенъ первый чугуноплавильный и желѣзодѣлательный заводъ. Прошло немного времени, заводъ былъ приведенъ въ состоянiе полного разрушенiя, и въ настоящее время отъ него остались лишь весьма немногiе слѣды; вмѣсто него въ 1774 году былъ построенъ Александровскiй заводъ, на правомъ берегу Лососинки, почти въ центрѣ нынѣшняго города.

Будучи основанъ съ чисто специальною цѣлью поставлять для государства орудiя и снаряды, Петрозаводскiй Александровскiй заводъ, само собою разумѣется, никогда не могъ работать на положенiи частнаго промышленнаго учрежденiя; гдѣ тутъ приспособляться къ дѣланiю чугунныхъ и другихъ подѣлокъ, когда едва успѣваешь вырывать казенные заказы; конечно, быть - можетъ, на частныхъ заводахъ снаряды обходились бы и дешевле, но частные заводы могутъ въ здѣшнихъ мѣстахъ провести прекрасный день сдѣлаться

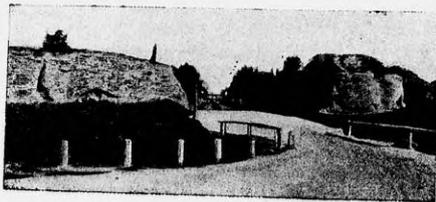

Рис. 102. Проломъ Стефана Баторiя во Псковѣ.

несостоятельными, а потому правительству и важно, во что бы то ни стало, удерживать за собой этотъ заводъ. Давно ужъ онъ работаетъ, и плоды его выработки по всему лицу Европы разносили смерть.

Какъ бы то ни было, но посѣтить заводъ слѣдуетъ и притомъ, по возможности, вечеромъ, когда онъ поражаетъ зрителя тою массой огня, которая необходима для его дѣятельности; словно адъ передъ глазами: десятки огненныхъ жерлъ глядятъ въ темнотѣ, и люди кажутся какими-то гномами или духами, которые творить здѣсь, въ глубинѣ пропасти, какое-то таинственное дѣло. Посѣтить заводъ нетрудно, но необходимо записаться для этого разрѣшенiемъ начальства, которое добыть легко; а разъ вы попали внутрь завода—будетъ сдѣлано все для того, чтобы все показать и разъяснить вамъ.

Если посмотрѣть изъ оконъ гостиницы на озеро, разстилающееся передъ Петрозаводскомъ, то немного влѣво будетъ видѣться Соломинская губа съ селенiемъ, гдѣ помѣщается лѣсопильный заводъ купца Громова. Лѣсное дѣло въ Олонецкой губерни можетъ давать огромную прибыль; но, къ сожалѣнiю, это дѣло поставлено вовсе не такъ, какъ оно могло бы стоять, если бы повести его на болѣе правильныхъ началахъ. Десятки тысячъ десятинъ превосходнаго лѣса сводятся самымъ

хищническимъ образомъ, безъ расчета на будущее время, и казна теряетъ массу денегъ. Тутъ же, на Соломинскомъ погостѣ, есть очень интересная церковь, выстроенная на одномъ валунѣ, который съѣхалъ въ озеро; такъ и кажется, что не пройдетъ и минуты, какъ вся постройка съдвинется съ гладкой поверхности камня и сползетъ въ Онего, для того, чтобы никогда уже болѣе не посылать людямъ благой вѣсти.

такъ какъ мѣстоположенiе вокругъ истиннѣ, можно назвать живописнымъ, а свѣжiй горный воздухъ напоминаетъ лучшiя мѣстности Швейцарiи или Пьемонта.

А быть на Онего и не полюбоваться на пороги и водопады рѣки Суны—все равно, что быть въ Римѣ и не видать папы.

Всякiй изъ насъ знаетъ, что Кивачъ (рис. 103) былъ воспѣваемъ подъ именемъ

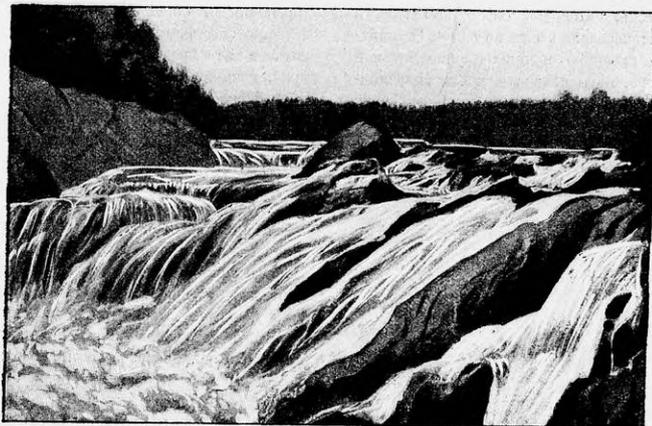

Рис. 103. Водопадъ Кивачъ на р. Сунѣ (Олонецкiй край).

Быть въ Петрозаводскѣ и не видать Кончезерскихъ минеральныхъ водъ, Кивача и Поръ-порога, — грѣхъ, тѣмъ болѣе, что вамъ всячески стараются сдѣлать это путешествiе удобнымъ и приятнымъ.

Кончезерскiя минеральныя воды, которыя удостоились принять и поддержать здоровье великаго русскаго генiя—Петра, расположены всего лишь въ 50 верстахъ отъ Петрозаводска и въ 8 отъ Кончезерскаго завода. Кажется, самую природой назначено здѣсь быть лѣчебной станци,

„алмазной горы“ нашимъ великимъ поэтомъ Державиннымъ, но не всякiй знаетъ, что поѣздка туда—одна изъ самыхъ удобныхъ. Картина, дѣйствительно, поразительна! Мы ѣдимъ на Иматру и наслаждаемся ея красотою, но Иматра—ребенокъ въ сравненiи съ Кивачемъ и Поръ-порогомъ, которые въ щепки разбиваютъ бревна и представляютъ собою дѣйствительныя горы воды, а не каскады, подобно Иматрѣ. На Кивачѣ можно и покончить, но лучше будетъ, если туристъ спустится по рѣкѣ Сунѣ до ея устья,

такъ какъ тутъ онъ можетъ увидѣть новую, невиданную картину — славя тѣса.

Много есть въ Прионежскомъ краѣ, на что можно посмотрѣть, есть тамъ, чѣмъ

полюбоваться, есть и чему поучиться. Съѣздить туда слѣдуетъ, и можно поручиться, что тотъ, кто совершитъ эту поѣздку, жалѣть о потерянномъ времени не будетъ.

Э С Т Ы.

(Изъ очер. Э. С. Вульфсона).

Эстовъ или, какъ ихъ принято еще называть, *чухонцевъ*, около 900 тысячъ душъ; населяютъ они не только Эстляндскую губернію и прилегающіе къ ней острова, но и сѣверную часть Лифляндской, гдѣ живутъ сплошь въ пяти

Рис. 104. Старая чухонка.

уѣздахъ, такъ что народъ этотъ на большомъ пространствѣ соприкасается съ моремъ. Сама по себѣ Эстляндская губернія очень мала, а по населенію менѣе всѣхъ другихъ губерній Европейской Россіи, если не считать Архангельской и Олонечкой губ., которая населена еще рѣже. На каждую квадратную версту въ Эстляндіи проживаетъ въ среднемъ около 24 человекъ, въ Лифляндіи же около 33 человекъ, такъ что тамъ населеніе

гуще. Кромѣ этихъ двухъ губерній, которыя представляютъ главное мѣстожительство эстовъ, ихъ можно еще встрѣтить и за предѣлами Прибалтійскаго края, а именно — въ губерніяхъ Витебской, Псковской и Петербургской.

Главное занятіе большинства эстовъ составляетъ земледѣліе, и какъ ни памятно имъ нѣмецкое иго, а надо сознаться, что именно у нѣмцевъ переняли они лучшіе способы обработки земли. Въ древнѣйшія времена туземцы занимались лишь охотой и рыболовствомъ, при чемъ самымъ важнымъ домашнимъ животнымъ считалась у нихъ собака. Занимались эсты и скотоводствомъ, но не умѣли готовить изъ молока ни масла ни сыра; было имъ знакомо отчасти и земледѣліе, но сѣяли они только ячмень, а о другихъ хлѣбныхъ злакахъ не имѣли понятія. Точно такъ же они не умѣли обрабатывать землю, не знали никакихъ сельско-хозяйственныхъ орудій, а просто, какъ дѣлаютъ это кочевые народы, вырубали тѣса, зажигали ихъ и на такомъ пепелищѣ сѣяли ячмень да еще издревле любимую пищу эстовъ — рѣпу. Только со временемъ научились они сѣять пшеницу, рожь, овесъ, горохъ, бобы и чечевицу.

Мы уже раньше говорили, что въ царствованіе Александра I эсты получили личную свободу, но безъ земельного надела. Только позднѣе, а именно въ 1856 году издано было положеніе объ эстляндскихъ крестьянахъ, по которому нѣмцы-помѣшники разъ навсегда предоставили имъ право пользоваться опредѣленною

частью своей земли; однако право собственности на эту землю осталось попрежнему за помѣщиками, а крестьяне, слѣдовательно, являются только арендаторами ея. Съ тѣхъ поръ всѣ земли въ Эстляндіи дѣлятся на такъ называемыя *мызныя*, то-есть собственно помѣщичьи, и *крестьянскія арендныя* земли, которыя составляютъ немного болѣе одной трети всей помѣщичьей земли. Само собою разумѣется, что, по желанію, помѣщики въ правѣ какъ сдавать въ аренду крестьянамъ, такъ и продавать также и свою мызную землю.

Все пространство крестьянской земли въ Эстляндіи содержитъ не менѣе 631.762 десятинъ и раздѣлено на участки двухъ разрядовъ: малые, которые называются *бобыльми* участками, и большіе, называемые *крестьянскими дворами*. Бобыльи участки заключаютъ въ себѣ отъ 3 до 7 десятинъ всей земли, изъ которой пахоты только немногимъ больше одной десятины; крестьянскіе же двory, напротивъ, уже гораздо больше и въ среднемъ состоятъ изъ 36 десятинъ всей земли при почти девяти десятинахъ пахоты. Изъ этого ясно видно, какъ неравно обезпеченъ крестьянинъ-эстонецъ землей. Въ то время какъ арендаторъ или владѣлецъ крестьянскаго двора имѣетъ избытокъ земли, положеніе бобылей самое жалкое. Больше половины всѣхъ крестьянъ въ Эстляндіи — народъ совсѣмъ безземельный и живетъ въ батракахъ или у помѣщиковъ, или у своего же брата крестьянина, болѣе счастливаго насчетъ земли и хозяйства; многіе, въ погонѣ за заработкомъ, уходятъ и на сторону. А изъ сидящихъ на землѣ эстовъ большая половина и донынѣ еще состоитъ арендаторами, крайне не обезпечена и находится въ полной зависимости отъ

помѣщиковъ. Арендная плата не изъ легкихъ, и въ среднемъ равняется отъ

Рис. 105. Крестьянка Псковской губ.

3 руб. 10 коп. до 3 руб. 17 коп. за десятину. По закону 1856 г., контрактъ на аренду заключается не меньше чѣмъ на 6 лѣтъ, послѣ чего, конечно, можетъ быть возобновленъ. Но мѣстами, по обоюдному соглашенію, онъ сразу заключается на 8, 10 и даже 18 лѣтъ.

Только небольшой части болѣе состоятельныхъ эстовъ удалось уже выкупить у помѣщиковъ арендованные ими участки и сдѣлаться ихъ собственниками. Такіе счастливы живутъ уже совсѣмъ иначе, нежели закабаленный арендаторъ; нѣкоторые собственники обставляютъ свои дома ничуть не хуже, чѣмъ у насъ по-

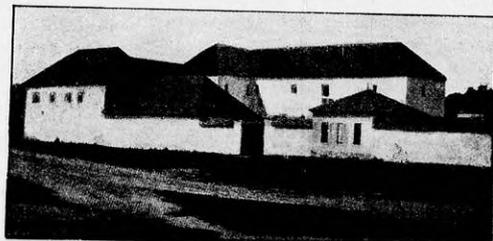

Рис. 106. Псковъ. Поганкины палаты. (По указу Петра Великаго домъ купцовъ Поганкиныхъ былъ взятъ въ казну и обращенъ въ провіантскій магазинъ).

Рис. 107. Углич. Дворец царевича Дмитрия.

мѣщикъ средней руки; нерѣдко такой крестьянинъ - богатей выписываетъ себѣ цѣлыхъ двѣ газеты; хозяйство у него благоустроенное, все идетъ какъ по маслу, и живетъ онъ себѣ пригѣваючи. Есть, конечно, и среди арендаторовъ люди болѣе или менѣе зажиточные, и такіе также стремятся какъ можно скорѣе выкупить арендуемые участки. Но немногимъ это по плечу: продажная цѣна земли въ Эстляндіи тоже не изъ дешевыхъ, и еще 10 лѣтъ тому назадъ, напримѣръ, десятина, въ среднемъ, цѣнилась въ 75 р. 66 коп. Такъ что, повторяемъ, счастливецъ - собственникъ мало среди эстовъ, и жизнь большинства изъ нихъ незавидная и тяжелая. Многие крестьяне переселились также въ сосѣднія губерніи, гдѣ земля дешевле; сначала они арендовали участки, а потомъ и приобрѣтали ихъ въ собственность, вводя при этомъ такое же правильное хозяйство, какое принято у нихъ на родинѣ.

Зато помѣщичьи земли процвѣтаютъ въ Прибалтійскомъ краѣ, и хозяйства тамошнія считаются самыми образцовыми во всей Россіи: вездѣ вве-

дена многопольная система, травосѣяніе, искусственное орошеніе луговъ; сельско-хозяйственные орудія употребляются самыя усовершенствованныя, и хотя земля въ этомъ краѣ мало плодородна, но урожай достигаеся такой, какъ и въ самыхъ плодородныхъ черноземныхъ губерніяхъ. И помогаетъ тутъ дѣлу, кромѣ обезпеченности нѣмцевъ-помѣщиковъ, еще широкая ихъ образованность; терпѣніемъ и знаніемъ они сумѣли, напримѣръ, непродоходимыя болота превратить въ цвѣтущія поля и не жалуютъ силъ и средствъ на борьбу съ природою. Сель-

скимъ хозяйствомъ занимаются еще и пасторы ¹⁾, которые владѣютъ крупными земельными участками.

Кромѣ хлѣбныхъ злаковъ, много разводятъ въ этомъ краѣ картофеля и льна. Картофель идетъ на винокуренные заводы, которыхъ очень много въ Эстляндской губерніи: по приготовленію спирта она занимаетъ первое мѣсто въ Россіи; ленъ отправляется, главнымъ образомъ, за границу. Лѣсами край этотъ также можетъ похвалиться. Повсюду ведется правильное лѣсное хозяйство: лѣса раздѣлены на участки, изъ которыхъ вырубается только по одному въ годъ, такъ что когда дѣло доходитъ до послѣдняго участка, то первый уже успѣлъ достаточно вырасти; такимъ образомъ, край этотъ обезпеченъ отъ полнаго истребленія лѣсовъ. Въ свободное отъ работъ время охота составляетъ одно изъ самыхъ любимыхъ занятій эста. Хвойные и лиственные лѣса Эстляндіи изобилуютъ добычей; въ нихъ водятся бѣлки, зайцы, кролики, выдры, рыси, барсуки, куницы, медвѣди и волки.

1) Священнослужители у лютеранъ.

Эсты — искусные стрѣлки; отправляются они на охоту большими компаниями, проводя зачастую по нѣскольку дней въ лѣсу. Кромѣ богатой добычи, охотники приносятъ домой огромное количество грибовъ, орѣховъ и ягодъ, которыми такъ богаты тамошніе лѣса.

Скотоводство въ Эстляндіи также стоитъ выше, чѣмъ въ остальной Россіи. У крестьянъ скотъ обыкновенно хорошій, и особенно славятся изъ туземныхъ породъ упряжные быки и лошади, хотя и небольшие, но крѣпкія, выносливыя и быстрыя на бѣгу. Еще Петръ Великій послѣ покоренія Эстляндіи обратилъ вниманіе на породистыхъ лошадей ея; онъ повелѣлъ отправить огромные табуны ихъ на сочныя пастбища Вятской и Пермской губ., чтобы улучшить тамошнюю породу. Такимъ-то образомъ и произошли знаменитыя нинѣ вятки и обивки. У помѣщиковъ водятся больше иностранныя породы скота. Овцеводство тоже значительно развито въ краѣ, и въ одной Эстляндіи насчитываются уже десятки тысячъ тонкорунныхъ овецъ, благодаря

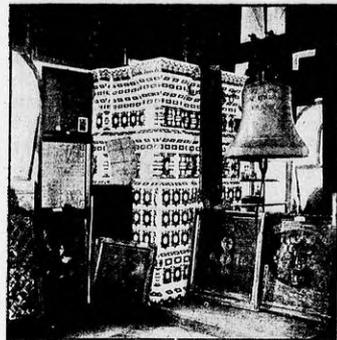

Рис. 108. Сосыльный колоколъ въ Угличѣ.

чему тамъ устраиваются суконныя и шерстяныя фабрики.

Прибрежные жители, какъ и населеніе острововъ, занимаются, главнымъ образомъ, рыболовствомъ, которое составляетъ почти ихъ единственный промыселъ. Ловля производится, по большей части, сѣтями и плетеными изъ прутьевъ

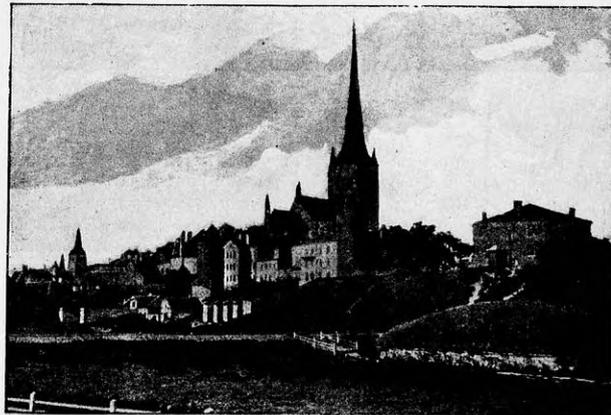

Рис. 109. Г. Ревель.

корзинами; кромѣ того, употребляются еще удочки, гарпуны и другіе снаряды. Въ погонѣ за добычей, отважный рыбацъ часто уносится на своемъ легкомъ челнокѣ верстъ за 20 отъ берега. Нерѣдко ѣдущимъ на пароходѣ представляется красивая картина: множество эстовъ-рыбаковъ сплываютъ по морю во всѣ стороны, а на челнокахъ ихъ такъ и плывутъ смоляныя бочки и кучки хвороста для привлеченія рыбы. Чаще всего ловятся угри, миноги, лещи, карпы, судаки и, въ особенности, мелкая рыба

Рис. 110. Ревель. Коммерческій портъ.

салакушка, которая особеннымъ способомъ заготавливается впродолженіи на заводахъ города Ревеля ¹⁾ (рис. 109) и славится на всю Россію подъ именемъ „ревельской кильки“. Когда-то водилась въ Балтійскомъ морѣ и сельдь, но теперь исчезла. Въ будущемъ, когда эсты познакомятся съ новейшими способами храненія и заготовленія рыбы, рыболовный промыселъ сможетъ приносить имъ гораздо больше дохода, чѣмъ въ настоящее время.

¹⁾ Ревель—губернскій городъ Эстляндской губ.

Точно такъ же многія приморскія мѣстности славятся своими цѣлебными купаньями, и на лѣто туда съѣзжается множество больныхъ со всѣхъ концовъ Россіи. Нечего и говорить, что мѣстные жители получаютъ немалыя выгоды отъ этихъ съѣздовъ, сдавая больнымъ помѣщенія, поставяя разные припасы и т. д.

Что касается торговли, то она процвѣтаетъ въ краѣ, и именно съ тѣхъ поръ, какъ лѣтъ 35 тому назадъ провели Балтійскую желѣзную дорогу, которая соединила городъ Ревель съ Петербургомъ,

а черезъ него, слѣдовательно, и съ внутренними губерніями Россіи. Раньше, по причинѣ замерзанія Финскаго залива, многіе товары зимою не могли морскимъ путемъ доходить до Петербурга; теперь же они ввозятся прямо по желѣзной дорогѣ. Какъ гавань, Ревель занимаетъ четвертое мѣсто во всей имперіи по цѣнности его торговыхъ оборотовъ (рис. 110); черезъ него на десятки милліоновъ рублей ввозятся хлопокъ, шерстяная и бумажная пряжа, всевозможный красяній товаръ, разная машины, каменный уголь, соль и

пр.; вывозится же хлѣбъ, ленъ, льняное сѣмя и спиртъ. Положеніе этого города замѣчательно выгодное: онъ расположенъ на берегу глубокой бухты, почти въ самомъ началѣ Финскаго залива, и прочно защищенъ островами, такъ что бухта его замерзаетъ на меньшее время, чѣмъ Петербургская гавань. Самъ по себѣ городъ очень красивъ и считается однимъ изъ древнѣйшихъ городовъ Россіи; и до сихъ поръ еще онъ носитъ на себѣ отпечатокъ далекихъ средневѣковыхъ временъ.

Прибрежное плаваніе также доставляетъ здѣсь немалый доходъ жителямъ, такъ какъ значительная часть торговаго флота Балтійскаго побережья находится въ рукахъ туземцевъ. Эсты—отважные и смѣлые моряки; они хорошо знаютъ свое родное море и крѣпко привязаны къ нему. Помогаетъ дѣлу и множество морскихъ школъ, которыя въ изобиліи имѣются въ Прибалтійскомъ краѣ; въ нихъ-то будущіе мореходы и изучаютъ искусство правильного мореплаванія.

Скажемъ теперь еще нѣсколько словъ о самой природѣ Эстляндіи и ея обитателяхъ.

Береговая полоса этого края низменная, покрыта болотами и сырыми лугами; неугомонныя морскія волны непрестанно прибиваютъ песокъ, который съ теченіемъ времени собирается въ цѣлыя холмы, называемые дюнами. Такія дюны можно встрѣтить вдоль всего побережья (рис. 111). Часто западный вѣтеръ гонитъ этотъ песокъ внутрь страны и засыпаетъ имъ плодородныя поля; въ такихъ мѣстностяхъ жители стараются задержать движеніе песковъ плетнями, посадкой кустарниковъ и сорныхъ травъ. Вдоль Финскаго залива берегъ подымается мѣстами круто (до 25 саж.) и изрѣзанъ многочисленными бухтами. Внутри края можно встрѣ-

тить множество холмовъ, на которыхъ крестьяне часто находятъ груды гранитныхъ камней. Зима здѣсь поздняя и умѣренная, особенно въ мѣстахъ, примыкающихъ къ морю; весна холодная, лѣто прохладное, а осень теплая и очень дождливая.

Какъ природа, и сами жители отличаются другъ отъ друга; такъ, приморскіе эсты выше ростомъ, сильнѣе и выносливѣе, чѣмъ поселяне, проживающіе внутри страны; на этихъ сказалась дол-

Рис. 111. Дюны Балтійскаго побережья.

гая неволя у жестокосердыхъ господъ въ тяжкое крѣпостное время. Глаза у эстовъ голубые, волосы свѣтлорусые, часто желтоватые. На первый взглядъ туземецъ кажется вильмы: долгое рабство сдѣлало его угрюмымъ и мрачнымъ; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ упрямъ, настойчивъ и нелегко сдается въ бѣдѣ. Зато стоять только обидѣтъ эстонца, и куда дѣвалась его терпѣливость и наружное спокойствіе! Онъ не проститъ обиды, способенъ кинуться на обидчика, а при случаѣ и отомститъ ему. Но, въ общемъ, эсты миролюбиваго нрава и своимъ терпѣніемъ и любовью къ труду могутъ служить добрымъ примѣромъ и для другихъ народовъ.

Народное образование и общественная жизнь у латышей.

(Из очер. Ч. Витринскаю).

Латыши (рис. 112) живут в Лифляндской и Курляндской губерниях, расположенных по обе стороны нижнего течения Западной Двины и по берегу Балтийского моря, а также в части Витебской губернии. Общее число их около 1½ миллиона человек. Это с небольшим одна сотая часть населения всей России, но во многом эта сотая часть достигла таких успехов, как, например, в области народного образования, до которых далеко еще большинству русского крестьянства.

Когда среди немцев в Германии распространилось лютеранское исповедание, то и в Прибалтийском крае немцы-помещики перечислили из количества в лютеранство своих крестьян, латышей и эстов. По обрядам лютеранского исповедания, к таинству причастия допускаются только грамотные, знающие известные молитвы, вполне понимающие значение таинства. Это обстоятельство содействовало распространению латышской грамоты везде, где пасторы (лютеранские священники) заботились о просвещении своей паствы. Библия на латышском языке, молитвенники и т. п. стали распространяться

Рис. 112. Латыши в поле.

среди латышей уже в XVII и XVIII веках. После освобождения крестьян помещики, нуждаясь в смысленных, грамотных работников, также стали кое-что делать для образования латышей. Благодаря этому, в Курляндии уже в 1835 году по подсчетам оказывалось, что на сто человек взрослых латышей неграмотных из них было только пятьдесят человек.

Однако для распространения среди латышей знаний и улучшения их быта важнее было самостоятельное, возникшее среди них, движение к образованию.

В науку XIX столетия, замечательно, между прочим, как повсюду стали усиленно изучать жизнь каждого племени и народа. Ученые записывали и собирали народные песни, сказки, обычаи, поверья, приметы, поговорки и пословицы. Эти памятники безсудственного народного творчества и поныне живут в простонародьи, и по ним лучше всего видно, как живет, чувствует, горюет и веселится простой человек каждого племени. Такие люди, как Меркель, заинтересовались песнями, сказками и всем бытом латышей. Ученые исследователи (из немцев) нашли, что у латышей есть и собственные песни, навязанные долгими годами тяжелого рабства и немногими радостями, и любопытные предания и сказки, которыми в курной избе коротала зимний досуг семья латыша...

Первые из латышей, случайно ставшие выше по состоянию и образованию несколько выше срой крестьянской массы,

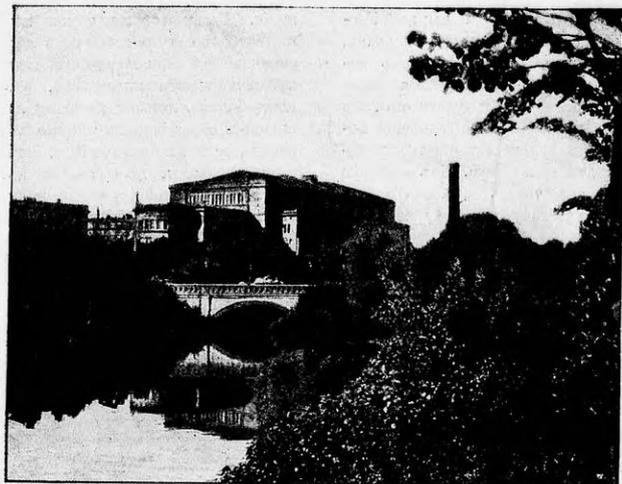

Рис. 113. Рига. Городской театр.

торопились совсем от нея отделиться. Они стыдились своего происхождения, старались выдать себя за немцев, язык и обычаи которых торопились перенять. Другие, более образованные, узнавали, однакоже, от немцев же, что, судя по памятникам песенного и сказочного творчества, латыши ничем от природы не обижены. Мало-по-малу среди латышей, получивших образование, стало распространяться сознание, что стыдиться своего происхождения нечего. Напротив того, они стали дорожить всем латышским, что народ сохранил лучшего в долгие годы зависимости от немцев. Образование научило их лучше ценить все доброе качества земляков и отдавать на просвещение и улучшение их быта лучшие свои силы. Среди латышей появляется целый ряд деятелей, которые задачей всей жизни ставили себе пробуждение в земляках стремления к образованию и к сознанию своей самостоятельности.

Одним из таких деятелей был, напр., Христиан Вальдемар. Он родился в 1825 году в курляндской деревне, и по окончании народного училища служил приходским писарем, но на службе не переставал работать для своего образования и обратил уже тогда на себя внимание тем, что всячески старался содействовать развитию среди земляков стремления к самостоятельности. Двадцати-четыре года отроду, т. е. в таком возрасте, когда другие уже давно заканчивают и высшее образование, он поступил в гимназию, а 29 лет — в Дерптский (ныне Юрьевский) университет. Уже здесь он собрал вокруг себя кружок латышской молодежи, мечтавшей посвятить свои силы просвещению земляков. Этому же делу Вальдемар отдал дальнейшую свою жизнь. Он издавал латышские газеты, где отстаивал свои излюбленные взгляды, особенно же замечательны его делом, имеющим важное значение не

только для латышей, но и для всей России. Хлопоча о безземельных землях, нуждавшихся в заработках, он попал на мысль о необходимости частного морского судостроения и судоходства. В России это было делом совершенно новым, и создано оно почти исключительно хлопотами Вальдемара. Имъ основано процвѣтающее теперь „Общество для содѣйствія русскому торговому мореход-

Рис. 114. Бѣлоруссія. Пинскія болота.

ству“, изысканы средства на открытіе и устройство „мореходныхъ классовъ“ (училищъ, которыя выпускаютъ образованныхъ моряковъ). Онъ же много поработалъ при созданіи такъ называемаго „добровольнаго флота“. Скончался Вальдемаръ въ Москвѣ на 67 году жизни. Похороны состоялись на средства нѣсколькихъ латышскихъ обществъ, испросившихъ разрѣшеніе на погребеніе тѣла въ городѣ Ригѣ.

Усилія людей, подобныхъ Вальдемару, не остались напрасны. Еще очень недавно „латышъ“ и „мужикъ“ были въ Прибалтійскомъ краѣ словами однозна-

щими. Въ настоящее время насчитывается болѣе тысячи человекъ латышей, окончившихъ высшія учебныя заведенія. Среди множества инородцевъ, населяющихъ Россію, латыши по числу лицъ съ высшимъ образованіемъ занимаютъ очень видное, если не первое мѣсто. Латыши—врачи, адвокаты, православные и лютеранскіе священники, учителя и профессора, чиновники различныхъ вѣдомствъ,

занимающіе на родинѣ болѣе или менѣе замѣтныя мѣста—все это уже не исключительныя явленія. Число лицъ съ высшимъ образованіемъ быстро растетъ: за послѣднія 10 лѣтъ ежегодно въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ Петербурга, Москвы и другихъ городовъ обучается около 300 человекъ латышей. И тѣ, кто достигалъ высшаго образованія, нерѣдко отдавали все свои силы работѣ разнаго рода для поднятія умственнаго уровня земляковъ, на изученіе во всѣхъ подробностяхъ родного быта, съ цѣлью опредѣленія нуждъ и потребностей латышей. Самый латышскій языкъ имъ удалось об-

работать настолько, что онъ сталъ пригоденъ для выраженія отвлеченныхъ понятій, для литературныхъ и научныхъ цѣлей. Образованный врачъ или адвокатъ иногда на собственный страхъ селится въ деревнѣ, тамъ же крестьянствуютъ его родители или близкіе родственники, и такъ связь между образованнымъ человекомъ и тою средою, изъ которой онъ вышелъ, не обрывается.

Еще тѣснѣе эта связь между населеніемъ и народнымъ учителемъ. Послѣдній въ латышской деревнѣ, если сумѣлъ хорошо поставить себя съ крестьянами, пользуется немалымъ почетомъ и влияніемъ. За ничтожными исключениями народные учителя все изъ латышей же. Крестьяне, на мірскія (волостныя) средства которыхъ содержится большинство школъ, сохранили право выбора учителя, и въ учителя попадаетъ болѣею частью „свой“ человекъ. Если волость ужъ очень обдѣлѣла почему-либо, то, конечно, она норовитъ подыскать учителя хоть плохонькаго, да подешевле. Гдѣ этого нѣтъ, или гдѣ открыта министерская

Рис. 115. Мазуръ (Варшавской губ.).

школа, тамъ народный учитель, если по охотѣ пошелъ въ учителя, не чувствуетъ себя обиденнымъ судьбою человекомъ. Его мнѣнія, какъ человека, стоящаго выше другихъ по образованію, спрашиваютъ въ важныхъ дѣлахъ. Онъ обыкновенно дѣятельный членъ мѣстнаго

Рис. 116. Варшава. Мостъ съ памятникомъ Іоанну III Собѣскому.

Рис. 117. Варшава. Саксонский садъ.

крестьянского ссудо-сберегательнаго, противопожарнаго или благотворительнаго общества; онъ устраиваетъ хоръ и оркестръ изъ деревенской молодежи, завѣдуетъ библиотечкой, ведетъ литературныя чтенія. Лѣтомъ, если волость вмѣсто части жалованья отводитъ въ пользованіе школы клочокъ земли, учитель иногда можетъ заняться и сельскимъ хозяйствомъ, устроить показательный плодовый садъ, пасѣку и т. п. Чувствуя, что свободное отъ школьныхъ занятій время тратится не попусту, учитель и самъ не теряетъ охоты къ самообразованію, читаетъ книги, выписываетъ свои латышскую и русскую или нѣмецкую газету, которыми дѣлятся съ крестьянами и т. п.

Что касается распространенія грамотности среди латышей, то объ этомъ можно судить уже по такимъ, напримеръ, цифрамъ. На каждые 10.000 жителей въ 1894 году въ Прибалтійскомъ краѣ приходилось 589 учащихся въ начальныхъ школахъ. Между тѣмъ во всей Европейской Россіи съ Кавказомъ и Сибирью на каждые 10 тыс. человекъ

учащихся было только 289. Выше всего поставлено обученіе грамотѣ во внутренней Россіи въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ есть земское устройство. Въ нихъ приходилось на 10.000 человекъ населенія 312 учащихся. Во внутренней Россіи, въ тѣхъ немногихъ губерніяхъ, гдѣ земство наилучше поставило школьное дѣло, изъ ста дѣтей школьнаго возраста едва только половина ихъ обучается въ школахъ. Но не диво встрѣтить еще и поголовно безграмотныя деревни даже и въ земскихъ губерніяхъ. Въ Прибалтійскомъ краѣ, гдѣ введено для лютеранъ обязательное школьное обученіе, внѣ школы остается лишь незначительная часть дѣтей школьнаго возраста.

Сверхъ того, надо принять во вниманіе еще слѣдующее обстоятельство. Первыми народными учителями въ Лифляндіи и Курляндіи были калѣки или немощные старики, уже неспособные къ тяжелой работѣ. Они кочевали изъ двора въ дворъ, а по вечерамъ, особенно по субботамъ, учили дѣтей духовному пѣнію и чтенію Священнаго Писанія. Мало-по-малу

Рис. 118. Курни—жителѣ пѣсовъ Поможинск. губ.

такихъ учителей набралось много, въ каждомъ почти домѣ можно было найти старика или старушку, учившихъ ребятъ грамотѣ. Позднѣе, когда заведены были настоящія школы, было опредѣлено, чтобы въ нихъ допускались только дѣти, умѣющія читать, знающія кое-что изъ катихизиса и таблицу умноженія. Это домашнее обученіе уцѣлѣло до сихъ поръ почти вездѣ, существуя рядомъ со школами, и даетъ возможность латышскимъ дѣтямъ, и неспособнымъ школы, обучаться грамотѣ.

Такимъ образомъ по широкому развитію школьнаго дѣла, а съ нимъ и грамотности населенія, Прибалтійскій край, и, въ частности, латыши, далеко опередили всю остальную Россію.

Благодаря широкому распространенію грамотности среди латышей, латышскія книги и газеты такъ распространены среди крестьянскаго населенія, что такою же распространенія книги и газеты среди русскаго населенія придется ожидать еще долго.

Одна изъ самыхъ замѣчательныхъ особенностей Прибалтійскаго края—это необычайное обиліе и процвѣтаніе разныхъ обществъ, т.-е. союзовъ частныхъ лицъ,

которые устраиваются, чтобы сообща вести какое-нибудь дѣло, общими силами достигая той или другой цѣли. Перечислить всѣ прибалтійскія, нѣмецкія, латышскія, эстонскія, а также и русскія общества нѣтъ возможности. Одни общества устроены для дѣлъ благотворительности; другія—общества ссудо-сберегательныя, потребительныя, страховыя—имѣютъ въ виду оказывать членамъ ихъ взаимно помощь и поддержать въ хозяйственной жизни; третьи заботятся о томъ, чтобы членамъ обществъ съ семьями было гдѣ съ пользою и пріятно провести свободное отъ занятій время; четвертыя существуютъ для совмѣстныхъ занятій искусствами: художествомъ, музыкою, пѣніемъ; пятія основаны съ научными цѣлями и такъ далѣе, и такъ далѣе.

Привычка, для каждаго дѣла, въ котромъ заинтересовано много народу, устраивать особое общество—ферейнъ, какъ говорятъ здѣсь и русскіе, употребляя нѣмецкое слово,—вошла въ плоть и кровь мѣстнаго населенія. Существуютъ даже дѣтскіе ферейны, и не нужно думать, что это одна пустая забава. Устраиваются, напр., дѣтская волная пожарная дружина. Родители въ складчину покупаютъ пожарную трубу и всѣ необходимые для

Рис. 119. Литовцы.

тушения пожара снаряды, въ уменьшенномъ только видѣ, чтобъ были подъ силу дѣтямъ. Затѣмъ приглашаютъ чело-вѣка, хорошо знающаго пожарное дѣло, и подъ его руководствомъ мальчики играютъ выучиваются дѣлу во всѣхъ подробностяхъ. Выросши, членъ дѣтской пожарной дружины поступаетъ въ настоящую вольную команду или самъ сумѣетъ ее устроить и обучить, если попадетъ въ глушь, гдѣ опасности отъ пожара много, а вольной дружины еще не догадались открыть. Въ дѣтскомъ ферейнѣ будущій взрослый гражданинъ часто учится и тому, какъ ведется дѣло въ обществахъ, уже серьезныхъ, гдѣ зачастую въ оборотѣ большія деньги. Под-ростки-ученики нѣкоторыхъ гимназій — завѣдуютъ, напр., въ Ригѣ, съ давнихъ временъ устройствомъ катковъ (для катанья на конькахъ), на которые за деньги допускается и посторонняя публика. Распорядители, выбираемые учениками изъ собственной среды, вѣдаютъ всѣ денежные дѣла по устройству катка, слѣдятъ за порядкомъ на немъ и проч., и такъ на маломъ привыкаютъ серьезно вести всякое общественное дѣло.

Латыши быстро переняли у нѣмцевъ этотъ прекрасный обычай устройства обществъ вездѣ, гдѣ единичными усилиями нельзя добиться той или другой цѣли.

По свѣдѣніямъ, собраннымъ латышами къ этнографической (народоописательной) латышской выставкѣ, въ 1896 г. въ Лифляндіи числилось 372 латышскихъ частныхъ общества, въ Курляндіи въ 1893 году ихъ было 201. Уже эти цифры показываютъ, какъ важны въ жизни латышей эти общества. Въ настоящее время число этихъ обществъ, конечно, значительно больше.

На первомъ мѣстѣ стоятъ общества взаимнаго страхованія отъ пожаровъ. Какъ уже сказано, въ Прибалтійскомъ краѣ нѣтъ пока земства, нѣтъ ни правительственнаго ни земскаго обязательнаго страхованія сельскихъ построекъ, т.-е.

съ населенія не взимается особыхъ платежей, за которые, въ случаѣ уничтоженія построекъ пожаромъ, выдавались бы погорѣвшимъ деньги на обзаведеніе, со-отвѣтственно оцѣнкѣ имущества. Правда, существуютъ особія общества (дѣйствующія по всей Россіи), которыя берутъ на свой рискъ страховку имуществомъ отъ огня. Но эти общества—просто коммерческія предпріятія, для которыхъ всего важнѣе получить со страхователя какъ можно больше, а выдать ему, въ случаѣ несчастія, какъ можно меньше; поэтому платежи въ эти страховыя общества большею частью крестьянамъ совершенно не подъ силу. Взаимное страхованіе, съ порукою другъ за друга членовъ крестьянскаго страхового общества, обходится населенію дешевле. И тутъ ужъ каждому члену важно не только то, чтобы у самого не случилось пожара, а и то, чтобъ его не было и у сосѣдей. Съ „краснымъ пѣтухомъ“ и борются по-этому гораздо бодрѣ. Во многихъ мѣстахъ существуютъ вольныя крестьянскія пожарныя дружины, болѣе или менѣе хорошо обученныя.

Второе мѣсто по количеству занимаютъ разнообразныя общества взаимопомощи. Особенно распространены такъ называемыя похоронныя кассы. Членъ кассы обыкновенно вноситъ въ нее ежегодно опредѣленную небольшую сумму съ тѣмъ, что въ случаѣ его смерти семья получаетъ сразу болѣе или менѣе значительную сумму на погребеніе и на первое время, пока устроится послѣ смерти своего кормильца. Коммерческія общества, принимающія на себя страхованіе имущества отъ огня, берутъ на себя и такое „страхованіе жизни“, но опять-таки для малосостоятельнаго чело-вѣка, участіе въ похоронной кассѣ, дѣлами которой онъ лично или чрезъ выборныхъ завѣдуетъ, гораздо выгоднѣе, чѣмъ платежи въ страховое общество.—Много также существуетъ ссудо-сберегательныхъ товариществъ и потребительныхъ обществъ, дѣйствующихъ

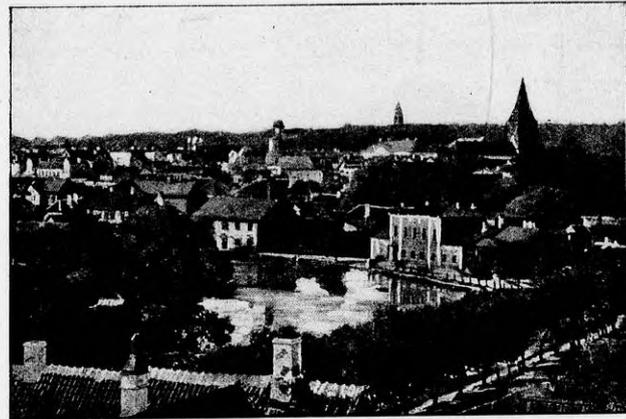

Рис. 120. Юрьевъ.

и на тѣхъ же основаніяхъ, что и учрежденія этого рода, теперь распространяющіяся и во внутренней Россіи.

Для распространенія среди латышей сельско-хозяйственныхъ свѣдѣній и улучшенія хозяйства весьма важны сельско-

хозяйственные общества. Они во многомъ исполняютъ то, что во внутреннихъ губерніяхъ стремится дѣлать земство. Въ собраніяхъ сельскохозяйственныхъ обществъ происходятъ чтенія о новыхъ усовершенствованіяхъ въ земледѣліи, са-

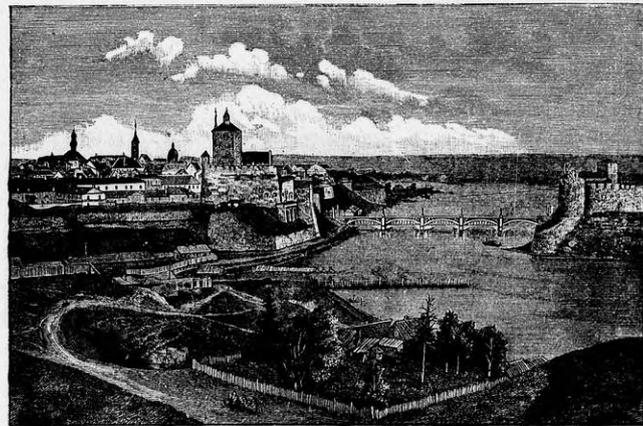

Рис. 121. Нарва.

Рис. 122. Памятник на мѣстѣ боя со шведами под Нарвой.

доводствѣ, пчеловодствѣ. Общества для своихъ членовъ выписываютъ хорошія сѣмена и орудія, покупаютъ машины, которыя въ одиночку купить было бы для членовъ не подъ силу, и т. д. Если хозяйство мало-мальски состоятельнаго латыша можетъ удивить заѣзжаго своею благоустроенностью, то этимъ латыши много обязаны распространению сельскохозяйственныхъ знаний чрезъ эти общества. Разница же между латышомъ и русскимъ крестьяниномъ относительно способовъ сельскохозяйственной работы, вообще, бросается въ глаза, и большая хозяйственность латыша, лучше всего доказывается такимъ, напр., обстоятельствомъ. Изъ губерній, сосѣднихъ Прибалтійскому краю, не мало русскихъ переселилось на новыя земли, на Кавказъ, въ Сибирь, на Амуръ. И вотъ на тѣ земли, которыя бросилъ русскій мужикъ, иногда потому только, что не умѣлъ уже ничего извлекать изъ нихъ со своимъ вѣчнымъ трехпольемъ, — на эти земли охотно садится латышь, работаетъ, не покладая рукъ, осушаетъ болото, сѣетъ ленъ, заводитъ травосѣяніе, а иногда остается и при трехпольѣ, только при болѣе умѣло и тщательно обработанномъ, и земля, съ которой бѣжалъ ея прежній владѣ-

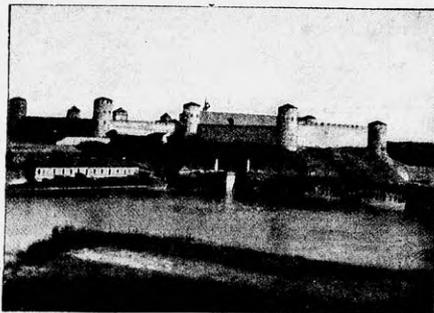

Рис. 123. Крѣпость Ивангородъ (осн. Иваномъ III въ 1422 г.).

¹⁾ Органистъ — играющій на органѣ, инструментѣ, игра на которомъ сопровождается богослуженіе въ католическихъ и лютеранскихъ церквяхъ.

лецъ, начинаетъ приносить порядочный доходъ въ награду за трудъ и умѣнье. Точно такъ же латыши — переселенцы, напр., въ Самарской губерніи, не разъ останавливали на себѣ вниманіе тѣмъ, что изъ окрестнаго населенія рѣзко выдѣляются зажиточностью, умѣньемъ вести хозяйство и извѣстнымъ образованіемъ.

Названія здѣсь общества взаимопомощи, а также и сельскохозяйственныхъ, благотворительныхъ, общества трезвости и другія нѣрѣдко важны и тѣмъ еще, что содѣйствуютъ устройству разумныхъ развлеченій, а часто и распространенію знаний. Въ праздники, для увеличенія средствъ общества и для развлечения членовъ съ ихъ семьями, устраиваютъ въ подходящемъ помѣщеніи вечеринку: хоръ деревенской молодежи, подъ управленіемъ учителя, или органиста ¹⁾ мѣстной церкви, пропеетъ двѣ-три пѣсни, кто-нибудь прочтетъ два-три стихотворенія, разыграютъ на подмосткахъ, сколоченныхъ на скорую руку, латышскую пьесу, и окончатъ веселымъ плясомъ. Лѣтомъ

Рис. 124. Петербургъ. Невскій проспектъ.

особеннымъ успѣхомъ пользуются устраиваемыя различными обществами (городскими) такъ называемыя «выѣзды въ зелень». Жарко, пыльно и душно лѣтомъ въ большомъ городѣ, и городской рабочий, ремесленникъ, приказчикъ радъ рѣдкому случаю погулять въ деревенскомъ привольѣ. Ферейнтъ, въ которомъ

ней на поѣздѣ желѣзной дороги, захвативъ съ собою съѣстные припасы. На мѣстѣ гулянья играетъ музыка, молодежь пляшетъ, гуляетъ, тутъ же подбѣгаетъ хоръ, болѣе или менѣе удачно исполняющій нѣсколько общезвѣстныхъ пѣсенъ, говорятся рѣчи въ честь общества, устраиваются игры, и такъ рабо-

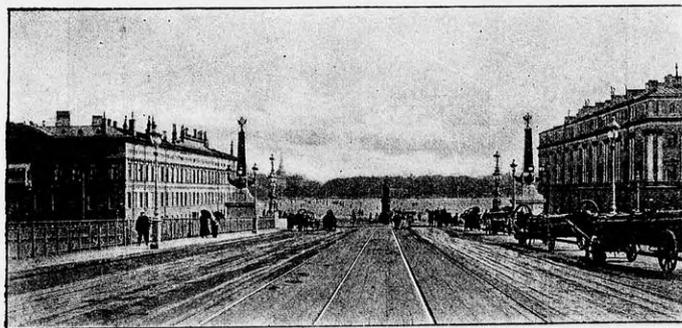

Рис. 125. Петербургъ. Видъ на Суворовскую площадь и Марсово поле.

нѣе состоитъ членомъ, приходитъ къ нему на помощь: выбираютъ мѣсто для гулянья на берегу моря, или въ иной красивой мѣстности, въ складчину нанимаютъ пароходъ или ѣдутъ туда компа-

ній людъ въ свое удовольствіе проводить на волѣ весь день, пока пароходъ произительнымъ свисткомъ не напомнитъ, что пора возвращаться во-своихъ, чтобъ затѣра начать въ городѣ снова тянуть тру-

ловую ляжку, но уже съ силами нѣсколь- ко обновленными.

На ряду съ подобными гуляньями и вечеринками, многіе фрейны охотно устраиваютъ собранія въ иномъ нѣсколь- ко родѣ. Это такъ называемые вечера собесѣдованій. Членъ общества,—учитель, врачъ, адвокатъ, пасторъ, образованный чиновникъ — прочитываетъ въ собраніи общества и его гостей статью, свою или чужую, изъ книги и журнала, по какому-нибудь всёмъ любопытному вопросу. Чте- ніе, иногда сопровождаемое картинами волшебнаго фонаря, выслушиваютъ, тутъ же обсуждаютъ его, спорятъ другъ съ другомъ, выдвигаютъ новые вопросы, на

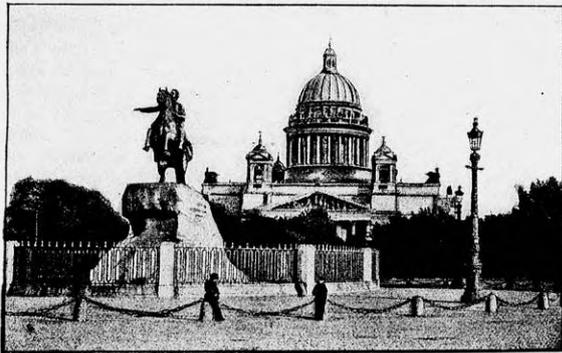

Рис. 126. Петербургъ. Исакиевскій соборъ и памятникъ Петру I.

которые хотѣлось бы получить тому или другому члену отвѣтъ, и такъ въ мир- ной бесѣдѣ проводить вечеръ за стака- номъ чая или грузикой шива. Чѣмъ боль- ше общество и чѣмъ больше въ составѣ его образованныхъ людей, тѣмъ, конечно, живѣе проходитъ время, тѣмъ болѣе зна- ній и возбужденія мысли могутъ вывести изъ вечера собесѣдованій менѣе образо- ванные, и тѣмъ охотнѣе посѣщаютъ они такіе вечера. Но и тамъ, гдѣ образован- ныхъ людей два-три человѣка, какъ въ

деревнѣ, крестьяне охотно сходятся на вечеръ собесѣдованія, послушать учителя, да и между собою покаялять о томъ, о семъ: смотришь, что-нибудь путное—увеличеніе средствъ на школу, пожертвова- ніе на то, либо иное доброе дѣло, нако- нецъ, просто сокращеніе доходовъ корч- маря — и обнаруживается послѣ подоб- ныхъ вечеровъ, гдѣ народъ по-товари- щески сходитса съ болѣе счастливыми по образованію, ставшими выше своей среды.

Самое замѣчательное изъ всёхъ латыш- скихъ обществъ—это „рижское латыш- ское общество“, основанное въ 1868 году въ г. Ригѣ. Основателями его были нѣ- сколько образованныхъ латышей, въ родѣ

Х. Вальдемара, горячо желавшихъ со- дѣйствовать объединенію, улучшенію быта и умственному возрожденію земляковъ. Общество быстро разрослось, и теперь представляетъ изъ себя большое, проч- ное и очень полезное учрежденіе, распо- лагающее значительными средствами. Дѣ- ятельность общества чрезвычайно разно- образна, сотни членовъ содѣйствуютъ ему какъ личнымъ трудомъ, такъ и денеж- ными ежегодными взносами. Каждымъ дѣломъ общества завѣдуетъ особая вы-

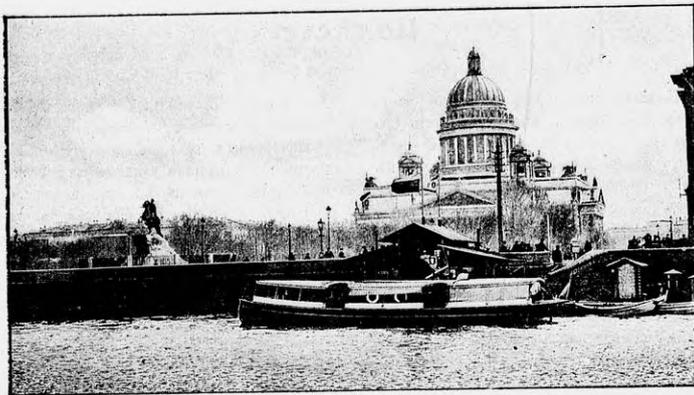

Рис. 127. Петербургъ. Видъ на Исакиевскій соборъ съ Невы.

борная изъ членовъ комиссія въ нѣ- сколько человѣкъ, и такихъ комиссій на- бирается до десятка. Научная комиссія имѣетъ цѣлью содѣйствовать всесторон- нему изученію жизни, быта и прошлаго латышей. Особая комиссія завѣдуетъ до- вольно богатымъ этнографическимъ му- зеемъ, гдѣ собраны всевозможные пред- меты и изображенія латышей во всёхъ обстоятельствахъ жизни, все, что обрисовываетъ бытъ и нравы латышскаго на- рода. Далѣе, „латышское общество“ за- нялось съ 1888 г. издательскою дѣятель- ностью, и особая комиссія печатаетъ и распространяетъ по дешевой цѣнѣ не малое количество книжекъ повѣствовате- льнаго, научнаго и прикладнаго содер- жанія. Общество открыло и свою школу, для которой также существуетъ комиссія. Общество ведетъ тѣ вечера собесѣдова- ній, о которыхъ мы уже говорили, и хлопотливое дѣло подысканія чтецовъ, вы- боръ чтеній и т. п. поглощаетъ также не мало силъ. Общество устраиваетъ также музыкальные вечера, и особой комиссіея приходится вѣдать дѣла обще- ственнаго хора, оркестра и т. д. Обще-

ство, при посредствѣ еще комиссіи, за- вѣдуетъ латышскимъ театромъ (въ соб- ственномъ помѣщеніи). При обществѣ су- ществуетъ ссудо-сберегательная касса, и т. д. Въ особыхъ случаяхъ, если является какое-нибудь новое неожиданное дѣло, ка- сающееся всёхъ латышей, при обществѣ немедленно возникаетъ, чтобъ принять непосредственное участіе и руководство въ дѣлѣ, новая комиссія, и такимъ обра- зомъ „рижское латышское общество“ — какъ бы средоточіе почти всей умствен- ной дѣятельности, направленной къ образованію и благу латышей.

Самый домъ „латышскаго общества“, гдѣ помѣщается театр, музей, клубъ и ресторанъ, гдѣ происходятъ чтенія и со- бранія другихъ латышскихъ обществъ, и т. д.—является однимъ изъ тѣхъ „на- родныхъ дворцовъ“, которые ревностно устраиваются за границею послѣднее время, появляются и въ Россіи, соединяя въ себѣ учрежденія для образованія и разумнаго развлеченія народа. Латыши въ правѣ гор- диться „рижскимъ латышскимъ обще- ствомъ“ и его учрежденіями, созданными исключительно на средства латышей же

Польсье.

(Из очер. Тулинова и Маракусса).

„Польсье“ занимает большую часть Мясной губернии, северную часть Волынской и восточную часть Гродненской, один уезд Могилевской губ. и один уезд Киевской губ. Эта область занимает около 8 миллионов десятин. Главная рѣка этого края—Припять. Безконечное число притоков—рѣк и рѣчек—несутъ въ Припять громадное количество воды, которую потомъ Припять вливаетъ въ Днѣпръ. Но поверхность земли здѣсь такая равнинная и уклонъ русла всѣхъ притоковъ такъ слабъ, что у многихъ изъ нихъ не хватаетъ силы докатиться до главной рѣки—Припяти. Воды много, а двинуться съ мѣста она не можетъ,—точно кто налил воды на столъ, да тамъ она и остается. И вотъ поэтому тутъ много обширныхъ болотъ; Пинскія болота считаются самыми большими во всей Европѣ.

Край этотъ называется Польсьемъ за свои огромные, вѣковые лѣса. Въ По-

льсьѣ найдутся такія мѣста, которыя еще никогда не видѣли человѣка.

Интересно и населеніе этого края. Вокругъ Польсья шла чуть ли не постоянная борьба, одни народы сталкивались съ другими, а обитатели Польсья оставались спокойно въ своихъ недоступныхъ новымъ пришельцамъ лѣсахъ и болотахъ и только прислушивались къ тому, что происходитъ кругомъ, да въ трудную минуту уходили дальше въ лѣсъ, когда враждебные и жадные сосѣди очень ужъ тѣснили ихъ. Поэтому „польшукѣ“ (такъ называютъ обитателей Польсья) сохранили не мало старинныхъ обычаевъ и даже удержали еще много языческихъ вѣрованій.

По глухимъ мѣстамъ Польсья живутъ семейства *будниковъ* и *рудниковъ*. Первые добываютъ поташъ, вторые—железную руду. Поселившись въ глуши, среди угрюмыхъ лѣсовъ, они зарабатываютъ себѣ этимъ скудное пропитаніе. Кромѣ

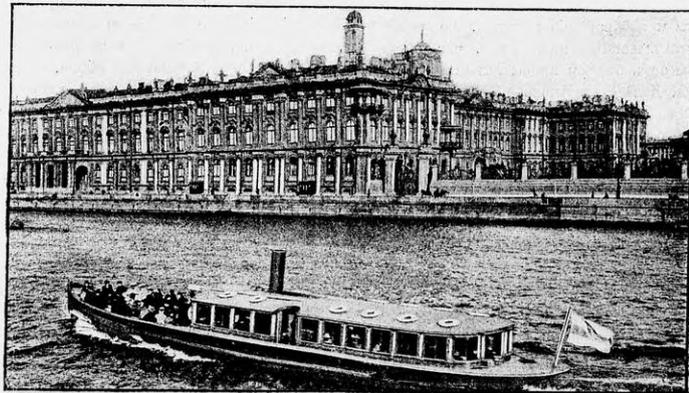

Рис. 128. Петербургъ. Зимній дворецъ и р. Нева.

добываніи поташа и руды, они съютъ рожь и ячмень на небольшихъ клочкахъ земли, разсыянныхъ по лѣсамъ. Рудники добываютъ въ болотахъ железную руду и обрабатываютъ ее на мѣстѣ кусками величиною съ человѣческую голову. Поэтому отвозить эту руду въ кузницы, гдѣ выбивается и вытягивается изъ нея желѣзо.

Одно изъ главныхъ занятій жителей Польсья, этого богатого лѣсами и болотами края,—охота.

Птицы здѣсь видимо-невидимо, особенно весной и осенью, во время перелета. Изъ птицъ болѣе всего охотятся на утокъ и тетеревовъ, а изъ звѣрей—на кабановъ и медвѣдей. Въ Бѣловѣжской пушѣ, Гродненской губерніи, еще сохранился дикій быкъ—*зубръ*. Только здѣсь да на Кавказѣ и водится онъ. Повсюду, во всей Европѣ, онъ уже вымеръ. Если бы зимой зубры не пользовались огромными складами сѣна, то отъ недостатка пищи вымерли бы и здѣсь.

Занимаются польшукѣ и земледѣліемъ, но только значительно меньше, чѣмъ въ другихъ губерніяхъ, потому что почва здѣсь совсѣмъ неподходящая и плохо вознаграждаетъ труды землепашца. Чернозема здѣсь мало, а болѣею частью песокъ или низины,—мокрыя мѣста, на которыхъ ничего, разумѣется, не посѣешь.

Но польшукѣ старательно ищутъ высокихъ мѣстечекъ, островковъ, или, какъ здѣсь ихъ называютъ, „грибокѣ“, и еще до начала весны, пока болота не растаяли и можно проѣхать, перевозить туда рабочей скотъ и соху съ бороной. Какъ только почва немного провянетъ, онъ сѣишитъ сѣлать посѣвъ, который и оставляетъ созрѣвать подъ лучами всеобщаго благодѣтеля—солнца. Плохо идетъ земледѣліе потому еще, что населеніе рабочимъ скотомъ не богато.

Чего у нихъ много, такъ это свиней,—по нѣскольку десятковъ головъ на дворѣ; это и понятно, потому что лучшаго корма для свиней, какъ въ дубовомъ лѣсу, и желать нельзя. Стада свиней иногда такъ и остаются въ лѣсу на цѣлое лѣто. При этомъ бываетъ, что онѣ совсѣмъ отвыкнутъ отъ дома на хорошемъ кормѣ, на

Рис. 129. Петербургъ. Памятникъ Суворову.

свободѣ, совсѣмъ одиночаютъ и не хотятъ итти домой.

Остальному скоту у польшукоевъ живется не такъ привольно. Луговъ, правда, въ Польсьѣ много,—одна десятая часть всей площади, но это по большей части болота, а настоящихъ луговъ, съ хорошей кормовой травой, изъ нихъ только одна десятая часть; остальные всѣ идутъ по низинамъ, гдѣ постоянно застаивается

вода. И приходится по большей части косить траву по кочковатым болотам, покрытым ржавою водою. Оттого покос и считается самой трудной работой: и устанеть страшно человек на этой работе и ноги себя изранить. Когда польшукки идут косить такие дуга, то намазывают себя ноги жиром, а лапти пропитывают дегтем. Очень часто косець, особенно изъ молодых, не выносить больше двухъ-трехъ дней работы, и потомъ цѣлую недѣлю отдыхать долженъ.

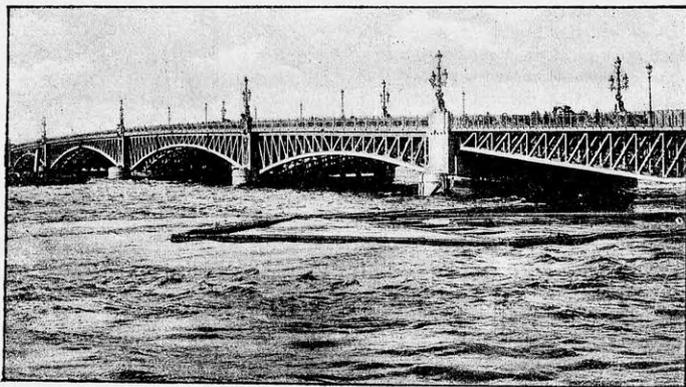

Рис. 130. Петербургъ. Новый Троицкій мостъ.

А сѣно, съ такимъ трудомъ собранное,—осока, хвощъ, да камышъ. Его-то много, да что въ немъ толку! За одинъ возъ такого сѣна и 10 фунтовъ соли не получишь въ деревнѣ. А везти его... куда повезешь? Въ городъ, — такъ это 50 верстъ, не считъ того.

Весной и лѣтомъ до уборки хлѣбовъ скотъ пасется на буграхъ, либо на низинахъ. Но на буграхъ травы мало, а по низинамъ тоже не очень сладко: во-первыхъ, скотина то и дѣло проваливается по брюхо, а во-вторыхъ, тамъ она нахо-

дитъ жесткій кормъ, ржавую болотную воду и тучи мошекъ.

Кромѣ землешаства и охоты, польшукки очень охотно занимается рыболовствомъ.

Рыбы водятся по Подлесью столько, что ей не наловить лишь тотъ, кто не хочетъ. Бывали такіе урожайные на рыбу годы, что семья не успѣвала съѣдать съдѣланныхъ на годъ запасовъ, а въ продажу рыба даже не шла: въ шутку говорили, что еврей-лавочникъ не давалъ за нее

даже столько соли, чтобы посолить ее впрокъ.

По всей Припяти можно видѣть лодочки съ рыбаками. Нагнулся рыбакъ надъ водой и опускаетъ въ рѣку или вытягиваетъ отсюда сѣти, а гдѣ-нибудь на берегу сидитъ другой, его товарищъ, который занятъ починкой сѣтей или уборкой рыбы. Обыкновенно утромъ или вечеромъ ѣздятъ съ сѣтями, вентерями (въ родѣ мѣшка изъ сѣти, натянутаго на нѣсколько обручей) или разставляютъ ихъ на мѣста, а днемъ потрошатъ, солятъ и расклады-

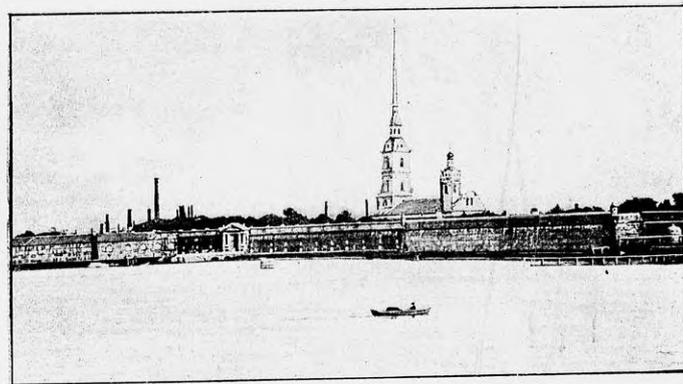

Рис. 131. Петербургъ. Петропавловская крѣпость.

ваютъ пойманную рыбу, чтобы проявилась за слѣдующій день на солнцѣ.

То же происходитъ и на всѣхъ рѣкахъ и рѣчкахъ, — притокахъ Припяти, на всѣхъ озерахъ и озеркахъ, которыя разсыяны повсюду. Ловятъ рыбу самыми

разнообразными способами, прижняясь къ мѣсту и къ времени.

Вообще, къ водѣ польшукки очень привычны и, когда надо, проявляютъ и поворотливость и быстроту движений, несмотря на свою обычную малоподвижность.

Рис. 132. Петербургъ. Казанскій соборъ.

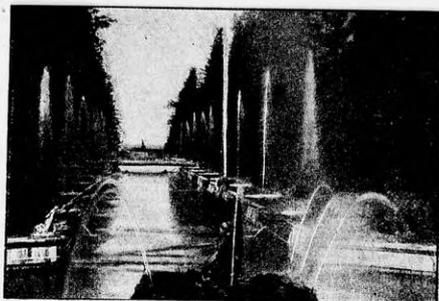

Рис. 133. Петергофские фонтаны.

По лѣсамъ Полѣсья живутъ много нѣмцевъ изъ Пруссiи. Они занимаются разработкой лѣса, который отправляютъ въ Пруссiю и частью въ Англiю. Сбытъ огромный и съ каждымъ годомъ растетъ. Идетъ туда, главнымъ образомъ, крупный строевой и особенно мачтовый лѣсъ. Иной разъ жалко такихъ молодцовъ-великановъ сплавлять! Есть сосны, которыя даютъ бревна въ 24 сажени длиною, а балки—длиною 6 сажень и толщиной въ верхнемъ срубѣ—6 вершковъ. Все это сплавляется по рѣкамъ и каналамъ. Кроме того, тянутся еще въ Германiю ряды баржъ; онѣ такъ и называются „берлинами“.

Особенно крупную торговлю лѣсомъ ведетъ Пинскъ, уѣздный городокъ Минской губерни. Онъ находится какъ разъ въ узлѣ всѣхъ водныхъ путей, гдѣ всѣ они сходятся: самъ онъ лежитъ на судоходной рѣкѣ Пинѣ, поблизости отъ впаденiя ея въ Припять, и у самыхъ каналовъ, соединяющихъ притоки Припяти съ рѣками, впадающими въ Балтiйское море. Большой зарабо-

токъ доставляютъ лѣса и крестьянскому населенiю Полѣсья; онъ изъ болѣе мелкаго лѣса выдѣлываютъ ободья, колеса, сани, гонять деготь, смолу и т. п. и тоже продаютъ.

Полѣшукъ—невсогокаго роста, молчаливый, медленный въ движенiяхъ, закалялся въ своемъ климатѣ. Даже зимой, съ открытой грудью, онъ тащится на своихъ волахъ или бродитъ по лѣсу съ неразлучною сѣкирой (топоромъ). Полѣшукъ живутъ грязно: не умываются и не чешутся. Хотя и много дровъ, а баня здѣсь нѣтъ.

Окруженный лѣсомъ полѣшукъ часто нуждается въ дровахъ, потому что онъ только тогда тронется нарубить дровъ, когда сожжетъ послѣднiй сукъ. Деревни Полѣсья—это рядъ избъ, разбросанныхъ, жалкихъ, собранныхъ на живую руку. Избы въ одно или два окна; но окна не выходятъ прямо на улицу, а передъ ними стоитъ частоколъ изъ расколотыхъ бревенъ. Крытаго двора нѣтъ. Крыши изъ расколотыхъ пополамъ деревьевъ, набросанныхъ въ безпорядкѣ другъ на друга; нерѣдко на крышѣ лежатъ и большiе камни. Вдоль улицъ

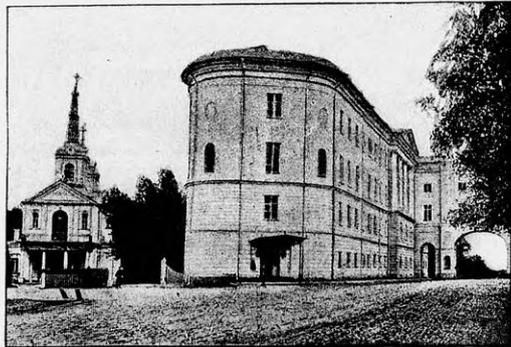

Рис. 134. Царскосельскiй лицей (гдѣ воспитывался А. С. Пушкинъ).

нрѣдка стоятъ дикiя груши и высокiя сосны съ неизмѣннымъ украшенiемъ—гнѣдомъ аиста. Большия черныя съ желтыми подпалинами собаки, множество свиней, тощiе вола, оборванные ребятишки, часто съ колтуномъ¹⁾ на головахъ—вотъ картина деревни въ такъ называемомъ Глухомъ Полѣсьѣ. Ходятъ полѣшукъ всегда въ лаптихъ и только щеголяютъ бѣлизной онучъ и узорами на ремешкахъ, которыми онучи обвязаны вокругъ ногъ, да еще, пожалуй, и самыми ремешками, такъ какъ большинство пользуется просто веревочками.

бѣлыя, изъ шерсти овецъ приготовить ему чулки, накапаетъ сукна для свитки, сошьетъ самую свитку в коужу и т. д.

Что плохо у полѣшуконъ, такъ это почти полное незнанiе ремеслъ. Чтобы сдѣлать подкову или какой-нибудь гвоздь, онъ долженъ ѣхать въ кузнецу-еврею, иногда вереть за 30.

Полѣшукъ очень религiозны. Церквей въ Полѣсьѣ очень мало, а потому по воскресеньямъ народъ собирается издалека, изъ деревень вереть за 12. Полѣшукъ ничего не начинаютъ безъ молитвы: пришла ли пора выгонять скотъ въ поле

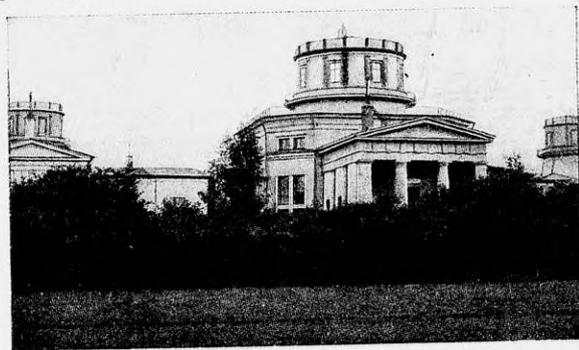

Рис. 135. Пулковская астрономическая обсерваторiя (черезъ которую проводятъ главный меридианъ Россiи).

Полѣшукъ-земледѣльцу деньги нужны только на подати, соль, на нѣкоторыя жѣлезныя орудiя. Остальное онъ сдѣлаетъ самъ вмѣстѣ съ женой. Онъ самъ построитъ себѣ домъ, сарай и все остальное; самъ сдѣлаетъ соху, борону, телѣгу и санки; самъ выдолбитъ деревянную ложку, сошьетъ изъ лыка или липовой коры коробъ, выстрогаетъ для жены веретено, прилку, гребень. И жена ему соткетъ холста, нашьетъ рубашекъ и

постѣ зимы, или наступило время полевыхъ работъ,—полѣшукъ сначала отслужитъ молебень, а потомъ берется за работу. Они не только точно соблюдаютъ всѣ установленныя посты, но и ввели еще обычай поститься по понедѣльникамъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ всѣ темные люди, полѣшукъ очень суевѣрны. Если онъ не прошелъ школы, то увѣренъ, что слышитъ въ лѣсу вой лѣснаго, когда то кричитъ сова, вѣрять въ русалокъ, домашнихъ и тому подобную нечисть. Если онъ увидитъ такъ называемую „падающую звѣзду“, онъ вамъ скажетъ, что это душа невиннаго младенца, уносл-

¹⁾ Болѣзнь волосъ, при которой они такъ сплываются, что расчесать ихъ совершенно невозможно.

сялся через невѣдомую даль на небо и т. д. Мало ли во что вѣрять темный человекъ...

И понятно, отчего все это происходит. Человекъ видитъ, что вокругъ него дѣлается въ природѣ, интересуется этимъ, желаетъ истолковать себѣ явленія, объяснить ихъ, дѣлаетъ всякія догадки, какія можетъ и какъ умѣетъ, и громоздитъ одно чудесное толкованіе на другое. А тутъ, въ Полѣсьѣ, еще дикость окружающей природы, мракъ и таинственность

Рис. 136. Москва. Красная площадь.

дремучихъ лѣсовъ, болота, теряющіяся въ безконечной дали, рѣдкія поселенія...

Самый старинный городъ въ Полѣсьѣ— Туровъ, теперь мѣстечко. Это одно изъ древнѣйшихъ поселеній кievскихъ. Тутъ въ древности было Туровское княжество; здѣсь жилъ въ XII вѣкѣ знаменитый митрополитъ Кирьялъ Туровскій. Около Турова и донинѣ есть крестьяне, которыхъ называютъ *славянскими*. Туровцы отличаются отъ польшуконъ: они средняго роста и отлично сложены. Женщины ихъ красивы и носятъ пеструю,

яркую одежду. Въ противоположность польшуконъ, туровцы очень словоохотливы. Весною туровцы занимаютъ сплавомъ лѣса по Припяти на низовья Днѣпра.

Губернскій городъ для Полѣсья — Минскъ, такъ какъ Полѣсье, главнымъ образомъ, расположено въ Минской губерніи и торговля больше всего стягивается къ Минску.

За послѣднія лѣтъ 25 жизнь въ Полѣсьѣ значительно измѣнилась.

Все Полѣсье занимаетъ около 8 мил-

ліоновъ десятинъ. Изъ нихъ около 3 миллионъ десятинъ были подъ лѣсными зарослями и лѣсами, растущими по мокрымъ низинамъ, а другіе 3 миллиона представляли почти совсѣмъ непроходимыя болота, поросшія негодными травами. И только осталъная часть была занята населенными и воздѣланными мѣстами или находилась подъ доброкачественнымъ лѣсомъ на немокрой почвѣ. Но даже и эти послѣдніе лѣса часто погибали. Расчетъ, напримѣръ, по „гривкѣ“ прекрасный сосновый лѣсъ, ему уже лѣтъ 60—80, до-

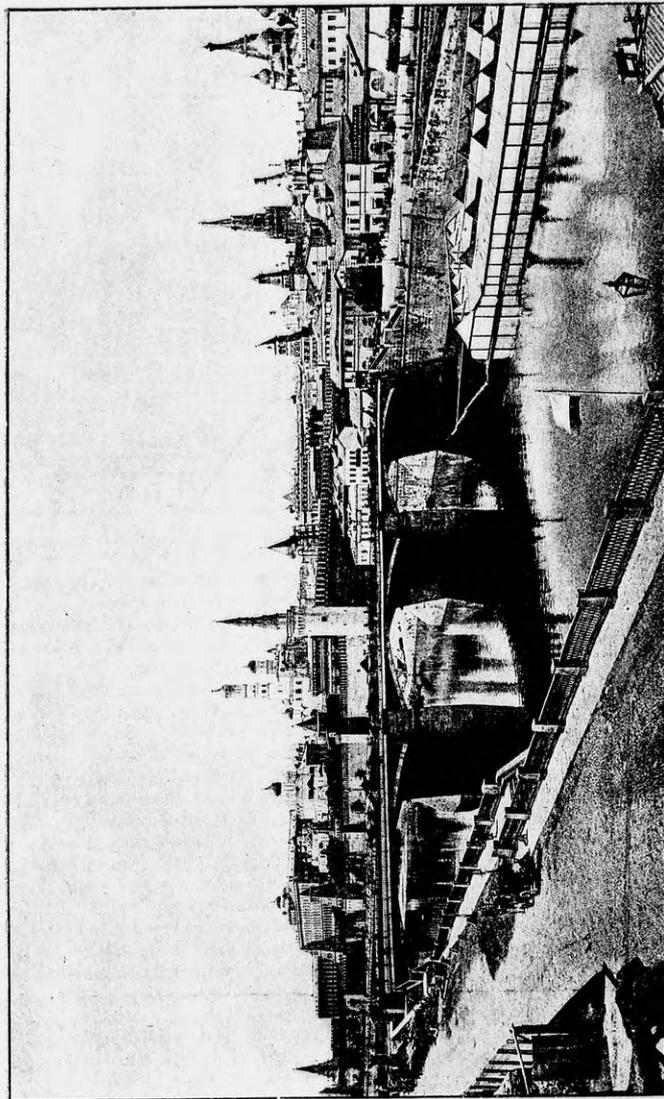

Рис. 137. Москва. Кремль.

стигъ онъ высоты 10—15 сажень. Вдругъ на деревьяхъ появляется наростъ въ видѣ губки, сучья чернѣютъ, въ древесинѣ начинается гниль, потомъ является дуло, которое все болѣе и болѣе разрастается, и, наконецъ, дерево засыхаетъ или, въ случаѣ бури, валится. Причина—опять въ излишкѣ влаги: корни сосны, достигши известной глубины, встрѣчаютъ слои земли, слишкомъ пропитанные водою отъ соседнихъ болотъ; они начинаютъ гнить, а отъ нихъ болѣзнь передается всему стволу.

Нужно было помочь горю. За это дѣло взялось Министерство Государственныхъ Имуществъ, въ завѣдываніи котораго находятся изъ 8 миллионовъ — 1.200.000 десятинъ казенной земли. Приступили къ осушительнымъ работамъ очень осторожно, такъ какъ не знали, во что обойдутся расходы.

Обыкновенно проводился главный каналъ, шириной отъ 5 до 15 аршинъ и глубиною отъ 1¼ до 3 аршинъ; къ нему

Рис. 138. Москва. Церковь Василія Блаженнаго (созруженная царемъ Иваномъ Грознымъ).

сходились боковые каналы, уже меньше, шириной въ 3—5 аршинъ и глубинѣй 1—1½ аршина. За этими каналами постоянно присматривали и содержали ихъ въ надлежащемъ видѣ.

Въ одномъ мѣстѣ вдоль русла рѣчки тянулась длинная, узкая полоса болотъ, постоянно заливавшихся весной водою изъ рѣчки. Болота отдѣлялись отъ рѣчки маленькой „гривкой“. Но стока водѣ изъ болота не было; въ соседнюю казенную лѣсную дачу входило нѣсколько рѣчекъ да тамъ безслѣдно и терялись. И вотъ въ 1874 году береговая гряда была пересѣчена 23 перекопами и болото сразу осыло, и дача была осушена.

Такъ и вездѣ. Гдѣ только проводились каналы, тамъ болота пропадали, почва уплотнялась, уравнивалась, кочки въ поль-аршина и болѣе черезъ 2—3 года исчезали, непроходимыя раньше болота становились доступными. Мокрая заросли и гнишіе отъ застоя весеннихъ водъ леса

Рис. 140. Москва. Успенскій соборъ.

получали правильный ростъ. Осока и камыши понемногу выродились и замѣнились травами болѣе годными. Малопродукныя луговые низины обратились въ

прекрасные луга; сѣно съ нихъ стали отправлять въ Варшаву, гдѣ продавали по 40 коп. за пудъ и дороже, уплачивая за перевозку копейку по 15 за пудъ.

Рис. 139. Москва. Часовня Иверской Божіей Матери.

Рис. 141. Москва. Благовѣщенскій соборъ.

Можно представить себѣ восторгъ крестьянъ, когда стало возможнымъ косить луга не по колѣно въ водѣ. Двойной укосъ травы въ году сталъ явленіемъ обычнымъ. Цѣны на землю страшно поднялись.

Расходы казны давно уже покрыты большими доходами съ казенныхъ лѣсовъ.

Есть въ Полѣсьѣ огромное не то озеро, не то болото, называемое Князь-озеромъ; оно занимаетъ 44 квадратныхъ версты, т.-е. около 4.500 десятинъ. При своей огромной площади, оно, однако, крайне

женные на подставкахъ, шатались, кусты вянута тоже нагибались при проходѣ путниковъ. При буряхъ и волненіяхъ на озерѣ такіа слетѣвшія покрывки часто отрываются отъ твердыхъ мѣстъ и плаваютъ какъ островки по озеру, пока не исчезнутъ въ глубинѣ, разбитые волнами. Такой слой въ видѣ плетеной покрывки называется у полѣшуконъ «дрягвой». (Отсюда, конечно, и названіе первыхъ обитателей этой страны— «дреговичи».)

Когда начаты были осушительныя работы, то взялись и за Князь-озеро; не-

Рис. 142. Москва. Колокольня Ивана Великаго.

мелко и имѣетъ очень слабый стокъ. Крутомъ него изъ застоявшейся воды образовалось болото, сплошь заросшее. Одинъ старикъ мнѣ разсказывалъ, какъ однажды онъ путешествовалъ по этому болоту.

Было какое-то спорное дѣло, которое нужно было разрѣшить на мѣстѣ. И вотъ толпа крестьянъ двинулась впередъ по по слою, образовавшемуся подъ поверхностю воды изъ сросшихся кореньевъ плывучихъ растений. Поверхность болота колебалась, стоянки сѣна, разло-

глубокий каналъ, который еще раньше начали рыть крестьяне да бросили, углубили,—и вотъ по нему хлынула жидкая грязь и вода, а самое болото осѣло.

Много лѣтъ, можетъ-быть, еще пройдетъ, пока Полѣсье обновится и уже перестанетъ быть «болотнымъ царствомъ». Тогда, можетъ-быть, полѣшукон перестанутъ думать, что за ихъ болотами—коонецъ свѣта, а старухи уже не будутъ говорить, что на краю свѣта бабы вѣшаютъ бѣлье на рога холодной луны...

М а з у р ы .

(Изъ очер. Г. Р.).

Въ окрестностяхъ Варшавы живетъ самый вѣстойшій польскій народъ — мазуры.

Мазуры живутъ въ губерніяхъ Варшавской, Плоцкой и части Радомской. Къ востоку раскинулись поселенія ихъ вдоль рѣки западнаго Буга и достигли Гродненской губерніи, гдѣ мазуры заселяютъ сплошь западную ея окраину.

Къ западу селенія мазуровъ тянутся полосой черезъ прусскую границу въ княжество Познанское, гдѣ они извѣстны подъ названіемъ прусскихъ мазуровъ. (Княжество Познанское находится подъ властью нѣмцевъ.)

Нарѣчіе мазуровъ польское, но особенное,—они говорятъ твердо, въ рѣчи ихъ нѣтъ звуковъ ж, ч, ш, но з, ц, с.

Мазуры народъ рослый и бойкій, трудолюбивый, очень веселый и живой по нраву (рис. 115). Они придумали особый танецъ «мазурку».

Одѣваются мазуры въ длиннополое кафтаны синяго или бурога цвѣта, подпоясанные краснымъ и желтымъ поясомъ; подъ кафтаномъ жилетъ синяго или зеленого сукна, штаны полосатые полотняные, шапка низкая, отороченная барашкомъ, а лѣтомъ широкополая соломенная или полкроваая шляпа. Женщины любятъ цвѣта яркіе и веселые, носятъ много лентъ и бусъ.

Мазуры-крестьяне, впрочемъ, теперь начинаютъ бросать свое народное платье, старался походить на мелкопомѣстныхъ дворянъ-земледѣльцевъ, которыхъ множество живетъ среди мазуровъ-крестьянъ,—вотъ и крестьяне начинаютъ носить сюртуки, ватныя пальто, крахмальные воротники, галстуки и тому подобное. У дѣвушекъ тоже все чаще и чаще встрѣтишь зонтики и шляпки. Все это модное платье, конечно, только всякій городскій поношенный хламъ,—его

Рис. 143. Москва. Памятникъ Минину и Пожарскому.

доставляютъ еврей съ городскихъ рынковъ; но мазуръ, одѣвшись во все это, ходитъ гордый, надувшись, и доволенъ, что теперь онъ ничѣмъ не отличается отъ своего собрата-дворянина, который зачастую тоже самъ ходитъ съ плугомъ и косой, только говоритъ болѣе чистымъ польскимъ говоромъ, чѣмъ крестьянинъ, и не носитъ на себѣ никакихъ слѣдовъ миновавшаго крѣпостного ига.

Хозяйство крестьяне ведутъ лучше, чѣмъ мелкопомѣстные дворяне—ихъ содѣи. Землю обрабатываютъ чисто, не оставляя большихъ междъ и выгоновъ, собираютъ камни съ поля, сажаютъ свеклу, морковь, сѣютъ клеверъ и другія кормовыя травы, употребляютъ желѣзные плуги, молотилки. Но, съ другой стороны,

истопаютъ землю, потому что стараются выжать изъ нея какъ можно больше дохода, а навоза даютъ землѣ мало, и земля истопадается.

Живутъ мазуры чисто; избы у нихъ оштукатуренныя внутри глиной и выбѣленныя, съ красною деревянною мебелью и цвѣтами на подоконникахъ,—на нихъ приятно взглянуть. Стѣны увѣшаны образами; свѣтскія картинки рѣдко встрѣчаются. Полъ, обыкновенно, кирпичный, метется каждый день и усыпается пескомъ. Очень часто встрѣчаются печи английскія съ плитой. Постель чистая, со множествомъ подушекъ и перинъ.

Удивительно только, что мазуры, соблюдая такую чистоту въ домѣ, бани совсѣмъ не знаютъ и купаться не любятъ.

Нравъ у мазуровъ веселый и беззаботный; если и появится въ жизни мазура какая-нибудь тучка, омрачившая его жизнь, то достаточно маленькаго свѣтлаго луча, чтобы мазуръ снова совсѣмъ ободрился и повеселѣлъ. Мазуры всегда любятъ пошутить, любятъ веселые разговоры, шутивыя пѣсни, танцы.

Рис. 144. Москва. Храмъ Христа Спасителя.

Мазуры очень набожны. Въ воскресенье въ деревнѣ остаются только дѣти да немощные. Всѣ сѣбшать въ костель.

Христіанская любовь и милосердіе всегда имѣють доступъ къ мазурекому сердцу. Нищихъ мазуръ не отпуститъ никогда безъ подаянія. Часто нище находятъ и убѣжище себѣ въ деревнѣ. Мазуръ въ нуждѣ можетъ всегда рассчитывать на помощь сосѣдей. Случается, что мужикъ забываетъ про свои дѣла, лишь бы помочь пріятелю въ бѣдѣ. Доброты много въ сердцѣ у мазуровъ, только нравъ у нихъ очень горячій, вспыльчивый, а потому у нихъ часто случаются ссоры и драки, кончающіяся даже иногда кровопролитіемъ.

Довольно часто услышать тамъ про разное мелкое воровство, потому что многіе мазуры думаютъ, что воровать изъ жадности, для наживы—грѣхъ, но воровать нужное—можно. Напримѣръ, помѣщичій или казенный лѣсъ мазуръ воруетъ безъ зазрѣнія совѣсти и говоритъ, оправдывая себя, что дрова и себѣ нужны

Рис. 145. Москва. Верхніе торговые ряды.

и продать ихъ можно и купить на эти деньги что-нибудь нужное. „Вороваль я, правда, говоритъ онъ, но Богъ проститъ. Лѣсъ не запертъ, земля эта мазурская, а я, Богъ прости, лучший мазуръ, чѣмъ этотъ цыракъ“ (помѣщиковъ зовутъ они „цыраками“).

Корчмы (кабаки) посѣщаютъ частенько, но не для пьянства, а для пляски. Музыкантовъ всегда много между парнями—на гармоникѣ играютъ и на скрипкѣ. Соберется нѣсколько паръ парней и дѣвушекъ и сейчасъ танцы—мазурка или что-то въ родѣ танца вальса. Притомъ поются разные припѣвы и пѣсни.

Ш л я х т а.

(Изъ очер. Г. Р.).

Въ жизни польскаго народа до недавнихъ временъ много значило дворянство—шляхта. Крѣпостные крестьяне были только рабочею силой, производящей хлѣбъ и все прочее, нужное для жизни народа. Народъ же и государство представляли одинъ классъ—дворянъ. Дворяне правили государствомъ, они избирали себѣ королей, занимали государственныя должности и они же воевали. Дворянское сословіе состояло не изъ однихъ только крупныхъ владѣльцевъ земли, какъ это бывало у другихъ народовъ. Нѣтъ, дво-

ряне польскіе были въ большинствѣ тѣ же земледѣльцы, какъ и крестьяне. Жили они среди крестьянъ цѣлыми деревнями и работали на клочкѣ земли наравнѣ съ ними; дворяне только тѣмъ отличались отъ крѣпостныхъ, что были свободны и могли при случаѣ, благодаря или военному счастью или милости сановниковъ, добиться высшаго положенія, богатства и почестей. Дворяне могли добиться этого, но, конечно, удавалось это весьма немногимъ, а большинство какъ жило, такъ и осталось въ бѣдности, въ тяже-

ломъ трудѣ, обрабатывая кусокъ родной земли.

Особенно густо дворянскія деревни разбѣяны въ губерніяхъ Ломжинской, Сѣдлецкой и Варшавской, отчасти же въ Плоцкой и Сувалской, но не рѣдки и въ остальныхъ губерніяхъ Царства Польскаго. Примѣрно считаютъ около 40.000 семействъ дворянъ - земледѣльцевъ или 300.000 человѣкъ; въ ихъ владѣніи по-

Рис. 146. Москва. Исторический музей.

чти 500.000 десятинъ, деревень же до 4.000.

Селеніе дворянское можно издали узнать по дорогѣ, къ нему ведущей: на такой дорогѣ не увидишь вовсе канавъ по сторонамъ и насаженныхъ деревьевъ; ямы тамъ полныя воды, глубокія рытвины, камни,—будто нарочно все устроено, чтобы провѣздъ сдѣлать невозможнымъ. Только по направленію къ костелу иногда накладываютъ бревень или хвороста, чтобы можно было пѣшкомъ пробираться.

Домъ дворянскій очень разнится отъ крестьянскаго. Стоять онъ всегда нѣсколько вдали отъ дороги; обыкновенно онъ окруженъ вѣтвомъ липъ или тополей. Хотя соломенная крыша въ дворянскомъ домѣ часто полна дыръ, а гнилыя стѣны часто искривлены, но высотой и обширностью такой домъ обыкновенно превосходитъ крестьянскую избу. Внутри зато дворянскій домъ часто гораздо бѣднѣе мужицкаго. По одну сторону въ одной избѣ живутъ хозяева и прислуга, по другую ютится съ семьей жильцы-кутникъ.

Въ хозяйской избѣ полъ деревянный, нѣсколько кроватей со множествомъ перинъ, мебель простая, выкрашенная въ красный цвѣтъ, ткацкій станокъ, ручная мельница,—вообще, все просто и бѣдно. Все украшеніе только образа на стѣнахъ.

Зимой здѣсь тѣсно и душно, потому что къ людямъ часто присоединяется и теленокъ и ягненокъ, часто даже хозяйка поросятъ притащить, чтобы они не померзли въ развалившемся хлѣбѣ.

Когда-то дворянинъ гордился плодовымъ садомъ при избѣ, но теперь и у крестьянъ сады не въ рѣдкость.

Въ саду обыкновенно есть небольшой прудикъ, въ немъ хозяйка мочитъ ленъ и пеньку, купаются дѣти, рѣзвится домашняя водяная птица, да и на случай пожара вода подъ рукой.

Въ дворянской деревнѣ нѣтъ прямой улицы съ рядами избъ около нея. Избы разбросаны въ разныя стороны, и улица извивается между ними; только большими трубами выглядываютъ избы изъ-за старыхъ липъ, и благодаря множеству зелени, скрывающей грязь и бѣдность, деревня имѣетъ видъ довольно красивой.

Хозяйство дворянъ ведется по-старому, да и нельзя иначе: черезполосица не дозволяетъ. Страшно мелкая черезполосица,—одинъ хозяинъ часто въ двадцати мѣстахъ имѣетъ по узкой полоскѣ земли. Такъ стало изъ-за постоянныхъ

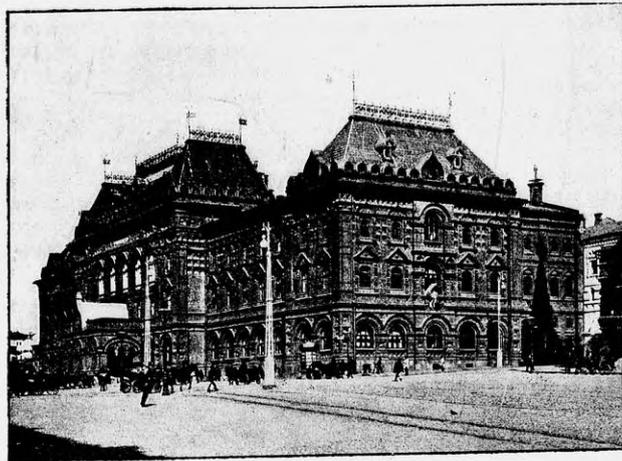

Рис. 147. Москва. Городская Дума.

дѣлежей. Прапрадѣды нынѣшней деревни получили когда-то землю во владѣніе. Сыновья послѣ него подѣлились; но такъ какъ въ разныхъ мѣстахъ земля по

качеству разная, то, чтобы не было обиды, каждый сортъ земли дѣлился особо; дѣти поступали такъ же, такъ дѣлаютъ и теперь ихъ праправнуки. Такимъ родомъ

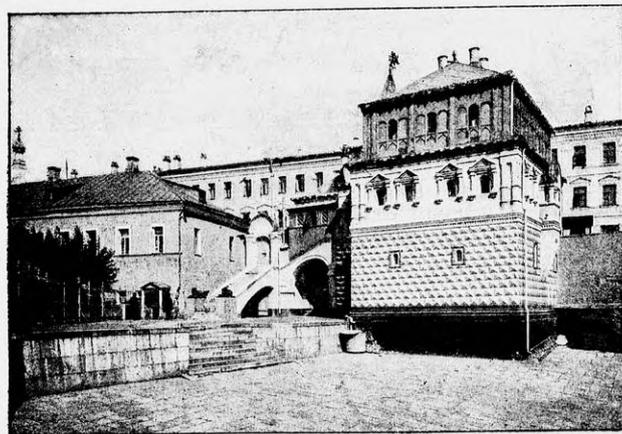

Рис. 148. Москва. Домъ бояръ Романовыхъ.

сколько есть сортовъ земли и луговъ у деревни, столько теперь во владѣніи каждаго хозяина отдѣльныхъ мелкихъ кусочковъ; отъ этого всѣ хозяева вполнѣ зависятъ другъ отъ друга, а согласія межъ ними нѣтъ. Начнутъ, скажемъ, жатву пшеницы хозяевъ, то же должны дѣлать и остальные хозяева, хотя бы ихъ хлѣбъ еще и не поспѣлъ,—иначе чужой скотъ уничтожитъ оставленную въ полѣ жатву. Нужно прокопать канаву, но одному изъ хозяевъ это не нравится, онъ

Рис. 149. Москва. Терема царя Алексѣя Михайловича. Столовая.

несогласенъ, и дѣло не выгоритъ. На всякую новостъ нужно полное согласіе всѣхъ хозяевъ, но этого-то мудрено добиться, потому что нравъ у дворянъ часто задорный и упрямый, и ссоры, пререканія и затѣмъ судебныя дѣла между сосѣдями дѣло обыкновенное.

Хозяйство дворянъ идетъ плохо, и среди мелкихъ дворянъ вездѣ много бѣдности. Бываетъ, и даже нерѣдко, что мелкій дворянинъ живетъ богатенько, но это бываетъ или тогда, когда богатство наживутъ на сторонѣ посторонними за-

работами или же наживутъ его упорнымъ тяжелымъ трудомъ и большою бережливостію. Много помогаетъ тутъ торговля лошадьми, волами и разными домашніе промыслы, особенно женское хозяйство. Жены мелкихъ дворянъ — работницы на рѣдкостъ и примѣрныя хозяйки. Зимой изба превращается у нихъ въ ткацкую и прядильную мастерскую. Всѣ отъ мала до велика работаютъ, какъ рабочіе на фабрикѣ. Лѣтвомъ пряжу красятъ, бѣлятъ и продаютъ.

Немалый доходъ даетъ еще птичье хозяйство и разведение свиней, и все это женская забота. Такимъ родомъ женщина часто занимаетъ первое мѣсто въ хозяйствѣ. Она не только сама работаетъ, какъ простая наемница, и въ полѣ и дома, не только печется о дѣтяхъ и прислугѣ, но часто и мужа держитъ въ ежечасныхъ рукавицахъ, подгоняетъ къ труду, если онъ лѣнивый, удерживаетъ его отъ мотовства и пьянства, зарабатанныя деньги копитъ и прячетъ, неохотно выдѣляя мужу гроши на табакъ и вино.

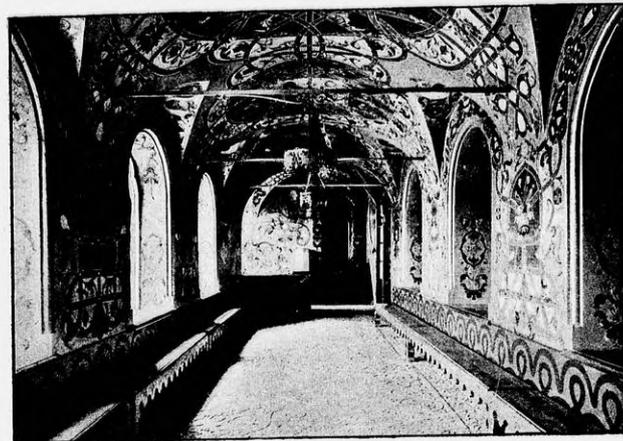

Рис. 150. Москва. Терема царя Алексѣя Михайловича. Коридоръ.

Вообще же, скромная и бережливая жизнь такихъ мелкихъ польскихъ дворянъ мало требуетъ расходовъ. Пища у нихъ самая простая крестьянская, развѣ только сала они больше употребляютъ, чѣмъ

крестьяне. Свиное мясо ѣдятъ только по праздникамъ—на Пасху и Рождество, а самымъ большимъ лакомствомъ считается творогъ съ зеленымъ лукомъ и яичница съ колбасой. Одежда у нихъ тоже не

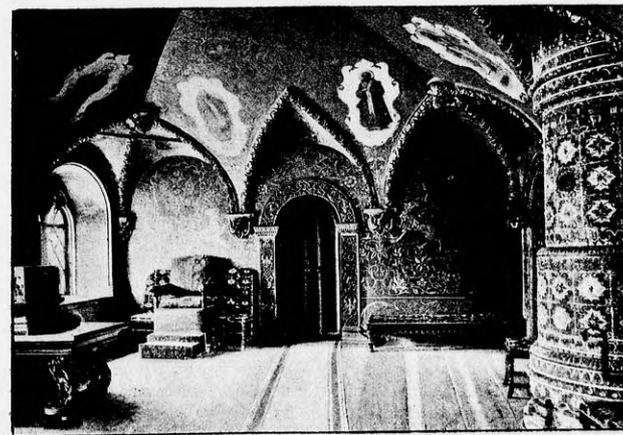

Рис. 151. Москва. Терема царя Алексѣя Михайловича.

требует больших расходов: она домашней работы; только молодежь любит шегольнуть и одевается по-модному: въ жакетки, сюртуки, галстуки и крахмальные воротнички; у дѣвушек зонтикъ и шляпка, а зимой муфта и мѣховой воротникъ—это ужь все непременно должно быть. Одежда поэтому не одного покроя, какъ у крестьянъ; каждый старается одѣться получше, насколько средства хватаютъ. Но при работѣ дома и въ полѣ эти барышни и паничи (барчу-

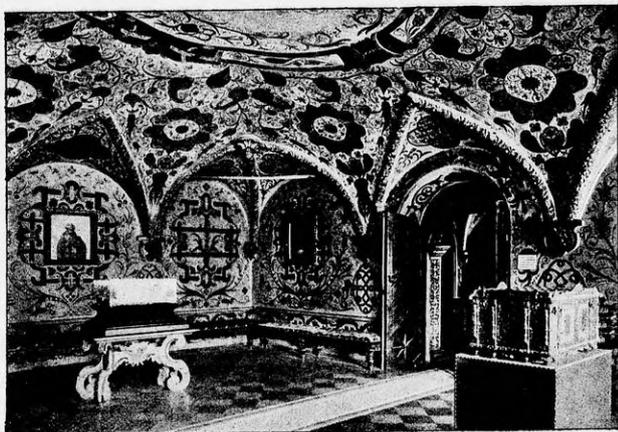

Рис. 152. Москва. Терема царя Алексѣя Михайловича. Диванная.

ки) превращаются въ такихъ же мужиковъ, какъ ихъ сосѣди-крестьяне. Но сохрани Богъ говорить на „ты“ этому мужику или позвать его по имени или фамилии безъ прибавленія „панъ“ (баринъ),—обидится смертельно или обругаетъ. Въ разговорѣ между собой они сами не иначе обращаются другъ съ другомъ какъ со словами: „панъ“, „пани“, „его мощъ“, „ей мощъ“ (ваше благородіе). Къ мужику они обращаются просто на „вы“, и тотъ кланяется имъ всегда низко, хотя

въ душѣ и подсмѣивается надъ этимъ мужикомъ-дворяниномъ.

На лицѣ, въ осанкѣ мелкаго дворянина виднѣется спесь и удалство; рядомъ съ крестьяниномъ онъ кажется человекомъ иного племени. Движенія его даже въ тяжеломъ трудѣ отличаются ловкостью и гордыми замашками. Съ низшимъ онъ обращается очень увѣренно въ себя, свысока, съ вышними онъ покоренъ и гибокъ. Крикливый и податливый на ссору, онъ изъ-за глупости лѣзетъ въ драку.

Рис. 153. Москва. Большой кремлевскій дворецъ. Екатерининскій залъ.

возѣ ѣдутъ въ мѣстечко, покуривая всѣ изъ одной трубки, а въ мѣстечкѣ, въ трактирѣ, при помощи друзей, устанавливается полный миръ, и всѣ навеселѣ, съ криками и пѣснями, возвращаются домой. Но не всегда такъ счастливо кончается, — иногда упрямые враги цѣлые годы таскаютъ другъ друга по судамъ и разоряются въ конецъ.

Поговорить дворянинъ большой любитель, но говорить онъ громко, тихо не умѣетъ, притомъ ноги широко разставляетъ и подъ бока возьмется, или руками размахиваетъ и усъ молодецки покручиваетъ.

Особенно охочи дворяне до политики, то-есть любятъ толковать о томъ, какія разныя дѣла дѣлаются въ разныхъ государствахъ. Вечеромъ сходятся политики на улицѣ и до поздней ночи болтаютъ про французовъ, нѣмцевъ, англичанъ, мѣстныхъ же дѣла общественныя ихъ мало занимаютъ, — если и зайдетъ про нихъ разговоръ, то бываетъ, что всякое

согласіе сейчасъ исчезаетъ, надуются сосѣди другъ на друга, плюнутъ и расходятся по домамъ.

А межъ тѣмъ всѣ дворяне эти очень привязаны къ своей землѣ, къ своему родному углу,—переселиться въ другой приходъ для нихъ то же, что для другого уѣхать въ Америку; даже молодежь не любитъ искать хлѣба на чужбинѣ, надрывается въ трудѣ, голодаетъ, но сидитъ на родной землѣ. Дѣвушка, если ей приходится выходить замужъ въ чужой приходъ, такъ горюетъ и тоскуетъ, точно за море собирается.

Обыкновенно со своими дворянинъ такой бываетъ простой и искренній, въ гнѣвъ зато скрытный, неудержный и мстительный.

Тяжбу изъ-за земли дворяне эти завѣдуть, но вещей чужихъ ужь не возьмутъ. Къ воровству они чувствуютъ отвращеніе; назвать кого-нибудь изъ нихъ воровомъ,—это кровная, смертельная обида.

Городъ Вильна.

(Изъ очерк. Г. Р.)

Проѣхавъ станцію Вилейку, мы увидѣли вдаль среди лѣсовъ и холмовъ колокольни костеловъ и куполы церквей Вильны, древней столицы литовскихъ князей. Черезъ десять минутъ передъ нами какъ на ладони лежалъ большой городъ, скученный въ долину рѣки, съ предметами, разбросанными по окружающимъ холмамъ. Почти въ серединѣ города, на берегу Вилии, возвышается искусственный холмъ съ остатками развалинъ древняго замка. Самъ городъ внутри непривлекателенъ: узкія кривыя улицы, какъ во всѣхъ вообще старыхъ городахъ, выстроенныхъ въ крѣпостяхъ, грязные еврейскіе дома съ воючими дворами; зато предметы очень красивы: въ нихъ множество садовъ, большой просторъ и чистота.

Жителей въ Вильнѣ около 200 тысячъ. Тамъ больше десятка старинныхъ костеловъ и почти столько же церквей.

Рис. 154. Москва. Большой кремлевскій дворецъ. Георгіевскій залъ.

Торговлей занимаются почти все евреи, такъ что, можетъ-быть, лишь десятая часть купцовъ — христіане. Кое-гдѣ за городомъ среди деревьевъ виднѣются трубы фабрикъ, но ихъ очень немного: нѣсколько винокуренныхъ да пивоваренныхъ заводовъ, 2—3 лѣсопилки, нѣсколько кожевенныхъ заводовъ, — вотъ и все.

Вообще на Литвѣ нѣтъ большихъ фабрикъ и заводовъ, только въ одномъ Бѣлостокѣ, Гродненской губерніи, есть съ десятокъ большихъ ткацкихъ и прядильныхъ фабрикъ. Фабричныя издѣлія литовцы получаютъ изъ Москвы, Петербурга, Варшавы, Лодзи, посылая туда свой хлѣбъ, ленъ, пеньку и прочее.

Земляными богатствами Литва похвастаться не можетъ. По всей Литвѣ находятъ въ землѣ много каменной извести, идущей въ строительное дѣло. Встрѣчается довольно торфа, но его стали раз-

Рис. 155. Москва. Большой кремлевскій дворецъ. Александровскій залъ.

забывать только въ послѣднее время; лучшіе сорта торфа идутъ на топливо. Для топки торфа идетъ вдвое больше, чѣмъ угля, и немного меньше, чѣмъ сухъя дрова. Худшіе сорта торфа идутъ

на подстилку для скота и на удобрение полей. Въ городѣ торфомъ посыпаютъ выгребныя ямы для уничтоженія вони.

Желѣзо на Литвѣ встрѣчается часто въ болотной рудѣ, но въ маломъ коли-

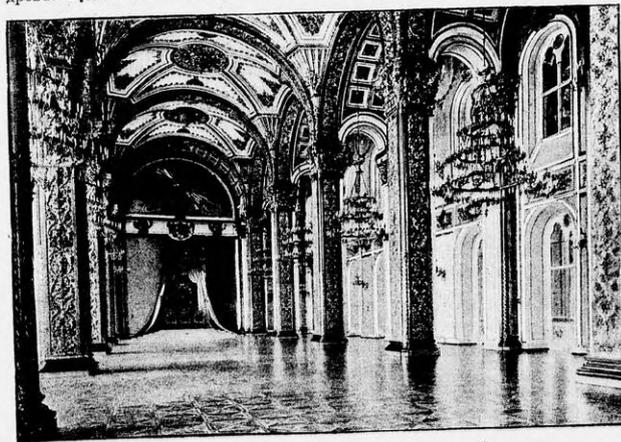

Рис. 156. Москва. Большой кремлевскій дворецъ. Андреевскій залъ.

честь, так что доывать его совсем невыгодно,—денег на добывание затратишь много, а железа получится самая малость. Впрочем, в Ошмянском уезде есть руда, богатая железом, и раньше там были два плавильные заводы. Чтобы дешево добывать железо, нужно дешевое топливо—каменный уголь, а его-то нѣтъ на Литвѣ; находятъ, впрочемъ, в Лядскомъ уезде лигнитъ, худшій сортъ каменного угля, но его не разрабатываютъ.

Вотъ песокъ тамъ есть отличный для выдѣлки стекла, и повсюду въ изобилии; есть хорошая гончарная глина,—поэтому тамъ много кирпичныхъ, гончарныхъ, изразцовыхъ и стекловаренныхъ заводовъ.

Зато въ городахъ процвѣтаетъ мелкій ремесленный трудъ, особенно столярное и сапожное мастерства. Мѣщане литовскіе почти поголовно ремесленники, и, кромѣ религіи, они во всемъ разнятся отъ литовскихъ крестьянъ. Литовского языка они не понимаютъ, говорятъ польски, поютъ польскія пѣсни и, вообще, гораздо больше, чѣмъ крестьяне, сохранили на себѣ слѣды польскаго владычества, подъ которымъ столько лѣтъ находилась Литва. Собираются они въ цехи, и каждое мастерство имѣетъ своего выборного старосту, свою кассу на цехо-

Рис. 157. Москва. Воспитательный домъ.

вые расходы и празднуетъ свой цеховой праздникъ. Какъ-то разъ въ Вильнѣ, гуляя по городу вечеромъ, я зашелъ въ одинъ изъ костеловъ. Шла вечерня. Меня удивило великолѣпное богослуженіе: множество свѣчь, лампочекъ, на хорахъ оркестръ, и народу масса, очевидно, все ремесленники. Я думалъ—праздникъ какой-то католическій, но оказалось, что богослуженіе было по заказу салонниковъ-подмастерьевъ. Это былъ день какого-то святого, ихъ покровителя, котораго икона находилась въ томъ же костелѣ. Они накупили свѣчь, лампъ на общій счетъ, уплатили священнику, а тотъ передалъ костелъ имъ на цѣлый день въ ихъ полное распоряженіе. Самы они развѣшивали и зажигали свѣчи, сами прислуживали священнику, во время крестнаго хода несли хоругви и фонари и, вообще, хозяйничали въ костелѣ. Каждый цехъ имѣетъ такого избраннаго святого, день котораго празднуется великолѣпнымъ богослуженіемъ, а вечеромъ пьянствомъ и разгуломъ.

Такиими мелкими ремеслами, которые требуютъ недолгой выучки, занимаются здѣсь больше всего евреи. Жестяники, чулочницы—все это изъ евреевъ. Евреи довольствуются самымъ небольшимъ заработкомъ—четыре-десяти рублей въ мѣсяцъ и ведутъ поистинѣ плачевную жизнь.

Они цѣлую недѣлю ржавой се-
рой и лукомъ, живутъ скученно, мно-
годушными семьями, въ глубокихъ
бѣдахъ и болѣютъ и мрутъ какъ мухи.
Когда въ 1893 году надъ Вильной про-
шелъ сильный ливень, въ одномъ подвалѣ
залито водой изъ канавы 18 человекъ
евреевъ, тамъ всѣ они потонули въ грязи.
Бѣдняки-христиане, хотя живутъ не луч-
ше, но селятся больше по окраинамъ
города и, по крайней мѣрѣ, пользуются
чистымъ воздухомъ; евреи же жмутся
въ серединѣ города, въ самую вонь и
грязь.

Я прѣхалъ въ Вильну какъ разъ во
время большой ежегодной крестьянской
ярмарки въ день святого Казимира. Свя-
той этотъ былъ сыномъ великаго князя
литовскаго, и католики считаютъ его по-
кровителемъ Литвы. Тѣло его похоро-
нено въ виленскомъ кафедральномъ ко-
стелѣ, и день его празднуется торже-
ственно всѣми литовцами; на площади же
передъ костеломъ въ этотъ день быва-

Рис. 158. Москва. Румянцевскій музей.

етъ ярмарка, гдѣ продаются всякія кре-
стьянскія кустарныя издѣлія¹⁾.

Уже наканунѣ, съ вечера, вся пло-
щадь была запружена возами; утромъ,
тысячи горожанъ потянулись на ярмарку,
и торговля шла бойко. Одинъ уголь пло-
щади заняли десятки огромныхъ возовъ
съ баранками,—баранки эти сухія, въ
родѣ сушекъ, привозятъ ихъ изъ мѣ-
стечка Сморгонь, которое съ давнихъ
поръ славится этимъ издѣліемъ. Торговля
баранками велась самая оживленная; ка-
ждый горожанинъ возвращался домой со
связкой баранокъ на шеѣ.

Середину площади заняли деревянныя
издѣлія литовцевъ: бадья, ведра, ко-
рыта, боченки свѣтились на солнцѣ бѣ-
лизной своего дерева; тутъ ужъ больше
хозяйки городекія вели оживленный
торгъ съ крестьянами. По краямъ раз-
мѣстились бабы съ медовыми пряниками

¹⁾ Въ настоящее время на площади устроены
сады, а ярмарка теперь устраивается въ пред-
мѣстьѣ Лукиншахъ.

въ видѣ пѣтушковъ и лошадокъ съ золочеными головками, — желанный гостинецъ деревенскихъ дѣтей; горшечники съ горшками и дѣтскими глиняными игрушками, корзинки, жестяники и прочіе. Тамъ и сямъ сновали крестьяне съ мѣшками, полными деревянныхъ ложекъ изъ грушеваго дерева, прялокъ, орѣховъ; деревенскія бабы расположились съ охапками сухенныхъ цѣлебныхъ травъ, отъ которыхъ далеко несло душистымъ за-

пахомъ полей; у паперти же, гдѣ толпа народа постоянно двигалась изъ костела и обратно, видное мѣсто заняли продавцы разныхъ святостей: молитвенниковъ, четокъ, образковъ, крестиковъ и прочаго, — при нихъ больше толпились крестьяне. Шумъ людского говора, скрипъ возовъ, свистки дѣтскихъ игрушекъ, пѣсни нищихъ, — все это сливалось въ какой-то одуряющій и возбуждающій гамъ.

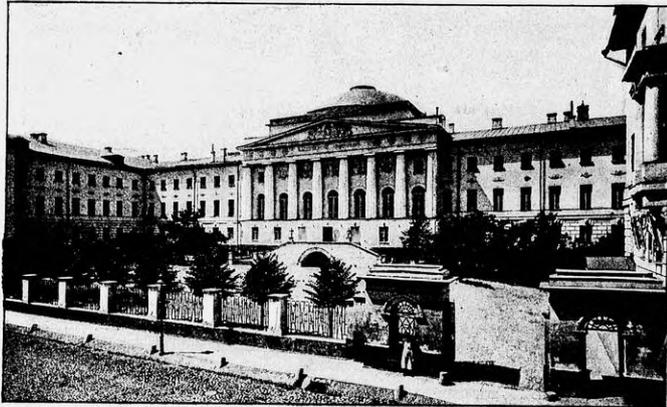

Рис. 159. Москва. Университетъ (старое здание).

Въ литовской деревнѣ.

(Изъ очер. Г. Р.).

Деревня была небольшая, — изба 12, не болѣе, — но всѣ избы довольно порядочныя, еще нестарыя; видно было, что хозяева ихъ бѣды не знали. Они были бывшіе государственные крестьяне и получили земли по полволоки (около 10 десятинъ) на хату, и хотя земля пшеницы не родила, но жито, ячмень и овесъ родились хорошо.

Избы расположились по одной сторонѣ улицы по которой гуляли гуси, свиньи, и возились ребятишки; съ другой стороны

улицы шли огороды, спускающіеся по наклону съ пригорка на довольно обширный лугъ, по которому протекала небольшая рѣчка Дойга, притокъ близкой отсюда рѣчки Вилии.

Каждая изба отдѣлена отъ улицы маленькимъ садикомъ, вокругъ котораго сдѣланъ густой заборчикъ; садикъ, — это хозяйство двѣушекъ; тутъ скоро зацвѣтутъ: любимая рута, шалфей, красныя мальвы, пахучая гвоздика, желтая настурція и прочее. Изба стоитъ къ улицѣ задомъ, такъ

что крыльцо ея выходитъ во дворъ; сзади избы съ улицы разведенъ садикъ съ нѣсколькими фруктовыми деревьями; въ немъ десятокъ простыхъ колодъ съ пчелами, а кое-гдѣ встрѣчаются уже и ульи новаго образца въ видѣ домиковъ. Во дворикѣ, противъ хаты стоитъ свиронь, то-есть амбаръ, — небольшое строеніе съ навѣсомъ; мѣсто фундамента у него по угламъ четыре колоды, такъ что подъ амбаромъ обширное пустое мѣсто, при-

чемъ или зеленой краской, — это единственное украшеніе избы. Въ одной только старенькой и самой бѣдной избѣ въ концѣ деревни окна были продолговатыя, маленькія, сложенныя изъ кусковъ стекла разной величины; они остались еще съ тѣхъ временъ, когда стекло было дорого, и крестьяне пользовались только осколками его. Эта единственная старая изба была курная, безъ трубы; впрочемъ, курныхъ избы еще довольно много на Литвѣ,

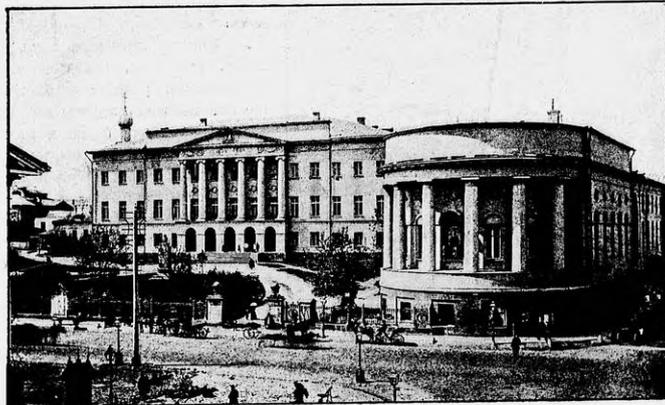

Рис. 160. Москва. Университетъ (новое здание).

станице собакъ и куръ въ дождливую погоду. Подъ навѣсомъ же лежать сохи, бороны и другія хозяйственные орудія. Остальныя постройки стоятъ за дворикомъ въ концѣ сада; гумно же большей частью стоитъ по другой сторонѣ дороги, на огородахъ, подале отъ жилыхъ помѣщеній.

Всѣ постройки крыты соломою подъ лопату, гладко. Мѣстами кроютъ тесомъ, а ближе къ прусской границѣ и Курляндіи литовцы кроютъ даже черепицей. Окна небольшія, въ 6 или 4 маленькихъ стеклъ; на окнахъ, выходящихъ на улицу, висятъ ставни, раскрашенныя густой си-

преимущественно у бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ и у огородниковъ; но чѣмъ ближе къ границѣ, тѣмъ меньше курныхъ избы; на Жмуди теперь не рѣдкость даже въ избахъ англійскія печи съ плитами.

Когда мы подѣхали къ воротамъ, навстрѣчу къ намъ высыпали ребятишки, отворяя ворота и требуя отъ насъ гостинцевъ; получивъ вязку казимировскихъ баранокъ и приниковъ, ребята шумно побѣжали дѣлиться, а мы вошли въ избу. Черезъ всю хату отъ крыльца шли просторныя сѣни, безъ потолка; направо и налево были двери въ горницы. Изъ сѣ-

Рис. 161. Москва. Памятникъ Пушкину.

ней видно было чердачное помѣщеніе, куда лазить по приставленной лѣстницѣ; подъ крышей на жердяхъ развѣшаны разный крестьянскій скарбъ: куски сукна, мотки нитокъ, шкурки, окорка, ломти сала и прочее. Въ сѣняхъ же стоялъ ящикъ съ мукой и около него жернова.

Жалая изба окнами выходитъ на улицу; въ ней прямо противъ дверей стоялъ большой столъ, около него въ углу двѣ широкія скамьи. Около дверей, направо, большая кирпичная печь, съ обширнымъ подпечьемъ, гдѣ зимой квартировали пѣтухи съ курами. Противъ печи, влѣво отъ дверей, стояла кадка съ водой, а иногда и жернова. Направо въ углу большая кровать, въ родѣ полатей, изъ досокъ на подпоркахъ; на ней двѣ подушки пуховыя и нѣсколько содоменныхъ тюфяковъ. Одѣяла не было;

крестьяне накрываются тѣми же овчинными тулупами, въ которыхъ ходятъ днемъ. На этой кровати спятъ хозяева съ ребятишками, а взрослые парни и дѣвки помѣщаются и на печи, и въ амбарѣ, и въ кладовой.

Между кроватью и печкой стоялъ ткацкій станокъ. На стѣнахъ видѣлось нѣсколько дешевыхъ образцовъ въ рамкахъ, съ заткнутыми за нихъ освещенными вербовыми вѣтками.

У бѣдныхъ литовцевъ печи бываютъ глиняныя, построенныя на деревянныхъ рамкахъ; у богатыхъ же отъ печи черезъ всю избу выведена кирпичная стѣна и въ нее проведены дымовыя трубы, такъ что изба лучше согрѣвается, и много мѣста есть для сушки мокраго платья. По другой сторонѣ сѣней изба безъ печи, и она обыкновенно служитъ кладовой для полотна, сѣмянъ, овощей и прочаго. Полъ въ обѣихъ избахъ глиняный, но не рѣдкость и деревянный.

Вообще, всякія новости по дому по хозяйству, привычки къ удобствамъ, замѣна домашнихъ издѣлій фабричными, — все такое проникаетъ въ Литву съ запада — изъ Пруссіи и Курляндіи. Запад-

Рис. 162. Храмъ въ с. Дяковѣ, олимпъ Москвы, сооруженный царемъ Иваномъ Грознымъ.

ный литовець во многомъ разнится отъ литовцевъ, живущихъ въ сосѣдствѣ съ бѣлоруссами: сермяга западнаго литовца шита покрасивѣй, рубашку онъ причетъ въ штаны и не выпускаетъ наверхъ, вмѣсто шапки у него больше поярковая шляпа; изба его чище, выбѣлена изнутри и снаружи, полы деревянные, и скотъ въ избу уже не допускается; въ саду у него груши и яблоки лучшихъ сортовъ, и виденъ умѣлый уходъ за ними.

Проживая у литовцевъ все лѣто, я присмотрѣлся обстоятельно къ ихъ хозяйству. И въ этомъ случаѣ видно влияние сосѣдей съ запада, — чѣмъ ближе къ границѣ, тѣмъ лучше обработка земли и полевыя орудія лучше.

Обыкновенная жмудская соха болѣе похожа на курляндскую, чѣмъ русская. Сошники, которые у нея замѣняютъ ножъ и отваль плуга, довольно широки, остры, наклонны другъ къ другу и образуютъ родъ желоба; пахать можно отъ полтора до трехъ вершковъ. По рѣкѣ Невяжѣ, гдѣ земля плотнѣе, плаха дѣлается шире, съ однимъ сошникомъ; тамъ же, послѣ боронованія, употребляютъ зубчатые или бороздчатые валы, которыми

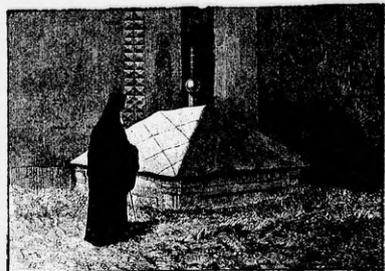

Рис. 163. Троице-Сергіева лавра. Усыпальница царской семьи Годуновыхъ.

прокатываютъ поле, уравнивая и размельчая землю.

Бороны бываютъ обыкновенно плетенныя, легкія; на Жмуди бороны изъ деревянныхъ брусковъ съ деревянными же зубьями, а ближе къ границѣ — съ желѣзными. Теперь нѣрѣдко встрѣтить можно у крестьянъ и дешевые плужки.

Поле подъ яровое пашутъ на Литвѣ два раза, а подъ озимое — три: весной, подъ конецъ іюня и въ августѣ. Навозъ очень цѣнится; кладутъ его около 60 возовъ на моргъ (поддесятины).

Рис. 164. Троице-Сергіева лавра.

Почти повсеместно ведется трехпольное хозяйство, но видно, что стремятся улучшить его. Ближе к нѣмцам и за Нѣманомъ у крестьянъ, живущихъ односельями, „колоньями“, какъ тамъ называютъ, встрѣчается плодосѣвъ; но, вообще, хозяева считаютъ трехпольное хозяйство для себя самымъ выгоднымъ и утверждаютъ, что образцовыя плодосѣбныя хозяйства только дорогая забава. Хозяева эти не замѣчаютъ, что между тѣмъ на дѣлѣ-то, несмотря на сильное

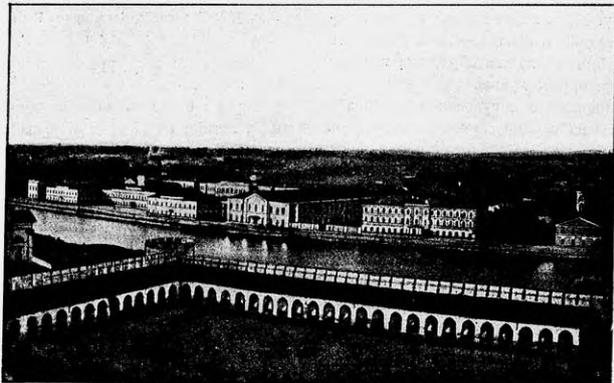

Рис. 165. Тула. Оружейный заводъ.

унавоживаніе, земля теперь страшно истощается. Особенно лень вредитъ землѣ, а его литовцы сѣютъ много не только для себя, но и на вывозъ. Притоми пастбища все уменьшаются, потому что народу прибавляется все больше и больше: отъ этого все больше требуется пахотной земли, — значитъ, пастбища уменьшаются, убавляется и число скотины, а вмѣстѣ съ тѣмъ и навоза становится меньше.

Неудобныхъ земель крестьяне ужъ совсемъ не имѣютъ. Урожаи становятся все хуже: за послѣднія 5 лѣтъ рожь обыкновенно родила самъ-5—6, а картофель самъ-4—5. Надобно унавоживать

искусственными навозами, и теперь въ каждомъ мѣстечкѣ продаются для этого суперфосфатъ и костяная мука.

Владѣніе земель на Литвѣ повсемѣстно подворное. Общинное владѣніе и пользование земель совсемъ неизвѣстны. Напротивъ, каждый литовецъ, а тѣмъ болѣе жмудинъ, стремится къ тому, чтобы вполнѣ обособиться; изъ семи онъ старается выдѣлиться какъ можно скорѣе и отгородить свою хотя бы маленькую собственность. Если и складываются между литов-

цами товарищества для покупки земли, лѣсу и другихъ подобныхъ дѣлъ, то товарищества такія очень недолговѣчны и обыкновенно кончаются спорами, драками и судомъ.

Литовецъ любитъ, чтобы у него была полная своя единоличная собственность, которую онъ можетъ продать, заложить безъ всякаго надъ нимъ надзора и отчета. Поэтому-то, несмотря на то, что законъ раздѣлы запрещаетъ, раздѣлы тутъ совершаются сплошь и рядомъ, въ обходъ этого закона, нотаріальнымъ, частнымъ порядкомъ; хозяйства отъ этихъ раздѣловъ все мельчаютъ: тамъ, гдѣ раньше

приходилось на ревизскую душу 4 съ половиной десятины, теперь приходится двѣ и меньше.

Затѣмъ, когда заработковъ другихъ нѣтъ, такъ мелкіе хозяева не могутъ удержаться на своемъ участкѣ и продаютъ свою землю, становясь безземельными батраками, а земля скопляется въ рукахъ хозяевъ богатыхъ и малосемейныхъ. Теперь уже изъ всѣхъ крестьянъ четверть безземельныхъ хозяевъ, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и половина.

Земля у многихъ еще не выкуплена, и потому, по закону, продавать ее нельзя, но крестьяне ухитрились сходить законъ: они будто не продаютъ землю, но сдаютъ ее покупщику въ долгосрочную аренду, а покупщикъ между тѣмъ выплачиваетъ выкупныя деньги, и по окончаніи аренды надѣлъ переходитъ въ его полную собственность за долгъ. Разбогатѣвши такимъ образомъ, кулакъ, „господарись“ (какъ литовцы называютъ кулаковъ), подчасъ заграбаетъ въ свои руки всѣхъ сосѣдей, и сосѣди, лишенные земли, идутъ къ кулаку въ батраки. Такой господарь тѣмъ разнится отъ русскаго деревенскаго кулака, что дѣло онъ дѣлаетъ съ одной только землей, — торговымъ и денежнымъ дѣламъ онъ не доврѣяетъ и не любитъ ими заниматься, уступаетъ это вреямъ; самъ онъ копитъ капиталъ, покупаетъ вѣрные процентныя бумаги, а

Рис. 166. Молодуха съ ребенкомъ (Тульской г.).

при случаѣ покупаетъ землю отъ помещиковъ и крестьянъ.

Раздѣлы приносятъ еще другой тяжелый вредъ литовцамъ — разводятъ среди нихъ страсть къ спорамъ и судебнымъ тяжбамъ, разстраиваютъ семьи, порождаютъ зависть и вражду между родными.

Причину для судебной тяжбы всегда найти нетрудно по той причинѣ, что литовцы мало понимаютъ русскіе законы. Дѣло въ томъ, что литовцы долгое время жили подъ опекой помещиковъ, которые, согласно польскимъ законамъ, сами рѣшали самовластно всякіе споры своихъ

Рис. 167. Великоорусская крестьянская изба.

крестьян, а потому у крестьян, завивших во всем от самоволия помѣщиковъ, никакихъ точныхъ обычаевъ на эти случаи не сложилось. Теперь же они подлежатъ общимъ русскимъ законамъ, которые для нихъ во многомъ и непривычны и непонятны. Напримѣръ, имъ непривыченъ законъ, что надѣлъ принадлежитъ всей семьѣ, а не главѣ семьи, который самъ не можетъ самовольно распоряжаться землею; непривыченъ и законъ, что земля не должна быть ни дѣ-

Рис. 168. Крестьяне Рязанской губернии.

лима, ни продаваема раньше выкупа. Литовцы, наоборотъ, привыкли смотрѣть на землю, какъ на движимое имущество, съ которымъ можно продѣлывать всякіе обороты, какъ это и дѣлалъ съ землею владѣвшій ими раньше помѣщикъ. Они полагаютъ, что землю можно дѣлить, продавать, закладывать, мѣнять и прочее; поэтому у нихъ и заводится множество незаконныхъ сделокъ съ землею. Отецъ удаляетъ нелюбимаго сына съ земли, старшій братъ

обижаетъ младшихъ, дѣлятся невыкупленной землей, надѣлъ переходитъ ко вдовѣ, и та его продаетъ, или же надѣлъ передается дочери и переходитъ въ семью зятя,—и путаница бываетъ тутъ невообразимая.

Часто тяжба изъ-за земли кончается въ волостномъ судѣ,—свои люди поймутъ и разсудятъ все какъ слѣдуетъ. Но если дѣло перейдетъ въ мировой или окружный судъ—новая бѣда. Судъ дѣйствуетъ на основаніи законовъ, для литовца не-

понятныхъ, и у литовца является недоверіе въ суду, подозрѣвается подкупъ, пристрастие, личная злоба; литовецъ недоволенъ и переноситъ дѣло въ другое судебное мѣсто, тратится на расходы, разоряется и окончательно проигрываетъ...

Только волостные суды удовлетворяютъ литовцевъ, хотя и рѣшаютъ иногда вопреки общепринятымъ законамъ. Волостные суды въ грязныхъ и корыстныхъ

семейныхъ спорахъ принимаютъ сторону обиженныхъ вдовъ и сиротъ.

Нерѣдко дѣло обходится и совсѣмъ безъ суда; такъ, въ Трокскомъ уездѣ въ

Рис. 169. Крестьянка Рязанской губернии.

случаяхъ неважныхъ, напримѣръ, въ случаяхъ потравы, простой ссоры и прочаго, дѣло разсматриваютъ двое изъ сосѣдъ-стариковъ или, вообще, два уважаемыхъ человѣка подъ предѣлательствомъ старосты или другого вліятельнаго лица. Хорошіе хозяева и люди смиренные предпочитаютъ такой судъ всякимъ другимъ; и времени тратится меньше и стоитъ дешевле.

Иногда сосѣдскіе споры разрѣшаютъ по иному способу. Обѣ стороны собираютъ своихъ родственниковъ и вступаютъ въ драку. Побѣдившіе нападаютъ на домъ противника и портятъ и уничтожаютъ тамъ все, что попадаетъ подъ руку, и вдобавокъ еще сѣкутъ побѣжденныхъ крыжовникомъ. Этотъ обычай остался съ давно минувшихъ лѣтъ, когда всѣ споры разрѣшались силой.

Сообща владѣли землей и пользовались крестьяне только тогда, когда ужъ что-нибудь невозможно подѣлить.

Въ Догайцишкахъ, гдѣ я жилъ, былъ большой лугъ надъ рѣчкой; лугъ былъ

такой болотистый, что ходить по немъ было опасно; лугъ этотъ косила вся деревня сообща, и сѣно, сложенное въ стоги на жердяхъ, оставалось тутъ же до зимы, и тогда дѣлили и свозили на саниахъ.

Чаще всего крестьяне трудятся сообща на „толокѣ“: когда какой-нибудь крестьянинъ побогаче, или священникъ, или помѣщикъ живетъ въ мирѣ съ сосѣдями и случается у него сѣшная и большая работа, напримѣръ, жнитво, когда работниковъ достать нельзя, или свозка бревенъ изъ лѣсу на постройки и тому подобное, тогда онъ созываетъ сосѣдъ-крестьянъ на толоку, въ гости на работу. Обыкновенно не отказывается никто, идутъ всей деревней, и большой и малый, работаютъ быстро и весело, въ одинъ день кончаютъ если не всю работу, то добрую половину ея. Хозяинъ зато обязанъ угостить гостей волю: онъ рубитъ барана, свинью, ставитъ много водки, пива; пища полагается три раза въ день по два мясныхъ блюда, да еще на за-

Рис. 170. Деревенскія кумушки (средняя полосу Россіи).

куску творогу и сыру. По окончанія работы хозяинъ долженъ благодарить всѣхъ за сосѣдскую помощь.

Литовецъ не отказывается помочь сосѣду въ нуждѣ или несчастьѣ, только врагу и обидчику не поможетъ; литовецъ жалостливъ, но на зло памятливъ: какой-нибудь живодеръ, все равно — какое бы положеніе онъ ни занималъ — попусту будетъ просить помощи у сосѣдей, — някто пальцемъ не тронетъ. Даже погорѣльцу такому, — и то всѣ откажутъ, хотя къ погорѣльцамъ литовцы особенно сострадательны. Большинство бродягъ и нищихъ выдаютъ себя за погорѣльцевъ, зная, что этимъ скорѣе всего разжалобятъ крестьянина.

Вообще, нищимъ живется хорошо на Литвѣ и ихъ чрезвычайно много. Многие праздники и богомолья для нихъ настоящая жатва: тогда жалюютъ ихъ и дѣлаютъ еще имъ добро, потому что вѣрятъ, что ихъ молитвы Богу угодны, заказываютъ нищимъ молитвы на помянъ души усопшихъ, за здоровье семьи, за здоровье скотины.

У литовцевъ есть обычай ходить хоть разъ въ годъ въ Кальварію. Около Вильны, въ гористой мѣстности, проведена въ лѣсу цѣлая сѣть тропинокъ, и по нимъ въ разныхъ мѣстахъ построено до 40 часовенъ; въ каждой такой крошечной часовенкѣ на стѣнѣ нарисована картина,

и на ней представленъ какой-нибудь случай изъ жизни Спасителя, начиная съ послѣдней вечера и кончая распятіемъ Христовымъ. Это-то и называется Кальваріей. Толпа народа съ проводникомъ ходитъ отъ одной часовенки къ другой, поклоняется образамъ, поетъ духовныя пѣсни и повторяетъ слова молитвы, читаемая громко проводникомъ. Сюда стекаются тысячи нищихъ на все лѣто и располагаются по краямъ дорожекъ, выставляя напоказъ свои язвы и уродства, Богомольцевъ въ началѣ лѣта, когда полевыхъ работъ мало, проходитъ по нѣсколькимъ тысячамъ ежедневно. Набожный литовецъ, когда вспоминаетъ о мукахъ Христовыхъ, то дѣлается чрезвычайно сострадательнымъ, раздастъ нищимъ все, что имѣетъ: хлѣбъ, мясо, кашу, деньги. Онъ хотѣлъ бы надѣлать всѣхъ, но средствъ не хватаетъ; тогда литовецъ покупаетъ нѣсколько связокъ баранокъ и раздастъ всѣмъ нищимъ по одной баранкѣ, такъ что у нихъ къ вечеру скопится куча баранокъ; они нанизываютъ ихъ и продаютъ продавцу, который баранки продаетъ опять богомольцамъ, и такъ далѣе...

Нище за лѣто собираютъ въ Кальваріи рублей по 100 и больше, да еще нѣсколько свиной откармливаютъ собраннымъ хлѣбомъ.

По Волгѣ отъ Твери.

(Изъ очерк. А. Субботина.)

Набережная Твери съ ея своеобразными двухэтажными домами, съ воротами посреди, нѣсколько напоминающими древніе укрѣпленные дворы, зеленый ровный скатъ къ рѣкѣ Тверцѣ съ Отрочъ-монастыремъ, Затверѣчье съ его шестью ярко бляющими церквами — все это оставляетъ пріятный слѣдъ въ душѣ путника, отплывающаго внизъ.

Несмотря на раннее утро, собралось не мало любопытныхъ горожанъ посмо-

треть на отплытіе парохода, на новыхъ лицъ, на скатываніе багажа по гладкому деревянному лотку. По длинной лѣстницѣ — берегъ имѣетъ $5\frac{1}{2}$ саж. высоты — спускаемся на „конторку“ и послѣ неизбѣжной суетни вступаемъ на свѣтло-оранжевый самолетскій пароходъ „Наяду“. Въ девять часовъ утра, послѣ положенныхъ по регламенту свистковъ, „Найда“ плавно и безшумно двинулась на средину рѣки, граціозно повернулась носомъ впе-

редъ, тихо подошла къ наплавному мосту, одно изъ звеньевъ котораго было отведено въ сторону, осторожно прошла въ образовавшійся проходъ, потомъ дала „полный ходъ“, и колеса завертѣлись. Ихъ ритмическій шумъ успокоительно дѣйствуетъ на нервы, уже заранѣе настроенные на воспріятіе мирныхъ впечатлѣній.

Пароходъ нашъ несется впередъ со скоростью 15 верстъ въ часъ, затрудненій со стороны мелей не предвидится, ибо только за два дня спущенъ бейшлотъ, и мы пользуемся кстади лишнею глубиной въ 5 вершковъ. Mimo то и дѣло мелькаютъ деревушки и небольшие селенія съ бѣлыми церквами самой русской архитектуры съ двухъ- и трехъ-ярусными куполами, съ шатровыми колоколенками. Все картины самыя національныя: невысокіе берега, перелѣски, — словомъ, старинная Русь, не тронутая фабричной цивилизаціей. Съ трапа можно наблюдать полевая работы.

Волга здѣсь шириною 100 — 150 сажень, длина ея 1 — 2 версты, но пока самая рѣка меньше привлекаетъ взоръ, чѣмъ берега. Состоятъ они большею частью изъ песчаного суглинка, кое-гдѣ попадаются валуны, а въ руслѣ каменные гряды, которая теперь, впрочемъ, безопасна, особенно при искусствѣ рулевыхъ, изучившихъ Волгу, какъ свою комнату.

Берега этого плеса не имѣютъ той величавой красоты, какъ нагорный берегъ

нижняго плеса, не плѣниютъ взора руинами, скалами, замками и вллами, зато привлекаютъ русское сердце идиллической простотой, сельскими картинами и оживленіемъ. Пустырей почти не замѣтно, нѣтъ ни одного мѣста, съ котораго не было бы видно хотя одной церкви. Флора по берегамъ богаче, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ губерніи: попадаются даже величественные осокори, раскидистыя, стройныя березы; они сопровождаютъ Волгу на большемъ протяженіи, до самаго низовья. Эта оживленность береговъ представляетъ нѣкоторый контрастъ съ пустышностью самой рѣки, на которой рѣдко встрѣчаются небольшія барки и буксирные пароходы; это объясняется тѣмъ, что транзитное судоходство по верхнему плесу, прежде довольно значительное, теперь прекратилось, ибо главная масса грузовъ поворачиваетъ отъ Рыбинска по Маринской системѣ, а также по желѣзнодорожъ; за Вышневолоцкой же системой остается значеніе только мѣстнаго пути, такъ же, какъ и за верхнюю частью Волги, которая служитъ, главнымъ образомъ, для снабженія Тверской губерніи хлѣбомъ, солью, рыбой и керосиномъ; свержу идетъ много лѣса, который сплавляется и за Рыбинскъ.

На пароходѣ у насъ преобладаетъ рабочій людъ. Того торговаго элемента, какой суетъ на нижней Волгѣ, здѣсь гораздо меньше. Притомъ же на пути

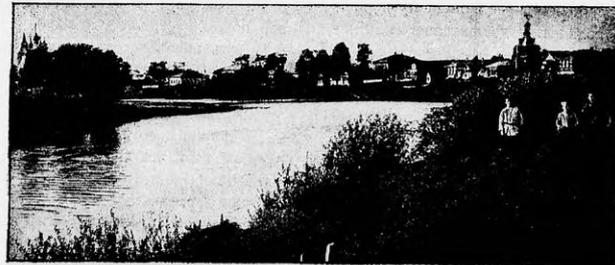

Рис. 171. Иконописное село Холуй, Владимирской губерніи.

Рис. 172. Ученики за уроком иконописи.

нѣтъ крупныхъ складовъ и торговыхъ пунктовъ, почти нѣтъ фабрикъ и заводовъ; раскинувшіяся на пригоркахъ деревни населены мужичками-землеярами и кустарями.

Первая за Тверью пристань у села Единовова, извѣстнаго у насъ по существовавшей здѣсь нѣкогда Верещагинской школѣ молочнаго хозяйства. Пароходъ дѣлаетъ протяжные свистки и поворачиваетъ къ красивой селу; на берегу толпится народъ съ преобладающимъ краснымъ цвѣтомъ въ одеждѣ.

Единовокине крестьяне получаютъ не мало подсобнаго заработка отъ молока, доставляемаго ими на артельные сыроварни. Здѣсь изъ приносимаго сыра разныхъ сортовъ. Сыры хранятся въ погребахъ, и по мѣрѣ продажи деньги распределяются между крестьянами пропорціонально количеству доставленнаго ими молока.

Въ сыроварнѣ два отдѣленія; въ одномъ сквашивается молоко съ помощью телячьяго сѣчуга, въ другомъ идетъ пресовка. Для анализова при школѣ имѣлась интересная кефирная мастерская: кефирные грибки кладутся въ сосудъ съ цѣльнымъ молокомъ, въ которомъ черезъ полутора сутокъ получается готовый кефиръ, грибки же высушиваются и вновь идутъ въ дѣло. Хлѣбъ наглядно превращается въ молочный продуктъ: по-

купаются тощія коровы „тасканской породы“, т.-е. такія, которыхъ надо вытаскивать изъ хлѣва, подкармливаются хлѣбомъ и начинаютъ давать такое количество молока, какое можетъ изумить даже голландскаго фермера. Сбытъ продуктовъ идетъ успешно. Экономическое положеніе мѣстныхъ крестьянъ возросло, и смертность въ Единовоѣ и его районѣ уменьшилась, именно благодаря хорошему экономическому влиянію сыроваренъ.

Новліяніе школы сказалось дальше: благодаря ей, сыроварни распространились не только въ Тверской, но и въ сосѣднихъ губерніяхъ какъ у помѣщиковъ, такъ и у крестьянъ. Больше всего привилась эта отрасль въ Весьегонскомъ уѣздѣ. Школа устроила еще два отдѣленія въ сосѣднихъ селахъ; за все время существованія она выпустила болѣе 300 специалистовъ молочнаго хозяйства обоюдопола, которые разнесли свои знания на большое пространство, при чемъ прежніе сыровары-иностранны совершенно исчезли. Продукты двумъ путямъ — водой по Волгѣ вверхъ и внизъ, а также по Николаевской желѣзной дорогѣ черезъ станцію Завидово, до которой отсюда всего 16 верстѣ. Обезпеченный сбытъ молока даетъ крестьянамъ возможность держать больше скота, а стало-быть, имѣть больше навоза, такъ необходимаго для здѣшней почвы.

Черезъ шесть часовъ плаванія въ 88 верстахъ отъ Твери передъ глазами путника появляется самый мизерный изъ 11 уѣздныхъ городовъ губерніи—Корчева.

Поднявшись во время стоянки парохода на гору, мы увидѣли сонная тихія улицы, поросшія травой и обстроенныя сѣрыми деревянными домиками. Отъ нихъ иѣтъ невозмутимымъ миромъ и тишиной. Видъ Корчевы порождаетъ въ выравненномъ сюда петербургскомъ обывателѣ невольное желаніе уйти на время отъ

столичной суетою и суеты; ему представляется очень заманчивымъ пожить нѣсколько дней въ такомъ уѣздномъ городѣ, гдѣ въ 8 часовъ запираютъ ворота и спускаютъ собакъ, гдѣ въ 7 часовъ утра босоногая служанка выбѣгаетъ растворять ставни, при чемъ въ окна показываются заспанная физиономія, какъ бы надѣясь увидѣть что-нибудь новое; но на улицѣ все тѣ же картины, какія были, вѣроятно, 500 лѣтъ назадъ: такъ же спокойно бродятъ козы, свиньи и другія четвероногія существа, любознательно озирающія рѣдкихъ прохожихъ и не всегда уступающія имъ дорогу.

Еще 40 верстѣ—и мы подплываемъ къ знаменитому селу Кирмѣ, которое, какъ извѣстно, въ 1812 г. обувало всю русскую армію. Кирма расположена на возвышенномъ лѣвомъ берегу и выглядитъ значительно внушительнѣе своего уѣзднаго города Корчевы. Отъ пристани идетъ въ гору мощный вѣздъ. На горѣ виднѣтся массивный пятиглавый Покровскій соборъ желтаго цвѣта и рядомъ Троицкая богатая церковь. Оба храма подавляютъ своимъ величьемъ и могутъ смѣло служить украшеніемъ не только любого губернскаго города, но даже столицы: многорукие иконостасы украшены богатой позолотой, въ оградѣ не одинъ десятокъ богатыхъ мраморныхъ памятниковъ здѣшнихъ именитыхъ людей. Рядомъ большая мощная площадь съ каменными рядами и многочисленными лавками, тутъ же гостиница и пожарная часть съ высокою каланчой. Отъ вѣзда поперекъ села идетъ главная улица, которая, какъ и

боковыя къ ней улицы, вымощена и обстроена приличными домами. Жителей болѣе 6 тысячъ. Кирма превосходитъ также нѣкоторые уѣздные города своей губерніи.

Малое плодородіе почвы, близость центральныхъ рынковъ, удобный водной путь, дешевой подвозъ кожъ снизу,— все способствовало насажденію чеботарнаго дѣла, которое развилось здѣсь за послѣднее столѣтіе.

Всего Кирма живетъ немного больше 200 лѣтъ. Въ особенности прочно установился кустарный сапожный промыселъ въ XIX вѣкѣ, когда, благодаря большимъ войнамъ, киряки стали получать заказы на солдатские сапоги. Войны 1812 г., венгерская, крымская, послѣдняя турецкая способствовали оживленію здѣшнихъ дѣлъ.

Работа тогда кипѣла, и сапоги пеклись для казны, какъ блины, да и выходили она немного прочнѣе блиновъ. Есть официальная свѣдѣтельства о такихъ оригинальныхъ сапогахъ, которые „разваливались на пути отъ сотрясенія вагоновъ и на телѣгахъ“, не доходя въ цѣломъ видѣ до нашихъ солдатиковъ, зачастую обматывавшихъ ноги тряпками и соломой.

Сапожный промыселъ развился въ обширномъ районѣ, обнимающемъ 35 волостей, центромъ котораго служитъ Кирма; всѣхъ мастеровъ насчитывается до 23 тысячъ. Изъ всего числа почти половина работаетъ дома, остальные въ отходѣ; число уходящихъ увеличилось въ послѣднее время вслѣдствіе уменьшенія работы на мѣстѣ.

Инеродческое население средняго Поволжья.

(Изъ очер. А. В. Труппинскаго.)

Средоточіемъ инородческаго населенія въ краѣ является Казанская губернія. Число инородцевъ здѣсь равняется одной трети всего населенія области. Самымъ многочисленнымъ нерусскимъ племенемъ въ Поволжьѣ вообще, а въ Казанской

губерніи въ частности, являются татары.

Они достигаютъ 1.200.000—1.300.000 человекъ, живутъ во всѣхъ губерніяхъ области, но главнымъ образомъ, въ Казанской, гдѣ ихъ болѣе половины об-

шаго числа татарского населения края. Татары должны быть признаны самыми красивыми из всех здешних инородцев. Сложены они хорошо: рост средний, широкие плечи, высокая грудь и толстая короткая шея обнаруживают силу, здоровье и крепость; продолговатый овал лица, пропорциональный прямой нос, умные, выразительные черные глаза с правильным разрезом и клинообразная негустая борода придают типу татарина красоту, общая гармония которой несколько нарушается слегка выдающимися скулами и толстыми губами. Татарки красивы собою также не рѣдко, но, кь сожалѣнію, многія изъ нихъ портятъ свою красоту: густо намазываютъ лица бѣлилами и румянами, сурмятъ брови и рѣсницы, чернятъ зубы и красятъ ногти.

Одежда татаръ чисто восточная. Теплая страна, откуда пришли татары, не позволяла носить тѣснаго платья, поэтому все на татаринѣ и на татаркѣ свободно, широко и своеобразно.

Что касается до жилищъ, то они напоминаютъ собою случайно разбросанный таборъ. Нѣтъ никакой правильности въ размѣщеніи построекъ. Улицы кривыя, косыя, дома не выходятъ на улицу, а прячутся, по восточному обычаю, во дворѣ околом забора вмѣстѣ съ другими домашними постройками.

Пища татаръ несравненно лучше, чѣмъ у русскихъ. У послѣднихъ въ массѣ население мясо появляется по большаимъ праздникамъ, тогда какъ за татарскимъ столомъ не рѣдко встрѣтитъ баранину, козлятину и рѣже конину. Свиное мясо запрещается ихъ религіей, кораномъ. Вино тоже запрещенный плодъ; воздержаніе отъ вина благоприятно отзывается на народномъ благосостояніи, хотя татары далеко не безукоризненно выполняютъ эту статью своего закона.

Въ своихъ занятіяхъ татары рѣзко отличаются и отъ русскихъ и отъ другихъ инородцевъ. Всѣ они совершенно

чужды хлѣбопашеству и охотно уступаютъ эту работу чувашамъ или русскимъ. Они сдаютъ землю въ аренду, исполу, за снопъ, то-есть русский пахнетъ, съѣтъ, убираетъ, молотитъ хлѣбъ, а татаринъ является только кь раздѣлу. Но зато, пренебрегая земледѣліемъ, татаринъ всю душу свою отдаетъ торговлѣ. Достаточно татарину сколотить нѣсколько рублей, и ужъ онъ бросается въ торговлю. Покупаетъ, продаетъ, мѣняетъ, занимается извозомъ, пчеловодствомъ, содержаніемъ постоянныхъ дворовъ, нанимается въ приказчики, половые и такъ далѣе. На волжскихъ пристаняхъ въ нѣрѣдко встрѣтите татарина въ качествѣ грузчика, носильщика, гребца-перевозчика. Занимаясь этой далеко не легкой работой, онъ обнаруживаетъ большую ловкость, честность въ исполненіи работы и громадную физическую силу; его стальной позвонокъ выдерживаетъ кули до 15—18 пудовъ вѣсомъ. На ряду съ татарами, надрывающимися надъ работой, въ Казани насчитывается не мало татаръ, состояніе которыхъ доходитъ до миллионнвъ. А чѣмъ богаче татаринъ, тѣмъ больше у него женъ и тѣмъ старательнѣе скрываетъ онъ ихъ отъ нескромныхъ постороннихъ взоровъ. Не только чужіе, но даже ближайшіе родственники не должны видѣть ихъ лица.

Татары исповѣдуютъ религію Магомета. Общественныя моленія происходятъ въ мечетяхъ. О будущей жизни понятія магометанъ таковы: они вѣрятъ въ такъ называемый намогильный судъ, совершенный ангелами въ ту самую минуту, когда трупъ опускается въ могилу. Этотъ судъ очень похожъ на еврейскій. У праведнаго душа отдѣляется отъ тѣла легко, у грѣшнаго же она выбирается съ трудомъ и конвульсіями. Еще до страшнаго суда души павшихъ вновь живутъ въ раю, прочіе скитаются надъ могилами, какъ духи, являясь живымъ во снѣ, вслѣдствіе чего татары дѣлаютъ по усопшимъ частыя поминки. Въ день погребенія родные не

употребляютъ ни пищи, ни питья. По прошествіи трехъ дней мулла, знакомые и родственники приглашаются на обѣдъ. То же бываетъ на 7, 40-й день и черезъ годъ. Поминанія состоятъ въ томъ, что мулла ежедневно и даже по нѣсколькоруавъ въ день читаетъ на дому коранъ, къ продолжается шесть недѣль, такъ же, какъ и раздача милостыни.

Благодаря магометанской религіи, у татаръ есть письменность, вслѣдствіе чего татары стали по своему развитію выше всехъ прочихъ инородцевъ. Обучаютъ у татаръ муллы и ихъ жены. Они учатъ дѣтей не только въ городахъ, но и въ селеніяхъ. Начальное образованіе достаточно распространено между татарами: мало найдется даже женщинъ, которыя бы не умѣли читать и писать по-татарски.

Но если татары производятъ благоприятное впечатлѣніе своимъ развитіемъ, трезвостью, честностью и другими хорошими качествами, то нельзя того же сказать о чувашахъ. Умъ чувашина находится въ первобытномъ состояніи. Чуваша охотно учатся и довольно воспримчивы къ усвоенію знаній, но до сихъ поръ еще очень мало развиты. Серьезнымъ недостаткомъ чувашъ является большая склонность къ пьянству. Вѣщность чувашина не привлекательна. Ростъ небольшой, тѣлосложение слабое, походка тяжелая, съ переваливаніемъ, лица блѣдныя, видъ апатичный. Отличительныя черты—выдающіяся скулы, узкій разрезъ глазъ, низкій покатыя лобъ, смуглый цвѣтъ кожи, каріе и черные глаза и темнорусые волосы. Женщины еще болѣе некрасивы: тѣлосложениемъ онѣ похожи на мужчинъ, а узкій разрезъ глазъ, выдающіяся скулы и неуклюжая походка у нихъ еще болѣе рѣзко выражены (рис. 173). Главнымъ занятіемъ, въ противоположность татарамъ, служитъ земледѣліе. Способъ пользования землею общинный, но передѣлы бываютъ рѣдко. Второстепенныя занятія—пчеловодство, охота, извозъ, бурлачество и нѣкоторые кустар-

ные промыслы: плетение рогожъ, кулей, лаптей, изготовленіе тельгъ, саней, гнутой мебели и др. Языкъ чуваша сходенъ съ татарскимъ. Чувашскія жилища отличаются страшною нечистоплотностью. Главную и любимую пищу чувашъ въ прежнее время составляло лошадиное мясо.

Въ послѣднее время, впрочемъ, мясная пища начинаетъ уступать мѣсто мучной.

Невысокое умственное развитіе чувашъ должно было отразиться и отразилось на

Рис. 173. Чувашка.

религіозномъ мірѣ чувашина. Чувашинъ обоготворилъ силы природы и придалъ имъ полубожескія, получеловѣчскія свойства и качества. Домовые, водяные, лѣшіе, русалки нашего великорусса повторяются въ религіи казанскаго инородца только подъ другими названіями. Всѣхъ чувашъ подѣлялъ на добрыхъ (тора) и злыхъ (шайтанъ). Посредниками между двумя главными богами является цѣлый рядъ второстепенныхъ боговъ, добрыхъ и злыхъ. Къ числу добрыхъ боговъ принадлежатъ богъ свѣта и тепла, творецъ душъ, богъ солнца, богъ мѣсяца, богъ грома и молніи, богъ вѣтра, богъ, управляющій судьбой человѣка, и его помощники, надѣляющіе людей счастьемъ

или несчастьем, богатством или бѣдностью и т. д. Къ добрымъ же относятся богъ плодородія, домовый, хранитель львовъ, блюститель полей, покровитель скотнаго двора и многіе другіе. Всѣ эти боги, по представлению чувашъ, имѣютъ женъ и дѣтей. Что касается до злого бога, по представлению чувашъ, имѣютъ женъ и дѣтей. Что касается до злого бога, по представлению чувашъ, имѣютъ женъ и дѣтей. Что касается до злого бога, по представлению чувашъ, имѣютъ женъ и дѣтей.

Въ настоящее время большая часть чувашъ уже крещена (язычниковъ не болѣе 2 на 100 человекъ), но въ то же время христіанскія представленія перепутались у нихъ съ прежними языческими. Разныя качества своихъ старыхъ боговъ чуваша перенесли на христіанскихъ святыхъ. О Христѣ чувашъ имѣетъ крайне смутное представленіе: для него Никола-чудотворецъ, котораго онъ называетъ „Никола-богъ“, гораздо важнѣе Христа.

Весь кругъ знакомства съ христіанскимъ вѣроученіемъ у массы едва ли не ограничивается умѣніемъ изображать на себѣ крестное знаменіе, знаніемъ, что, по русской вѣрѣ, праздничный день—воскресенье, и что въ среду и пятницу грѣхъ вѣст скоромное. Икону чувашинъ называютъ „богомъ угла“ и представляютъ живымъ существомъ, которое находится въ сообществѣ съ священникомъ и передаетъ ему о всѣхъ отступленіяхъ чувашина стѣ православія; поэтому онъ обращиваетъ ее ликомъ къ стѣнѣ, когда намѣревается въ чемъ-либо прегрѣшить, напримѣръ, поѣсть въ постъ скоромнаго и т. п.

Кромѣ вѣры въ разныхъ боговъ, у чувашъ сохранилось еще почитаніе пред-

ковъ, которые послѣ смерти становятся высшими существами и требуютъ себѣ умилостивительныхъ жертвъ. Такая религіозная пуганица и обиліе боговъ продолжается до сихъ поръ.

Разводы у чувашъ чрезвычайно упрощены. У чувашъ для полученія развода достаточно несогласной жизни супруговъ. Какъ знакъ развода, разрываютъ на двѣ части полотенце, и одна остается у жены, а другая—у мужа. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ разводу предшествуетъ судъ стариковъ, которые устанавливаютъ условія развода, дѣлятъ имущество, дѣтей и т. п., затѣмъ ставятъ супруговъ спиною другъ къ другу, связываютъ ихъ кушачкомъ, и одинъ изъ стариковъ разрѣзаетъ его. Недовольные супруги стараются въ это время пнуть другъ друга и бѣгутъ въ рѣчку умываться. На этомъ оканчивается формальный разводъ.

Но если такъ легко добиться раздѣльной жизни въ чувашской средѣ, то этого совсѣмъ нельзя сказать о мордвахъ (174). Только въ случаѣ полигѣйшей невозможности совместной жизни рѣшаются на разводъ, хотя и здѣсь не добиваются развода въ томъ смыслѣ, какъ его понимаетъ законъ.

Мордва представляетъ рѣзкую противоположность остальнымъ инородцамъ—черемисамъ, пермякамъ, вотякамъ—своимъ крупнымъ ростомъ, плотнымъ сложениемъ, здоровымъ чистомъ лица и большимъ запасомъ силы. Пища мордвина мало отличается отъ русской. Черный хлѣбъ, пироги, блины, лепешки, оладьи, щи, кулага, каша изъ разной крупы составляютъ существенное содержаніе мордовской кухни, какъ и русской, но животную пищу мордвинъ употребляетъ чаще, чѣмъ его русскій сосѣдь. Что же касается до содержанія въ чистотѣ жилища, то неряшливость мордвы равняется, если еще не превосходитъ, неряшливости русскихъ крестьянъ. Внутреннее убранство мордовскаго жилья крайне неряшливо и неприглядно. Всею мебелью

составляютъ лавка вдоль стѣны, столъ и нары для сна. Нерѣдко полъ замѣняетъ земля, сверху убитая глиной.

Зимой въ избахъ, кромѣ людей, помѣщаются телята, ягнята, поросята, куры и т. д., въ силу чего воздухъ въ жилищахъ пропитанъ одуряющимъ запахомъ. Всюду грязь, нечистота, по щелямъ тысячи таранановъ, вездѣ висятъ паутина, и обитатели часто страдаютъ кожными и глазами болѣзнями.

Переходя къ описанію вѣрованій, мы должны прежде всего указать у мордвы вѣру въ предковъ. Умершіе члены семьи составляютъ первую группу боговъ. Въ этомъ отношеніи мордва, по видимому, раздѣляетъ воззрѣнія остальныхъ восточныхъ финновъ. Мордвинъ смотритъ на смерть, какъ на переходъ къ новому образу жизни: за гробомъ его ожидаетъ удовлетвореніе всѣхъ тѣхъ желаній, которыя оказались напрасными при его земной жизни. Пьяница на томъ свѣтѣ кушаетъ въ водкѣ, холостякъ и вдовецъ женятся на красавицахъ, старая дѣва выходитъ замужъ; мордвинъ въ „елсейскихъ поляхъ“ вдоволь надѣленъ землею, торгуется, барышничаетъ и т. п.

Въ гробъ покойнику клали водки опохмелиться на томъ свѣтѣ и подкупить старшихъ покойниковъ, клали денегъ на покупку земли, топоръ; дѣвушка—перстеня, а ребенокъ—чашку, ложку и орѣшки изъ пшеничной муки. Въ могилу бросали съѣстного, чтобы задобрить родичей, умершихъ раньше.

Всѣ невзгоды—болѣзни, безплодіе, моръ на скотину—мордва приписываетъ гнѣву родичей за непочтеніе и сѣбятъ ихъ

умилостивить при соблюденіи цѣлаго ряда обрядовъ, изъ которыхъ очень многіе сохранились и до настоящаго времени.

Такимъ образомъ предки являлись первыми и самыми близкими къ мордвѣ сверхъестественными существами. За ними слѣдовалъ обширный мѣръ подобныхъ имъ боговъ. Здѣсь были духи, власть которыхъ строго разграничивалась. Одни владѣли мордвиномъ въ его жилищахъ, другіе начинали имѣть къ нему отноше-

Рис. 174. Мордва.

ніе только по выходѣ изъ двора. Къ нимъ относился мать гумна, хозяйка овина, хранительница хлѣбовъ и даже хозяйка бани.

Кромѣ нихъ, были извѣстны хранители пчелиниковъ, бревенъ, сохъ, лубковъ, воздѣланныхъ полей и т. д.

За ними слѣдовали духи стѣнъ и явленій природы—боги и богини ручьевъ, колодезь и озеръ.

Были особые боги луны, огня, глѣсовъ, вѣтра, грома, молніи, а во главѣ всего мірозданія стоялъ богъ солнца.

Всѣ эти боги, по вѣрованію мордвы, были челоукообразны, тѣлесны, смертны, имѣли полъ, плодильны и множились какъ люди, вступали въ браки даже съ

земными женщинами и отдавали за людей своих дочерей.

Таким образом, как мы видели, предметом поклонения для мордвы являлись боги, которые царили над всем миром и в руках которых были сосредоточены свѣтъ, тепло, дождь, громъ, молнія, которые могли дать или не дать урожай, приплодъ скота, дѣтей. Средствомъ, при помощи котораго можно было подкупить бога въ свою пользу, была жертва, но приносить ихъ могли только особые избранники, родъ шамановъ. Теперь послѣдніе уже не въ такой чести, и вся ихъ дѣятельность ограничивается знахарствомъ и лѣченіемъ болѣзней.

Вообще, мордвъ, охваченной великорусскимъ племенемъ, не удалось сохранить во всей чистотѣ свои религиозныя вѣрованія. Правда, часть своихъ обрядовъ она сообщила русскому населению,

Рис. 175. Мордовка.

но зато, въ свою очередь, и сама много восприняла отъ него.

Обращенная въ XVIII вѣкѣ въ христианство почти насильственнымъ образомъ, мордва на самомъ дѣлѣ долго оставалась языческой, долго сопротивлялась, не хотѣла носить крестовъ, была миссионеровъ, бунтовала, но, частью уступая силѣ, частью привлекаемая разными материальными выгодами и льготами, вынуждена была смириться. Старая вѣра начала понемногу уступать новой; христианскіе обряды стали сливаться съ языческими молианиями, христианскіе святые—съ языческими богами. Такъ, Николая-чудотворца мордва приравнивала къ Мастырпасу (богу плодородія); Иоаннъ Креститель сливался съ Нишка-пасомъ, съ богомъ неба, солнца, свѣта, тепла и т. д.

Семейный бытъ мордвы въ прежнее время отличался многотягольностью, т.-е. средоточіемъ нѣсколькихъ тяголь около одного двора. Въ многотягольной семьѣ бывааетъ обыкновенно одинъ голова, старикъ или хозяинъ. Онъ распоряжается имуществомъ семьи. Если кто-нибудь изъ членовъ семьи провинится, то глава семьи въ правѣ „проучить“ его, а иногда можетъ прибѣгнуть даже къ розгамъ. И вотъ, сознавая всю выгоду жизни въ большой общей семьѣ, молодежи, тѣмъ не менѣе, стремятся къ обособленію, къ выдѣлу и выходу изъ-подъ власти хозяйна. Теченіе это началось, постепенно оно быстро усиливается, и надо думать, что недалеко то время, когда желаніе жить независимо и за собственный счетъ покончить съ многотягольностью и создать самостоятельность каждого отдѣльнаго надѣла, каждой отдѣльной семьи.

Обыкновенно внутри семьи замѣчаются хорошія отношенія, такъ какъ мордовская молодежь вступаетъ въ бракъ въ большинствѣ случаевъ по обоюдному согласію, а иногда даже и по взаимному влеченію. Благодаря добровольному вступленію въ бракъ, положеніе мордовской женщины въ семьѣ можно считать хоро-

шимъ (рис. 175). Она пользуется большимъ уваженіемъ, отношенія между мужемъ и женою отличаются сердечностью, и мужъ совѣтуется съ женою во всѣхъ важныхъ вопросахъ.

Что касается формы совершенія брака, то она является очень сложной, и всѣ

Черемисы (рис. 176).

(Изъ путешествія замѣтокъ этнографа).

Черемисское племя выросло, воспиталось среди лѣсовъ и теперь еще любить лѣса, а такъ какъ ихъ много вырублено, то черемисы разводять деревья на своемъ дворѣ, на улицѣ. Кудрявая береза, калина—любимца черемиса; его домашняя зелень обнесена крѣпкимъ плетнемъ. Передъ березой черемисъ благоговѣтъ изстари; она его освѣщаетъ, согрѣваетъ ея бѣлая кора украшаетъ крыши его домовъ, служить домашнею посудой, утварью; изъ ея бересты его лѣбды и прадѣды носили высокія шапки, въ видѣ буркавовъ.

Черемисъ,—земледѣлецъ ли, скотоводъ, пчеловодъ,—лѣсникъ; лѣсъ его святылице, тамъ всѣ его боги—Керемети, тамъ его моленья. Вся природа олицетворена имъ въ видѣ разныхъ боговъ: Кереметей, Вадшайей, съ главою ихъ Юмой. Въ понятіяхъ черемиса-язычника и злые и добрые боги могутъ быть полезны, если давать имъ питье, ѣду, коней, коровъ, овецъ, потому что его боги живутъ тѣмъ же потребностями, какими живетъ и онъ. Въ послѣднее время разнымъ богамъ своимъ черемисъ приноситъ жертвы изъ тѣста въ видѣ коней, овецъ, коровъ, взаменъ настоящихъ, и бросаетъ ихъ по клочкамъ на священнѣхъ мѣстахъ частныхъ и общихъ моленій. Народъ этотъ крайне расчетливый, не увлекательный, у него нѣтъ гнѣвъ, гдѣ бы изливалось его чувство. Весель ли черемисъ, печалень ли, пляшетъ ли, или плачетъ, его душа откликается въ одинаково тоскливомъ, тягучемъ: „а-а-а, о-о-о“, безъ вся-

обряды и обычая, сопровождающіе свадьбу, проникнуты воспоминаніями о совершавшемся прежде насиліи, объ увозѣ женихомъ невѣсты. Какъ пережитокъ старины, мокшанская вѣтва мордвы знаетъ до сихъ поръ браки увозомъ, самокрутки.

кихъ словъ. Вотъ молитвы черемиса-язычника при его жертвоприношеніи Керемету; онъ ясно обрисовываетъ бытъ, понятія и религиозныя чувствованія черемиса:

„Кто Богу принесетъ жертву, тому спасенія дай: въ хлѣбѣ, пчелахъ, скотахъ, а въ деньгахъ счастье дай. Чтобы

Рис. 176. Черемисы (Казанской г.).

пчелы въ новый годъ рой пускали, а когда рой пустятъ, то и въ меду спорыню дай. Птиць и звѣрей ловить счастье дай. Дай Богъ счастья взять тройную цѣну за товаръ. Всѣ сокровища, какія есть на землѣ и во всемъ свѣтѣ, получить счастье дай. Какъ хмель пущать и полонъ, такъ мнѣ жить ума и счастья дай. Какъ свѣча горитъ свѣтло.

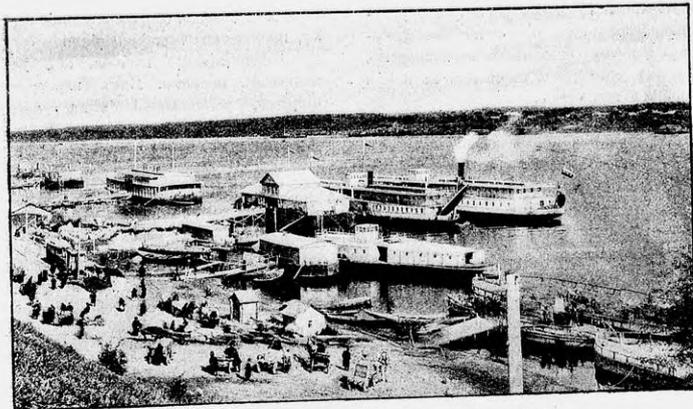

Рис. 177. Общий вид пристани в Ярославль на Волгѣ.

такъ меня жить сподоби и счастьемъ награди. Какъ воскъ ровно садится, такъ мнѣ постоянно жить счастье даруй. Дай намъ обиліе во всемъ, веселіе и радость, чтобы намъ жить въ роскоши, играть и хохотать».

Все это вычитывается черемисами въ какомъ-нибудь священномъ для нихъ

лѣсѣ, стоя на колѣняхъ, въ чистыхъ бѣлыхъ одеждахъ, обшитыхъ красною оторочкой. Старикъ-мужанъ въ это время, стоя у временно поставленнаго стола, въ бѣломъ длинномъ балахонѣ и высокой берестовой шапкѣ, кадитъ зажженною головней. Онъ приноситъ тутъ же въ жертву лошадь, барана, корову,—со сло-

Рис. 178. Волга. Г. Кинешма.

вами: „прими любезно“, разбрасываетъ кусочки мяса, пошнему отъ каждаго члена животнаго. Молящиеся отщипываютъ кусочки отъ принесенныхъ домашнихъ лепешекъ изъ тѣста и, бросая по сторонамъ, тоже приговариваютъ: „прими любезно“, отливаютъ немного на землю пива, сычсенаго меду для питья богамъ. Шкуры жертвенныхъ животныхъ вѣшаютъ на дерево. Моленіе окончено, и черемисы спокойно расходятся. Такъ черемисы молятся въ маѣ, іонѣ и позднее осенью.

Родится въ семьѣ черемиса ребенокъ, приглашается тотъ же старикъ-мужанъ (онъ же ворожникъ). Опять на немъ бѣлый балахонъ и высокая берестовая

Рис. 179. Черемиски—замужняя и дѣвушка (Каз. г.).

всякій старый человекъ.

Ворожникъ играетъ главную роль и на черемисскихъ свадьбахъ; онъ соединяетъ

шапка; онъ высѣкаетъ надъ младенцемъ искру за искрой огнивомъ изъ кремня, приговаривая различныя общеупотребительныя имена: при которомъ имени загорится трутъ, положенный на кремень, то имя и нарекаютъ. Если нѣтъ подъ руками труга, огнива, кремня, то мужанъ беретъ плачущаго младенца на руки, качая его, перебираетъ имена до тѣхъ поръ, пока онъ не перестанетъ плакать; послѣднее имя, произнесенное передъ этимъ ворожникомъ, и дается дитяти.

Нѣтъ ворожника, это можетъ сдѣлать

Рис. 180. Нижний-Новгородъ. Сліяніе Оки съ Волгой.

рука съ рукой брачущихся, прося Юму надѣлать ихъ всякимъ благополучіемъ, при чемъ приносятся въ жертву богамъ частички жареной курицы, молочной яичницы и отливается пиво. Все это подбрасывается трижды вверхъ къ потолку; если же моленіе совершается на дворѣ—на крышу клѣти. И всѣ предстоящіе возглашаютъ: „Юма, самый старшій Юма, сохрани и благополучіе подай; дай богатство, дай семь сыновей и семь дочерей; сколько въ полотенцѣ нитокъ, сколько въ лѣсу листьевъ, столько лѣтъ дай имъ жить, играть и смѣяться“.

Рис. 181. Нижний-Новгородъ съ Волги.

Затѣмъ молодые сажаютъ подъ священную кудрявую березу, и идетъ пиръ; пиръ начинается тѣмъ, что молодые отвѣдываютъ одну общую лепешку въ знакъ своего союза. Тутъ отецъ молодой даетъ своей дочери трость-хранительницу—березовую палку. Остатокъ лепешки и трость уносятъ въ шалаши на дворѣ, гдѣ палка втыкается въ землю. Въ этой шалашевой керемети черезъ нѣсколько дней молодая приноситъ жертву родительскимъ богамъ: одного багана, двухъ утокъ, прянники изъ тѣста: коровъ, быковъ, лошадей, зайцевъ, утокъ и прочее.

Черемисы вѣрятъ въ безсмертіе духа и будущую жизнь рисуютъ себѣ такой же, какъ и на землѣ, съ тѣми же потребностями, съ какими они заснули вѣчнымъ сномъ. Покойника одѣваютъ въ полный черемисскій костюмъ, даже рукавицы на рукахъ и въ карманѣ кошелекъ съ деньгами, чтобы было чѣмъ откупиться, въ пазухѣ сдобныя лепешки, съ боковъ склянки съ пивомъ и разныя вещи домашняго обихода: кнутъ, холстъ на рубаху, заплетенный лапотъ съ лыками и кочедыкомъ и прочее. Это для того, чтобы онъ ни въ чемъ не нуждался и

не приходилъ опять на землю. О покойникахъ черемисы рѣдко и мало плачутъ, и родня не провожаетъ ни въ церковь, ни на кладбище. Хозяйка, отпуская изъ дома тѣло покойника, бросаетъ ему вслѣдъ раскаленный камень, чтобы онъ не посящалъ ихъ никогда. Поминки бываютъ въ третій, седьмой и сороковой день, а равно и въ четвертъ на Страстную недѣлю и въ семикъ, чтобы покойникъ не голодалъ на томъ свѣтѣ и не вздумалъ бы посѣтить своихъ родныхъ.

Черемисы принадлежатъ къ финскому племени, по натурѣ мраченъ и молча-

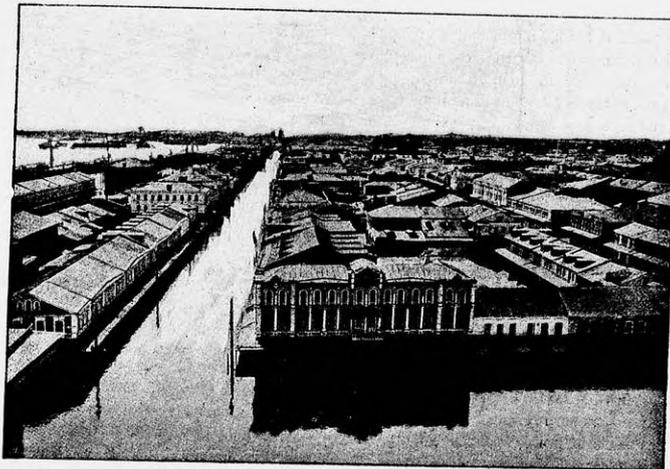

Рис. 182. Нижний-Новгородъ. Видъ отъ Стрѣлки на ярмарку во время весенняго половодья.

ливъ. Чувство лѣсной красоты едва ли не единственное проявленіе чувства любви къ прекрасному. Ему только хорошо

среди лѣсной трущобы, со всѣхъ сторонъ сдавленной огромными дубами, темной отъ густой листвы вершинъ; хорошо

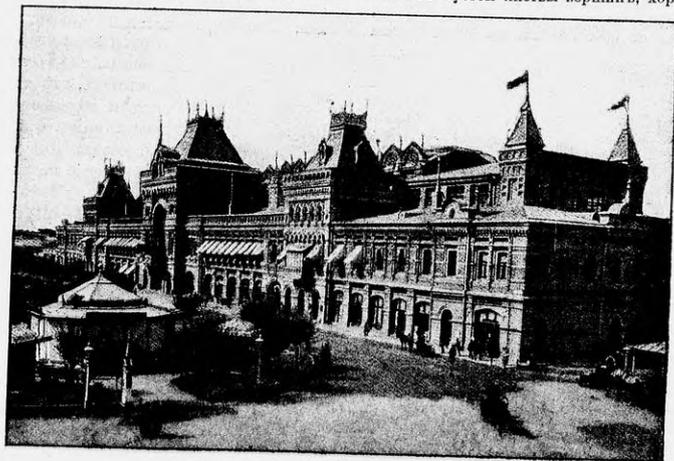

Рис. 183. Нижегородская ярмарка. Главной домъ.

на веселой полянѣ, окруженной кудрявымъ березнякомъ, облитой солнцемъ; но онъ не сложилъ ни одного стиха про лѣсную пустыню, не спѣлъ про свой лѣсъ ни одной пѣсенки. Ему хорошо въ лѣсу такъ, что и выходить бы отсюда не хотѣлось. Черемисъ энергиченъ, предприимчивъ, живо усваиваетъ все, что идетъ на пользу его быта; онъ хороший хозяинъ—скопидомъ, у котораго и изба

опрытна и богата, и поля хороши, и меду и домашней скотины вдоволь. Деревни черемисовъ большею частью стоятъ въ темныхъ лѣсахъ, почти всегда при рѣкѣ, въ удобномъ мѣстѣ; это указываетъ на давнее население страны. Одежда мужчинъ состоитъ изъ долгаго бѣлаго балахона съ красною оторочкой и высокой берестовой шапки. Одежда женщинъ похожа на одежду мужчинъ.

По Волгѣ отъ Нижняго-Новгорода до Царицына.

(Изъ очер. Валуевой).

Миновавъ знаменитую въ исторіи волжскаго судоходства мель, извѣстную подъ названіемъ *Темлячло брода*, мы прошли мимо живописнаго села *Белый Бродъ* и часа черезъ два добрались до первой пристани села *Работокъ*.

Я все время сидѣла на палубѣ, и чѣмъ далѣе мы подвигались, тѣмъ сильнѣе хотѣлось мнѣ ни на минуту не отрываться отъ того, что проходило передъ моими глазами. Много приходилось мнѣ слышать и читать о Волгѣ, но только тутъ, ставъ съ нею лицомъ къ лицу, поняла

я всю ея прелесть. Волга имѣетъ для насъ значеніе не только одной изъ самыхъ большихъ и интересныхъ рѣкъ земнаго шара: она—рѣка чисто-русская и, въ силу этого, безконечно дорогая каждому русскому человѣку. Взгляните, съ какою любовью смотрятъ на нее пассажиры 3 класса—мужики, мастеровые, мелкіе купчики. Хороша Волга не только въ тѣхъ частяхъ, которыя поражаютъ всякаго своею живописностью, какъ, напримеръ, у Нижняго-Новгорода, Жигулей, Васильсурска, — для большинства русскаго люда она мила даже въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ только и видны низкій тальникъ, бѣлая песчаная отмель и бѣгающіе по нимъ кулики. Чѣмъ-то роднымъ, задушевнымъ, поэтичнымъ вѣетъ отъ нихъ. Правъ писатель, сказавшій о Волгѣ, что это „безконечная поэма, которую чѣмъ больше читаешь, тѣмъ больше хочется читать, тѣмъ больше она нравится“.

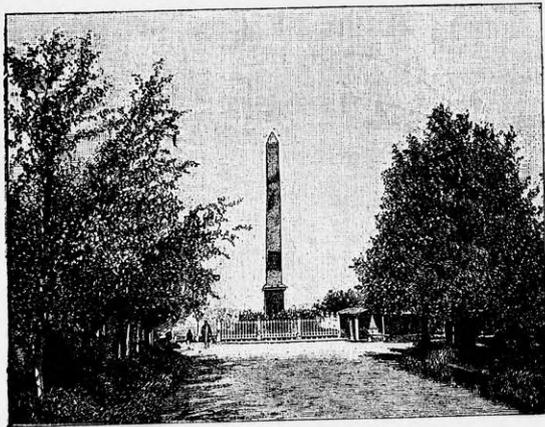

Рис. 184. Нижній-Новгородъ. Памятникъ Минину и Пожарскому.

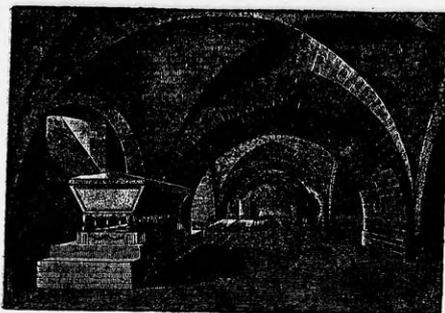

Рис. 185. Нижній-Новгородъ. Гробница Минина.

Часовъ около 4-хъ пополудни прошли мы мимо громаднаго, богатаго села *Лыскова*, загѣмъ мимо лежащаго на противоположномъ лѣвомъ берегу стариннаго городка *Макарьева* и причалили къ селу *Исады*. Что за рѣзкую противоположность представляютъ эти два пункта—Лысково и Макарьевъ, лежащіе почти другъ противъ друга! Въ Лысковѣ все дышитъ довольствомъ; у пристаней его много судовъ; домики его заново отдѣланы, подчигицы, подбѣлены,—болѣе, чѣмъ на 4 миллиона рублей въ годъ торгуетъ Лысково, болѣе 700 судовъ отпускаетъ оно ежегодно по Волгѣ. Въ Лысковѣ всюду жизнь, суета, движеніе. Живописный, но грустный видъ представляетъ Макарьевъ или „Старый Макарь“, какъ его зовутъ на Волгѣ. На первомъ планѣ виднѣется старинный монастырь, находящійся въ сильномъ запущеніи. Болѣе отраднѣе видъ имѣетъ обновленный въ недавнее время небольшой храмъ преподобнаго Макарія, находящійся въ числѣ прочихъ пяти церквей въ монастырской оградѣ. Главную святиню его составляетъ икона св. Макарія, которая переносится на время ярмарки изъ монастыря въ Нижній-Новгородъ. Церковь архистратига Михаила, возвышающаяся надъ монастырскими

Ваша страна.

вратами, также обновлена въ 1887 году. Все же остальное въ монастырѣ и вокругъ него дышитъ ветхостью и запустѣніемъ. А между тѣмъ какою шумной, дѣятельной жизнью кипѣтъ въ прежнія времена этотъ заброшенный забытый городокъ. Со всѣхъ концовъ стекались сюда торговые люди. Имя славной „Макарьевской ярмарки“ гремѣло по всей Руси. Но наступили ниня времена, ярмарки не стало, ее перевели въ Нижній, — городокъ началъ постепенно замирать и замеръ окончательно. Теперь онъ сла-

вится только однимъ производствомъ—изготовленіемъ сундуковъ, множество которыхъ сплавляется ежегодно на Нижегородскую ярмарку.

Вечерѣло... На высокомъ правомъ берегу Волги показался необыкновенно живописный городокъ, весь утопавшій въ зелени, горѣвшій алымъ заревомъ заката. Это былъ *Васильсурскъ*, находящійся при впаденіи въ Волгу рѣки *Суры*. Сура беретъ свое начало въ Симбирской губерніи, течетъ она по богатымъ, хлѣбороднымъ губерніямъ — Симбирской, Пензенской, Казанской и Нижегородской, откуда по ней сплавляютъ множество хлѣба, преимущественно ржи. Въ одномъ *Промзилье*, огромномъ селѣ Симбирской гу-

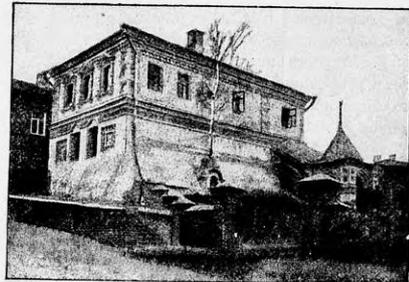

Рис. 186. Нижній-Новгородъ. Домикъ Петра Великаго.

берни, главной присурской пристани, грузится ежегодно около миллиона пудов ржи. Значительная хлебная торговля ведется и в самом Васильсурскѣ. Кроме того, городъ этотъ замѣчательнъ своими стерлядями, лучшими в Россіи.

Плывемъ дальше... В сумерки приходимъ мимо *Ветлуги*—лыковой рѣки. Направившись отъ Нижняго внизъ по теченію, мы видѣли сначала на берегу веренищу фруктовыхъ, преимущественно яблочныхъ садовъ, въ которыхъ утопалъ длинный рядъ селъ и деревень; приближался же къ Ветлугѣ, мы переходимъ изъ „царства яблочнаго“ въ предѣлы

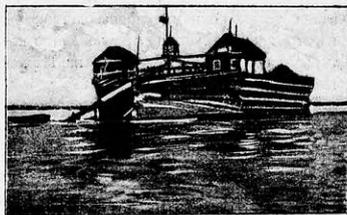

Рис. 187. Бѣляна.

вожскаго „лѣснаго царства“, центромъ котораго является сама Ветлуга, а главнымъ рынкомъ—городъ *Козьмодемьянскъ*, находящійся въ 7 верстахъ ниже впаденія ея въ р. Волгу.

По Ветлугѣ сплавляется множество лѣсного груза: луба, лыка, мочаль, рогожь, теса, смолы и т. д. Цѣлыя деревни по этой рѣкѣ живутъ, главнымъ образомъ, лѣсными промыслами. Много лѣса идетъ и съ Унжи, но главнымъ источникомъ лѣсныхъ богатствъ Поволжья являются Прикамскіе лѣса. Съ Камы идетъ богатѣйшій лѣсъ на прекрасныхъ массивныхъ плоткахъ. Волжское лѣсное дѣло имѣетъ огромное значеніе, снабжая лѣсомъ всю восточную полосу Россіи и степной Донъ. На Козьмодемьянской ярмаркѣ, начинающейся въ маѣ и продолжающейся два мѣсяца, идутъ миллион-

ные обороты. Ниже Козьмодемьянска лѣсное дѣло сильно развито въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Казанской губерніи, но тутъ оно имѣетъ другой характеръ. Въ Козьмодемьянскѣ сосредоточивается, главнымъ образомъ, лучший для построекъ лѣсъ, сосновый и еловый, въ Казанской губерніи преобладаетъ чернолѣсье: липа, дубъ, кленъ и проч. Все это служить матеріаломъ для мѣстной кустарной промышленности. Здѣсь сильно развиты столлярныя работы и, въ частности, кипажное дѣло. Изъ Унженскаго и Ветлужскаго края гонятся, кроме лѣса, также уголь и смола на огромныхъ бѣлянахъ (рис. 187), которыя идутъ уже не въ Козьмодемьянскъ, а гораздо дальше—въ Царицынъ, откуда этотъ грузъ переправляется по Волго-Донской желѣзной дорогѣ на Донъ.

Миновавъ Козьмодемьянскъ, мы скорѣй подошли къ слѣдующему небольшому приволжскому городку *Чебоксарамъ*, живописно раскинутому на холмистомъ берегу. Чебоксары сльвуть подъ названіемъ „чувашиской столицы“. Всюду встрѣчаются тутъ сѣрые кафтаны и черныя олучи чувашей и своеобразные *гошты* (головной уборъ) чувашенокъ. Живутъ они въ деревняхъ, въ городъ же пріѣзжаютъ, главнымъ образомъ, для сбыта яицъ, такъ какъ куроводство является здѣсь однимъ изъ видныхъ мѣстныхъ промысловъ. Милліоны яицъ идутъ изъ этихъ мѣстностей въ Петербургъ и за границу, главнымъ образомъ, въ Англию.

Кромѣ *чувашей*, живущихъ на правомъ берегу Волги, встрѣчаются тутъ и *черемисы*, живущіе на обоихъ берегахъ—горномъ луговомъ, на ряду съ кореннымъ русскимъ населеніемъ, а по сосѣдству съ ними живетъ еще и *мордва*, самое древнее изъ всѣхъ этихъ племенъ.

Рано поутру подошли мы къ бывшей татарской столицѣ—*Казани*. Въ нѣкоторомъ удаленіи отъ берега¹⁾ раскиды-

¹⁾ Отъ пристани около 4 верстъ.

Рис. 188. Казань. Крѣпость.

вался передъ нами большой полуостровный городъ. Живописно выдѣлялись на свѣтломъ фонѣ утренняго неба его бѣлые дома, зеленые сады, колокольни православныхъ церквей и минареты мечетей. На первомъ планѣ этой картины выдвигался старинный кремль (рис. 188) на большомъ возвышеніи, окруженный бѣлыми стѣнами, изъ-за которыхъ выглядывалъ шпигъ знаменитой Сумбекиной башни. Долгое время Казань страдала отъ отсутствія желѣз-

норожнаго сообщенія, что отражалось крайне невыгодно на ея промышленности и торговлѣ. По закрытіи навигаціи, она становилась какъ бы отрубленною отъ всего міра, особенно во время распутицъ и половодья, дѣлавшихъ почти немислимымъ даже почтовое сообщеніе. Въ настоящее время этотъ ягучій для Казани вопросъ разрѣшенъ въ смыслѣ исполнѣ для нея благопріятномъ: съ проведеніемъ Московско-Казанской линіи, Казань, на-

Рис. 189. Казань. Часовня-памятникъ убитымъ воинамъ.

конецъ, включена въ нашу желѣзнодорожную сѣть.

Послѣ четырехчасовой стоянки въ Казани пароходъ нашъ пронузл далѣе. Какая ширь, какой просторъ!.. Лѣвый берегъ продолжаетъ представлять необозримое луговое пространство, на правомъ противоположномъ Казани берегу, перемежку съ лѣсами и рощами, потонули безконечныя пашни.

Противъ Казани, на самомъ берегу Волги, раскидывается село Услово, на кладбищѣ котораго находится могила съ простымъ сѣрымъ камнемъ, на которомъ можно прочесть слѣдующую надпись: „Здѣсь погребено тѣло рабы Божіей Д...“ Это могила жены когда-то могущественнаго временника князя Миньшикова, княгини Даріи Михайловны, подруги императрицы Екатерины I, свѣтлой личности, спасавшей во время своего могущества многихъ отъ гнѣва мужа...

Плывемъ часть, другой, третій.—Волга и безъ того уже широкая принимаетъ видъ огромнаго воднаго пространства, такъ что кажется, будто изъ рѣки мы попали въ морской заливъ. Въ этомъ мѣстѣ въ Волгу впадаетъ другая рѣка—огромная, многоводная. Рѣка эта—Кама, берущая начало въ Вятской губерніи. По

длині она уступаетъ изъ русскихъ рѣкъ только Уралу и отчасти Дону и Днѣпру. Бассейнъ Камы и притоковъ ей, праваго—рѣки *Вятки* и лѣвыхъ—рѣкъ *Чусовой* и *Бѣлой* съ *Уфю*, равняется всей площади Франціи. Теченіемъ своимъ, вдоль среднихъ частей Урала, Кама соединяетъ эту горную систему съ долиною Волги, въ которую она несетъ безчисленныя богатства губерній пріуральскихъ: цѣнные камни, мѣль, желѣзо, соль, мѣха. Кама связываетъ Волгу также и съ сѣверомъ Россіи—съ рѣчною областью сѣверной Двины.

Миновали мы устье Камы. Волга перестала походить на морской заливъ и снова приняла видъ рѣки, но какой рѣки: въ нѣсколько верстъ ширины, такъ что съ одного берега на другой не видать человѣка. Что за ширь, что за просторъ, что за яркая ласкающая взору краска!.. На разсвѣтѣ добрались мы до *Симбирска*. На вершинѣ высокой горы, называемой *Витомъ*, виднѣтся лучшая часть города, съ двумя соборами, водопроводной башнею и хорошенькими садиками. Особенно живописнымъ кажется этотъ городъ, когда къ нему подходишь снизу отъ Самары. Высокія колокольни его виднѣются тогда чуть ли не за 10 верстъ.

За послѣдніе годы Симбирскъ начинаетъ пользоваться своимъ выгоднымъ положеніемъ и принимаетъ дѣятельное участіе въ торговлѣ продуктами сельскаго хозяйства.

Оставивъ позади себя Симбирскъ, невольно чувствуешь, какъ все больше и больше углубляешься въ хлѣбородную черноземную полосу. Безконечныя пашни открываются по обѣимъ берегамъ рѣки. Села и деревни въ этой полосѣ Поволжья

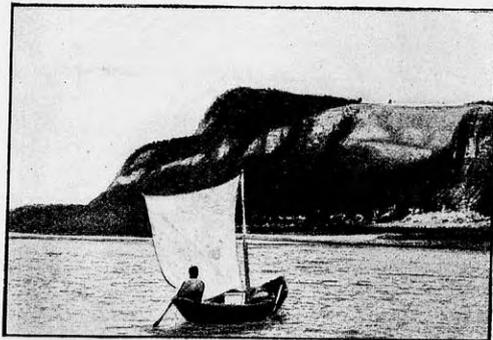

Рис. 190. Волга. Молодецкий курганъ въ Жигуляхъ.

не имѣютъ того оживленнаго торговаго характера, какъ въ верховьяхъ Волги, это такія же селенія, какія мы встрѣчаемъ во внутреннихъ губерніяхъ Россіи, только они почище и побогаче послѣднихъ. Ниже Симбирска оба берега Волги сначала довольно низменны и однообразны, поражаютъ они только необычайною ширью, но вотъ вдаль, на правомъ берегу, на горизонтѣ начинается что-то чернѣть и возвышаться. Обрисовывается очертаніе замѣчательно живописной горной цѣпи. Вотъ, наконецъ, видѣется высокая гора, поросшая густымъ лѣсомъ. Это—*Услово*, знаменитое имѣніе графовъ Орловыхъ—Давыдовыхъ, самыхъ крупныхъ приволяжскихъ землевладѣльцевъ, десятки тысячъ десятинъ которыхъ легко могли бы составить любое нѣмецкое гордоство и французскую провинцію.

За Услоемъ потянулись непрерывной цѣпью знаменитыя *Жигулевскія горы*. Грозной стѣною возвышаются онѣ на берегу широко разлившейся рѣки, высоко поднимая къ небесамъ свои причудливыя вершины, поросшія дремучимъ лѣсомъ. Не видать въ нихъ человѣческаго жилища,

не слышать людской рѣчи, всего три-четыре поселка встрѣчаются на всемъ 90-верстномъ протяженіи Жигулей, но и тѣ не въ состояніи оживить суровую горную природу. Мало въ нихъ жизни дѣйствительной, зато народное воображеніе щедро населяетъ ихъ легендарными героями богатырями и богатыршами. Еще болѣе сказаній сохранилось въ Жигуляхъ о тѣхъ временахъ, когда ихъ глубокая пещеры и дикіе буераки служили притономъ для крѣпостныхъ людей, бѣжавшихъ изъ-подъ тяжкаго барскаго ига, для бѣглыхъ солдатъ и преступниковъ, для всякихъ неудачниковъ, а также для искателей легкой наживы на чужой счетъ,—для всего этого темнаго лода, носившаго общее названіе „*Жигулевской волницы*“. Всѣ извѣстные атаманы волжскихъ разбойниковъ, съ знаменитымъ Стенькой Разинымъ во главѣ, разгуливали по этимъ дикимъ мѣстамъ. Побывали тутъ, если вѣрить народной молвѣ, и покорители Сибири—атаманы Ермакъ и Кольцо, именемъ которыхъ называются существующія до сихъ поръ деревни *Ермаково* и *Кольцовка*.

Прямо противъ небольшого уѣзднаго городка Самарской губерніи *Ставрополя*

Рис. 191. Волга. Царевъ курганъ.

падаетъ въ Волгу р. Уса, въ устьѣ которой разбойники прятались въ своихъ лодкахъ и производили оттуда нападенія на проходившія мимо суда. Мы проходили мимо этой части Жигулей поздно ночью. Глубокая безлунная мгла ея прерывалась лишь вспыхивавшими по временамъ зарницами. Нѣтъ словъ, чтобы выразить всю красоту и фантастичность обрисовавшейся при этомъ картины: какіе-то загадочные замки и башни возвышались, казалось, на обрывистыхъ берегахъ красавицы-рѣки, поросшихъ вѣковыми дубами, густыми липами и стройными кленами. На самомъ берегу, въ чащѣ моло-

Рис. 192. Волга. Жигулевскія ворота.

дого вняка, красивой ольхи и раскидистыхъ ветель мигали таинственные огоньки. Жутко становилось, духъ захватывало, — такъ величава, дика и прекрасна была эта картина природы.

Отъ Ставрополя и считается такъ называемая *Самарская лука*, другими словами отклоненіе, которое дѣлаетъ Волга по направленію къ Самарѣ, какъ бы для того, чтобы захватить этотъ городъ въ область своего теченія. Самарская лука является благодѣтельницею цѣлага края: она приближаетъ на 100 верстѣ Поволжье къ Оренбургу, что имѣетъ огромное значеніе

для нашихъ сношеній съ Средней Азіей; изгибъ ея, равняющійся 240 верстамъ, вмѣсто 20 или 40, которая имѣла бы Волга, протекая прямо отъ Ставрополя, находящагося на сѣверной оконечности луки, до Сызрани, находящейся на ея южной оконечности, увеличиваетъ почти втрое число пристаней и оживляетъ большой промышленный округъ, который безъ нея остался бы глухимъ захолустьемъ.

Около 50 верстѣ ниже Ставрополя, на луговой сторонѣ, возвышается огромный курганъ, носящій название *Царева кургана* (рис. 191), за нимъ, ближе къ Самарѣ, Волга суживается. Самое узкое

мѣсто, съ высокими берегами, называется *Самарскими* или *Жигулевскими воротами* (рис. 192), которые образуютъ съ лѣвой стороны *Соколиныя горы*, а съ правой *Спирная гора*. Тутъ и кончаются Жигули, поворачивающія на югъ и затѣмъ на западъ, внутрь Самарской луки.

Минувая Жигулевскія ворота, мы скоро завидѣли передъ собою вдаль, на лѣвомъ берегу Волги, Самару (рис. 193). Съ парохода городъ этотъ и его окрестности кажутся чрезвычайно живописными, но стоитъ только подняться съ пристани въ городъ, начинается сильное разочарованіе:

скверная мостовая, ѣдкая пыль, стоящая надъ городомъ даже во время полного безвѣтрія, отсутствие зелени.

„Самара-городокъ — Москвы уголокъ“, съ гордостью повторяютъ коренные сармарцы сложившуюся у нихъ поговорку. Дѣйствительно, Самара — городъ бойкій торговый, молодой, растущій не по днямъ, а по часамъ. Это и понятно, если принять въ соображеніе, съ одной стороны, природныя богатства Самарскаго края, а съ другой — необыкновенно счастливое положеніе Самары относительно путей сообщенія.

Рис. 193. Самара съ Волги.

Самарскій край богатъ высшими сортами хлѣба, въпрямь, *пшеницей-бѣлотуркою*, составляющею главный предметъ самарской отпускной торговли. Въ громадныхъ размѣрахъ производится тутъ также торговля продуктами скотоводства, преимущественно *саламъ*. Въ Самару направляютъ всѣ свои хлѣбные грузы и обширный Оренбургскій край, соединенный съ Самарою желѣзнодорожною вѣтвью, примыкающею въ 33 верстахъ отъ Самары, у развѣзда Кинель, къ Сибирской желѣзной дорогѣ.

Торгуетъ Самара также и лошадьми, преимущественно *башкирскими*, небольшими, но рысистыми и крайне выносливыми лошадами, уроженками оренбургскихъ и башкирскихъ степей. Съ проведеніемъ Сибирской желѣзной дороги значеніе Самары еще болѣе возросло, — и немудрено: стоящая на берегу великой русской рѣки, Самара является, вмѣстѣ съ тѣмъ, исходною точкою этого великаго рельсового пути, идущаго чрезъ необъятныя пространства Сибіри.

Населеніе Самарской губерніи чрезвычайно разнообразно: на ряду съ коренными

русскими, въ встрѣтите тутъ и мордву, и татаръ, и чистокровныхъ хохловъ. Весь этотъ народъ переселился сюда изъ густо населенныхъ мѣстъ имперіи, въ надеждѣ найти кусокъ хлѣба; и обширная черноземная Самарская губернія была бы вполне въ состояніи дать его, если бы не была ея — бедождье и засухи, влекущія за собою, отъ времени до времени, полный неврожай.

Еще не доходя до Самары, какъ уже было сказано, Жигули начинаютъ удаляться отъ праваго берега Волги, прици-

имеют юго-западное направление и тянутся, под названием *Шелеметских* гор, сплошной каменной стеной до села *Витовки*, где и оканчиваются. Возвышенности правого берега Волги, между селами *Печерским* и *Костычами*, называются *Печерскими* горами, благодаря многочисленным пещерам, в них находящимся. Горы эти замечательны тем, что содержат громадное количество *асфальтового* или черного *известняка*, пласты которого обнажаются вдоль береговой линии. Эти богатые залежи долгое время не разрабатывались правильно и приносили мало пользы. Теперь же асфальтовое производство получило такое развитие, что русский асфальт не только вытеснил заграничный из всех городов России, но даже и сам проник за границу. Центром его является *Сызранский асфальтовый завод*, основанный симбирским землевладельцем г. Воейковым, близ г. Сызрани, на берегу Волги.

Сызрань — первый город, встречающийся по пути от Самары вниз по Волге. Главный предмет вывоза из Сызрани — хлеб, преимущественно *пшеницу*, превосходного качества, известное под названием *сызранского*. В 20 верстах выше Сызрани, у села *Новые Костычи*,

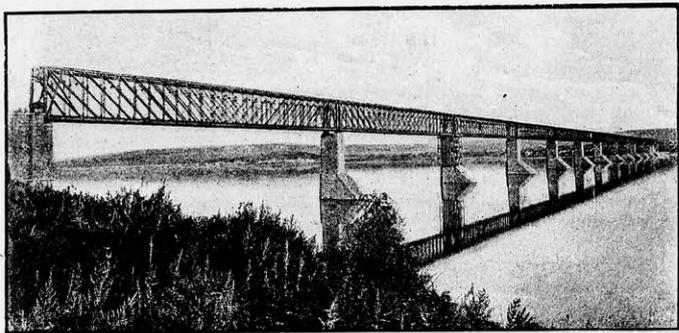

Рис. 194. Сызрань. Мост Александра II через Волгу.

через Волгу перекинуть гигантский мост, одно из величайших сооружений подобного рода в мире (рис. 194). Мост этот открыт 30 августа 1880 года, в день тезоименитства государя и назван *Александровским*. Он грандиозен во всех отношениях: длина его 696 саженей, высота башен над уровнем воды 11,35 саж.; постройка его обошлась свыше 7.000.000 рублей. Нижняя Сызрань по берегам Волги начинается известными и меловыми возвышенностями, необыкновенно красиво отражающимися в синеватой зеркальной поверхности спокойной реки. Среди этих красивых гор притаился г. Хвалынец, имеющий довольно крупное значение по хлебной торговле; главную прелесть его составляют прекрасные фруктовые сады, широкой полосой охватывающие весь город.

В 62 верстах ниже Хвалынска, на левом берегу Волги, находится богатейшее село Самарской губернии — *Балаково* с 12.000 жителей, по своим торговым оборотам занимающее в губернии второе место после самой Самары. В 50 верстах от Балакова находится льдечное заведение „Столыпино“. Льдятся там водами сѣрных и железистых источников, а также минеральной грязью, которая, по исследованию уче-

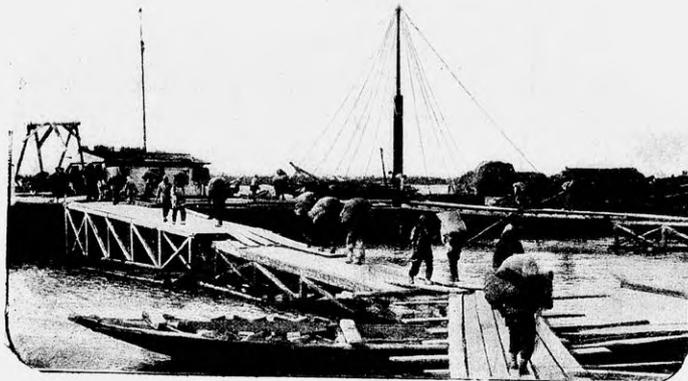

Рис. 195. Волга. Нагрузка баржей.

ных признана одинакового достоинства с грязями Старорусскими, Арсбургскими и Гаспальскими. В 30 верстах ниже Балакова, на правом берегу Волги, живописно раскинулся уездный город Саратовской губернии — *Вольск*, жители которого (более 30.000) занимаются в довольно обширных размерах рыбной ловлей и садоводством.

За Вольском начинается ряд немецких колоний: *Уитервальденз*, *Люцерль*, *Цуг*, *Золотурнь*, *Цюрль*, *Тафраузен*. Возникли эти колонии со времени Екатерины II, старшей, привлечь иностранцев в Россию всевозможными льготами. В *Екатеринштадт* или *Баронск*, считающемся родоначальником всех приволжских немецких колоний в пределах Самарской губернии, поставлен памятник Екатерине II. Жители колоний все, без исключения, немцы — лютеране; занимаются они хлебопашеством, огородничеством, разведением табачных плантаций и отчасти торговлею.

Летним ясным вечером подошли мы к Саратову. Окруженный зелеными горами, широко раскинувшийся по пра-

вому берегу Волги, город этот производить с парохода необыкновенно приятное впечатление, которое только усиливается при более близком знакомстве с ним.

Подобно Самаре, Саратов — город сравнительно молодой; в 1892 г. праздновал он 300-летний юбилей своего существования. В настоящее время Саратов является городом с громадной торговлей, громадным населением (около 130.000), служащим столицей среднего и низового Поволжья. Главный предмет торговли Саратова — хлеб во всех его видах. Многоэтажные мукомольные мельницы завладели всем берегом вблизи пристаней. Вместе с тем Саратов является также главным складом произведений немецких колоний. Торговое значение Саратова еще более возросло с продлением до г. Уральска бывшей Тамбово-Саратовской железной дороги. Злобу дня для Саратова составляет постепенное обмеление Волги, постепенное отступление ее от города, очутившагося теперь от нею уже в двух верстах. Саратовцы стараются бороться с этим

зломъ устройствомъ плотинъ, направляющихъ силу воды въ сторону саратовскаго берега у каналовъ, но всё эти мѣры существенной пользы не принести.

Низъ Саратова правый берегъ Волги имѣетъ сначала очень оживленный видъ: масса дачъ, деревень и хуторовъ, тонущихъ въ зелени, тянутся вдоль него длиною верстницею. Но на 20-й верстѣ отъ города онъ рѣзко измѣняетъ свой

Рис. 196. Рабочій на пристани.

характеръ: вы видите предъ собою рядъ голыхъ, обрывистыхъ утесовъ своеобразной формы, будто отбросанныхъ чьею-то исполинскою рукою. Это такъ называемые *толбичи*, состояще изъ ряда бугровъ или *шихановъ*, которые обрываются крутыми, отвѣсными стѣнами къ Волгѣ, а отъ сосѣднихъ возвышенностей отдѣляются глубокими оврагами. Сомногими изъ нихъ связаны воспоминанія о лихихъ временахъ Разина и Пугачева. Такъ, верстахъ въ 10—12 отъ пристани

Батновки, съ парохода можно видѣть *бууръ Стенки Разина*.

Прошли мы мимо ряда большихъ и богатыхъ селъ и колоній: *Сосновки*, *Азматова*, *Ровнаго* и села *Золотова*, славящагося своими вишневыми садами и пчельниками, ароматъ которыхъ сладкою струею несется по рѣкѣ; прошли мимо рѣки *Ерусима*, послѣдняго лѣваго притока Волги, и вскорѣ добрались до *Камышина*. Въ былые времена Камышинъ слылъ разбойничьимъ городомъ, столицей „понизовой вольницы“; теперь онъ превратился въ мирный уѣздный городокъ Саратовской губерніи, соединенный желѣзнодорожною вѣтвью съ Рязанско-Уральскою желѣзной дорогой. Камышинъ славится своими арбузами. Главная масса ихъ идетъ изъ *Быковыхъ хуторовъ*, — маленькой пристани на рѣкѣ Волгѣ, въ 49 верстахъ отъ Камышина.

Въ 88 верстахъ ниже Быковыхъ хуторовъ лежитъ посадъ *Дубовка* съ 15.000 жителей. Дубовка занимается, главнымъ образомъ, хлѣбнымъ производствомъ: въ ней до 20 мукомольныхъ мельницъ, изъ которыхъ одна паровая.

Отъ Дубовки недалеко и до *Царицына*. Проплывъ около 50 верстъ, мы увидѣли на правомъ берегу этотъ городъ, красивый даже съ Волги.

Масса судовъ, цѣлый лѣсъ мачтъ и, вмѣстѣ, съ тѣмъ масса лагучъ, жалкихъ мазанокъ и покачнувшихъ изъбъ, громоздящихся на берегу, придаютъ Царицыну видъ какого-то громаднаго села, выросшаго при впадѣніи въ Волгу небольшой, пересыхающей лѣтомъ рѣки *Царицы*.

Несмотря на свою неприглядную внѣшность, Царицынъ является, безспорно, однимъ изъ важнѣйшихъ пунктовъ Поволжья въ торговомъ и промышленномъ отношеніяхъ. Отъ него идутъ двѣ желѣзныя дороги — Грязь - Царицынская и Волго - Донская — на Донецкую пристань Калачъ, соединяющія такимъ образомъ бассейнъ Волги съ бассейномъ Дона.

Прѣхавъ въ Царицынъ, стоитъ побывать въ такъ называемомъ *Нобелевскомъ керосиновомъ городкѣ*. Еще съ парохода виднѣтся группа огромныхъ цилиндрическихъ баковъ или цистернъ, вмѣщающихъ десятки тысячъ пудовъ керосина, предназначеннаго къ отправкѣ въ Россію. Подвозится керосинъ изъ Баку въ особыхъ желѣзныхъ шкунахъ, нарочно

для этого заказанныхъ въ Швецію, на родинѣ Нобеля.

Въ городкѣ Нобеля несравненно болѣе порядка и благоустройства, чѣмъ въ самомъ Царицынѣ: по отлогостямъ овраговъ устроены вымощенные камнемъ спуски; вокругъ конторъ и жилыхъ домовъ разведены садики; всюду видны слѣды энергичной, разумной дѣятельности.

На ватагѣ.

(Изъ журнала „Дружское Чтеніе“.)

На ватагу надо вхатъ весною, когда всѣ работы въ полномъ разгарѣ. Самую главную ея часть составляетъ плотъ. Онъ строится на связяхъ и стоитъ надъ водою. Стѣны, крышка и полъ сколочены изъ досокъ. На рѣку ведутъ двое дверей, отъ которыхъ къ водѣ идутъ наклонныя спуски, *волоки*, съ перилами и ступеньками. На плоту суетится толпа народа. Говоръ, шлепанье рыбы, рубка ея, разные другіе звуки оглушаютъ васъ съ перваго раза. Вамъ кажется, что тутъ происходитъ столпотвореніе, а на самомъ дѣлѣ каждый занятъ своимъ дѣломъ. Одна за другой пристають къ ватагѣ лодки. Рыбаки выбрасываютъ на волокъ привезенную рыбу. Двое работниковъ подхватываютъ ее баграми и втаскиваютъ на плотъ, гдѣ укладываютъ ее рядами. Оporожнивъ одну лодку, они принимаются разгружать другую, а рыбаки идутъ къ плотовому приказчику сдать свой уловъ. Начинается счетъ. Крупная идетъ за двѣ, за три, — мелочь считается по нѣскольку за одну. Сосчитавъ уловъ, приказчикъ записываетъ счетъ въ книгу, а рыбаку даетъ записку, по которой онъ

Рис. 197. Тоня на Волгѣ.

получить деньги. Плохо приходится рыбаку, если онъ неграмотный. Повертнуть онъ записку передъ собой, задумается: „Богъ ее вѣдаетъ, что тутъ записано“, — и, дѣлать нечего, побередеть во-своися.

Между тѣмъ рыбу поволокли далѣе къ рѣзальнику. Ловкимъ и сильнымъ взамомъ топора онъ сразу отрубаетъ голову большой бѣлугѣ. Другой рѣзальщикъ, быстро принявъ отъ него рыбу, распарываетъ ей животъ, бросаетъ внутренности пока на полъ, а икру — въ большую ушатъ, и ловкой рукою выдираетъ спинной хрящъ. Затѣмъ онъ распластываетъ рыбу, смотря по тому, какъ хочетъ приготовить ее хозяинъ. Онъ или только вырѣзываетъ *тешку*, то-есть часть мяса, лежащаго по брюху, между ребрами,

или и тешку и спинку рѣзает на длинную полоску, если будет приготовляться *блямы*. Все эти части рыбы разносятся по разным рабочим, и каждый занимается своим дѣлом. Рѣзальщик бросает на пол хрящи. Бѣлые, поздравные, они свертываются как тесемка, долго пролежавшая въ сверткѣ. Работники собирают ихъ и сносятъ въ чаны со свѣжей водой, гдѣ ихъ полощутъ. Потомъ, вымывъ и выжавъ изъ хряща слизь, сносятъ ихъ въ сушильню, гдѣ черезъ недѣлю они совершенно высыхаютъ, такъ что остается связать ихъ въ пучки и пустить въ продажу. Это и есть *вишиа*.

Ушаты съ икрой тоже сдаются особымъ рабочимъ—*шкряпникамъ*. Все принесенное сваливается въ огромныя рѣшета, лежащія надъ большими корытами. Рабочіе мнутъ и растираютъ икру. Зерна проходятъ въ корыта, а жирныя перепонки, въ которыхъ заключаются икра, остаются въ рѣшетахъ. Если хотить приготовить икру зернистую, то въ корыта всыпаютъ соль и хорошенько перемѣшиваютъ. Готовую складываютъ въ липовые боченки, въ каждый по 4 или 5 пудовъ икры. Для *паюной* передъ протираниемъ въ корыта вливаютъ рассолъ (*тузлукъ*), въ который и падаютъ протертые зерна. Рабочіе мѣшаютъ икру, и мнутъ черезъ 10—15 масса твердеть. Тогда ее складываютъ въ мелкія рѣшета, чтобы вытекъ остатокъ сырости, и готовую икру сыпаютъ въ рогожныя мѣшочки и кладутъ подъ прессъ. Готовую икру складываютъ въ большія бочки, выложенныя внутри холстомъ, уминаютъ ногами и заколачиваютъ.

Недалеко отъ помѣщенія, гдѣ готовятъ икру, на плоту же, производится *соленье рыбы*. Выпотрошенную рыбу кладутъ въ рассолъ дня 2 или на 4, а вынувъ изъ него, даютъ стечь съ рыбы рассолу, разбираютъ по сортамъ и вновь складываютъ въ лари. На нижній слой рыбы сыплется соль, потомъ опять кла-

дется слой рыбы и такъ далѣе. Грузъ самой рыбы выжимаетъ изъ нея сокъ (называемый тузлукомъ), при чемъ соль впитывается въ рыбу. Просолившуюся рыбу полощутъ въ водѣ, оттираютъ тряпочками и кладутъ на наклонный полъ, чтобы стекла вода. Въ отдѣленіяхъ, гдѣ солятъ рыбу, стоитъ скверный запахъ. Каждый поневолѣ мѣтаетъ убѣжать отъ сюда.

Интересно побывать и тамъ, гдѣ готовятъ менѣе дорогую рыбу. На плоту работаетъ много женщинъ. На всѣхъ нихъ мужской костюмъ: сапоги, штаны, короткая куртка. У каждой два ведерка, на нихъ положена доска, служащая рабочницѣ скамейкой; сѣвъ на нее верхомъ, она беретъ маленькимъ багромъ судачка или леща изъ цѣлой кучи рыбъ, наваленной возлѣ на полу, кладетъ его на доску и ножомъ вырѣзаетъ внутренности. Выпотрошенная рыба сбрасывается въ одно ведро, внутренности въ другое. Между тѣмъ привезли еще рыбы. Ее сваливаютъ на середину плота. Бабы вскакиваютъ съ своихъ мѣстъ, бросаются къ рыбѣ и окружаютъ ее. Каждая старается захватить себѣ рыбу покрупнѣе, чтобы имѣть больше внутренностей, которыя идутъ въ пользу рабочницъ. Изъ нихъ онѣ топятъ жиръ. Случается, что нѣсколько бабъ захватятъ одну и ту же рыбу; изъ-за этого поднимаются ссоры, а иногда и драка. Разобравъ рыбу, сноровы принимаютъ за работу. Все говорятъ, хохочутъ, шумятъ, случается, и пѣсно затягиваютъ. Это, впрочемъ, не мѣшаетъ работать: иная успѣваетъ очистить въ день до 2.000 судачковъ.

Вотъ являются на плотъ парни, везущіе на себѣ таратайки. Они нагружаютъ ихъ очищенной и промытой рыбой и отвозятъ ее въ лабазъ. Тамъ всюду стоятъ огромные лари такой глубины, что, будь они полны водой, человекъ, спустившійся въ одинъ изъ нихъ, навѣрное захлебнулся бы лари. Нѣкоторые уже полны. Въ одномъ лежить слишкомъ 45.000 суда-

ковъ да 1.350 пудовъ соли; въ другомъ 80.000 лещей да 800 пудовъ соли. Третій нагружается. Рыба сыпана на землѣ. Нѣсколько мальчиковъ перебрасываютъ ее въ ларь, и солильщикъ, стоя надъ нимъ, мѣрно посыпаетъ большимъ совкомъ соль.

Но заглянемъ во внутрь. Что это? Что тамъ копошится на днѣ? Нѣсколько мальчиковъ, согнувшись, укладываютъ рыбу рядами.

Выходимъ здѣсь изъ лабазы. Много народа суетъ здѣсь изъ одного помѣщенія въ другое. Кто тащитъ на спинѣ тяжелую ношу, кто везетъ тачку, кто погоняетъ лошака, везущаго высокую повозку. Одни везутъ тешку, другіе спинку красной рыбы, каждый что-нибудь свое.

Вотъ въ сторонѣ виденъ отлогій холмъ, наверху срубы, точно колодезные. Къ нимъ направляются телѣжки съ рыбой. Подвезя рыбу, рабочники сбрасываютъ ее въ срубы. Вы заглядываете въ нихъ—васъ обдаетъ сильный и непріятный запахъ. Внизу—соляляня. Падающая сверху рыба попадаетъ прямо въ колодцы, гдѣ ее укладываютъ рядами.

Волжская дельта.

(Изъ путевого замѣтокъ Сидорова.)

За Астраханью еще 84 версты до Каспійскаго моря, гдѣ у приморской станціи ожидаютъ публику громадные морскіе пароходы, эти пловучіе дома, чтобы направиться въ Петровскъ, Дербентъ, Баку, въ Краснодарскъ или въ персидскіе города. Волга такъ капризна въ своей дельтѣ, такъ мѣняетъ свой фарватеръ¹⁾, что невозможно опредѣлить ея глубину, и гдѣ сегодня было глубоко, черезъ короткое время нанесены пески. Рыба смываетъ острова и наноситъ новые, заваливаетъ протоки и прорываетъ острова.

Поэтому большіе пароходы не входятъ въ Волгу, а дожидаются у длинной Бирючей косы своихъ меньшихъ собратьевъ, плавающихъ по безчисленнымъ рукавамъ обширнѣйшей рѣки. Усѣвшись на палубѣ парохода «Кавказъ и Меркурій», я полетѣлъ внизъ по рѣкѣ, и скоро Астрахань, съ своимъ соборомъ и множествомъ каменныхъ домовъ подъ нимъ, съ своимъ густымъ лѣсомъ масть, исчезла за островами и туманами. Волга, широкая, могучая, синяя и рѣблая отъ волнъ, катилась между отмелями, поминутно отдѣляя протоки и рукава, слегка расклевывая пароходъ. Скучныя желтыя низины прибрежныхъ степей растянулись

¹⁾ Фарватеръ—мѣсто между отмелями, удобное для прохода кораблей и судовъ.

по берегамъ, сливаясь съ горизонтомъ. Ирѣдка выдавался темный глинистый бугоръ или виднѣлась гдѣ-то вдали на уединенномъ островкѣ небольшая рощица осокорей, этихъ вѣрныхъ спутниковъ Волги, дошедшихъ съ ней до самыхъ береговъ Хвалынского моря. Кое-гдѣ по лугамъ чернѣли стада овецъ, ирѣдка синій дымокъ подымался почти отвѣснымъ столбомъ надъ еле замѣтной и одинокой избушкой и стоялъ въ воздухѣ, точно онъ замеръ въ этой южной жарѣ; кое-гдѣ проплывали рыбныя ватаги. Плоскіе мысы и косы вдали въ

Рис. 198. Пристань въ Астрахани.

рѣку и горѣли своими желтыми песками, словно просыпанное золото.

Вдругъ повѣяло цвѣтами. Сладкій ароматъ розъ сразу охватилъ насъ. Зеленые садовы выдвинулись изъ-за камышей. Куцки плодовыхъ деревьевъ сѣмшались съ пирамидальнымъ тополемъ, а розы благоухали здѣсь въ знойной тишинѣ, у желтыхъ отмелей, у тихихъ протоковъ. Черная тѣнь ложилась и на воду и на берегъ отъ этихъ рощицъ и манила къ себѣ. Но эти сады на уединенномъ островѣ исчезли такъ же быстро, какъ появились. Все утонуло въ морѣ камыша. Мы въѣхали въ его густое царство, въ его непроходимые лѣса въ его безконечныя

добрн. Куда ни глянешь—всюду камышъ. При малѣйшемъ вѣтеркѣ онъ киваетъ своими пушистыми султанами и шепчется, таинственно раскачиваясь толстыми пустыми стеблями. Точно стѣны, стоитъ онъ повсюду, образуя коридоры по берегамъ протоковъ, и глядитъ въ тихія и зеркальныя воды безгранично разлившейся рѣки. Вдали показался дымокъ, и словно изъ камышевыхъ лѣсовъ, въѣхалъ тяжело пыхтящій буксиръ съ длиннымъ хвостомъ баржъ. Тишина была поразительная, и пыхтѣнье встрѣчнаго парохода доносилось издалека по глади воды.

— А весной здѣсь ничего, кромѣ воды, не видно,—обратился ко мнѣ одинъ изъ пассажировъ, ѣхавшій въ Баку. Въ прошломъ году я здѣсь проѣзжалъ въ апрѣлѣ, такъ словно море. Все было подъ водой, а рощи торчали только верхушками, словно низенькіе кусточки. И пароходы ѣдутъ скорѣй. Теперь надо оглядывать острова, замедлять ходъ, идти съ промѣромъ, чтобы не

налетѣть на мель, а весной такъ прямо плывешь надъ островами. Теперь рѣка вонъ какая спокойная, а прошлой весной такъ качало, что всѣ больны были, не хуже моря.

— Это село, что ли?—спросилъ я его.—Вонъ тамъ на островѣ что-то чернѣетъ, все домики.

— Нѣтъ, тутъ сель почти нѣтъ,—отвѣтилъ онъ:—все рыбныя ватаги. Здѣсь рыба кишмя кишитъ. Весной, когда рыба идетъ въ рѣку метать икру, такъ сюда что рабочихъ съѣзжается, страсть!

Въ камышовомъ царствѣ ютятся парство птицъ. Здѣсь имъ раздолье. Нѣкоторые отмели были усыяны тысячамъ

утокъ, чаквъ, журавлей. Громадныя стада баклановъ избрали волжскую дельту своимъ мѣстопребываніемъ и поселились вблизи рыбныхъ ватагъ, смѣло и надѣливо таская рыбу. Черный съ зеленоватымъ отливомъ бакланъ живетъ всегда стадами, занимаясь утромъ и вечеромъ ловлей рыбы и сидя долгое время на берегу-вомъ выступѣ. Ихъ стада проводятъ часы, разсѣвшись точно войско, вытягивая головы и помахиывая хвостами. Стада лебедей, всевозможныхъ утокъ и другихъ мелкихъ птицъ возлюбили эти волжскія камышевыя дѣбри и ютятся повсюду по островамъ и рощамъ осокорей. Здѣсь же водится толстоклювый, розовато-бѣлый уродъ—пеликанъ, съ ярко-красными глазами, обведенными желтой кожей, съ громаднымъ неуклюжимъ клювомъ, къ которому привѣшенъ широкій мѣшокъ. Точно громадное поле какихъ-то розовато-бѣлыхъ цвѣтовъ, сидѣло ихъ необъятное стадо. Въ первую минуту я принялъ ихъ за безконечную заросль бѣлыхъ водяныхъ лилій и указалъ на нихъ моему спутнику.

— Ахъ, нѣтъ,—воскликнулъ онъ:—это баба-птица! Ихъ здѣсь водится ужасно много.

Дѣйствительно, когда мы подошли ближе къ широкой раскинувшейся отмели, я увидѣлъ громадныя пищи. Все стадо

было занято работой. Всѣ пеликаны чистились и смазывали свои перья жиромъ, хлопали крыльями, шевелили хвостами. Шумъ парохода произвелъ на нихъ очень мало впечатлѣнія. Нѣкоторые поглядѣли на насъ, а большинство продолжало работу.

Чѣмъ ближе къ морю, тѣмъ больше слышались желтые пескомъ, тѣмъ Волга шире, тѣмъ даль туманнѣе. Мнѣ нѣсколько разъ казалось, что мы плывемъ уже по морю; но это было не море, это была все еще Волга, но такая широкая, такая могучая, такая безбрежная, что поражала и величьемъ и просторомъ. Волнение стадо замѣтно и увеличилось чуть не съ каждой минутой.

— Мы въ морѣ,—сказалъ кто-то.—Вотъ Вирючья коса.

— Гдѣ?

— А вонъ, гдѣ горитъ огонекъ. Тамъ пристань. Совсѣмъ незамѣтно влилась Волга въ Хвалынское море, въ этотъ Каспій, омывающій и узорчатые персидскіе берега, и прекрасный знойный Кавказъ, и душныя пустыни. Средней Азии,—въ этотъ Каспій, гдѣ она мѣшаетъ свои воды съ звонкими волнами гремѣцаго, могучаго полуазіатскаго Урала, Кавказской Куры съ Араксомъ и Алазанью, несущими расплавленные льды и снѣга съ вершинъ далекихъ горныхъ хребтовъ.

Сарепта.

(Изъ путевыхъ замѣтокъ Сидорова).

Пароходы, оставивъ Царицынъ, плывутъ по послѣднему астраханскому плесу, совсѣмъ не похожему на все остальное течение могучей рѣки, и кажется, что это не Волга, что плывешь по другой рѣкѣ, ничего не имѣющей общаго съ русской могучей красавицей. Горы исчезли, отбѣжали отъ Волги и пропали въ знойной степи. Бесплодныя, необозримыя равнины раскинулись во всѣ стороны, низкіе песчаные берега падаютъ

въ рѣку унылыми, скучными обрывками. Кое-гдѣ шумятъ камыши, разросся тальникъ да торчатъ осоки. Жара и духота съ каждой минутой дѣлаются нестерпимѣе, полное безвѣтріе, вслѣдствіе котораго рѣка катится, какъ зеркало, безъ малѣйшей знои, дѣлаетъ духоту въ течение дня ужасно томительной, а однообразіе берега убиваетъ всякій интересъ.

Нашъ пароходъ подошелъ къ пристани у высокаго, глинистаго, прокаленного и

покрытаго трещинами обрыва. Это была пристань Сарепты, совсѣмъ не видной съ Волги.

До колоніи Сарепты отъ Волги 7 верстъ, которая пробѣжашь на линейкѣ за 50 копеекъ по довольно живописной дорогѣ, ползущей по холмамъ и полямъ, а затѣмъ по душной и пыльной степи. Съ вершины одного изъ холмовъ открывается видъ на Сарепту, этотъ мирный, словно отрѣзанный отъ всего міра, уголокъ, запрятанный за стѣи и холмы, живущій своею совершенно замкнутою жизнью, утонувшій своими маленькими бѣленькими домиками и киркой¹⁾ въ зелени тополей, фруктовыхъ садовъ и виноградниковъ. Яржежелтыми коврами разлеглись повсюду поля цвѣтущей горчицы, одѣвшія косогоры и холмы, а красныя трубы фабрикъ подыались надъ колоніей. Это маленький нѣмецкій мірокъ, полный спокойствія и тишины, устроенный призванными изъ Богеміи Екатериной Великой нѣмцами религіозной секты гернгутеровъ или моравскихъ братьевъ, облюбовавшихъ это мѣсто и основавшихъ здѣсь. Колонія, несмотря на погромъ Пугачева и пожары, находится въ цвѣтущемъ состояніи, пользуясь особыми льготами, поддерживаемая съ первыхъ шаговъ государствомъ, освобожденная отъ рекрутскаго набора, имѣющая свой судъ, свою полицію, право на торгъ во всей Россіи. Колонія благоустроена, цвѣтуща, ея фабрики, и горчичныя и тпацкія, и винокуренныя заводы процвѣтаютъ, ея густые тополя бросаютъ синюю тѣнь и на площадь съ церковью и школой, съ бѣленькими и чистенькими домиками, и на улицу; но васъ давитъ тоска, васъ гнететъ это молчаніе, это отсутствіе

¹⁾ Кирна — нѣмецкая церковь.

жизни, словно вы попали въ монастырь съ его громадныя мертвыми залами, и должны сами тавть тягостное молчаніе. Колонисты, принадлежа къ религіозной сектѣ, мирные, полезные люди, отличающіе своею нравственностью, своимъ равенствомъ и имѣютъ въ основѣ упрощенное христіанство. Любить Бога и ближняго — ихъ законъ. Проводя весь день въ работѣ, они посвящаютъ свой отдыхъ духовному чтенію, религіознымъ бесѣдамъ и чтенію.

Рѣчка Сарпа — послѣдній притокъ Волги. Это цѣлая система небольшихъ озеръ, соединенныхъ рѣчкой. Какъ хороше видъ съ горъ, окружающихъ Сарепту! Вся сарпинская долина какъ на ладони, а колонія съ ея садами и аллеями, заводами и домиками лежитъ у вашихъ ногъ. Кругомъ разлеглась унылая степь, убѣгающая къ синѣющей вдали Волгѣ. Эта громадная область до самаго Царицына, виднѣющагося на горизонтѣ, эта извилющаяся Сарпа, это безбрежное знойное, синее небо и эта давящая тишина производятъ глубокое впечатлѣніе. За устьемъ Сарпы Волга распалась на рукава и протоки и образовала цѣлый архипелагъ²⁾ острововъ вплоть до Каспійскаго моря, шириною до 25 верстъ. Это цѣлое море съ пропавшими вдали берегами. Это сложная цѣпь воложекъ и протоковъ, безчисленныхъ острововъ, пустынный, мертвый край, нагоняющій невыразимую скуку своимъ однообразіемъ. Волга вступаетъ за Сарептой въ Астраханское царство, — въ царство степей, киргизской и калмыцкой, полныхъ глинистыхъ и сыпучихъ песковъ и песчаныхъ холмовъ.

²⁾ Архипелагомъ называется собраніе острововъ, лежащихъ недалеко одинъ отъ другого.

Ярмарка въ Малороссіи.

(М. Горькаго.)

Мѣстечко Голтва стоитъ на высокой площади, выдвинувшейся въ луга, какъ мысъ въ море. Съ трехъ сторонъ обрѣзанная напризмѣмъ теченіемъ Псла, эта ровная площадь открываетъ широкіе горизонты на сѣверъ, западъ и востокъ, а въ южной части ея столпились въ живописную группу бѣлыя хатки Голтвы, утопающія въ зелени тополей, сливъ и черешень. Изъ-за хатъ вздымаются на

въ садахъ, дороги вытеса межъ хлѣбовъ, какъ змѣи, и стада вдали на выгонахъ — какъ игрушечныя. На западѣ площадь крутымъ обрывомъ опускается къ быстро текущему Пселу, его вода блеститъ на солнцѣ серебромъ, на берегахъ стоятъ вербы и осокори; за Пселомъ опять поля до горизонта и опять на нихъ куски яркой зелени, полосы созрѣвшаго хлѣба и бѣлыя пятна хуторовъ. Хутора въ рам-

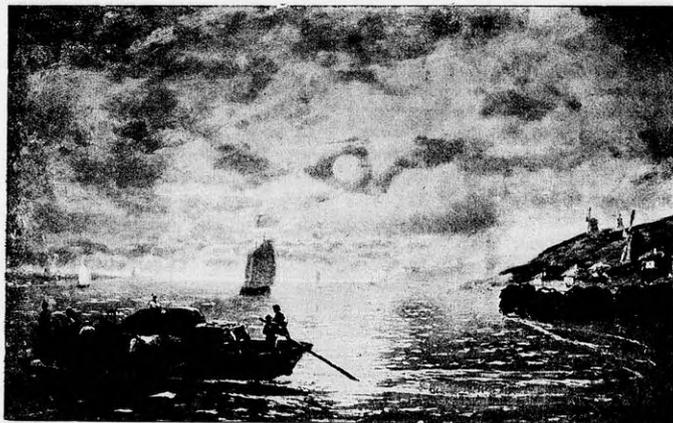

Рис. 199. На Днѣпрѣ въ лунную ночь.

небо, безоблачное и знойное, пять главъ деревянной церкви, простенькой и тоже бѣлой. Золотые кресты отражаютъ снопы солнечныхъ лучей и терпятъ въ блескѣ солнца свои формы — кресты похожи на факелы, горящіе яркимъ пламенемъ. »

На востокъ раскинулась равнина обработанныхъ полей — вплоть до горизонта пестрѣютъ квадраты, желтые и темные; среди нихъ тамъ и тутъ стоятъ пышныя зеленыя лѣвады; бѣлыя хатки прячутся

какъ изъ тополей и вербъ — всюду, куда ни взглянешь... Густо засѣяна людьми благодатная земля Малороссіи!..

Надъ громаднымъ пространствомъ, тѣсно заставленнымъ возами, тысячеголовой говоръ стоитъ въ воздухѣ, знойномъ и пыльномъ. Всюду толкутся, спорятъ и „гребочутъ“ „чоловіки“, горохомъ разсыпаются бойкія рѣчи „жинтутокъ“. Десять хохловъ въ минуту выпускаютъ изъ себя столько словъ, сколько въ то же

время наговорить трое евреев, а трое евреев снакутъ въ ту же минуту не болѣе одного цыгана. Черныя лица, черные волосы и бѣлые хищные зубы цыганъ такъ и мелькаютъ въ толпѣ; ихъ характерная, страстная гортанная рѣчь трещитъ въ ухахъ—за ней не успѣваешь слѣдить. Ихъ проворныя движенія и жесты красивы, но заставляютъ опасаться; быстрые темные глаза съ синеватыми бѣлками сверкаютъ хитростью и нахальствомъ; ловкіе, гибкіе, они являются ласковыми лицами басень и сейчасъ же скалятъ зубы, какъ голодные волки. Четверо изъ нихъ осаждаютъ какого-то „человѣка“, уже сбитаго съ толку и растеряшагося подъ градомъ убдительныхъ рѣчей, осаждающихъ его немудрую голову. Онъ стоитъ среди нихъ, усердно чешетъ затылокъ и тяжело соображаетъ. У него на поводу молоденькая лошадедка. Ее осаждаютъ оводы съ такимъ же усердіемъ и жаромъ, какъ ея хозяина—цыгане. Вокругъ этой группы толпа внимательно слѣдитъ за ходомъ сдѣлки. „Подождите“, говоритъ хохоль. „Не хочъ!—восклицаетъ цыганъ.—Что мнѣ ждаты—хѣба жь я съ того подождо гроши зароблю? Я тебѣ говорю прямо, какъ передъ Богомъ: моя лошадь такая, что и самъ полтавскій губернаторъ на ней поѣхалъ бы куда хочешь, хоть въ Петербургъ! Вотъ на—какая моя лошадь! А что твоя? Только тѣмъ она на мою похожа, что у ней тоже четыре ноги и хвостъ! А какой у ней хвостъ? Это стыдъ, дялько, стыдъ, а не хвостъ...“

Цыганъ ожесточенно дергаетъ лошадь за хвостъ, шупаетъ ее всюду и руками, и глазами и все говоритъ, говорятъ. Его товарищи пренебрежительно совѣтуютъ ему:

— Э, брось! Что тебѣ хочется въ убытокъ мѣняться? Вотъ дурной!.. Брось!..

— Въ убытокъ? Ну и буду мѣняться въ убытокъ! Развѣ жь я моему коню и карману не хозяинъ? Мнѣ человѣкъ нравится, и я хочу человѣку доброе сдѣлать! Дядько! молитесь Господу!..

Хохоль снимаетъ шапку, и она оба истово крестятся на церковь.

— Ну, Господи благослови!—восклицаетъ цыганъ.—Берите жь моего коня и помните мое доброе сердце!.. Берите его и давайте мнѣ пять карбованцевъ придачи!.. Вотъ и все!.. Кончено! Давайте руки.

Хохоль изъ всей силы бьетъ ладонью по ладони цыгана и говоритъ:

— Два дамъ!

— Э! Четыре съ половиной!

— Два!

Цыганъ такъ шлепнулъ по рукѣ хохла, что тотъ потрясъ ею въ воздухѣ и потомъ внимательно осмотрѣлъ свою ладонь, какъ бы удостовѣряясь, цѣла ли.

— Четыре ровно!

— Два!—упорно стоитъ на своемъ хохоль.

— Ну,—утомленно говоритъ цыганъ,—видите жь теперь къ вашей жинкѣ и раскажите ей, какой вы дурень!..

— Два съ половиной,—говоритъ хохоль.

— Вотъ что—молитесь Богу!

Снова молится и снова бьютъ руки другъ друга.

— Ну, берите же на свое счастье, мнѣ въ убытокъ; не хочу я съ васъ, добрый человѣкъ, лишнихъ грошей брать, коли нѣтъ ихъ у васъ въ кармагѣ!.. Даете три съ половиной?

— Ни,—качаетъ головой хохоль, оглядывая лошадь цыгана, понурую и шершавую.

— Три съ четвертью?

— Ни!..

— Чтось ваша жинка сказала вамъ сто разъ „ни“, когда вы у нея борща попросите! Даете три гладкихъ карбованца? И то не даете? Такъ берите же за вашу пѣну!.. Э, пропали мои гроши и конь хороший.

Лошадей передаютъ изъ поля въ поле, и хохоль уходитъ, ведя на поводу вымѣненную крупную рыжую кобылу, равнодушно переступающую разбитыми но-

гами. Морда у нея печальная, и уныло смотреть ея тусклые глаза на толпу людей, критически разглядывающихъ ее.

Но скоро хохоль возвращается назадъ. Онъ идетъ торопливо, такъ что лошадь едва поспѣваетъ за нимъ; лицо у него сконфуженное и растерянное. Цыгане смотреть навстрѣчу ему спокойно и разговариваютъ о чемъ-то на своемъ странномъ языкѣ.

— Це діло не законне,—покачивая головой, говоритъ хохоль, подходя къ нимъ.

— Какое діло?—освѣдомляется одинъ изъ цыганъ.

— А це... Якъ же вы мѣни!..

— А... что вы тоби?..

Бѣдняга хохоль апеллируетъ къ толпѣ: — Добрые люди, ратуйте! Воны мѣни беззубу коняку намісто моей зубатой наміняли!

Толпа не любитъ недовѣжъ такъ же, какъ и слабыхъ. Она становится на сторону цыганъ!..

— А де жь у тоби очи булы?—спрашиваетъ хохла сивый старикъ.

— Не имій зъ цыганами діла!—поучительно заявляетъ другой.

Обманутый рассказываетъ, что онъ смотрѣлъ зубы у коня, но на верхніе не обратилъ вниманія, а изъ нихъ три оказываются сломанными. Должно быть, коня когда-то сильно ударили по мордѣ и сломали ему три зуба. Куда онъ годится такой? Онъ ѣсть не можетъ, вотъ у него какой вздутый животъ.

Человѣка два-три изъ толпы начинаютъ за-

щищать хохла. Возникаетъ гвалтъ, и громче всѣхъ кричитъ, не уставая, цыганъ.

— Э, добрый человѣкъ! чего жь ты затягивъ такую заворуху? Хѣба ты не знаешь, якъ треба конівъ купувати? Конівъ купувати якъ жінку вибирати—все одно, таке вже важно діло!.. Слухай, я тобі скажу відну сказку!.. Якъ були на світі три братика, двое разумні, а третій дурень—осъ якъ ты і божъ я!..

Товарищи цыгана тоже орутъ во всю глотку, оправдывая его, хохлы лѣниво ругаются въ отвѣтъ, толпа становится все гуще и тѣснѣе!..

— Що жь мѣни зостається, добрі люди?—горестно вопрошаетъ обиженный.

— Ходи до урядника!—кричать ему

— А и пойдъ!—рѣшаетъ онъ.

— Стой, чоловіче!—останавливаетъ его цыганъ.—Разорить меня хочешь? Разорить! Давай мнѣ три карбованца, я твою лошадь назадъ видамъ! Желаетъ? Давай да! Желаетъ? Ну, иди и жалуйся!..

Хохлу не особенно пріятно „тягать къ ділу“ урядника, и онъ задумывается. Со

Рис. 200. Днѣпръ. Порогъ „Ненасытець“.

всѣхъ сторонъ ему дають совѣты, но онъ остается глухъ и нѣмъ, рѣшая что-то про себя. Наконецъ, рѣшилъ...

— Ну, отъ що,—уныло говорить онъ цыгану,—нехай Богъ тебя судить. Отдай мнѣ моего коня, а карбованци, два зъ половиной, що ты въ придачу узявъ,—твои... Триста триащівъ тобі у боці—граб!

И цыганъ ограблялъ его съ такимъ видомъ, точно великую милость ему оказаль.

— Догадливі люди!—похваливали „чоловіки“ цыганъ, отходя отъ нихъ.

— Деготь московскій, отличный, фабричный, аккуратный, апаратный, пахучій, тягучій! Шість копеекъ кварта, пятнадцать четверть!—возглашаетъ черниговецъ, возсѣдающій на телѣгѣ. Телѣга, бочка и самъ торговецъ—все это черно и жирно отъ дегтя и все двигается одной сплошной массой, распространяя вокругъ себя характерный аромат.

— А мабудь и по пять за квартиру продайте!—справляется у дегтярника „чоловіки“ въ необычайно широкихъ штанахъ и въ соломенной шляпѣ на голѣвѣ.

— Тпру-у! по пять не могу, хозяину на шесть копеекъ присягалъ.

— А мабудь можно по пять?

— Никакъ...

— Эге... Совсімъ не можно?

— Слушай, дядько, продамъ тебѣ по пять, не говори только никому. Не скажешь?

— Ни, не скажу.

— Ну, давай баклажку.

— На що?

— А на деготь!

— Ты мнѣ того вашего дегтя не треба, бо я вже кушивъ... И тежь по шесть копеекъ и тежь у васъ. Я спротивъ васъ за тѣмъ, ще мабудь вы теперъ дешевле виддаете цей деготь.

Дегтярникъ молча отвертывается, трогаетъ лошадей и ѣдетъ между возами, возглашая о своемъ товарѣ.

Чоловікъ провожаетъ его взглядомъ и говоритъ другому, раскинувшемуся навозу:

— Коли бъ я не куповаль квартиры дегтя утромъ, была бы въ мѣні лишня у кишени...

— Эге жь... Жарко!

— Якъ у пекли...

— Хяба жь твой батько писавъ тебѣ зъ пекла, якъ тамъ жарко? — спрашиваютъ съ воза.

Томящій зной все усиливается. Запахъ дегтя, навоза и пота виситъ въ воздухѣ вмѣстѣ съ тонкой пеленой ѣдкой пыли. Всюду у возовъ стоятъ и лежатъ волю, жуяютъ, не уставая, сѣно и смотрятъ въ землю большими добрыми глазами. Кажется, что они думаютъ — у нихъ такія осмысленная морда и въ глазахъ свѣтится спокойная, привычная печаль. Мычать коровы и телята, блеютъ овцы, раздается звонъ косъ, пробумыхъ покупателей. „Чоловіки“, приѣхавшіе продавать скотъ или руно, лежатъ подъ возами, скрываясь отъ солнца и ожидая покупателей.

„Чоловіки“ покупающіе расхаживаютъ между возами, высматривая скотъ и шагали черезъ ноги продавцовъ, разбросанные на землѣ. У каждого покупателя въ рукѣ кнутъ и, подходя къ возамъ, покупатель считаетъ нужнымъ выгнуть смиренную скотину по боку кнутомъ. Волю медленно поднимаются на ноги, если они лежали, и тяжело двигаются отъ удара, если стояли на ногахъ.

— Скілки за цю пару просите?—спрашиваетъ покупатель пространство.

Изъ-подъ воза раздается неторопливый отвѣтъ:

— Девяносто рубль...

— И то гроши,—говоритъ покупатель и отходитъ или спрашиваетъ:—А чего жь бы вамъ, дядько, цілу сотнигу не просить?

— Та вже мнѣ больше того, скілки треба, не треба грошівъ. А коли вы вжетакий добрый, то давайте и усю сотню—я вьизму...

— Спасібо вамъ... А скілки жь бы діломъ узяли?

— Тавже такъ, щобъ не долго балакатъ, вьизму и съ васъ... девяносто рубль.

Начинается торгъ. „Чоловіки“ не торопятся—это совсѣмъ не въ ихъ характеръ, и продавецъ вытѣзаетъ изъ-подъ воза не ранѣе того, какъ убѣдится, что покупатель серьезный. Понемногу

горячатся, и вотъ уже бьютъ другъ друга по рукамъ, молятся по десяты разъ и больше, расходятся, снова сходятся. Все дѣлается медленно, но основательно, вдумчиво. Обычной ругани великоруссовъ не слышно, ее замѣняетъ колкій и мѣткій юморъ, щедро украшающій рѣчи. Не слышно и великорусскаго „тыканья“.

Евреи вертятся межъ возовъ, какъ вьоны. Они обо всемъ спрашиваютъ, все щупаютъ и все покупаютъ. „Чоловіки“ говорить имъ „ты“ и смотрятъ за ними въ глаза. Паны встрѣчаются съ „чоловіками“ съ чувствомъ собственного достоинства, и въ разговорѣ съ паномъ у хохла сквозь вѣшнюю почтительность пробивается не одна нотка пренебреженія.

У одного изъ возовъ корова, привязанная къ нему, вдругъ зашаталась и въ корчахъ повалилась на землю. „Жинка“ продававшая ее, соскочила съ воза и закрутилась вокругъ больного животнаго, какъ въ вихрѣ. Испугъ, граничащій съ ужасомъ, выразился на лицѣ бѣдной женщины, сразу лишившейся надежды продать свою добрую скотину.

Рис. 201. Малороссія. Бахча съ арбузами.

— Ой, Господи! Ой, добри люди! Радуєте... що воно таке? що воно? Ой, Мати Пречистая!

Сразу выросла толпа и принялась горько обсуждать несчастье. Дѣлали предположенія, отъ чего именно заболѣла корова и какъ всего лучше лѣчить ее. Явился какой-то древній старикъ, весь, точно плѣсенью, покрытый лохмотьями, и началъ отчитывать корову, творя шопотомъ молитву. Толпа снимала шапки и молча ждала результатовъ моленія, изрѣдка крестясь. А корова билась на землѣ въ судорогахъ, пыталась встать и снова грузно падала. Она тяжело вздыхала и много боли было въ ея кроткихъ глазахъ. Потому ея хозяинъ, сивль съ головы шапку, сталь ея растирать хребетъ животнаго, трижды обвелъ шапкой вокругъ роговъ, трижды вокругъ шеи и столько же вокругъ хвоста. И это не помогло. Принесли бутылку дегтя и вылили въ глотку животнаго, потомъ угостили его скиндаромъ, наконецъ явился коноваль, угрюмый мужикъ, съ разнообразными инструментами у пояса. Онъ важно осмотрѣлъ корову и пробѣлъ ей

каким-то ржавым гвоздем вену на шею. Тонкими струйками хлынула густая черная кровь. Какой-то моралист нашелся в толпе. Он посмотрел на корову и ее хозяйку, убитого горем, и сказал:

— Отъ це вамъ, дядько, Божье наказаніе... Здаеця мнѣ, що хотѣли вы утайти, яко вона ваша корова... и отъ кровѣ Господь людемъ вашу думку... отъ якъ!

Хохоль посмотрѣлъ на него и грустно покачалъ головой.

— Богъ мою думку знае, — вздохнулъ онъ.

А рядомъ съ этой сценой разыгрывается другая. „Жинка“, размахивая руками, какъ поломанная мельница крыльями, бранитъ своего „чоловіка“. Онъ сидитъ на землѣ, опираясь въ нее руками и блаженно улыбается. Носъ у него красный, сияющій, шапка на затылѣ, воротъ рубахи развязался, и солнце бьетъ ему прямо въ грудь и лицо.

— Голодранецъ ты! Хвѣ жъ морди твоей не стыдно? Э-э, шибеникъ! Визму кнутъ, та якъ учу стегать...

— Оле-ена, утыхо-о-омырся-а, — тянетъ „чоловікъ“, подмигивая жинкѣ. — Слухай... я и тобі пивкарты купивъ.

— О-о! — стонетъ жинка. — Безстыжки очі!

Наклоняясь къ мужу, она съ великимъ трудомъ приподнимаетъ его съ земли и старается засунуть это расслабленное хмельемъ тѣло подъ возъ. „Чоловікъ“ стучается головой о колесо и предупреждаетъ жену:

— У кармані штанивъ скляниця... то лигъ бы и... и вона не побилась... э?

Черезъ минуту оба они дружелюбно распиваютъ „пивкарты“ и добрая, хотя строгая, супруга уже обложила своего благоговѣрнаго съюзя и одеждой такъ, что онъ могъ свалиться въ любую сторону безъ риска удариться своей головой о колесо.

Молоденькій еврей съ ящичкомъ на груди ходитъ и кричитъ:

— Роменскій табакъ! Панскій табакъ! Крѣпчайшій табакъ! Чортъ курить — дымомъ жинку уморилъ.

— Отъ це добрый табачино, коли зъ его жинки мрутъ! — замѣчаетъ какой-то Солошій Черевикъ.

Въ центрѣ ярмарки два длинныхъ ряда палатокъ образуютъ широкую улицу, слышъ набитую народомъ. Подъ однимъ изъ полотняныхъ навѣсовъ пріотисался еврей съ рулеткой. Его окружаетъ плотная толпа преимущественно молодежи и изъ нея то и дѣло раздаются то угрюмые, то возбужденные голоса:

— Красна! Черна! Четъ! Проигралъ!

Въ сторонѣ блѣдный и встревоженный парубокъ уговариваетъ другого:

— Онисиме! Дай же мнѣ карбованецъ! Бо я мабутъ и ворочу мой гроши... О, не играть бы мнѣ въ ту бисову штуку... Вертаться, вертаться, та и вывернетъ твои карманці...

Остробородый ярославецъ торгуетъ гребешками, ножичками, книжками, мыломъ.

— Паж-жалуйтеся! Заграничные тозари! Столичныя книги! Благовонныя мыла! Небесные духи! — Молодой юноша, позволяете вамъ предложить книжечку для пріятнаго чтенія-съ! Не угодно ли подробно рассмотреть, очень занимательная исторія — Смерть господина Ивана Ильича, сочинение графа Толстого! При семь же веселая комедія — „Плоды просвѣщенія“. Очень тонко осмѣяны господа столичные и русскіе мужики. Продаю за двадцать копеекъ-съ! Графское сочиненіе — за двугривенный, дешевле никто не продастъ! А вотъ еще не пожелаете ли — „Князь Серебряный“? Про царя Ивана Грознаго... по случаю того, какъ эта книжечка уже читана, за тридцать пять копеекъ отдамъ! Стихи поэта Пушкина-съ по пятячку и по три копейки книжка!... Прекрасные стихи, самого веселаго содержания... „Андрей Безстрашный, русская повѣсть“... цѣна три копейки! „Ипанча, татарскій набѣдникъ, взятіе города Казани!“ „О раз-

веденія куръ“ — не желаете ли просвѣтиться? Пять копеекъ цѣна... Машинка для усовъ — извольте-съ! „Житіе иже во святыхъ отца нашего“... Красавица, купите зеркальце! Душистое мыло есть!.. Чего-съ? За Ивана Ильича и гривеникъ? Напечатано на книжкѣ — двадцать. За гривеникъ могу продать вотъ-съ „Еврейскіе разсказы“... Тетка! ты такъ гребень сломаешь... Почтенный, купите бритву? „Загробная жизнь, или о томъ, что ждетъ душу нашу по смерти“... Весьма полезно знать. Цѣна полтина. Не желаете? „Болѣзні домашнихъ животныхъ“ — полюбопытствуйте! „Вегетарианская кухня“... А то вотъ часики продаю — серебро какъ золото, ходъ самый правильный, цѣна дешевая!.. Почтеннѣйшій! Мыльца для дочки не желаете ли приобрести?.. Последнее слово, милы: за Ивана Ильича восемнадцать копеекъ...

Ни одну секунду не молчитъ этотъ сухой и поджарый ярославецъ, продающій сразу двумъ десяткамъ покупателей. Его звонкій голось издаетъ влечетъ къ нему народъ и около его лавочки гѣсная толпа. Одни покупаютъ, другіе просто смотрятъ на продавца и слушаютъ его бойкую, разсыпчатую рѣчь. Здоровенный усатый хохоль долго тарачилъ на ярослава больше выпуклые глаза и вдругъ расхохотался.

— Чого вы, пане, речете? — спросилъ его сосѣдъ.

— Та ось винъ, цей москаль, нехай ему, бисову сыну, гадюка у глотка влизе... Винъ совсімъ якъ та молотилка язкомъ работаетъ. Доброму чоловіку у місяць стільки не казати, якъ винъ у часъ кажетъ...

А у возовъ съ глиняной посудой изъ Опощин — посудой, замѣчательной по рисункамъ, но грубоватой по исполненію — торгуютъ хохлы. Здѣсь не тороятся. Вотъ какаля-то разомылъшая отъ жары женщина съ зонтикомъ въ рукахъ подходить, беретъ макитру — подобіе велико-

русской корчаги — и, рассмотрѣвъ ее, спрашиваетъ:

— Скільки грошей?

— За що? — оспѣдомляется продавецъ, возлежащій подъ возомъ на брюхѣ.

— А за макитру...

— Тридцать пять копеекъ...

— О, лишечко! та то доже дорого!

— Хвѣ жъ?

— А звисно! Вотъ она не ровна, та корява...

— А що жъ вы, пани, съ цей макитры стрѣляти хотите, чи що? Зачимъ ей бути ровной! Не руже вона, а макитра.

Рис. 202. Малороссіянка.

— Та воно вірно... Ще и не гладка вона, та и тускла яка-то.

— Такъ же то зеркало, пани, гладко та блестяще зеркало, а не макитра...

— Вона и дребезжить...

— О? То значить — въ ней дірка е.

— То-то е дірка...

— А вы, пани, подівитесь, може и знайдете крѣпку макитру.

Пани смотритъ макитры, а продавецъ неподвижно лежа подъ возомъ, смотритъ на нее.

— Будьте милостивы, скажите мне, отъ така хороша?—показываетъ пани въбранную посуду.

— Це? Зо всёхъ наилучша...

Начинаютъ торговаться. Это длится долго, часто прерываясь паузами, во время которыхъ женщина выдумываетъ все новые и новые недостатки макитры, а торговецъ наслаждается покоемъ въ тѣни воза. Бойчѣ торгуютъ жінки. Онѣ продаютъ какое-то розовое питье, вишни и тарань. Этой рыбы цѣлые вороха лежатъ на землѣ, и такъ какъ ее здѣсь очень любятъ, она покупается хорошо. Звонкіе голоса женщинъ такъ и рѣжутъ уши.

— Рыба черноморская, керченская ику-сна та соленая!

— А вотъ ще наилучша рыба!

Вечерѣтъ. Солнце уже низко надъ лугами, и пыль, тучей стоящая надъ ярмаркой, кажется розовой въ лучахъ заката. Всюду гонятъ скотину на Песель, раздаются мычаніе, суровые окрики, кое-гдѣ налаживаются пѣсни. Веселые звуки сопилки несутъ со стороны погоста. Тамъ у земляного вала, ограждающаго ниву опочившихъ, собралась толпа хлопцевъ и, не обращая никакого вниманія на „дѣдовы могилы“, собираются „танцовать“ въ виду ихъ. Топола на погостѣ тихо качаютъ вершинами, точно протестуя противъ нарушенія мира и тишины въ мѣстѣ упокоенія.

Двое пьяныхъ распѣваютъ, идя къ погосту. У обоихъ блаженный красный лица, оба они охрипли отъ усилій пѣть согласно: одинъ сдвинулъ шапку на ухо, а другой держитъ ее въ рукѣ и держи-

руетъ ею, не замѣчая, что изъ нея выльзлы и болтаются въ воздухѣ каніа-то тряпки и куски пенки. Отъ погоста навстрѣчу имъ несется дробный топотъ ногъ, съ жаромъ выбивающихъ гопака, и задорные, хотя тихіе, звуки сопилки.

Тѣни отъ возовъ становятся все длиннѣе. Жара спадаетъ. Съ луговъ тянетъ запахомъ свѣже-скошеннаго сѣна. Солнце сѣло, и на небѣ задумчиво замерли легкія облака, еще розовыя отъ заката. Шумъ понемногу стихаетъ; люди, измороженные хлопотами и зноемъ дня, укладываются спать на воздухѣ и подъ возами. Тяжело дышатъ волы, пережевывая сѣно, фыркаютъ лошади.

Теперь уже всё звуки разрознены и ясно слышны, они и не сливаются въ тотъ гулъ, что оглушалъ и ослѣплялъ въ теченіе дня. Вотъ раздается торжественная музыка. Около слѣпого, играющаго на фисгармоникѣ, толпа молчаливыхъ людей стоитъ безъ шапокъ и благоговѣнно слушаетъ музыку.

— Господа симъ восхва-а-лимъ и возблагодаримъ Творца на-ашего, — поетъ слѣпой, аккомпанируя себѣ на звучномъ инструментѣ. Грустныя и успокаивающія ноты печально вьются въ воздухѣ надъ головами молитвенно настроенныхъ людей, покрытыхъ потомъ и пылью. Иные шепчутъ что-то—видно какъ шевелятся ихъ губы,—иные вдыхаютъ... Большинство нѣмо, неподвижно и глубоко-серьезно.

А со стороны погоста несется удалая пѣсня, исполняемая могучимъ хоромъ молодыхъ голосовъ.

Ночь идетъ.

Въ Заволжскихъ лѣсахъ.

(Изъ разск. Засодимскаго).

Лѣсъ и лѣсъ... Лѣса,—вблизи зеленые, кажутся издали синеватыми и чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе темнѣютъ, а вдали, на горизонтѣ, завлакаваются темно-сизымъ туманомъ. Городовъ нѣтъ въ этомъ лѣсномъ царствѣ, а деревни, разбросанныя

на нѣсколько десятковъ верстъ одна отъ другой, утопаютъ въ зеленой тѣни.

Почва здѣсь песчаная, неплодородная. Земля здѣсь кормитъ заволжанина не долбе, какъ до Рождества. Климатъ неровный. Какъ подуетъ зимой съ сѣвера,

такъ морозъ и хлѣтитъ до 30°; лѣтомъ днемъ отъ жары можно задохнуться, а вечеромъ сыро и холодно. Непроницаемая масса лѣсовъ не даетъ сюда доступа освѣжающимъ вѣтрамъ. Вечеромъ, еще до захождения солнца, надъ болотистою почвой начинается подниматься туманъ, все застилающій собою, какъ сѣрою дымкой, и насквозь пронизывающій холодомъ и сыростью. Здѣсь грозы чаще, чѣмъ въ безлѣсномъ нагорьи; здѣсь больше выпадаетъ дождя и снѣга. Лѣтомъ въ лѣсу оводъ не даетъ покоя ни людямъ, ни скоту. Спасаться отъ него можно лишь куревомъ и смоляной сѣткой изъ нитокъ, которую надѣваютъ на голову. Въ этомъ своеобразномъ краю даже и у воды свой особый пѣвѣтъ—густоперепрыгаю чая. Жители нагорной стороны называютъ эту воду „боровую“. Но, несмотря на свой темно-красный цвѣтъ, здѣшняя рѣчная вода до того прозрачна, что на глубинѣ болѣе сажени, при песчаномъ днѣ, можно рассмотреть всё камешки и раковинки.

Нижегородское Ветлужье въ пять разъ меньше Костромского: зато население въ немъ плотнѣе, промышленность и торговля оживленнѣе. Правая сторона Ветлуги порѣдѣла уже на далекомъ разстояніи. Кое-гдѣ лѣса отодвинулись отъ рѣки, скрылись изъ виду вонь,—да и изъ тѣхъ, что удѣляля, нѣкоторые утратили свой первобытный характеръ: ни роста, ни дороства, ни прежней густоты мѣстами уже не осталось и сѣдѣ.

Нижегородское Заволжье орошается рѣками Ветлугой съ ея притоками и Керженюмъ, который въ одной старинной волжской пѣснѣ называется „рѣкою быстрою, омутистою“. Главный притокъ Ветлуги—Люнда. Лѣсовъ по Люндѣ много и до сихъ поръ, и идутъ они сплошною гущью до самаго Керженца. Лѣса хвойные, но встрѣчается и вѣковой дубнякъ, употребляемый пчеловодами на бортѣ. Въ лѣсахъ много птицъ и звѣрь, не мало пристаегъ и перелетной дичи. По берегамъ залегаютъ обширныя болота.

Славль производится лишь во время половодья. Но и здѣсь Ветлуга остается главной артеріей края. Хлѣбъ сюда идетъ преимущественно изъ Чебоксарь и Лыскова, а сплавляются отсюда рожи, тесь, смола, деготь, уголь, жерди и всякая посуда, и все это идетъ въ Саратовъ и въ Дубовку. На пристани Огарской до послѣдняго времени строились барки—казенныя и частныя; въ казенныхъ сплавлялся корабельный лѣсъ, а въ частныхъ разные лѣсные материалы въ низовья губерніи. Отсюда же много споняется бревенъ и плотовъ. На пристани при деревнѣ Копыловъ барки грузятся смолою и дегтемъ, такъ какъ эта деревня стоитъ почти въ центрѣ смолокурныхъ и дегтирныхъ заводовъ.

Деревня Копылово замѣчательна еще тѣмъ, что немного выше ея по теченію рѣчной берегъ, подымаемый водами, съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе обваливается и съ каждымъ обваломъ обнажаетъ множество человѣческихъ костей. Вѣроятно, тутъ нѣкогда существовало кладбище, можетъ-быть, какихъ-нибудь первобытныхъ обитателей финскаго племени. Народное преданіе поясняетъ, что здѣсь еще до появленія монголовъ было русское селеніе Березовка и это „жило“ будто бы было разорено во время Батыева нашествія. Богатѣйшія рыбныя тони здѣсь — коткишевскія. Выше села Коткишева есть три омута: называются они „ямами“. Они отдѣляются другъ отъ друга песчаными перекатами, по которымъ вода течетъ съ особенною быстротой. Эти омуты—до 10 сажень глубины и представляютъ собой настоящіе садки для лещей и стерлядей. Въ этихъ омутахъ, по здѣшнему выраженію, „ихъ боемъ набито, словно гризи“. Хорошія рыбачьи тони и на Люндѣ.

Лѣсныя богатства не уступаютъ рѣчнымъ. Здѣсь олени тѣбунятся стадами, бродятъ лоси и медвѣди, шныряютъ лисыцы,—встрѣчаются даже чернубурья. Но всего болѣе здѣсь волковъ, зайцевъ

и б'локъ. Б'локъ—милліоны. Зам'чательно ихъ путешествія изъ края въ край: тогда онѣ несутся тучей по землѣ и по деревьямъ, пускаются вплавь черезъ р'чки. Рассказываютъ, что осенью одинъ рыбакъ, попавши случайно на живой ихъ переходъ, пришелъ въ ужасъ. Черезъ р'чку плыло ихъ на пространства болѣе 100 сажень. Волки осенью и зимою рыщутъ здѣсь стаями и бьютъ такъ дерзко, что позднимъ вечеромъ или ночью разгуливаютъ около селеній, а иногда заходятъ и въ самыя селенія. Они нападаютъ на путниковъ, и ихъ неприятнымъ воємъ по ночамъ оглашаются лѣсныя чащи. Птичье царство здѣсь также богато и разнообразно.

Жители нижегородскаго Заволжья также почти исключительно кормятся отъ лѣсныхъ промысловъ. Большую часть зимы они проводятъ въ лѣсу, занимаясь рубкой бревенъ, перевозкой и сплавомъ ихъ.

Въ Макарьевскомъ уѣздѣ, верстахъ въ 30 отъ села Воскресенскаго, тянется казальныя роци съ великолѣпными, громадными лиственницами. Въ извѣстное время, по назначенію начальства, здѣсь производится рубка деревь. Рабочіе, занимающіеся рубкой, называются „лашманами“. Одни изъ нихъ бьютъ п'шше съ топорами, другіе—конные для вывозки бревенъ. Рубка производится зимою. Вокругъ много вѣкового великана, пережившаго десятки людскихъ поколѣній, собирается нѣсколько лашмановъ,—начинаютъ сверкать топоры, мѣрно и ровно раздаются удары. „Нѣкоторое время спокойно и неподвижно стоятъ гиганты, какъ бы съ презрѣніемъ поглядывая на пигмеевъ, дерзнувшихъ нарушить его вѣковое спокойствіе. Потомъ замѣчается легкое сотрясеніе въ сучьяхъ, какъ будто дрожь отъ чувствемой боли пробѣгаетъ по членамъ дерева. Между тѣмъ удары сыплются за ударами, потъ катится съ лица работающихъ, вершина дерева начинаетъ колебаться, зорко слѣдитъ за

нимъ надсмотрщикъ, раздается слабый, болѣзненный скрипъ. „Прочь!“ кричитъ громовымъ голосомъ надзиравшій, лашманы быстро отскакиваютъ въ сторону, дерево начинаетъ качаться, какъ будто дѣлая послѣднія безполезныя усилія, чтобы встать, выпрямиться на зло врагамъ. Но вдругъ слышится сильный скрипъ, какъ бы послѣдній стонъ прерывающейся могучей жизни, и великанъ падаетъ мгновенно, съ страшнымъ трескомъ, съ шумомъ, въ послѣднемъ припадкѣ ярости разрушая все, встрѣчающееся на пути его паденія. Какъ цепки переламываются подъ его тяжестью встрѣчныя деревья, отбитые сучья въ нѣсколько пудовъ вѣсомъ летятъ прочь, за пять, за десять сажень, облака снѣжной пыли выдвигаются изъ-подъ туловища поверженного богатыря“. И валятся такіе великаны—дерево за деревомъ.

Здѣсь на пристаняхъ строится много судовъ, всего болѣе б'лянь, снаряжаются также и „соймы“—родъ плота, шириною около 10 сажень, а длиною до 20, причемъ передняя часть обыкновенно дѣлается уже задней; грузятся они бревнами, брусьями и тесомъ. Предметы сбыта—рѣ же, что и повсюду въ лѣсномъ Заволжьи: смола, деготь, рогожя, дрова, уголь, ленъ и т. п.

Кромѣ рубки и сплава бревенъ, здѣсь практикуются и всѣ прочіе виды лѣсного матеріальнаго промысла. Заготовка льякъ и тканье рогожъ издавна и до сего времени являются самымъ распространеннымъ промысломъ. Еще не очень давно на 1000 станкахъ заготовлялось всякой рогожи въ теченіе года около 3 милліоновъ штукъ. Золотое время было для заволжянина, когда липовыя роци раскидывались на десятки верстъ, росли подъ рукою. Въ ту пору на рогожѣ быстро наживались громадные капиталы. Нынѣ этотъ промыселъ въ здѣшнихъ мѣстахъ замѣтно клонится къ упадку. За недостаткомъ липы, мочала для рогожъ получается на Веглугу издалека—верста за

100 и болѣе, изъ Казанской и Вятской губерній.

Смолу и деготь „сидятъ“ почти въ каждомъ околоткѣ. Небольшая рѣчка Гомилыха установлена сплошь смоляными и дегтарными заводами; всѣхъ котловъ и казановъ насчитывается до 300. Иные работаютъ круглый годъ, другіе лишь въ теченіе шести мѣсяцевъ. Отсюда ежегодно выставляется смолы и дегтя до 180 тыс. пудовъ,—на 70—85 тыс. руб. Сидка смолы и дегтя, какъ извѣстно, требуетъ много дровъ; слѣдовательно, здѣсь получается и много угольевъ. Кромѣ того, уголь еще заготовляютъ специально, жгутъ въ ямахъ. Углемъ нагружаются цѣлыя б'ляны,—въ каждой б'лянѣ до 10 тыс. кулей угля. Въ нихъхъ мѣстахъ здѣсь собираютъ „сѣру“ съ хвойныхъ деревь и перетапливаютъ ее въ казанахъ, постѣ чего разливаютъ по большему деревяннымъ чашкамъ и глинянымъ плошкамъ и даютъ остыть. Оставшіе колоба вѣсятъ отъ 1 до 1½ п. и идутъ на водочные заводы, гдѣ изъ нихъ готовится сургучъ для запечатыванія бутылокъ. Хвойная „сѣра“ сбывается въ Нижній. Въ старые годы здѣсь было въ большомъ ходу бортевое пчеловодство, но въ началѣ настоящаго столѣтія оно упало и уцѣлѣло лишь въ средѣ черемисъ. Мѣсто бортевого пчеловодства заступило ульевое. Охотого занимаются черемисы и кое-гдѣ великоруссы. Въ глухомъ краю, къ Керженцу, бьютъ лосей, медвѣдей, лисицъ, волковъ и другіяхъ звѣрей, а изъ птицъ, главнымъ образомъ, рябчиковъ и тетеревей.

Кромѣ звѣрей и птицъ, лѣсныя займища богаты ягодами и всякой губаной (грибами). Иное лѣто ягодъ и грибовъ уродится столько, что ихъ носятъ, носятъ изъ лѣса всѣ—старый и малый—и никогда не выносятся этого добра дочиста. А вѣдь носятъ, какъ говорится, въ рукахъ и въ зубахъ, да еще вдобавокъ цѣлыми возами возятъ домой. Въ урожайный годъ малина, черника, брусника

разсыпана по лѣсу повсюду. Сушеная малина и черника всего больше отправляется въ Нижній. Собирается здѣсь немало можжевеловыхъ ягодъ (можжуха): вся эта ягода—въ громадномъ количествѣ—идетъ на квасъ, который въ Заволжьи въ большомъ употребленіи. Богатствомъ ягодъ и грибовъ особенно славится зарѣчныя урочища, извѣстная подъ именемъ „черемисъ“, лежащая въ черемисскомъ околоткѣ. За брусникою и груздями сюда прѣзжаютъ даже изъ Козьмодемьянска. Ягодъ, буквально, насыпаются цѣлыя телеги; соленые грибы, называемые здѣсь „губами“, также вывозятъ возами. Иналъ семья въ лѣто на грибахъ и ягодахъ выручаетъ рублей до 30. Собираніе грибовъ и ягодъ считается работой веселой.

Такъ заволжянинъ почти исключительно кормится своимъ „лѣсомъ“ и всю жизнь свою проводитъ среди лѣсовъ.

Городовъ нѣтъ въ этомъ лѣсномъ царствѣ; не могли они возникнуть здѣсь. А изъ десятка селъ самое видное—село Воскресенское, стоящее много уѣзднаго города. Это—старинное, торговое село, богатое и многолюдное. Широко оно раскинулось по ровной возвышенности правого берега Веглуги. Въ немъ болѣе 300 домовъ, есть дома трехэтажные, двѣ церкви и болѣе 2000 жителей. Въ нижегородскомъ Заволжьи нѣтъ другого рынка, гдѣ торговые обороты производились бы въ такихъ широкыхъ размѣрахъ, какъ въ селѣ Воскресенскомъ. Даже города Балахна, Семеновъ и въ особенности запустѣлый и захудалый Макарьевъ далеко уступаютъ этому селу. Однимъ словомъ, с. Воскресенское—одно изъ важнѣйшихъ средоточій заволжской торговли. Сюда собирается изъ всѣхъ близлежащихъ краевъ торговцы съ мѣстными издѣльями; сюда прѣзжаютъ закупщики даже изъ приволжскихъ губерній.

Базары здѣсь бьютъ зимою по вторникамъ, лѣтомъ—по воскресеньямъ. Ка-

занские черемисы по зимѣ привозятъ хлѣбъ, а лѣтомъ—медь и всякіе лѣсные продукты. Вятчане везутъ хлѣбъ и мочалу. Костромичи также подвозятъ мочалу, но больше прѣзжаютъ для закупки хлѣба и разныхъ издѣлій.

Не безынтересенъ и своеобразенъ типъ здѣшняго торговца. „Ловкій мужикъ-торговецъ,—пишетъ Печерскій,—шмыгаетъ изъ края въ край всю зиму. Туда повезетъ одного, оттуда привезетъ другого; самъ на пристяжкѣ идетъ, работаетъ вполонину лошади, тутъ плечомъ подопретъ, тамъ кнутомъ подстегнетъ, а все впередъ подвигается. Сбуришка мочальная, хомутишка соломенный, тутъ подвернуто, тамъ подстегнуто, а все же впередъ подвигается. Подвигается, подвигается, да и доѣдетъ; барыши возьметъ впрое, пробѣсть — ничего, все изъ пещура (крестьянскій лычный ранаецъ), наберетъ товару да въ другое мѣсто, опять ухабы считаетъ, опять въ закоухахъ мается, да такъ всю зиму, а къ лѣту сдѣлаетъ то, чего не придумаетъ ни одинъ Ротшильдъ. Съ семью цѣлковыми прожить зиму съ лошады, цѣлковыхъ 10 подати заплатить, да и деньги съ процентами возвратитъ. Хитра крестьянская русская промышленность, и не скоро поймешь ее тотъ, кто не увидитъ всего своимъ глазомъ“.

Но, несмотря на всю свою изворотливость, несмотря на все свое умнѣе „на обухъ рожъ молотить“, бѣдны лѣсные жители, и мало красныхъ дней и радости видятъ они въ жизни. Многие круглый годъ не видятъ мясной пищи, даже молоко, получаемое отъ мелкихъ и тощихъ коровъ, сберегается только для дѣтей, а взрослые принуждены довольствоваться творогомъ, разведеннымъ сывороткою или водой. Далеко не у всякаго изъ ветлужанъ находится лошадь или корова,—оттого перѣдко и поля остаются неза-

сѣянными. Жалко смотрѣть на этихъ бѣдняковъ, всю жизнь проводящихъ въ тяжкомъ трудѣ, въ борьбѣ съ горемъ и бѣдностью. „Мало случается видѣть такихъ стариковъ, которые бы имѣли видъ людей, счастливо прожившихъ своей вѣкъ, съ лицами, цвѣтущими здоровьемъ и выражающими счастье. Дряхлость, кажется, не составляетъ здѣсь исключительной принадлежности старческаго возраста. Если поставить этихъ жалкихъ, чахлахъ и приземистыхъ бѣдняковъ рядомъ съ жителями нагорной стороны, то контрастъ выйдетъ поразительный. Одни люди крупнѣе, здоровые, съ бѣлыми лицами, съ мягкими русыми волосами; другіе—хмурые, смуглые, съ темными волосами, висящими подобно космамъ грубаго невчесаннаго льна, не выдавашаго гребни. Самыя строения той стороны обличаютъ крайнюю бѣдность ея жителей. Окруженные строевымъ лѣсомъ со всѣхъ сторонъ, они все-таки живутъ въ жалкихъ избахъ, грязныхъ, какъ хлѣвъ, и совершенно черныхъ отъ дыма и копоти. Дворъ стоитъ изъбы. Это просто кое-какъ „скарганенный“ заборишка изъ жердей, съ кучею соломы и всякаго хлама наверху, гдѣ по зимамъ мерзнетъ скоть и куда иной разъ забирается даже волкъ. Не даромъ же жители нагорной стороны зовутъ лѣсное Заволжье „Сибирью“, разумѣя подъ словомъ „Сибирь“ страну печальную, безъ житейскихъ удобствъ и безъ радостей.

Нарѣчие здѣсь страшно исковерканное; горожане зовутъ его „заволжская какурко“. Въ буквахъ происходитъ путаница, буква „ц“ замѣняется буквою „ч“ и наоборотъ (цево, чарь и т. д.); говоръ тягучій, нараслѣвъ, съ постояннымъ удареніемъ и окончаніемъ на „о“ (Иванко, матотко); кромѣ того, въ нарѣчій много словъ чудскихъ, доставшихся въ наслѣдство отъ чувашей и черемисъ.

Подъ землей.

(Изъ разск. Серафимовича).

Сквозь густую мглу впереди въ десяткѣ саженой мелькнули красноватые огни лампы. Удары и характерный осыпающійся шорохъ теперь явственно неслись отсюда.

Сводъ понижался все больше и больше; рабочій опустился, наконецъ, на колѣни и полѣзъ на четверенькахъ; мы сдѣлали то же и черезъ минуту очутились среди странной, невиданной дотолѣ обстановки. Узкій проходъ раздался, уходя въ обѣ стороны въ темноту,

а сверху, на разстояніи всего полутора аршинъ, ровно и гладко тянулась густая порода. Короткія стойки, плотно упирався рядами въ верхній и нижній пласты, странно блѣднѣли древесной среди этой непривычной обстановки, поддерживая огромную, давившую ихъ тяжесть въ миллионы пудовъ. Здѣсь, даже согнувшись, нельзя было ходить и только можно было передвигаться ползкомъ. Это было мѣсто выработки угля. Со всѣхъ сторонъ, дыма среди тяжелой, густой мглы, слабо и какъ будто съ усиленіемъ горѣли лампы, и сквозь дымъ тамъ и сямъ смутно виднѣлись скорчившіяся фигуры молча работавшихъ или пробравшихся на четверенькахъ между стойками рабочинокъ. Воздухъ, пропитанный гарью, дымомъ и испареніями человѣческихъ тѣлъ, былъ сладковато-приторенъ и сильно нагрѣтъ. Шумъ врывающихся топо-

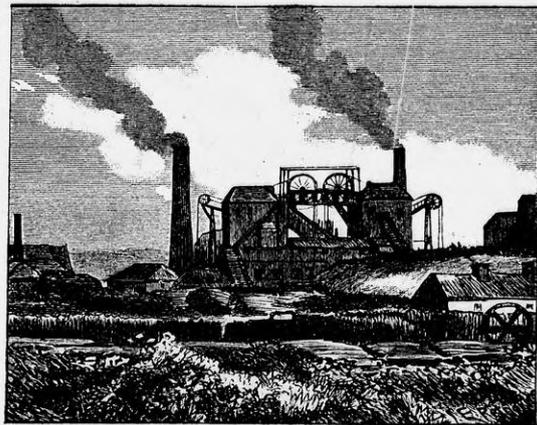

Рис. 203. Наружное строеніе каменноугольныхъ колей.

ровъ, осыпавшіяся порошекъ угля, учащенное, прерывистое дыханіе работающихъ людей, наполняли это глухое подземелье.

Я проползъ дальше между стоящими по пути подпорками. Металлическій впазмъ антрацита при слабомъ меркнущемъ пламени лампы бросался въ глаза. Мощный пластъ его, въ полтора аршина толщины, залегалъ здѣсь, зажатымъ сверху и снизу между каменными породами, и его отсюда надо было добывать. И я невольно съ какимъ-то смѣшаннымъ чувствомъ удивленія и почти страха глядѣлъ на эту поблескивавшую на лампахъ мертвую поверхность уплотненной массы, требовавшей отъ людей такихъ усилий, напряженія и риска. Ощущеніе вѣсшей надъ головою тяжести давило. Достаточно было малѣйшаго сдвига почвы, сотрясенія, просачиванія воды или встрѣчи мягкаго

грунта, чтобы вся эта страшная масса, раздробивъ въ щепы подпорки, опустилась до самаго пола.

Вязкій глухой ударъ раздался возлѣ меня, и въ то же мгновеніе черная туча осколковъ угля обдала мнѣ лицо, больно проебъвая кожу. Я отшатнулся въ сторону. Шагахъ въ трехъ отъ меня рабочій врубался въ каменноугольную массу, отдѣляя ее отъ пола. Онъ лежалъ на лѣвомъ боку и частью на спинѣ и, держась обѣими руками за длинную рукоятъ особеннаго удлинненнаго топора, съ усиліемъ взамахивалъ имъ надъ самымъ поломъ, болѣзненно содрогаясь всѣмъ тѣломъ отъ крайне неловкаго положенія и усилій падать въ одно и то же мѣсто (рис. 204); голова тянулась за ударами и ноги судорожно подергивались, шурша по мок-

Рис. 204. Работа забойщиковъ въ рудникѣ.

рому полу мелкимъ углемъ. И каждый разъ, какъ кайло глубоко и съ силой врубалось снизу въ узкую расщелину, отдѣляя угольный пластъ отъ каменнаго пола, брызги осколковъ съ шумомъ вырывались отсюда, съ ногъ до головы обдавая забойщика. И онъ въ тактъ каждому взмаху напряженно и торопливо отворачивалъ голову, крѣпко зажмуривая глаза. Я слышалъ его подавленное дыханіе и тоже зажмуривалъ глаза и пряталъ лицо за столбикъ каждый разъ, какъ топоръ съ размаху уходилъ совсѣмъ съ рукоятью въ расщелину.

А кругомъ неслись такіе же глухіе удары кайла, смутно копошились неяс-

ныя фигуры рабочихъ, съ усиліемъ горѣли лампы и, покрывая все это, также неподвижно-безжизненно стояла сладковатая, густо-синѣвшая мгла. Мнѣ становилось трудно дышать. Въ вискахъ стучало, передъ глазами все слегна шло кругомъ, а во рту усиливалось приторное, вызывавшее тошноту ощущеніе. Теперь уже хотѣлось выбраться отсюда поскорѣе, но ни сопровождавшаго рабочаго, ни пріятеля не было,—они проползли куда-то дальше. Мнѣ не видно было концовъ лавки¹⁾; она тянулась въ обѣ стороны саженой на тридцать. То мѣсто, гдѣ я могъ пробираться только на четверенькахъ, когда-то было заполнено углемъ; рабочіе его выбрали и поставили коротенькіе столбики, поддерживавшіе верхній пластъ пустой породы, оставшійся на вѣсу.

Рабочій, врубавшійся возлѣ меня, вывелъ снизу длинную щель. Онъ сълъ, подогнулъ голову, и отеръ грязною рукою потъ. Я не могъ разглядѣть выраженія его лица, но мнѣ видно было, какъ облипала его тѣло насквозь смоченная потомъ и сочившеюся по полу водой рубаха. Онъ пододвинулъ къ себѣ лежавшіе возлѣ кучкой коротко нарѣзанные столбики и, вырубивъ по углубленію въ угольномъ пластѣ и въ полу сталь косо устанавливать подпорки, чтобы подрубленная снизу стѣнка угольнаго пласта не вывалилась до времени и не раздавила его. Черезъ минуту онъ опять уже лежалъ на боку и, дрыгая ногами и корчась, сталъ зарубать щель дальше.

На другомъ концѣ рабочіе на четверенькахъ таскали что-то къ выходу, но сквозь синѣвшую мглу я не могъ раз-

¹⁾ Лавка—мѣсто выработки угля.

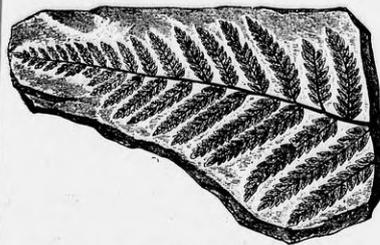

Рис. 205. Отпечатокъ листа папоротника въ сланцѣ.

глядѣть, какъ слѣдуетъ, что именно они дѣлали. Съ мѣста же не хотѣлось сдвинуться: мгла, сырость, грязь, пробравшаяся за платье холодная вода и эта густая нагрѣтая атмосфера, отъ которой стучало въ вискахъ и затруднилось дыханіе, нагоняли странное оцѣпенѣніе и апатичное ожиданіе, когда я, наконецъ, отсюда выберусь.

— Митька!—послышалось возлѣ меня, и звукъ человѣческаго голоса сейчасъ же глухо замеръ.

— Иди, штоль!

— Сейчасъ!—донеслось безъ отклика изъ густой мглы.

Зарубивши забралъ оставшіяся жердочки и кайло, отползъ отъ пласта и сълъ возлѣ меня, согнувшись всѣмъ своимъ длиннымъ туловищемъ. Онъ былъ худъ, съ узкою запавшею грудью и испытывъ лицомъ. Слой угольной грязи придавалъ его чертамъ неподвижность, и только глаза блестѣли лихорадочно и возбужденно. Мокрая, черная отъ угля рубаха и порты облипали его, еще болѣе выказывая худобу тѣла.

— Трудно же у васъ тутъ работать—проговорилъ я, желая вызвать его на разговоръ.

Онъ ничего не отвѣчалъ и сидѣлъ, сумрачно глядя передъ собой.

— Митька!—позвалъ онъ опять, не обращая на меня никакого вниманія.—Что жъ не починаешь?

Изъ мглы, цѣпляясь спиной за нависнувшій потолокъ, приползъ въ такой же черной и мокрой рубахѣ парень, сълъ возлѣ, скрючившись, и сталъ, ухая, вгонять тяжелый молотомъ желѣзные клинья между нависнувшимъ сверху потолкомъ и пластомъ угля, чтобы отдѣлить послѣдній отъ породы.

— Да, такъ, господинъ, работа наша,—проговорилъ вдругъ рабочій, обернувшись и глядя на меня съ раздраженіемъ.—Вотъ поглядите, онъ терпича гонять клинья, вотъ не рассчитаетъ, рухнетъ пластъ, отъ него лишь мокро останется, да и насъ съ вами не помилуетъ.

Забойщикъ продолжалъ бить молотомъ. Глухо, точно предвѣщая что-то недоброе, отдавались удары, и толстые концы клиньевъ, уходя въ глубь, становились съ нашей стороны все короче, образуя сверху все болѣе и болѣе замѣтную расщелину. Томительное ожиданіе овладѣло мною. Я никакъ не могъ освободиться отъ гнетущаго впечатлѣнія, которое производила эта расходившаяся сверху темная щель.

Парень пересталъ бить, принявъ одну подпорку, другую. Что-то тяжело рухнуло.

— А, что, бываютъ...

Я не успѣлъ договорить: страшный трескъ и грохотъ потрясъ подземелье. Что-то тяжело и неуклюже перевернулось. Всѣ лампы разомъ дрогнули, на

Рис. 206. Галлерей, укрѣпленная деревянными стойками.

секунду ярко вытянув пламя. Все заколебалось и, казалось, каждое мгновение готово было рухнуть среди мглы. Я судорожно попытался кь проходу, поскользнулся и упал. Мимо съ шумом пролетѣли, перероачиваясь въ воздухѣ, двѣ выбитыя страшною силой подпорки. Что-то еще разъ ухнуло, каменный полъ подъ ногами дрогнулъ, и все успокоилось. Только на томъ мѣстѣ, гдѣ передъ этимъ возился рабочій, зіяла темная, уходящая въ глубь пустота, и передъ ней неподвижною грудой лежалъ вывалившійся пластъ угля, въ нѣсколько сотъ пудовъ вѣсу.

Отбойщикъ, изгибаясь, и неловко махалъ подъ низкими потолкомъ, раскалывалъ его на меньшіе куски.

— Иной разъ такъ - то вываливаютъ пласть, — проговорилъ, выправляя фитиль въ своей лампѣ, все время спокойно оставившей на мѣстѣ зарубщикъ, — верхній пласть лоннетъ, сядетъ, подпорки въ цепки, лямку-то всю со вѣсьмъ народомъ и накроетъ. А испужались, баринъ? — добавивъ онъ уже добродушно и улыбуясь.

И странно было видѣть улыбку на этомъ суровомъ и неподвижномъ отъ грязи лицѣ.

— Мы народъ привычный, а и то иной разъ жуть беретъ.

Онъ забралъ подставки, кайло и лампу, проползъ дальше, легъ на бокъ и опять, болѣзненно корчась, сталъ зарубать щель.

А кругомъ было все то же: доносившіеся отовсюду глухіе удары смутно копошившіяся фигуры, густая сладковатая атмосфера и сивѣвшая повсюду мгла. Вѣсь работали, храня угрюмое молчаніе, — ни пѣсенъ, ни говора. Эта мрачная вѣчная ночь вытравива у людей веселость, оживленіе, шутку, смѣхъ, пѣсни. Каждый, напрягаясь, рубить, раскалываетъ, загоняетъ клинья и таскаетъ куски угля, подавляя въ себѣ отвращеніе кь мертвому труду и тоску и удручающую апатию, навѣваемую окружающей обстановкой. Одно только постоянное желаніе, не заглушаемое даже многолѣтнею привычкой, таится въ душѣ,

сжималъ сердце вѣчно сосущею тоской: додѣлать работу и выбраться наверхъ. Впрочемъ, и выбравшись наверхъ, рабочій не видитъ дневного свѣта: спускаются въ шахту до разсвѣта, а выходятъ, когда на землѣ уже ночь.

Кь отбойщику подползъ, таща за собой салазки, новый рабочій, и они вмѣстѣ, молча, стали нагружать огромные куски разбитаго пласта.

Тягальщикъ, надѣвъ лямку, поправилъ ее на груди, потомъ сталъ на четвереньки и, подогнувъ голову, изо вѣсьхъ силъ натянулъ веревку (рис. 207). Но трудно было сдвинуть придавленные тяжелою грудой салазки. Руки и ноги скользили по мокрому полу. Онъ цѣплялся за вѣсь неровности, пробую ногой и лица точки опоры, дергая то въ ту, то въ другую сторону, какъ лошадь, которая не можетъ взять сразу нагруженный возъ. Раза два я видѣлъ, какъ развѣхались у него руки и ноги въ полужидкой грязи, сочившейся на полу, и онъ ударился грудью о плитнякъ.

На него тяжело было смотрѣть, — это была агонія труда. Онъ бился, скользилъ и падалъ, какъ привязанный на цѣпи, и пядь за пядью бралъ разстояніе, и мертвая грудя угля понемногу и незаметно приближалась кь выходу, гдѣ были проложены рельсы, и уголь перегружали въ вагончики.

Онъ добрался до подпорокъ возлѣ меня и, опрокинувшись на бокъ, сталъ въ нихъ упираться руками и ногами, точно съ отчаяніемъ отбивался отъ кого-то, и я слышалъ его порывистое, шумное дыханье и то особенное болѣзненное кричанье, похожее на стонъ, которое вырываютъ изъ груди чрезмѣрныя физическія усилія. Ременная лямка, прижимая взмокшую рубаху, обозначалась по телу узкимъ и длиннымъ рубцомъ.

При невѣрномъ колеблющемся свѣтѣ лампы меня поразило выраженіе лица.

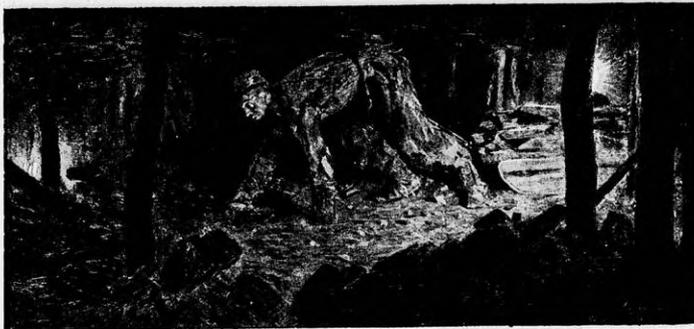

Рис. 207. Шахтеръ, тащашій лямку съ углемъ.

лучше, отсутствіе всякаго человѣческаго выраженія на его лицѣ. Что-то звѣриное, животное сквозило въ этихъ искаженныхъ чертахъ, по которымъ ходила судорога нечеловѣческаго напряженія.

И я не въ состояніи былъ оторваться отъ него и, стиснувъ зубы, слѣдилъ за его движеніями.

Онъ добрался до меня, ослабилъ лямку и съѣлъ, отирая потъ, который, смѣшиваясь съ грязью, катился по лицу.

— Самое чужолое до столбовъ вывочить; главное, взяться не за что, ажъ ногти посрываетъ, — проговорилъ онъ, замѣтивъ, вѣроятно, на себѣ мой пристальный взглядъ. — Дозвольте папирочку.

Я торопливо досталъ и подалъ ему. Онъ взялъ и, наклонившись кь лампѣ, сталъ закуривать, при чемъ вспыхнувшая папирота освѣтила уже обыкновенное человѣческое лицо.

— Съ перешою оно, дѣйствительно трудно, даже вполнѣ довольно утомительно, потому какъ вчера воскресеніе было и праздникъ.

— Давно вы тутъ работаете?

— Да вотъ ужъ другой годъ маюся, жисти своей тутъ рѣшаюся. На лѣто, конечно, ухаживъ.

— И нынѣшнее лѣто уйдете?

— А то какъ же? Да вѣдь это, милый человѣкъ, какъ иные прочіе господа лѣтомъ на теплыя воды, али въ заграницу ѣздятъ, такъ нашъ братъ на работы. Какъ вылезешь это отсюда, о Господи! — кругомъ весна, солнышко-то, матушка, такъ и грѣетъ, такъ печетъ ажъ глазамъ больно. Станешь на косовицу али хлѣбъ подойдетъ, въ артели пойдешь косить, работа веселая, взопрѣшь — рѣчущка, али ставокъ, выкупаешься, тутъ тебѣ прохлада, тутъ тебѣ благодать, и... и Боже мой! ляжешь это на спину, — онъ немного откинулся спиной на нагруженныя углемъ салазки, — и глядишь въ небо, и все глядишь въ небо, — и онъ слегка приподнял голову и поглядѣлъ въ черный потолокъ, — ажъ тебя слезой прошибетъ, а то иной разъ такъ и заснешь, и тверезый даже, не то чтобы выпимиши. Главное, свѣту Божьяго не видать тутъ.

— Зато отсюда заработокъ домой приносишь.

— Нѣтъ, баринъ хороший, никто ничего отсюда никогда не приноситъ.

— Какъ же, развѣ тутъ плохо платятъ?

— Нѣтъ, даже очень хорошо платитъ супротивъ другой работы, особливо, когда

рабочие уходить станут, только все тут оставляем, все до последней нитки: как пришел голый, так и уходишь голый. На заработки-то пойдешь на Кубань, или къ Кавказу, ужь плохой да плохой годъ, а, глядишь, подусотку, али всю сотню принесешь домой, а тутъ може и больше заработаешь, а ничего не приносишь, все тутъ оставляемъ. Это, господнигъ хороший, сказка есть. Стоять два столба, и сказано на этихъ столбахъ: ежели направо—волкъ тебя съѣсть, ежели налево—звѣрь задавить, вотъ и выбирай, и все одно не минуешь; либо волкъ съѣсть, либо звѣрь задавить, такъ и здѣсь, какъ пришелъ въ портахъ, такъ и уйдешь въ однихъ портахъ, какъ ты тутъ ни вертись. Ужъ какъ разъ попался сюда—шабашъ, аминь человѣку!

— Такъ зачѣмъ же пить?

— Эхъ, господинъ хороший, непривычны вы—ну, конечно, вамъ это въ диковинку. Вотъ вы спрашиваете, зачѣмъ пить, а вы спросите, зачѣмъ Бога-Господа забыли, объ душѣ своей не думаемъ? Вотъ насъ тутъ въ рудникѣ тыщи двѣ работаетъ, спросите, который изъ насъ у обѣдни былъ, али говѣлъ. Церкви

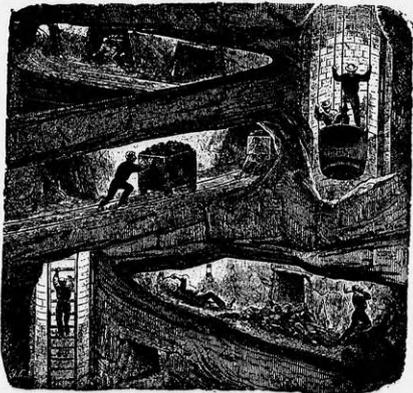

Рис. 208. Общий видъ рудника въ разрѣзѣ.

Божии на што стоять? Кабакъ-то мы знаемъ на што. Какъ выльзешь, такъ прямо, сколько силы въ ногахъ, въ кабакъ, хучь праздникъ, хучь тебѣ Свѣтло Христова Воскресенье, харю не обмоешь, натрекаешься—и въ грязь. А почему? Може и самому зазорно, може и объ душѣ хочешь вспомнить, въ церковь сходилъ бы, помирать всѣ будемъ.

Онъ помолчалъ и понизилъ голосъ:

— Только намъ, баринъ, заклятіе положено.

— Какъ заклятіе? Отъ кого?

— Отъ Бога, вѣрно отъ кого.

— За что же проклятіе?

— Вотъ вы ученый человѣкъ, а спрашиваете,—онъ опять помолчалъ и потомъ проговорилъ съ разстановкой. — За то, что Бога обворовываемъ.

Я пристально посмотрѣлъ ему въ лицо.

— Бога обворовываемъ, говорю, Богъ что сказалъ? Плодитесь и размножайтесь, вотъ вамъ, говоритъ всякіе злаки и пропастанія, а чего не нужно, въ землю скоронили, и скоронялъ не то, что на, пришелъ да взять, а скоронилъ, почитай, саженой на сто, а мы вотъ влѣзли, да вытаскиваемъ. Ну, конечно, Господь осерчалъ, да это хоть кому доведись. И сдѣлалъ положеніе: какъ спустился человѣкъ — шабашъ, не уйтись ему, тутъ и сгинетъ. Гляди, иной рваться будетъ, за сколько сотъ веретъ на работы уходить, сколько времени пройдетъ, объ немъ ни слуху, ни духу, смотришь—анъ ужъ онъ опять тутъ, и все съ себя до нитки проплетъ и станетъ заливать глотку, прямо сказать, душу продаетъ. Мы вѣдь свѣта Божяго не видимъ; тутъ тебѣ, выльзешь, нашьешься, отумаешься и ужъ ничего не видишь и не поминишь, покуда опять не спустишься, такъ и проводимъ свою жизнь; чисто звѣрми подблались. Господь и смерть свою у насъ отмакаетъ: годъ, два пройдетъ, а тамъ, глядишь, либо голову

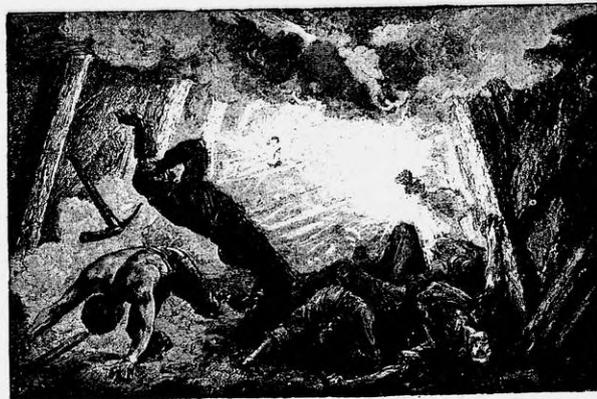

Рис. 209. Вырѣзь рудничнаго газа.

разбило, либо водой залило, али засыплетъ, а то и цѣлый выидетъ коли, такъ ноги, руки сведетъ. Иной и десять и двадцать лѣтъ проработаетъ, и кубить ничего, анъ глядишь, въ руки, въ ноги вступить, его и свернуло, и кормякъ его изъ черепушечки, самъ ужъ и ложки держать не можетъ. Отъ Божяго гнѣва не уйтись. Такъ-то-ся. Я вамъ, баринъ, расскажу, случай какой вышель. Надъсь такъ-то трое пошли въ галлерее, идуть, одинъ потушилъ лампу.

— Ефимка, какого же ты дьявола тамъ разговоры разговариваешь? Дѣло изъ-за тебя стоить!—и градъ ругательствъ посыпался на него.

— Что же я собака, что ли, что и отдохнуть нельзя?—огрызнулся Ефимъ.

Онъ торопливо докуривъ папиросу, надѣлъ лямку, сталъ на четвереньки и, упиравъ руками и ногами, потащилъ дальше и опять съ его лица сбѣжало человеческое выраженіе, и осталось лицо животного, изуродованное судорогами физическихъ усилій.

Свѣча у меня потухла, и мнѣ не хотѣлось дѣлать усиліе зажигать ее, и я

сдѣлалъ за свѣтлымъ кружкомъ лампы штейгера, сколько и спотыкался по мокрому плитняку. Доносившіеся глухіе удары и шорохъ оспающагося угля давно смолкли позади насъ, и мы шли среди могильной тишины, унося въ сознаніи впечатлѣніе оставленныхъ позади людей, угрюмое молчаніе и выраженіе тоски и напряженія на лицахъ.

Мы слѣдовали за штейгеромъ изъ одной галлерей въ другую и, вѣроятно, прошли около версты.

При дрогнувшемъ свѣтѣ лампы впереди смутно обрисовалось во мракѣ что-то странное и неопредѣленное, оставшееся безъ движенія. Былъ ли это выступъ пласта, или человѣкъ — нельзя было разглядѣть.

По мѣрѣ того, какъ свѣтлый кружокъ лампы штейгера подвигался впередъ, въ темнотѣ выдѣлялись сколоченныя перекладинами полусгнившія доски, загоразживая проходъ. Что-то живое и миниатюрное зашевелилось тамъ. Это оказался мальчикъ лѣтъ десяти. Онъ побѣжалъ къ загоразживавшимъ проходъ воротамъ и торопливо отворилъ ихъ. Вѣтеръ со свистомъ и колебля пламя вырвался съ

той стороны, охватил нас холодом и сыростью и понесся по галлереѣ.

— Иваська, это ты?

Мы остановились. Онъ стоялъ передъ нами, глядя на насъ своими наивными дѣтскими глазками. По этому проходу рѣдко гоняли вагоны, и наше появление было для него цѣлымъ событіемъ. Онъ былъ приставленъ открывать и закрывать ворота, регулировавшій токъ воздуха. Ему не давали лампы, чтобы не тратить даромъ керосина, и онъ по цѣлымъ часамъ сидѣлъ врозь пороть среди молчанія и мрака и прислушивался къ шороху и паденію капель, невидимо пробиравшихся въ темнотѣ по стѣнамъ и монотонно и однообразно падавшихъ со свода, наводя уныніе и тоску. Дѣтская голова, руки и ноги просили работы, движенія, и онъ мялъ крошки угля и отковыривалъ кусочки отгнившей доски.

— Скучно тебѣ одному?

— Нѣтъ, оно не скучно, а только чижало на сердцѣ.

Рис. 210. Обвалъ въ шахтѣ.

Онъ перевелъ на насъ свои дѣтские глаза и тоскливо улыбнулся.

Мы постояли съ минуту, какъ будто намъ еще нужно было сказать что-то, и не находили что, а потомъ пошли дальше. Слышно было, какъ затворились сзади ворота, и вокругъ снова водворилась мертвая тишина, и непроницаемый мракъ неотступно слѣдовалъ сзади, съ боковъ, спереди. Мы шли теперь къ выходу и мнѣ хотѣлось скорѣе воротиться туда, наверхъ, къ себѣ, къ своимъ занятіямъ, своей обстановкѣ, къ своимъ близкимъ. Я думалъ о томъ, день теперь тамъ, или ночь, и представлялъ себѣ улицы, прохожихъ, дома, деревья, вокзалъ.

Мнѣ странно было, что я выберусь, наконецъ, изъ этого мрака, изъ этой обстановки, какъ будто я нѣсколько дней ѣхалъ на перекладныхъ среди грязи, слякоти и непогоды, не отдыхая, не раздѣваясь, и свыкся со всеми неудобствами дороги, и странно было, что скоро доѣду, и не нужно будетъ трястись и си-

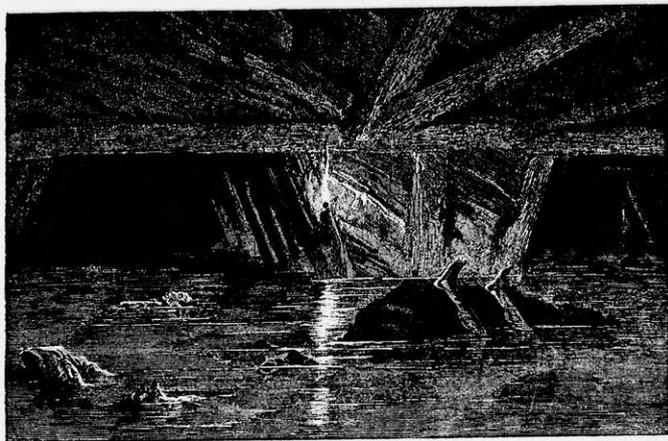

Рис. 211. Заглопленная шахта.

дѣть въ сыромъ платьѣ, не переменяя неудобнаго положенія.

Мы сворачивали куда-то вправо, потомъ влѣво, потомъ вышли въ какой-то широкой проходъ, гдѣ рельсы были проложены въ два пути, по діагональному ходу, тѣсному и низкому, стучались головами, спотыкались и болтались въ водѣ, и я не зналъ, откуда и куда мы идемъ, и въ какой сторонѣ оставленные нами работы, и машинально тащился за согнутою широкою фигурой молча пробиравагоса впереди штейгера,—все равно, мы въ концѣ-концовъ, должны же были прийти къ выходу. Мы не попали на поѣздъ и намъ теперь все время нужно было идти пѣшкомъ.

„Нѣтъ не скучно, а только чижало на сердцѣ“, все звучало среди темноты, и я старался не думать объ этомъ и отогнать выраженіе тоски и печали дѣтскихъ глазъ и представлялъ себѣ, какъ я заберусь въ клетку и она быстро пойдетъ мимо влажныхъ стѣнокъ сруба.

Долго, очень долго мы шли такимъ образомъ: вфронтно, сдѣлали нѣсколько

верстъ. Я не зналъ, возвращались ли мы прежнею дорогою, или штейгеръ вель теперь насъ иными галлереями.

— А не желаете ли взглянуть на помѣщеніе для рабочихъ лошадей рудника?—проговорилъ онъ, приостанавливаясь и поспѣвая передъ собою лампой.

Первое, что я почувствовалъ,—это радостное облегченіе, такъ какъ зналъ, что конюшни были недалеко отъ выхода. Мы остановились. Единственное наше желаніе было—возможно скорѣе выбраться отсюда, но мы почему-то проговорили:

— Ну, что жь, пойдете.

Штейгеръ подошелъ и отворилъ въ стѣнѣ небольшую дверь. Горячая атмосфера распареннаго навоза и многихъ десятковъ лошадиныхъ тѣлъ пахнула въ лицо и охватила специфическимъ запахомъ и тепломъ. Мы вошли. Около семидесяти лошадей стояло по станкамъ, слабо выдѣляясь крупами въ полутьмѣ. Онѣ были сыты, съ лоснящею шерстью. Ихъ здѣсь отлично кормятъ и не переутомляютъ работой, но многи слѣпы. Лошади очень быстро терпятъ зрѣніе въ

темнотѣ. Я прислушался: онѣ мѣрно и звучно жевали сѣно, и мнѣ припомнилось поле, потухающая заря, распряженный возъ по дорогѣ и этотъ спокойный и мѣрный звукъ пережевыванія, который всегда вызываетъ особенное состояние спокойствія и отдыха. Бѣдныя животныя! Они уже никогда не увидятъ солнца, зелени, степного приволья и сложатъ свои кости въ этихъ мрачныхъ галлерейхъ.

Мы вышли и прошли на площадку къ подъему. Подошла клѣтка; всѣ усѣлись, откинулась желѣзная скоба, и площадка съ людьми и со всѣмъ, что на ней было, мгновенно пропала внизу, а мы минуты съ двѣ оставались среди абсолютнаго мрака и, казалось, безъ всякаго движенія. Съ прежнимъ гуломъ и желѣзнымъ грохотомъ клѣтка ударилась о перекладины, но это уже не поразило такъ ухо, какъ въ первый разъ. Какъ только со

стукомъ опустилась прихватившая клѣтку скоба, я выпрыгнулъ на полѣ.

Въ окнахъ виднѣлся слабый свѣтъ угасающаго дня, а вмѣстѣ съ нимъ надежда и призракъ возможнаго гдѣ-то счастья и радости проникли въ душу. Никогда дневной свѣтъ не производилъ такого впечатлѣнія, какъ теперь.

Мы торопливо переодѣлись и вышли. Въ воздухѣ стояла тишина весенняго вечера. Слабая полоса зари догарала на далекихъ небесахъ. Кое-гдѣ замерцали звѣзды. Этотъ тихій весенній вечеръ, дома, деревья, заборы, плетни, окна, вечерняя даль, затинутая легкою дымкою, — все это поразило меня особенною новизной, чѣмъ-то такимъ, чего я до сегодняшнего дня какъ будто не замѣчалъ.

Мрачное, угрюмое зданіе осталось позади, и почернѣвшая дымовая труба сумрачно высилась надъ нимъ, одиноко видѣлаясь на вечернемъ небѣ.

Черноморскій степной край.

(Изъ очер. Н. Дилевской).

Омываемый Чернымъ и Азовскимъ морями, степной край раскинулся на югѣ Россіи по низовьямъ Днѣстра, Днѣпра и Дона. Путешественнику, ѣдущему по этому краю — въ западной ли его части, въ губерніи Херсонской, въ серединѣ, въ губерніяхъ Екатеринославской и Таврической, или на востокѣ, въ области Войска Донскаго, — представится одинъ и тотъ же характерный пейзажъ: обширная равнина, мѣстами изрѣзанная оврагами, то здѣсь, то тамъ дорогу пересѣчетъ широкая долина съ пологими, заросшими травой склонами — балка; по равнинѣ разбросаны такъ называемыя „блюдца“, округлыя углубленія различной ширины, отъ 6 и до 75 сажень, и курганы — сажени 3—4 холмы, покрытые травой или засѣянные хлѣбомъ. Курганы эти были насыпаны людьми въ древнія времена. У древнихъ кочевыхъ народовъ, которые

населяли степь до прихода сюда русскихъ, былъ обычай хоронить умершаго въ его лучшей одеждѣ, со всѣмъ его оружіемъ и его лошадыю, слугами и даже женой. Люди думали, что умершему понадобится на томъ свѣтѣ все, что онъ имѣлъ въ земной жизни. Сверху могилы насыпался высокий курганъ, на вершинѣ котораго въ честь похороненнаго ставили иногда грубо вытесанную изъ камня статую.

Обширное степное пространство почти сплошь покрыто черноземомъ, по которому разбросаны солончаки — мѣста, сильно пропитанныя солью и потому безплодныя. Больше всего солончаковъ встрѣчается въ Донской области.

Всѣ рѣки края — Днѣстръ, Бугъ, Днѣпръ, Донъ —падаютъ въ длинныя, постепенно расширяющіяся заливы, такъ называемыя лиманы. Тѣ изъ лимановъ,

Рис. 212. Полынная степь.

которые отдѣлены отъ моря песчаной полосой, представляютъ собой прибрежныя солончаки озера, съ почти неподвижной, густо-соленой водой. Дно такого лимана покрыто толстымъ слоемъ ила и раковинъ; ближе къ берегамъ этотъ илъ перемежается съ гниющей тиной и образуетъ знаменитую по всей Россіи цѣлебную лиманскую грязь.

Такъ какъ степной край лежитъ на самомъ югѣ Европейской Россіи, то и климатъ здѣсь теплѣе, чѣмъ въ прочихъ ея мѣстахъ. Лѣто очень жаркое, съ рѣдко выпадающими дождями и жгучими, сухими вѣтрами, являющимися главной причиной засухъ. Жары доходятъ до 50° въ тѣни; не только съ людьми, но даже съ лошадьми дѣлаются солнечные удары. Въ концѣ сентября начинается короткая, дождливая осень, а ее смѣняетъ холодная зима. Морозы доходятъ до 20 и болѣе градусовъ. Не вездѣ, однако, зима одинаково холодна: въ западныхъ губерніяхъ, Хер-

сонской и Таврической, напр., она гораздо теплѣе, чѣмъ на востокѣ — въ Донской области. Зима длится до начала марта. За ней слѣдуетъ прекрасная короткая весна, а въ маѣ уже наступаетъ лѣто. Чѣмъ дальше на востокъ, тѣмъ суше климатъ степей, тѣмъ рѣзче становятся переходы между лѣтомъ и зимой, тѣмъ больше разница между температурой дня и ночи. Такой рѣзкій климатъ очень вреденъ для растений. И

только благодаря тому, что почва этого края чрезвычайно плодородна, степныя губерніи очень богаты хлѣбомъ и другими продуктами земледѣлія.

Въ подверженномъ такимъ сухимъ вѣтрамъ краѣ и влаги выпадаетъ, сравнительно съ остальной Европейской Россіей, очень мало. Благодаря этому и вырубкѣ лѣсовъ, рѣки Степного края съ каждымъ годомъ мельютъ. Мелѣютъ

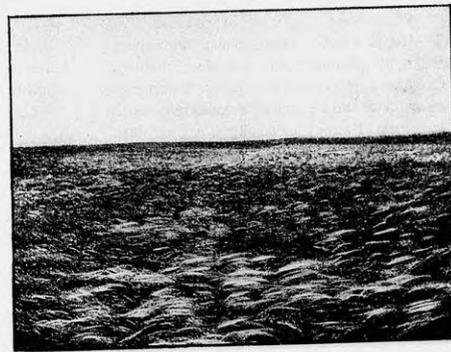

Рис. 213. Ковыльная степь при вѣтрѣ.

Днѣпръ, сильно обмелѣлъ. Судноходство стало очень затруднительно.

Рѣки западной части края протекаютъ по гранитной Прикарпатской возвышенности и образуютъ „пороги“. Порогами называются тѣ мѣста, гдѣ вода перекатывается черезъ гряды камней, лежащихъ поперекъ рѣки. Благодаря порогамъ, несмотря на то, что рѣки принадлежатъ краю нижнимъ теченіемъ, т.-е. той частью, гдѣ онѣ всегда глубже и шире, онѣ по большей части малосудоходны.

Самые обширные и величественные пороги принадлежатъ Днѣпру. Верстахъ въ

Рис. 214. Степной хуторъ.

7—10 ниже Екатеринослава на берегу Днѣпра раскинулось селеніе Каменка. Отсюда и начинаются пороги. Всѣхъ ихъ девять, и они издавна славятся своей красотой. Пароходамъ пороги недоступны: ихъ разобьютъ, кидая съ гряды на гряду. Переправляютъ черезъ пороги плоты и барки. Проводятъ ихъ чрезъ пороги лоцманы—жители упомянутой деревни Каменки. Съ малыхъ лѣтъ приучаются они плавать по порогамъ и знаютъ всѣ дорожки, заборы и перекаты наизусть. Лоцманы—потомки запорожскихъ казаковъ. Живутъ они артелью. Деньги—плату за перевозъ—дѣлятъ между всѣми; управляютъ лоцманами атаманъ. Правительство

освободило ихъ отъ воинской повинности. Эти смѣлые и сильные казаки, рискуя каждую минуту свою жизнь, проводятъ барки и плоты черезъ всѣ 9 пороговъ. Самымъ опаснымъ порогомъ считается Ненасытець, имѣющий въ длину 634 саж. и состоящий изъ 12 перекатовъ, очень ясно обозначающихся пѣнистыми рядами (рис. 200). Управляемая искуснымъ лоцманомъ, барка бросается съ перваго переката, и въ этомъ страшномъ шумѣ Днѣпра, бьющемся между камнями, не всегда слышна команда лоцмана, который рукой показываетъ направление и изо всѣхъ силъ кри-

читъ „держи“, если нужно держать судно неподвижно. Съ уступа на уступъ несетъ барка узкимъ, опаснымъ фарватеромъ¹⁾, повинаясь могучему стерну²⁾, и пробѣгаетъ порогъ въ три минуты. Въ это время она гнется, скришитъ и иногда словно стонетъ. Волненіе страшное, всплески прыгаютъ на барку и обливаютъ людей. Но вотъ вышли на вольную воду—и всѣ становятся на колѣни благодарить Бога.

Степи особенно хороши весной. Кто прѣдетъ въ степь первый разъ весной, пойметъ, почему такъ восхваляютъ степь всѣ писатели, почему такъ много художниковъ описываетъ ея красоты. Все богатство жизни въ степи, яркость красокъ, богатство и разнообразіе цвѣтовъ

¹⁾ Часть русла, настолько глубокая, что по ней могутъ проходить суда.

²⁾ Руль у барки.

Рис. 215. Байбаки.

поражаетъ увидавшаго степь весной. Степная рѣка и растаявшій снѣгъ наполнили землю, и она покрылась богатымъ ковромъ цвѣтовъ. Пѣсня жаворонка, крики птицъ, летящихъ стаями, степные животныя оживляютъ картину степи весной. Но настало лѣто. Зной спалилъ траву, рѣки обмелѣли и не поятъ землю; степь помергѣла, опустѣла. Забѣдетъ путешественникъ и не повѣритъ, что это та степь, которую онъ видѣлъ 2 мѣсяца назадъ благоуханной, полной жизни.

Изъ животныхъ въ степи болѣе всего грызуновъ, которые и являются ея хозяевами. Самые крупные изъ нихъ—байбаки или сурки (рис. 215), затѣмъ слѣдуетъ хомякъ (рис. 216), „земляной заяцъ“ или тушканчикъ (рис. 217). Но самыми многочисленными обитателями степи являются различные мыши-полевки и особенно суслики (рис. 218), или, какъ ихъ зо-

Рис. 217. Суслики.

Рис. 216. Хомяки.

вуть малороссы, „овражки“. Они встрѣчаются иногда въ такомъ огромномъ количествѣ, что вся земля на значительномъ пространствѣ бываетъ изрыта ихъ норами. Когда ѣдешь по степи, то постоянно то здѣсь, то тамъ слышится крикъ, которымъ суслики предупреждаютъ другъ друга о приближеніи опасности. Въ противоположность другимъ животнымъ степи сусликъ не исчезаетъ съ распаханіемъ цѣлины: онъ питается, главнымъ образомъ, сѣменами хлѣбныхъ растений и поэтому хлѣбныя поля доставляютъ ему обильную пищу. Всѣ эти маленькіе звѣрки, за исключеніемъ тушканчика наносятъ страшный вредъ сельскимъ хозяевамъ, истребляя ихъ хлѣба.

Рис. 218. Тушканчики.

Эти опустошения настолько велики, что в некоторых местах, напр., кое-где в Екатеринославской губернии, на жителей налагается особая подать: каждый землевладелец должен доставить определенное количество лапок от убитых им сусликов. В последнее время оказалось, что суслики дают прекрасный мѣх, красивый, теплый и легкий, и теперь сусликов во многих местах уже убивают не только съ цѣлью уничтожить, но прямо как пушного звѣря, на мѣх. Относительно сурков это было известно уже давно.

Лѣтом не только звѣры причиняют вред жителям степного края. Поля и луга изобилуют насѣкомыми, вредными для человека: жуцокъ-кузья (рис. 219),

Рис. 219. Кузья.

который высасывает молодые зерна хлѣба, опустошая иногда цѣлыя поля, льняной червь, и, наконецъ, страшный, до сих поръ непобѣдимый врагъ—саранча (рис. 220).

Плавни Днѣпра служатъ родиной этого ужаснаго бича земледѣльцевъ. Здѣсь, на возвышенныхъ мѣстахъ, не такъ долго затопленныхъ водою, а потому болѣе, теплыхъ, кладетъ саранча свои яички осенью, а весной изъ нихъ выводится молодая саранча. Выбираетъ саранча плавни мѣстомъ для кладки яицъ потому, что и старой саранчѣ и вылупившейся молодой въ этомъ мѣстѣ всегда есть пища въ видѣ камыша. Но, какъ весьма известно, саранча не ограничивается истребленіемъ камыша въ плавняхъ. Время отъ времени она выходитъ отсюда цѣлыми тучами и наводняетъ сосѣднія губерніи, истребляя на своемъ пути поля и луга.

Происходятъ такія нашествія не каждый годъ, а черезъ нѣкоторые промежутки. Промежутки эти приблизительно одинаковы. Удалось даже прослѣдить года размноженія саранчи въ юго-восточной Россіи (именно: 1800/01, 1811/12, 1823/24, 1834/36, 1846/48, 1859/62, 1874/75 и 1886/87 гг.).

Когда саранчѣ не хватаетъ пищи, начинается ихъ переселеніе сначала небольшими группами, даже отдѣльными особями; примѣръ дѣйствуетъ заразительно, и мало-по-малу вся масса саранчи снимается съ мѣста и движется изъ своей родины въ сосѣднія деревни.

Яйца свои самка саранчи кладетъ въ концѣ лѣта въ верхній слой земли. Кладетъ она ихъ (50—100 штукъ) въ ямку и заливаетъ пѣнистой жидкостью. Жидкость заполняетъ пространство между яичками и обволакиваетъ ихъ снаружи,—такимъ образомъ образуется «кубышка» саранчи. Весной около половины мая изъ яицъ выходятъ личинки. Сначала онѣ не имѣютъ крыльевъ и называются «лѣшней» саранчой. Черезъ нѣкоторое время у саранчи вырастаютъ крылья, и она становится вполне взрослой.

Своими набѣгами саранча наноситъ неисправимый вредъ. Особенно вредна пѣшая саранча, т. е. не достигшая впол-

нѣ взрослага возраста и не умѣющая летать. Она идетъ все впередъ, опустошая всѣ поля и луга, какіе попадутся ей по дорогѣ.

Взрослая саранча летитъ сплошной тучей, которая имѣетъ видъ облака. Вотъ какъ описываютъ это движеніе очевидцы.

«Въ одно мгновеніе мы были охвачены тучею саранчи. Лошади наши стали рваться, лягались, подымались на дыбы. Въ полномъ смыслѣ солнце померкло за мириадами насѣкомыхъ; это было нѣчто похожее на туманъ, поднимающійся съ земли и къверху все сгущающійся, или на дымъ, выходящій изъ необъятной трубы, который разсталился передъ нами черною стѣною, не пропуская солнечныхъ лучей.

«Массы саранчи были такъ густы, что при ускоренномъ бѣгѣ, кажется, вся она не успѣвала подниматься и мы чувствовали хрустѣть и трескъ подъ колесами».

Впереді этой тучи летятъ болѣе сильныя и крупныя особи, позади же остаются слабыя или больныя. Какъ было сказано раньше, пѣшая саранча болѣе вредна, чѣмъ летучая, потому что она истребляетъ по дорогѣ все подъ рядъ. Совсѣмъ другое дѣло летящая туча. Она летитъ весь день и вечеръ и останавливается временно и случайно или тамъ, гдѣ ее застанетъ ночь, или же помѣшаетъ совершать дальнѣйшій путь непогода.

Истребляя хлѣба на поляхъ, саранча вызываетъ неурожай и даже голодѣ. Поэтому жители всячески стараются отогнать отъ себя тучи летящей саранчи: для этого они звонятъ въ колокола, стрѣляютъ изъ ружей, стучатъ въ сквороды, даслонки, — словомъ, стараются поднять

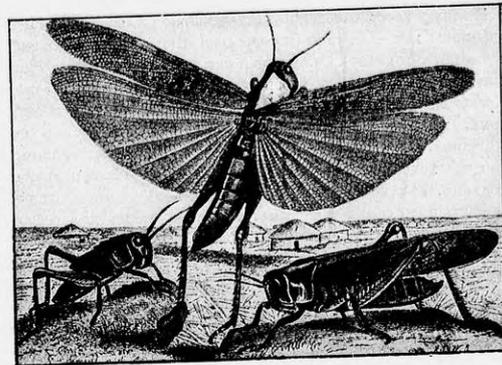

Рис. 220. Саранча.

какъ можно болѣе шумъ, чтобы испугать саранчу. Конечно, такія мѣры помогаютъ мало. Нѣсколько удачливѣе ведется борьба съ пѣшей саранчой: на нее выпускаютъ скотъ, раскладываютъ ей по дорогѣ сплошную линію костровъ, роютъ канавы и засыпаютъ саранчу землей и т. п.

Впрочемъ, гораздо больше помогаютъ противъ саранчи ея природныя враги, которыхъ у нея множество. Однако ни эти враги саранчи, ни мѣры, принимаемыя крестьянами, не могутъ оградить поля отъ этого страшнаго неприятеля. Только осушка плавней и обращеніе ихъ въ культурную мѣстность можетъ истребить саранчу, лишивъ ее мѣста размноженія и пищи. Такія мѣры нужно принимать не только къ днѣпровскимъ плавнямъ, но и ко всѣмъ рѣкамъ, которыя служатъ разсадникомъ этого вреднаго насѣкомаго, напр., Дунаю, Дону, Кубани и другимъ.

Всего жителей въ степномъ краѣ около 9-ти миллионовъ. Самая населенная губ. Херсонская, менѣе всего жителей въ губерніи Таврической.

Главную массу населения составляют украинцы или малороссы (которых часто называют хохлами). Отличаются они от жителей центральных губерний, напр., Московской, Тульской, языком, костюмом, характером, своими нравами и обычаями. Избалованный богатством почвы, хохоль пёсколю тяжель на подъемъ. Ему не приходится отвоевывать каждую пядь земли тяжельмъ, неустаннмъ, почти безрезультатнмъ трудомъ, какъ русскому мужику. Онъ беззаботнѣ, веселѣ, и полонъ юмора въ разговорѣ. Самостоятельная, бойкая хохлушка, одѣтая въ яркѣ цвѣта, не терпящая притѣсненій и ограниченій со стороны мужа, также не похожа на русику забитую, запуганную, изнуренную непосильнмъ трудомъ, деревенскую бабу. Хохлушка любитъ нардиться, любитъ блеснуть бусами и лентами, выйдя, убранная пѣтами, на „улицу“. Говорятъ хохлушки живо и необыкновенно быстро.

Украинская деревня не похожа своимъ вышнмъ видомъ на деревни центральной Россіи. Лѣса въ степной полосѣ очень мало, поэтому дома — „мазанки“. Остовъ „хаты“ (то, что замѣняетъ нашъ срубъ) дѣлается или изъ плетня, или же изъ самодѣльнаго кирпича. Сверху обмазывается домикъ глиной, смѣшанной съ рѣзаной соломой и навозомъ; а затѣмъ стѣны бѣлятъ мѣломъ или, какъ его тамъ называютъ, „крейдой“. Домъ свой хохлушки держатъ всегда необыкновенно чисто. Стѣны всегда выбѣлены, земляной полъ вымазанъ глиной... Крышу мазанки кроютъ или соломой, или же камышомъ.

Кромѣ русскихъ, въ степномъ краѣ живутъ колонисты — иностранцы, главнымъ образомъ, нѣмцы и евреи.

Поселения нѣмцевъ рѣзко вырисовываются на общемъ однообразномъ фонѣ степи. Аккуратные домики съ бѣлоснѣжными стѣнами, зеленые сады, прямая, чистая улица придаютъ всему поселку опрятный, чистый видъ. Сами колонисты, рассудительные, хозяйственные и расчетливые,

составляютъ противоположность мѣстному населенію. Образованность стоитъ у нихъ очень высоко. Почти всѣ грамотны. Нерѣдко отдають сыновей въ среднія и высшія учебныя заведенія.

Совсѣмъ особнякомъ стоитъ Донецкая область, которая отличается весьма своеобразнымъ населеніемъ.

Населяющіе ее казаки дѣлятся теперь на два сословія: — дворянъ и простыхъ казаковъ. Все мужское население обязано отбывать воинскую повинность въ продолженіе двадцати, лѣтъ начиная съ 18-лѣтняго возраста. Обмундировка, оружіе (кромѣ винтовокъ) и лошади должны быть свои. Во главѣ войска стоитъ войсковой наказной атаманъ, соответствующій генералъ-губернатору. Войско раздѣлено на отдѣлы; во главѣ каждого стоитъ атаманъ, вѣдающій не только военныя, но и гражданскія дѣла. За то, что казаки несутъ воинскую службу, за ними закрѣплены земли, на которыхъ они жили и раньше. Земля находится въ общемъ владѣніи. Казаки дѣлятъ ее на три части. Первая идетъ на надѣлы простымъ казакамъ по 30 дес. на душу. Другую часть отдають высшимъ военнымъ чинамъ, а третья остается въ запасъ у всей общины. Отдають землю по большей части на извѣстный промежутокъ времени. Продавать свой надѣлъ казакъ не имѣетъ права, но можетъ сдавать въ аренду. Земли много, поэтому хозяйство ведется самымъ первобытнмъ способомъ.

Вся Донецкая область раздѣлена на 9 округовъ (замѣняющихъ наши уѣзды), округа дѣлятся на „станичныя юрты“ (замѣн. волости), а тѣ, въ свою очередь, на „хутора“. Крупное поселеніе въ Донецкой области называется станицей (такъ что станица замѣняетъ и нашъ уѣздный городъ, и большое, волостное село), а болѣе мелкое — хуторомъ (рис. 221).

Во главѣ каждой станицы стоитъ атаманъ и управленіе; они рѣшаютъ всѣ мелкія дѣла станицы. Каждымъ хуторомъ завѣдуетъ, кромѣ того, свой хуторской атаманъ.

Въ казачьихъ поселкахъ могутъ жить постороннія лица, всѣ, кромѣ евреевъ. За право пользованія землей, пастбищами, лѣсомъ они платятъ извѣстную плату.

Не только въ военное, но и въ мирное время казаки обязаны выставлять войско, главнымъ образомъ, кавалерію.

Дѣло обученія грамотѣ поставлено у казаковъ хорошо: почти всѣ грамотны. Школы поддерживаются станичными капиталами, а ссуды отъ казны и епархіаль-

Особенно недостаточно низшее образование, т.-е. мало сельскихъ школъ. На нѣскольکو селеній, разбросанныхъ по степи, приходится только одно училище. Въ степномъ краѣ есть и высшія учебныя заведенія: въ Одессѣ — университетъ и въ Екатеринославѣ — горное училище.

Половина земли черноморскихъ степей распахана подъ поля. Преобладаетъ пеллужная или залежная система земле-

Рис. 221. Станица въ области Войска Донскаго.

ного вѣдомства идутъ почти исключительно на образованіе невоенной части населенія.

Въ Новороссіи населеніе, вообще, образовано очень слабо. Учащихся въ низшихъ школахъ на сто душъ приходится въ среднемъ около трехъ человѣкъ. Наибольшее количество школъ открыто въ Херсонской губ., стоящей, вообще, по образованію выше прочихъ. Среднихъ учебныхъ заведеній въ краѣ также недостаточно. Такимъ образомъ получать образованіе могутъ очень немногіе.

дѣля, состоящая въ томъ, что извѣстный участокъ земли пашутъ лѣтъ 5 подъ рядъ, а затѣмъ его забрасываютъ лѣтъ на 15. Такое заброшенное поле называется „залежью“ или „перелогомъ“. Такъ какъ для веденія такимъ способомъ хозяйства у крестьянъ земли не достаточно много, то сроки залежи приходится все укорачивать, — и дѣло кончается полнымъ истощеніемъ почвы.

Въ нѣкоторыхъ хозяйствахъ, болѣе обширныхъ и богатыхъ, и у нѣмцевъ-колонистовъ, дѣло поставлено иначе:

здесь практикуется болѣе усовершенствованная обработка земли и плодосѣвъ. Къ тому же здѣсь примѣняются и усовершенствованныя сельскохозяйственныя машины, покупка которыхъ не под силу большинству крестьянъ.

Несмотря на богатство почвы степныхъ губерній, урожаи получаются, сравнительно, незначительные. На ростъ хлѣбовъ влияетъ вредно рѣзкій климатъ степей, частыя засухи и плохая обработка почвы. Однако хлѣба, главнымъ образомъ, пшеницы, изъ степного края вывозятъ много; продаютъ ее большими партиями въ Одессѣ, Ростовѣ-на-Дону, Херсонѣ, Новороссійскѣ и Таганрогѣ.

Кромѣ пшеницы, въ степномъ краѣ сѣютъ очень много льна, а въ Херсонской губерніи разводятъ свекловичу. Въ этой губерніи воздѣлывается такъ много сахара, что она занимаетъ въ этомъ отношеніи въ Россіи 4-е мѣсто. Кромѣ того, въ Екатеринославской и Херсонской губерніяхъ разводятъ табакъ. Среди хлѣбныхъ и льняныхъ полей въ степномъ краѣ, особенно въ Таврической губерніи и въ области Войска Донского, на каждомъ шагу попадаются бабши (или бабчи, баштаны) — участки земли, на которыхъ растутъ арбузы, дыни, тыквы, огурцы и пр. Садоводство также очень велико въ степныхъ губерніяхъ и особенно въ Таврической губерніи и въ Донской области, гдѣ фруктовые сады чередуются съ виноградниками. Изъ винограда дѣлаютъ вино, которое вывозятъ внутрь Россіи. Винодѣліе въ степномъ краю все увеличивается и улучшается: вина такъ много, и оно такъ хорошо, что могло сократить ввозъ въ Россію иностранныхъ винъ.

Громадныя пространства залежей представляютъ прекрасныя пастбища, на которыхъ пасутся громадныя стада. Въ степномъ краю разводятъ въ огромномъ количествѣ лошадей, рогатый скотъ, овецъ и даже верблюдовъ (въ Таврической губ. и въ Донской области). Дон-

ская область славится своими лошадьми. Коневодство здѣсь развилось очень быстро, благодаря богатымъ пастбищамъ въ долинѣ рѣки Дона. Оно настолько велико, что, кромѣ нѣсколькихъ казенныхъ заводовъ, въ Донской области насчитывается до 80 частныхъ заводовъ. Лошади очень хорошаго качества и служатъ для кавалерійской части войска.

Въ степныхъ губерніяхъ въ сельскохозяйственныхъ работахъ гораздо чаще, чѣмъ лошадей, употребляютъ рогатый скотъ — оловъ. Особенно много рогатого скота въ Донской области. Здѣсь на 100 душъ жителей приходится 109 головъ скота. Скотоводство, такъ же, какъ и земледѣліе, у колонистовъ-нѣмцевъ поставлено значительно лучше, чѣмъ у нашихъ крестьянъ; поэтому скотъ колониста сильнѣе, крѣпче и выносливѣе.

Овцеводство также сильно развито въ степномъ краѣ. Шерсти добывается такъ много, что Россія вывозитъ ее за границу; по количеству добываемой шерсти впереди насъ стоитъ только Австралія.

Слѣдуетъ, однако, замѣтить, что русская шерсть значительно хуже заграничной, почему въ Россію и ввозится въ большомъ количествѣ шерсть изъ-за границы. Главнымъ рынкомъ шерсти является Ростовъ-на-Дону.

По прибрежной полосѣ съ песчанистой бѣдной почвой жители не могутъ вести сельскаго хозяйства и вынуждены добывать себѣ средства къ жизни рыболовствомъ. Особенно велико оно въ устьяхъ Днѣпра, Дона и по берегамъ Азовскаго моря, очень богатаго рыбой. По количеству вылавливаемой рыбы оно занимаетъ въ Россіи 2-е мѣсто (1-е принадлежитъ Каспійскому морю). Ловятъ по преимуществу „красную рыбу“ — осетра, бѣлугу. Очень много ловятъ также сельдей и плотвы, которую солютъ, вялятъ и въ такомъ видѣ продаютъ подлѣ названіемъ тарани.

Богатый земледѣльческими продуктами, степной край чрезвычайно богатъ также различными полезными минералами. Богатства эти добываются пока еще сравнительно въ маломъ количествѣ.

Вся мѣстность по Донцу и его притокамъ, весь такъ называемый донецкій бассейнъ, представляетъ въ глубинѣ громадную залежь каменнаго угля, желѣзняки, руты, соли, мѣдной руды и проч. Каменный уголь залегаетъ здѣсь въ восточной части. Екатеринославской и Таврической губерній и западной части Донской области. Это мѣсто не только богато каменнымъ углемъ, но замѣчательно и тѣмъ, что здѣсь можно встрѣтить всѣ сорта его. Каменнаго угля добывается очень много. Большая часть шахтъ принадлежитъ иностранцамъ — англичанамъ и бельгіямъ. Русскіе капиталисты, сравнительно, немного занимаются разработкой каменнаго угля.

Самый уголь у насъ въ Донецкомъ краѣ очень хорошаго качества. Отдѣльные пласты каменнаго угля очень богаты и мощны, но лежатъ на слишкомъ большомъ разстояніи другъ отъ друга. Поэтому разрабатывать въ одной шахтѣ нѣсколько пластовъ очень трудно. Приходится пробывать пустую породу, чтобы достигнуть пластовъ каменнаго угля. Шахта, такимъ образомъ, становится очень глубокой. Здѣсь встрѣчаются шахты до 100 саж. глубины. Шахты разбросаны по степи. Проѣзжая мимо каменноугольныхъ копей, можно видѣть только высокую трубу да рядъ низкихъ жилыхъ строеній. Дома не окружены даже дворами. Зачѣмъ они? Люди весь день проводятъ подлѣ земель и возвращаются домой только для короткаго отдыха.

Работа въ шахтахъ — одна изъ самыхъ тяжелыхъ. Рабочіе съ дѣтскаго возраста (10—12 лѣтъ) проводятъ почти всю жизнь подлѣ землею, въ сырости, грязи и холодѣ.

Въ тѣсной связи съ разработкой каменнаго угля находится желѣзодобывательная промышленность. Желѣзная руда

разбросана по всему Донецкому краю рядомъ съ углемъ. Руда не богатая, содержитъ желѣза не болѣе 40—50%.

Почти одновременно началось здѣсь съ 1856 года разработка каменнаго угля и желѣзной руды. Тѣмъ не менѣе, если бы богатство ограничилось только этой рудой, крупная желѣзная промышленность не могла бы существовать. Но, къ счастью, оказалось, что западная часть страны, именно мѣстечко Кривой Рогъ, на границѣ Херсонской и Екатеринославской губерній, необыкновенно богато желѣзной рудой. Пространство, имъ занято, простирается на 800—900 десятинъ. Здѣсь желѣзнякъ богатъ и на рѣдкость чистъ: руда содержитъ 60—70% чистаго желѣза.

Обиліе каменнаго угля на ряду съ добываемымъ желѣзомъ создало огромную заводскую промышленность степного края. Когда ѣдешь по какой-нибудь изъ дорогъ, прорѣзывающихъ донецкій край, всюду среди ровной мѣстности видишь возмущающіяся къ небу трубы, огромныя заводскія зданія, шахты, груды каменнаго угля.

Всѣ города здѣсь изобилуютъ различными заводами, обрабатывающими желѣзо, напримѣръ, Екатеринославъ съ его громаднымъ Брянскимъ заводомъ. Преобладаютъ заводы сталелитейные, чугуно-плавильные, рельсопрокатные, машино-строительные и др. Потребность въ Россіи желѣзнодорожныхъ матеріаловъ почти вся могла удовлетвориться тѣмъ, что выдѣлывалось въ степномъ краѣ. Находятся заводы, главнымъ образомъ, въ рукахъ иностранцевъ — бельгіевъ и англичанъ. Только болѣе мелкіе заводы принадлежатъ русскимъ предпринимателямъ.

Жизнь рабочихъ, занятыхъ на всѣхъ безчисленныхъ заводахъ, копяхъ и мастерскихъ степного края, нельзя подвести подлѣ одинъ типъ. Въ общемъ, на всѣхъ заводахъ работа очень тяжела. Жизнь сѣрая, безпросвѣтная. У шахте-

ровь, какъ уже сказано, всегда тьма, сырость и духота. Заводскіе рабочіе задавлены адской работой доменныхъ печей: раскаленный воздухъ, грохотъ, шумъ... Котельное производство особенно тяжело для рабочаго. Когда въ котелъ забиваютъ клепки, одинъ рабочій влѣзаетъ внутрь котла. Въ грудь его упирается металлическій клинъ, другой конецъ котораго приходится противъ мѣста, куда забиваютъ клепку. Такимъ образомъ, весь ударъ молотка приходится въ грудь рабочаго, разбиваетъ ее и дѣлаетъ его скорѣй никуда ненужнымъ калѣкой. Страшный звонъ котла оглушаетъ его. Поэтому-то котельщиковъ и называютъ „глухарями“.

Въ настоящее время обработка желѣза въ Донецкомъ краѣ и, вообще, въ степномъ краѣ происходитъ въ огромныхъ размѣрахъ, однако изысканія показали, что руды въ краѣ слишкомъ мало для того, чтобы такое громадное производство могло долго существовать. Тогда придется позаботиться о соединеніи желѣзной дорогой Урала, богатаго желѣзомъ, со степнымъ краемъ, изобилующимъ каменнымъ углемъ.

Добываніе ртути въ степномъ краѣ занимаетъ видное мѣсто въ рутинномъ дѣлѣ всей Европы. Изъ всего количества 200.000 пудовъ ртути, добываемаго въ Европѣ, на долю Россіи приходится до 30.000 пудовъ ежегодно. Этого количества не только хватаетъ на всю Россію, но еще значительная часть вывозится за границу. Во всей Россіи разработка ртути существуетъ только въ одномъ мѣстѣ, въ мѣстечкѣ Никитовкѣ, Бахмутскаго уѣзда. Здѣсь построенъ заводъ компаніи Ауэрбахъ, по размѣрамъ занимающей 3-е мѣсто въ Европѣ. Добываютъ рутиную руду шахтами, превосходно построенными, со всеми нужными усовершенствованіями.

Хотя заработная плата на рутинномъ заводѣ, сравнительно, высокая и рабочій день короче, но занятіе это разрушающее дѣйствуетъ на ихъ здоровье: у рабочихъ начинаютъ шататься и выпадать зубы,

синѣютъ десна, отвисаетъ нижняя челюсть. Нѣкоторые уходятъ съ завода чрезъ недѣлю.

Богатства соли въ Донецкомъ бассейнѣ неисчерпаемы. Здѣсь мы находимъ соляные источники и залежи каменной соли. Соляная промышленность сосредоточена вокругъ того же Бахмута. На 50 верстъ вокругъ этого города лежатъ пласты соли глубиной въ 7—15 сажень. Каменная соль добывается подобно углю и ртуту въ шахтахъ. Соляныя копи поставлены, сравнительно, хорошо. Рабочіе охотно идутъ на эти шахты. Производство принадлежитъ французамъ и голландцамъ. Въ шахтахъ добывается большая часть всей русской соли. Въ соляныхъ варницахъ въ Бахмутѣ ежегодно добывается до 9¹/₂ миллионъ пудовъ соли.

Соль степного края расходуется во всей юго-западной Россіи и въ Царствѣ Польскомъ.

Всѣми предметами, которые производятся въ степномъ краѣ, ведется обширная торговля. Крупная ярмарочная торговля, съ развитіемъ сѣти желѣзныхъ дорогъ, становится все болѣе и болѣе излишней, хотя Ростовская ярмарка до сихъ поръ еще играетъ громадную роль въ хлѣбной, шерстяной и кожевенной торговлѣ степного края. Всѣ крупные торговые города этого края—Одесса, Николаевъ, Ростовъ, Таганрогъ и др.—соединены желѣзными путями съ крупными городами центральной Россіи (Москвой, Киевомъ, Харьковомъ). Большие центры промышленности—заводы, копи соединены съ этими путями желѣзнодорожными вѣтками. Особенно изрѣзанъ Донецкій крижъ. Это множество желѣзныхъ дорогъ степного края оказало огромное вліяніе на его промышленность и торговлю.

Громадное значеніе для степного края имѣютъ водные пути сообщенія. Плаваніе по рѣкамъ его затруднено порогами и мелями, и поэтому значеніе ихъ велико.

Разбросанные вдоль береговъ Чернаго и Азовскаго морей большіе торговые города (Одесса, Херсонъ, Ростовъ) ведутъ вдоль побережья громадную всевозможными товарами (такъ назыв. каботажную торговлю). Въ заграничное плаваніе пускаются лишь немногіе пароходы; ввозъ и вывозъ, главнымъ образомъ, находятся въ рукахъ иностранцевъ.

Упомянутые приморскіе города поражаютъ своей чистотой и порядкомъ. Такова, напр., Одесса (рис. 222): хорошо мощенныя улицы чисты и вымыты; всюду развиты зеленые, свѣжіе сады и бульвары; широкій видъ на море открывается съ нихъ; красивыя зданія окружены зеленью; на пристани выстроились пассажирскія суда; слышенъ неумолчный разговоръ на всѣхъ языкахъ. Все это придаетъ городу не русскій, а западно-европейскій видъ. Та же, приблизительно, картина на востокъ въ Ростовѣ-на-Дону.

Рис. 222. Улица въ Одессѣ.

Въ нѣсколько лѣтъ выросъ этотъ городъ и ожилъ.

Жизнь края перешла къ этимъ новымъ городамъ, а прежніе центры заглохли. Таковы Бахмутъ, Луганскъ, Лисичанскъ; въ нихъ прежде пышно росла торговля и промышленность, теперь же она замерла, уснула. Уснули въ нихъ и обыватели. Въ этихъ захолустьяхъ, съ грязными и немощеными улицами и одноэтажными домиками, нѣтъ даже своей газеты. Обыватели уснули, отдалились отъ міра, интереснаго и живого, близкаго къ нимъ, но непонятнаго и чуждаго...

Чатырдагъ (рис. 223).

(Изъ очер. С. Филиппова.)

Мы садимся на лошадей, чтобы ѣхать къ Чатырдагу. Такъ и пышетъ жаромъ отъ накалившихся стѣнъ и звонкой пересохшей земли. Вездѣ попрятались люди, и только базаръ гудитъ тѣнливымъ разноязычнымъ говоромъ. Пыль—и та нехотя поднимается съ мостовой и медленно, тоже нехотя, ложится снова. И лишь

вылѣхавъ изъ Алушты (рис. 224), чувствуешь нѣкоторую свѣжесть и отдыхаешь послѣ духоты и зноя разомлѣвшей деревни. Чѣмъ дальше, тѣмъ прохладнѣе, душнѣе, веселѣе. Скоро Алушта уходитъ изъ глазъ, и ея мѣсто угадывается только по золотистой дымкѣ пыли, которая поднимается надъ нею. Мы влѣзаемъ

въ горы, въ настоящій хаосъ горныхъ тропинокъ, лощинъ, балокъ, холмовъ. Мы поднимаемся все выше—и красивѣе, разнообразнѣе виды внизу. Иногда это необыкновенно причудливая игра красокъ, отблнкнвъ свѣта и тѣни. Иногда только что оставленная зеленая лощинка вдругъ загорается фиолетовымъ блескомъ или вынырнетъ вся въ золотыхъ движущихся пятнахъ и полосахъ. Часто мы спускаемся съ горъ и, кажется, уходимъ внизъ, и снова поднимаемся на горы. Какая-то веселая игра, а не движеніе къ опредѣленной цѣли. И, однако, мы все ближе къ ней, все время кружимся передъ этимъ массивнымъ туловцемъ Чатырдага, который заслоняетъ намъ даль. И мы все приближаемся къ нему. Небо розовѣетъ, и голубизна тонетъ въ этомъ новомъ оттѣнкѣ. Солнце уже не ярко и не жигетъ больше.

Вотъ поворотъ къ какой-то скалѣ, по которой нужно забираться крутой каменной тропинкой. Двоямъ рядомъ ѣхать нельзя, мы выстраиваемся въ линію, подвигаемся осторожно и видимъ сбоку рядъ уродливо длинныхъ тѣней, которыя вытянулись отъ насъ и нашихъ лошадей. Тропинка выводитъ къ буко-

Рис. 223. Крымъ. Чатырдагъ.

вому лѣску. Невозможно себя представить что-нибудь изящнѣе, чище этого лѣска. Деревья рѣдки, ихъ листва свѣжая, блестящая, густая. Они стоятъ въ чуткомъ затишьѣ, не шевеля ни вѣткой, ни листомъ, какъ нарисованныя. И они такъ красивы... Здѣсь источникъ, и мы спѣшиваемся, чтобы напоить лошадей и напиться. Пока лошади пьютъ, мы разминаемъ ноги и осматриваемъ свой путевой багажъ. Приходится ужъ надѣвать теплое платье—на Чатырдагъ становятся очень свѣжо. Мы, очевидно, высоко, но какъ высоко—еще неизвѣстно. Земля тамъ гдѣ-то, передъ нами скалы, уступы, горные отвѣсы. Они или каменные или поросли буковыми лѣсами и ползучимъ мохжевелинникомъ, который не отличить отъ травы. Онъ замедляетъ движеніе, и наши лошади осторожно ставятъ на него ноги. Передъ глазами вырастаетъ обрывистый уступъ, весь изъ осколковъ камней.

Наконецъ мы вѣзжаемъ на просторную площадку, гдѣ находятся коши. Чабановъ (рис. 225) еще нѣтъ, и мы располагаемся по-домашнему въ ихъ заоблачной территоріи. Очень красивое мѣсто. Дали нѣтъ, она вся потонула въ туманѣ.

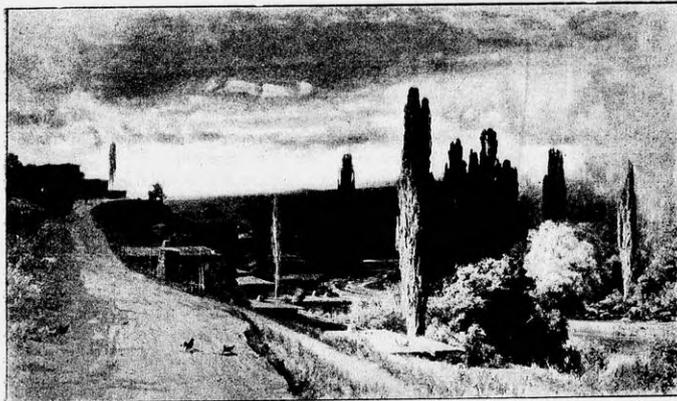

Рис. 224. Крымъ. Въ Алуштѣ.

Съ одной стороны огромная отвѣсная стѣна защищаетъ плато, на которомъ мы находимся. Эта стѣна поддерживаетъ вершину, и около нея вѣется въ скалахъ дорожка на высшую точку Чатырдага. Здѣсь еще понятнѣе значеніе этого названія—Палатъ или Шатеръ-гора. Да, только палатка или шатеръ и могутъ имѣть такія стѣны, и это сходство горы съ ними издали отнюдь не игра воображенія. Пока связываютъ лошадей, мы осматриваемъ эти коши, въ которыхъ намъ предстоитъ почевать. Прочно сложенный ящикъ изъ камней съ отверстіемъ для дыма въ потолокѣ. Кругомъ него загородка, куда загоняютъ доить овецъ.

— Откровенно говоря, я предпочелъ бы почевку на воздухѣ.

— Я тоже. Тоже и всѣ.

Дѣло за дровами, чтобы разложить костеръ, безъ котораго невозможно: холодъ пронизываетъ и теперь, а ночью онъ усилится непременно.

Но безъ чабановъ нельзя достать топлива въ этомъ мѣстѣ, гдѣ одинъ только камень. Мы терпѣливо ждемъ ихъ, любясь прелестной картиной. Небо сияетъ и дышитъ. Ущербленная луна серебрить

мѣстами уступы горъ, и отъ нихъ падаютъ черныя тѣни. Иногда онѣ будто движутся, медленно, робко. Внизу, точно безбрежное море, колыхнется свѣтящійся сѣрый туманъ. Иногда повѣетъ холодная струйка, долетѣвшая сюда изъ ущелья или съ вершины. Чутко, загадочно, молчаливо. Малѣйшіе звуки слышны еще издалека. Слышно, какъ подвигается что-то огромное, шумливое, какъ потокъ.

Рис. 225. Чабанъ.

Какое-то шелканье, свист, крики покрывают по временам этот неопредѣленный шум невидимаго, доносящийся сверху. Возвращающееся стадо овец разсыпается по скалам, торопливо спускается съ них, толкаясь, бля, сбиваясь въ одну кучу или распылаясь на множество маленькихъ кучекъ. Подъ луннымъ блескомъ это что-то красивое и фантастичное. За стадомъ идутъ чабаны и, пропуская его передъ собою, останавливаются на скалахъ. Они кажутся тоже красивыми въ своихъ бараньихъ плащахъ, съ длинными хлыстами въ рукахъ. Они шелкаютъ ими, и эти звуки, какъ выстрѣлы, далеко разносятся въ прозрачномъ и гулкомъ воздухѣ.

Передовая кавалерія—цѣлая свора собакъ—уже окружаетъ насъ, обнюхивая воздухъ, ворча и заливаясь на всѣ лады. Скоро у насъ пылаетъ костеръ, и мы собираемся вокругъ него. Это эффектно, ново и незаурядно въ такой обстановкѣ, какъ здѣшняя.

Холодъ все усиливается, а хворосту все меньше. Его достать не легко, и мы начинаемъ эконоить. Нѣкоторые изъ насъ уходятъ въ кошъ, но остаются тамъ недолго: дымъ костра въ кошѣ выѣдаетъ глаза. Снять на открытомъ воздухѣ такъ хорошо, разстеливъ лошадиные потники и положивъ сѣдла подъ головы. Тѣ, кто взяли шледы и теплыя пальто, поступили вдвойнѣ благоразумно: они обезпечили себѣ покойный сонъ и гарантировали себя отъ простуды. Ночь кажется безконечной среди этого всеобщаго молчанія и пронизывающаго холода. Изрѣдка нарушитъ тишину движеніе въ отарѣ, гдѣ овцы; изрѣдка тивкнетъ собака или протяжно завоетъ. Разъ или два донесся странный крикъ, скорѣе отчаянный вопль, который заставлялъ всѣхъ встрепенуться. Кричалъ чабанъ, почувшій приближеніе волка. Вся собачья стая яростно отбѣгла на это странное предостереженіе непростенному посятителю, и постепенно все замолкло надолго. А ночь

неслась тихо, безшумно, свѣтло, таинственно.

Тихо несется ночь, но уже вся изъ другихъ отбѣнокъ. Краски потускнѣли, стали блѣднѣе, безцвѣтнѣе. Поблѣднѣлъ и мѣсяцъ и звѣзды, холодный налетъ на землѣ и на небѣ.

Пора подыматься и сѣдлать лошадей. И пока это дѣлаютъ, мы взбираемся на одинъ изъ утесовъ и смотримъ внизъ. Тамъ еще туманъ, но уже не сѣрый, какъ прежде, а словно перламутровый или какъ опалъ. Когда брызнуло солнце, туманъ дрогнулъ и разорвался на клочки. Бездна открылась—очень мирная и очень привѣтливая, но далекая. Лѣса, ленты дорогъ, горы, лощины. Все свѣжее, только что проснувшееся, веселое. То тамъ, то сямъ плавали клочки облаковъ, которые не успѣли еще растаять.

Начиналась прелестная и самая трудная часть пути—къ высшей точкѣ Паладь-горы. Зеленѣющей треугольникъ, почти отвѣсный, какъ намъ казалось, поднимался къ вершинѣ. Съ грѣхомъ пополамъ поднимались и мы, неоднократно слѣзая съ лошадей и ведя ихъ за собою. Крымское солнце, несмотря на высоту и раннюю пору, уже жгло. Удовольствіе превращалось въ утомительное паломничество... Но, наконецъ, мы все-таки достигли цѣли и поднялись. Подъ ногами разстилался изумрудный коверъ, словно обрызганный бѣлыми альпійскими цвѣтами. Передъ глазами развернулась рельефная карта того атласа, который зовется—природа. Весь полуостровъ открывается взгляду, весь отъ перешейка до крайней точки самаго крайняго мыса. Вы видите и Гнилое море, и Евпаторію, и Севастополь, и даже Керчь. Видите всѣ внутренніе города и мѣстечки полуострова и моря, его омывающія. Мало того, вашъ глазъ, вооруженный биноклемъ, пытается перешагнуть Черное море (рис. 226), чтобы подмѣтить за нимъ смутную линію или рядъ точекъ. Такого кругозора, какъ здѣсь, ни-

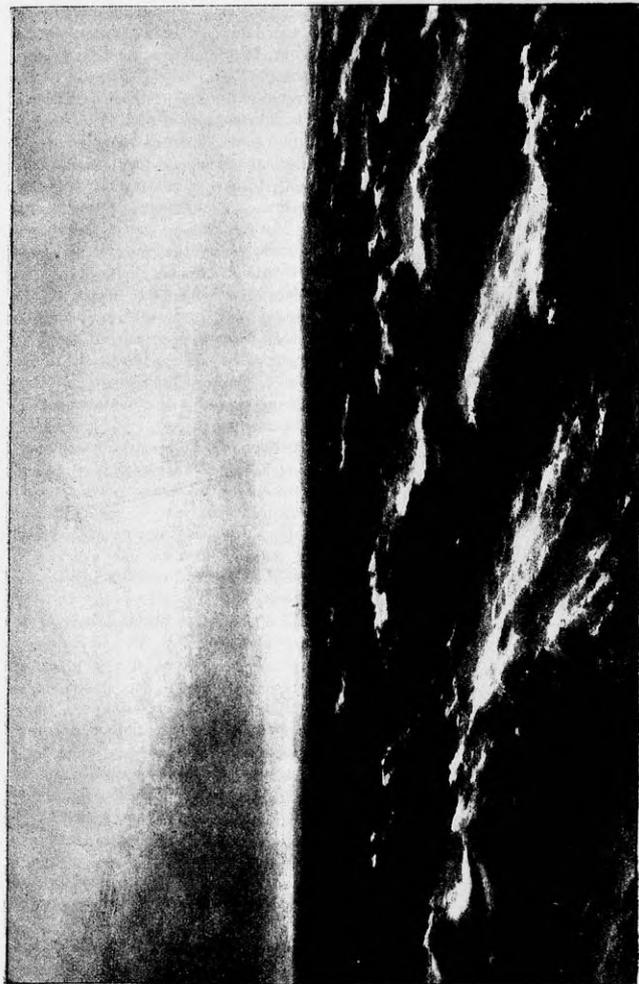

Рис. 226. Море.

гдѣ не сыщешь, хотя все, что видишь, туманно и неопредѣленно. Это нѣсколько потягитъ впечатлѣнїе. Виды съ другихъ горъ, менѣе высокїхъ, какъ, напримѣръ, Вештау и пр., красивѣе, потому что они яснѣе, опредѣленнѣе. Чатырдагъ же позволяетъ видѣть только даль и ничего вблизи. Слѣшкомъ ужъ обширна его вершина: длиною болѣе 10 верстъ и отъ 1 до 4 въ ширину. Какъ можно видѣть что-нибудь близкое при такихъ размерахъ observational пункта?

Но все-таки все, что видишь отсюда, грандиозно и поразительно.

Спускъ съ вершины еще труднѣе, рискованнѣе подъема.

Пять-шесть верстъ пути, не сходя съ вершины колосса, и мы будемъ около его знаменитыхъ пещеръ. Мы ѣдемъ тихо, утомленные красотой и палищамъ солнцемъ. Когда, наконецъ, показалась опушка лѣса, мы жадно устремились къ ней, лица прохлады. И прохлада явилась. Лѣсъ—невьсокий лѣсокъ изъ бука,—еще хранилъ въ себѣ свѣжесть недавней ночи. Въ этой густотѣ было прїятно и хорошо подъ тѣнью сѣровой листвы. Иногда она ставовилась непроходимой, и мы съ трудомъ пробирались, отстраняя вѣтви и уклоняясь отъ сучьевъ. Лѣсъ тянулся непрерывной линїей, темный, уютный, тихій. Узенькая тропинка бѣжала капризными поворотами, выводя на поляны, такія же бѣлыя, какъ и она сама. Известковые пласты вершины постоянно напоминали о себѣ. Дорога все красивѣе и разнообразнѣе. На каждомъ шагу новая картина, восхитительный уголокъ, манящїй и ласковый. Подымаясь на пригорки, мы падали внизъ, вынуждая въ щачи и ѣхали бѣленькими полянами, мѣстами кропленными темною зеленью непомятой нїкъмъ травы.

Совсѣмъ неожиданно, сразу, безъ предисловїй, нашъ провозжатый повернулъ къ намъ своего коня и остановился.

— Что?

— Пещеры.

— Гдѣ жъ онѣ?

Рѣшительно ничего не замѣтно, кромѣ тѣхъ же известковыхъ холмовъ, заросшихъ кустарникомъ и небольшими дубками. И, однакоже, мы были у входа одной изъ нихъ, называемой Суукъ-Коба, или Водяной пещерой. Невьсокий бѣлый пригорокъ совсѣмъ закрытъ зеленью. Только раздвинувъ ее, видишь широкую арку, черную, вьющую холодную сырость, напоминающую погребъ.

Мы собираемся въ одну группу, беремъ по нѣсколько свѣчъ, одну изъ которыхъ каждый зажигаетъ, и вступаемъ въ пещеру. Впереди идеть проводникъ. Бѣлесоватый свѣтъ извнѣ чуть западаетъ въ этотъ вестибюль страннаго дворца. Приходятся спускаться по какой-то наклонной плоскости, похожей на лѣстницу. Сбоку искрится подземное озерко. Стѣны сыры, и со сводовъ капаетъ вода. Ноги постоянно скользятъ. Огонь свѣчки освѣщаетъ розно настолько, чтобы видѣть свою руку и спину идущаго впереди. Спертый воздухъ и гробовая тишина, нарушаемая звуками падающихъ капель и нашихъ шаговъ по мягкому грунту рыхлой земли. Но то и другое безъ звука, коротко, глухо.

Передъ нами открывается первая небольшая зала, за нею другая, большая третья, двадцатая и т. д. Сколько ихъ еще—неизвѣстно. Не нужно забывать, что одна только вершина Чатырдага имѣетъ 10 верстъ длины и въ широкихъ мѣстахъ достигаетъ почти половины этой цифры. То, что извѣстно людямъ,—это нѣсколько залъ, далѣе которыхъ никто еще не заходилъ. Онѣ идутъ внизъ и поднимаются вверхъ. Къ нимъ попадаешь со всѣхъ сторонъ и онѣ открываются неожиданно изъ-за угла, колонны, уступа. Между ними есть большія и маленькія. Однѣ напоминаютъ оранжерейные гроты, другія—цѣлые манежи, гдѣ могъ бы свободно помѣститься цѣлый полкъ. Со сводовъ свѣшиваются длинныя сталактиты (рис. 227), иногда красивые, иногда от-

пратительные по формѣ и очертанїямъ. Между сталагмитами, вырастающими на землѣ, еще болѣе капризныхъ фигуръ.

Правда, изъ сталактитовъ и сталагмитовъ уцѣлѣла лишь ничтожная часть, главнымъ образомъ, такіе, которыхъ нельзя было унести съ собою,—огромное большинство растащено туристами.

Когда мы въ одной изъ залъ зажгли каждый по двѣ свѣчи (насъ было человекъ десять) и заставили татарина жечь магнїй, получалась одна изъ необыкновенныхъ, сказочныхъ, невѣроятно-волшебныхъ картинъ.

Другая пещера находится въ верстѣ отсюда и ея названіе—Виньбашъ-ноба, т. е. тысячеголовая. Она, дѣйствительно, мало чѣмъ отличается отъ предыдущей. Тѣ же залы, тѣ же сталактитовыя украшения, то же разнообразіе и неизвѣстность количества пещеръ. Въ нихъ въ вползаютъ низенькимъ туннелемъ на протяженїи полутора десятковъ сажень и занимаете собою въ это время все пространство туннеля,—мо-

Въ Бахчисарѣ.

(Изъ очер. С. Филиппова).

Бахчисарай весь состоитъ изъ одной улицы, которая тянется версты на двѣ вдоль всего города, на двѣ ущелья, образаемого высокими горами. Онѣ защищаютъ и закрываютъ городъ со всѣхъ сторонъ. Онѣ поднимаются надъ нимъ, нѣсколько печальныя, изрѣдка покрашенные зеленью деревьевъ, и ихъ сѣроватую желтизну мягко отбѣняетъ чуть потемнѣвшее чистое небо. Онѣ очень красивы особенно подъ яркимъ освѣщенїемъ крымскаго солнца.

Когда вы минуете ворота, передъ глазами въ упоръ вырастаетъ маленькая, старая-престарая мечеть, видимо, теперь вовсе оставленная. Отсюда и начинается та главнал и единственная бахчисарайская улица, которая тянется по всему городу. Узкіе, едва замѣтные проулочки идутъ отъ нея по обѣ стороны и опутываютъ

жете судить, какъ онъ узокъ и низокъ. Въ первыхъ же залахъ вы наталкиваетесь на

Рис. 227. Сталактитовая пещера.

множество человѣческихъ костей, которыя отравительно трещатъ подъ вашими ногами. Отъ нихъ именно пещеры и получили свое названіе.

собою эту главную артерію татарской столицы. Они пустили свои корни во всѣ стороны, поднимаются вверхъ, сбѣгаютъ внизъ, перекрещиваются между собой или, разойдясь въ разныя стороны, внезапно сливаются вмѣстѣ, наподобіе нѣсколькихъ ручьевъ, встрѣтившихся въ одномъ руслѣ. И всѣ они ведутъ къ одному и тому же мѣсту, къ одной и той же центральной артеріи Бахчисарая, которая называется его главной Базарной улицей.

Фазтонъ, если вы совершаете осмотръ города не пѣшкомъ, подпрыгивая и качаясь, направляется по ней, оставая за собой грязныя развалины цыганскихъ домншекъ, около которыхъ сидятъ сами ихъ владѣльцы.

Бахчисарайские цыгане, если вы видите ихъ въ первый разъ, васъ поразятъ не-

премьнно. Это не тѣ цыгане, которыхъ вы встрѣчали въ ихъ таборахъ, гдѣ-нибудь по нашимъ русскимъ дорогамъ, — это цыгане нетронутые, первобытные, способные навести даже страхъ. Они какого-то мѣдно-краснаго пѣвта, въ родѣ давно нечищенной мѣдной посуды, и ихъ плащи, скорѣе рубища, не прикрываютъ ихъ тѣл, но еще болѣе отбѣняютъ грязь и худобу послѣднихъ. Но отвратительнѣе и ужаснѣе всего между ними ихъ старухи, съ растрепанными сбѣдыми космами волосъ, съ сверкающими лихорадочнымъ блескомъ глазами, съ длинными трубками во рту или рукахъ. Онѣ курятъ, эти старыя женщины, сидя въ рядъ въ одинаковыхъ позахъ, не дви-

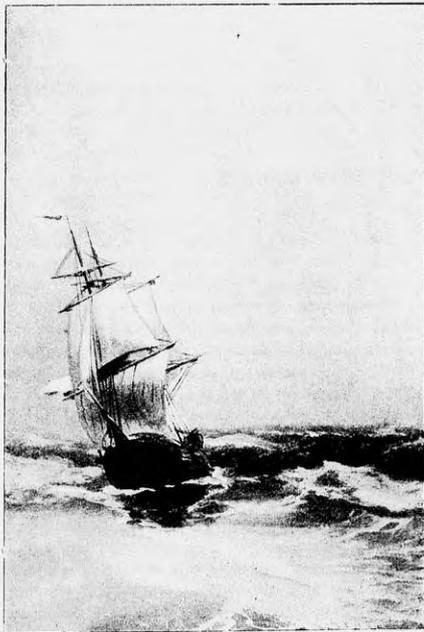

Рис. 228. Въ морѣ подъ парусами.

гаясь и не шевелясь, въ то время, когда передъ ними барахтаются въ пыли маленькіе цыганята, черные, какъ ихъ отцы и матери.

Улицы продолжаютъ называться передъ вами и обдавать васъ цѣлыми клубами пыли, которая увеличивается съ каждымъ поворотомъ колеса. Чтобы хоть сколько-нибудь предохранить себя отъ этой пыли, слѣдуетъ выйти изъ экипажа и пойти пешкомъ. Это интереснѣе и удобнѣе.

Бахчисарайской тропкѣ грязнѣе, аловоненъ, пыленъ и узокъ. Лачужки тянутся непрерывною цѣлою справа и слѣва. Каждая лачужка—лавка или магазинъ. Въ нихъ вы найдете рѣшительно все, что изобрѣла и производитъ татарская индустрія, потому что Бахчисарай есть первый и почти единственный коммерческій центръ для крымскихъ татаръ. Онъ — главный поставщикъ всего татарскаго населенія Крыма.

Вотъ фруктовая лавка. Десятокъ баклажанъ, полтора фунта черешень, три огурца и нѣсколько пряниковъ, похожихъ на глиняныя комки, — все содержимое этого фруктоваго или, если хотите, колониальнаго магазина. Время отъ времени босоногій татаринъ въ красной фескѣ встаетъ со своего сидѣнья, чтобы мочальной кистью покропить на свой товаръ: такъ онъ выглядываетъ гораздо свѣжѣе и, конечно, гораздо привлекательнѣе для покупателя... Рядомъ лавка мясника, служащая въ то же время и закусочной. На крючкѣ висятъ баранья туша, и на нее давно уже умилно поглядываетъ необыкновенной худобы собака, которыхъ вы встрѣтите здѣсь во множествѣ, ждущая, когда и на ее долю перепадетъ что-либо отъ этого лакомого кушанья. Тутъ же въ глиняномъ тазикѣ надъ углями

жарится знаменитый здѣшній шашлыкъ — кусочки бараньяго мяса, воткнутые на деревянныя палочки. Не нужно вовсе быть брезгливымъ, чтобы содрогнуться при видѣ этой обстановки, въ которой онъ изготовляется. Можно поручиться, что даже при самомъ сильномъ голодѣ у васъ тотчасъ же пропадетъ аппетитъ.

Рядомъ москательная лавка, гдѣ стоятъ боченочки и ящики и висятъ длинныя темно-зеленыя восковыя свѣчи, употребляемыя магометанами при богослуженіи. Недалекѣ приготовляются надгробныя памятники съ высѣченными на нихъ мудреными письменами. Камни въ чалмахъ, раскрашенные и размазанные, смотрягъ уродливыми и страшными кулками, которые какъ будто назначаются для забавы дѣтямъ какихъ-то великановъ... Стукъ молотка указываетъ вамъ на лавку мѣдника, гдѣ работаютъ кастрюли и прочія металлическія вещи, необходимыя въ хозяйствѣ. Далѣе цѣлая линія шорниковъ и башмачниковъ занята изготовленіемъ сѣделъ, уздечекъ, паучей и местей—обуви татарокъ. Они же дѣлаютъ дѣтскіе мячки и тѣ маленькія сумочки, въ которыхъ особенно набожные мусульмане носятъ свои амулеты. Тутъ же задумчивый хаджа въ бѣлой чалмѣ повергъ фески пристально углубился въ свою работу — рисованіе на стеклѣ различныхъ священныхъ изреченій и молитвъ, которыя служатъ украшеніемъ стѣнъ въ домахъ правобѣрныхъ. Тотъ же хаджа продаетъ масло изъ Мекки и какіе-то духи въ крещенныхъ странной формы флакончикахъ, съ страннымъ сладковатогрѣзкимъ запахомъ. То тамъ, то сямъ мелькнетъ лавка, гдѣ продаются табакъ или спиртные напитки. Первая содержитъ караимы, вторыя—евреи. Это ужъ настоящія лавки, или, по крайней мѣрѣ, очень похожія на нихъ, съ дверями, стеклами и даже съ вывѣсками.

Татарскій базаръ не производитъ, однако, на васъ того ошеломляющаго и

оглушающаго впечатлѣнія, которое вы получаете, напримѣръ, въ Тифлискомъ майданѣ. Здѣсь все степеннѣе, тише, медлительнѣе, лѣнивѣе. Татары сидятъ неподвижно въ задумчивыхъ позахъ, немножко меланхолическіе, немножко грустные. Они рѣдко раскрываютъ ротъ и разговариваютъ со своими покупателями скорѣе жестами. Но жесты эти медлительныя, лѣнныя, апатично-усталыя... Эти продавцы сидятъ неподвижно, поджавъ подъ себя ноги въ цѣтныхъ чулкахъ, и какъ бы прислушиваются къ таинственному журчанію фонтановъ, которые здѣсь на каждомъ шагу. Въ нихъ вся услада мусульманскаго уха, и эту истинно восточную мелодію, навѣвающую мечтательность, оно не промѣняетъ ни на какую музыку въ свѣтѣ. И они такъ идутъ другъ къ другу; и эти задумчивые люди и эти задумчивые фонтаны такъ вмѣстѣ составляютъ одно нераздѣльное цѣлое, немислимое, кажется, одно безъ другого.

По временамъ сверху изъ разныхъ мѣстъ раздаются монотонныя, странно дѣйствующіе на васъ не то выкрики, не то пѣсни. Они замолкаютъ на мгновение и начинаются снова, такіе же однообразные и жалостливые. Это—крикъ муздыновъ съ мечетей, напоминающій правобѣрнымъ о наступленіи часа молитвы. И правобѣрные молча встаютъ со своихъ мѣстъ и молча направляются къ дому Аллаха, приостанавливаясь у фонтановъ для совершения необходимаго омовенія.

Войдите въ любую изъ этихъ мечетей, гдѣ совершается теперь богослуженіе. Тамъ полумракъ и прохлада. Ковры глушаютъ шумъ шаговъ. Входятъ, снимая у порога туфли и ставя ихъ въ рядъ у дверей или захватывая ихъ съ собою. Всѣ или сидятъ, поджавъ подъ себя ноги, или распростерлись на полу. Гдѣ-то изъ угла доносится голосъ невидимаго чтеца, и эти монотонныя, гнусныя, однообразныя, полупечальные звуки такъ странно звучатъ подъ высокими сводами, такъ

дѣйствуютъ на ваше непривычное ухо... Свѣтъ проходитъ сквозь запыленные цѣбтные стекла узенькихъ окошекъ, таинственно падая на всѣ неподвижныя фигуры молящихся людей, которыя кажутся какими-то изваяніями среди всѣхъ окружающихъ ихъ таинственныхъ и непонятныхъ надписей, начертанныхъ на стѣнахъ.

По временамъ всѣ молящіеся, точно повинуясь какому-то невидимому мановенію, быстро встаютъ на ноги или падаютъ на колѣни и распростираются на коврахъ. Иногда вы слышите загадочный шопотъ, напоминающій шелестъ листьевъ, который поднимается вверхъ или переходитъ въ одинъ общій вздохъ, глубокой и могучей, будто вырваншійся изъ груди гиганта... Или наступившее молчаніе вдругъ прерывается чьимъ-нибудь возгласомъ, къ которому тотчасъ же присоединяются другіе. Вы ужъ не слышите голосовъ. До уха долетаетъ одинъ общій крикъ, торопливый, все ускоряющійся, доходящій до экстаза, до головокружительной быстроты, до неистовства.

Рис. 229. Крымскіе татары.

Рис. 230. Крымскій татаринъ.

— Алла! Алла! Алла!—только и въ состояніи разобрать ваше ухо въ общемъ вихрѣ или круговоротѣ человѣческихъ голосовъ.

Это такъ дико и такъ непохоже на все, къ чему вы привыкли, что вы остаетесь въ теченіе нѣсколькихъ минутъ ошеломленнымъ и недоумѣвающимъ.

Придя въ себя, вы понимаете и чувствуете, что находитесь на востокѣ. Да, Бахчисарай—это востокъ и по внѣшнему своему виду и по складу всей своей жизни, лѣнливой, медлительной, неподвижной.

Проходя по улицѣ, вы замѣчаете на террасахъ домовъ кучки татаръ (рис. 229 и 230), лежащихъ и сидящихъ на мягкихъ скамейкахъ съ трубками и папиросами въ рукахъ. Это кофейни, играющія у татаръ роль нашихъ клубовъ. Нигдѣ въ цѣломъ Крыму кофейни не играютъ такой роли, какъ здѣсь, въ Бахчисарай, зтомъ исключительно мусульманскомъ уголкѣ Тавриды. Кофейня для бахчисарайца все. Она для него мѣсто общаго собрания, ресторанъ, клубъ и читальня вмѣстѣ. Безъ преувеличенія можно сказать, что онъ посвящаетъ ей все свое свободное время.

По временамъ то тамъ, то сямъ спѣшной походкой проскальзываютъ женщины

(рис. 231 и 232), быстро и любопытно озираясь по сторонамъ, и скрываются въ переулкахъ.

И эти фигуры еще болѣе придаютъ Бахчисарая восточный колоритъ. Онѣ напоминаютъ мраморныя статуи, закутанныя въ свои бѣлыя жамамы (чадры) поверхъ зеленыхъ или коричневыхъ фераджей, чуть открывающихъ ихъ ноги въ желтыхъ калошахъ, надѣтыхъ на распшитыя серебромъ цѣбтныя туфли. Съ ними, по большей части, идутъ дѣти, маленькіе быстроглазые татарчата въ фескахъ.

Главнѣйшая достопримѣчательность Бахчисарая—это Ханъ-Сарай.

Ханъ-Сарай, т.е. дворецъ хановъ, собственно, и влечетъ туристовъ. Ханъ-Сарай окруженъ стѣнами, какъ бы спрятанъ въ стѣнахъ. Онѣ позволяютъ видѣть только высокіе минареты, куполы какихъ-то башенъ да нѣсколько странныхъ ранжъ (пирамидальныхъ тополей), темнѣющихъ въ разныхъ мѣстахъ двора.

Около мостика, перекрѣпугающего высохшую вонючую рѣчку Чурукъ-Су, текущую параллельно Бахчисарая и его главной улицѣ, стоитъ каменный столбъ

съ двухглавымъ орломъ и надписями на татарскомъ и русскомъ языкахъ. Последняя говоритъ вамъ, что столбъ этотъ поставленъ въ память посѣщенія Бахчисарая Екатериной II. Перейдя мостъ, вы у воротъ, ведущихъ на ханскій дворъ. Но, войдя во дворъ, вы еще не у дворца, потому что онъ, въ свою очередь, также обнесенъ

Рис. 232. Татарская женщина.

стѣнами съ другими воротами, которыя и открываютъ передъ вами это святилище, служившее мѣстопробываніемъ повелителей Крыма.

Ханскій дворъ имѣетъ форму параллелограмма; онъ обширенъ, покрытъ газонами и цѣбтниками, обнесенъ цѣлымъ рядомъ построекъ, кустарниковъ, дикаго виноградъа и другихъ деревьевъ, и, наконецъ, на немъ нѣсколько фонтановъ. Здѣсь тихо, и вы сразу почувствуете себя какъ бы успокоеннымъ и отдохнувшимъ отъ суеты Базарной улицы. Та часть, откуда вы вошли, занята комнатами для прибывающихъ туристовъ, останавливающихся здѣсь съ разрѣшенія таврическаго губернатора или коменданта дворца. Слева большая ханская мечеть, ханское кладбище и строения, въ которыхъ живутъ дворцовый полицмейстеръ и другіе служащіе при дворцѣ. Такимъ образомъ самый дворецъ находится на правой сторонѣ отъ наружныхъ воротъ.

Но прежде чѣмъ направиться къ нему, слѣдуетъ заглянуть въ мечеть. Въ нее

Рис. 231. Татарская дѣвушка.

поднимаешься по лестницѣ, выстроенной для хановъ. Они молились отдѣльно, стоя на хорахъ, спрятанные отъ своихъ подданныхъ. Въ эти хоры васъ и проводятъ, и передъ вами открывается вся внутренность огромной мечети. Она вся устлана коврами и въ ней царить полумракъ. Стѣны голы, изрѣдка украшены надписями изъ Корана. Съ потолка свѣшиваются нѣсколько люстръ — деревянные, крашенные треугольники, составленные звѣздообразно. На нихъ стаканчики, не отличающіеся отъ тѣхъ, которые обыкновенно употребляются для иллюминацій. Одна изъ люстръ, болѣе прочихъ по размѣрамъ, и имѣетъ названіе Соломонова свѣточа — „микари Сюлейманъ“ по-татарски. Впереди, въ одной изъ стѣнъ — ниша, надъ которой висятъ три страусовыя лица, и рядомъ съ нею высокая деревянная каюдра, совершенно такая же, какъ въ лютеранскихъ или протестантскихъ церквяхъ. Отсюда говорятся проповѣди. Въ разныхъ мѣстахъ стоятъ складныя скамейки, на которыхъ читается Коранъ. Вотъ и все. Здѣсь все строго, холодно и какъ-то сурово, величественно.

Совсѣмъ другое впечатлѣніе производить ханское кладбище, находящееся бокомъ о бокомъ съ мечетью. Это скорѣе веселый цвѣтущій садикъ, чѣмъ царство смерти и приютъ мертвецовъ. Здѣсь много зелени, аромату, жужжанія, много жизни, но вовсе не чувствуется смерти.

Напротивъ, черезъ дворъ, находятся ворота, ведущія въ Ханъ-Сарай. Къ нимъ справа сдѣлана рѣшетчатая пристройка, почти сплошь закрытая вьющимися растеніями. Отсюда, говорятъ, ханы бросали народу деньги въ день вступленія своего на престолъ предковъ, оставаясь невидимыми для этого народа, который приходилъ ихъ привѣтствовать. Отсюда же, невидимые никѣмъ, они любовались джигитовкой и состязаніемъ силачей, вступавшихъ для ихъ потѣхи въ единоборство.

Но вотъ ворота растворились, и вы вошли въ ограду дворца.

— Канцелярія хана, — говоритъ вамъ дворцовый смотритель, вводя васъ въ первую комнату дворца — небольшой покой, который освѣщается маленькими цвѣтными окнами.

И невольно возникаетъ вопросъ, какъ они занимались здѣсь въ такой темнотѣ, эти ханскіе чиновники? Только освѣшившись нѣсколько, начинаешь различать окружающіе предметы, и первое, что бросается въ глаза, — это шкапчики въ стѣнѣ, назначеніе которыхъ было служить хранилищемъ различныхъ государственныхъ актовъ.

Изъ канцелярія выходишь въ залу дивана, или верховнаго судилища.

Это рѣшительно самая великолѣпная и величественная комната въ нижнемъ этажѣ. Она обширна и высока — въ два свѣта; обнесена со всѣхъ сторонъ низенькими диванами. Лучшее всего въ ней лѣпной потолокъ, напоминающій формой огромное опрокинутое блюдо, и изъ самаго центра его спускается стеклянная люстра, которая въ состояніи привести въ восторгъ любого антикаря. Свѣтъ падаетъ и сверху и снизу черезъ цвѣтные стекла. Комбинація ихъ такова, что въ комнатѣ царитъ удивительно эффектный фантастическій полусвѣтъ, придающій нѣчто таинственное этому помещенію верховнаго судилища. Въ одной изъ стѣнъ второго этажа устроена рѣшетка, откуда ханы слѣдили за происходящимъ въ залѣ суда, оставаясь невидимыми для судей. Эти рѣшетки, очень красивыя и со стороны кажущіяся, благодаря мелкости переплета, совершенно сломанными, непроницаемыми стѣнами, которыхъ здѣсь такое множество, лучше всего рисуютъ характеръ лукавыхъ властителей Крыма. Невидимые никѣмъ, какъ нѣгда высшія существа, они, тѣмъ не менѣе, отлично видѣли, что происходило вокругъ нихъ; они незамѣтно схватывали всякую случайно брошенную фразу, подмѣчали не

осторожное движеніе, взглядъ, — словомъ, шпионили такъ тонко и ловко, что ихъ придворнымъ, знавшимъ обыкновеніе своихъ повелителей, оставалось лишь изображать изъ себя мраморныя статуи и прератиться въ безгласныхъ рыбъ, выражаясь цвѣтистымъ языкомъ Востока. Конечно, они такъ и поступали, находясь въ этомъ дворцѣ, гдѣ стѣны имѣли уши и обладали въ высшей степени зоркими глазами...

Прохладная, полутемная, благодаря цвѣтнымъ стекламъ и заглядывающей въ окна зелени садика, открывается передъ вами комната, гдѣ ханы пили кофе и отдыхали члены дивана. Она тамъ же, почти рядомъ съ залой суда. Очень оригинальный изъ бѣлаго мрамора фонтанчикъ освѣжаетъ воздухъ множествомъ тоненькихъ струекъ, и подъ эту своеобразную музыку такъ хорошо гресть на этихъ низенькихъ диванчикахъ, въ прохладѣ и тишинѣ. Отсюда, дѣйствительно, выходяишь освѣженнымъ.

Выйдя отсюда, вы неожиданно очутитесь передъ тою достопримѣчательностью дворца, которая дала широкую извѣстность и ему самому и Бахчисарю. Это знаменитый фонтанъ слезъ, или Бахчисарайскій фонтанъ, прославленный Пушкинымъ.

„Глянь-чешме“, какъ онъ называется по-татарски, находится въ углу той комнаты, въ которую вы попадаете, выходя изъ залы судилища. Это, просто, высокая мраморная доска, придѣланная къ стѣнѣ, на которой вырѣзано множество чашечекъ, расположенныхъ одна подъ другой. Когда въ верхнюю попадаетъ изъ свинцовой трубочки нѣсколько капель воды, онѣ перельются въ другую, находящуюся ниже, потомъ въ третью и т. д. Такимъ образомъ вода, капли по каплѣ,

переливается изъ одной чашечки въ другую, и кажется, что это, дѣйствительно, слезы — тихія, жалостливыя, неутѣшныя. Фонтанъ пестро раскрашенъ и завершается вверху изображеніемъ магометанской луны, внутри которой что-то похожее на крестъ.

Въ верхнемъ второмъ этажѣ снова пе-

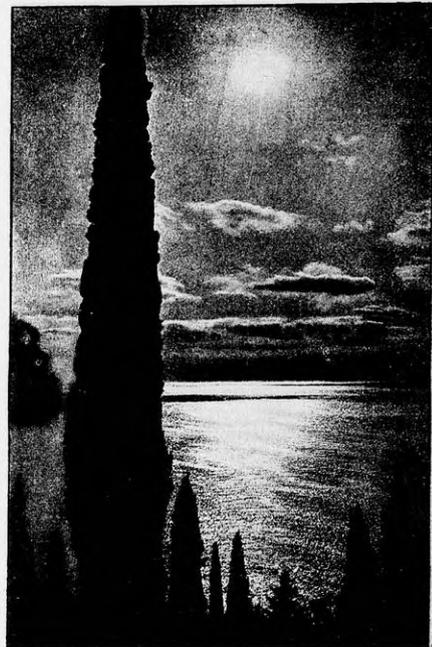

Рис. 233. Въ Крыму. Лунная ночь.

редъ вами цѣлый рядъ комнатъ. Въ нѣкоторыхъ сохранилась мебель, зеркала и другія вещи, принадлежавшія ханамъ; лучшая изъ этихъ комнатъ — столовая и та, которая служила спальней Екаторинѣ II, жившей нѣсколько дней въ Бахчисарайскомъ дворцѣ. Въ ней стоитъ ши-

рокая кровать, покрытая шелковым одѣяломъ, сохранившаяся, говорятъ, въ неприкосновенности со времени пребывания здѣсь императрицы. Тутъ же, на одной изъ бѣлыхъ некрашенныхъ стѣнъ, вы видите множество надписей-сувенировъ, оставленныхъ въ разное время различными высокими посѣтителями. Эти надписи — „Александръ“, „Цесаревичъ Александръ“, „Константинъ“ и проч.—сдѣланы просто карандашомъ по штукатуркѣ и бережно сохраняются, прикрыты стеклянн.ою рамой... Далѣе слѣдуютъ комнаты хана и его гарема. Самая роскошная изъ нихъ—да, вѣроятно, лучшая и во всемъ дворцѣ — кабинетъ Крым-Гирея, или золотая комната. Она нѣсколько приподнята надъ другими и вся въ окнахъ, обращенныхъ къ саду.

Стѣны и потолокъ кабинета выкрашены въ красный цвѣтъ и все испещрены золотыми узорами. Ниже потолка цѣлый бордюръ изъ фруктовъ, вытѣпленныхъ, вѣроятно, изъ гипса. Надъ дверьми съ обѣихъ сторонъ каминна, за стекломъ, помѣщаются какія-то курьезныя деревца и фрукты—совершенно дѣтскія игрушки, не могущія занять въ настоящее время даже пяти-шести лѣтняго младенца. А въ тѣ времена они забавляли повелителя тысячей правобѣрныхъ, который любовался ими, какъ нѣкимъ чудомъ лѣпного искусства! Наивность, впрочемъ, понятная, если принять во вниманіе степень ханскаго развитія по этой части. Полъ покрытъ коврами, и кругомъ стѣны обнесены низенькими диванами.

Разумѣется, указанныя мною комнаты только наиболѣе останавливающія внима-

ніе. Пересчитывать остальные — бесполезно и невозможно: очень ужъ ихъ много въ этомъ Сараѣ, или дворцѣ, который, что бы тамъ ни говорили, единственный въ своемъ родѣ ужъ по тому одному, что онъ единственный памятникъ, оставшійся намъ отъ ханскихъ временъ.

Съ минарета ханской мечети Бахчисарай особенно красивъ. Передъ вами весь параллелограммъ ханскаго двора, все его ярко раскрашенные постройки, ажурныя окна и цвѣтистыя ворота, которые причесутся въ зелени дикаго винограда или выглядываютъ между раинами; фонтаны и сады, куполы ханскихъ усыпальницъ, гаремная башня и ряды надгробныхъ камней, похожіе на безпорядочно разставленные шахматы. Отсюда передъ вами открывается видъ и на весь городъ съ предгѣсьемъ Салачикъ и со всеми окрестностями далекими, далекими...

Онъ такъ и утопаетъ въ зелени, этотъ восточный городокъ, въ различныхъ мѣстахъ котораго какъ стрѣлы поднимаются минареты и стройныя тополи, а кругомъ его идутъ длинныя цѣпи желтовато-сѣрыхъ горъ, изрѣдка покрашенныхъ темными полосами жиденькой растительности. И надъ всемъ этимъ нависло голубое, знойное небо, строгое, исполненное величія. Еще лучше и съ того же минарета онъ въ лунную ночь. Крохотный городокъ потонулъ въ роскошномъ сіяніи и грезитъ, убаюканный музыкой ночного безмолвія. Огни все потушены, все спитъ, и лишь темныя раины, охраняя спокойствіе правобѣрныхъ, тихо и важно склоняются своими верхушками, словно перешоптываясь между собой.

Южный берегъ Крыма.

(Изъ соч. Е. Маркова).

Если тебѣ хочется, читатель, въ нашъ обыденный и прозаическій вѣкъ погрузиться на нѣсколько недѣль въ живой родникъ неподдѣльной красоты и поэзіи, тебѣ нечего искать Италіи и Андалузій,

ты найдешь все, чего жаждешь, у себя на родинѣ, на южномъ берегу Крыма. Екатерина II назвала Крымъ жемчужиной своей короны, но она видѣла только издали, съ высоты утеса, тотъ волшеб-

Рис. 234. На морѣ въ бурю.

ный уголок, который можно назвать жемчужиной самого Крыма. Италия, читатель, не поразит тебя так, как поразит наш крымский южный берег. Въ Италию ты переходишь через цѣлый ряд постепенностей и подготовок. Красота и новизна не разом усиливаютъ свой тонъ, а густѣютъ незамѣтно съ твоимъ движеніемъ къ югу. Уже Саксонская Швейцарія, уже Гейнгъ, уже Шварцвальдъ настраиваютъ твою душу на поэтическій восторгъ, говорятъ тебѣ о томъ, чего ты не испыталъ, не въдалъ. Но южный берегъ Крыма возстаетъ передъ очами твоими, передъ душой твоей, во всей своей изумительной нечаянности, какъ что-то нежданное, негаданое, непохожее на то, что, тобою прежде видѣнное, неподготовляемое ничѣмъ, тобою только что пройденнымъ. Послѣ безпредѣльнаго однообразія малороссійскихъ и новороссійскихъ степей, послѣ унылыхъ и безводныхъ солончавокъ Перекопа, выжженныхъ солнцемъ, ты попадаешь вдругъ въ бушующее изобиліе воды, зелени и утесовъ. Русская равнина превращается въ швейцарскія пропасти, швейцарскія вершины горъ. Черная грязь дѣлается камнемъ. Сѣренное, низенькое небо сѣвера раздвигается въ глубокою синеву итальянскаго неба; яркія краски, рѣзкія рельефныя тѣни ложатся тамъ, гдѣ ты до сихъ поръ видѣлъ безцвѣтность и плоскость. Коноплинникъ, съ своимъ спотворнымъ запахомъ, съ своимъ сплошнымъ лѣсомъ прямыхъ стеблей исчезаетъ; вмѣсто него является кудрявая виноградная лоза, вьющаяся, сквозящая золотомъ, осыпанная гроздьями; она тоже дышитъ ароматами и полна ароматами, но ея ароматы бодрятъ и вызываютъ веселье, а не набѣгаютъ сна. Исчезаютъ вмѣстѣ съ коноплинникомъ и эти невѣрлимые моря хлѣбовъ, которыя мы зовемъ черноземною Россіей,—все однихъ и тѣхъ же хлѣбовъ, идущихъ изъ уѣзда въ уѣздъ, изъ области въ область, одною непрерывною стѣной. Эта горячая южная

земля, подъ наитіемъ этого южнаго солнца, родитъ изъ чрева своего, можетъ быть, менѣе полезные, но зато болѣе изящныя и болѣе драгоценныя плоды. Она одаряетъ траву и дерево не сухимъ крахмаломъ зерна, а благоуханными маслами, сахаристыми соками, яркими красками. Это царство плодовъ и цвѣтовъ. Тутъ зрѣютъ олива, винная ягода, персикъ; тутъ цвѣтутъ круглую зиму розы и фіалки. Ракиты—сырой, дуплистой, развалистой, которой древесина рѣжется, какъ рѣдка, которая прѣветъ, какъ рѣдка, этого неизмѣннаго вѣросіянскаго дерева нашего—нѣтъ. Вмѣсто нея стоитъ кипарисъ—стройный, скжатый, крѣпкій, какъ желѣзо, негниющій, какъ желѣзо. Животная жизнь измѣняется съ такою же волшебной поразительностью. Длинную жару тащитъ черный буйволъ, къ лѣсному ручью сбѣгаетъ съ горы стадо оленей, дельфины перекачиваются въ волнахъ моря, подъ скалами берега. Все ново. Даже человѣкъ новъ: европейца и христіанина замѣняютъ здѣсь бритый азіатецъ въ чалмѣ, онъ сидитъ не на скамьѣ, а на полу, поджавъ ноги, онъ не снимаетъ шапки, а снимаетъ сапоги; земледѣльца замѣняютъ садоводъ и виноградарь. Даже видъ жилищъ не тотъ, къ которому привыкъ глазъ: вмѣсто бревна и соломы—камень и черепица, вмѣсто огромной дымной печи—окна безъ стекла съ деревянной рѣшеткой для теплоты; тамъ крестъ и благоуханіе колокола, здѣсь полулуніація и крикъ муздына. Наконецъ тамъ земля, одна только земля, и все одинаковая земля, здѣсь море и горы, высота и глубина, движеніе и неподвижность.

Южный берегъ—это титаническая теплица. Сплошной каменный хребетъ въ 4000 и 5000 футовъ высоты, вереть въ 100 длины, отгородилъ отъ вабга полярныхъ вьюгъ и засушающаго степного зноя узкую ленту морского берега, который южное море нѣжитъ своимъ влажнымъ и теплымъ дыханіемъ. Въ одномъ мѣстѣ эта лента всего въ нѣсколько сотъ

саженъ, въ другомъ цѣлыя версты шириной. То вѣдешь—не видишь на многія версты никакого выхода съ берега, сквозь эту каменную стѣну; подвинувшись дальше—то и дѣло встрѣчаешь влажныя, зеленыя долины, протиснувшіяся черезъ исполинскую ограду, змѣйкой выходящая между ея тяжкими твердынями, звенящая горными ключами, открывающая дорогу и на вершину самой стѣны, и за нее, на просторъ степей. Устья этихъ долинъ въ одно и то же время пьютъ влагу изъ нѣдръ горъ и тепло южнаго солнца, благоуханное морскою свѣжестью.

Оттого-то въ нихъ и кипятъ въ чудномъ изобиліи всякая жизнь. Оттого-то между Крымомъ по ту сторону Яйлы и Крымомъ южнаго берега—такая же разница въ климатѣ и растительности, какъ между двумя странами, отодвинутыми другъ отъ друга на нѣсколько градусовъ. Хребетъ Яйлы проводитъ эту роковую черту, не мысленно, какъ мы проводили на нашихъ картахъ разныя изотермическія и другія линіи, а на самомъ дѣлѣ. Онъ разграничиваетъ два климатическія пояса такъ наглядно и осязательно, что съ его вершины вы можете видать и то и другой. На той сторонѣ горъ тополь, грецкій орѣхъ, персикъ, на южномъ берегу кипарисъ, маслина, разныя породы вѣчно-зеленыхъ лавровъ, магноліи и олеандры. Весь пейзажъ не тотъ, даже время года бываетъ не то. Часто, когда въ Симферополѣ снѣгъ, въ Ялтѣ цвѣтутъ розы. Въ Симферополѣ топятъ печи, вставляютъ двойныя рамы—Ялта знаетъ одинъ камень и не знаетъ двойныхъ оконъ, въ Ялтѣ, Алупкѣ окна открываются круглый годъ, круглый годъ можно обходиться безъ мѣху, круглый годъ можно рвать полевые цвѣты и кормить скотъ на пастбищѣ. Южный берегъ, за своею каменною ширмою, не хочетъ ничего знать о томъ, что дѣлается на необъятной равнинѣ русскаго царства, отъ морозовъ и засухъ котораго ничто не защищаетъ отовсюду открытыя степи и предгорія Крыма.

Наша страна.

Не удивительно же, что и попасть въ этотъ рай стоитъ труда. Обрывъ каменной ограды тутъ не допустилъ никакихъ компромиссовъ, никакихъ постепенностей. Стѣна кончается, лѣзъ съ нея, какъ знаешь, хоть по лѣстницѣ. И, дѣйствительно, вовсе не такъ давно на южный берегъ такъ-таки и спускались по лѣстницѣ. По какой еще лѣстницѣ! Татары называютъ ее чортова лѣстницею, Шайтанъ-Мердвенъ, и нельзя не назвать. Эта чортова лѣстница, которую еще древніе

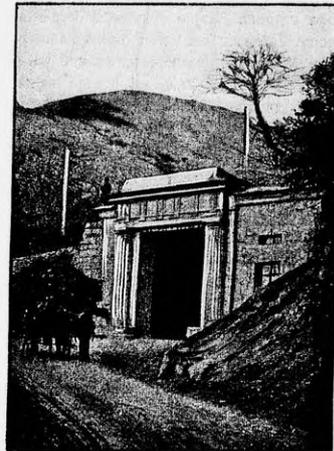

Рис. 235. Крымъ. Байдарскія ворота.

генуэзцы звали Scala (по-итальянски лѣстница), теперь чаще называется просто Мердвенъ; впрочемъ, углѣло и итальянское имя ея Скала. Она немного подальше Байдарскихъ воротъ (рис. 235), въ окрестностяхъ деревни Кикинеиза и въ сторонѣ отъ шоссе. Она прировнена къ шагамъ титановъ, она по вкусу и по плечу однимъ циклопамъ. Гигантскія ступени почти въ отвѣсную скалѣ. Маленькая крымская лошадь должна ложиться чуть не на брюхо, чтобы растянуть ноги

отъ одной ступени до другой. Верхомъ сидѣть уже невозможно, нужно спускаться пѣшкомъ.

Если путешественникъ не обязанъ теперь испытывать на себѣ оригинальнаго ужаса Чортва спуска, то онъ все-таки наслаждается оригинальною и нѣсколько ужасною красотою, сбѣгая безъ удержа по прекрасному южно-бережскому шоссе отъ Байдаръ до Кикинеза. Это самая характерная часть южнаго берега. Только отъ Байдаръ до Кикинеза, горы, дѣйствительно, придвинуты къ морю и стоятъ стѣною стѣною. Какою стѣною! Иногда не знаешь, стоитъ она или виситъ надъ вами. Въѣсто кирпичиковъ, въ ней обозначились продольными и поперечными трещинами цѣлые четырехугольные утесы, иногда эти страшные кубики едва держатся на вершинѣ стѣны и нависаютъ прямо надъ дорогою, тѣсно вьющеюся кругомъ ея подножій, съ самымъ зловѣщимъ и угрожающимъ видомъ. Цѣлые часы ѣдете вы подъ ними и не можете оторвать отъ нихъ глазъ.

Скалы южнаго берега непрерывны и въѣствъ разнообразны. На солнцѣ Крыма онѣ переливаются разными красками отъ черной, отъ темно-красной до яркой бѣлизны мѣла. То стоитъ уединенный обрывистый пикъ, недоступный даже козамъ, надежное гнѣздилище орловъ, то сплошная, словно обрванная сверху стѣна, чисто-крѣпостная ограда. Въ срединѣ этихъ тяжкихъ толщъ, выдвинутыхъ изъ глубины земли непобѣдимою силою, вы замѣчаете черныя щели, черныя трещины. Это червоточина титанической ограды. Это первые намеки на дробленіе, распаденіе. Отъ этихъ жилъ пойдетъ незамѣтное, но неотразимое движеніе, и самыя грозныя твердыни потихоньку препратятся въ свое время въ тотъ хаосъ, среди котораго мы теперь пробраемся, въ каменный соръ, осыпающій теперь ихъ подножіе и устилающій всѣ скаты къ морю. Эти розовые, зеленые, лиловые, полосатые камешки, то обточенные какъ яйцо,

то нѣжныя и тонкіе какъ облачки, мѣриадами которыхъ, будто драгоценными игрушками, шалить морская волна въ минуты прибой, изъ которыхъ она набираетъ узорную мозаику морского дна,— все это тѣ самые пики и стѣны, которые въ настоящую минуту величественно купаютъ въ облакахъ свои вершины. Всѣхъ ихъ изложетъ время—всѣядное и ненастоящее чудовище, для котораго нѣтъ непригодной пищи, передъ которымъ нѣтъ безсмертія даже для неуодушевленной природы; всѣхъ ихъ покрегъ море, въ утродѣ котораго и рожденіе и могила сущаго.

Я наслаждался горами только до 12-й версты. Тучи, носившія дождь, всю ночь собирались овладѣть небомъ, но до сихъ поръ солнце разогнало ихъ ползучія полчища. Наконецъ онѣ сдвинулись, сплотились и развалились дождемъ. Это былъ не нашъ русский дождь, а страшный тропическій ливень, какихъ я никогда не видывалъ. Въ теченіе 2-хъ часовъ, не прерываясь, сплошнымъ потокомъ, съ неоспостижимою быстротою лились небесныя воды изъ прорвавшихся тучъ. Шоссе уже не было видно. Перекладная неслась по руслу бѣшеной рѣки, стремглавъ катившейся подъ гору. Сбоку, съ горъ и утесовъ прыгали, разбиваясь, кружась и гнѣясь, обдавая лошадей своими брызгами и подымая имъ ноги, дикіе горные потоки; они такъ ревѣли и сверкали, перебѣгая дорогу и низвергались въ лѣсныя пропасти, чтобы дорваться до моря, глухо шумѣвшего глубоко внизу, что ихъ можно было принять за злыхъ духовъ горной пустыни, поднявшихъ неистовую пляску. Молнія не вспыхивала, а разливалась, почти не прекращаясь, широкимъ, ослѣпительнымъ заревомъ. Вѣтеръ гналъ дождь и градъ—прямо въ лицо, навстрѣчу мнѣ и лошадямъ, и они съѣли насъ, какъ заряды дробіи, и градъ засыпалъ въ перекладной всѣ вещи сплошною бѣлою скатертью. Бурка, зонтикъ обратились въ ничто.

Привычныя татарскія лошади, не болясь ничего, останавливались съ смущеніемъ и дрожью; видно, и у нихъ кружилась голова отъ этихъ несущихся во всѣ стороны водъ, отъ шума и вихря, наполнявшаго воздухъ. Ямщикъ нѣсколько разъ бросалъ вожжи и прятался отъ ударовъ града подъ навѣсомъ скалы.

Но надобно было, наконецъ, погнать и ямщика и лошадей. Мы неслись подъ гору съ тою же безумною удалю, съ какою неслись подъ нами, впереди насъ и сади насъ горныя воды. Не знаю, отчего мы не опрокинулись десять разъ. Мы вомчали во дворъ Кикинезской станціи вѣсчакъ, словно по пятамъ преслѣдуемые врагомъ. Станція плавала среди пруда.

Отъ Кикинеза до Алупки та же дичь, тотъ же хаосъ, видъ скалы дѣлается мѣтѣ поразительнымъ, зато пейзажъ морского ската здѣсь разнообразіе и прекраснѣе. Вы пробѣгаете дальше отъ горъ, но ближе къ паркамъ и дачамъ. Это мѣсто усѣяно развалинами древностей, многочисленныя мысы и бухты призывали поселенцевъ, бухты обращались въ уютныя пристани, на неприступныхъ скалахъ, выступающихъ въ море, воздвигались доступны на южный берегъ не съ одного моря, а и черезъ горныя проходы, отъ набѣговъ горныхъ жителей или степныхъ чиновниковъ. Развалины крѣпостей видны на мысѣ Кикинезѣ, на Миенской скалѣ, на скалахъ около „Стараго прохода“ черезъ Ялту, Эски Богазъ, какъ разъ противъ Кикинеза.

Такою красотою и такимъ удобствомъ нельзя было не воспользоваться въ тѣ времена, когда человѣкъ еще свободно могъ выбирать себѣ уголь на земномъ шарѣ. Множество одичавшихъ плодовыхъ деревьевъ, несродныхъ Крыму маслинъ, гречихъ орѣховъ, смоквицъ и одичавшаго винограда говорятъ о древней цивилизаціи этого края. Конечно, стѣдоль древности было бы здѣсь еще бо-

лье, если бы Яйла постояннымъ разрушеніемъ своихъ береговыхъ скалъ не погребала садовъ и жилищъ человѣка подъ своими обвалами. Особенно мѣстность отъ Байдаръ до Симеиза поражаетъ хаотическимъ беспорядкомъ. Тутъ утесы и камни насыпаны не только до моря, но и въ самое море. Живописная Лимена вся обсыпана этими осколками Яйлы. Верхніе пласты известняка, иногда сильно наклоненные къ морю, нерѣдко лежатъ въ кряжѣ Яйлы на словъ рыхлаго глинистаго конгломерата. Когда горныя воды подмываютъ въ теченіе лѣтъ эту забую опору, тяжель известковый пластъ ползетъ внизъ къ морю по своей покостности, коробится и разваливается въ куски. Татары разсказываютъ, что въ старину не одна деревня въ окрестностяхъ Байдара и Кикинеза спалывала въ пропасть. А о провалѣ деревни Кучукъ-Кой (у Кикинеза), со всѣми ея дворами и мечетями, остался даже исторической документъ въ донесеніи князя Таврическаго императрицѣ Екатерины.

За древнею пристанью Лимены, за ея дикими, скалистыя мысами, вы пробѣгаете какъ разъ надъ Симеизомъ и видите, какъ на ладони, обширныя палаты владѣльца (г. Мальцова), его парк и веселая дачка.

Но и послѣ такихъ подготовокъ, въѣздъ въ Алупку является чѣмъ-то особеннымъ, непохожимъ ни на что другое на южномъ берегу, ни по ту ни по эту сторону. Алупка—это святая святыхъ южнаго берега, это самое сердце его (рис. 236). Вся прелесть его красоты, вси его дикая поразительность, вся нѣга его воздуха, роскошь красокъ и формъ, какъ въ фокусѣ сосредочена въ Алуцкѣ. Кто знаетъ Алупку—тотъ знаетъ южный берегъ Крыма въ его самыхъ типическихъ и самыхъ драгоцѣнныхъ чертахъ. За Алупкой дачи и паркы дѣлаются просто сплошными. Сначала привольный Мисхоръ съ своими знаменитыми старыми рощами лавровъ и

маслин, единственными в Крыму, со множеством прекрасных домиков, потонувших в паркѣ, одно изъ любимѣйшихъ и удобнѣйшихъ мѣсть для жизни туристовъ. За Мисхоромъ, Курензѣ, Гаспра, тѣсно населенные, тѣсно застроенные, перемежавшіе свои каменные замки, свои изящныя, залитыя цвѣтами виллы съ глиняными татарскими саклями. Здѣсь вы пробѣгаете то по грязной вьющейся улицѣ татарской деревни, среди плоскихъ крышъ грязныхъ лавчонокъ, подѣ далеко вытанутыми сучьями гигантскихъ орѣховыхъ деревьевъ, то мимо затѣйливо изукрашенныхъ рѣшетокъ, воротъ, бесѣдокъ аристократическихъ садовъ.

Мысль Ай-Тодоръ (рис. 237) дѣлаетъ рѣшительный переломъ въ южномъ берегѣ, отъ него берегъ поворачиваетъ уже къ сѣверо-востоку цѣлымъ рядомъ дугообразныхъ заливовъ. Оттого вы ясно видите Ай-Тодоръ и изъ-за Алушки, и изъ-за Ялты. Оттого на Ай-Тодорѣ одинъ изъ главныхъ маяковъ Крымскаго побережья,

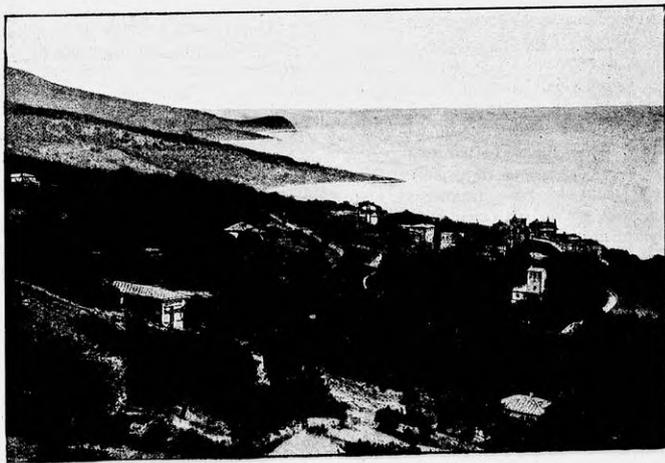

Рис. 236. Алушка.

оттого же Ай-Тодоръ игралъ роль въ мореплаваніи и географіи не только генуэзцевъ, но и древнихъ грековъ. Рѣдко гдѣ найдется столько развалинъ самаго разнообразнаго характера, какъ на этомъ плоскомъ и высокомъ мысѣ, далеко выдающемся въ море. Тутъ и кладбище, и развалины храма, и циклопическіе паятинники, тутъ были находимы колонны, водопроводы, статуи, монеты. Несомнѣнно, что здѣсь былъ когда-нибудь христіанскій монастырь во имя св. Феодора, также несомнѣнно, что здѣсь было въ древности постоянное и значительное поселеніе и, конечно, крѣпость. Отъ Ай-Тодора до Ялты берегъ можно назвать царскимъ. Это область царскихъ дачъ. Сначала дикая, запустѣвшая Верхняя Оріанда великой княгини Елены Павловны, потомъ нижняя Оріанда великаго князя Константина Николаевича и наконецъ Ливадія, принадлежащая царствующей императрицѣ. Всѣ эти ямьня чрезвычайно обширны, по масштабу южно-бережскихъ владѣній.

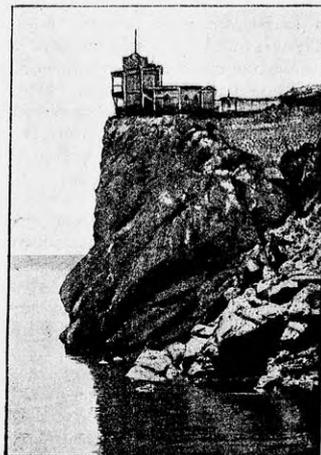

Рис. 237. Крымъ. Ай-Тодоръ.

Самое замѣчательное изъ нихъ — Оріанда великаго князя. На южномъ берегу нѣтъ мѣстности красивѣе и оригинальнѣе Оріанды. Природная красота ея даже выше Алушки. Хотя главный хребетъ Яйлы здѣсь уже отходитъ отъ моря далѣе, чѣмъ въ Байдарѣ и Алушкѣ, однако очень высокія отвѣсныя скалы навдвигаются на самую дорогу и напоминаютъ собою Байдарскую тѣснину. Лѣсъ гуще, чѣмъ гдѣ-нибудь. Но главная красота не въ дорогѣ, а вправо и внизъ отъ нея. Огромная отдѣльная скала разнообразной формы стоитъ надъ самымъ моремъ, ничѣмъ не маскируя своихъ недоступныхъ ликовъ. Однѣ голыя, другія въ лѣсахъ, какъ въ волосахъ. На самой высокой водруженъ крестъ, царичій надъ окрестностью. Если взобраться къ этому кресту, окинешь однимъ взоромъ лучшіе уголки южнаго берега. На другой скалѣ, полѣвѣе, пониже, но тоже необыкновенно живописной, стоитъ бѣлая колоннада въ аеонскомъ античномъ стилѣ. Вырѣзаясь то на зелени, то на синемъ морѣ, она переноситъ ваше воображеніе на счастливые берега Аттики, въ Акрополь, полный бѣлыхъ статуй и бѣлыхъ колоннъ. Стоя подѣ этой колоннадой, взгляните внизъ, въ пропасть, раскрытую у ногъ вашихъ. Вся эта пропасть налита лѣсами и парками, лѣсами такими же роскошными, какъ парки, парками такими же старыми и тѣнистыми, какъ лѣса. Вонъ подѣ сѣдymi, плакучими ивами, обнимающими землю, тихій, темный прудъ съ бѣлыми лебедями. Вонъ цѣлая длинная аллея, сплошь затканная виноградными гроздьями сверху и съ обѣихъ сторонъ; въ этой аллеѣ могутъ ѣздить коляски. Цвѣтники вокругъ дворца, какъ яркіе коврики. Самъ дворецъ строгаго стила, огромный, правильнѣйшій квадратъ, ярко бѣлѣющій среди своихъ парковъ. Въ немъ особенно хороши внутренній дворикъ и террасы, обращенныя въ воздушные сады. Трельяжи, цвѣтники, фонтаны, ползучія сѣты розъ и другихъ ра-

стеней окружаютъ его роскошнымъ образомъ. Широкой балконъ на мраморныхъ каріатидахъ глядитъ прямо на море. Но при всей красотѣ и правильности стилъ дворца я нахожу слишкомъ европейскимъ и слишкомъ равниннымъ для такого горнаго мусульманскаго уголка. Самая дальняя скала шагнула уже въ море. Она дополняетъ перспективу дикаго величія. На вершинѣ ея высокая мачта, укрѣпленная канатами, будто на кораблѣ. Во время пребыванія князя, на этой мачтѣ развѣвается его флагъ. Эти кресты, мачты, колоннады, вѣнчающія скалы, много содѣйствуютъ живописности живописнѣйшаго уголка Крыма. Прогулка по лѣсамъ и паркамъ Оріанды даетъ вамъ много наслажденія, особенно если вы увидите оріандскій водопадъ съ висячимъ мостикомъ въ весеннее время, когда онъ наполняетъ свое темное, почти черное ущелье гуломъ и брызгами своихъ стремительныхъ водъ.

Ливадія имѣетъ совершенно не тотъ характеръ, какъ Алушка, Оріанда и дру-

гия знаменитая мѣста южнаго берега. Мѣстность Ливадіи нельзя назвать ни красивою ни оригинальною (конечно, для южнаго берега). По довольно покатоу склону спускается внизъ отъ дороги лѣса, сады и луга царской дачи. Ливадія и значитъ по-гречески лугъ, пастбище, то же, что по-малороссійски левада.

Богатство Ливадіи не въ скалахъ и пропастьяхъ, а въ сочной зелени травъ и деревьевъ, въ широкомъ пространствѣ виноградниковъ. Если бы, при выгѣдѣ на великолѣпное шоссе Ливадіи, вы не замѣтили висящихъ столбовъ съ золотыми императорскими орлами и гербами, намъ бы не пришло на умъ, что передъ нами царственные дворцы. Безчисленное множество небольшихъ деревянныхъ домиковъ Ливадіи самой прелестной сельской архитектуры не то швейцарской, не то итальянской, веселой тѣлесной краски съ веселой росписью, всѣ обитые ползучею зеленью, виноградомъ, глициніею, разбѣяны среди свѣже-вспаханыхъ грядъ огородовъ, среди парниковъ, оранжерей, виноградниковъ, фермерскихъ двориковъ. Вездѣ видите работу и работниковъ, хозяйственный скотъ, хозяйственные орудія, хозяйственный шумъ и движеніе. Два дворца Ливадіи — одинъ Императрицы, другой — Наслѣдника, тоже какой-то чисто южной и воздушной, чисто сельской архитектуры, но уже не швейцарской, а скорѣе мавританской, напоминающей легкія формы виллъ, украшающихъ берега Босфора и Золотого Роба. Наружная лѣсенка дворцовъ и притворы ихъ въ восточномъ стилѣ необыкновенно граціозны. Я бы всякому совѣтовалъ посѣтить дворецъ Императрицы и полюбоваться на убранство его, полное вкуса и изящества, хотя и не особенно богатое.

Кто будетъ въ Ливадіи, тотъ, конечно, самъ досита набродится по ея шаркамъ, увидитъ богатство ея тропическихъ растений, фонтановъ, статуй, цвѣтниковъ, и, можетъ-быть, не всякій узнаетъ и не всякій соберется посѣтить ту часть Ли-

вадіи, которал, по - моему, интереснѣе всѣхъ другихъ. Вправо отъ почтовой дороги, вверхъ по Яйлѣ, поднимаются зеленая, лѣсная крутизна, принадлежащая также Ливадіи и переходящая постепенно въ густой сосновый боръ, покрывающій Яйлу. На этихъ альпійскихъ высотахъ устроена ферма Императрицы и воспитывается стадо дорогихъ швейцарскихъ коровъ. Чтобы царственному семейству можно было иногда посѣщать эту горную ферму, славящуюся своимъ превосходнымъ молокомъ и масломъ, по скатамъ Яйлы, въ густотѣ бора, проведено прекрасное шоссе. Проведено оно съ замѣчательнымъ мастерствомъ. Вдѣшь — не слышишь, словно не на гору, а по гладкой равнинѣ. Зато же и дѣлаетъ оно повороты! Каждый поворотъ — поразительная картина. Гдѣ нужно, сняты деревья, заслонившія видъ; гдѣ можно, дорога завертывается въ такой уголъ, откуда всего лучше открывается перспектива моря и Ятинской долины. На первомъ планѣ гигантскіе стволы сосенъ самой разнообразной формы, самыхъ разнообразныхъ положеній; они охватываютъ vast настоящимъ дѣвственнымъ лѣсомъ, потому что до проведения шоссе сюда почти нельзя было забираться дровосѣкамъ. На всякомъ шагу обрывы, утесы, широкія пропасти глубоко внизу, лѣса прямо надъ головою, лѣса подъ ногами. То одна безпредѣльная синева въ рамѣ лѣсной просѣки, то вдругъ засмѣется всѣми красками пестрая, веселая Ялта, прилегающая къ своему голубому заливу, а то вѣдшь зелеными, горными лугами, ровными и мягкими, покрытыми фіалкою и разноцвѣтомъ, и совсѣмъ забываешь, что тутъ вблизи море, утесы, города и дворцы. Вдѣшь, вѣдещъ — коляска повернула — стой! Какъ въ волшебномъ представленіи, исчезли сельскія пастбища, и ты ужъ висишь надъ обрывомъ, а на днѣ обрыва вся Оріанда. Словомъ, прогулка на ферму Императрицы отъ Яйлы черезъ Оріанду въ открытой коляскѣ или

верхомъ, — это перелистыванье живого альбома съ самыми разнообразными и эффектными пейзажами южнаго берега.

Издали Ялта — крошечный Неаполь (рис. 238). Столько же моря, солнца, красокъ и жизни. Хорошенькіе домики Ялты, всѣ наперечетъ, обложили кругомъ низенькій берегъ полукруглаго залива. Яйла, до сихъ поръ заслоняемая ближними го-

Рис. 238. Крымъ. Ялта.

туристовъ, прибывающихъ въ Крымъ не столько для купанья, сколько для наслажденія воздухомъ и природой Крыма. Купанье въ Ялтѣ неудобное, каменистое и бурное. Купаться нужно въ прозаической Еваторіи или Феодосіи. Въ Ялтѣ можно лѣгчитья виноградомъ, какого нигдѣ не найдешь, видомъ моря и горъ, солнцемъ южнаго берега, поѣздками въ горы и по береговому дачамъ. Ялта единственный городъ на южномъ берегу, поэтому онъ и обсыпанъ дачами, поэтому въ немъ и гнѣздится пріѣзжій народъ. Здѣсь магазины, базары, пароходы въ Одессу и Кавказъ, почта и телеграфъ, клубъ и библиотека, гостиница и трактиры. Ничего подобнаго не сыщете въ другихъ мѣстахъ южнаго берега. Ялта живетъ и цвѣтетъ на счетъ путешественниковъ. Но путешественники же и погубили Ялту.

Въ лѣтній сезонъ Ялта набита биткомъ; дороговизна большал, удобствъ мало; музыка, бульваръ, танцевальные вечера обращаютъ ее въ своего рода модную „воду“, гдѣ не отыщете настоящей деревенской жизни, приносящей здоровье и покой. На улнѣ пыль, во дворахъ вонь, въ домахъ сырость и грязь. Простодушный татаринъ — въ Ялтѣ уже цивили-

лизованный эксплуататоръ и плутъ. Всюду строятъ, всюду копаютъ, за все дерутъ. Кто ищетъ жизни въ природѣ, кто хочетъ узнать южный татарскій Крымъ, тотъ долженъ бѣжать изъ Ялты въ какую-нибудь деревню южнаго берега, хотя онъ тамъ и не найдетъ многихъ удобствъ города. Аутка, деревенька за Ялтою у ногъ Яйлы, уже гораздо лучше въ этомъ отношеніи, хотя тоже успѣла заразиться болѣзною модныхъ водъ и иногда бываетъ такъ же густо заселена туристами, какъ и сама Ялта.

Къ водопаду Учанъ-су вѣдутъ сначала черезъ Аутку, потомъ лѣсомъ, покрывающимъ подножіе Яйлы.

Въ срединѣ лѣса, на совершенно отдѣльномъ утесѣ, словно на огромномъ валунѣ, стоитъ развалины древняго укрѣпленія. Вы наткнетесь на эти романнич-

скія развалины неожиданно, будто въ сказкѣ. Рѣдкое укрѣпленіе на южномъ берегу уцѣлѣло такъ хорошо. Вы видите сводъ высокихъ воротъ, узкія бойницы, кое-гдѣ толстыя стѣны, стоящія надъ отвѣснымъ обрывомъ. Можно съ нѣкоторымъ трудомъ вальзѣть на гребень развалины и помечтать надъ ихъ таинственной судьбой. Безъ сомнѣній, эта крѣпостца была въ старое время, при грекахъ и генуэзцахъ, ключомъ всей плодородной и населенной долины, на берегу которой стояла древняя Ялты; а въ то же время она могла оберегать перевала черезъ Яйлу, поднимающіяся съ берега черезъ Дерекю и Ай-Василь; слѣды такихъ старинныхъ укрѣпленій, какъ я уже говорилъ не разъ, видны при всякомъ горномъ походѣ, у каждой значительной долины. Теперь татары величаютъ эти развалины «крѣпостью водопада» — „Учанъ-су-Исаръ“. За Исаромъ лѣсъ дѣлается необыкновенно живописенъ, и тропа сильно забираетъ въ гору.

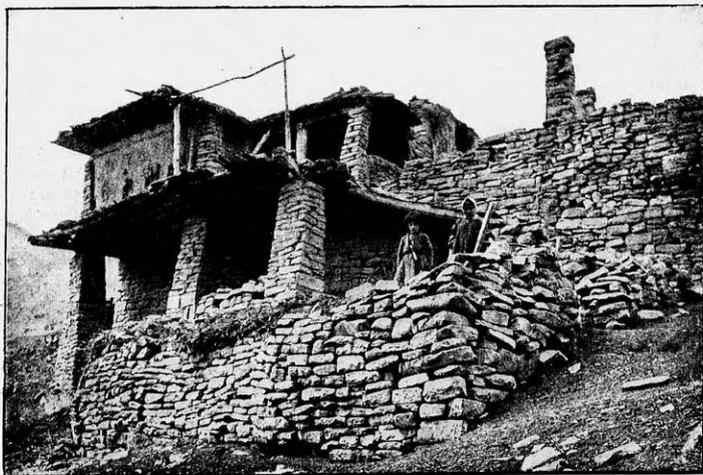

Рис. 239. Крымъ. Скаля.

Сосны гигантскаго роста, прямыя какъ мачты, обступаютъ васъ своими подлинцами, и ни въ одну сторону не видно исхода; въ иныхъ мѣстахъ онѣ сходятъ къ вамъ, уходятъ отъ васъ по страшнымъ крутизнамъ, но на этихъ крутизнахъ онѣ стоятъ въ той же ненарушимой прямотѣ, стройности и величіи; неба уже вамъ почти не видать; глянете вверхъ, — все скаты горъ, все сосны по скатамъ; вы на днѣ лѣсного моря; надъ вашею головою десятками ярусомъ лѣсъ... Глянете внизъ — тамъ новые ярусы лѣсовъ, новыя полчища этихъ сосенъ - титановъ; тишь страшная и какая-то сырая синеватая тѣнь. Крымскій первоцвѣтникъ всѣхъ красокъ яркими коврами заполняетъ гучную почву. Нигдѣ не найдете его въ такой сбильной роскоши. Когда вы приблизитесь къ самой стѣнѣ Яйлы, очарованіе лѣсной пустыни достигаетъ крайнихъ предѣловъ. Красные стволы сосенъ дѣлаются все громаднѣе, все могучѣе. Сквозь ярко очерченныя колоннады

ихъ густымъ синимъ фономъ глядѣть на васъ обросшая лѣсами стѣна Яйлы, загородившая теперь все небо, весь горизонтъ. Въ глухой тишинѣ почти дѣвственнаго бора вы слышите угрожающее рокотаніе водопада. Чудится, будто вы близитесь къ какому-то страшному и могучему звѣрю, таинственному властителю лѣсной пустыни. Еще издалека гулъ падающихъ водъ наполняетъ вашъ слухъ и привлекаетъ все вниманіе ваше; вблизи этотъ гулъ превращается въ немолчный ревъ. Дрожь стоитъ въ лѣсу, въ воздухѣ. Наконецъ послѣдніе ряды сосенъ разступились... вы очутились надъ обрывомъ. Съ недостигаемой высоты, изъ поднебесья, загороженнаго каменною стѣною скалы, съ непстовымъ напоромъ несутся надъ самую голову вашу массы водъ, темнобурая вспѣннная, только что вытопленная солнцемъ изъ альпійскихъ снѣговъ Яйлы; всюю тяжкою грудью своей онѣ рушатся съ обрыва гигантской стѣны на одинъ уступъ, потомъ на другой и низвергаются, наконецъ, сплошнымъ полотномъ въ пропасть, надъ которою вы теперь стоите. Вы видите, съ какою бѣшеною злостью онѣ клочочутъ и пляшутъ тамъ, зажатая камнями, пни же оторванными, грызутъ и треплютъ ихъ и вырваннись летятъ другъ черезъ друга, съ воемъ, съ плескомъ, внизъ къ морю, черезъ лѣсную пропасти. Я видѣлъ извѣстные водопады Швейцаріи. Всѣ они уже давно цивилизованные водопады. Но всѣхъ есть дорожки, у всѣхъ скамеечки, бесѣдки, мостики; около всѣхъ напѣтеть лимонаду, купите фотографію, деревянную бездѣлушку съ именемъ водопада. Учанъ-су — водопадъ-дикарь, водопадъ-

Рис. 240. Крымъ. Сборъ винограда въ Массандрѣ.

пустыни;к; оттого онѣ гораздо интереснѣе и оригинальнѣе швейцарскихъ.

Мѣстность отъ Ау - Дага до Алушты дѣлается уже менѣе роскошно и не такъ тѣсно населенною, сравнительно съ окрестностями Ялты. Но со всѣмъ тѣмъ все пространство это носитъ на себѣ слѣды очень дѣятельной жизни; безчисленное множество знаменательныхъ названій, уцѣлѣвшихъ отъ старины даже въ татарскомъ искаженіи, множество памятниковъ разнаго рода и даже положительныя свидѣтельства исторіи убѣждаютъ несомнѣнно, что южный берегъ принадлежалъ къ числу тѣхъ счастливыхъ уголковъ, которые еще на зарѣ исторіи уже приманили къ себѣ человѣка.

Путешественнику, даже и послѣ посѣщенія главнѣйшихъ знаменностей южнаго берега, доставить большое наслажденіе поспѣть верхомъ по всѣмъ закоулкамъ залтинскаго берега. Тутъ сторона лучшихъ крымскихъ винъ. Тутъ обширныя Воронцовскіе виноградники Массандры и Ай-Даниля; тутъ образцовое винодѣліе Магарача, въ которомъ устроено казенное училище винодѣлія; тутъ извѣстная испанскія вина Гурзуфа и много другихъ, очень замѣчательныхъ плантацій. Нижняя Массандра (рис. 240).

ближайшая соседка Ялты, хороша своим роскошным хозяйственным устройством, садами, рощами, погребями, фермами, но для наслаждения природою вы отправитесь вверх, в горную или верхнюю Массандру, где виднется изящный летний домик князя Воронцова, залитый кругом коврами цветников, купающийся в зелени лесов, в прохладе горных ручьев. Сюда, под покров Ялты, спасается от тропического июльского зноя Алуэки ее владѣлец. Тамъ удивительно громадные, удивительно старые орѣхи кругомъ церкви, изъ-подъ которой бьетъ священный ключъ, орошающий

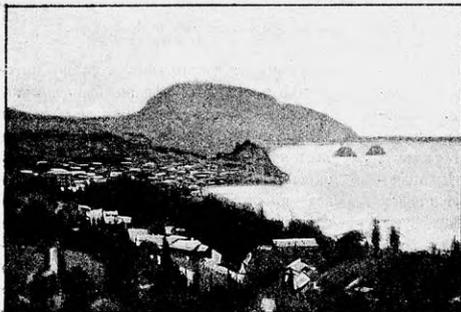

Рис. 241. Гурзуфъ.

многія долины. Въ обширныхъ лесахъ Массандры пробиты живописныя, еще совершенно дикія дороги, бродя по которымъ на надежной татарской лошади, вы познакомитесь съ поразительными картинами обрывовъ, обваловъ, водопадовъ и утесовъ; это одна изъ лучшихъ и наименѣе извѣстныхъ прогулокъ по скаламъ Ялты.

Магарачь обсыпанъ дачами, но къ нему самому съѣздъ вовсе не легкой. Экипажную дорогу нельзя было довести до обрывовъ, гдѣ онъ спрятался, и она обѣзжаетъ мимо тѣснаго пріятнаго парка Василь-Сарая, прямо въ Няиктскій садъ. Тутъ тоже училище садоводства, а изъ

Императорскаго ботаническаго сада можно купить сѣмена, растений и черенки деревьевъ. Садъ и учрежденъ собственно съ этой цѣлью въ 1812 году. Онъ разбитъ въ прекрасной мѣстности, и вы найдете въ немъ всевозможныя деревья юга. Ландшафтъ парка очень удачный, особенно тамъ, гдѣ въ немъ участвуютъ рѣдкія для Крыма породы хвойныхъ деревьевъ.

Со станціи Ай-Даниль непременно съѣзжайте въ Гурзуфъ (рис. 241). Это одна изъ живописнѣйшихъ и оригинальнѣйшихъ мѣстностей, которыхъ не забываешь, увидѣвъ разъ. Если вы пробѣгаете Гурзуфскій паркъ луною ночью, вась особенно поразитъ длинная, вьющаяся аллея, тѣсно обставленная черными стрѣлами кипарисовъ. Изъ роскошнаго барскаго парка, съ высоты широкой террасы дома, вамъ откроется какъ на ладони татарская деревня Гурзуфъ, лѣпящаяся по голымъ скаламъ морского берега. Изъгрызенные временемъ высочіе кончешскіе утесы, торчащіе прямо надъ волнами моря, вѣнчаютъ эту характерную деревушку, сплошь полную татарской грязи,

тѣсноты и пестроты. Художникъ-туристъ не оторвался бы здѣсь отъ своего карандаша. На самомъ пикѣ утеса еще высится полуразвалившійся замокъ, и отъ него сбѣгаютъ по неприступному обрыву обломки стѣнъ, башенокъ и лѣстницъ. Это древняя Горзувита, когда-то колонія грековъ, потомъ генуэзцевъ, защищавшая доступъ къ заливамъ Гурзуфа и Артека, богатымъ рыбою и прекрасными пристанями для судовъ. Вы должны вдоволь полазать по скалистымъ проулочкамъ деревни для изучения татарскихъ типовъ, татарской жизни, и докарабаться до Горзувитской цитадели. Вашъ трудовой потъ будетъ возна-

граждатьъ тѣмъ поистинѣ чуднымъ видомъ, который откроется вамъ съ вершины пика разомъ и на лесную Яйлу, и на паркъ, и на деревню Гурзуфъ, и на самое море, усыянное бѣлыми мотыльками парусовъ.

Между Гурзуфскими скалами и Аю-Дагомъ самая тихая и пріятная бухта, всегда полная темныхъ тѣней отъ лесовъ и скалъ отражающагося въ ней Аю-Дага. Всѣ рѣдкіе поселки этой мѣстности также исполнены какой-то пустынной тишины. Исполдинскій горбъ мрачной и недоступной Медвѣдь-горы отрѣзаетъ ихъ отъ остального міра и освѣняетъ ихъ своими каменными твердынями. Нѣсколько скалъ, причудливо изъгрызенныхъ волною и вѣтромъ,—безъ сомнѣній, остатки скалистаго мыса, — островками ступили въ море, вокругъ нихъ ютятся рыболовы, на вершинѣ ихъ утесовъ — тучи морскихъ птицъ. Эти живописныя скалы памяти веѣмъ, кто подъѣзжалъ къ Аю-Дагу по морю со стороны Ялты. Я помню насто-

ящую венеціанскую ночь съ полною луною, съ тихо плескающимъ моремъ, съ тихою пѣсною и съ счастливыми думами, когда мы плыли въ просторномъ катерѣ изъ Магарачской пустыньки въ сады Гурзуфа. Насъ нѣжно покачивало и убаюкивало, будто въ колыбели; неслышно проплывали мимо насъ слабо надутые паруса судовъ, сплывшихъ въ Ялту къ утреннему базару, неслышно исчезали одинъ за другимъ темные мысы и бухты берега, провожавшаго насъ вдали.

Рыбачкія лодочки такъ живописно качались тогда въ тѣни Гурзуфскихъ скалъ, и когда сонный рыбакъ сталъ доставать намъ плескавшихся въ садѣхъ серебрястыхъ кефалей, морскія чайки съ такою оглушающею тревогою встретились на своемъ одинокомъ утесѣ... Мы бродили по волшебному парку, какъ въ волшебной сказкѣ, и на вась падали черныя тѣни кипарисовъ, и сами кипарисы казались живыми великанами.

По Сочинскому побережью.

(Изъ очер. Краснова.)

Удалимся на нѣсколько верстъ къ югу отъ Сочи, въ тѣ пункты, которыхъ еще не тронула рука человѣка, и посмотримъ, что представляетъ здѣсь кавказская природа. Экскурсія въ эту сторону района не представляетъ трудности, такъ какъ отъ Сочи и вплоть до Адлера вдоль берега вьется бѣлой лентой прекрасное шоссе, содержимое въ образцовомъ порядкѣ, снабженное желѣзными мостиками и могущее соперничать съ лучшими дорогами Крымскаго полуострова. Какъ въ Крыму, оно вьется на болѣе или менѣе значительной высотѣ отъ берега, давалъ возможность вѣдущему по погружаться подъ сѣнь чудныхъ субтропическихъ лесовъ, то вѣзжать на крутые обрывы, откуда открываются виды на море съ прилегающими бухтами. Ланд-

шафты пути отъ Сочи до Адлера довольно разнообразны и могутъ представлять въ хорошую погоду много пріятнаго для того, кто верхомъ или въ экипажѣ пожелалъ бы прокатиться до Адлера. При попутномъ вѣтрѣ ту же прогулку можно сдѣлать подъ парусомъ, взявъ одну изъ турецкихъ фелогъ, которая, лавируя вдоль берега, позволитъ обозрѣвать его особенности съ моря.

Первыя версты такого морского пути нѣсколько монотонны. Обрывы берега, поросшіе лесомъ, напоминаютъ вамъ скорѣе побережье большой русской рѣки, въ родѣ Волги, чѣмъ приморскіе ландшафты. Но, отбѣжавъ на нѣкоторое разстояніе, если небо ясно, вы будете вознаграждены роскошною панорамою большую часть года одѣтаго снѣгомъ Гагринскаго хребта,

бьялы вершины которого, обрамленные спитой зеленых холмов, эффектно выдвигаются на голубых водах моря, придавая виду красоту, подобно которой можно найти разве где-нибудь на итальянских озерах Швейцарии.

Вяковые дубы, громадные ясени, грабы и липы, подобных которым не встретишь в наших лесах, скрывают уступы гор, обрывающихся по направлению к морю. Эти горы сложены здесь из песчаников и сланцев, необыкновенно легко пропитывающихся водами дождей и выветривающихся. Свойство грунта здесь таково, что он стремится давать многочисленные оползни. Обширные участки вькового леса сползают нередко к морю. Деревья вырываются с корнями и падают, но, падая, не погибают, как они погибли бы в другом крае: их вьтви, вонзившись в землю, дают начало новым деревьям, упавшее дерево поднимает свою вершину, продолжающую свой рост, и сваленное оползнем дерево нередко дает начало пяти или шести новым. Быть может, стволы этих несчастливцев

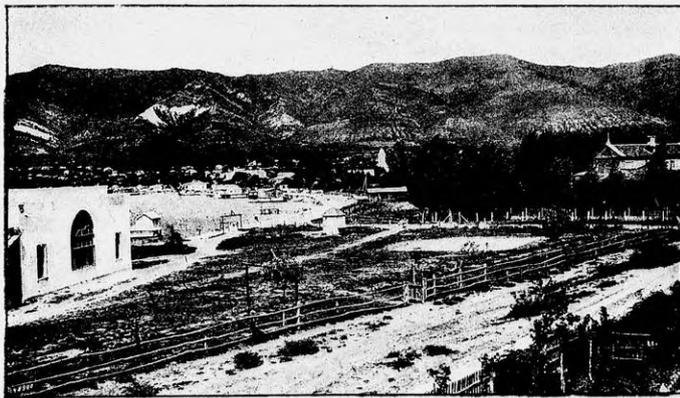

Рис. 242. Кавказ. Геленджик, Черноморской губ.

бывают иногда и кривы, но число сползающих деревьев ничтожно мало в сравнении с тысячами прекрасных исполинов, которыми одинаково любуются глаза бьдущаго по шоссе и вдоль берега.

Волны моря не хлещут здесь о береговые скалы, как в Крыму. Обширное лукоморье отделяет границу моря от настоящих береговых обрывов. Этот естественный пляж, столь высоко цьбнимый купальщиками, усыпан здесь то песком, то крупным плоским морским галечником и достигает 25 и больше сажен в ширину, суживаясь там, где короткие мысы выдаются в море. Черное море не имеет приливов, и при обыкновенных условиях эта полоса сохраняет во все часы дня ту же ширину. Но зато во время сильных бурь громадные морские буруны несутся на берег, захлестывают большую часть лукоморья, и тогда там, где оно больше узко, море продолжает свою работу подмыва и разрушения береговых скал. Над лукоморьем непосредственно возвышаются крутые горы, сверху донизу одьты густыми дьвственными лесами.

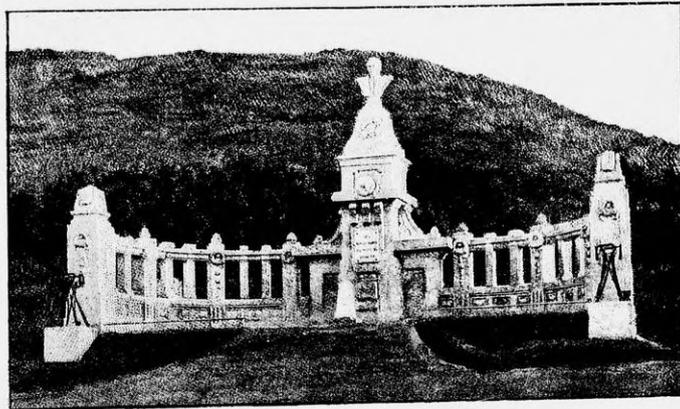

Рис. 243. Окр. Пятигорска. Место дуэли Лермонтова

Этот прибрежный лес представляет дикую мощь субтропической растительности.

На болге крутых и сухих холмах господствует дуб — не жалкий дуб горь южного берега Крыма, но исполинского роста и поразительной толщины колоссы. Таких дубов в насчитывают цьбля сотни на протяжении немногих верст. Дуб, однако, редко является один. Не менее громадная широколистая липа, ясень, береза, крупный и мелкий граб там же обыкновенны в дьбших лесах; в болге влажных лесах к ним присоединяется каштан и бук, тогда как в наболге сухих лесах, на обращенных на юг откосах господствует сосна — не наша сьверная сосна, но сосна побережья Средиземного моря с тонкою вьжною хвоей и неправильными, причудливыми кронами.

Под сьбною этих деревьев, в гьбх мьстах берега, где он наилучше защищен от холодных вьтров, мы видим густую заросль благородного лавра. Если бы не варварский обьчай имеретин, имьющих обькновение подрубать деревья лавра для сбора с него листьев, стволы дьбших

деревьев достигали бы толщины человеческого ноги и многосаженной высоты. По обыкновенно их вырубать и, идя вновь от корня, они образуют густой, благовонный, вьчно зеленый кустарник-подлесок, сьбною заслоняющий вход в таинственные дебри берегового леса. Дебри эти недоступны для обыкновенного смертного. Крутой подъем по заросшему деревьями береговому обрыву затрудняется тысячами дьбших лиан, перевивающих деревья и спутывающихся на земл. Первое мьсто между ними занимают саженной длины гибкие и необыкновенно цьбико колючия плети ежевики. Это растение, которое в средней полосе России мы даже охотно садим в своих огородах и так любим встречать среди поросли пойменных лесов, здесь, на Кавказе, несмотря на прекрасная качества вкусовых, громадными гроздьями вырастающих на концах вьтвей ягод, считается бичом садовода и от души ненавидимо всеми. Перелетая длинными, до крови раздражающими гьло и вь клочки рвущими одеждо плетями все опущки лесов, оно дьлает мьстности некультурная непроходимая без помощи то-

пора, и здѣшній піонеръ, какъ житель дѣвственныхъ лѣсовъ Америки, не можетъ пробираться по странѣ безъ помощи ножа. Не лучше ему придется, если, пробравшись черезъ колочія заросли ежевики, онъ попадетъ въ самую глубь лѣса. Тутъ ежевику смѣнять крѣпкія и тонкія какъ проволока заросли смилакса или сарсапарили. Онѣ усажены колочками не менѣе острыми и крѣпкими; какъ тысячи кашановъ, зацѣпляютъ онѣ на каждомъ шагѣ ваши ноги, и горе вамъ, если вы, оступившись и потерявъ равновѣсіе, падая, попробуете ухватиться за сѣть ея проволочныхъ вѣтвей, которою перепутаны всѣ пространства между деревьевъ. Глубокіе шрамы на лицѣ и на рукахъ на многія недѣли оставятъ вамъ воспоминаніе о вашемъ паденіи.

Необыкновенно нѣжными воздушными гирляндами и фестонами, перебрасываясь съ дерева на дерево, заполняютъ между ними пространства сѣтки нѣжной листвы смилакса. Въ однихъ мѣстахъ его сплетенія образуютъ на опушкахъ родъ естественныхъ тротуаровъ, въ другихъ все дерево кажется покрытымъ сѣткою, украшенною нѣжными зелеными листиками. Смилаксъ не одинъ покрываетъ дерева. Стебли дикой жимолости, какъ настоящія лианы тропиковъ, свѣшиваются съ недостигаемой высоты, гдѣ весною они усыиваютъ кроны поддерживающихъ ее деревьевъ тысячами благоуханныхъ розовыхъ цвѣтовъ. Но болѣе эффектною лианою является здѣсь виноградъ. Здѣсь, на своей родинѣ, эта могучая лиана, иногда съ ногу толщиной, какъ корабельный канатъ, свѣшивается съ деревьевъ, корона которыхъ оглашена ея развѣтвленіями, ея крупными красивыми листьями, а подъ осень и гроздыми рдѣющихъ ягодъ.

Но главнымъ и лучшимъ украшеніемъ прибрежнаго лѣса является, безспорно, плющъ. Съ руку толщиной при основаніи, онъ снизу доверху одѣваетъ стволы деревьевъ, превращая ихъ въ колонны, увитыя вѣчно темною зеленью, пучками

свѣшивающеюся сверху и придающею лѣсамъ какую-то своеобразную таинственность. Здѣсь и тамъ по опушкѣ увидите въ весною группу усыпанныхъ цвѣтами яркочелтхъ благоуханныхъ навказскихъ азалій или усыпанныхъ бѣлыми цвѣтами кустовъ калины, мушмалы. Лѣтомъ шиповника, подобно ланамъ, выбирается своими вьющимися стеблями высоко на вершины сосенъ, чтобы одѣть ихъ своими нѣжными цвѣтами; или кусты кизила, усыпанные яркими, какъ изъ сургуча сдѣланными, плодами, привлекаютъ взоръ. Вообще же, здѣсь мало цвѣтовъ. Какъ во всякой субтропической странѣ, листва господствуетъ всюду, но, въ противоположность нашимъ лѣсамъ, флора обращаетъ вниманіе не на землѣ, не подъ ногами, но между стволовъ въ воздухѣ.

Такой характеръ имѣетъ этотъ первобытный прибрежный лѣсъ. При всей своей красотѣ онъ представляетъ большія неудобства для культурнаго человѣка, и неудивительно, что владѣльцы участковъ обыкновенно начинаютъ съ того, что нанимаютъ рабочихъ для такъ называемой чистки лѣса.

Описаннаго характера увитые лианами лѣса, благодаря этому, исчезли на большей части протяженія шоссе. Ихъ все болѣе и болѣе смѣняютъ эти чистые лѣса, которые очень мало похожи на настоящіе кавказскіе. Теперешніе чистые лѣса напоминаютъ видъ лѣса помѣщичьяго имѣнія средней Россіи, съ тою только разницею, что лишены позвн этихъ послѣднихъ: обилія пѣвичьихъ птицъ и весеннихъ цвѣтовъ. Здѣсь нѣтъ ни ландышей, ни дроговъ, ни прольсковъ нашего чернолѣсія. Почва долгое время остается голою или покрытою колючимъ рускусомъ. Но мало-по-малу земля, особенно раннею весною, начинаетъ затягивать зеленый газонъ изъ различныхъ, болѣею частью однолѣтнихъ, травокъ южныхъ средиземноморскихъ странъ.

Если не считать немногихъ строящихся дачъ, участки, одѣтые лѣсами, совер-

шенно пустыни. Шакаль еще гнѣздится въ ихъ дѣбряхъ, чтобы задавать концерты подъ окнами одиноко стоящихъ домовъ. Дикіе кабаны ходятъ стадами въ осеннее время въ болѣе теплыхъ долинахъ рѣкъ, и красивыя дикія козы—далеко не рѣдкая добыча для сочинскаго охотника. Крупныя, почти въ руку толщиной, эмби и черепахи ютятся въ заросляхъ колючихъ. Зайцы и особая порода мелкихъ сѣрыхъ бѣлокъ попадаетъ въ соновыхъ рощахъ, но особымъ разнообразіемъ и богатствомъ поражаетъ мѣръ насѣкомыхъ. Какъ въ Крыму, по вечерамъ цикады наполняютъ воздухъ своимъ стрекотаніемъ.

Замѣчательны отсутствіе столь тягостныхъ для крымскихъ обывателей москитовъ и рѣдкость комаровъ. Зато въ теплыхъ каменпстыхъ мѣстахъ начинаютъ попадаться маленькіе черные скорпіоны; съ ними, впрочемъ, обывателю приходится имѣть дѣло гораздо рѣже, чѣмъ съ блохами, истиннымъ бичомъ здѣшняго края, къ счастью, появляющимися и исчезающими какъ-то періодически. Свирѣпствуя въ началѣ лѣта, эти насѣкомыя исчезаютъ подъ осень. Осы здѣсь такъ же многочисленны, какъ мухи подъ осень въ Малороссіи. Сладкія блюда, оставленные на воздухѣ, дѣлаются черными отъ осъ. Онѣ выѣдаютъ мякоть нѣжныхъ фруктовъ и совершаютъ опустошенія въ незакрытыхъ запасахъ, гдѣ имъ на помощь приходятъ муравьи, здѣсь необыкновенно разнообразныя и многочисленныя. Человѣка не видно въ лѣсныхъ дѣбряхъ, — только тамъ, гдѣ совершается расчистка лѣса, поднимаются столбы дыма или гуляетъ пламень по кучамъ сжигаемыхъ вѣтвей. Особенно эффектно эти очистки позднимъ вечеромъ, когда, бѣдуя по шоссе, которое вается среди темнаго

дремучаго лѣса, вы вдругъ наталкиваетесь на группу людей, ютящуюся у костра, краснымъ заревомъ освѣщающаго высокіе своды лѣса и окрестные стволы.

Эти люди, въ разодранныхъ лѣсными колючками рубахахъ, съ изнуреннымъ въ работѣ тѣломъ и съ покрытыми синяками лицами, производятъ впечатлѣніе бандитовъ, дѣлящихъ добычу, награбленную на большой дорогѣ. На дѣлѣ это — совершенно безобидные бѣдняки, которыхъ собрала на эту тяжелую работу роковымъ образомъ сложившаяся судьба. Немногіе изъ нихъ оложатъ на черный день заработанную копейку; большинство

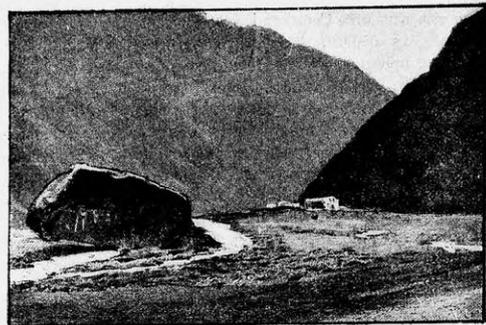

Рис. 244. Долина р. Терек. Ермоловскій камень.

снести ее въ кабаки, чтобы опять и опять продолжать тяжелый трудъ дровосѣка. И откуда только ни собрался этотъ народъ! Здѣсь есть и жители Кавказской губерніи, и пермяки, угрюмый финны и гонимый голодомъ казанскій татаринъ, нѣмцы, обрусѣвшіе горцы, малороссы всѣхъ типовъ и губерній и отбывшіеся отъ соотечественниковъ персіяне. Особенною держатся рабочіе имеретинъ. Они работаютъ артелями, чтобы собрать денегъ побольше и отвезти ихъ въ деревню, на родину. Несмотря на эти добродѣтельныя задачи, по добросовѣстности отношеній къ дѣлу она

стоять много ниже русских, в чем легко убедиться всякий, испробовав тѣхъ и другихъ, хотя на первый взглядъ имеретинъ подкупаетъ кажущееся культурностью и лостью. Таковы эти дѣятельники въ дѣственныхъ лѣсахъ Сочинскаго побережья.

Здѣсь можно ѣздить и верхомъ, такъ какъ въ здѣшнемъ краѣ дорогою только и принято называть то, куда можетъ ступить не оборвавшись лошадь. Въ самое послѣднее время, впрочемъ, начинаютъ проводиться и настоящія дороги, но ихъ очень мало, большинство не окончено, и потому единственною „дорогою“ въ краѣ можно назвать береговое шоссе, которое западнѣе Сочи отходить довольно далеко отъ берега, давая ѣдущему нѣкоторое представленіе и о пунктахъ удаленной отъ моря полосѣ. Здѣсь, подымаясь на значительную высоту, ѣдущій получаетъ возможность любоваться чуть ли не самыми красивыми ландшафтами края. Приятна прежде всего ширь открывающейся панорамы. Далеко передъ вами, подъ ногами «вашими, лежитъ въ мягкихъ холмистыхъ берегахъ зеленѣющая долина рѣки, по которой течетъ живописными извилами эта послѣдняя. На лѣвомъ высокомъ зелено-холмистомъ берегу ея раскинулось селеніе Сочи, съ его бѣлыми хатками, красиво виднѣющейся церковью, рядами пирамидальныхъ тополей и группами садовъ съ цвѣтущими деревьями. Мягкій, красивый, родной, знакомый ландшафтъ. Но эта красивая, родная, зеленая панорама, соединяющая въ себѣ нѣжность красокъ средней Россіи съ красотами, характерными для Малороссіи, вставлена въ рамку совершенно иного характера. Справа вы видите берегъ голубого моря съ бѣлыми пѣнящимися бурунами, обрамляющими причудливые фестоны зеленого съ сѣрою галечниковою каймою гористаго берега. Прямо же передъ вами селеніе съ его холмами на болѣе темномъ, зеленомъ же фонѣ болѣе высокихъ, причудливаго

очертанія горъ, тянувшихся то грядою то возвышающихся отдѣльными конусомъ, точно Везувій надъ берегами Неаполитанскаго залива. Это Большой Охунъ, наибольшая прибережная возвышенность между Сочи и Адлеромъ. За нимъ виднѣются отдѣлыя добрыя три четверти года снѣгами Гагринскія горы, и эти горы, играя роль Альпъ въ швейцарскомъ ландшафтѣ, не имѣя грубаго величія Кавказа, придаютъ пейзажу необыкновенную красоту, давая между голубымъ небомъ и зеленою землею еще эту бѣлую изящную зубчатую линію. Имѣй Сочи такіе виды отовсюду, это было бы оданъ изъ красивѣйшихъ уголковъ земли, но, къ сожалѣнію, надо выѣхать изъ селенія, чтобы имъ любоваться, при чемъ $\frac{9}{10}$ мѣсть съ этой чудной панорамой занято виноградниками частнаго лица.

Несмотря на красоты природы, береговое шоссе не даетъ правильнаго представленія о природѣ внутреннихъ частей сочинскаго района. Полное понятіе о природѣ этой не дадутъ и „проселочныя“ дороги, ведущія къ большинству селеній и проложенныя большею частью по долинамъ рѣкъ. Даже значительное удаленіе отъ берега мало мѣняетъ растительность; только преобладаніе высокихъ ольхъ да дикихъ яблонь и грушъ свидѣтельствуетъ о томъ, что здѣсь когда-то было черкесское хозяйство, слѣды котораго стерла могучая растительность.

Иная совершенно картина представитъ вамъ, если вы попадете въ узкое боковое ущелье, — въ ущелье, гдѣ не свищутъ бризы, гдѣ воздухъ болѣею частью недвижимъ, застываетъ; гдѣ днями, а когда и недѣлями виснутъ облака и туманы, а почва, не просыхая никогда, постоянно напитана влагою. Съ удаленіемъ отъ берега песчаники и глинистые сланцы третиной эпохи смѣняются обыкновенно известняками мѣловой системы. Въ нихъ ущелья особенно узки и склоны круты, и на нихъ-то, въ этой затхлои обстановкѣ, и развивается со-

вершено особый типъ флоры, отличной отъ прибережной, создающей совершенно особая панорамы.

Это та флора, которую открыто по берегу мы встрѣтимъ только значительно южнѣе въ Батумской области.

Тамъ она господствуетъ, здѣсь она прячется въ болѣе сырые, затѣлые, къ сѣверу смотрящіе уголки. Нѣкогда господствующимъ деревомъ этой формаціи былъ, повидимому, тиссъ, это драгоцѣнное красное дерево, играющее столь важную роль въ разныхъ подѣлкахъ. Тиссъ, однако, истреблялся здѣсь промышленниками съ давнихъ поръ, и теперь, когда казна положила конецъ хищенію, въ лѣсахъ остались одни подгнивающіе ветранны да крайне немногочисленные молоденькіе экземпляры этого, очевидно, вымирающаго дерева. Старые, изуродованные временемъ и молніями экземпляры даютъ мало понятія о необыкновенной красотѣ этого исполинскаго дерева, когда оно, стоя въ полной силѣ, соединяетъ въ себѣ изящество хвои пихты съ могучимъ обликомъ дуба.

Теперь въ своеобразныхъ вѣчно зеленыхъ лѣсахъ этихъ тѣнистыхъ, мало провѣтриваемыхъ известковыхъ ущелій главную роль играетъ самшитъ. Незна-

комый съ этимъ растеніемъ челоѣкъ назоветъ его миртою, хотя овальный похожий на брусничный листь его мало похожъ на миртовый.

Здѣсь это — высокое дерево, высокою преросходящее наши бульварныя липы. Его черно-зеленая мелкая листва сидитъ на тяжелыхъ желтозелено-бѣлыхъ вѣтвяхъ, изящно украшенныхъ лишайниками и мхомъ. Этотъ мохъ, какъ длинная борода, свѣшивается со ствола и со всѣхъ вѣтвей самшита, достигая невиданной въ нашихъ лѣсахъ длины и придавая всему лѣсу фантастическій видъ зеленого мхового царства. Зеленый пушистый мохъ надъ головами, зеленый пушистый мохъ вокругъ васъ, среди черной мрачной зелени неподвижныхъ вѣтвей въ сѣромъ туманномъ полумракѣ. Все блеститъ, какъ наведенное лакомъ, все черно-зеленое въ этомъ самшитовомъ лѣсу, помимо этого нѣжнаго бархата свѣтлаго пушистаго мха.

Мертвая тишина царствуетъ въ самшитовыхъ лѣсахъ. Ни птицы, ни стрекотанья насѣкомаго. Ни дать, ни взять какъ въ царствѣ облаковъ тропическихъ горъ, — и весь обликъ растительности содѣлываетъ иллюзію: все вѣчно зеленая, не хотица знать зимы растенія.

Сванетія.

(Изъ оч. Иванюкова и Кокалевскаго).

Радуюсь ясному небу, поднимались мы густымъ лѣсомъ на гору. Вдругъ поляна... еще нѣсколько шаговъ, и взоръ открылась такая широкая, необычная и сложная панорама, которая буквально ошеломила насъ.

Передъ нами разсѣянные по горнымъ отрогамъ глубокой котловины селенія-кѣрпостцы, сотни башенъ, густая населенность, мозаичный коверъ золотистыхъ напѣтей, разбросанныхъ нарѣзками между селеніями, роццами и дугами; внизу котловина прорѣзана страшными проластами извилающейся рѣки; вверху надъ

альпійскими пастбищами висятъ лѣса; на нихъ, среди скалъ, сползаютъ глетчеры, и все это замкнуто гигантскимъ леднымъ кольцомъ, изъ котораго уходятъ къ небу высочайшія вершины Кавказа. Эта пестрая картина была залита солнцемъ и блеснула яркими, разнообразными красками. Картина была величественна, нарядна и празднична.

Такой перемены декораціи, такой своеобразной, ни съ чѣмъ несравнимой панорамы, мы никакъ не ожидали. Было отчего прійти въ изумленіе.

Сванетія есть глубокая котловина центральной части Кавказа, обнесенная со всех сторон высокими горами, большинство которых уходит далеко за снеговую линию. Съ сѣвера котловина заторжана сплошной стѣной высочайшихъ горъ главнаго Кавказскаго хребта; съ юга тоже снеговой хребетъ, называемый Сванетскимъ. Въ восточномъ углу котловина замкнута наглухо соединеніемъ главнаго и Сванетскаго хребтовъ. На западѣ она тоже замыкается поперечными отрогами.

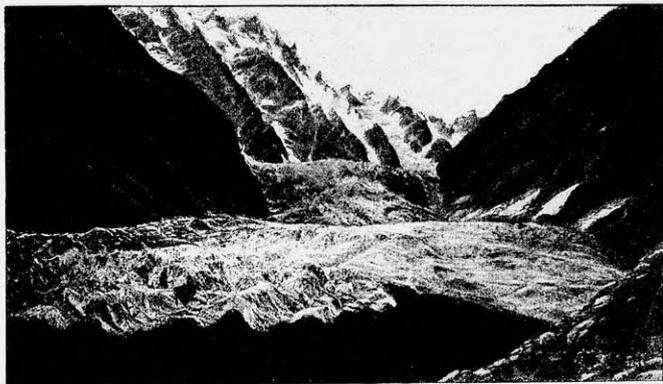

Рис. 245. Военно-Осетинская дорога. Цейскій ледникъ. (11.000 фут. надъ уровнемъ моря).

Такимъ образомъ Сванетія представляетъ собою гигантскій ящикъ, наполовину ледяной, наполовину каменный. Въ одномъ только мѣстѣ кольцо горъ имѣетъ выходъ,—это узкое ущелье Ленхери, въ юго-западномъ углу, по которому проносится Ингуръ, выходящій изъ глетчеровъ юго-восточной части котловины и текущій въ Черное море. Пространство котловины съ запада на востокъ 60 верстъ, съ сѣвера на югъ—30 верстъ.

Вся котловина перебѣзана горными отрогами, идущими отъ главнаго Кавказскаго и Сванетскаго хребтовъ. Эти отроги подпираютъ стѣны ледяного кольца. Въ

глубокой трещинѣ между двумя хребтами прорывается каменными пропастями Ингуръ, текущій сначала съ юго-востока на сѣверъ, а потомъ съ востока на западъ. Ингуръ принимаетъ въ себя всѣ воды, сбѣгающія съ ледниковъ и снеговъ въ образуемую ими долину. Кромѣ этой главной долины, къ трещинѣ Ингура непосредственно примыкаетъ рядъ поперечныхъ ущелій и короткихъ долинъ. Дороги въ Сванетію лѣтъ, а существуетъ только единственная тропа черезъ Лапнарскій перевалъ, вышиною въ 9.200 футовъ.

Сванетская котловина имѣетъ значительную покатость съ востока на западъ. Такъ, самый западный сопель *) Лахамули лежитъ на высотѣ 3.400 футовъ; сопели средней части Сванетіи между 5-ю и 6-ю тысячами футовъ; сопели восточнаго угла стоятъ на высотѣ 7.000 и болѣе футовъ. Этой покатостью обуславливаются различія посѣвовъ. Въ западной части страны хорошо посѣваются пшеница; обыкновенные посѣвы среднихъ долинъ составляютъ рожь, ячмень, овесъ, просо, табакъ, бобы, чечевица, конопля; въ восточномъ же углу

*) Сопель—значитъ по-сванетски селеніе.

и по верховьямъ поперечныхъ ущелій съ трудомъ взрѣвается рожь и ячмень. Уже одна такая высота страны должна была имѣть слѣдствіемъ суровый климатъ. Но въ то же время къ высокому поднітію надъ уровнемъ моря присоединяется еще масса льда и снѣга, окружающая котловину. Не мало сопелей стоитъ подъ самыми глетчерами. И вотъ страна, лежащая на одной широтѣ съ Сухумъ-Кале и Римомъ, имѣетъ въ декабрѣ и январѣ обыкновенную температуру отъ 30 до 35° мороза по Реомюру; въ июнѣ и июль, когда на солнцѣ отъ 25 до 35° тепла,

родственъ ихъ языкъ? На этотъ счетъ продолжаютъ оставаться совершенныя лотемки. Сванеты становятся знакомыми грузинскимъ лѣтописцамъ за 2¹/₂ вѣка до Р. Х., какъ хищнической народъ, спустившійся въ долины для грабежа. Такая репутация оставалась за сванетами вплоть до подчиненія Грузіи русскому владычеству. Грузинскіе цари и князья не разъ жестоко наказывали сванетовъ за ихъ набѣги и грабежи.

Сванетскія жилища представляютъ собою настоящія небольшія крѣпости. Крѣпко сложенный изъ камня домъ съ

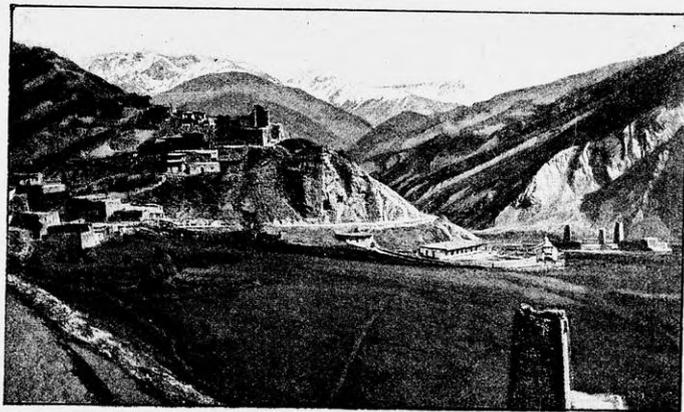

Рис. 246. Военно-Осетинская дорога. Селеніе Тибъ по Зарамагскому ущелью.

въ тѣни не бываетъ болѣе 18°. Мы были въ Сванетію первую половину августа; все время стояла ясная погода, солнце пекло сильно, но не успѣвало нагрѣть воздуха; онъ постоянно оставался свѣжимъ, и едва только заходило солнце, нужно было надѣвать полушубокъ или теплое пальто.

Такова въ главныхъ чертахъ природа Сванетіи; теперь взглянемъ на ея населеніе.

Кто такіе сванеты? Къ какой расѣ принадлежатъ они? Какой семьѣ языковъ

бойницами вмѣсто оконъ, дворъ обнесенъ каменной стѣной, въ которой тоже продѣланы бойницы. Башенъ не имѣютъ только новые дома. Постройка башенъ очень долговѣчна и, разумѣется, требовала большого труда. Онѣ сложены на цементѣ изъ четырехугольныхъ каменныхъ плитъ и имѣютъ вышину отъ 60 до 80 футовъ; подъ двускатной крышей, въ самомъ верху, съ каждой изъ четырехъ сторонъ башни находятся по три наверхъ бойницы; изъ этихъ бойницъ

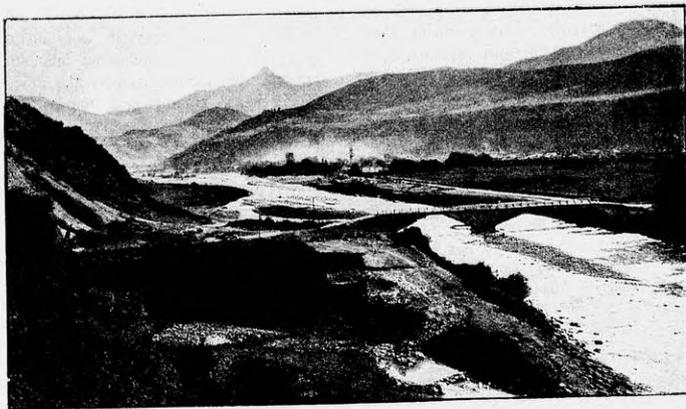

Рис. 247. Военно-Осетинская дорога. Мѣстечко Они и р. Ріонъ (Кутаисской г.).

можно обстрѣливать сверху вниз самое подножіе башни; посрединѣ башни иногда также пробиты узкія бойницы. Когда построены башня—неизвестно. Онѣ служили какъ для защиты отъ внѣшняго врага, такъ и въ борьбѣ одного общества съ другими, въ борьбѣ сосѣда съ сосѣдомъ. Еще недавно кровная месть была въ полномъ ходу въ Сванетіи; обычные кутежи нерѣдко кончались кровавыми драками, а пролитая кровь требовала новой крови.

Необыкновенно живописенъ видъ сванетскаго селенія. Издали оно представляется развалинами громаднаго замка съ уцѣлѣвшей колоннадой.

Нижняя часть дома поселенна вмѣстѣ одну обширную полутемную комнату съ землянымъ поломъ. Посрединѣ ея сдѣланъ очагъ, т.-е. толстая шиферная плита положена на низкія каменные подставки. Надъ очагомъ виситъ желѣзная цѣпь съ мѣднымъ котломъ, прикрѣпленная къ балкѣ потолка. По стѣнамъ стоятъ широкія скамьи, и у одной изъ стѣнъ отгорожено мѣсто для скота. Стѣны и потолокъ черны отъ копоти. Эта комната

составляетъ единственное жилое помѣщеніе домохозяевъ, такъ какъ верхній этажъ и башня служатъ амбаромъ.

Официально сванеты считаются христианами; на самомъ же дѣлѣ они продолжаютъ пребывать въ язычествѣ. Уже въ первые вѣка христіанскаго лѣтосчисленія начинаютъ появляться въ Сванетіи миссіонеры для распространенія христіанства. По свидѣтельству грузинскихъ лѣтописей, къ XIII столѣтію христіанство здѣсь достигаетъ значительнаго распространенія. Но по мѣрѣ того, какъ утрачивалось вліяніе на Сванетію Грузіи, нравы грубѣли, и христіанская религія перепутывалась со старыми языческими понятіями.

Сванеты занимаютъ исключительно земледѣліемъ.

Земля въ Сванетіи дорога—по разнымъ обществамъ—отъ 400 до 1.000 рублей за воздѣланную десятину. Такихъ денегъ сванету накопить неоткуда. Да и по такой цѣнѣ трудно купить землю, такъ какъ продажа ея большая рѣдкость.

Сванеты любятъ свою страну, и случаи выселенія изъ нея исключительны; между

тѣмъ выселеніе составляетъ почти единственный поводъ къ продажѣ земли. Одному хозяину не подъ силу купить всю землю выселющейся семьѣ, а потому она пріобрѣтается по клочкамъ нѣ-

сколькими хозяйствами. Денегъ въ Сванетіи такъ мало, что при покупкѣ земли платятъ всѣмъ, чѣмъ только можно: скотомъ, одеждой и оружіемъ.

Аварія.

(Изъ очер. А. Д. Соловоникова).

Высокія горы, отвѣсные уступы, голыя скалы, глубокія пропасти, темныя ущелья, по которымъ съ шумомъ бѣгутъ мелко-водныя пѣнающія рѣчки, повсюду камень и камень... Только изрѣдка попадаются гдѣ-нибудь цѣлущія долины съ яркой и веселой зеленью кукурузныхъ полевовъ, виноградныхъ и фруктовыхъ садовъ и высокихъ пирамидальныхъ тополей. Странно и жутко чувствуетъ себя здѣсь чело-вѣкъ, привыкшій жить на равнинѣ, привыкшій видѣть широкій горизонтъ, привыкшій къ зелени безконечныхъ полей и луговъ, къ шуму и дрѣму зеленого лѣса, къ заснувшей водной глади равнинныхъ рѣчекъ и рѣкъ. Эти каменные громады горъ, вознесшихъ свои вершины до неба, въ ненастную погоду покрытыя облаками, давятъ со всѣхъ сторонъ; на-

висіе утесы, вотъ-вотъ готовые упасть, пугаютъ воображеніе; эти дорожки, тропинки на самомъ краю пропастей застаиваютъ трепетно биться сердце, и вы пугливо отворачиваетесь въ сторону отъ глубокой бездны, которая открывается тутъ, сейчасъ, рядомъ съ вами, куда, если взглянешь, голова закружится; вѣдь только одинъ невѣрный шагъ самого ли себя или этой сухопарой привычной горной лошади, на которой ѣдешь—и кончено!—полетишь въ эту бездну, разобьешься о камни такъ, что и близкіе не узнаютъ тебя въ безформенной, окровавленной массѣ тѣла и костей, лежащихъ тамъ, внизу, въ темной глубинѣ этого узкаго ущелья... Жутко!.. Невольно удивляешься, неужели есть люди, которые могутъ здѣсь жить? А такіе люди

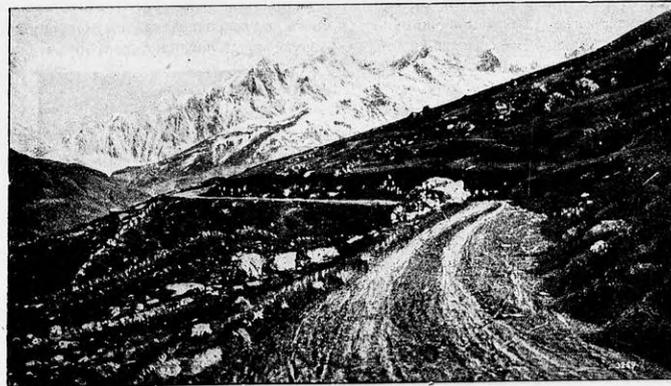

Рис. 248. Военно-Осетинская дорога. Видъ на Мамисонскій переваль (Джунъ-Рекомъ).

Рис. 249. Аварец.

есть. Они не только здесь живут не, они и любят эту дикую горную страну, любить горячо и, если оторвать их от нея, перенести в нашу обстановку, — они заскучают, они затоскуют горькой тоскою по родине...

Эта суровая горная страна расположена в треугольнике, заключенном между Каспийским морем с восточной стороны и отрогами главного Кавказского хребта с юго-запада и северо-запада; называется она Дагестаном. Та часть Дагестана, которая прилегает к Каспийскому морю, болѣе удобна для жительства. Отроги главного Кавказского хребта, приближаясь к морю, понижаются, расширяются, поэтому здесь, вблизи моря, Дагестан не представляет такой поразительной суровой картины, которую мы видим западнее, ближе к Кавказскому хребту. В этой приморской части Дагестана и население разнообразнее и пути сообщения удобнее, есть и города мало чѣм отличающиеся от других южных русских городов. Совсем не то мы встречаем в западной части Дагестана, ближе к Кавказскому хребту. Чѣм дальше мы ѣдем в этом направлении от Темиръ-Ханъ-Шуры, главного города Дагестана, центра управления этой областью, тѣм суровѣе становится при-

рода, тѣм хуже дороги, тѣм меньше населения, — пока, наконец, мы не попадем в самую суровую, горную, труднопроходимую часть Дагестана — Аварю. Здесь, в этой Аварии, Дагестан представляется во всем своем могучем, дивном, поражающем величии, пугающим воображение жителя равнин, — величии, привычном и дорогим для туземца, дагестанского горца-аварца. Любопытна природа, которая окружает аварца любопытна и его жизнь!..

Гдѣ-то там высоко-высоко на неприступном утесѣ помѣстился аул-деревня аварцев. Онъ издала кажется бѣлым расплывчатым пятном на сѣром фонѣ каменной горной громады. Какъ попасть в него? Прямо по отвѣсной скалѣ не пройдешь, не пройдеши! Надо быть птицей, чтобы подняться на воздухъ отсюда изъ ущелья и прилетѣть въ это горское селеніе. По ущелью вьется проѣзжая дорога — шоссе, которое проложили русскіе солдаты при покореніи Кавказа. Но ваше вниманіе занимает не это шоссе, а тотъ далекий аул, съ его домами, его обстановкой, его жителями. Опустив поводъ лошади, вы безпомощно глядите вверх...

— Ыдемъ! — говоритъ вамъ проводникъ и сворачиваетъ вѣ сторону, на узкую тропинку, которая, причудливо

Рис. 250. Аварка.

извиваясь по горному откосу, бѣжить, кажется, совсемъ вѣ противоположную сторону отъ аула. Послушно слѣдя за проводникомъ, вы сворачиваете на тропинку и переѣзжаете вбродъ свѣтлый ручей, который съ шумомъ и рокотомъ быстро бѣжитъ по каменистому ложу. Лошади, нагнувъ головы, жадно пьютъ холодную, чистую, какъ кристаллъ, воду...

— Пусть пьютъ, имъ работы много будетъ! — добродушно говоритъ проводникъ, ласково хлопая рукой по шеѣ своего гнѣдаго поджарого жеребчика.

Минували ручей, завернули за какую-то огромную скалу и стали подниматься вверх, чуть не по отвѣсному горному склону. Приходится прибѣгать къ самой шеѣ лошади и держаться за луку сѣдла... Такъ вы ѣдете почти полчаса; съ непривычки начинаетъ болѣть спина, дрожатъ колѣни, и вы съ облегченіемъ вздыхаете, когда крутой подъемъ кончается, и тропинка, все же поднимаясь, выходит на болѣе отлогое мѣсто. Но она и здесь все время вьется и крутится. Вдѣшь, ѣдѣшь, а все, кажется, находишься на одномъ мѣстѣ, только, если взглянешь внизъ, то увидишь, что широкое шоссе стало уже узкой сѣровой лентой, ручья совсемъ не видно, а ущелье, изъ котораго начался подъемъ, теперь грозно зияетъ подъ ногами темной глубиной. Вотъ передъ вами скалистая площадка; на ней слышится шумъ и говоръ... Пугливо столпилось у скалы цѣлое стадо ишаковъ (осликовъ), тяжело навьюченныхъ мѣшкамъ; также пугливо отвернулись отъ васъ женщины-аварки, стараясь въ одно время и закрыть свои лица чадрами, и поправить кули съ какой-то ношей, которые привязаны у нихъ на спинѣ. Молодцево стоять одни мужчины-аварцы, свободные отъ всякой лишней поклажи, съ любопытствомъ осматриваютъ васъ, приветствуютъ и весело о чѣм-то болтаютъ съ проводникомъ на своемъ гортаномъ нарѣчьи... Вы трогаетесь дальше, и опять начинается, кажущійся безконечнымъ,

подъемъ. Съ одного изъ поворотовъ вы оглядываетесь на площадку; она уже опустѣла. Длинной вереницей тянется внизъ по тропинкѣ встрѣченный вами караванъ. Согнувшись подъ ношей, идутъ женщины, чуть переступаютъ еле видные подъ навьюченными мѣшками ишаки и, взвѣдка покрививая на нихъ, бод о сзади выступаютъ мужчины... На слѣдующей площадкѣ приходится останавливаться вамъ и дожидаться, пока съѣдутъ съ верха нѣсколько аварцевъ, которыхъ вы запримѣтили еще издала. Поднимаясь навстрѣчу нельзя; тропинка такъ узка, что разѣхаться по ней двумъ встрѣчнымъ не представляется никакой возможности... Вы ждете; встрѣчные всадники кажутся такъ близко, что вотъ-вотъ будутъ здесь на площадкѣ. Не успеете вы отдохнуть, какъ слѣдуетъ, а ужъ придется опять подниматься вѣ гору, опять съ опаской глядѣть по сторонамъ... Но казавшіеся близкими всадники долго не подъѣзжаютъ, хотя и видно, что они не стоятъ на мѣстѣ, а все двигаются, все спускаются ниже и ниже... Ужъ вы отдохнули, ужъ хочется ѣхать впередъ, только бы поскорѣе добраться до цѣля... Встрѣчи съ этими неизвѣстными людьми вы ждете, какъ встрѣчи съ близкими родными, — до того надоѣло стоять на этой каменной площадкѣ, смотрѣть внизъ въ зияющую пропасть и вверхъ на скалистые уступы, по которымъ еще вамъ придется ѣхать. А солнце жегетъ нестерпимо. Оно накалило и площадку и утесы, которые окружили ее со всѣхъ сторонъ... Жарко, страшно жарко и пить хочется!.. Вотъ появились, наконецъ, эти давно жданные всадники; она приветствуютъ васъ, съѣзжаютъ внизъ, а вы опять начинаете подниматься, опять долго утомительно подниматься, пока, наконецъ, не увидите передъ собой аула. Онъ близко, всего въ какихъ-нибудь десяты саженихъ. Стоитъ обогнуть только этотъ утесъ — потомъ!.. Все, что вы испытали, стремясь попасть вѣ желанный аулъ, кажется

пустышками передь этимъ „потомъ“, передь тѣми двумя-тремя сажнями, которая, обогнувъ утесъ, надо пробѣхать до цѣли. Передь вами пропасть съ отвѣсными, обрывистыми стѣнами. Внизу, тамъ далеко-далеко внизу, съ шумомъ и гуломъ течетъ быстрая горная рѣка. Чтобы попасть въ аулъ, надо перебраться черезъ эту пропасть по мостику. Спокойно перебраться по нему могутъ развѣ только аварцы... У непривычнаго человѣка при одномъ видѣ его голова кружится...

Чеченцы.

(Изъ очер. Березе).

Наружность чеченца благообразна: онъ стройно сложенъ, приемы его отличаются живостью и проворствомъ. Одежда его состоитъ изъ *чекмени*, обыкновенно желтаго или сѣраго сукна собственного издѣля, *бемета* или *архалука*, который бываетъ равныхъ цвѣтовъ, но лѣтомъ преимущественно изъ бѣлой матеріи, суконныхъ ноговицъ, и *чирикъ*—родъ башмаковъ безъ подошвъ. Нарядное платье обшивається узкимъ позументомъ, который горцы дѣлаютъ сами довольно прочно и красиво. Женскій костюмъ почти ничѣмъ не отличается отъ костюма татарокъ: голову онѣ также покрываютъ длинными бѣлыми платками, но покрываль (*чадръ*) не носятъ и не прячутся отъ мужчинъ.

Несмотря на то, что чеченцы вышли изъ первобытнаго грубаго состоянія и ведутъ осыдлую жизнь, нравы ихъ все еще находятся на степени полудикости. Жестокость, корыстолюбіе, недобрычливость и мщеніе составляютъ преобладающій элементъ въ характерѣ чеченца; но за всѣмъ тѣмъ онъ не чуждъ и добрыхъ качествъ. Такъ, онъ всегда чтитъ право гостепримства. Если странникъ остановится у чеченца на ночлегъ, то хозяинъ не преминетъ въ честь гостя зарѣзать одного или нѣсколько барановъ; зажиточный чеченецъ не пожалѣетъ даже рогатъ

Черезъ страшную глубину съ одного края пропасти на другой перекинута четыре бревна; сверху набросана еле кѣнимъ прикрѣпленная настилка, перилъ никакихъ нѣтъ... Когда вы въѣзжаете на этотъ мостикъ, и онъ весь начинаетъ колыхаться, то сердце сжимается, и тѣ минуты двѣ, которыя вы проводите на немъ, кажутся вѣчностью... Но вотъ вы, собравшись съ духомъ, одолили и это препятствіе и въѣхали въ аулъ—цѣль вашего головоломнаго подъема...

таго скота, разумѣется, смотря по важности пробѣгающаго и по числу сопровождающихъ его людей въ качествѣ свиты, конвоя или товарищей. Чеченецъ обязанъ проводить своего гостя до безопаснаго мѣста или передать другому чеченцу и, вообще, позаботиться о безопасности и неприкосновенности своего гостя. Если гость ограбленъ, оскорбленъ или убитъ вслѣдствіе нерадѣнія чеченца или невыполненія имъ обязанностей гостепримства, то онъ подвергается поношенію отъ всего общества до тѣхъ поръ, пока нанесенная его гостю обида не будетъ имъ отомщена. На дворѣ виноватаго нашиваютъ бургоръ, который онъ, разумѣется, сноситъ днемъ, но въ слѣдующую ночь дѣлается то же самое—и это до тѣхъ поръ, пока онъ не смеетъ съ себя пятна за оскорбленіе гостепримства.

Вообще, обычай чеченцевъ мало разнится отъ обычаевъ другихъ горскихъ племенъ.

Чеченецъ умѣренъ въ пищѣ и способенъ переносить всѣ лишения. Чурекъ, пшеничная похлебка, шашлыкъ, кукурная каша,—вотъ вся его пища.

Чеченцы, обитающіе въ ущельяхъ, живутъ большими аулами; дома у нихъ турлучные; внутри чисто, опрятно и свѣтло. Они снабжены окнами безъ рамъ,

но со ставнями для защиты отъ сѣверныхъ вѣтровъ, почему и двери обыкновенно обращены на югъ или востокъ. Эта сторона дома обнесена навѣсомъ, чтобы дождь не проникалъ во внутрь, и для прохлады лѣтомъ. Комнаты нагрѣваются каминами, а хлѣбъ пекутъ въ особо устроенныхъ на дворѣ круглыхъ печахъ. Въ каждомъ домѣ есть особое отдѣленіе для гостей, называемое *кунацкою*. Оно состоитъ изъ одной или нѣсколькихъ комнатъ, которыя всегда содержатся въ чистотѣ. Здѣсь, въ куначкой, хозяинъ проводитъ цѣлый день и только къ вечеру возвращается въ семейство. Каждый домъ имѣетъ особенный дворъ, огороженный плетнемъ.

У горныхъ чеченцевъ, живущихъ въ верховьяхъ Аргуни, гдѣ въ лѣсъ чувствуется большой недостатокъ, дома каменные. Чеченцы, населяющіе верховья Аргуни, живутъ гораздо неопрятнѣе и бѣднѣе.

Чеченцы, вообще, склонны къ праздности. Женщины, напротивъ, трудолюбивы: на нихъ лежатъ всѣ хозяйственные заботы. Онѣ же ткуть сукна для домашняго обихода, дѣлаютъ ковры, войлоки, бурки, на мужчинъ шьютъ платья и обувь.

Дарьяльское ущелье и Терекъ.

(Изъ очер. Замцова).

Отъ Владикавказа прямо начинается Военно-Грузинская дорога (рис. 252). Вначалѣ верстъ пять она идетъ плоской равниной. Горные великаны, съ каждымъ поворотомъ колеса, какъ бы тѣзуютъ на вастъ, грозя задавить свою массой. Черезъ какихъ-нибудь полчаса вы въ ихъ сосѣдствѣ. Еще немного, и они обступили вастъ съ двухъ сторонъ—вы въѣхали въ ущелье Терека. Вначалѣ это ущелье довольно широко, и первыя двѣ станціи—Балта и Ларсъ—оно не имѣетъ своего угрюмаго характера. Напротивъ, скаты горъ поросли

Въ образѣ жизни между зажиточнымъ и бѣднымъ чеченцемъ почти нѣтъ никакой разницы: преимущество одного предъ другимъ выражается отчасти въ одѣяніи, болѣе же всего въ оружіи и лошади.

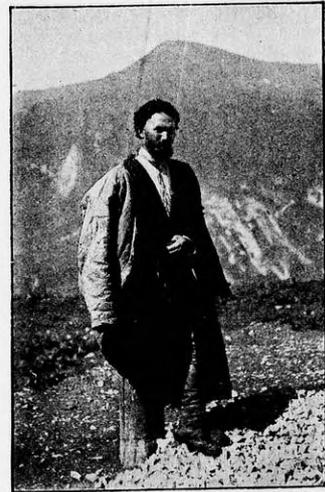

Рис. 251. Осетинъ.

лѣсами; ложе ущелья также покрыто густою растительностью, среди которой серебрятся многочисленные рюкава Терека. Мѣстность всюду имѣетъ веселый, живописный характеръ. Такъ продолжается все время, пока дорога разсѣкаетъ Черныя горы. Но вотъ начинается главный хребетъ, и тогда почти все разомъ измѣняется. Ущелье суживается, дорога жметъ къ горной стѣнѣ, растительность дѣлается скуднѣе, Терекъ поумливѣе; шиферныя голыя скалы попадаются все чаще и чаще и массивнѣе.

С каждым шагом он становятся все выше и выше; многие из них взлетают до самых облаков, и при восходе солнца первая его приветствуют своими ледяными вѣнками, которые тогда горят и блещут. Там, в нѣдрах их, на недсягаемой высотѣ, рождаются потоки; там вѣнцы снѣга плетут свои дивныя кружева, вѣнками и лентами устилают склоны. Снизу они таютъ подъ солнечными лучами, таютъ на вашихъ глазахъ, и вы видите, какъ отъ нихъ поднимается струйка дыма, рождая облако, которое, будучи гонимо вѣтромъ, отрывается, наконецъ, отъ мѣста своей родины и несетъ по небесному пространству.

Но вотъ и прославленное своею дикостью Дарьяльское ущелье (рис. 253). Оно начинается сейчасъ же отъ станціи Ларсь. Дѣйствительно, я ничего не знаю грандіознѣе его! Здѣсь все величественно. Каждый шагъ говоритъ о страшномъ гнѣвѣ земли. Горныя громады, почти отвѣсно испадая съ необычайной высоты, тѣснятъ ущелье со всѣхъ сто-

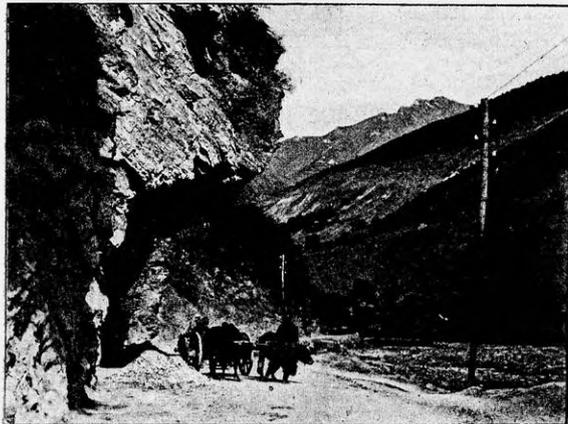

Рис. 252. Военно-Грузинская дорога. Близъ Тасанауръ.

ронъ. Повидимому, нигдѣ нѣтъ ни выхода, ни входа. Это какой-то узкій, извилистый коридоръ, въ которомъ чувствуешь себя немощнымъ, безсильнымъ созданиемъ. Точно мало становится воздуха, когда, вступаешь въ него; точно давить васъ что-то, и вы невольно, безсознательно ускоряете дыханье, изумленные представившимися зрѣлищемъ.

Вѣковые гиганты, мрачные и угрюмые, стоятъ и дремлютъ въ неизблемомъ покоѣ. Обнаженная гордая грудь ихъ тысячелѣтія хранитъ тайну, которая сокрыта въ нихъ. Нелюдно смотреть они съ своей царственной высоты, увѣнчанные снѣжными коронами, какъ бы гордясь своимъ грознымъ величьемъ. Они не знаютъ себѣ соперниковъ, и только бури и снѣжныя метели дерзуютъ вступить съ ними въ безплодную борьбу. Но «стороживые великаны» сбрасываютъ съ себя холодную бѣлую одежду и дарятъ ее глубокимъ пропастямъ и расщелинамъ, закутывая ихъ на цѣлые годы снѣговымъ покровомъ.

Здѣсь не видно признаковъ жизни; развѣ орелъ, «кружась въ лазурной высотѣ», покажется на минуту, или быстрокрылая ласточка промчится куда-нибудь мимо. Это была бы гигантская могила, полная совершеннаго безмолвія, если бы клочокъ земли въ глубинѣ Терекъ не оглашалъ своимъ ревомъ тѣснины. Но и онъ гармонируетъ съ нею по своему дикому величію. Смотрите, какъ онъ

яростно прыгаетъ со скалы на скалу, какъ онъ мечется, бурлитъ, стонетъ, гнѣится, рокошетъ, стремясь съ неистовою силою скорѣе вырваться изъ своего тѣснаго ложа! Его мутныя, пепельныя волны какъ бы отражаютъ въ себѣ дикую природу скалъ. Въ нихъ не отвѣчиваетъ южное небо, узкимъ клочкомъ синѣющее сверху. Звѣзды не смѣютъ заглянуть въ нихъ, и даже яркое солнце не играетъ въ нихъ ослапительнымъ лучомъ.

Страшное грохотанье этой могучей рѣки, вращающей, какъ жерновами, огромными камнями, наводитъ ужасъ и смущенье. Словно разъяренный левъ, кидается она изъ стороны въ сторону, насккиваетъ съ бѣшенствомъ на разбѣянные по ложу ея саженыя скалы, отпрыгиваетъ съ пѣной и рычаньемъ назадъ, вздымая горою косматую грудь, и потомъ съ удвоенной силой бросается на нихъ снова, влетая на самыя верхушки, откуда бушующимъ каскадомъ свертается въ бездну, или, подхватываемая рѣчнымъ вѣтромъ, распыляется алмазною пылью.

Такъ Терекъ въ своей царственной красѣ! Вспомните прелестное стихотвореніе Лермонтова «Дары Терекъ», изъ котораго я привожу первыя строфы:

Терекъ воетъ, дикъ и злобенъ,
Межъ утесистыхъ громадъ;
Буря плачь его подобенъ,
Слезы брызгами летятъ,
Но, по степи разбѣгавъ,
Онъ лукавый принялъ видъ
И, привѣтливо касаясь,
Морю Каспійю журчитъ:
«Разступись, о старецъ-море!
Дай пріютъ моему волнѣ!
Погуляю я на просторѣ,
Отдохнуть пора бы мнѣ.
Я родился у Кавказа,

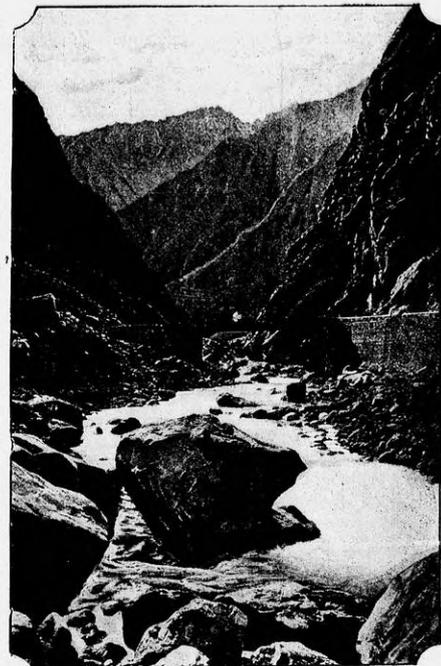

Рис. 253. Военно-Грузинская дорога. Чортовъ мостъ въ Дарьяльскомъ ущельѣ.

Вскормленъ грудью облаковъ,
Съ чуждой властью человека
Вѣчно спорить я готовъ.
И, смявъ твоимъ въ забалу,
Разорилъ родной Дарьялъ
И валуновъ имъ на славу
Стадо пѣвою пригналъ».

Терекъ гордъ своею своеобразною красотой, стараясь поразить своимъ грохотомъ, оглушить своимъ шумомъ, изумить своимъ яростнымъ теченіемъ. Своротить съ мѣста скалистыя глыбы, облудать, псцарапать вѣковые утесы, разрушить неустанную и дерзкую работу человека—вотъ его дѣло, демонское веселье. Тѣснины и скалы ему ничемъ; онъ лижетъ

и точить их основательно, рветь и мететь направо и налево, только снежные

Рис. 254. Осетинки.

Казбекъ (рис. 255).

(Давидовича).

День былъ теплый и довольно ясный; окружающія горы видны были какъ на ладони, но Казбекъ скрывался въ облакахъ. Проѣхали мы грузинское селеніе, похожее на кучу развалинъ, и по крутой горной тропинкѣ начали подниматься. Безконечные альпійскіе луга возвышались надъ нами, но уже печальные, пустынные; пастуховъ съ ихъ стадами не было видно: они поднялись выше, гдѣ лѣто еще только начиналось и корма для скота было вволю. Кругомъ ни дерева, ни кустика. Лошадка моя ровнымъ, твердымъ шагомъ карабкается по тропинкѣ, по которой и пѣшему трудно было бы подниматься. Надъ проложеніемъ дорогъ не трудилась здѣсь рука человѣка: всѣ онѣ пробиты копытами лошадей и овецъ. Поднимаемся часъ, другой, третій. Вершина Казбека все еще прячется въ облакахъ, а подошва закрыта предгоріями. Мѣстность становится все каменистѣе и

лавины, миллионами пудовъ низвергающіяся въ него съ горъ, на время преграждаютъ ему путь. Тогда онъ, какъ бы въ изумленіи, останавливается передъ незванымъ гостемъ, бушуетъ и хлопочетъ, грозно наморщивая свое чело, и, наконецъ, съ ужасающимъ бѣшенствомъ расширяетъ себѣ путь.

Быть грозными и необузданными сынами горъ обучаются и малыя его дѣтки — горные ключи, которые стремглавъ несутся съ невообразимой высоты въ объѣмъ Терека, блестя новочеканнымъ серебромъ и гремя своей студеной влагой, чистой и свѣтлой, какъ кристаллы.

Съ благоговѣніемъ и трепетомъ проѣзжаетъ путникъ Дарьяльское ущелье, и когда оно кончается, когда горные титаны нѣсколько отступаютъ другъ отъ друга, какъ-то вольнѣе дышится, точно переступилъ опасность, угрожавшую жизни.

Безплоднѣе. Мѣстами, въ тѣсныхъ ущельяхъ, уже бѣлѣетъ снѣгъ. Жизнотной жизни все такъ же мало. Только въ одномъ мѣстѣ изъ-подъ ногъ моей лошади вперхнуло стадо каменныхъ куро-патокъ, а потомъ высоко надъ нами пронеслась горная индѣйка съ жалобнымъ мелодическимъ крикомъ. Наконецъ пошли голыя скалы, груды камней, по которымъ съ трудомъ ступала моя лошадка. Мы поднимаемся на высокой гребень и у ногъ своихъ видимъ громадный великолѣпный ледникъ, который широко полосой спускается книзу. Я отдаю лошадь мальчику, который ведетъ ее домой, а самъ иду пѣшкомъ съ своими проводниками.

Мѣстность была суровая и величественная. У ногъ нашихъ тянулася, уходя въ туманъ, широкій ледникъ съ волнообразною, изрытою трещинами, поверхностью; словно грязно-бурый водопадъ

застылъ въ своемъ теченіи. Но тишина была мертвая, и только взрѣдка обрывался и падалъ на ледникъ градъ камней. Вершина Казбека вся была въ туманѣ; но вдругъ, какъ по волшебству, сквозь этотъ туманъ явственно обрисовались контуры горъ, а черезъ минуту туманъ исчезъ безъ слѣда, и величественная вершина, ярко залитая солнцемъ, съ ея чудными контрастами скалъ и снѣговъ явилась прямо передъ нами. Болѣе неожиданнаго и прекраснаго эффекта я во всю жизнь не видалъ. Даже проводники мои остановились въ восхищеніи и долго не двигались съ мѣста. Мы спустились на ледникъ — проводникъ Григорій впереди, а мы за нимъ — и, осторожно обходя трещины, перешли на другую сторону.

Между тѣмъ солнце скрывалось за снѣжную макушку Казбека. Начинало морозить, и намъ пора было подумать о ночлегѣ. По грудамъ оснѣя Григорій повелъ насъ къ знакомой пещерѣ, въ которой ему случалось уже проводить ночь. Пещера имѣла узкій входъ, была довольно хорошо защищена отъ вѣтра и могла вмѣстѣ въстѣть насъ.

Рис. 256. Абхазецъ.

Мы выпили по рюмкѣ водки, очистили пещеру отъ леднигъ и, завернувшись въ свои бурки, легли спать. Проводники мои сейчасъ же захрапѣли, но я не могъ заснуть. Жесткій, неровный камень давилъ бока, а морозъ пробрался подъ бурку и мурашки бѣгали по всему тѣлу. Вѣтеръ гудѣлъ въ ущельяхъ и поминутно врывался въ пещеру. Всю ночь проворочался я съ боку на бокъ въ тщетномъ

стараніи заснуть и, какъ только начало свѣтать, растолкалъ своихъ крагѣвшихъ товарищей и вышелъ изъ пещеры.

На Казбекѣ не было ни одного облачка. Мы живо собрались, вмѣсто чая выпили опять по рюмкѣ водки и пустились въ путь. Я съ Григоріемъ — вверхъ, а носильщикъ — внизъ, въ долину,

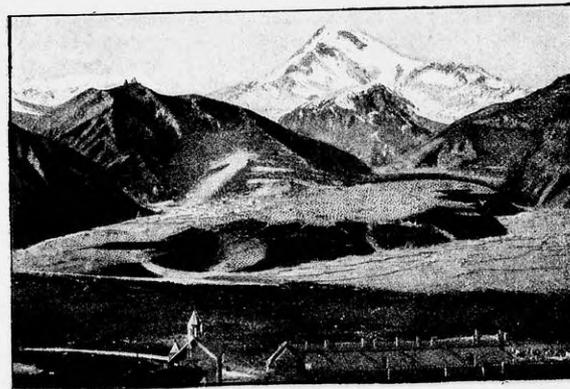

Рис. 255. Военно-Грузинская дорога. Гора Казбекъ.

гдѣ онъ долженъ былъ развести огонь и ждать насъ къ вечеру.

Путь былъ не легкой. Намъ предстояло пройти нѣсколько верстъ въ гору и притомъ по грудамъ камней разной величины, наваленныхъ въ страшномъ беспорядкѣ вокругъ вершины Казбека. Камни сыпались сверху и неосторожный шагъ могъ вызвать цѣлый обвалъ, которому бы ничего не стоило искальчить или убить насъ обохъ. Наконецъ какъ-то, подь руководствомъ Григорія, который шель впереди, осторожно и легко ступая, мы добрались до высокога гребни. По этому гребню мы должны были добраться до развалинъ какаго-то монастыря

Рис. 257. Куряы.

или спита, находящихся немного выше насъ, на границѣ вѣчнага снѣга, а потомъ, по снѣговымъ полямъ, подниматься выше. Между тѣмъ мы начали уже испытывать дѣйствіе разрѣженнаго воздуха: дышало тяжело, мучила жажда, а во всемъ тѣлѣ, въ особенности въ ногахъ, чувствовалась какая-то слабость, разбитость. Частенько мы присаживались отдохнуть, и Григорій, не разстававшійся съ ружьемъ и подозрочно трубкаю, все посматривалъ кругомъ, въ надеждѣ увидѣть туровъ, которые по утрамъ покидаютъ пастбища и поднимаются на ледники, чтобы провести тамъ день. Ожиданія его оправдались: у ногъ нашихъ, шаговъ на дѣсти ниже, показались четыре тура, которые шли спокойно, но останавливаясь, то ловко прыгая черезъ камни.

Путь становился все труднѣе. Камни были уже засыпаны снѣгомъ и ступать нужно было съ большою осторожностью, чтобы не попасть въ разсѣлину.

Жагда и усталость чувствовалась все сильнѣе. Наконецъ передъ нами на скалѣ показался большой крестъ, довольно грубо вытесанный изъ сѣрага камня. Подь скалою видны были остатки жилья изъ нѣсколькихъ небольшихъ комнатъ. Трудно себѣ представить, чтобы на такой высотѣ, въ царствѣ вѣчной зимы, вѣчнаго безмолвія и смерти, могли жить люди. А между тѣмъ они, несомнѣнно, здѣсь жили, и не временно, какъ пастухи или охотники, которымъ тутъ и дѣлать-то нечего, а постоянно.

Итакъ, мы находились на высотѣ двѣнадцати тысячъ футовъ, на линіи вѣчнага снѣга. Три четверти пути до вершины (16.500 футовъ) были уже сдѣланы. Вершина, вся залитая солнцемъ, ярко сверкающая своими вѣковѣчными снѣгами, казалась такъ близко. Но насъ отдѣлялъ отъ нея глубокой оврагъ, обширныя снѣговыя поля и глетчеры. Зная трудности подобныхъ восхожденій и не имѣя нужныхъ для этого приспособленій, я не льстил себя надеждой достигнуть вершины, но хотѣлъ, по крайней мѣрѣ, добраться до пьедестала, на которомъ покорится коническая вершина Казбека. Пьедесталъ этотъ представляетъ довольно обширную площадку, которая казалась немного выше той, гдѣ мы находились. Когда я высказывалъ свое намѣреніе Григорію, лицо его вытянулось, и онъ съ живостью сталъ доказывать мнѣ, что площадки этой намъ и до вечера не достигнуть, и что если ночь или туманъ застигнутъ насъ тамъ, то мы погибли. Я очень хорошо видѣлъ, что площадка все же недалеко и рѣшительно объявилъ Григорію, что если онъ не хочетъ идти со мною, то я пойду одинъ. Тутъ мой Григорій сознался, что выше монастыря

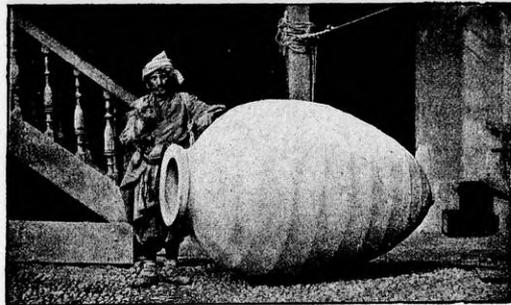

Рис. 258. Кувшинъ для сохраненія вина.

онъ никогда не былъ, и мѣстность, куда я хотѣлъ направиться, ему совершенно незнакома. Я отвѣтилъ ему, что въ такомъ случаѣ я буду его проводникомъ, и пошелъ впередъ; Григорій послѣдовалъ за мною. Мы спустились въ оврагъ, по твердому фйрну (крупно-зернистый снѣгъ)

перешли на другую сторону; вновь поднялись и по каменному гребню направились къ площадкѣ. Разстояніе было всего около версты и подъемъ вовсе не крутъ, но какихъ усилий онъ намъ стоилъ! Даже привычный горецъ Григорій поблѣднѣлъ, тяжело передвигалъ ноги и каждые десять-пятнадцать шаговъ останавливался, чтобы перевести духъ. Обо мнѣ и говорить нечего, хотя я вовсе не слабосиленъ. Пройдя десятокъ-другой шаговъ, я буквально падалъ на снѣгъ совершенно обезсиленный и только черезъ нѣсколько минутъ могъ прійти въ себя. Но стояло подняться и сдѣлать нѣсколько шаговъ, какъ ноги опять подкашивались, и я опять валился на снѣгъ. Разрѣженный воздухъ обуславливалъ также высыханіе слизистыхъ оболочекъ, и я нестерпимо страдалъ отъ жажды. Взятый мною запасъ

даже достигнуть площадки было настолько трудно, что я нѣсколько разъ готовъ былъ отказаться отъ своего намѣренія и вернуться назадъ; но самолюбіе брало верхъ и, ежeminутно останавливаясь, я все-таки подвигался впередъ. Наконецъ послѣднее усиліе — крутой обледѣлый

Рис. 259. Черкесы—женить и невѣста.

скать, по которому мы карабкаемся на четвереньках, — и мы на завёртной площадке.

Кругом насъ была мертвая, повстѣгъ, могильная тишина. Никакихъ признаковъ животной и растительной жизни, даже орловъ не было видно. Термометръ показывалъ $+1^{\circ}$, снѣгъ таялъ, и солнце припекало довольно чувствительно. Для защиты глазъ и лица отъ воспаленія, которое легко получить среди вѣчныхъ снѣговъ, я надѣлъ темные очки и башлыкъ.

Около получаса провели мы на площадке. По обычаю туристовъ, я опустил въ бутылку записку съ нашими именами и подробностями восхожденія и зарылъ ее въ снѣгъ. Про-

щальный салютъ, сдѣланный мною изъ револьвера, прозвучалъ чрезвычайно слабо.

Насколько труденъ былъ подъемъ, настолько же легкою оказался спускъ. Бѣгомъ спустились мы по твердому фирновому полю и черезъ какой-нибудь часъ были уже близъ мѣста нашего ночлега. Оно было въ прелестной долигѣ, заросшей сплошь кустами рододендра. Его темная зелень производила такое приятное впечатлѣніе послѣ яркаго блеска снѣговъ.

Около меня, звонко попрытывая по камнямъ, катился горный ручей, а впереди меня, закрывая половину неба, возвышалась бѣлая шапка Казбека, которую золотилъ послѣдній лучъ заходящаго солнца.

З а к а в к а з ь е.

(Изъ очер. Е. Маркова).

Побережье отъ Батума до Цихидзира — рядъ прелестныхъ картинокъ. Курчавые, густолиственные лѣса окѣиваютъ ближнія гряды горъ. Вездѣ яркая, молодая зелень, сверкающіе весеннимъ лакомъ листья лавровишней и фотиній, малиновые гроздья цвѣтущахъ рододендроновъ, терновники и груши въ бѣлоснѣжномъ пуху, кизильникъ, осыпанный золотомъ своихъ цвѣтовъ, конны перепутанныхъ листьевъ на каждомъ деревѣ.

Чакра — первая станція въ семнадцати верстахъ отъ Батума. Растительность тутъ тропической роскоши. Это природная оранжерея, сочащаяся обильною водою, всегда залитая солнцемъ, поэтому постоянно жаркая и влажная. Тутъ можно разводить самыя гнѣзныя растенія дальняго юга. Но сила растительности такова, что необходимо сначала бороться съ нею и побѣдить ее, иначе она задавитъ всѣ дѣла рукъ человѣческихъ. Тутъ вездѣ приходится сначала выжигать всѣ лѣсныя поросли, а уже потомъ обрабатывать землю. А запустите какіе-нибудь два-

три года, и опять все зарастетъ, заглушится, опять нужно начинать сызнова. Уже много земель этого берега раздѣлано и обработано, много видѣется садовъ и плантацій всякаго рода. Почва здѣшняя — латеритъ, ярко-красная глина, изумительно плодородная при обилии воды. Вообще, вся эта мѣстность удивительно удобна для самыхъ цѣнныхъ культуръ. На каждомъ шагу ручьи, водопады, болота, озери. Скалистая стѣна желѣзнодорожнаго туннеля сочтается сплошною скатертью воды; черезъ каждый аршинъ въ нихъ продѣланы сточныя трубы. Кукурузы тутъ видимо-невидимо, шелковица захватываетъ все большіе мѣста. Можно смѣло сказать, что эта страна блестящей будущности, плодородіе и роскошье южнаго берега Крыма. Уже теперь земли на равнинахъ стоятъ здѣсь огромныхъ цѣнъ.

Передъ Кобулетами на высокой скалѣ, царящей надъ берегомъ, очень картинно нарисовались вдругъ развалины большой крѣпости. Зубчатая стѣна, башни съ

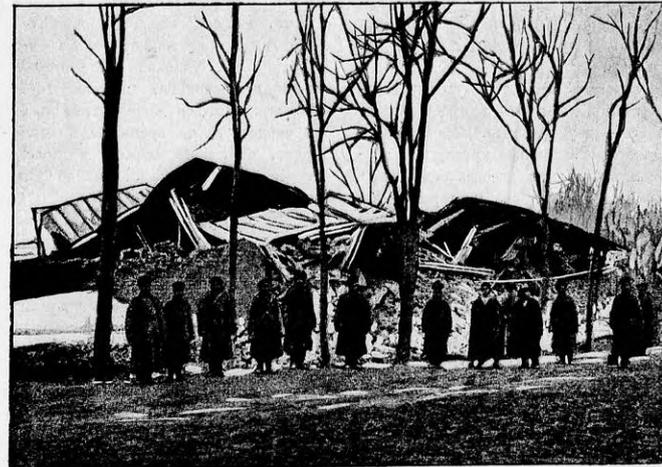

Рис. 260. Закавказье. Зданіе казначейства въ Андизанѣ, разрушенное землетрясеніемъ.

разбитыи амбраурами, почернѣвшія отъ копота вѣсковъ, живописно задрапированныя колышущимися шпалерами площа.

Сами Кобулеты мало интересны. Они лежатъ на низкомъ поморьѣ, куда обыкновенно прѣзжаютъ для морскихъ купаній. За Кобулетами мѣстность резко измѣняется и теряетъ свой декоративный характеръ. Море уходитъ налѣво, горы уходятъ направо, и васъ окружаетъ однообразная широкая равнина, заросшая чуть не дѣвственными лѣсами, покрытая плантаціями кукурузы. Собственно говоря, это сплошное болото, но болото въ здѣшней тропической жарѣ очень плодородное, вездѣ, гдѣ его сколько-нибудь приспособить къ посѣвамъ. Колоссальныя, прямые, какъ мачты, стволы деревьевъ, дубы, грабы, карагачи, чинары, до макушки убитые цвѣтущими лапанами, поднимаются прямо изъ триснѣгъ, залитыхъ водою, и большою частью гниютъ тутъ же на корню. Лихорадки здѣсь вѣвуютъ,

какъ въ своемъ родимомъ гнѣздѣ. На расчищенныхъ, нѣсколько болѣе сухихъ полянахъ почти сплошная кукуруза. Эти кукурузныя поля имѣютъ оригинальный видъ: они всѣ усыяны своего рода избушками на курьихъ ножкахъ, камышевыми и плетевыми кукурузницами, высоко поднятыми на столбахъ, какъ двѣ капли воды похожія на тѣ хижины островитянь-дикарей, которыя изображаются у старыхъ путешественниковъ по океанамъ. Снѣго тутъ тоже намотано, какъ клубки шерсти на веретена, на высокіе шести или уложеніе стоjkами между вѣтвей деревьевъ. Съ непривычки кажется издали, будто какіе-то гигантскіе грибы вытянулись высоко въ воздухъ изъ этой скаочно-плодородной почвы. Все тутъ нужно спасать отъ прикосновенія губительной болотной влаги.

Народъ здѣсь — красавецъ на красивѣ, статный, рослый, со смѣлымъ взглядомъ глазъ, съ тонкими чертами сухого лица

напоминающими породистого арабского коня. Аджарпы и гурийцы мало разнятся друг от друга и лицом, и нарядом, и языком.

По дорогам не только видны всадники и пѣшеходы, но и арбы. Здѣшнія арбы — двухколесныя. Колеса их — это тяжелые сплошные круги из толстѣйшихъ буковыхъ досокъ, безъ спицъ и ободьевъ; конечно, и горныя дороги здѣсь тоже напоминаютъ времена Ноя, и по нимъ, дѣйствительно, не поѣдешь на рессорахъ; но все-таки эта тяжесть огромныхъ неуклюжихъ жернововъ, скрипящихъ на намазанной оси, не подѣ силу даже и выносливымъ буйволамъ, обычнымъ перевозочнымъ животнымъ этого края.

На станціяхъ большое стеченіе народа, настоящій базаръ. Гурийки въ разношнѣтныхъ шелковыхъ сѣткахъ на головахъ, шеголевато одѣтыя, продаютъ шелковыя матеріи, платки и шарфики своей работы.

Красавцы — гурийцы съ воинственною осанкой толпятся здѣсь во множествѣ, въ черныхъ буркахъ, въ черныхъ кокетливо завязанныхъ башлыкахъ; мальчишки ихъ, глазастые, румяные брю-

Рис. 261. Заніе волокачки, поврежденное землетрясеніемъ.

неты, смотреть совѣмъ италынцами. Меня, и здѣсь, какъ въ Палестинѣ, какъ въ Египтѣ, какъ на островахъ греческаго Архипелага, удивляла эта потребность южнаго человѣка, жителя горячихъ странъ, кутаться даже лѣтомъ въ теплое и черное, въ то время, какъ мы, сѣверяне, въ своемъ сырѣмъ и холодномъ климатѣ, шеголемъ съ мая до сентября въ бѣлой парусинѣ.

Мы накупили у женщинъ кое-какихъ шелковыхъ мелочей, захватили у черномазаго мальчугана, очастливленнаго полученіемъ пятналтынаго, кружокъ мѣстнаго мягкаго сыра и съ этою добычею поспѣшили возвратиться въ вагонъ. Проѣхали Нотанеби, проѣхали Сужу. За Сужей равнина Гурии дѣлается еще привольнѣе: горы видны направо и налево, вездѣ журчатъ ручьи, борозды полей залиты водою, поля раздѣлены плетнями на участки, кукуруза и кукурузницы на курьихъ ножкахъ вездѣ, куда ни оглянешься. А селеній между тѣмъ почти не видно. Тѣ хижины безъ оконъ, что ютятся въ тѣни маленькихъ садиковъ, — скорѣе лѣтніе хутора и хозяйственные склады, чѣмъ постоянныя жилища гурийца. Селенія его, должно-быть, въ предгорьяхъ, подальше отъ этой болотистой низины. Въ многочисленныхъ канавахъ, откуда до одури кричатъ лягушки, то и дѣло видишь валяющихся свиней и буйволовъ.

Мы уже приближаемся къ Риону и то и дѣло касаемся его береговъ. Намъ уже видна на той сторонѣ Имеретіи съ мерцающими за нею стѣнами Большаго Кавказа. Поля перемѣняютъ свой характеръ. Почва тутъ вся изъ мелкихъ голышей, смѣшанныхъ съ иломъ, особенно подходящая для винограда.

Отъ станціи Негоити и Саджевахо вездѣ тутъ рѣдко раскинуты по полямъ старыя рогатая деревья, кругомъ которыхъ обвиваются могучіе монголдѣтніе канаты виноградной лозы, толщину въ добрую руку. Въ прежнее время всѣ поля были въ такихъ деревьяхъ, и всякое де-

рево въ обильно осыпанныхъ гроздями лозахъ винограда. Но сбытъ кукурузы оказался проче и выгоднѣе виноградарства, и народъ бросился на новую наживу, сталъ подѣвѣкать подѣ корень старыя свои деревья, а вмѣстѣ съ ними и старыя лозы, дававшія виноградъ, какъ увѣряютъ здѣшніе люди, несравненно болѣе душистый и сочный, чѣмъ болѣе цивилизованный способъ культуры кукурузы. За Самтреді уже начинается Имеретія. Горы отступаютъ еще дальше въ знойную синеву, откуда вырѣзаются на сине-зеленомъ фонѣ предгорій бѣленькіе домики многочисленныхъ имеретинскихъ деревень.

Мы переѣхали по низенькому мосту быстрый и мутный Рионъ, текущій здѣсь совѣмъ въ плоскихъ берегахъ. Имеретія уже замѣтно культурнѣе полуудкой Гурии. Правильныя виноградники, хорошіе фруктовые сады, полевые участки, обсаженные рядами тутовыхъ деревьевъ, большіе и красивые сельскіе дома. Оттого и дѣна земли здѣсь гораздо выше, чѣмъ въ Гурии. Десятина земли съ какимъ-нибудь маленькимъ садикомъ стоитъ 500, 600, 1.000 руб. Земля здѣсь воздѣлывается гораздо тщательнѣе, хотя и тутъ, какъ въ Гурии, гуляетъ по полямъ первобытная соха, — это простой деревянный крюкъ, вышлененный изъ доски, съ надѣтымъ вмѣсто сошника деревяннымъ клиномъ. У рѣдкаго хозяина кончикъ этого клана немножко окованъ желѣзомъ. И, однако, благодарная мягкая почва Колхидскаго бассейна довольствуется и этимъ прострѣбываемымъ ея деревяннымъ зубомъ и даетъ огромные урожаи.

Имеретины уже далеко не такого благороднаго типа, какъ гурийцы. Всѣ они какіе-то носатые и черные: черныя бороды, черные глаза, черныя лица, одѣтые всѣ въ черномъ, въ черныхъ бур-

кахъ, въ черныхъ курткахъ, въ черныхъ башлыкахъ. Въ типѣ имеретина есть что-то рѣзкое, жесткое и недоброе. По характеру своему они такъ же, какъ и мингрельцы, далеко не то, что наивныя и честныя хабрелцы — гурийцы.

Равнина Риона и его притока Квирилы, по которой мы теперь ѣхали, — само плодородіе.

Въ апрѣлѣ яровая пшеница уже ро-

Рис. 262. Кахетинецъ.

стомъ четверть аршина и очень густа. Круглый годъ тутъ подножный кормъ для скота. Имеретины сѣютъ много такъ называемой „енжи“, особаго рода люцерны, которая даетъ нѣсколько укосовъ въ лѣто. Эта райская равнина къ тому же пользуется и очень здоровымъ климатомъ, въ отличіе отъ гурийскихъ лихорадочныхъ топей.

За Свири и сама Квирилла. Это уже настоящій городокъ, довольно большой и живописный. Старинныя имеретинскіе

дома в два яруса, с галереями, с колоннами, со множеством лавчонок в нижнем ярусе, очень характерных, указывают на зажиточность народа. Красивые темные горы нагнулись кругом, и в этой немного суровой рамке долина, сверкавшая ярко зеленой, глядела очаровательно. Мост из чугунных рельсов перекинут здесь через Квирилла. И около него, и около вокзала, и на улицах только и увидишь, что целые караваны маленьких ушатых осликов, совсем, кажется, раздавленных нагбленными на них громоздкими корзинами с марганцом, добываемым недалеко отсюда, в Чиатурах.

Теперь мы уже совсем попали в царство гор. Мы двигаемся узким и глубоким ущельем Квирилла все вверх и вверх. Десяти раз желѣзная дорога переѣзжает поперек эту бурную рѣчку, капризно кидаящуюся из стороны в

Рис. 263. Лазы — горные жители Батума.

сторону. Темный коридор, пробитый дерзостью человека, с трудом отвоевывает для своей пары рельсовых узкую пядь земли от этого неистового звѣря, вѣковѣчного хозяина недоступной горной тѣснины, и дает нам заглянуть в ее долго сокрытая тайны. Вокруг нас настоящие альпийские виды. Тѣснина наша, иногда похожая болѣе на каменоломню, чѣм на долину, сверкает изломами своих трахитов, сланцев, алебастров, свѣжими, как золотой сахар, и, облитая прямо сверху солнцем, кишит цвѣтущими травами и кустами, бархатом барвинков, золотом цитизуса, пестрыми орхидеями. А над нами, на подобчливой высоте, зеленая пастбища на гигантских косяках, домовитые хуторки имеретин, курчавые виноградники, мжно пашущие плуги. Совсем Швейцария. Вот поѣзд наш прогремѣл в темном тоннелѣ и перед нашими глазами открылась величественная картина. Стѣны всѣх цвѣтов, блѣ-сѣрые, блѣ-желтые, малиновые, как кровь, встают отвѣсно со дна глубокого ущелья; они угрожающе нависли над полотном дороги, по которой мы несемся. Плещ устилает нѣкоторая из этих стѣн от основанія своими блестящими, словно полированными листьями, расписывает их загблывыми арабесками своих капризных побѣгов. Цѣлыя деревья лѣпятся на других стѣнах, висят над пропастью, будто приклеенны, вѣшавшись своими терпкими корнями в малѣйшій выступ гладкой отвѣсной скалы. Но вдруг и вздрогнул и отшатнулся невольно назад. Над нами на огромной высотѣ, тоже на чуть замѣтных карнизках утесистой стѣны стояли в жи-

вописных позах, спокойно опершись на свои кирки и глядя вниз на наш поѣзд, нѣсколькими ярусами друг над другом, ряды рабочих имеретин. Они проводили новую дорогу на Бежтубань, значительно выше, но и короче теперешней.

А в поворотах в ущелья, при впадѣнии в них других, еще болѣе тѣсных и диких трещинъ, откуда прыгают навстрѣчу Квириллѣ неистовые потоки, вырѣзаются в горячей синевѣ неба, на высотных скалах и холмах развалины древних замков, когда-то зорко стороживших эти ущелья и сурово царивших над ними. Кое-гдѣ, однако, виднѣются изрѣдка наверху и хорошенькие помѣщичьи домики и зажиточныя крестьянскія избы. Вонъ даже на одном обрывистом и высоком выступѣ заблѣлся старинный христіанскій храмъ. Колокольня его живописно обвита, будто ствол вѣкового дуба, густыми темно-зелеными плетями плюща. Внизу хотя дикая пустыня, зато сверху, на облегающих нас кругом полях, все людно, полно жизни и дѣятельнаго хозяйства.

Въ воздухѣ замѣтно свѣжѣет по мѣрѣ подъема. Мы, должно быть, забрались ужъ очень высоко. Какой-то вѣдем и все карабкаемся вверх! А съ нами вмѣстѣ, через всѣ изгибы диких ущелій, по которымъ мы несемся, ползает вверх рядомъ съ нашими рельсами черная труба чугунаго нефтепровода, которымъ керосинъ перекачивается из Михайловской станціи в батумскія цистерны, чтобъ избѣгать труднаго перевала керосиновыхъ вагоновъ через Сурамскія горы. Нашъ поѣздъ, сдерживал леонько ходъ, тихо вѣзжает в старинное грузинское селеніе „Старую Ципу“, мимо старинной церкви первобытнаго грузинскаго типа, в видѣ дома съ узкими бойницами вмѣсто оконъ и съ крошечной башенкой на краю высокой крыши. Незамѣтно изъ улицы села мы

выѣзжаем и под темные своды Сурамскаго туннеля. Туннелемъ поѣздъ идетъ двѣнадцать минутъ в абсолютномъ мягкомъ мракѣ. Удушливый запахъ нефтяныхъ остатковъ, которыми здѣсь топятъ паровозы, стоитъ неподвижно в туннелѣ. Протяженіе туннеля безъ малаго четыре версты, и постройка его

Рис. 264. Кавказскій еврей.

стоила четыре милліона, болѣе чѣмъ по милліону верста.

Выѣздъ изъ Сурамскаго туннеля не представляетъ ничего эффектнаго. Напротивъ того, пейзажъ дѣлается скуднымъ и прозаическимъ, сравнительно съ тѣмъ, который мы только что покинули, словно мы вѣхали совсемъ в другое царство.

Вмѣсто ущелья — широкая равнина, только вдаль окаймленная справа и слѣва горами. Подъ гребнемъ правыхъ, болѣе къ намъ близкихъ горъ, сверкает широкой лентой величественная Кура, только что вырвавшаяся здѣсь изъ суроваго Боржомскаго ущелья. Мы теперь въ бассейнѣ Каспія, — въ царствѣ дряхлой

Азия. Долина или, вѣрнѣе, равнина Куры густо населена и хорошо обработана. Въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ полотна желѣзной дороги, не доѣзжая станціи Михайловки, на продолговатомъ словно насыпанномъ холмѣ виднѣется въ тѣни такихъ же многобѣговыхъ старцевъ-деревьевъ очень древняя, очевидно, давно запустѣвшая церковь, вса поросшая сверху кустами и бурьяномъ. Станція Михайловка теперь большое мѣстечко и центръ торговли лѣсомъ, который въ огромномъ количествѣ вывозится изъ Боржомскаго ущелья и составляетъ, между прочимъ, главный доходъ великоняжескаго имѣнія. Кромѣ того, въ Михайловкѣ главная мастерская Бату-Баханской, прежней Поти-Тифлисской желѣзной дороги. Поэтому Михайловка незамѣтно перерождается въ маленький и дѣятельный городокъ. Здѣсь насъ встрѣтила сцена еще болѣе во вкусѣ мѣстныхъ нравовъ, вполне

ВЪ ТИФЛИСѢ.

(Изъ очерк. Филиппова.)

Весь интересъ для туриста Тифлисъ представляеть не въ европейской своей части, а въ тѣхъ, которая зовутъ Майданомъ и Армянскимъ базаромъ (рис. 265). Тамъ только вы узнаете, что такое настоящій коренной Тифлисъ. Чтобы пошастъ туда, слѣдуетъ миновать Эриванскую площадь и углубиться нѣсколько влѣво. Очутившись въ этихъ мѣстахъ, вы сразу даже и не поймете, что такое происходитъ вокругъ васъ, надъ вами и подъ вами. Это какая-то каша изъ людей и животныхъ, бараньихъ шапокъ и бритыхъ головъ, фесокъ и картузовъ, женщинъ и мужчинъ, лошадей и ословъ, верблюдовъ и собакъ, стариковъ и молодыхъ и т. д., и т. д. И все это кричитъ, стучитъ, смѣется, бранится, толкается, поетъ, работаетъ и потрясаетъ на разные тона и голоса знойный, недвижный воздухъ. Это какое-то Вальпургіево сборище, адскій

уже кавказская. Сейчасъ, чуть не на нашихъ глазахъ, рослый молодой чеченецъ изрубилъ въ какомъ-то неясномъ для публики спорѣ богатаго мѣстнаго помѣщика князя Абашидзе. Судебный слѣдователь болѣе чѣмъ мирнаго вида снималъ въ эту минуту опросъ съ задержаннаго горскаго богатыря, предлагая ему своимъ вѣжливымъ голосомъ обычные вопросы: „Какъ васъ зовутъ? Какого вѣроисповѣданія?“ А посреди залы кучка такихъ же, какъ чеченецъ, огромныхъ и могучихъ фигуръ въ черкесахъ, съ свирѣпыми черными и сѣрыми усами, съ свирѣпыми взглядомъ огненныхъ глазъ, такъ же, какъ онъ, сверкавшихъ бѣлыми зубами, бѣлыми бѣлками, серебряными патронами, серебряными поясами и ручками кинжаловъ, горячо и громко толковали другъ съ другомъ, взамахивая руками, сжимая кулаки, на гортанномъ, какъ клевокъ ворона, непонятномъ для насъ языкѣ.

шабашъ Лисой горы, который и оглушаетъ, и поражаетъ, и сбиваетъ съ толку каждаго, кто попадаетъ сюда въ первый разъ. Кривыя улицы, въ которыхъ трудно развѣхаться двумъ экипажамъ, влудъ въ гору и подъ гору, ежеминутно пересѣкаются темными переулками, гдѣ, протянувъ руки, можно упереться ладонями о стѣны домовъ, стоящихъ по обѣ стороны. Нельзя ступить шагу, чтобы не наткнуться на что-нибудь живое, сидящее тутъ же на землѣ. Нѣтъ возможности повернуть, чтобы не задѣть кого-либо или что-либо. Постройки расположены и наверху, и въ уровенъ съ вами, и подъ вашими ногами. Идешь и едва не проваливаешься въ какую-то яму, которая оказывается караванъ-сараемъ, а черезъ нѣсколько шаговъ надъ головою уже виситъ длинная ветхая галлерея съ сгнившими подпорками и тутъ же спускъ

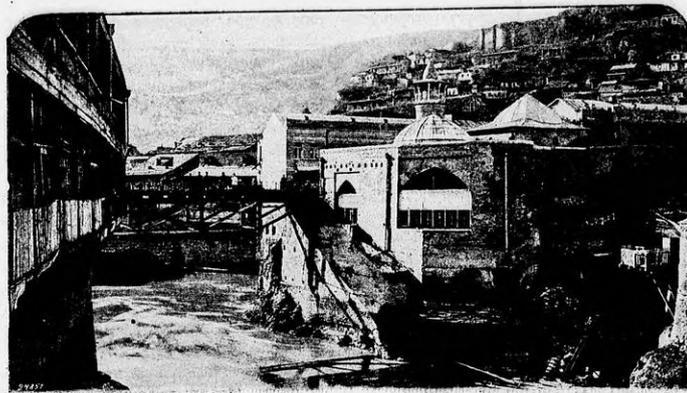

Рис. 265. Тифлисъ. Майданскій мостъ черезъ р. Куру.

къ Курѣ, грязно-желтыя воды которой плещутъ между берегами и на отмеляхъ движутся стѣи большихъ рыжыхъ крысь. Ступеньки крылечекъ купаются въ водѣ и ведутъ въ узкіе дома, многотажные фасады которыхъ какъ кружевомъ опутаны цѣлою сѣтью сквозныхъ балконычкѣвъ.

Вся Азія, кажется, выслала сюда своихъ представителей.

Вотъ татаринъ осторожно пробирается между тюками товаровъ, и узкіе глазки его быстро бѣгаютъ по сторонамъ изъ-подъ надвинутой на брови войлочной шапки. Рядомъ съ нимъ виднѣется нахмуренная воинственная фигура лезгина (рис. 266). Важною поступью прохлѣдитъ задумчивый персіянинъ въ своей островерхой бараньей шапкѣ, въ толстыхъ цвѣтныхъ чулкахъ и башмакахъ, едва прикрывающихъ пальцы ногъ. Длинная борода его и ногти выкрашены въ ярко-красную крапку. Тутъ же два армянина въ чухахъ и москвичихъ картузахъ на затылкахъ, съ длинными красными носами, хлопаютъ другъ друга по животу и радостно гоголчутъ на всю улицу. Красивый профиль грузина (рис. 267) съ изящными тонкими ус-

ками показывается за ними и самъ его обладатель ловко протискивается въ толгѣ, слегка наклонивъ свою стройную высокую талию. Медленно подвигается маленький мулла съ огромной сѣрой бородой и въ бѣлой чалмѣ. Статная фигура гурійша въ коротенькой курткѣ и шароварахъ въ обтяжку, расталкивая встрѣчныхъ про-

Рис. 266. Лезгинъ.

хожих, перебирается на другую сторону улыбки. Изъ-под коричневаго башлыка, которымъ закутана голова гурйца, выглядываетъ мужественное загорѣлое лицо съ щетинистыми усами и давно небритымъ подбородкомъ. Изрѣдка поспѣшно пробѣгаетъ покрытая длиною чадрой женщина и скрывается въ какомъ-нибудь переулку. Размѣреннымъ шагомъ идетъ ишакъ, навьюченный корзинами съ углями, а зади его въ нѣсколькихъ шагахъ бредетъ проводникъ—полуголая фигура съ заложенными назадъ руками—

Рис. 267. Грузинъ.

и во все горло оретъ какую-то пѣсню. Немного дальше слышится скрипъ арбы, доверху нагруженной какимъ-то товаромъ, который везетъ пара черныхъ огромныхъ буйволдовъ. Едва отведешь отъ нихъ глаза, какъ надъ ухомъ раздается сапъ цѣлой вереницы верблюдовъ, въ ноздри которыхъ продѣты веревки. Сильный толчокъ заставляетъ оглянуться въ другую сторону—это носильщикъ тяжестей, „муша“, у котораго на спинѣ сажженный сундукъ, неизвестно чѣмъ набитый, но муша и вниманія не обращаетъ и продолжаетъ себѣ двигаться, согнувшись въ три погибели. А вотъ корена-

стая фигура верхового казака показывается въ этой сутолокѣ и, не переменивъ, опускаетъ свою нагайку на спину зѣваки, который только почешется и пуститъ въ отвѣтъ какое-то высоко-горланное слово. А вотъ осель выросли отъ своего проводника, который бѣжитъ за нимъ съ поднятой палкой, свистя и крича вперемежку, чтобы остановить убѣгающее животное. Въ одномъ мѣстѣ онъ наткнулся на лежащую поперекъ дороги человѣческую фигуру и полетѣлъ черезъ голову, но тотчасъ же вскочилъ и, выругавшись на ходу, продолжаетъ свое преслѣдованіе. Вотъ цѣлая куча совершенно голыхъ ребятишекъ, грязныхъ и загорѣлыхъ, дерется на кулачки и кричитъ высокими и пронзительными головами, а на нихъ съ тупымъ вниманіемъ усталая неподвижная фигура краснобородаго персіянина. Да и не перечесть все эти типы, группы и сцены, которая здѣсь на каждомъ шагѣ! И все это загорѣлое, пестрое, яркое, горячее, лѣнивое, апатичное или стремительное—шумитъ, жестикулируетъ, двигается, толкается, оретъ во все горло, словно стараясь перекрычать другъ друга.

Вся жизнь совершается на улицѣ, подъ открытымъ, небомъ. Вотъ цѣлый рядъ башмачниковъ, тутъ же изготовляющихъ чуйки и прочную обувь. Рядомъ помѣстился хлѣбопекъ и вывѣсилъ огромный лавашъ, сквозъ который просвѣчиваетъ салный огарокъ. Немного дальше цырюльники бреютъ персянъ, самымъ оригинальнымъ образомъ совершая эту операцію: плонетъ въ щеку или макушку своего кліента и какимъ-то узенькимъ, наподобіе бритвы, ножомъ соскоблитъ съ нихъ волосы (рис. 268). Около цырюльниковъ воссѣдаютъ портные и мѣховщики. Тамъ молотъ выковычиваетъ кинжалъ, и палатка оружейника зашѣлана самымъ разнообразнымъ оружіемъ. Здѣсь прямо на полу навалены персики, яблоки и груши, а на другой сторонѣ на вертелѣ жарятъ шашлыкъ и въ огромныхъ кастрюляхъ

варится какая-то жидкость. И тутъ же насытившійся армянинъ растянулся на порогѣ и храпитъ во все завертки, насколько не беспокоясь о томъ, что кто-нибудь можетъ наступить на его длинный носъ или руки, раскинутыя по сторонамъ.

Тутъ же недалеко приходится проходить мимо открытыя лавокъ, передъ которыми устроены навѣсы, ужасно напоминающіе наши великорусскіе лабазы. Чѣмъ-то русскимъ, хорошо знакомымъ, много разъ видѣннымъ сразу повѣтѣ на васъ отъ этого полу-сарая, стоящаго почти бокъ о бокъ съ окружающей его азиатчиной. Да, да! это русское, въ этомъ не можетъ быть сомнѣній, въ этомъ убѣждаетъ прибѣгая къ лабазу вывѣска съ изображеніемъ пузатаго самовара съ чайникомъ и чашками на подносѣ. Оказывается, что находишься около молочанской харчевни, гдѣ, кромѣ чаю, достать ничего нельзя. Я нарочно зашелъ въ эту харчевню и сразу почувствовалъ себя среди земляковъ; коротенькіе кафтаны, картузы, русскія окладистыя бороды и круглыя, чисто русскія лица. Молочане стали селиться на Кавказѣ съ тридцатыхъ годовъ настоящаго столѣтія. Они крѣпко держатся своей вѣры, а еще крѣпче—обычаевъ далекой родины. Это небольшая кучка трудолюбивыхъ и абсолютно-трезвыхъ людей, ничего общаго не имѣющихъ съ мѣстнымъ населеніемъ; благодаря своей трезвости и трудолюбію, молочане живутъ безбѣдно. Кромѣ земледѣлства, они занимаются извозомъ; подрядная часть въ Закавказьи у нихъ всецѣло въ рукахъ.

Здѣсь они торгуютъ желѣзомъ. Эта торговля вся за ними. Лавки тутъ же около харчевни, и, стоя около нихъ, вамъ

кажется, что вы находитесь у себя дома, но не здѣсь, въ Тифлисі, на этомъ Майданѣ, который кружитъ вамъ голову и одуряетъ своею азиатскою пестротой.

Ступите нѣсколько шаговъ, и васъ снова охватитъ этотъ гнусливый выкрикъ

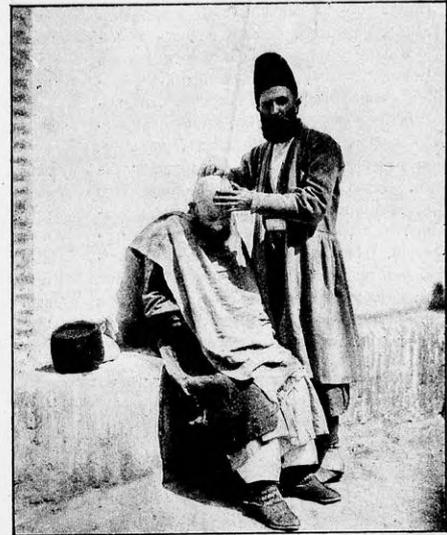

Рис. 268. Тифлисі. Далакъ (цырюльникъ)—персіянинъ.

многотысячной азиатской толпы. Вы снова на Майданѣ и вновь затерялись въ его толпѣ, которая стискиваетъ васъ, толкаетъ и увлекаетъ, какъ бурный потокъ... На каждомъ шагѣ новыя сцены, новыя типы: богатѣйшій матеріалъ для художника!..

И, двигаясь съ этою толпою, мѣстами приходится наталкиваться на сонныя фигуры полицейскихъ, апатично поглядывающихъ на все происходящее вокругъ нихъ...

Таковъ татарскій Майданъ.

Армянский базарь тут же и весь состоит из караван-сараяв и лавок. Товары навалены всюду: и на площади, и на улицах, и внутри лавок, и въ переулках. Гамъ и внутри лавок, и въ переулках. Гамъ и на Майданъ,—различія нѣтъ никакого.

Чтобы попасть въ какой-нибудь изъ караванъ - сараевъ, нужно спуститься внизъ, подняться вверхъ, попасть на какую-нибудь галерею, сойти съ нея оилтъ внизъ и послѣ многочисленныхъ переходовъ снизу вверхъ и сверху внизъ вы, наконецъ, попадаете въ лабиринтъ какихъ-то коридоровъ, изъ которыхъ, кажется, нельзя выбраться безъ Ариаднина клубка. Здѣсь кругомъ васъ беспорядочно навалены кучи ковровъ, шелковыхъ тканей и всевозможныхъ персидскихъ матерій. Цѣны на все ужасныя—запрашиваютъ не вдвое, а въ десять разъ: вещь за которую по первому слову назначаютъ рубль, можно купить чуть ли не за гривенникъ... Въ караванъ-сараяхъ не только

Рис. 269. Тифлисъ. Два муши съ бурдюками на спинѣ.

торгуютъ, но и живутъ. Я зашелъ въ комнату къ одному изъ купцовъ. Признаться, такой обстановкѣ позавидовалъ бы каждый: и полъ, и стѣны, и потолокъ обтянуты персидскими коврами, кругомъ стѣны установлены тахты съ мягкими мутаками. Постель прямо на полу, на грудѣ пуховыхъ тюфяковъ; вмѣсто одеяла мягкая шелковая перинка. Такой же мутакъ замѣняетъ подушки. Находясь въ такомъ помѣщеніи, отлично понимаешь, что такое восточная нѣга. Но грязно здѣсь, начиная съ ковра до послѣдняго мутака, и все пропитано какимъ-то страннымъ, сладковато-тяжелымъ, непривычнымъ запахомъ.

Хозяинъ, какъ истое дитя Востока, принялъ меня съ большимъ радушіемъ и угощалъ табакомъ, довольно слабымъ, сладковатымъ, чрезвычайно душистымъ персидскимъ табакомъ. Впрочемъ, его запахъ и чувствуется въ комнатѣ. Наша бесѣда имѣла самый оригинальный характеръ. Персіянинъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи десятокъ русскихъ словъ, а его гость не зналъ ни одного персидскаго, но интернациональная мимика замѣнила незнаніе языка.

Тутъ же на Армянскомъ базарѣ находится Сіонскій соборъ. Это древнѣйшая святыня грузина и по своему внѣшнему виду ничѣмъ рѣшительно не отличается отъ другихъ грузинскихъ храмовъ. Внутри тоже онъ ничего интереснаго не представляетъ.

Если вы пошлете за ключаремъ, то онъ вамъ покажетъ крестъ святой Нины, съ которымъ она проповѣдывала христіанство въ Грузіи. По преданію, крестъ быть врученъ св. Нинѣ Божіей Матерью, явившейся ей во снѣ и приказавшей благовѣствовать Евангеліе въ Иверской землѣ.

Крестъ сдѣланъ изъ виноградныхъ лозъ и перевязъ волосами.

Ключарь увѣряетъ, что это волосы святой Нины... Тутъ же погребенъ князь Цццановъ, извѣстный дѣятель времени нашей кавказской войны.

Заговоривъ о Сіонскомъ соборѣ, нельзя умолчать о другой не менѣе важной религіозной достопримѣчательности Тифлиса, имѣющей для насъ, русскихъ, немаловажное значеніе—это церковь св. Давида, находящаяся внѣ города, на высокой горѣ Мта-Цминда.

Церковь св. Давида стоитъ на высотѣ 1.900 футовъ надъ уровнемъ моря—саженъ на сто выше, чѣмъ самый городъ. Поэтому съ нея открывается панорама всего Тифлиса. Къ сожалѣнію, скала, на

Рис. 270. Грузинки.

которой она воздвигнута, и примыкающія къ ней другія высоты совершенно безлѣсны и, вообще, лишены всякой растительности. Черезъ это она много теряетъ въ красотѣ.

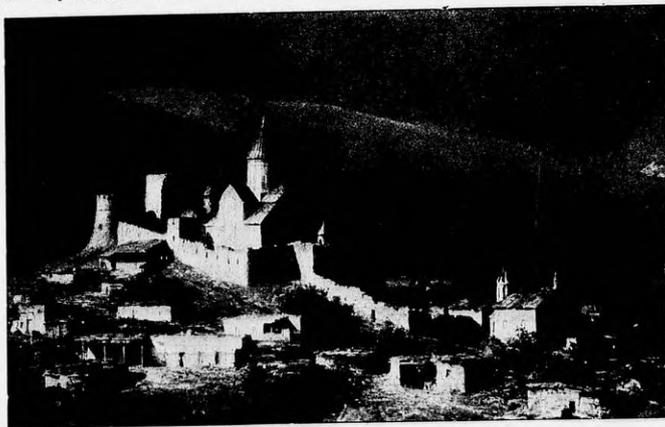

Рис. 271. Грузія. Анануръ.

Подъ сводомъ церкви покоится прахъ нашего знаменитаго писателя Грибоѣдова. Надъ могилою его стоитъ четырехугольный пьедесталъ изъ чернаго мрамора, на которомъ водруженъ бронзовый крестъ съ Распятіемъ. Къ подножію креста, символу скорби и утѣшенія, обнявъ его руками, припала, также изъ литой бронзы, фигура колѣнопреклоненной женщины. Тутъ же, на верху пьедестала, изображены двѣ книги, лежащія одна на другой. На верхней надпись: „Горе отъ ума“. Надъ книгами—лира, увитая лаврами. На передней сторонѣ пьедестала портретъ поэта и надпись золотыми буквами:

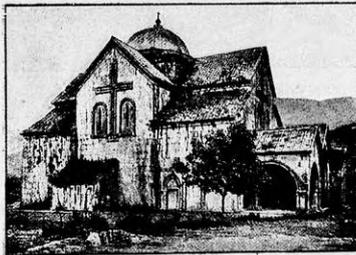

Рис. 272. Древняя грузинская церковь.

„Александръ Сергѣевичъ Грибоѣдовъ, родился 1795, января 4 дня, убитъ въ Тегеранѣ 1829, января 30 дня“. На другой сторонѣ написано: „Незабвенному—его Нина“, а на третьей: „Умъ и дѣла твои безсмертны въ памяти русской, но для чего пережила тебя любовь моя!“

Благодаря своему каменистому грунту и постоянному нахожденію на прилѣкѣ солнца, Тифлисъ не можетъ похвастаться особенно роскошною растительностью. Собственно садовъ, т.-е. того, что принято у насъ понимать подъ этимъ названіемъ, въ немъ только три: Городской, Ботанической и Муштаидъ. Но даже сохраненіе и этого незначительнаго количества садовъ, благодаря здѣшнимъ климатическимъ условіямъ, сопряжено для

города съ большими хлопотами и издержками: требуется искусственное орошеніе, постоянный уходъ и присмотръ и пр. Ботанической садъ находится недалеко отъ Мта-Цминда. Онъ видѣется вполне отчетливо, если смотрѣть на него съ вершины этой горы. Попасть въ этотъ садъ можно прямо изъ Майдана. Повернуть однимъ изъ переулковъ послѣдняго и выбравшись изъ другихъ оупытающихся какъ бы съѣзъ вѣсь Майданъ, подходящъ къ ступенямъ въ горѣ. Это и есть подъемъ къ Ботаническому саду. Лѣстница устроена въ горѣ, и сначала приходится взбираться по настоящимъ ступенямъ, которыя вскорѣ переходятъ въ простыя ямы, вырытыя одна выше другой и долженствующія изображать ступени лѣстницы. Подъемъ очень крутъ и очень высокъ и взбираться приходится какъ разъ на солнечномъ прилѣкѣ. Это цѣло паломничество, за которое каждый въ правѣ ожидать себѣ награды. Но тифлисская Мекка на дѣлѣ оказывается, пожалуй, и не стоящей трудовъ, положенныхъ для ея достиженія.

Садъ расположенъ на гребнѣ горы и растительность его довольно жидка, вѣроятно, благодаря плохо устроенной системѣ орошенія. Есть, впрочемъ, большой цвѣтникъ и собраны разнообразныя породы кавказской флоры.

Но если самый садъ ничего собою не представляетъ, то панорама, которая открывается изъ него, очаровательна: весь Тифлисъ какъ на ладони. Большой городъ разбросался по обѣ стороны Куры въ самомъ живописномъ, картинномъ безпорядкѣ: рѣку въ нѣсколькихъ мѣстахъ пересѣкаютъ мосты; мѣстами поднимаются тонкія башни минаретовъ, конические куполы грузинскихъ церквей; длиннымъ темнымъ пятномъ выткнулся садъ Муштаидъ; кишмя кишитъ какой-то муравейникъ на томъ мѣстѣ, гдѣ долженъ быть Майданъ; дома разрѣзываются площадями; улицы и переулки открываются цѣлою сѣтью прихотливыхъ узоровъ, и,

словно змѣйки, ползаютъ во всѣ стороны. А кругомъ города желтовато-сѣрая каменистая горы, на одной изъ которыхъ возвышается церковь, а другая увѣнчана

руинами старинной крѣпости. А еще дальше желтѣетъ ровное низменное пространство и сливается вдаль съ горизонтомъ.

Видъ съ вершины Цхра-Цхаро ¹⁾.

(Изъ очер. Джамалиева.)

Насъ разбудили въ 4 часа. Наскоро одѣвшись и умывшись холодной, какъ ледъ, водой, мы вышли на воздухъ. Довольно свѣжо. Ни день, ни ночь, или вѣрнѣе, и день и ночь. Луна еще свѣтитъ, но уже брезжитъ и дневной свѣтъ. Тутъ только и понялъ смыслъ стиха, хотя и сказаннаго по другому поводу:

Такъ тихо набѣгаетъ тѣнь,
Такъ робко свѣтъ уходитъ прочь,
Что ты не скажешь: минулъ день,
Не говорили: настала ночь.

При этомъ полусвѣтѣ, полумракѣ, горы и небо были окрашены въ такую чудную смѣсь цвѣтовъ: зеленого, голубого, фіолетоваго, что въ общемъ получалось впечатлѣніе чего-то волшебнаго, сказочнаго. Нигдѣ и не видалъ такого освѣщенія и сочетанія цвѣтовъ.

И небо и земля кажутся ушедшими еще дальше, еще глубже, чѣмъ наканунѣ. Небо совершенно ясно. Итакъ, роковой вопросъ о погодѣ разрѣшился въ нашу пользу. Немедля на минуты, мы начинаемъ взбираться на вершину Цхра-Цхаро, чтобы не прозвѣвать момента восхода солнца.

Подъемъ не крутой: можно подняться и пѣшкомъ и верхомъ. На вершинѣ растетъ только угрюмый понтійскій родендръ.

Я взобрался на вершину Цхра-Цхаро верхомъ, остальные предпочли идти пѣшкомъ. На вершинѣ 8.800 футовъ свѣжесть сдѣлалась чувствительною. Предъ нами въ полумракѣ открывался обширный горизонтъ, раздѣленный нѣсколькими параллельными грядями горъ и замыкаемый главною цѣпью Кавказа. Но востокъ еще былъ блѣденъ, и природа медленно пробуждалась, какъ бы нѣжась въ сладкой дремѣ. Море облаковъ лежало еще спокойно, а потому картина восхода обѣщала быть прелестною.

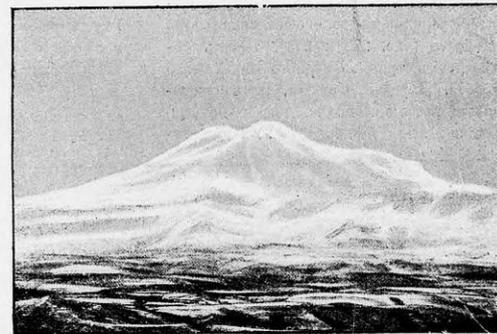

Рис. 273. Кавказъ. Гора Эльбурсъ.

Но вотъ розоперстая богиня растеряла врата неба и слегка подурманила на правой сторонѣ горизонтъ. Мѣсяцъ сталъ блѣднѣть. Пobleкли и звѣзды. Востокъ начиналъ алѣть. Потухла на небѣ послѣдняя звѣзда. Но одновременно съ этимъ зажглась другая на землѣ, гдѣ-то далеко-далеко, на северо-западной сторонѣ горизонта, и рубежъ двухъ частей свѣта.

¹⁾ Въ окрестностяхъ Боржома.

То был первый лучъ, упавшій на блестящую двойную корону сѣдовласаго Шата. Довольно долго горитъ она одиноко, посылая гордые привѣты лежащимъ у ногъ ея Европѣ и Азій.

Погруженные во мракъ вассалы съ завистью и подбострастемъ смотрятъ на горящую лучами корону своего блестятельнаго сюзерена и смиренно ждутъ очереди. Торжественно выступающее солнце начинаетъ окрашивать сѣдыя главы младшихъ гигантовъ: Дыхтау, Казбека, Барбало и другихъ. Медленно и плавно поднимается румяное и жизнерадостное свѣтло, и лежащее предъ нами пространство начинаетъ наполняться свѣтомъ и теплотою. Присѣвъ у рододендрона, мы начинаемъ любоваться, упиавшись необъятной волшебной картиной невиданной прелести и невообразимаго протяженія. Мы видимъ предъ собою цѣпь снѣжныхъ горъ, начиная отъ Дагестанскихъ и кончая снѣжными вершинами далеко на западъ отъ Эльбруса (рис. 273 и 274), то-есть болѣе двухъ третей большого Кавказскаго хребта. Другими словами, намъ открывается горная цѣпь на протяженіи, по крайней мѣрѣ, 500 верстъ. Умъ отказы-

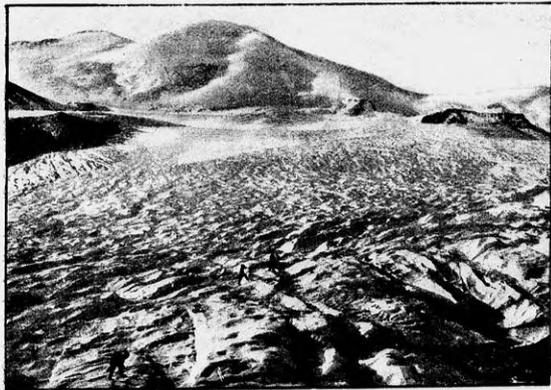

Рис. 274. Кавказъ. Въ ледникахъ Эльбруса.

вается вѣрять, чтобы воочию, наглядно, физически можно было видѣть, такъ сказать, осязая глазами эту живую безконечную карту Кавказа. Недостаетъ только морей, чтобы видѣть Кавказъ отъ моря до моря. Если бы не мгла на западѣ, то мы бы увидѣли и Черное море. Словомъ, впечатлѣніе получается необыкновенно сильное, подавляющее, потрясающее при видѣ этой великолѣпной, безконечной панорамы.

О невообразимой красотѣ и разнообразіи открывающейся картины и говорить нечего. Прежде всего, конечно, бросается въ глаза кавказскій богатырь Эльбрусъ двумя своими главами и громаднымъ туловищемъ (такъ неумѣсто называемымъ хвостомъ), онъ первый между великанами, между представителями силы, мощи и красоты. Но онъ не давитъ своею красотою и силою; онъ только первенствуетъ между великими. За нимъ, точно дѣвъ стрѣлы на готическомъ храмѣ, поднимается стражъ Сванетіи, Ужба. Ея конусообразныя вершины схожи какъ близнецы и какъ бы жмутся другъ къ другу.

Простерты въ воздухъ давно
Объята каменная ихъ
И жадутъ вѣтрычи каждый мигъ;
Но дни бѣгутъ, бѣгутъ года,
Измъ не сойтися никогда.

Ярче всѣхъ блестятъ, однако, правильная, свѣтлая, конусообразная глава Тетнульда. Онъ, словно богъ Аполлонъ между лучами, горитъ своимъ немеркнущимъ свѣтомъ и привлекаетъ своею вѣчно свѣжею молодостью, своею неувядающею красотой, своею ясной улыбкою. Какъ прямая ему противоположность, высится угрюмый великанъ Дыхта, насунившій

чело, точно мрачный владыка преисподней, Плутононъ. Между Эльбрусомъ и Дыхтау горитъ, какъ грань алмаза, бѣлоснѣжный массивъ Чарскаго хребта. Бросается въ глаза своею оригинальною формою и Кинжалъ-гора. Далеко, направо отъ Дыхтау, красуется Казбекъ, какъ бы намѣренно отошедшій въ сторону, боясь опаснаго

соперничества Шатъ-горы. За нимъ Барбало и другіе младшіе товарищи Казбека. Солнце уже поднялось надъ горизонтомъ, и безконечная снѣжная ланя горѣла ярко и весело, какъ въ первый день творенія. Долго мы стояли предъ этой безконечною чудною картиной, не будучи въ силахъ отъ нея оторваться.

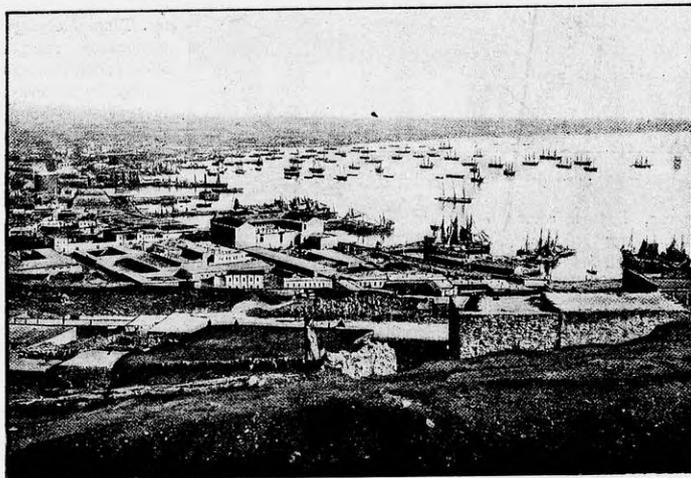

Рис. 275. Баку.

Въ нефтяномъ городѣ.

(Изъ очерка В.)

Вся область добычанія нефти заключается въ себѣ около 12.000 десятинъ; это пространство окружено полукольцомъ известковыхъ холмовъ; они хорошо видны съ вершины грязевого вулкана у Балаханъ. Балаханы и Сабунчи—это два мѣстечка, лежація на разстояніи около 12 верстъ къ сѣверо-востоку отъ Баку. Здѣсь возвышается нѣсколько сотенъ черныхъ, островерхихъ, легкаихъ деревянныхъ построекъ въ 70—80 футовъ высоты; около каждый находится маленькая пристройка

съ нужными машинами. Внутри этихъ башенъ находятся буровыя скважины, изъ которыхъ добывается нефть. Если нефть сама не бьетъ изъ отверстія, то ее вычерпываютъ большими ведрами въ 2—3 сажени длины и около 1 фута въ поперечникѣ. Каждое ведро вмѣщаетъ въ себѣ отъ 15 до 35 пудовъ нефти; въ часъ ея вычерпывается 2.400 пудовъ.

Намъ бытъ показанъ весь процессъ буренія, начиная съ закладки первой шахты, введенія трубъ, вставленія и погруженія

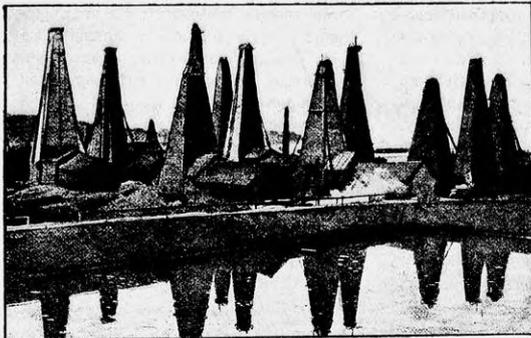

Рис. 276. Баку. Вышки и нефтяное озеро.

бурава. Буравъ состоитъ изъ свинченыхъ между собою желѣзныхъ брусевъ съ подвизанной къ нимъ тяжестью; каждый разъ, когда буравъ падаетъ на землю, онъ нѣсколько поворачивается. Бурение продолжается день и ночь; въ сутки пробуривается отъ 4 до 7 футовъ. Посред-

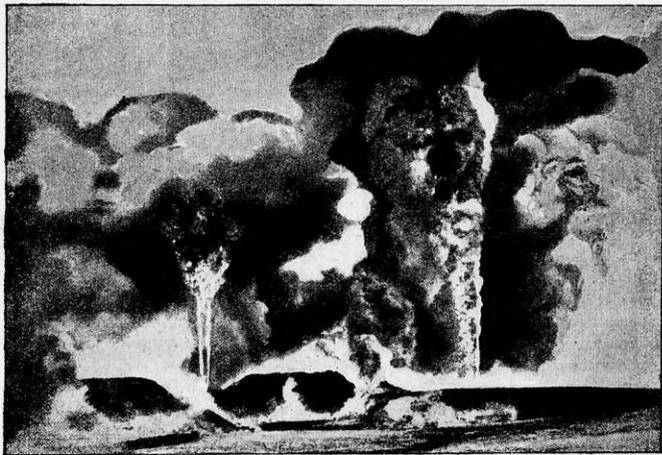

Рис. 277. Нефтяной пожаръ.

ством остроумнаго приспособленія буравъ скважина время отъ времени очищается отъ скопившейся земли, и въ нее опускается новое колѣно трубы въ сажень длину, закрѣпляющее ея стѣны. Такимъ образомъ постепенно выстраивается мощная желѣзная труба; достигнувъ подземнаго нефтянаго бассейна, она открываетъ нефти путь къверху: нефть поднимается по трубѣ, подобно тому,

какъ поднимается вода въ артезианскомъ колодезѣ. Посредствомъ простаго, но весьма остроумнаго приспособленія, отъ жидкости отдѣляется вода и илъ, а чистая нефть сливается въ расположенные возлѣ резервуары. Вообще, можно сказать, что всѣ приспособленія, касающіяся добыча-

нїя нефти, носятъ на себѣ печать гениальной простоты и цѣлесообразности.

Вкладка подобной буравой скважины требуетъ значительныхъ денегъ и сопряжена съ большимъ рискомъ. Многимъ приходится затрачивать сюда все до послѣдней копейки и входить еще въ долги,

чтобы довести начатую работу до конца. Въ настоящее время средняя глубина буравыхъ скважинъ превышаетъ сто сажень. Изъ 100 случаевъ, по крайней мѣрѣ, въ 10 работа оказывается вполне бесполезной: вмѣсто нефти изъ скважины показывается вода, между тѣмъ какъ тутъ же рядомъ сосѣду улыбнулось счастье, и изъ сдѣланной скважины нефть бьетъ такими массами, что для нея не хватаетъ приготовительныхъ вмѣстителей, хотя бы они были рассчитаны на миллионы пудовъ. Съ страшнымъ шумомъ устремляется къверху подземная масса, представляющая изъ себя смѣсь газовъ, песку, камней, ила и воды съ нефтью, сокрушая все на пути; возлѣ скважины насыпаются громадныя кучи ила. Часто, при внезап-

номъ появленіи такого страшнаго фонтана, тяжелый буравъ со всѣмъ своимъ остовомъ подбрасывается высоко въ воздухъ, какъ легкая соломинка. Радости владѣльца такого богатаго колодца не бываетъ границъ. Мы видѣли, между прочимъ, одинъ подобный фонтанъ, принадлежащій братьямъ Нобель. Въ теченіе 17 мѣсяцевъ онъ выбрасывалъ ни больше, ни меньше какъ 23.000.000 пудовъ нефти, проложивъ себѣ

широкое русло въ песчаной почвѣ. Чтобы дать понятіе о колоссальной величинѣ этой массы, я скажу, что нефти изъ одного этого источника было бы достаточно для того, чтобы наполнить каналъ въ 100 верстѣ длины, сажень ширины и столько же глубины.

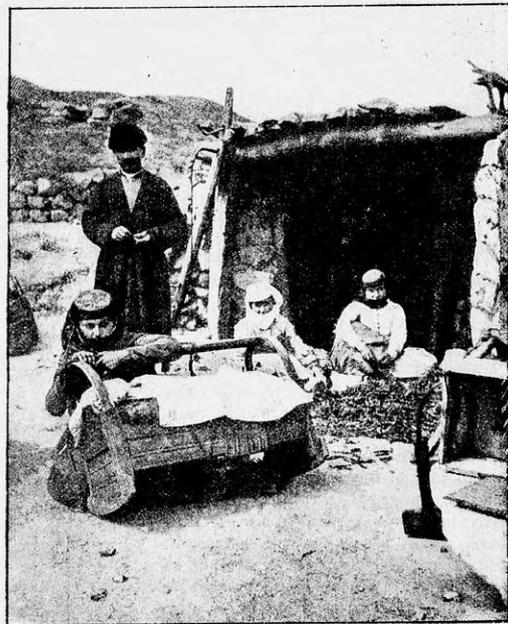

Рис. 278. Армянская семья.

Такъ какъ нефть легко портится на воздухѣ, особенно лѣтомъ, то было много хлопотъ для того, чтобы выстроить для нея поскорѣй какъ можно больше скрывать вмѣстителей. Во время нашего пребыванія шли у братьевъ Нобель постройки громаднаго каменнаго круглаго резервуара; онъ долженъ былъ вмѣщать не менѣе 6.000.000 пудовъ нефти.

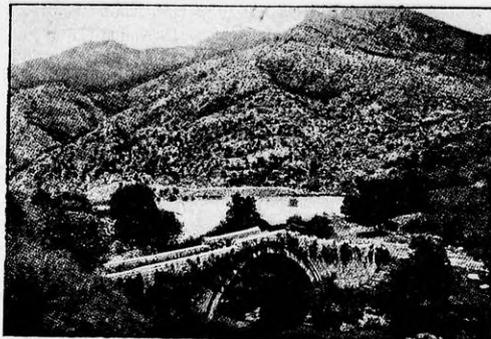

Рис. 279. Санаинский мостъ около Ахтала. (Въ началѣ моста высѣченная на камнѣ около 1000 лѣтъ назадъ армянская надпись).

Буравы скважины въ Сабунчи-Балаханахъ принадлежатъ цѣлому ряду фирмъ. Большинство владѣльцевъ — иностранцы; есть среди нефтепромышленниковъ армяне и татары. Самой главной фирмой является шведскій домъ бр. Нобель.

Рабочіе также представляютъ смѣсь всевозможныхъ народностей. Каждый желающій работать найдеть себѣ здѣсь хорошій заработокъ. Среди рабочихъ больше всего татаръ. Они приходятъ изъ соседнихъ деревень, гдѣ ихъ семейства занимаются скотоводствомъ и земледѣліемъ, между тѣмъ какъ глава дома и взрослые сыновья имѣютъ хорошій заработокъ въ нефтяномъ дѣлѣ (отъ 15 до 40 рублей въ мѣсяцъ). Татары здѣсь сльвуть за очень усердныхъ и понятливыхъ рабочихъ, на которыхъ можно вполне положиться.

Всѣ рабочіе имѣютъ здѣсь очень здоровый видъ, потому что нефтяная испарения, какъ они ни противны для насъ, скорѣе полезны, нежели вредны для здоровья; особенно полезны они для одержимыхъ грудными болѣзнями. Надо отдать справедливость нефтепромышленникамъ: они много заботятся о благосостояніи рабочихъ, которыхъ здѣсь насчитывается

до 5.000, и ихъ семействъ, ограничивая рабочее время умѣреннымъ количествомъ часовъ, устраивая здоровыя помѣщенія, больницы и школы.

Рано утромъ во вторникъ мы отправились на паровомъ трамваѣ въ „Черный городъ“, названный такъ по окутывающему его густому дыму, исходящему изъ многихъ сотенъ трубъ. Тысячи машинъ работаютъ здѣсь, повинувшись волѣ человека; достаточно легкаго прикосновения руки,

чтобы остановить машину или привести въ движеніе. Какъ — то жутко становится среди этого адскаго шума, грохота, треска и дыма. Здѣсь работаетъ не меньше 15.000 лошадиныхъ силъ. Нефть, которую мы видѣли вчера въ видѣ бившей изъ земли черной жидкости съ желтоватой пѣной, подвергается здѣсь еще цѣлому ряду сложныхъ процессовъ для того, чтобы получить изъ нея бен-

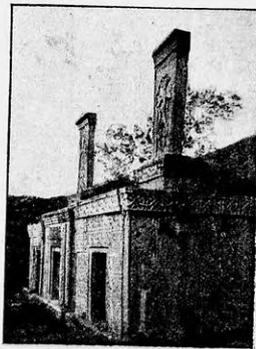

Рис. 280. Усыпальницы армянскихъ князей въ мон. Ахлатъ.

Рис. 281. Церковь Спасителя въ Ани. (1035 г.)

зинъ, керосинъ¹⁾, машинное масло, серную кислоту и прочіе продукты.

Нефть посредствомъ сильнаго давления проводится въ „Черный городъ“ изъ Балаханъ черезъ множество желѣзныхъ трубъ различнаго калибра. Посредствомъ многократнаго подогрѣванія свыше 300° въ замкнутомъ пространствѣ, смѣшанія съ водяными парами, охлажденія посредствомъ громадныхъ массъ воды, накачиваемой изъ моря, и различныхъ другихъ операций, получаются здѣсь цѣнные продукты, расходящіяся отсюда по всему свѣту. Различныя постройки братьевъ Нобель, служащія для этихъ цѣлей, образуютъ здѣсь цѣлый фабричный городъ, подробный осмотръ котораго займетъ не меньше недѣли.

Фирма бр. Нобель производитъ здѣсь ежедневно 50.000 пудовъ керосина и можетъ такимъ образомъ ежедневно отправлять три поѣзда изъ 30 вагоновъ — цистернъ, изъ которыхъ каждый

1) Изъ 3-хъ пудовъ нефти получается, въ среднемъ, помимо другихъ веществъ, около пуда керосина.

вмѣщаетъ около 600 пудовъ керосина. Здѣсь же, въ Черномъ городѣ, имѣются и приспособленія, чтобы наполнять цистерны на корабляхъ (одинъ Нобель имѣетъ 10 пароходовъ на Каспійскомъ морѣ и 12 пароходовъ ходятъ по Волгѣ). По Закаспійской желѣзной дорогѣ керосинъ идетъ въ Батумъ, а черезъ Каспійское море — въ Персію, Россію и Закавказье.

Послѣ обѣда мы на убранномъ флагамъ паровомъ баркасѣ проѣхали мимо Баку и Байлинскаго предгорья въ деревеньку Биби-гребатъ, гдѣ также высится больше дюжины буровыхъ башенъ. Эта маленькая деревенька представляетъ знаменитое мѣсто паломничества для шитовъ, такъ какъ, по преданіямъ, здѣсь погребены смертные останки трехъ сестеръ Магомета.

Мы остановились въ разстояніи около версты отъ берега. Чудное зрѣлище привлекло наше вниманіе. Море взнѣтся здѣсь подобно кипящей водѣ; изъ глубины его поднимаются кверху газы. Мы зажгли ихъ, — и сразу все море было охвачено пламенемъ, огненные языки лизали нашъ баркасъ. Однако недолго пришлось намъ любоваться этимъ поразительнымъ зрѣлищемъ: наверху въ Биби-

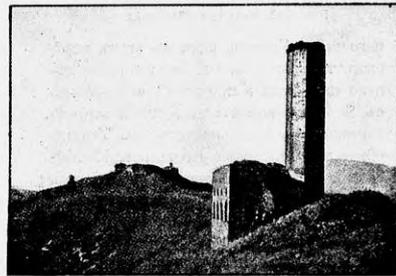

Рис. 282. Заніе судилища X. в. съ построеннымъ впоследствии мусульманскимъ минаретомъ.

гребать открылся нефтяной фонтан; стали бояться, чтобы пламя с моря не перекинуло на землю, и намь закричали, чтобы мы потушили огонь. Водой здѣсь

ничего не сдѣлаешь; только послѣ того, какъ мы быстро переѣхали два раза черезъ огонь на баркасъ, удалось потушить его.

Прикаспійскія степи.

(Изъ оц. Л. Добрынина и Ф. Бьлунина).

I.

На сѣверѣ отъ Каспійскаго моря, въ разстояніи 900 верстъ отъ Москвы, по прямой линіи, находится обширная равнина, на которой расположились Астраханская губернія и Уральская область.

Равнина эта занимаетъ громадную площадь—почти въ полмилліона квадратныхъ верстъ. Въ отдаленныя времена она, а также и сосѣднія земли къ сѣверу представляли изъ себя дно сплошного огром-

Рис. 283. Калмыцкая кибитка.

наго моря. Уровень воды въ этомъ морѣ былъ такъ высокъ, что оно заходило далеко на западъ и проливомъ соединилось съ Чернымъ моремъ; на востокѣ же оно сливалось съ Аральскимъ моремъ. Такимъ образомъ, нынѣшнее Аральское, Каспійское и Черное моря представляли одинъ громадный бассейнъ, который, однако, не находился въ соединеніи съ водами океана, такъ какъ на мѣстѣ нынѣшняго Константинопольскаго пролива—Босфора находился перешеекъ суши. Перешеекъ этотъ прорвало; вода хлынула изъ Чер-

наго моря, а также и изъ восточнаго Арало-Каспійскаго. Уровень воды здѣсь настолько понизился, что одно громадное море разбилось на три отдѣльныхъ. Бывшее же дно морское обнажилось на большомъ протяженіи, и такимъ образомъ появилась на свѣтъ Божій громадная равнина, т.-е. нынѣшняя Астраханская губернія, Уральская область, а также земли къ сѣверу отъ нихъ. Равнина эта носитъ название Арало-Каспійской низменности и представляетъ собою въ настоящее время безграничную степь, которую рѣки Волга и Уралъ раздѣляютъ на три части. На западѣ отъ Волги лежатъ Калмыцкая степь; на востокѣ до рѣки Урала—земли киргизовъ Букеевской орды, переходящія въ Уральской области въ земли уральскихъ казаковъ; на востокѣ отъ Урала протянулась громадная киргизская степь.

Вся эта обширная низменная равнина со всѣхъ сторонъ, какъ бы кольцомъ, окружена возвышенностями: на западѣ ее ограничиваютъ Ергени, на сѣверѣ—Общій Сыртъ, на востокѣ—горы Мугоджарекія и на югѣ—поскогорье Усть-Уртъ, круто обрывающееся Чинкомъ. Всѣ эти возвышенности имѣютъ своеобразную природу, иногда довольно богатую. Что же касается до самой степи, то природа ея очень бѣдна и однообразна. Лишь узкія полоски земли около большихъ рѣкъ—Волги и Урала, удобряемая ежегодно разливами рѣкъ, обладаютъ плодородной почвой. Вся же остальная степь имѣетъ или тонко слоистую солонцеватоглинистую почву со скупо разбросанной по ней растительностью, или представляетъ безжизненное море песковъ.

Климатъ края также далеко не благоприятствуетъ развитію растительности. Астраханская губернія и Уральская область лежатъ далеко отъ океана, и потому послѣдній не оказываетъ смягчающаго вліянія на ихъ климатъ. Вліяніе же Каспійскаго моря незначительно: оно замѣтно лишь въ прибрежныхъ частяхъ. Поэтому рѣзкие переходы температуры, лѣтнія жары, достигающія 40 градусовъ и сильнѣйшіе зимніе морозы, сухой воздухъ и недостатокъ дождей—въ прикаспійскихъ степяхъ повсемѣстны. Лѣто, напримѣръ, въ Астрахани такое же жаркое, какъ въ Закавказьѣ, зима почти такъ же сурова, какъ въ Петербургѣ.

Особенно страшна въ степяхъ долгая, суровая зима съ ея страшными бурями, приносящими часто громадные убытки мѣстнымъ кочевникамъ—скотоводамъ. Но особенно страдаетъ скотъ отъ гололеда. Наступающіе послѣ оттепели сильныя морозы покрываютъ землю слоемъ льда, вслѣдствіе чего скотъ, пасущійся обыкновенно весь годъ на подножномъ корму, не можетъ себѣ добыть пищи изъ-подъ снѣга и часто гибнетъ массами отъ истощенія.

Рис. 284. Духовная процессія калмыковъ.

Рис. 285. Ламы.

Недостатокъ влаги—главный бичъ степи. Засухи часто истребляютъ посѣвы и на сравнительно плодородной почвѣ возвышенностей, а въ степи и совсѣмъ не позволяютъ заниматься земледѣліемъ.

Большинство протекающихъ по солончаковой степи рѣкъ настолько напитываются солью, что вода въ нихъ становится горько-соленой и совершенно негодной для питья. Озеръ по степи разбросано довольно много, но почти всѣ они остатки прежняго великаго моря съ горько-соленой водой.

Къ озерамъ съ довольно прѣсной водой относятся Камышь-Самарекія озера, за-

мѣчательный тѣмъ, что они лежатъ на 9 сажень ниже уровня Каспія. Это цѣлый рядъ озеръ, соединяющихся прото-

Рис. 286. Главный лама калмыцкаго народа.

ками, болотами и заводьями. Тянутся они верстъ на 30. Въ нихъ водится не мало рыбы, и здѣсь издавна производится рыболовство, извѣстное подъ именемъ Узенскаго.

Самое большое озеро Уральской области—озеро Черхаль, лежащее въ 60 верстахъ отъ города Уральска. Озеро это имѣетъ до 60 верстъ въ окружности, довольно глубоко и изобилуетъ рыбой.

Но озеръ съ прѣсной водой въ степи несравненно меньше, чѣмъ озеръ соляныхъ. Нѣкоторыя изъ такихъ соляныхъ озеръ, въ которыхъ воды-то, собственно, почти нѣтъ, а на днѣ которыхъ лежитъ громадными массами соль, представляютъ богатые источники соли. Кромѣ соли, откладывающейся отъ испаренія соленой воды, въ степи находятся богатѣйшія залежи такъ называемой каменной соли. Эта каменная соль также обязана морю своимъ происхожденіемъ, но только отложилась она гораздо раньше, чѣмъ успѣли образоваться нынѣшнія озера. Нерѣдко пласты такой каменной соли покрыты сверху чрезвычайно толстыми наслоениями глины, гипса, известняка и проч.,

и потому всѣ эти слои вмѣстѣ представляются тогда уже цѣлой горой (такова, напримѣръ, гора Богдо). Всѣхъ соляныхъ озеръ въ Уральской области и Астраханской губерніи насчитываютъ нѣсколько тысячъ. Между ними наиболѣе славятся озеро Баскунчакъ и Эльтонъ, въ Астраханской губерніи, и озеро Индерское, въ Уральской области.

Баскунчакское озеро (рис. 287) расположено въ срединѣ Астраханской губерніи, въ 50 верстахъ отъ лѣваго берега Волги. Разъ вы путешествуете по Волгѣ, то уже непремѣнно слѣдуетъ завернуть посмотрѣть на Баскунчакское озеро и соляные промыслы. Это небольшое путешествие въ сторону отъ Волги очень нетрудно продѣлать, такъ какъ отъ ближайшаго къ озеру пункта, большого селенія Владимировки, проведена Баскунчакская желѣзная дорога (всего на протяженіи 62 верстъ со всѣми изгибами вокругъ озера). Дорога эта построена съ единственною цѣлью подвозить къ Волгѣ баскунчакскую соль, которую раньше доставляли подводами на лошадяхъ и верблюдахъ. Дорога идетъ по безконечной, совершенно безжизненной, гладкой равнинѣ, и вдругъ взорамъ вашимъ представляется картина зимняго ландшафта: громадная поверхность озера кажется покрытой льдомъ, а берега—ослѣбляющимъ глаза бѣлымъ снѣгомъ. Сходство поразитель-

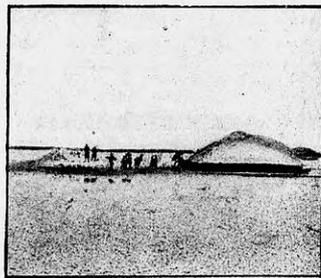

Рис. 287. Баскунчакское озеро.

нов. Однако, палачіе анойные лучи не позволяютъ вамъ долго ошибаться, и въ уже отлично чувствуете, что передъ вами соль, соль и соль... Дно озера, площадь котораго равняется 150 квадратнымъ верстамъ (17 верстъ въ длину и 9 въ ширину), покрыто сплошнымъ, чрезвычайно толстымъ слоемъ соли. Поверхъ соляного слоя—слой воды, не больше четверти аршина, чрезвычайно насыщенный солью. Вода эта называется „рапой“. Подъ конецъ сухого, знойнаго лѣта этотъ слой воды, поднимающійся весной до 8 вершковъ, испаряется почти совершенно, и поверхность дна остается покрытой сверху тонкимъ слоемъ соли въ 1—2 вершка, осѣвшей изъ рапы. Но эта соль осѣла изъ грязи, и поэтому ея не берутъ. Непосредственно подъ этимъ тонкимъ слоемъ лежитъ плотный, сѣроватый, такъ называемый чугунный или свинцовый, толщиной отъ 4 до 34 вершковъ. Затѣмъ ужъ идетъ самый цѣнный слой крупно-зернистой соли, такъ называемой гранатки, которая, главнымъ образомъ, и разрабатывается. Для удаленія сверху слоя чугунной соли приходитея прибѣгать къ динамиту. Гранатка же

Рис. 288. Жена зайсанга.

Рис. 289. Хуруль (калмыцкій монастырь)

разрухляется, вычерпывается и нерѣдко смѣшивается съ чугуною солью. Соль выволакиваютъ къ берегу, гдѣ складываютъ ее въ громадныя кучи. Рабочіе прямо ходятъ по дну, держась, однако, другъ за дружку на случай, если бы пришлось попасть въ трещину или въ старую яму. Рапа чрезвычайно ѣдка, разѣдающе дѣйствуетъ на руки и, главнымъ образомъ, на ноги несчастныхъ рабочихъ, нерѣдко причиняя имъ долго не заживающія язвы. А между тѣмъ трудъ рабочихъ оплачивается низко, и положеніе ихъ незавидно.

Въ 1898 году на Баскунчакскомъ озерѣ всѣхъ рабочихъ было 1755 человѣкъ. Ряды этихъ соледобывателей пополняются почти исключительно мѣстными киргизами, калмыками и татарами. Русскихъ рабочихъ почти нѣтъ совсѣмъ. Всѣ соляныя озера, въ томъ числѣ, значитъ, и Баскунчакское, находятся въ вѣдѣніи Министерства Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ, которое и сдаетъ ихъ въ аренду отдѣльными участками и

береть по копейкѣ съ пуда добываемой соли. Въ 1898 году въ арендѣ было 88 участковъ Баскунчакскаго озера (и 57 участковъ другихъ соляныхъ озеръ), за что казной было получено свыше 180.000 рублей.

Рис. 290. Внутренность хурула.

Баскунчакское озеро является однимъ изъ богатѣйшихъ въ мѣрѣ соляныхъ озеръ: въ верхнемъ разрабатываемомъ пласту вырабатываютъ до 45 миллиардовъ пудовъ соли. Одно этого пласта хватило бы почти на 100 лѣтъ для снабженія солью всего человѣчества. А между

тѣмъ этимъ слоемъ запасы озера далеко не ограничиваются. Исслѣдованія посредствомъ буровыхъ скважинъ показали, что на болѣе значительной глубинѣ находятся еще нѣсколько громаднѣйшихъ слоевъ.

Особенно значительной выработка соли стала съ проведеніемъ въ 1882 году желѣзной дороги, и въ 1898 году, напр., изъ Баскунчака было добыто около 13½ миллионѣ пудовъ соли, приблизительно 1/5 всей добываемой въ Россіи.

Еще большими запасами соли, чѣмъ Баскунчакское, обладаетъ Эльтонское озеро, лежащее въ 140 верстахъ отъ Волги. Площадь его на 60 кв. верстъ больше Баскунчакскаго, а дно сплошь заложено солью на неизслѣдованную еще до сихъ поръ глубину. Разработка соли здѣсь началась уже болѣе 150 лѣтъ тому назадъ, и за это время добыто изъ озера свыше 600 миллионѣ пудовъ соли. Но это буквально капля по сравненію съ неисчислимыми запасами Эльтона. Отсут-

ствіе дешеваго провоза дѣлаетъ очень труднымъ соперничество съ Баскунчакомъ, въ которомъ, надо добавить, и соль немного лучшаго качества.

Озеро Индерское лежитъ въ 9 отъ рѣки Урала, недалеко отъ заштатнаго города Калмыкова. Оно немного по-

меньше Баскунчака (11 верстъ въ длину и 8½ въ ширину), отличается очень чистою солью хорошаго качества, которая и здѣсь заложена въ необъятныхъ запасахъ. Эту соль пользуются казаки для посола вылавливаемой ими въ Уралѣ рыбы.

Въ одной Астраханской губерніи ежегодно добывается болѣе 16 миллионѣ пудовъ соли, изъ которыхъ 10 слишкомъ миллионѣ вывозится за предѣлы губерніи.

II.

Какъ казаки¹⁾, такъ и пришлое великорусское населеніе въ Астраханской губерніи мало занимается земледѣліемъ, — природа края не способствуетъ хлѣбопашеству. Лишь малороссы, поселившіеся

на Ергеняхъ, да казаки на болѣе плодородныхъ мѣстахъ на берегу Волги воздѣлываютъ землю, но, въ общемъ, всего собираемаго въ Астраханской губерніи хлѣба не хватаетъ даже для прокормленія населенія губерніи: жителей ея приходится покупать хлѣбъ, привозимый изъ сосѣднихъ губерній²⁾.

Скотоводство, кромѣ кочевниковъ, развито у казаковъ и малороссовъ. Вообще, по количеству скота на душу населенія Астраханская губернія стоитъ довольно высоко. (На 100 чело-вѣкъ населенія приходится 97 шт. рогатаго скота, 306 овецъ и 33 лошади). Но скотоводствомъ преимущественно занимаются кочевники.

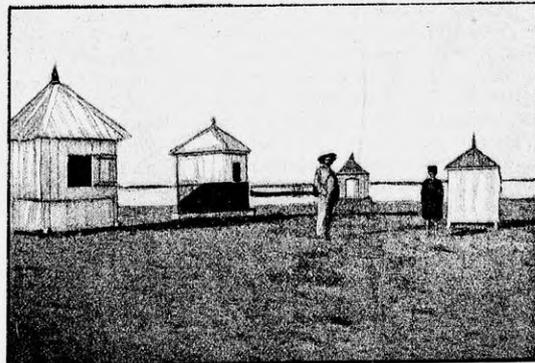

Рис. 291. Могилы знатныхъ калмыковъ.

Рис. 292. Маски ламскихъ божествъ при мистическихъ буддйскихъ богослуженіяхъ.

¹⁾ Въ настоящее время въ собственности казаковъ находится болѣе 700 тысячъ десятинъ земли, на которой въ 42 поселкахъ живетъ болѣе 25 тысячъ лицъ, принадлежащихъ къ казачьему сословию.

²⁾ Всего въ Астраханской губерніи собирается ежегодно до 4 миллионѣ пудовъ хлѣба, а ввозится болѣе 8 миллионѣ.

Главное же занятие казаков и великоруссов, здѣсь проживающих, это — рыболовство. Помимо огромнаго богатства рыбой Каспійскаго моря и нижней Волги, развитію рыболовнаго промысла сильно содѣйствовало и то, что посоль вълавливаемой рыбы обходится очень дешево. Соль, разбросанная въ неисчерпаемых богатствахъ по всему краю, очень легко доставляется къ берегу великой рѣки и стоитъ совсѣмъ дешево. Всѣ благоприятствующія рыболовству условія привлекли сюда много народа со всѣхъ концовъ Россіи и заселили большую стѣю рыбацкихъ поселковъ прежде пустынный берега нижней Волги.

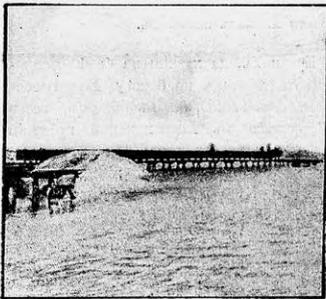

Рис. 293. Перевозка соли.

Рыбу ловятъ и выше Астраханской губерніи по Волгѣ, но тамъ рыболовство не составляетъ сколько-нибудь значительнаго промысла. Съ каждымъ годомъ количество рыбы, поднимающейся высоко къ верховьямъ Волги и ея притоковъ, все уменьшается. Въ былыя времена дѣло обстоило иначе, и вся Волга была очень рыбной рѣкой. Такъ, когда-то, напримеръ, въ Рыбинскѣ въ изобиліи попадались осетры, бѣлорыбцы и другія цѣнные рыбы, доставлявшіяся къ царскому двору въ Москву. Теперь отъ этого сохранились лишь воспоминанія да преданіе о томъ, что городъ Рыбинскъ потому и

получилъ свое наименованіе, что славился богатыми уловами рыбы. Въ наше время большое промышленное значеніе имѣетъ лишь рыболовство въ низовьяхъ Волги.

Съ громаднымъ количествомъ воды, особенно весной, Волга несетъ массу ила. Этотъ илъ послѣ спада воды осѣдаетъ по низменнымъ берегамъ рѣки, по дну и краямъ многочисленныхъ затоновъ, проливовъ, — «ериковъ», ильменей и служитъ прекрасной пищей для мошары, комаровъ, разнаго рода жучковъ и прочей мелкой твари. Обиліе пищи создаетъ неисчислимыя мѣриды этихъ мелкихъ живыхъ существъ, а они и особенно ихъ личинки, въ свою очередь, являются лакомымъ блюдомъ для молодежи разныхъ породъ рыбъ. Рыбѣ нравится также и то, что воды Волги, благодаря незначительному уклону къ морю, текутъ медленно: легко и привольно двигаются вверхъ по теченію. Обиліе рукавовъ, затоновъ, ильменей увеличиваетъ просторъ и приволье для метанія икры. Все это является большой приманкой для рыбы, и она чуть ли не изъ всего Каспія стремится къ устьямъ могучей рѣки. Здѣсь-то у самаго выхода въ рѣку и сосредоточены главные промыслы низоваго рыболовства.

Еще въ морѣ неисчислимыя количества рыбы собираются значительными массами, «косяками», и двигаются по направленію къ дельтѣ рѣки. Въ концѣ марта и началѣ апрѣля изъ моря пробіраются громаднѣйшіе косяки воблы. Нерѣдко эти косяки положительно запружаютъ отдѣльные рукава дельты. Воблу обыкновенно преслѣдуетъ бѣлуга; прошла эта рыба, и вскорѣ двигается вверхъ щука, лещъ, а затѣмъ и судакъ. Въ среднихъ числахъ апрѣля двигаются огромные косяки «бѣшенки» — астраханской селедки.

Къ концу апрѣля посѣвываютъ отряды севрюги, сома, стерляди и, наконецъ, осетра, которымъ и заканчивается весеннее шествіе рыбы. Позднею осенью двигается бѣлорыбца и минога. У каждой

породы рыбъ существуютъ свои правила, которыхъ она придерживается во время шествія вверхъ по Волгѣ. Такъ, сельдь идетъ поверхъ воды и днемъ, осетръ держится дна и совершаетъ свой путь и днемъ и ночью, вобла идетъ только подъ прикрытіемъ ночи. Къ сожалѣнію, въ послѣднее время рыбѣ уже трудно подняться по Волгѣ вверхъ на сколько-нибудь значительное разстояніе: почти обязательно она должна попасть въ руки рыболововъ, которыхъ цѣлыя арміи (до 120 тысячъ человекъ) сосредоточены у самаго входа изъ моря въ Волгу.

Всѣхъ промысловыхъ рыболовныхъ участковъ въ устьѣ, дельтѣ Волги и взморьѣ насчитывается до 150. Большая часть принадлежитъ казгѣ, которая и сдаетъ ихъ въ аренду съ торговъ. Затѣмъ есть собственные воды Астраханскаго казачьяго войска, главнаго управленія калмыцкимъ народомъ, монастырскія и разныхъ частныхъ владѣльцевъ. Недалеко отъ мѣста лова находятся такъ называемые промыслы и ваганы. На нихъ уловленная добыча подвергается обработкѣ и затѣмъ хранится нѣкоторое время. Необходимую принадлежность каждаго промысла составляетъ такъ называемый «выходъ» — ледникъ для сохраненія рыбы, затѣмъ «плоть» — поможсть. Сюда принимается подвозимая къ промыслу рыба, и отсюда грузятся на баржи приготавливаемые на промыслахъ рыбные товары.

На промыслахъ для красной рыбы нерѣдко около плота помѣщается отдѣльное икріаное отдѣленіе и «визжныя па-

латки», гдѣ выѣшивается визига и сушится клей. Для склада разныхъ припасовъ и для хранения орудій лова и рыболовныхъ принадлежностей имѣется амбаръ. Тутъ же вблизи помѣщаются для служащихъ казармы, кашеварни, хлѣбопекарни, иногда бани и лишь изрѣдка бываетъ аптечка съ небольшою больницей.

Съ конца февраля всегда на промыслахъ начинается царить большое оживленіе. Начинаетъ масса промышленниковъ, еще

Рис. 294. Сыпка соли.

больше рабочихъ. Ряды послѣднихъ наполовину состоятъ изъ астраханскихъ калмыковъ и киргизовъ. Первые считаются самыми лучшими и выносливыми неводными рабочими. А работа эта чрезвычайно трудна. Она требуетъ большихъ физическихъ силъ и выносливости. Нерѣдко такому рабочему приходится въ теченіе 7—9 часовъ находиться по груди въ водѣ. Помѣщенія для рабочихъ рѣдко когда бываютъ хоть сколько-нибудь сносными.

Обыкновенно же имъ приходится жить въ камышевыхъ шалашахъ, землянкахъ, изрѣдка въ круглыхъ войлочныхъ палаткахъ, такъ называемыхъ кибиткахъ, а иногда и подъ открытымъ небомъ. Слабому человѣку, конечно, не выдерживать такихъ тяжелыхъ условий, но сильно

распространенная там болотная лихорадка не падать и здоровяковъ. За „путину“, т. е. одинъ періодъ лова, напримеръ, весенній, неводные рабочіе получаютъ 20—30 руб. при готовомъ содержаніи. Даютъ 3 фунта ржаного хлѣба въ день, мелкой рыбы — вольдо, понитно; полагаются кирпичный чай, а иногда пшено и пшеничная мука.

Для той рыбы, которой какъ-нибудь удалось проскользнуть мимо рукъ рыболововъ, ужь не найти въ наши времена въ Волгѣ тѣхъ чистыхъ водъ, того принолья, какое было раньше. Волга теперь сильно загрязнена, особенно нефтью, мазутомъ, керосинномъ. Ежегодно миллионы пудовъ этихъ ядовитыхъ продуктовъ попадаютъ въ воду. Рыба отравляется, гибнутъ безчисленныя міриады выметанныхъ рыбьихъ икрынокъ и еще больше личинокъ разныхъ насѣкомыхъ, которые могли бы служить пищей для подрастающихъ мальковъ.

Дальше хищничество невѣжественныхъ рыболововъ доходитъ до того, что своими мелочайшими сѣтями они вылавливаютъ не только мелкихъ рыбъ, но и мальковъ. Нерѣдко случается, что такая мелкая рыба при обильныхъ уловахъ остается неиспользованной и ее выбрасываютъ на берегъ. Землей несчастныхъ маленькихъ жертвъ обыкновенно и не успѣютъ прикрыть какъ слѣдуетъ. Эти иной разъ громадныя рыбы кладбища служатъ источникомъ всякой заразы и долго даютъ себя чувствовать страшнымъ зловоніемъ.

На мѣстѣ рыбы можетъ потребляться, конечно, немного, и вся она почти цѣлкомъ направляется къ Царицину, а оттуда или дальше по Волгѣ, или уже по желѣзной дорогѣ. Черезъ Царицынъ ежегодно проходитъ около 12 миллион. пудовъ разной рыбы и рыбныхъ товаровъ на сумму около 25 милл. рубл. Въ послѣднее время усилился вывозъ за границу нѣкоторыхъ рыбныхъ продуктовъ, особенно цѣнной икры.

Помимо рыбныхъ промысловъ въ Астраханскомъ краю, точнѣе уже на островахъ и берегахъ Каспійскаго моря, существуютъ еще тюленьи промыслы. Въ послѣдніе годы они приходятъ въ упадокъ, такъ какъ главный продуктъ—добываемый изъ тюленя жиръ—потерялъ свою прежнюю цѣнность.

Жители низовья Волги занимаются и охотой, какъ промысломъ. Главная охота въ Астраханской губерніи по лѣвому берегу Волги. Весною послѣ спада водъ по берегамъ озера осѣдаютъ безчисленныя массы утокъ, куликовъ, караваевъ. Но только съ сентября дичь жирна и заманчива. Этимъ промысломъ занимается болѣе тысячи человекъ.

III.

На западѣ отъ рѣки Урала до самой границы Уральской области съ Астраханской губ. неширокой полосой протянулись такъ называемая „Земля Уральского казачьяго войска“. Влѣво отъ нихъ лежатъ земли киргизской Букеевской орды, а вправо раскинулась обширная киргизская степь. Такимъ образомъ между обширными киргизскими степями лежитъ сравнительно небольшая полоска земли, заселенная русскою народностью—казаками. Казаки, конечно, не коренное население въ этихъ степяхъ, на самой границѣ Европы и Азии, гдѣ раньше лишь бродили кочевники.

Вѣсь реформы, произведенныя правительствомъ, сильно измѣнили прежнее „вольное“ положеніе казаковъ, но пока еще все-таки не уравнили положеніе ихъ съ остальнымъ населеніемъ имперіи. Много старинныхъ обычаевъ сохранилось, и строй ихъ носить и теперь очень своеобразный характеръ.

Нужно еще замѣтить, что хотя съ 1868 года Уральское войско и вошло въ составъ Уральской области, другую часть которой составляетъ Киргизская степь по ту сторону Урала, но въ отношеніи управления оно представляетъ все-таки одно

совершенно самостоятельное цѣлое, связанное съ остальнымъ населеніемъ области чисто-механически и не имѣющее съ нимъ, кромѣ общей полиціи и суда, ничего общаго.

На упорный характеръ отстаиванія казаками своихъ старыхъ обычаевъ оказало сильное вліяніе то, что громадная часть уральскихъ казаковъ (рис. 295) — старообрядцы. Изъ исторіи мы знаемъ какъ крѣпко держатся раскольники своихъ обычаевъ. Всѣ восточныя границы Европейской Россіи усѣяны старообрядческимъ населеніемъ. Сюда удалились раскольники, когда ихъ тѣснили въ центрѣ имперіи. Много раскольниковъ уходило и къ янцкимъ казакамъ, да и сами основатели общины казаковъ, должно-бытъ, были старообрядцы.

Поэтому неудивительно, что изъ 100 съ небольшимъ тысячъ уральскихъ казаковъ больше половины—старообрядцы; нѣсколько помельше единовѣрцевъ; 5 тысячъ татаръ-мусульманъ и только тысяча съ небольшимъ православныхъ.

Населеніе невойсковое, т. е. принадлежавшее сравнительно въ недавнее время, наоборотъ, насчитываетъ больше всего православныхъ,—тысячъ 20 съ лишнимъ.

Поселившись на р. Уралѣ, казаки сразу обратили вниманіе на ея рыбныя богатства. При колоссальномъ избыткѣ рыбы въ Уралѣ рыболовство представлялось для нихъ дѣломъ очень выгоднымъ, и казаки тотчасъ же имъ занялись. Съ самаго заселенія казаками Яика рыболовство, все разрастаясь и развиваясь, продолжаетъ служить казакамъ и въ настоящее время однимъ изъ самыхъ доходныхъ промысловъ. Всѣ постѣившіе Уралъ вдумаясь увидятъ удивительно цѣлесообразнымъ и справедливымъ порядкамъ, которые выработали казаки для производства рыбной ловли.

Чувство справедливости было очень сильнымъ среди основателей уральской общины, и они постарались устроить рыболовство такъ, чтобы каждому было

одинаково удобно имъ заниматься. Раздѣлить рѣку на отдѣльные участки и раздать ихъ было бы очень несправедливо. Вѣдь рыба всегда весной идетъ изъ моря вверхъ по рѣкѣ, и владѣльцамъ низовыхъ участковъ было бы очень выгодно ее всю перехватывать, не допуская въ верховья рѣки. Поэтому общинники рѣшили оставить всю рѣку въ общемъ владѣніи. Были также выработаны пра-

Рис. 295. Уральскіе казаки.

вила рыболовства, которымъ всѣ рыбаки должны были неуклонно слѣдовать.

Эти правила, въ прежнее время хорошо извѣстныя каждому общиннику, не записывались. Но съ учрежденіемъ войсковой канцеляріи всѣ хозяйственныя дѣла ею вѣдались, и ею же начала издаваться ежегодныя постановленія о порядкѣ производства того или иного рыболовства. Но эти постановленія представляли простую передачу прежнихъ обычаевъ, которые, по желанію рыболововъ, иногда нѣсколько измѣнялись; главныя же основанія всѣхъ порядковъ на

рыболовствах остались почти безъ измѣненій и до сего времени.

Рыболовные порядки клонятся къ двумъ цѣлямъ: во-первыхъ, чтобы выловить рыбу съ наименьшею затратой труда и времени, во-вторыхъ, поставить всѣхъ участниковъ рыболовства въ возможно одинаковыя условія, чтобы шансы на успѣхъ были одни и тѣ же. А для этого всѣмъ назначается одно и то же строго опредѣленное время и мѣсто для рыболовства, однообразныя орудія лова, запрещается передавать свое право на участіе въ рыболовствѣ и т. д.

И этими мѣрами, дѣйствительно, достигалась рѣдкая равноправность членовъ общины и очень равномерное распределение между ними рыбнаго улова.

По мѣсту производства всѣ уральскія рыболовства можно раздѣлить на *морскія* и *рѣчныя*, а по времени года, въ которое они производятся,—на *весеннія*, *осеннія* и *зимнія*. Къ рѣчнымъ относятся: северюжья плавня, или плавня весенняя, попросту называемая „северюга“; осенняя плавня („плавня“), багреное („зимнее“) и зимнее неводное гурьевское („зимнее невода“).

Устройство рыболовства на началахъ общинныхъ сильно повліяло на то, что и земля казаки не раздѣлили. Уралъ съ прилегающими къ нему землями находился въ общей собственности казаковъ. Не раздѣливъ его и прибрежную полосу земли, они не раздѣлили и остальную землю. Во-первыхъ, земли этой было очень много, а во-вторыхъ, занятые рыболовствомъ, казаки сначала совсѣмъ не занимались земледѣліемъ. Такъ и случилось, что вся земля уральскихъ казаковъ осталась въ ихъ общемъ пользованіи какъ прежде, такъ и теперь; и въ настоящее время мы видимъ у нихъ громаднѣйшую, пожалуй, самую большую въ мірѣ земельную общину, пространствомъ простирающуюся на многія сотни верстъ. Такъ какъ земля общая для всѣхъ казаковъ, то каждый изъ нихъ можетъ отправиться въ любое ея мѣсто

и заняться тамъ земледѣліемъ или косить сѣно.

По теперешнимъ правиламъ количество земли, которое можно распахать каждому, опредѣляется такъ. Каждый казакъ можетъ производить распашку съ 1 юня по 1 июля только однимъ плугомъ, при чемъ можетъ распахать безплатно до 20 десятинъ земли.

Офицеры и чиновники имѣютъ право на распашку отъ 50—75 десятинъ, генералы — по 100 десятинъ. Передавать свое право на распашку другимъ лицамъ строго воспрещается. За распашку сверхъ установленной нормы положено взымать по 3 р. съ десятины въ пользу войскового капитала, при чемъ свыше 350 десятинъ отдѣльное семейство не можетъ распахать и за плату.

Главный хлѣбъ, засѣваемый въ Уральскомъ войскѣ—это пшеница высшихъ сортовъ, такъ называемая „бѣлоторка“, „кубанка“. Чѣмъ земля свѣжѣе, дѣвственнѣе, тѣмъ лучше и чище родится этотъ сортъ пшеницы; при истощеніи же земля кубанка перерождается въ такъ называемую „россейку“, т. е. обыкновенную русскую пшеницу.

Уборка хлѣба—жнитво—производится въ Уральской области въ значительной степени пришлыми рабочими. Приблизительно ежегодно требуется для уборки хлѣбовъ отъ 20—30 тысячъ пришлыхъ рабочихъ. Рабочіе необходимы не только для крупныхъ хозяйствъ, но даже простые казаки рѣдко сами убираютъ хлѣбъ, а нанимаютъ работниковъ. Эти послѣдніе стенокуютъ со всѣхъ концовъ; здѣсь вы можете встрѣтить крестьянъ изъ губерній Самарской, Симбирской, Саратовской, Казанской, Нижегородской, даже изъ малороссійскихъ и центральныхъ губерній. Кромѣ того, въ послѣднее время среди рабочихъ встрѣчаются киргизы, которые иной разъ понижая цѣны на полевая работы. Несмотря на большой наплывъ рабочихъ, заработная плата, особенно на жнитво, здѣсь держится до-

вольно высока, именно около 1 р. 30 к.—1 р. 50 к. на хозяйскихъ харчахъ за одинъ день, а жнитво продолжается не менѣе 5—6 недѣль.

По всѣмъ вѣроятностямъ, недалеко то время, когда потребность въ рабочихъ рукахъ значительно уменьшится. Уже теперь на ряду съ молотилками сюда проникли жатвенныя машины. Недовѣрие, вызванное казаками вначалѣ, пропало послѣ того, какъ они увидѣли, что машина убираетъ хлѣбъ значительно скорѣе, очень чисто и за цѣну болѣе дешевую. Несмотря на довольно неблагопріятныя условія, хлѣбопашество въ Уральской области растетъ съ каждымъ годомъ. Уже теперь имъ занимается половина всѣхъ казаковъ и на немъ основывается, главнымъ образомъ, свое существованіе. Въ настоящее время засѣвается казаками до 200.000 десятинъ, съ которыхъ собирается больше 7.000.000 пудовъ хлѣба.

Кромѣ хлѣба, засѣваются также бахчи дынями и арбузами, а въ нѣкоторыхъ станицахъ, въ особенности близъ Гурьева и Уральска, казаки въ широкихъ размѣрахъ занимаются огородничествомъ.

Разъ вся земля общая, то можно, конечно, не только ее воздѣлывать, но и въ любомъ мѣстѣ косить траву. Но для того, чтобы дать возможность каждому пользоваться лугами на равныхъ началахъ, установлены правила сѣнокося. Вѣдь сѣно очень важно казанкамъ, держащимъ много скота, и обработка его очень не сложна.

Правила сѣнокося очень похожи на рыболовныя, хотя порядки здѣсь бываютъ меньше.

Больше и хороше сѣнокося, расположенные по долинамъ рѣкъ, даютъ много сѣна. Кромѣ того, почти вся средняя и южная части войсковыхъ земель представляють собой обширнѣйшія пастбища, которыя позволяютъ прокармливать громаднаго стада, принадлежащаго казанкамъ, и даже

допускать въ свои владѣнія на тебеневку за явѣстную плату (анцизы) скотъ киргизскій.

Благодаря изобилію пастбищъ, скотоводство въ войскѣ уже давно достигло сильнаго развитія, такъ что гораздо рѣнѣе, чѣмъ относительно пахотной земли, пользование пастбищами было ограничено, и была установлена норма количества разнаго скота, которое каждый членъ Уральской общины имѣлъ право пасти на войсковой землѣ безплатно.

Несмотря на плохіе пути сообщенія, соединяющіе войсковыя селенія съ остальными торговыми и промышленными міромъ, торговля въ Уральскомъ войскѣ издавна получила большое развитіе. Это объясняется, во-первыхъ, положеніемъ земли уральскихъ казаковъ на границѣ съ азіатской ордой, доставляющей значительное количество сырья, во-вторыхъ, преобладающими промыслами казанковъ. Прежде, когда казакъ получалъ средства къ существованію отъ одного рыболовства и отчасти отъ скотоводства, у него, кромѣ скота и рыбы, было все покупное и привозное—все отъ рубахи до послѣдней крохи хлѣба, отъ будары до пряжи на неводѣ. Въ послѣднее время измѣненіе произошло лишь въ томъ, что хлѣбъ у громаднаго большинства казанковъ явился мѣстной и по большей части непокупной. Въ остальныхъ же своихъ нуждахъ казакъ и теперь обращается за всѣмъ на базаръ: все покупное, какъ и прежде.

Главные предметы вывоза изъ войсковыхъ земель—это рыба и ея продукты, скотъ, кожи, сало, шерсть, козій пухъ, пшеница. Ввозятъ, главнымъ образомъ, мануфактурные, галантерейные и бакалейные товары.

Сумма торговыхъ оборотовъ за годъ доходитъ теперь до 20 милліоновъ рублей, и торговля значительно оживилась съ проведеніемъ Уральской желѣзной дороги.

Киргизы.

(Из очер. Э. С. Вульфсона.)

Киргизы — народ кочевой. На всем пространстве необозримой степи, от Волги и до Китая, тинется он со своими стадами. Все богатство и благополучие киргиза заключается в его стадах: скот кормит его, одъвывает, доставляет материал для жилища и служит для

Рис. 295. Старая киргизка.

торговли. Поэтому понятно, что киргиз должен прежде всего позаботиться о прокормлении своего скота, и вот почему он часто переселяется с одного места на другое, т.-е. перекочевывает. Далекая перекочевка киргизы совершают обыкновенно весной и осенью, когда

степи покрываются зеленою травою; летом же, когда от зноя трава выгорает, они держатся одного какого-нибудь места, где много травы и воды. Но лишь только наступает осень, степь опять покрывается зеленым ковром, и снова начинается перекочевка, теперь уже в обратную сторону, к своим зимовкам. Перекочевки эти — самая веселая пора в жизни киргизов. Зимой киргизы живут на одном каком-либо месте, где от холода и стужи укрываются в глиняных землянках, а более зажиточные проживают в деревянных избах. Из года в год, с первыми заморозками, аул с кочевки возвращается в свои прежние зимовки; он устраивается обыкновенно в таких местах, где нет недостатка в воде и корме для скота, так как и зимой весь киргизский скот питается подножным кормом.

Из домашних животных киргиз больше всего разводит барана, потом лошадей и верблюдов. Рогатый скот меньше разводится в степи, а коз киргизы разводят, главным образом, для пуха и вь вожак для овечьих стад. Земледелием киргизы занимаются мало, хотя за последнее время заметно, что с каждым годом принимают за него все больше. Главным образом, занимаются хлебопашеством те киргизы, которые почему-нибудь совсем лишились скота, а поэтому бросили кочевую жизнь и осели где-нибудь на одном месте; есть также и такие места, как, напри-

мер, Ташкентский уезд (в Сыр-Дарьинской области), где до 80 тысяч киргизов уже совсем осели на землю и бросили кочевую жизнь. Знатные и богатые люди занимаются хлебопашеством как выгодным промыслом: они за хорошую цену сбывают свой хлеб в степи своим же, но сами все-таки кочевой жизни не бросают. Сбывают киргизы пшеницу, просо и овес. Пашут самым незамысловатым орудием — деревянной рогулей, похожей на соху, которая у киргизов называется «деревянный зуб».

Кроме главного промысла — скотоводства, и споря с нему — земледелия, киргизы местами занимаются рыболовством, извозом на верблюдах, изготовлением войлоков (кошмы), ломкой самосадочной соли, а также охотой на диких зверей: медведей, кабанов, волков, лисиц и прочее.

Выше мы уже говорили, что все богатство и вся сила киргиза в его скоте. К сожалению, приходится сказать, что год от году степь беднеет, и в настоящее время есть такие волости, где до половины кибиток не имеют уже вовсе скота; хозяева, прежде сь хорошим достатком, теперь превратились в нищих и уходят из степи к русским наниматься в работники, на рыбные промыслы, соляные и так далее. Было время, когда, как говорится, степь ломилась от скота, но частые набеги, бураны, суровые зимы, гололедица подрывают достаток киргиза. Лет 40 — 50 тому назад появилась в степи чума на скоте и до сих пор не оставляет степь; но киргизы, по необразованности своей, не борются с ней, а так привыкли, что уж наперед расчитывают

только на четвертого теленка. А тут еще чума помогает безкормица. Так, например, русские по долине реки Иртыша вырубили леса, а поэтому стало меньше дождей, а стало — быть, и травы стали хуже. Каждый год по зимам начинает валиться табуны за табуном, так что к весне степь покрывается трупами и костями животных. Скот падает от голодовки, торговцы скупают сотни тысяч коз, грузят ими пароходы и наживаются; а киргиз продаст шкуры — купить муки, разного

Рис. 297. Киргизская невеста.

красного товара наберет, покажется будто и торговля в степи растет, а на повёрку выходит, что все это, напротив, не к добру: скот, вёд, все убывает да убывает..... Раньше киргизские дёвки и бабы украшали себя разными подвёсками из серебряных монет, у ребятишек тоже шапочники серебряными гривенниками да пяточками были унизаны; а теперь, смотришь, уже давно по поселкам на базарах заходили по рукам эти монеты: все, что десятки лет тому назад еще отцами да дёдами запасено было, все теперь киргизы пошли сбывать на базарам.

И много еще причинъ тому, почему годъ отъ году киргизъ становится бѣднѣе. Въ Сибирѣ, напримѣръ, стало теперь ему тѣснѣе, благодаря русскимъ переселенцамъ. Стала казна урѣзывать киргизскія пастбища и отводить участки для крестьянъ, переселяющихся изъ внутреннихъ русскихъ губерній, которымъ тоже безысходная нужда гонитъ искать новыхъ мѣстъ и новаго счастья. Каждый годъ и по окраинамъ и внутри степи вырастаютъ новые русскіе поселки. А киргизу отъ этого становится труднѣе жить: нѣтъ ужъ ему того простора, какъ раньше, не царствуетъ онъ попрежнему въ необозримой степи со своими стадами; уменьшаются пастбища его, уменьшается. стало-быть, и скотъ.

Еще большая бѣда для киргиза, что денегъ у него нѣтъ совсѣмъ: въ степи рубль очень дорогъ, и надо купить что-нибудь киргизу, онъ не деньгами за товаръ платитъ, а бараномъ; такъ въ степи и счетъ ведется — не на рубль, а на барана. А тутъ нашлось не мало благодѣтелей и изъ своихъ же, и изъ татаръ; не отстаютъ и русскіе. Появился, напримѣръ, въ степи русскій коробейникъ и началъ съ киргизами торгъ вести; продастъ ему кусокъ кожи красной, аршинъ ситца яркаго, а въ обмѣнъ — денегъ, вѣдь, у киргиза нѣтъ — получаетъ быка, коня или барана. И поспинался скотъ гуртами вонъ изъ степи въ города. Смотришь, въ сибирскихъ городахъ то и дѣло новые купцы — богатеи появляются, новые каменные дома вырастаютъ, а киргизъ все топчется да топчется... Бошко пошелъ въ ходъ въ степи московскій красный товаръ; завалили русскіе торговцы киргизовъ ситцами, бязью, самоварами, чайниками, а скотъ, смотришь, изъ-подъ рукъ все уходитъ да уходитъ. Глядя на русскихъ коробейниковъ, принялись за то же дѣло и татары, которые больше всего и промышленнотъ торговлей. Киргизъ сидитъ себѣ въ степи и изъ нея не выходить никуда, а татаринъ гдѣ только не

побываетъ? И въ Ирбитъ съѣздитъ, и въ Нижній на ярмарку попадетъ, и въ Москвѣ побываетъ, и въ Китай проберется. А киргизъ отъ него не уйдетъ: татаринъ всю степь, какъ свои пять пальцевъ, знаетъ...

Поглядѣли киргизскіе султаны и богатеи, какъ наживаются въ степи русскіе да татары, и тоже догадались приняться за это дѣло. Стали они обирать своихъ же, какъ и наши деревенскіе мирофды. Для этого они прежде всего станулись съ русскими коробейниками. „Тебѣ, — говорятъ они ему, — трудно собирать долги съ киргизовъ, да ты каждаго и не узнаешь; а ты дай мнѣ товару въ долгъ, а я самъ уже буду съ тобою рассчитываться“. И вотъ сталъ этотъ свой же киргизъ-мирофдъ обирать свой народъ: сталъ онъ, напримѣръ, осенью покупать будущій приплодъ, то-есть тѣхъ теллятъ и ягнятъ, которые еще только весною появятся на свѣтъ Божій. Цѣну за эту будущую скотинку кладетъ мирофдъ отъ 50 копеекъ до рубля. Вотъ пришла весна; не появилась на свѣтъ почему-либо скотинка, султанъ не притѣсняетъ: онъ откладываетъ до слѣдующей весны, но съ тѣмъ условіемъ, что должникъ — киргизъ — обязанъ уже вернуть ему годовалого теленка, а еще черезъ годъ двухгодовалого и такъ далѣе... Смотришь, несчастный киргизъ и оглянуться не успѣлъ, какъ уже попалъ въ кабалу и запродался на нѣсколько лѣтъ впередъ.

Въ Букеевской степи¹⁾ киргизы страдаютъ еще отъ сыпучихъ песковъ. Пока были лѣса кругомъ, они удерживали пески и мѣшали имъ пробираться дальше; но лѣсъ давнымъ-давно вырубленъ, траву скотъ вытаптываетъ, такъ что никакой преграды пескамъ нѣтъ, и они заносятъ

¹⁾ Букеевской степью называется площадь земли около 6 миллионовъ десятинъ, расположенная между нѣкоторыми уѣздами Самарской и Астраханской губ. и частью по берегамъ Каспійскаго моря.

луга и на много верстъ уничтожаютъ пастбища. Все это привело къ тому, что многие букеевскіе киргизы стали выселяться и перекочевывать обратно за Уралъ, гдѣ и арендуютъ себѣ пастбища. Букеевская степь такъ опустѣла, что мѣстами можно проѣхать 20 — 30 верстъ и не встрѣтить ни одной кибитки, ни одной зымовки, а только одну пустую, бесплодную, глинистую степь.

Кромѣ всего этого, есть еще одна причина обѣднѣнія киргизовъ: это высокая подать, въ особенности потому, что рубль въ степи очень дорогъ, а подати уплачиваются деньгами. Приходитъ время вносить подати, киргизъ опять-таки берется за свой скотъ, идетъ къ мирофду и сбываетъ его за цѣну въ нѣсколько разъ меньше настоящей, — глядишь, стада и отъ этого убываютъ понемногу. За Ураломъ подати взимаются съ кибитки, а въ Букеевской степи съ каждой головы скота. Съ кибитки вносятся податей 3 руб. и если положить 5 душъ на кибитку, то, стало-быть, причитается по 60 коп. на душу. Въ Букеевской степи киргизы уплачиваютъ съ каждой лошади или верблюда по 28 коп. податей, съ каждой коровы 14 коп. и съ барана и козы по 4 коп. Каждые три года производятся переписи скота и кибитокъ, для чего въ степь прѣзжаетъ русское начальство, переводчики и киргизскія власти. Букеевцы стараются, конечно, показать скота гораздо меньше настоящаго, чтобы уплачивать и меньше податей; въ прежнія времена имъ это и удавалось, а теперь за этимъ слѣдять строго.

Кромѣ подати со скота, букеевцы несутъ еще и подводную повинность: они обязаны поставлять лошадей всѣмъ проѣзжающимъ, у которыхъ есть пропускной листъ отъ начальства; за это имъ полагается плата по 3 копейки съ версты за каждую лошадь.

Всѣ эти причины, о которыхъ мы говорили, и ведутъ къ тому, что киргизъ съ каждымъ годомъ бѣднѣетъ. Умень-

шается главное его богатство — скотъ, уменьшается, стало-быть, и приплодъ, и достатокъ его все падаетъ да падаетъ... Это положеніе становится еще хуже оттого, что киргизъ безпеченъ, лѣнивъ, необразованъ и съ трудомъ берется за новое дѣло. И отцы и дѣды его испоконъ вѣковъ занимались скотоводствомъ и перекочевывали съ мѣста на мѣсто, а теперь вотъ пришлось ему плохо и ничего другого онъ придумать не можетъ. Все счастье свое онъ видитъ въ стадахъ и кочевой жизни, а начинаютъ убывать стада — онъ во-время не спохватится; какъ дорѣжетъ послѣдняго барана — разведетъ рукави и не знаетъ, за что приняться; остается одно изъ двухъ: или приняться за хлѣбпашество, къ которому киргизъ по своей природѣ не чувствуетъ никакой склонности, или же уходить вонъ изъ степи и наняться въ работники.

Въ настоящее время правительство ищетъ способы, какъ прийти на помощь киргизу и помочь ему выпутаться изъ тяжелаго положенія.

Все кочевое киргизское населеніе раздѣляется на волости, а волости — на аулы (рис. 298). Волостями завѣдуютъ волостные управители, въ родѣ нашихъ становыхъ, а аулами — аульные старшины, въ родѣ сельскихъ старостъ у насъ. Должности эти занимаютъ всегда киргизы.

И волостные управители и аульные старшины почти всегда безграмотны и рѣдко кто изъ нихъ хотя сколько-нибудь понимаетъ по-русски; писаря же назначаются изъ окончившихъ русско-киргизскую школу, слѣдовательно, умѣющихъ говорить по-русски. Поэтому — то тамъ, гдѣ киргизамъ приходится вѣдаться съ русскимъ начальствомъ, вся власть лежитъ въ рукахъ писарей, которые творятъ подчасъ не мало зла.

Судъ у киргизовъ во всемъ почти отличается отъ нашего. Въ старину народъ судили ханы, султаны и „би“, то-есть

народные судьи. А теперь эта важная статья въ степной жизни устроена иначе. Только тяжкія уголовныя преступленія киргизовъ судятся по нашимъ общимъ российскимъ законамъ, а именно: убійство, грабежъ, разбой, баранта ¹⁾, нападеніе на купеческіе караваны, побѣгъ въ чужія владѣнія, поджоги, дѣланіе фальшивой монеты, похищеніе казеннаго имущества и преступленія киргизскихъ властей по службѣ. А всѣ остальные тяжбы между киргизами разбираются у нихъ своимъ собственнымъ судомъ, по народнымъ обычаямъ. Судъ этотъ бываетъ у нихъ трехъ родовъ. Прежде

Рис. 298. Киргизскій аулъ.

всего судъ семейный; къ нему обращаются тогда, когда тяжба происходитъ между родными. На этотъ судъ собираются всѣ близкіе родственники обидчика; они начинаютъ увѣщавать его, но имѣютъ право и наказывать: штрафомъ или ударами кнута, смотря по дѣлу. Семейный судъ пользовался прежде очень большимъ почетомъ, и никакихъ жалобъ на него не полагалось; да и теперь еще, особенно за Ураломъ, гдѣ старина еще крѣпко держится, суду этому киргизы

1) Баранта—пабій съ угономъ скота.

подчиняются съ покорностью. Хотя по закону недовольный рѣшеніемъ имѣетъ право жаловаться „біо“ (народному судѣ), но киргизы настолько уважаютъ семейный судъ, что рѣдко кто пойдетъ на это. Часто къ суду родственниковъ обидчика обращаются и тогда, если обижень былъ киргизъ изъ чужого рода. Семейный судъ разбираетъ тяжбу негласно, то-есть никто изъ непрічастныхъ къ дѣлу лицъ не допускается, чтобы, какъ говорится, не выносить сору изъ избы.

Кромѣ семейнаго суда, существуетъ еще третейскій судъ, то-есть когда обѣ тяжущіяся стороны согласятся выбрать какое-нибудь третье лицо, которое и должно ихъ разсудить. Обыкновенно такимъ судьей бываетъ почтенный старикъ, прославившійся въ народѣ своей мудростью и справедливостью. Такихъ судей киргизы очень почитаютъ и охотно и съ большимъ довѣріемъ идутъ къ нимъ съ своими тяжбами.

Третій судъ у киргизовъ — это судъ „биевъ“, то-есть народныхъ судей. Выбираются эти судьи каждые три года волостнымъ съездомъ, при чемъ ихъ полагается отъ 4 до 8 на каждую волость. Биевъ можетъ быть каждый киргизъ не моложе 25 лѣтъ, который пользуется уваженіемъ и довѣріемъ, непорочен по суду и не состоитъ подъ слѣдствіемъ. Утверждается въ должности такой „бий“ губернаторомъ; жалованья онъ никакого не получаетъ, а по обычаю въ его пользу полагается особый штрафъ съ виновнаго. Не поладили, напримѣръ, два киргиза въ чемъ-нибудь и не согласны ни на семейный судъ, ни на третейскій, остается

Рис. 299. Угощеніе кумысомъ въ киргизской куртѣ.

имъ одна дорога — обратиться къ біо, при чемъ они могутъ выбрать какого имъ угодно „біа“, только изъ той волости, гдѣ живетъ обидчикъ. Если судится русский съ киргизомъ, то русский имѣетъ право судиться съ нимъ въ нашемъ судѣ; но все-таки пограничные русскіе жители въ степи — казаки и крестьяне — большую часть обращаются къ суду киргизскихъ биевъ.

Судъ „біа“ происходитъ гласно, открыто, то-есть всякій, кто хочетъ, можетъ присутствовать на немъ. „Біа“ имѣютъ право разбирать тяжбы цѣнности не свыше 300 рублей. Если, напримѣръ, тяжба между двумя киргизами составляетъ не больше 300 рублей, то переносить дальше дѣла нельзя: какъ рѣшилъ „бий“, такъ и остается въ силѣ. Если же тяжба была больше, чѣмъ въ 300 рублей, и рѣшеніемъ кто-нибудь остался недоволенъ, то онъ имѣетъ право перенести свое дѣло въ волостной съездъ „биевъ“. Эти съезды происходятъ время отъ времени, по назначенію уѣзднаго начальника; онъ же выбираетъ и мѣсто, гдѣ соберется съездъ.

Эти волостные съезды „биевъ“ имѣютъ право рѣшать тяжбы на какую угодно сумму; но опять-таки окончательнымъ ихъ рѣшеніе будетъ тогда, когда дѣло не больше 500 рублей. Если же больше этой суммы и какая-нибудь сторона осталась недовольна, то она можетъ перенести дѣло еще дальше — въ такъ называемый чрезвычайный съездъ. Дальше этого ужъ жаловаться некуда, и что постановитъ по дѣлу этотъ чрезвычайный съездъ, то и должно быть исполнено. И эти съезды назначаются также уѣзднымъ начальникомъ, когда накопится достаточное число тяжбъ.

Должность „біа“ очень доходная у киргизовъ, такъ какъ онъ съ виновнаго получаетъ десятую часть той суммы, въ какую была оцѣнена тяжба. Поэтому-то этой должности часто добиваются и такіе лица, которыхъ совѣсть бы не годилась въ судьи. Но такъ какъ выбираютъ „биевъ“ по числу голосовъ, то кто ужъ мѣтитъ на эту должность, всячески старается задобрить своихъ, чтобы только быть выбраннымъ. Такіе недобросовѣстные судьи только вредятъ народу: они ста-

раются не мирить, а плодить тяжбы, чтобы только получить положенный имъ закономъ штрафъ.

Еще не такъ давно у киргизовъ заочно совѣсьмъ не рѣшались дѣла, то - есть на судѣ непременно должны были присутствовать обѣ стороны. Если обидчикъ не являлся на судѣ добровольно, то его вели силой, даже доставляли связаннымъ; если же онъ скрывался изъ аула, чтобы не явиться на судъ, то вмѣсто него судили кого-нибудь изъ его семьи. Теперь ужъ этого нѣтъ, и хотя обидчикъ и не явится на судъ, его все-таки будутъ судить заочно.

Главнымъ доказательствомъ на киргизскомъ судѣ считается присяга. Къ присягѣ приводятся не сами тяжущіеся, а для этого выбираются особые присяжники и большею частью со стороны обидчика. Когда эти присяжники присягаютъ, то они не выгораживаютъ обвиняемаго, а прямо ручаются, что онъ не совершалъ того преступленія, за которое его судятъ.

Киргизы очень чтутъ присягу и по-этому неохотно берутся за нее. Такъ, напримѣръ, выбранные въ присяжники, они сами всѣми силами стараются примирить противниковъ, а если это не удается, то часто соглашаются лучше заплатить по тяжбѣ обиденному, лишь бы только не присягать. У киргизовъ даже есть на эту счетъ очень любопытная поговорка: „Не присягай, хотя бы и за правду, а откупись лучше скотомъ, даже если у тебя его мало“.

Киргизы, въ особенности въ Букеевской ордѣ, очень любятъ судиться. Кляузы и ябедничества у нихъ не оберешься; этому много помогаютъ ихъ обычаи. Такъ, напримѣръ, если кто укажетъ, гдѣ находится украденная вещь, или назоветъ вора, тотъ получаетъ пятую часть съ дѣны этой вещи. Обычай этотъ приводитъ къ тому, что есть киргизы, которые изъ ложныхъ доносовъ составили себѣ цѣлый промыселъ. Наказаній по

киргизскому суду налагаются почти всегда штрафами, и опять-таки не деньгами, а скотомъ.

Благодаря праздности киргизовъ, у нихъ очень развита страсть къ конокрадству, при чемъ считается это у нихъ не преступленіемъ, а удалствомъ, и строго не судится: съ виновнаго полагаются только штрафы. Несмотря на всѣ мѣры русскаго начальства, искоренить конокрадство до сихъ поръ не удается.

У киргизовъ и понынѣ еще сохранился самосудъ. Если обиженный недоволенъ рѣшеніемъ своихъ „биевъ“, то онъ пускается на саморасправу, то - есть на „баранту“. Въ этомъ хищническомъ набѣгѣ, должны помогать ему родственники и друзья, и отказаться отъ этого считается у киргизовъ большимъ позоромъ. Часто месть разгорается до того, что, точно пожаромъ, охватываетъ цѣлыя волости и надолго нарушаетъ покой въ степи. Но хотя за „баранту“ киргизы судятся въ русскихъ судахъ и очень строго наказываются нашими законами, все - таки и до сихъ поръ не удается искоренить этотъ дикій обычай. И понынѣ еще киргизъ смотритъ на „баранту“, какъ на молодецкій, удалой подвигъ, за который ждетъ его слава. Не даромъ въ своихъ пѣсняхъ онъ восхваляетъ молодецкіе набѣги удалцовъ, и доннынѣ слава о нихъ живетъ изъ края въ край необозримой киргизской степи.

Привольно растутъ киргизскія дѣти въ своей необъятной степи. Съ самыхъ младенческихъ лѣтъ ихъ начинаютъ приучать къ верховой ѣздѣ. На перекочевкахъ, еще груднымъ младенцемъ, маленький киргизъ уже колышется въ ящикѣ, привѣшенномъ на спину верблюда, а только сталъ крупно на ноги, его уже сажаютъ на коня. Киргизы устраиваютъ для ребятъ особая сѣдла, съ которыхъ совершенно нельзя упасть. Большую часть жизни потомъ проводятъ они на конѣ,

отчего и у мужчинъ и у женщинъ ноги станываютъ кривыми.

Въ юношескомъ возрастѣ парни и дѣвочки свободно участвуютъ въ забавахъ и увеселеніяхъ; въ этомъ отношеніи киргизы сильно разнятся отъ другихъ магометанскихъ народовъ: женщина у нихъ не закрываетъ лица, не прячется отъ мужчинъ и не живетъ своей особой жизнью, какъ, напримѣръ, у татаръ. Какъ мы уже раньше видѣли, киргизка скачетъ на конѣ, поетъ и веселится заодно съ мужчинами и ничуть не дичится ни своихъ, ни чужеземцевъ.

Съ малыхъ лѣтъ киргизы внушаютъ своимъ дѣтямъ уважать старшихъ. Старикъ пользуется такимъ большимъ почетомъ у этого народа, что когда идетъ въ семьѣ совѣтъ по какому-нибудь дѣлу, то голосъ старика имѣетъ больше вѣса, чѣмъ мнѣніе всѣхъ другихъ членовъ семьи. Съ малолѣтства киргизы говорятъ своимъ дѣтямъ: „Если будешь почитать стариковъ, тебя Богъ почитетъ“. И вотъ, стоитъ только старику войти въ кибитку, какъ всѣ молодые встаютъ ему навстрѣчу и кланяются, а шутки и забавы сейчасъ же умолкаютъ.

На 7-мъ году жизни мальчика въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ отдадутъ въ школу. Школы эти обыкновенно устраиваются на кочевкахъ и зимовкахъ только временно — на нѣсколько мѣсяцевъ. Учатъ въ этихъ школахъ муллы. Все ученіе состоитъ въ томъ, что учениковъ заставляютъ заучивать наизусть молитвы изъ корана, разные стихи и такъ далѣе. Въ школѣ ученики остаются цѣлый день и только на два часа идутъ домой обѣдать и отдохнуть. Наука приходится киргизскимъ дѣтямъ не легко; какъ только ребенокъ попалъ въ школу, мулла имѣетъ полную власть надъ нимъ. Если ученикъ не выучилъ урока, то мулла безпощадно бьетъ его. Родители на это несколько не обижаятся, а даже наоборотъ: когда они приводятъ въ школу ребенка, то говорятъ муллѣ: „Вотъ мой сынокъ — учите его;

если будетъ лѣниться — бейте его: мясо его ваше, а кости наши!“

Ни скамеекъ, ни столѣвъ въ киргизской школѣ, конечно, не полагается. Это простая кибитка, гдѣ всѣ ученики сидятъ прямо на полу, на колѣняхъ, потупивъ глаза внизъ. Читаютъ всѣ разомъ, раскачиваясь взадъ - впередъ всѣмъ тѣломъ, такъ что въ кибиткѣ, гдѣ происходитъ ученіе, стоитъ все время глухой шумъ. Когда кончаются уроки и дѣти собираются домой, то мулла дѣлаетъ имъ напутствіе: чтобы они дома вели себя скромнѣй, не шалили бы и не играли, иначе грозитъ наказаніемъ. Отъ этихъ вредныхъ порядковъ страдаетъ, конечно, здоровье учениковъ, и школьники - киргизы всѣ почти хилые и вялые. Только когда дѣти совѣсьмъ кончаютъ ученіе, они понемногу начинаютъ выправляться въ своей привольной степи, чему, главнымъ образомъ, помогаетъ верховая ѣзда.

Русское правительство также устраиваетъ по городамъ и поселкамъ школы для киргизскихъ дѣтей, гдѣ обучаютъ русскіе учителя; учатся тамъ дѣти, между прочимъ, и читать, писать и считать по-русски.

Кромѣ русскихъ школъ, для киргизовъ имѣются въ степи еще и татарско-киргизскія, гдѣ обучаютъ татарскіе муллы. Въ особенности такихъ школъ очень много за Ураломъ, гдѣ совѣсьмъ еще мало русскихъ казенныхъ школъ. Вотъ тамъ - то и предполагается наше правительство устроить подвижныя школы; киргизскихъ дѣтей въ нихъ будутъ обучать русской рѣчи, чтенію, письму и счету.

Богатые и болѣе образованные киргизы везутъ своихъ дѣтей въ города и отдаютъ въ русскія гимназіи и другія училища. Всѣ учителя очень хвалятъ тамъ учениковъ - киргизовъ за ихъ способности и пристражаніе къ наукамъ. Живя въ городѣ и среди русскихъ, они, прочувшивши лѣтъ восемь, уже отвыкаютъ отъ своихъ степныхъ обычаевъ и поне-

много потом вносят свѣтъ ученья въ тѣмъ жизни своихъ еще полудикахъ земляковъ...

Всѣ домашнія работы въ семьѣ лежать у киргизовъ на женщинахъ. Она завалена дѣломъ: шитье одежды всѣмъ домашнимъ, доить скотъ, навьючиваетъ и развьючиваетъ верблюдовъ, устанавливаетъ кибитку при кочевкахъ,—словомъ, куда ни повернись, вся работа лежитъ на ней. Даже конны (войлоки), безъ которыхъ нельзя сдѣлать кибитки, и тѣ готовятся женщинами.

Въ аулѣ раннимъ утромъ поднимаются прежде всѣхъ женщины, доятъ скотъ передъ угономъ на подножный кормъ, моютъ посуду, готовятъ разные кушанья на день и проч. Дѣвушки ткутъ тесьму, таскаютъ воду, а мальчики отправляются пасти скотъ. Дальше всѣхъ отсыплются мужчины, да имъ и вообще легче живется, особенно на кочевкахъ. Встанетъ себѣ киргизъ, а ужъ завтракъ ему жена приготовила, позавтракаетъ онъ, не спѣша, закуритъ трубку и идетъ въ кибитку къ сосѣду попить кумыса, потолковать о томъ, о семъ. Поговорятъ довольно, а тамъ, смотришь, пойдутъ въ стада осматривать скотъ, или отправляются на охоту.

Киргизъ — хороший стрѣлокъ, и на крупную птицу онъ охотится съ ружьемъ хотя въ Букеевской ордѣ и мало ружей. Больше всего любятъ киргизы охотиться не съ ружьемъ, а съ птицей и борзой собакой. Для этого онъ обучаетъ ястребовъ, соколовъ и беркутовъ и охотится съ ними не только на птицу, но и на зайцевъ, лисицъ и даже волковъ (рис. 300). За Ураломъ охота больше въ ходу, такъ какъ тамъ водятся такіе звѣри, которыхъ нѣтъ или уже перевелись въ Букеевской степи. Такъ, напримѣръ, зауральскій киргизъ охотится на медвѣдя, кабана, тигра, барса, оленя, кулана (дикая лошадь), горного барана и много

другихъ звѣрей, такъ что за Ураломъ охота составляетъ для киргиза, кромѣ удовольствія, еще и выгодный промыселъ. Особенно цѣнятся горный баранъ и олень, рога котораго киргизы продаютъ въ Китай на лѣкарство.

Киргизъ—большой охотникъ до празднествъ; онъ любитъ многолюдныя сборища, любитъ хорошо и сытно поѣсть и очень падокъ до новостей. Въ былое время богатые киргизы часто устраивали празднества, на которыя стекалось множество народа со всѣхъ концовъ степи, изъ ближнихъ и дальнихъ мѣстъ. Въ Букеевской степи такіе пиры теперь уже рѣдко устраиваются, а за Ураломъ они и до сихъ поръ не переводятся. Въ праздникъ киргизъ прежде всего старается хорошенько поѣсть. При этомъ у киргизовъ существуетъ прекрасный обычай, который не мѣшало бы перенять и намъ: богатые киргизы въ праздники кормятъ бѣдныхъ, у нихъ нѣтъ того, чтобы одинъ ѣлъ вкусный и дорогой обѣдъ, а другой совсѣмъ бы сидѣлъ безъ обѣда,—всѣ въ праздникъ будутъ сыты. На празднествахъ киргизы нерѣдко наѣдаются до того, что даже имъ, при ихъ огромной прожорливости, становится невозможно; тогда перевишій гость ложится прямо въ рѣку: киргизы увѣряютъ, что въ водѣ желудокъ легче перевариваетъ пищу.

Но вотъ всѣ насытились, и угощеніе кончилось. Часа 2—3 всѣ отдыхаютъ по кибиткамъ, а потомъ начинаются разныя развлечения. Любимая забава киргизовъ въ праздники—это скачка. Съ самыхъ малыхъ лѣтъ приучаютъ они ребятокъ къ верховой ѣздѣ, одинаково и мальчиковъ и дѣвочекъ; не малую часть жизни проводятъ этотъ народъ на конѣ, и на спинѣ у лошади киргизы и киргизки чувствуютъ себя такъ же ловко и спокойно, какъ и на своихъ собственныхъ ногахъ. Киргизскій конь, хотя и не великъ и не

красивъ, но отличается своей быстротой. Кромѣ скачекъ, на праздникахъ устраиваются у киргизовъ еще и другія забавы. Такъ, напримѣръ, для бѣдныхъ киргизовъ и для слугъ устраивается бѣгъ на призы. Первый призъ—въ 3 барана, второй—въ два и третій—одинъ баранъ. Эти 6 барановъ, назначенные въ награду, приводятся и ставятся тутъ же, на опредѣленное мѣсто. Сажень на сто отъ барановъ удаляются всѣ тѣ киргизы, которые будутъ участвовать въ бѣгѣ. Тамъ на каждого изъ нихъ надѣваютъ мѣшокъ и такимъ образомъ, что только одна голова остается свободной, а все тѣло находится въ мѣшкѣ. И въ этихъ-то мѣшкахъ они должны бѣжать по направленію къ желанному баранамъ. Обыкновенно много времени пройдетъ, пока удастся какому-нибудь счастливцу, хоть измученному да добраться къ баранамъ.

Во время праздниковъ, на многолюдныхъ сборищахъ, происходитъ состязанія пѣвцовъ.

Врядъ ли можно встрѣтить другой такой народъ, у котораго пѣніе имѣло бы такое огромное значеніе въ жизни, какъ у киргизовъ. Даже читая обучается киргизъ при помощи пѣнія: онъ распѣваетъ сначала отдѣльныя буквы, а потомъ складываетъ цѣлыя слова — и все это пѣніемъ. Несется киргизъ на своемъ степномъ скакунѣ по привольной, широкой степи и завидитъ впереди аулъ, онъ, подѣвжая къ нему, затягиваетъ пѣсно и тѣмъ даетъ знать о своемъ пріѣздѣ. Что бы ни случилось въ жизни киргиза—радость ли, горе ли—все онъ изливаетъ въ пѣснѣ. Посвѣтается ли онъ къ избранной пмъ дѣвушкѣ, празднуетъ ли обрученіе, свадьбу, рожденіе сына¹⁾—все это не обходится

¹⁾ Рожденіе дочери киргизы не празднуютъ.

безъ пѣнія; случится ли въ семьѣ больной, происходить ли похороны или поминки—вездѣ на первомъ мѣстѣ стоитъ пѣсія, при чемъ на всѣ эти случаи имѣются особыя пѣсни или тутъ же сочиняются. Сочинять пѣсни киргизы больше мастера и очень цѣнятъ своихъ пѣвцовъ. Женщины въ этомъ также не отстаютъ

Рис. 300. Киргизъ съ соколомъ.

отъ мужчинъ, и та дѣвушка, которая хорошо поетъ и сама искусно сочиняетъ пѣсія, всегда будетъ имѣть цѣлую толпу поклонниковъ и вздыхателей; но зато и хороший пѣвецъ—конечно, только не безобразный и не старій—въ такомъ почетѣ у киргизскихъ дѣвушекъ, какому не добиться никогда и самому богатому и знатному жениху.

Поетъ киргизъ подь музыку, наигрывающую на своей „домбрѣ“—трехъ или двухъ-

струнной балалайкѣ (рис. 301). Поетъ обыкновенно одинъ человѣкъ и очень рѣдко по нѣскольку вмѣстѣ, и то не больше 4 или 5 человѣкъ. Киргизы слѣдятъ съ большимъ вниманіемъ не только за напѣвомъ, но и за словами пѣсни; поэтому-то они и не любятъ пѣть хоромъ, такъ какъ при этомъ трудно услѣдить за смысломъ. Часто случается, что среди пѣнія пѣвецъ вдругъ обрываетъ пѣсню и продолжаетъ рассказывать ее одними словами, наигрывая время отъ времени на своей „домбрѣ“; потомъ опять переходить на пѣніе, иногда на прежній напѣвъ, а иногда и на новый. Хорошій пѣвецъ долженъ обладать не только хорошимъ голосомъ, но и умѣть тутъ же, долго не задумываясь, сочинять самыя слова пѣсни и непременно въ стихахъ.

Состязаніе пѣвцовъ на праздникахъ происходитъ такъ. Представьте себѣ привольную безконечную степь, покрытую мягкимъ ковромъ сочной травы; на коврѣ этомъ другъ передъ другомъ усаживаются два соперника съ домбрами въ рукахъ, а вокругъ нихъ располагаются слушатели и, затаявъ дыханіе, слѣдятъ за пѣсней.

Рис. 301. Киргизскій пѣвецъ съ „домброй“

И вотъ начинаютъ оба противника задавать другъ другу загадки или осыпать одинъ другого насмѣшками, и все это подъ музыку и въ стихахъ. Кто, не задумываясь, разгадаетъ загадки и смѣетъ смутить своего противника, такъ что тотъ спутается въ стихахъ, остановится и не найдетъ отвѣтить, тотъ и выходитъ побѣдителемъ. По обычаю, побѣжденный долженъ тогда сдѣлать какой-нибудь подарокъ побѣдившему его сопернику. Прославившіеся киргизскіе пѣвцы по временамъ отправляются путешествовать. Съ своей домброй въ рукахъ они переходятъ изъ одного аула въ другой. Такого пѣвца вездѣ встрѣчаютъ съ большимъ почетомъ: на народныхъ сборищахъ его усаживаютъ на самое лучшее мѣсто, угощаютъ наперерывъ и уважаютъ за нимъ, какъ за самымъ дорогимъ гостемъ.

Киргизъ въ трудныя минуты своей жизни призываетъ на помощь пѣсню. Заболѣть ли кто въ семьѣ, и необразованный, простой киргизъ, у котораго сохранилось еще много языческихъ суевѣрій, призываетъ къ больному знахаря, по-киргизски „баксу“. Тотъ является съ „кобусомъ“ въ рукахъ (двухструнный инструментъ), обвѣшаннымъ колокольчиками и кусками желѣза разной величины; стоитъ только взять его въ руки, какъ колокольчики звенятъ, желѣзо звякаетъ и поднимается такой шумъ, что и здоровому подчасъ не подворовится отъ такой музыки. Бакса подходитъ къ больному, садится возлѣ него и начинаетъ пѣть, наигрывая на своемъ „кобусѣ“, и поетъ до тѣхъ поръ, пока такъ измучится, что его начинаетъ подергивать, иногда судороги становятся такъ сильны, что нѣсколько человѣкъ еле могутъ его сдерживать.

Надо, однако, сказать, что обычай этотъ призывать къ больному баксу сохранился большею частью у зауральскаго киргиза, который еще почти цѣлкомъ коснётся въ языческихъ суевѣріяхъ и

полудикихъ обычаяхъ. Въ Букеевской же степи баксы встрѣчаются рѣдко.

На поминкахъ тоже не обходится безъ пѣсенъ, въ нихъ воспѣваются

добродѣтели покойнаго, его доброта, забота о бѣдныхъ, которыхъ онъ не забывалъ въ нуждѣ и прочія высокія качества.

Киргизскій народный поэтъ-пѣвецъ Ногойбай.

(Изъ очер. Иванова).

Возможно ли быть среди киргизовъ и не слышать имени ихъ славнаго поэта-пѣвца Ногойбая?

Какъ широко раскинулась сама киргизская степь, такъ же широко разнесена и слава этого знаменитаго „акына“ (пѣвца). Стоитъ только переѣхать черезъ Иртышъ, и уже тамъ нѣтъ почти уголка, гдѣ бы не было извѣстно это имя.

Появленіе Ногойбая въ какомъ-нибудь аулѣ всегда сопровождается многочисленнымъ сборищемъ жаждущихъ послушать его. Такъ было и въ тотъ разъ, когда я впервые встрѣтилъ этого знаменитаго Ногойбая въ аулѣ киргиза Садыкана.

Это было въ концѣ іюня 1888 года. Послѣ десятичасоваго утомительнаго пути верхомъ по узкимъ тропинкамъ Саурскихъ горъ, мы подъѣхали вечеромъ къ аулу Садыкана.

Послѣ обычныхъ привѣтствій и угощенія кумысомъ, Садыканъ какъ-то таинственно сообщилъ мнѣ, что сегодня для него „великій праздникъ“, такъ какъ среди своихъ гостей онъ видитъ и меня— „москова“, и знаменитаго ихъ „акына“ Ногойбая. Послѣдній неожиданная вѣсть была для меня весьма пріятна: я самъ не менѣе Садыкана былъ радъ видѣть этого дѣвца, имя котораго давно было извѣстно мнѣ.

Когда мнѣ указали его, я сначала рѣшительно не повѣрилъ, чтобы это былъ тотъ самый Ногойбай, слава котораго, можно сказать, затмила всѣхъ бывшихъ до него пѣвцовъ и поэтовъ киргизскаго народа.

Въ углу около двери, въ томъ мѣстѣ, которое называется киргизами „босога“

и считается далеко не почетнымъ, сидѣлъ, подложивъ подъ себя ноги, какой-то слѣпой киргизъ. На видъ ему можно было дать лѣтъ 50, но онъ былъ гораздо моложе: ему было, какъ я потомъ узналъ, всего только 33 года. Одѣтъ онъ былъ какъ послѣдній „эгинча“, самый бѣдный пастиухъ, съ трудомъ прикрывающій свое тѣло кой-какими жалкими отрезьями. На колѣняхъ его лежала его постоянная спутница двухструнная „домбра“. Въ юртѣ стоялъ шумный говоръ. Всякій дѣлился своими новостями. Молчалъ только Ногойбай. Онъ не любилъ говорить, онъ любилъ больше „думать“ и потомъ изливать свои думы передъ слушателями въ звучныхъ, задушевныхъ стихахъ.

Но вотъ раздался тихій, дребезжащій звукъ домбры, раздался и замеръ. Говоръ сразу смолкъ, шумъ стихъ, наступила полнѣйшая тишина; всѣ жадно впились глазами въ Ногойбая. Опять зазвучали струны домбры, все громче и громче, чаще и чаще; потомъ онъ началъ стихать, все тише и тише и опять мертвая тишина.

Никто не шелохнется, боясь нарушить ее. Ногойбай подали чашку кумысу. Онъ съ жадностью выпилъ ее.

— Эй, джигиты! — раздался затѣмъ сильный, звучный, съ легкой дрожью голосъ Ногойбая.—Эй, джигиты удалые, всѣ, старые и малые, и ак-сакалы, и утагасы, и карасакалы, всѣ слушайте пѣсню мою, слушайте бѣднаго акына, слушайте, что споетъ онъ вамъ.

И Ногойбай запѣлъ.

Вечеръ этотъ выпалъ для слушателей особенно счастливый: пѣсня за пѣсней

длалась изъ усть Ногойбай, все болѣе и болѣе воодушевлявшася, все болѣе и болѣе овладѣвавшего сердца слушателей. Сначала онъ заглѣлъ о себѣ:

„Быль ли то день, была ли то ночь, когда родила меня мать,—не знаю я. Если день, то, знаю, не играло тогда на чистомъ небѣ ясное солнце, не грѣли его золотые лучи близкихъ къ нему горъ, не освѣщали далекую отъ него степь; ни одинъ изъ нихъ не проникъ въ убогую юрту моей бѣдной матери, когда она рождала меня, несчастнаго. Если была тогда ночь, то, знаю, не катилась по небу серебристая луна, не горѣли на немъ веселыя звѣзды, ни одна изъ нихъ не улыбнулась мнѣ, новорожденному. Во мракѣ я родился, мракъ окружаетъ меня и во всю мою жизнь.

„Я не видалъ и не знаю матери, молокою своимъ вскормившей меня, ни ласкавшего и цѣловавшего меня отца, не знаю ни жены своей, ни дѣтей не увижу, я не знаю и никого изъ васъ. Какъ червякъ ползаетъ по землѣ, такъ же, думалъ, и я буду влачить свою жалкую жизнь и такъ же, какъ онъ, думалъ, и сгину. Но великъ Аллахъ и его пророкъ Магометъ! Дѣла ихъ тайна для насъ; не давъ мнѣ зрѣнія, они наградили меня другимъ: они дали мнѣ слухъ, такой чуткій и тонкій, какой, не знаю, есть ли у кого-нибудь изъ простыхъ людей, но какой, думаю, имѣютъ только Аллахъ да Магометъ...“

И затѣмъ въ высшей степени художественно рисовалъ онъ передъ слушателями картины, какъ онъ, напримѣръ, не видя восхода солнца, тѣмъ не менѣе, какъ бы слышать его, чувствуетъ его всѣмъ своимъ существомъ, или какъ, напримѣръ, ранней весной, когда солнце только что успѣетъ снятъ съ земли ея зимній покровъ, и она еще не одѣнется ни бархатистыми травами, ни разноцвѣтными коврами цвѣтовъ, онъ уже въ это время слышитъ подъ землей какое-то движеніе, слышитъ, какъ шевелятся тамъ различ-

ные зародыши, слышитъ, какъ они затѣмъ выходятъ изъ земли, какъ тянется ихъ тонкій стебель, какъ потомъ на немъ образуется чашечка, какъ она распускается и какъ, наконецъ, на мѣстѣ ея получается чудный цвѣтокъ.

„И могъ ли я съ такимъ слухомъ, дарованнымъ мнѣ Богомъ,—восклицалъ затѣмъ Ногойбай,—могъ ли я не слышать тѣхъ воплей и стоновъ, которые раздавались и раздаются вокругъ меня? Могъ ли я не слышать ту скорбь и то горе, которое буйнымъ вѣтромъ носится и по гладкой степи, и по узкимъ ущельямъ, и по верхушкамъ высокихъ горъ, высматривая оттуда тѣхъ немногихъ счастливейцевъ, которые еще не узнали его? Нѣтъ, я ихъ слышалъ, я все слышалъ. Все долетало до моего слуха, и ничего не пролетало мимо него. Со всей родной степи, со всѣхъ нашихъ горъ, ото всѣхъ мохъ сородичей собралось вокругъ меня это горе и, наполнивъ собою мое бѣдное сердце, гложетъ, жжетъ и мучитъ его, и рветъ на мелкія части. Горячей кровью обмываетъ оно, несчастное, ища себѣ спасенія, но не находитъ его“.

Приблизившись такимъ образомъ къ своимъ излюбленнымъ темамъ, Ногойбай заглѣлъ про то самое горе, которое „гложетъ, мучитъ и рветъ на мелкія части его сердце“. Онъ заглѣлъ о такъ называемомъ „джетачествѣ“, которое, появившись не такъ давно, съ каждымъ годомъ разрастается и принимаетъ все болѣе и болѣе ужасающіе размѣры. Немудрено, что Ногойбай, этотъ пѣвецъ народной скорби, прежде всего остановилъ вниманіе своихъ слушателей именно на джетачествѣ.

Что же такое джетакъ?

Потерявъ почему-либо скоть—единственное средство для обезпеченнаго существованія въ степи, киргизъ прибываетъ къ какому-либо сосѣднему осѣдлому пункту. Здѣсь при совершенно иныхъ, новыхъ, непривычныхъ условіяхъ жизни, киргизъ терлетъ подъ собой почву; онъ стано-

вится безпомощенъ, какъ рыба, вытащенная на берегъ и лишенная родной стихіи. Блѣдный, исхудалый, въ лохмотьяхъ, онъ представляетъ изъ себя иногда жалкое подобіе человѣка, на котораго нельзя смотрѣть безъ состраданія. Это-то и есть джетакъ. Не привыкши къ работѣ, онъ, однако, по необходимости, долженъ искать ея, чтобъ пропитать себя и свое заморенное семейство. Еще куда ни шло глѣтотъ: тогда джетакъ, по крайней мѣрѣ, грѣветъ солнце, онъ дышитъ чистымъ степнымъ воздухомъ, его неприхотливыя жизненные потребности удовлетворяются, хоть съ грѣхомъ пополамъ, какой-нибудь дырвляю и почернѣлой юртой да небольшимъ количествомъ „айрака“ (кислаго молока).

Не то зимою. Жестокіе морозы и снѣжные бураны заставляютъ джетакъ искать болѣе надежнаго прикрятія, и вотъ онъ идетъ въ поселокъ къ казаку присматривать и ухаживать за скотомъ домашнего хозяина. На скотномъ пригонѣ, стоящемъ иногда отдѣльно отъ жилого двора казака, къ услугамъ джетакъ небольшая избушка изъ плетня, щели которой замазаны глиной, забиты землей, а подчасъ и навозной почвой, взятой съ того же скотнаго пригона.

Можно себѣ представить, какою жалкою защитой являются эти стѣны въ морозные дни, и какая антигигиеническая атмосфера получается въ такой хатѣ въ отъ тепель. Остальная обстановка вполне гармонируетъ съ этимъ. Маленькое окно, иногда затянутое пузыремъ и едва пропускающее свѣтъ, на стѣнахъ—хомуты и другая сору для рабочихъ лошадей казака, тутъ же убогая и грязная рухлядь киргиза—вотъ обстановка, въ которой проводить зиму джетакъ съ своей семьей.

Прибавьте къ этому, что еще въ той же избушкѣ помѣщается нарождающийся скотъ, и станетъ ясно, въ какихъ гибельныхъ ужасныхъ условіяхъ приходится перебиваться киргизу, извергнутому степью. За свое право существованія на казачьихъ задворкахъ, джетакъ исполняетъ всѣ черныя работы по дому казака хозяина, получая за свой трудъ отъ 5 до 10 рублей въ зиму, изъ которыхъ ему же еще приходится уплачивать по раскладкѣ поселочнаго общества налогъ, доходящій въ нѣкоторыхъ поселкахъ до 2 съ лишнимъ рублей.

Вотъ про это-то джетачество, про этихъ-то наѣмки отрѣзанныхъ отъ своего народа джетаконъ и заглѣлъ прежде всего Ногойбай. Казалось, въ этой пѣснѣ, полной шемаганго, жугучаго, безвыходнаго горя, онъ хотѣлъ излить всю свою душу и облегчить свое болѣвшее сердце. И надо отдать ему справедливость: какъ поэтъ-пѣвецъ и притомъ дикій сынъ степи, онъ превзошелъ всѣ мои ожиданія. Тутъ онъ былъ весь налицо. Мощный талантъ его, развернувшійся здѣсь во всей своей силѣ, поразилъ меня. Мнѣ, дѣйствительно, никогда прежде не приходилось слышать изъ усть киргиза что-либо подобное.

Впечатлѣніе оставалось сильное, глубокое, неизгладимое. Его звучные стихи, лившіеся совершенно свободно, естественно и легко; его чистый, приятный, полный задушевности голосъ, способный выражать самые тонкіе и вѣжные отбѣнки чувствъ; его поистинѣ артистическая игра на этой жалкой домбрѣ, подъ искусными пальцами своего „акына“ рыдавшей и плакавшей вмѣстѣ съ нимъ на своихъ двухъ струнахъ,—все это совершенно завладѣвало слушателями.

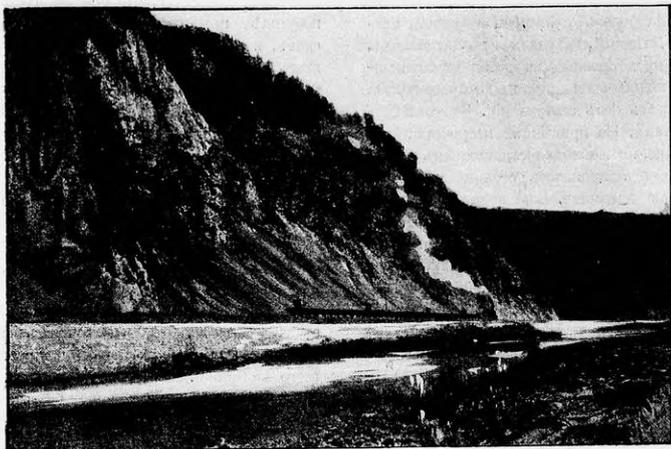

Рис. 302. Начало Уральского хребта (Самаро-Златоуст. ж. д.).

Ураль и его богатства.

(Из очер. Т. Хитрово и С. Меча).

Зубчатой стѣной встаетъ на границѣ Европы и Азіи Уральскій горный хребетъ. Начинаясь въ холодной, пустынной тундрѣ, хребетъ этотъ простирается болѣе, чѣмъ на 2000 верстъ въ длину (около 23°), и его южные отроги теряются въ прикаспійскихъ степяхъ. На протяженіи его климатъ постепенно смягчается, разнообразіе становится растительность, гуще и богаче население.

Уральскія горы покрыты почти сплошь дремучими лѣсами — лиственными и хвойными. У необъятныхъ лѣсовъ этихъ только два врага: человѣкъ, сжигающій громадное количество ихъ въ исполнскихъ печахъ казенныхъ и частныхъ заводовъ, и лѣсные пожары — этотъ бичъ уральскихъ лѣсовъ.

Огненная стѣна движется по лѣсу, охватывая все на своемъ пути; какъ факелы вспыхиваютъ огромные кедръ и ель, гигантскіе языки пламени и клубы

дыма поднимаются кверху. Вѣтеръ раздуваетъ этотъ ужасный костеръ, и огонь свирѣпствуетъ до тѣхъ поръ, пока не дойдетъ до какого-либо болота или рѣчки и не погаснетъ самъ; тушеніе лѣсныхъ пожаровъ очень плохо организовано, хотя благодаря имъ теряется ежегодно значительное количество строевого лѣса, не говоря уже о мѣди цѣнномъ.

Уральскія горы не высоки; самая высокая изъ нихъ (напр., Денежкинъ камень, Конжаковский камень, Ирмель, Яманъ-тау) имѣютъ около 1½ версты надъ уровнемъ моря. Лѣтомъ въ горахъ выпадаетъ болѣе дождя, чѣмъ у насъ, а зимой выпадаютъ огромныя массы снѣга. Вслѣдствіе такого обилія снѣговъ и дождей, по обѣ стороны Урала бѣгутъ тысячи рѣчекъ; сливаясь другъ съ другомъ, онѣ составляютъ рѣки, изъ которыхъ однѣ устремляются въ Сибирь, къ Тоболу, а другія сбѣгаютъ въ равнину

Европейской Россіи, къ Печорѣ и Камѣ — самымъ многоводнымъ рѣкамъ нашимъ. На восточномъ сибирскомъ склонѣ рождаются Лозва, Сосва, Тура, Тагиль, Нейва, Пыжма, Исеть, Міасъ; на западномъ — Печора, Колва, Вишеря, Яйва, Косва, Чусовая, Сытва, Уфа, Ай, Юрезань, Вѣляя. Въ Уральскихъ же горахъ начинается и рѣка Уралъ, прежній Яикъ, который несетъ воду въ Каспійское море. Это все наиболее значительныя рѣки, но сколько тысячъ въ Уралѣ другихъ, небольшихъ рѣчекъ, въ родѣ Тесмы, Инзеря, Нуры, которыя бѣгутъ, гремя по камнямъ, въ сcharовательной горной и лѣсной пустынѣ.

Въ сѣверной части средняго Урала по Колвѣ и Вишерѣ, кромѣ русскихъ, живутъ еще пермяки — народъ финскаго племени. Коренастые, небольшого роста, сухоощавые, они имѣютъ жалкій, забитый видъ. На угловатыхъ лицахъ съ желтовато-смуглой кожей и плохой растительностью, застыло тупое и упрямое выраженіе. Въ своемъ суровомъ, нехлѣбородномъ Чердынскомъ уѣздѣ пермяки еле перебиваются. Всю свою жизнь они проводятъ въ подавляющей обстановкѣ, въ крайней нищетѣ, полномъ невѣжествѣ. По лѣсамъ разбросаны маленькіе поселки или отдѣльные дворы, построенные около пашни. Въ курныхъ избахъ, освѣщаемыхъ лучиной, живутъ вмѣстѣ люди и животныя; грязь, наскомья — невыносимыя для непривычнаго человѣка. Хлѣба не хватаетъ, и приходится браться за постороннее заработки — рубку и сплавъ лѣса, постройку и сплавъ барокъ. Но трудъ этотъ оплачивается нищенски подричками.

Пермяки обращены въ христіанство еще Стефаномъ Пермскимъ, но остаются язычниками, часто не видя священника по цѣлымъ годамъ.

Съ усиленіемъ русскаго вліянія при возрастаніи русскаго населенія пермяки теряютъ характерные обычаи и сливаются съ русскимъ населеніемъ. Невѣжество,

однако, сохраняется: глушь здѣсь страшная.

Глухо и на восточныхъ склонахъ и предгорьяхъ этой части Урала, гдѣ по рр. Сосвѣ и Лозвѣ разселились осѣдлые и полукочевые вогуль (рис. 303).

Рѣдко-рѣдко попадаются вогульскіе поселки: нѣсколько маленькихъ избушекъ, безъ дворовъ, безъ оградъ, пріютившихся около жалкаго поля или прямо въ лѣсу.

Бревенчатыя стѣны проконопачены мхомъ, крыша дощатая или изъ бересты, безъ наката, такъ что посрединѣ высота — 1½—2 с., а у стѣнъ вдвое меньше. Окна, которыя не всегда прорѣзаются, затянуты пузыряремъ или рыбьей кожей. Посреди складывается изъ жердей и глины открытый очагъ; иногда для выхода дыма устраивается труба, чаще же — просто дыра.

Вдоль стѣнъ тянутся низенькія нары, покрытыя (у болѣе состоятельныхъ) звѣриными — оленьими — шкурами, на полкахъ скудная посуда и утварь изъ дерева и бересты.

Весной даже и осѣдлые вогуль отпавляются всей семьей заготовлять на зиму сѣно, ловить рыбу и промышлять дичь. Свои зимнія жилища вогуль оставляютъ открытыми — и случая воровства рѣдки.

Рис. 303. Вогуль.

Кочевые вогулы—охотники или оленеводы—кочуют круглый год. Оленеводы следуют при этом за своими стадами. Оленья стада дают вогулу все необходимое для жизни — пищу, одежду и покрывку для жилища. Оленину бьют, даже если олень подох от какой-нибудь болезни. Хлеба же почти не видят: своего у кочевников нет, да и у оседлых мало родится, а привозный и дорог и не всегда можно его достать. Печеный хлеб привозят иногда русские

Рис. 304. Вогуль на охотѣ.

купцы, а вогулы печь его не умѣют. Русские привозят также водку, за которую вогулы готовы отдать все, что имѣют, и сами пить въ кабалу.

Въ одеждѣ у вогуловъ-кочевниковъ преобладаютъ оленьи шкуры, сшитыя оленьими же жилами, а у осѣдлыхъ и обрусѣлыхъ—дешевыя русскія матеріи. И у мужчинъ и у женщинъ длинные волосы заплетены въ косу, обмотаны цвѣтной тесемкой и никогда почти не расчесываются.

По характеру вогулы—честный, скромный и дружелюбный народъ; они госте-

примны и очень доверчивы, такъ что обмануть ихъ очень легко. Этимъ пользуются русскіе купцы и часто за какой-нибудь пустякъ, за стаканъ водки, вымѣниваютъ охотничью добычу цѣлага года.

Жизнь вогула проходитъ въ суровой обстановкѣ, въ неустанной борьбѣ изъ-за куска хлѣба,—да и того часто нѣтъ: онъ охотится (рис. 304), ловить рыбу, нанимается въ работники къ русскимъ, идетъ на присяки, на сплавы, на заводы, пробуетъ самъ хозяйничать,—всюду гнетутъ его тяжелыя жизненныя условія и не даютъ вздохнуть свободно, оглядѣться, понять окружающее.

Хотя вогулы обращены въ христіанство еще въ XVIII в., но христіане они лишь по имени: въ душѣ же ихъ крѣпко держится образъ грознаго божества — шайтана, требующаго постоянныхъ жертвъ. Особыя мѣста въ лѣсахъ и по рѣкамъ посвящены шайтану; со страхомъ приближается къ нимъ вогуль, молча и осторожно проходятъ охотники: въ священныя мѣстахъ охота запрещена. Женщины совсѣмъ не смѣютъ ходить сюда, какъ существа нечистыя.

Въ домашней жизни онѣ, однако, часто являются хозяйками дома и владѣльцами имущества, несмотря на то, что вогуль покупаетъ свою жену и презираетъ ее.

Все хозяйство лежитъ на женщинахъ—онѣ готовятъ пищу и одежду, при перепадахъ собираютъ и разбираютъ пожитки. Вогуль дома пальцемъ не шевельнетъ—сидитъ у огня и апатично жуеетъ или куритъ табакъ, сплевывая на огонь, пока жена и дочери работаютъ.

Сыновей своихъ онъ съ малыхъ лѣтъ воспитываетъ для такой же жизни: маленькимъ мальчикомъ сынъ его уже идетъ съ нимъ на охоту, уже приучается наблюдать, вырабатываетъ въ себѣ находчивость и присутствие духа: видъ опасности грозитъ на каждомъ шагѣ и отъ зѣбры и отъ злого духа,—лѣсъ кажется бѣднѣй-

грознымъ, полнымъ страшныхъ враговъ. Только отъ водки и эпидемій не спасаютъ вогула охотничьи добродѣтели, и племлѣ вымираетъ.

Средній и южный Уралъ обладаютъ неисчислимыми богатствами. Здѣсь добываются желѣзо, мѣдь, золото, платина, серебро и драгоценныя камни. Чугуно-плавильныхъ и желѣзодѣлательныхъ заводовъ тамъ множество, при чемъ ка-

чажъ, чтобы высушить и сдѣлать хрупкой. После этого ее разбираютъ на мелкіе кусочки и сыплютъ вмѣстѣ съ древеснымъ углемъ въ огромную заводскую печь, сдѣланную на манеръ высокой трубы и называемую *долгой*. Эта печь топится день и ночь, не погасая, и при видѣ того, какъ пожираетъ она уголь, вполне поймешь, отчего порѣдки лѣса на Уралѣ. Подъ дѣйствіемъ страшнаго жара, руда плавится въ домиѣ, и изъ нея образуется чугуунъ. Расплавленный

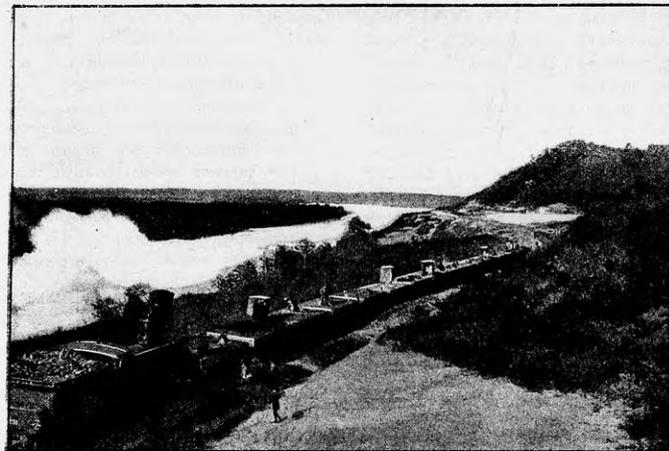

Рис. 305. Линія Самаро-Златоустовской желѣзной дороги по косогору рѣки Бѣлой.

жидый заводъ владѣетъ громадными площадями лѣса. Уральскими заводами доставляется около трети всего количества чугуна и желѣза, нужнаго для Россіи. Желѣзныя руды лежатъ въ видѣ твердаго бурого камня, мощными залежами, образуя собою иногда небольшія горы, напр., Кочканаръ, Благодать и др. Чтобы добыть изъ руды желѣзо, нуженъ тяжелый трудъ и массы горячаго матеріала. Руду отбиваютъ большими кусками и везутъ, иногда издалека, на заводъ, гдѣ ее сперва прокалываютъ въ особыхъ пе-

добѣла чугуунъ имѣетъ совсѣмъ жидкій видъ, какъ молоко, по одна капля этого молока можетъ протечь насквозь челоѣка. Полуголые, мокрые и почернѣвшіе рабочіе, съ воспаленными глазами, съ изурнѣнными лицами, открываютъ по нѣсколько разъ въ сутки устье печи, заваленное пескомъ, и въ отверстіи показывается бѣлая, расплавленная масса. Длинною, жидкою, слѣпящей глаза змѣей бѣжитъ она по узкому ходу, устроенному для нея въ землѣ, и тогда въ темномъ помѣщеніи завода сразу становится свѣтло.

Наконец чугуны вливается в формы и начинает остывать. Сначала он краснеет, потом подергивается синью, темнеет. Чугун отливают брусками, «штанами», от 2 до 3 пудов весом. Десятками тысяч складывают их в запасные магазины, где они и лежат до употребления.

Из чугуна уже изготовляют железо на том же самом заводе или на других. Для этого чугуны подвергают продолжительному плавлению, при чем в него дуют раскаленный воздух, и чугуны превращаются в железо. Он становится все гуще, тягучее и, наконец, твердеет, так как железо в печах не плавится. Эту губчатую, ноздреватую, раскаленную добычу «крицу» рабочие схватывают щипцами, кладут на двухколесную железную тележку и бегут с нею к гигантскому паровому молоту. Огнем, жаром и искрами пышет от нея во все стороны. Тихо и плавно подымается паровой молот, и раскаленную массу железа укладывают под ним. Могучий молот рушится на огненную «крицу» и бьет ее со страшной силой, при чем рабочие поворачивают ее крючьями. Тысячи ярких звезд разбрасываются во все стороны, шипя и погасая во тьме, падая на песок, лежащий на полу, заносимый в далекие углы темной мастерской и осмылая рабочих с головы до ног. От тяжелых ударов молота ноздреватая масса, извлеченная из печи, превращается в плотный кусок железа. Его пропускают между валами особых машин и придают ему форму листов. Другие машины служат для изготовления рельсов и т. д.

В мастерских так жарко, что рабочим приходится обливаться водой и постоянно пить. В фартуках, в лаптях с деревянной подошвой, с красными обожженными лицами, они работают в душном воздухе мастерской. Выходя на мороз, они легко про-

стужаются. Поэтому только очень здоровые люди могут выдержать эту работу.

Кроме железа, на некоторых уральских заводах, напр., на Богословском, добывают немного мши. И здесь, особенно в рудниках, условия работы крайне тяжелы.

До пласта руды прорыты вертикальный колодезь (шахта), а затем по разным направлениям расходятся в самой породе горизонтальные галлерей (штольни), иногда втягивающиеся. Стены и потолки укреплены досками и деревянными подпорками, во избежание обвалов. Обвалы, однако, случаются довольно часто, вследствие небрежного укрепления или недостатка и плохого качества материала. То место штольни, где производится добыча руды, называется забоем; здесь рабочей кайлом отбивает куски породы, которые в тачках отвозятся в шахту и поднимаются в корзинках или бадьях вверх. Если порода очень тверда, ее взрывают порохом или другими взрывчатыми веществами. Высота штольни зависит от толщины пласта — и часто настолько мала, что пробраться можно только сильно согнувшись или ползком, работать же в забое приходится лежа. Освещение — свечки или плохонькие, чадающие лампы; вентиляции никакой или самая незначительная.

В низких подземельях душно, темно, со стнн течет вода. Проводить целые дни в такой обстановке, часто по колбни в воде и грязи, работать кайлом или лопатой — страшно тяжело и разрушительно для здоровья рабочего.

На вспомогательных работах (углежжение, подвоз руды и топлива) рабочие работают, по крайней мере, под открытым небом, дышат свежим воздухом, а рудниковые, буквально «света Божьяго не видят».

Наиболее ценный металл, добываемый на Урале, есть, конечно, золото. Каждый год его вывозится оттуда около 700 пудов.

Золото извлекают из золотоносных песков, из так называемых россыпей, образовавшихся путем разрушения коренных месторождений золота, т. е. золото-содержащих горных пород. Когда действием воздуха и температуры порода обращается в песок и камешки, вода уносит их вместе с золотом и откладывает в виде россыпей.

Поэтому они расположены бывают обыкновенно по долинам, по берегам рек. Чтобы отыскать россыпь в местах, где подозревают присутствие золота, «бьют шурфы», т. е. роют ямы до предполагаемого золотоносного песка и узнают вбрызжное количество золота. Содержание в россыпи золота неравномерно: оно может размещаться «гнездами». Годными для разработки считают те, которые содержат не менее 30 долей золота на 100 пудов песка.

Прежде разработка россыпей на Урале велась крпственными и частью наемными рабочими; к концу же XIX века выработался своеобразный тип «старателя». Он работает на открытом уже прииске, или же самостоятельно дбаеть разведки и отыскивает новую россыпь, о которой обязан заявить владельцу земли.

На отведенном ему владельцем участке россыпи старатель ставит станок для промывки — ващгерд, и ведет работы самостоятельно. Все добытое золото он обязан сдавать в контроле владельца прииска, где оно взвешивается и записывается в особую книгу. Сбывать на сторону строго запрещено и сурово карается законом.

Но конторы уплачивают $1\frac{1}{2}$ —2 р. за золотник, редко боль-

ше, а скупщики дают рубля 3—4, и, конечно, для старателя является очень благоприятным продавать золото на сторону; потому кража золота практиковалась в широких размерах, и на скупки и продаж «крупки» (краденного золота) наживали крупные состояния. Последние годы конторы повысили плату — и сейчас же увеличилось количество доставляемого в них золота. Конечно, это указывает не столько на усилившееся усердие старателей, как на сокращение кражи: не зачмь стало рисковать, потому что явилась возможность законным образом получить мало-мальски сносное вознаграждение за труд.

В казначейство золото принимается по 4 р. 75 к. и дороже, так что, даже приобретая золото по 4 р. и 4 р. 50 к., конторы получают барыш; тем более, что расходы владельца незначительны — казенная пошлина за небольшое жалование служащим — а риск всей тяжестью ложится на старателя. Поэтому добыча золота старательскими работами преобладает на Урале: около 70% всего получаемого золота добывается старателями и только 30% на приисках с поденными рабочими и машинной промывкой

Рис. 306. Ураль. «Писаные камни» на р. Тагиль.

Пріискъ расположенъ обыкновенно по берегу рѣки или ручья (рис. 307).

По бокамъ пріиска тянутся грядой громадна свалки верховыхъ пластовъ, не содержащихъ золота: желтые валы перемывокъ, т.-е. промывки песку, чередуются съ глубокими выработками, гдѣ добывается золотоносный песокъ, рядами шурфовъ, похожихъ на только что вырытыя могилы, и небольшими мутными прудками, которые рѣчка образуетъ тамъ и сямъ по своему теченію. Мутная вода этихъ прудовъ, при помощи канавъ и деревянныхъ желобовъ, проведена къ самымъ далекимъ частямъ пріиска, гдѣ поднимаются свои перемывки и свалки.

Вся старательская работа ведется артелью. Преобладаетъ артель-семья.

Около каждаго вагшера работаютъ 5—6 душъ: 2 рабочихъ въ выработкѣ, 2—3 бабы около вагшера да подростокъ съ лошадыю, который подвозитъ изъ выработки песокъ и увозитъ на свалку перемывки.

Приборъ и самая работа несложны: деревянный ящикъ аршина въ два длины, съ покатымъ дномъ; одинъ бокъ вьнутъ, на днѣ маленькіе валики. Надъ этимъ ящикомъ („площадкой“), укрепленнымъ наклонно, помѣщенъ горизонтальный продырявленный листъ въ деревянной рамѣ—грохотъ, на который падаетъ изъ желобка непрерывная струя воды (рис. 308).

Одна изъ работницъ сбрасываетъ на грохотъ песокъ, двѣ другія помѣшиваютъ его желѣзными лопаточками—серебками. Вода уноситъ песокъ и глину, гальки остаются на грохотѣ, золото со шлихами (темнымъ песочкомъ, состоящимъ преимущественно изъ частицъ магнитнаго желѣзняка — спутника золота) падаетъ на дно и задерживается валиками.

Въ концѣ дня золото и шлихи собираютъ и раздѣляютъ ртутью: соединяется съ золотомъ, она даетъ амальгаму; затѣмъ ее выдѣляютъ вышариваніемъ.

Вмѣстѣ съ золотомъ встрѣчается платина—она съ ртутью не соединяется и остается послѣ тщательной промывки шлиховъ въ видѣ серебристаго песочка. Самородки платины попадаются рѣдко и обыкновенно не превышаютъ нѣсколькихъ золотниковъ. Самый же большой, найденный въ одной изъ платиновыхъ росыпей южнаго Урала, вѣсилъ 23 ф. 48 зол.

Если платины много, то она служитъ главной цѣлью добычи. Самыя значительныя росыпи платины на Уралѣ—въ округѣ Нижнетагильскаго завода Демидовыхъ, въ Пермской губ.

Оставшіяся на грохотѣ послѣ промывки песка гальки тщательно пересматриваются: между ними можетъ оказаться золотой самородокъ.

Маленькіе — по нѣскольку золотниковъ—самородки попадаютъ довольно часто, особенно въ богатыхъ росыпяхъ, крупные же, хотя и попадаются рѣдко, способны сразу обогатить человѣка; самый большой былъ найденъ на Масскихъ пріискахъ и вѣсилъ 2 п. 8 ф.

На каждомъ вагшера промывается ежедневно 100—300 п. песка, но добыча крайне не равномерна, — зависитъ отъ богатства росыпи.

Неудача тяжело обрушивается на старательскую артель. Старатель работаетъ какъ каторжный, живетъ въ скверной землянкѣ или дырявомъ балаганѣ, страдаетъ отъ дождей и холода или жары и комаровъ; иногда и пищи не хватаетъ. Однако заработокъ его такъ необезпеченъ, что вся семья его голодаетъ.

И все же народъ идетъ сюда, — жить нечѣмъ, а работа на заводахъ часто обставлена еще хуже во всѣхъ отношеніяхъ. У многихъ развивается привычка къ этой кочевой жизни, въ лѣсу, внѣ обычной обстановки, и ихъ прямо тянетъ съ завода или изъ деревни.

Зимой работа продолжается не на всѣхъ пріискахъ, потому что нѣкоторые пески смерзаются и промыть ихъ холодной во-

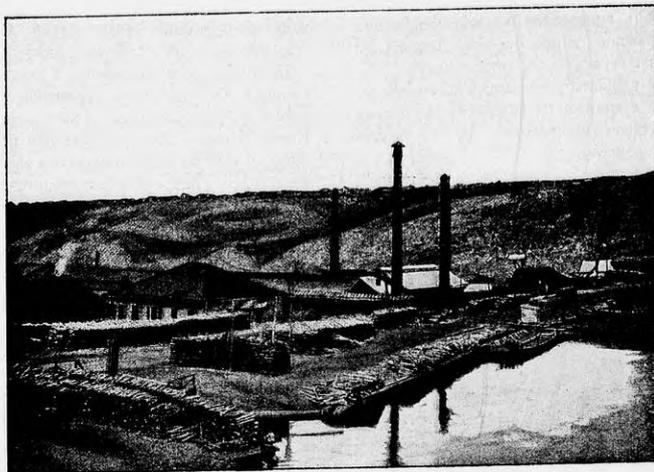

Рис. 307. Уральскій заводъ.

дой нельзя, а устройство котловъ и нагреваніе воды усложняетъ и удорожаетъ работу.

Тѣ предпріятія, гдѣ установлена машина (рис. 309), пользуются поденными рабочими и несутъ большій рискъ: постановка сравнительно сложной золотопромывательной машины, плата рабочимъ, даже въ случаѣ плохой добычи, цѣликомъ

ложатся на счетъ предпринимателя. Поэтому хотя при машинной промывкѣ годными для обработки оказываются даже небогатыя росыпи, и все дѣло ведется рациональнѣй, — преобладаетъ старательская обработка, хотя и осужденная спеціалистами, но... наиболѣе дешевая и наименѣе рискованная: старатель работаетъ съ голода, и изъ него можно выжать трудъ, котораго ни одна машина не дастъ. Старательской артели было бы

выгоднѣй, конечно, работать съ машинной вмѣсто своего допотопнаго вагшера и сдавать золото по той же цѣнѣ, какъ золотопромывальники, въ казенныя конторы.

Но машина для нихъ дорога, а открытіе пріиска обставлено такимъ множествомъ формальностей, что для простыхъ людей оно совершенно невозможно. При-

Рис. 308. Работы „старателей“.

томъ и аккуратное веденіе книгъ для ежедневной записи золота недоступно для малограмотныхъ „старателей“.

На немногихъ крупныхъ пріискахъ ведется промывка на машинахъ, при чемъ ежедневно промывается 10—15 тысячъ пудовъ песка.

Если покрывка изъ пустыхъ песковъ (турфы) слишкомъ толста, ведутся подземныя работы, которыя, конечно, гораздо тяжелѣе и дороже и старателямъ недоступны.

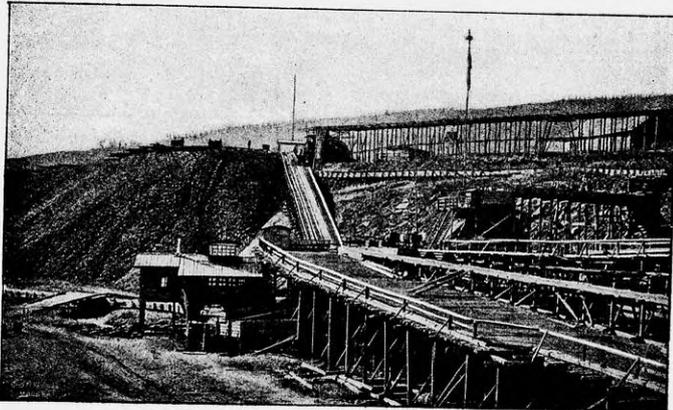

Рис. 309. Золотопромывальная машина.

Тамъ, гдѣ большинство росыпей истощено, разрабатываются жильныя мѣсторожденія золота. Здѣсь уже необходимы машины и больше риска въ предпріятіи (т. к. жила можетъ прерваться или даже совсѣмъ исчезнуть довольно неожиданно). Все это дѣлало бы необходимымъ устройство заводовъ съ усовершенствованными способами добычи золота и правильно поставленными развѣдками новыхъ жиль. Но въ большинствѣ случаевъ все идетъ кое-какъ въ рукахъ недостаточно энергичныхъ и мало знающихъ владѣльцевъ. Работы ведутся самими неумѣлыми пріе-

мами, безъ основательнаго знанія дѣла, безъ изученія мѣстности, наугадъ.

Центромъ горнозаводскаго Урала является г. Екатеринбургъ (Пермской губ.) (рис 310), расположенный по берегамъ р. Исети. Занимая почти центральное положеніе между заводскими округами восточнаго склона, онъ сдѣлался средоточіемъ управленія горными заводами и однимъ изъ главныхъ торговыхъ городовъ. По количеству жителей и значенію для края, Екатеринбургъ, уѣздный городъ, далеко

оставляетъ за собой большинство губернскихъ городовъ средней Россіи. Въ немъ—учрежденіе для управленія заводами обширнаго края, много учебныхъ заведеній, газетъ, ученое общество. Черезъ него идутъ многіе грузы изъ Россіи въ Сибирь и обратно. Въ Екатеринбургѣ же отдѣляются и сбываются драгоцѣнные камни со всего Урала.

Добыча цѣтныхъ драгоцѣнныхъ и полудрагоцѣнныхъ камней ведется на Уралѣ очень первобытными способами, но, благодаря богатству росыпей, доставляетъ много матеріала гранальщикамъ Екатеринбурга.

По всему Уралу „охочіе“ люди въ одиночку или небольшими артелями отыскиваютъ росыши и добываютъ камни. Это не составляетъ главнаго занятія, а дѣлается въ свободное время, между дѣломъ.

„Копи“, изъ которыхъ добываются камни, представляютъ изъ себя неправильной формы ямы различной длины и ширины (отъ нѣсколькихъ саженъ—до версты и болѣе длины, ширина—сотни и десятки саженъ); глубина же не превышаетъ 10—11 саженъ. Открыто большинство росыпей случайно, такъ какъ у старателей нѣтъ никакихъ знаній о строеніи и расположеніи горныхъ породъ; новыя жилы они отыскиваютъ по мелкимъ вѣшнымъ признакамъ, замѣченнымъ на извѣстныхъ уже копияхъ.

Найдя жилу породы, въ которой, какъ знаетъ онъ по опыту, попадаютъ камни,—старатель ломомъ отбиваетъ отъ нея куски, пока не отыщется „гнѣзда“ камней или отдѣльнаго камешка.

„Самоцвѣты“ обыкновенно включены въ какой-нибудь плотной горной породѣ и залегаютъ въ пустотахъ, наполненныхъ вязкой глиной. Иногда они срстаются, образуя красивыя группы камней. назы-

Рис. 311. „Смирный камень“ на р. Юрезани.

ваемые „штуфами“. Штуфы, гдѣ камни красиво расположены, или гдѣ соединены различные камни, цѣнятся иногда очень дорого.

Найденные камни старатель, обыкновенно за гроши или за водку, сбываетъ тутъ же на мѣстѣ скупщикамъ. Скупщики же свозятъ всѣ камни въ Екатеринбургъ.

Немногіе крестьяне сами отвозятъ въ городъ свои находки, узнаютъ имъ цѣну, и обыкновенно сами начинаютъ скупать ихъ у сбѣдѣй.

Въ Екатеринбургѣ свозятся камни со всего Урала—здѣсь издана заводна была казенная гранильная фабрика, и множество настеровъ, вы-

Рис. 310. Ураль. Г. Екатеринбургъ.

учившись на ней, открыли собственные мастерские.

Въ Екатеринбургѣ камни сортируются. Одни гранятся для украшений, другіе идутъ въ коллекціи, третьи—на изготовление печатей и разныхъ дорогихъ бездлушекъ.

Добыча, отдѣлка и продажа цѣнныхъ камней могла бы обогатить искателя самоцвѣтовъ и гранильщиковъ,—въ дѣйствительности обогащаются только кулаки-скушники, забравшіе и тѣхъ и другихъ въ свои руки.

Крестьяне деревень, прославившихся своими „самоцвѣтами“ (Муравинка, Алабашка и др. въ среднемъ и южномъ Уралѣ), такъ же бѣдны, какъ если бы этихъ камней у нихъ не было. Екатеринбургскіе гранильщики живутъ въ самомъ городѣ и его предмѣстьяхъ, зарабатывая нной разъ рублемъ 60 въ годъ. Ихъ заработокъ колеблется сильно, смотря по специальностямъ: гранильщики драгоценныхъ камней, рѣзчики печатей и т. п., работа которыхъ требуетъ большого искусства и ловкости, зарабатываютъ, разумѣется, во много разъ больше мраморщиковъ, малахитчиковъ и др., изготовляющихъ разныя вещи изъ подѣлочныхъ камней.

Въ работѣ гранильщиковъ принимаютъ большое участіе женщины и дѣти. Иногда совсѣмъ маленькіе ребятишки уже вертятъ колесо гранильнаго станка и присматриваются къ работѣ отца-мастера.

Работа производится въ томъ же помещеніи, гдѣ живетъ семья. Разумѣется, постоянное присутствіе каменной пыли въ воздухѣ дурно отзывается на здоровьѣ: среди гранильщиковъ распространены спеціальная легочная болѣзнь. Дѣти, рано начинающія работать и проводящія весь день въ пыли и духотѣ мастерской, становятся блѣдны, хилы и вялы.

Императорская гранильная фабрика, разившаяся изъ небольшой мастерской, устроенной при Петрѣ I, представляетъ теперь главную достопримѣчательность Екатеринбурга.

По рисункамъ, присылаемымъ изъ Петербурга, здѣсь изготавливаются изъ превосходныхъ уральскихъ камней художественныя вазы и др. вещи. Иногда работа одной вазы длится цѣлые годы.

Издѣлія Имп. гранильной фабрики не продаются—все это заказы Императорской Фамиліи.

На фабригѣ подготавливаются искусные мастера. Обучившись, они, обыкновенно, уходятъ отсюда и начинаютъ собственное маленькое дѣло: фабрика слишкомъ плохо оплачиваетъ трудъ.

Кромѣ гранильной фабрики, въ Екатеринбургѣ интересна лабораторія, гдѣ испытывается и сплавляется въ слитки все золото, добываемое на Уралѣ. Отсюда оно отправляется въ Петербургъ на монетный дворъ или въ казначейство.

Около города расположенъ большой желѣзодѣлательный заводъ (Верхъ-Исетскій), округъ котораго занимаетъ 764.000 д. Кромѣ желѣзныхъ, въ немъ есть и мѣдные рудники и золотыя россыпи.

Дальше во всѣ стороны тянутся такіе же огромные—на сотняхъ тысячъ десятинъ—заводскіе округа. Разумѣется, вопросъ о путяхъ сообщенія для нихъ очень важенъ: вѣдь имъ приходится на большія разстоянія возить свои издѣлія.

Желѣзная дорога, соединяющая Пермь и Екатеринбургъ, прошла по многимъ изъ нихъ, но многіе остались въ сторонѣ. Между тѣмъ, для развитія горнаго дѣла необходимы хорошіе пути сообщенія.

Такъ какъ существующихъ желѣзнодорожныхъ линий недостаточно, то многимъ заводамъ приходится пользоваться сплавными рѣками. Между тѣмъ при крушеніи барокъ грузы пропадаютъ. На Чусовой, напр., ежегодно „бьется“ изъ 30 барокъ одна (иногда—изъ 5 одна, какъ въ 1873 г.).

Царицей сплавныхъ рѣкъ является, конечно, Чусовая, обслуживающая многіе заводы обихъ склоновъ.

Теперь, однако, предпочитаютъ сплавъ „на лотахъ“, какъ болѣе безопасный: съ

кормы барки опускается въ опасныхъ мѣстахъ на дно рѣки чугунное грузило—лотъ, въ нѣсколько десятковъ пудовъ вѣсомъ, привязанное на цѣпи или на канатѣ. Какъ только опустятъ грузило, барка начинаетъ двигаться тихо, какъ бы велика ни была стремительность течения; если мало одного лота, спускаютъ другой.

Многія барки съ Чусовой въ Пермь разгружаются, другія идутъ дальше по Камѣ, въ Волгу. Пермь расположена на Камѣ: съ 1781 г. Пермь объявлена губернскимъ городомъ. Теперь въ ней болѣе 40 тысячъ жителей, много фабрикъ и заводовъ, нѣсколько учебныхъ заведеній. Пермь, кромѣ мѣстнаго значенія, важна какъ складочное мѣсто товаровъ, которыми Россія мѣняется съ Сибирью. Значеніе ея еще усилилось послѣ проведения желѣзной дороги, которая связала ее съ Бѣлымъ моремъ и Сибирью.

Кромѣ Перми и Екатеринбурга наиболее интереснымъ городомъ является Ирбитъ, въ восточной части губерніи. Городъ живетъ полной жизнью только 4 недѣли въ году (1 февраля—1 марта), когда здѣсь бываетъ ярмарка (по оборотамъ 2-ая послѣ Нижегородск. й). Въ прежнее время ярмарка имѣла большое значеніе, но съ проведеніемъ желѣзной дороги (Пермь-Тюмень) обороты ярмарки сокращаются. Въ ярмарки городъ пустъ и тихъ.

За 200 лѣтъ своего существованія, при всевозможныхъ льготахъ и поддержкѣ правительства, уральскіе заводы довели (1895 г.) производство до 33½ милліоновъ рублей ежегодно, а въ южныхъ заводахъ (Екатеринславской губ.) достигли того же въ нѣсколько лѣтъ, безъ всякой помощи.

Производительность уральскихъ заводовъ, вообще, очень мала, въ сравненіи съ южно-русскими, а особенно иностранными заводами. Одна печь выплавляетъ ежегодно 290.000 пуд. чугуна, тогда какъ на югѣ—1.875.000, а въ Соединен-

ныхъ Штатахъ—4.000.000. Тамъ, гдѣ на заграничныхъ заводахъ достаточно 10 рабочихъ—на Уралѣ требуется 100 (на югѣ 21). Это происходитъ, конечно, отъ плохой обстановки работы, отъ недостаточнаго пользованія машинами, отчасти отъ переутомленія рабочихъ непосильной работой и ихъ относительной неразвитости.

На далекое пространство раскинулся Уралъ своими хребтами и отрогами, огром-

Рис. 312. Уралъ. Горная рѣка Беряшъ.

ныя богатства скрыты въ его пѣдрахъ, и надо только побольше знаній и людей, чтобы не оставить эти сокровища лежать бесплодно, чтобы не испортить, не растратить, не умалять ихъ цѣнности неуважливой разработкой.

Необходимо было бы и побольше участія къ жизни, здоровью и благополучію людей, занятыхъ разработкой богатства Урала. Тогда не будетъ обиднаго противорѣчія между могучей красотой края, его огромными богатствами и неприглядной обстановкой жизни его населенія.

Въ Башкириі.

(Петри).

Чудный край—нашъ южный Уралъ! Это одинъ изъ интереснѣйшихъ, хотя и мало извѣстныхъ уголковъ нашего отечества... Южный Уралъ преисполненъ оригинальныхъ и чарующихъ красотъ. Онъ не можетъ соперничать съ Альпами по величавости, но вполне равняется имъ по живописности и по привлекательности своихъ видовъ. Прекрасное и въ то же время сильное впечатлѣніе производятъ

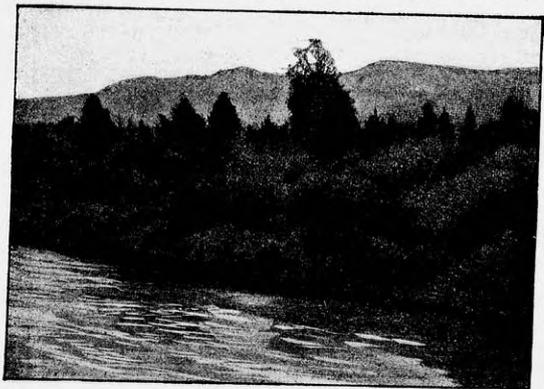

Рис. 313. Уралъ. Видъ хребта Зигальги.

эти, повидимому, безчисленные и болѣе или менѣе параллельные другъ другу ряды мощныхъ хребтовъ, сложенныхъ изъ гранита, гнейса, кристаллическихъ сланцевъ, кварцитовъ и кварцевыхъ песчаниковъ. Они покрыты густыми лиственными и хвойными лѣсами, изъ которыхъ мѣстами сурово выступаютъ обнаженные стѣны и обрывы или же вывѣтряншіяся отъ непогоды причудливаго вида вершины. Мрачныя и мало доступныя высоты эти еще болѣе отгнѣютъ нѣжную красоту мирныхъ, но забытыхъ и таин-

ственныхъ долинъ. Прекрасны быстрые и прозрачные потоки южнаго Урала, верховья Вѣлой, Урала, Уя и Ал, чудныя горныя озера среди лѣсовъ и топей, неизвѣданныя нѣкъ сталактитовыя¹⁾ пещеры съ подземными озерами.

Вотъ Ирмель, долгое время считавшіяся наивысшею вершиною южнаго Урала, но достигающій лишь 1.599 метровъ. Съ обнаженной сопки Ирмеля въ

тѣ дни, когда высоты свободны отъ тумана, открывается, поистинѣ, поразительный видъ. Передъ нами на западѣ страшная Зигальга (рис. 313), почти непреступная вслѣдствіе осыпей изъ громадныхъ глыбъ кварцеваго песчаника и обширныхъ топей и болотъ по склонамъ. Значительныя каменные осыпи встрѣчаются, впрочемъ, и на сѣверо-восточномъ подножій самаго Ирмеля, тогда какъ на самой горѣ въ глу-

бокихъ впадинахъ и лощинахъ, защищенныхъ отъ юго-восточныхъ вѣтровъ, снѣгъ сохраняется иногда въ продолженіе всего лѣта. На юго-западѣ выступаетъ „Дикая гора“, то-есть Яманъ-Тау, едва ли не еще менѣе доступная, чѣмъ Зигальга, и также защищенная топиями и непроходимыми лѣсами. Гора эта достигаетъ 1.646 метровъ и является, такимъ

¹⁾ *Сталактитъ* — известковый камень, образующійся въ видѣ сосулекъ на потолкѣ пещеры, при просачиваніи сквозь нее известковой воды.

образомъ, высшею вершиною южнаго Урала. Однакоже и здѣсь снѣгъ сохраняется лѣтомъ лишь въ лощинахъ и въ тѣни густыхъ лѣсовъ. На востокъ отъ Ирмеля идетъ невысокій хребетъ Авалыкъ, отдѣленный отъ него сухимъ каменистымъ русломъ Тышна, этой каменной рѣки; затѣмъ поднимается до высоты 1.000 метровъ лѣсистый Уралъ-Тау, центральная и главная цѣпь южнаго Урала, сложенная изъ кристаллическихъ сланцевъ. За этими горами разстилаются, подобно морю, манищему взоръ путника, безбрежныя азиатскія степи, коегдѣ перерѣзанныя незначительными высотами, орошенныя многими рѣками и множествомъ мелкихъ озеръ и покрытая очаровательными рошицами кудрявыхъ березъ.

Но что за страшные люди населяютъ эту дивную мѣстность; какой удивительный разладъ между прекрасной природою и далеко не прекрасными обитателями южнаго Урала—башкирами!

Мы на берегу рѣки Вѣлой, одной изъ красивѣйшихъ рѣкъ нашего отечества. Красавица эта славится не только своими живописными берегами, чистою, быстрою водою и превосходною рыбкою, но и обширными лѣсами по берегамъ. Къ сожалѣнію, лѣса эти и даже знаменитыя когда-то соновыя роши сильно порѣдѣли. Въ особенности замѣтно истребленіе лѣса въ окрестностяхъ человѣческихъ поселеній. Передъ нами мелкій кустарниковый лѣсъ, среди котораго лишь коегдѣ высятся уцѣлѣвшіе гиганты осокори.

Это несомнѣнный признакъ близости человеческого жилья. Печальное зрѣлище представляютъ башкирскія деревни (рис. 314): скорбныя, погнувшіяся и покосившіяся избушки, разметанныя и разбитыя непогодю крыши; вотъ нѣсколько избъ на манеръ итальянскихъ виллъ съ плоскою крышею, то-есть, въ данномъ случаѣ, совсѣмъ безъ крыши; потолокъ ихъ убить землею, на которой пышно разрастаются всевозможныя сорныя травы, невольно привлекающая къ себѣ опытный взоръ ботаника.

Рис. 314. Южный Уралъ. Башкирскія деревни.

Среди этихъ висячихъ садовъ торчатъ покосившіяся глиняныя трубы, прикрытая бездоннымъ закопченнымъ горшкомъ. Окна въ иныхъ избахъ безъ стеколъ и заткнуты кусками коры осокори. Входъ въ избу идетъ изъ жалкаго и грязнаго двора, огороженнаго плетнемъ; посрединѣ двора стоитъ прокопченный дымомъ плетеный шалаашъ, служащій лѣтнею кухней, а позади къ нему примыкаетъ рядъ плетеныхъ или же обложенныхъ корьемъ загородей для лошадей, скота и козъ. Въ немногихъ дворахъ видѣются амбарчики.

Всѣ эти подробности сразу бросаются намъ въ глаза, когда мы въѣзжаете въ

Рис. 315. Башкирь.

деревушку. Сразу же вы замечаете у одной изъ больше видныхъ изъбъ, украшенной сильно покрывшимися шпидомъ съ полулуною, събдовательно, у мечети, какую-то толпу людей, уѣвшихъ посреди улицы по-турецки на короточкахъ и ведущихъ оживленную бесѣду. Уже по тому, что эти люди не кланяются вамъ, да и, вообще, не обращаютъ особаго вниманія на вашъ прїѣздъ, вы можете заключить, что это правотѣрные магометане, не лишенные извѣстнаго самосознанія. Передъ вами мужчины средняго роста, довольно угловатаго тѣлосложенія, въ бѣлыхъ рубахахъ безъ пояса, въ красныхъ распущенныхъ шароварахъ. На головѣ у нихъ поперхъ маленькой тюбетейки бѣлая пуховая шляпа, напоминающая опрокинутую глубокую тарелку, или же большаго мѣховаго шапка. Изъ-подъ этихъ головныхъ уборовъ выглядываютъ широкія и смуглыя монгольскія лица съ выдающимися скулами, оттопыренными ушами, большимъ ртомъ, довольно слабою растительностью на губахъ и бородѣ; не мало, однако, эти некрасивыя фizioноміи оказываютъ блестящими черными глазами и добродушною улыбкой (рис. 315 и 316). Навстрѣчу вамъ повыскакали одни только любопытные ребятишки, очевидно, еще не усвоившіе себя выдержаннаго хладнокро-

вія настоящаго магометанина; многіе изъ нихъ совершенно голы, другіе въ самыхъ невѣроятныхъ пестрыхъ лохмотьяхъ; всѣ они страшно грязны, а нѣкоторые покрыты сыпями. Впрочемъ, при звукѣ колокольчика завоились по дворамъ и женщины. Очевидно, и онѣ также не могутъ удержаться отъ нѣкотораго любопытства, хотя и представляются занятыми работою. Лица ихъ чрезвычайно некрасивы. Дѣвушки, съ диск-веслокоченными волосами, одѣты въ красныя распущенныя рубахи съ жалкимъ шитьемъ на груди; женщины—въ свѣтлыхъ рубахахъ въ родѣ блузъ, въ грубыхъ мужскихъ сапогахъ и съ русскими платками на головѣ; платки эти, кстати замѣтить, не складываются въ треугольники, а носятся распущенными.

Несмотря на нѣсколько холодный и, лучше сказать, безразличный прїемъ, вы быстро сходитесь съ башкирами. Нетрудно вамъ также убѣдиться въ томъ, что вы имѣете дѣло съ народомъ, далеко не дикимъ или глупымъ. Башкиры удивительно мало интересуются личностью прѣзжаго: они на своемъ вѣку видали всякіе виды, „всякихъ сановниковъ изъ Петербурга и губерній“, то-есть чиновниковъ изъ столицы и губернскаго города. Съ другой стороны, у нихъ на досугѣ назрѣло не мало вопросовъ, за раз-

Рис. 316. Старый башкирь.

рѣшеніемъ которыхъ они охотно обращаются къ человеку свѣдущему. Вась спрашиваютъ, что такое комета, есть ли люди на звѣздахъ, отчего въ иной годъ бываетъ урожай, а въ другой нѣтъ, не слыхать ли чего о войнѣ и такъ далѣе. Немало, наконецъ, среди нихъ людей физически вполне крѣпкихъ и свѣжихъ. Вотъ почему вы, смотря на этихъ туземцевъ и вспоминая о нетронутыхъ богатствахъ ихъ родной страны, не можете отдѣлаться отъ вопроса, почему башкиры такъ бѣдствуютъ, почему башкиры нищета и явные слѣды, повидимому, неизбѣжнаго разоренія.

Когда у насъ разговоры заходятъ „о дикой Башкиріи“, общество наше охотно вспоминаетъ о пресловутомъ хищеніи башкирскихъ земель. Нѣсколько десятковъ лѣтъ тому навадъ земли башкиръ покупались за безцѣнокъ различными чиновными и нечиновными людьми. Въ данномъ случаѣ ожидали самыхъ благоприятныхъ результатовъ для столь богатаго по природѣ края. Предполагалось, что помѣщичій элементъ подниметъ земледѣліе и такимъ образомъ окажетъ благотворное вліяніе даже на туземцевъ-полукочевыхъ башкиръ. Ожиданія эти не суждено было сбыться, а башкиры между тѣмъ въ конецъ обнищали. Тогда правительство энергично вступилось за башкиръ и приостановило продажу ихъ запасныхъ земель. Въ сущности, однако, эта эпоха расхищенія представлялась только однимъ изъ послѣднихъ шаговъ на пути къ окончательному переходу башкирскихъ земель въ руки пришельцевъ. Достаточно раскрыть исторію этого народа, чтобы натолкнуться на факты, перель которыми меркнетъ все то, что собрано въ извѣстной книгѣ Н. Ремезова: „Очерки изъ жизни дикой Башкиріи“. Такъ, оказывается, что принадлежавшія къ Преображенскимъ мѣдноплавильнымъ заводамъ 100.000 десятинъ лѣса куплены были Твердышевнымъ за 300 руб. ассигнаціями, а въ 1829 году Гусятниковъ

владелецъ заводовъ, арендовалъ у башкиръ на срубъ (!) 10.000 десятинъ лѣса за 50 рублей серебромъ и нѣсколько фунтовъ чаю; 300.000 десятинъ лѣса и земель Вѣлорыцкаго желѣзодобывательнаго завода были куплены за 300 руб. ассигнаціями; наконецъ, Саймоновскіе прѣски, дававшіе нѣкогда до 40 пудовъ золота въ годъ, были куплены, совмѣстно съ 280.000 десятинъ лѣса и земель, за 180 рублей ассигнаціями. Старинные источники указываютъ отчасти и на причины, побуждавшія башкиръ къ подобнымъ, можно сказать, безумно-легкомысленнымъ продажамъ. Дѣло въ томъ, что конецъ прошлаго и первая десятилѣтія нынѣшняго столѣтія были временемъ крайне неспокойнымъ для Башкиріи; сами башкиры сознавали, что правительство имѣло извѣстное право отобрать ихъ земли, „какъ воровскія и бунтовщичьи“, въ казну. Поэтому они на всякій случай спѣшили продать ихъ, хотя бы за безцѣнокъ. Ко всему этому присоединилось еще желаніе добыть деньги безъ труда, неустойчивость инородца противъ „арани“, русской водки, абсолютное незнакомство съ дѣйствительной цѣнностью земли и увѣренность, что богатства башкира нестоимы.

Въ послѣднемъ отношеніи башкирамъ пришлось горько разочароваться. Въ настоящее время размѣры ихъ владѣній настолько сократились, что они уже перестали кочевать. Рѣдкіе изъ нихъ выходятъ на кочевку въ степь или въ курстарниковый лѣсъ. Чаше намъ приходится видѣть подобныхъ кочевниковъ на азиатскомъ склонѣ Урала. Обыденный башкиръ ограничивается тѣмъ, что на лѣто перебирается въ свой амбарчикъ или въ какой-нибудь шалашъ на дворѣ.

Нельзя не признать, что башкиры въ сущности и теперь болѣе или менѣе обезпечены. Они имѣютъ крупныя надѣлы, отъ 15—20 десятинъ на душу, и, кромѣ того, значительныя заповѣдныя, такъ называемыя запасныя земли; но хозяй-

ство их настолько первобытно и в чем настолько преобладает скотоводство, что башкиры нуждаются для своего пропитания в громадных угодьях. Стоять несколько ближе всмотраться в хозяйство типичного башкира.

Мянует холодная и голодная зима; башкирь спешит вдохнуть полной грудью. Он вновь наслаждается жизнью и теплом, пьет свой излюбленный кумыс с водою, ведет нескончаемая беседа с соседом, принимает гостей и сам разбъезжает по „кунакам“. Гостеприимство, вообще, очень развито у башкиря. Иногда устраиваются игры, состязания, борьба, скачки. Пивные и танцы не особенно в ходу. Окрестные жители: чуваша, татары и русские, давно уже вспахали поле и засѣяли его, а башкирь все медлит и ждет, не набѣжит ли дешевый работник или даже арендатор. Аренда для башкира самое излюбленное дѣло; но арендовать у него землю можно посоветовать только опытному человеку. Башкирь, в особенности, по близости къ городскимъ поселениямъ, страшно любитъ плутовать, хотя и плутуетъ довольно наивно: онъ, напримеръ, забираетъ задатокъ за одинъ и тотъ же клочокъ земли у нѣсколькихъ человекъ. Зато на судѣ онъ умѣетъ постоять за себя и надолго затянуть дѣло. Башкиры чрезвычайно любятъ судиться. Не даромъ про нихъ рассказываютъ, что иногда истецъ и отвѣтчикъ башкиры дружно ѣдутъ на одной лошади цѣлыя сотни верстъ въ губернской городъ, чтобы засудить другъ друга.

Нужно, впрочемъ, замѣтить, что наши крестьяне-переселенцы прекрасно справляются съ башкирами. Покинувъ свои захудалыя деревни, они на далекой восточной окраинѣ совершенно преображаются: становятся сильнѣе и смѣлѣе, они и ростомъ кажутся выше. Намъ неоднократно случалось любоваться подобными превращениями. Работящие крестьяне-арендаторы зачастую завладѣваютъ

отчуждаемыми землями башкиря. Знакомые мнѣ крестьяне арендовали, 12 лѣтъ тому назадъ, башкирскія земли въ Стерлитамакскомъ уѣздѣ, Уфимской губерніи, на правомъ берегу рѣки Бѣлой. Въ теченіе этихъ 12 лѣтъ они обстроились, завели пашни, пастбища, скотъ, а по истеченіи срока аренды сумѣли купить землю у башкиря по 7 рублей за десятину, тогда какъ средняя цѣна стояла не ниже 15 рублей.

Но возвратимся къ нашему башкирскому земледѣльцу. Когда потеряна всякая надежда на то, чтобы попользоваться чужими рабочими руками, башкирь неохотно и вяло принимается за дѣло и при этомъ, по бѣдности и по непредусмотрительности, обыкновенно может сдѣлать только самый ничтожный посѣвъ. Зачастую сѣмена ему приходится покупать у русскаго сосѣда. Наступаетъ конецъ лѣта, а башкирь тѣмъ временемъ ведетъ все тотъ же образъ жизни и окончательно разлѣивается. Ему нужно косить и убирать жатву, а онъ вмѣсто себя посылаетъ бабъ, на которыхъ и безъ того лежитъ вся тягость домашней работы, и подростковъ.

Мнѣ случалось видѣть, что башкиру не хватало характера пойти на поле взглянуть, какъ справляется его завѣдомый работникъ. Съ какимъ-то удивительнымъ равнодушіемъ признаетъ онъ, что запасовъ у него на зиму не хватаетъ, что ему придется голодать.

А между тѣмъ зима здѣсь такова, что могла бы заставить любого человека задуматься. Стужа и бураны, въ полномъ смыслѣ слова, ужасные. Достаточно вспомнить, что башкирскіе кордоны¹⁾, выдвигавшіеся въ прежнія времена противъ воинственныхъ киргизовъ, убрались съ 16 ноября по 16 мая: въ это время всякіе набѣги хищниковъ считались неммыслимыми.

Какимъ образомъ башкиры выживаютъ зиму—для насъ довольно загадочно. Это

^{1) Кордоны—небольшіе сторожевые отряды.}

яркій примѣръ того, что человекъ въ состояніи приспособиться ко всякимъ, даже наиболее тяжкимъ и изгодамъ. Маленькія, душныя и полутемныя избышки въ одну комнату имѣютъ дощатый полъ, большую часть безъ фундамента; доски подгнившія, съ большими щелями; изъ плохо законченныхъ стѣнъ страшно дуетъ. Оттапливаются эти избы русскими печами, старинными башкирскими чувалами—каминами и желѣзными печками: огонь поддерживается постоянно, и желѣзные печи накаляются докрасна, но въ то же время ледянить со всѣхъ сторонъ сквознякъ. Въ какомъ-то полуощепеннѣи жмутся башкиры, закутанные въ халаты и въ овчинные тулупы, на своихъ нарахъ, занимающихъ значительную часть всего помѣщенія. Лежатъ они на кошмахъ (войлокахъ), самодѣльныхъ коврахъ и на подушкахъ, число которыхъ опредѣляется зажиточностью хозяина.

За грязнымъ пестрымъ запавѣсомъ находится женская половина. Поддерживаютъ башкиры свое существованіе зимою, главнымъ образомъ, чаемъ, который они пьютъ съ величайшею охотою цѣлыми самоварами, начиная съ крѣпкого чая и кончая едва ли не одною теплою водичкою; чай пьется съ молокомъ и, если на то есть возможность, съ сахаромъ или медомъ. На зиму наготавливается овечьи сыръ „крутъ“; хлѣбъ ѣдятъ только поблизости къ городамъ, а „арахань“, мясо рогатаго скота, баранина или конина, составляетъ нынѣ уже относительную рѣдкость.

Но вотъ тяжелое время на исходѣ. Поѣло теплое, — опять весна — зелѣнетъ трава, обширныя пространства въ кустарниковыхъ лѣсахъ покрываются благоухающимъ шиповникомъ и жимолостью. Вся природа дышитъ счастьемъ. Счастливы и неприхотливы башкиря.

Говоря о башкирахъ, мы не можемъ не упомянуть о распространеніи грамотности среди нихъ. Башкиры, вообще, плохіе магометане и весьма поверхностно исполняютъ обряды своей религіи, но зато почти всѣ выучиваются у своихъ муллъ

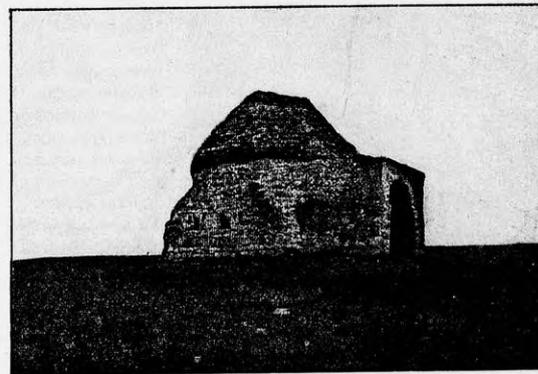

Рис. 317. Древній башкирскій храмъ.

читать и писать по-татарски. Старики не забываютъ грамоты и охотно почитываютъ священныя книги; люди средняго возраста, по нашей просьбѣ, недурно писали, хотя имъ рѣдко приходится упражняться въ этомъ искусствѣ. Дѣвочки учатся у жены муллы грамотѣ и рукодѣлю. Обученіе у башкиря бесплатное; муллы получаютъ, однако, подарки натурою отъ родителей своихъ воспитанниковъ. Воспитаніе ведется въ высшей степени мягко: наказаніе примѣняется очень рѣдко; хороший учитель ограничивается однимъ „аханомъ“, выговоромъ. Исключеніе ученика изъ школы—явленіе неслыханное.

Вотяки (рис. 318 и 319).

(Добротворскаго).

Рис. 318. Вотяки.

Вотяки—народъ нелюдимый. Они живутъ въ лѣсахъ, вдали отъ городовъ и русскихъ поселеній. По большой дорогѣ вы не встрѣтите ни одной вотяцкой деревни. Сосѣдство съ болотами, туманами и дикими звѣрями лѣсными вотяку больше нравится, чѣмъ сосѣдство съ людьми. Если рядомъ съ нимъ селится русскій, онъ покидаетъ свое родное пенелитце, свой домъ, поле и пасѣнку и идетъ дальше въ лѣсъ, строить тамъ новую избу и снова обзаводится хозяйствомъ, какъ это для него ни трудно.

Деревни у вотяковъ небольшія. Дома строятся безо всякаго порядка, какъ упало первое бревно. Одна изба стоитъ задомъ напередъ, другая угломъ выхо-

дитъ на улицу, третья къ дорогѣ бокомъ поставлена, а иная назадъ, на гумно, отошла, будто спряталась,—бонтея людямъ показаться.

Кругомъ стоитъ, зеленѣетъ прекрасный строевой лѣсъ. Стоитъ онъ ужь много-много лѣтъ, стоитъ да дожидается, когда же, наконецъ, человѣкъ вздумаетъ срубить его себѣ на потребу. Идутъ года, проходятъ десятки лѣтъ. Старыя матерьяя деревья падаютъ и гниютъ. На ихъ мѣстѣ расцвѣтаетъ новая жизнь, вырастаютъ молодые побѣги. Съ теченіемъ времени и они „выравниваются“, становятся большими деревьями, старѣются... А человѣкъ все нейдетъ и не трогаетъ ихъ, хотя и живетъ рядомъ и страшно нуждается въ лѣсѣ.

Въ керкѣ (избѣ) у вотяка грязно, сыро и темно. Печка безъ трубы; во время топки дымъ наполняетъ всю избу. Оттого вотяки часто болѣютъ глазами. Въмѣсто стеколъ, въ окнахъ натянута бычачій пузырь, такъ что въ избѣ постоянная сумерки. Полокъ и полатей въ вотяцкой избѣ нѣтъ. Ни скамеекъ, ни стульевъ здѣсь также не найдете. Обѣдаютъ вотяки стоя или сидя на полу. Избы никогда почти не чистятся и не моются. На полу обыкновенно нарастаетъ толстый слой грязи. Въ ненастную пору въ

Рис. 319. Вотяки.

избѣ бываетъ такая же слякоть, какъ на улицѣ.

На шесткѣ, въ небольшомъ мѣдномъ или жестяномъ котелочкѣ, постоянно варится тухлая зайчина, до которой вотякъ страшный охотникъ. Отъ этого въ избѣ стоитъ такой смрадъ, что свѣжій человѣкъ, войдя сюда въ первый разъ, легко можетъ упасть въ обморокъ. Кромѣ того, зимою въ избу загоняютъ на ночь весь домашній скотъ, кромѣ лошади.

Спать вотяки все вповалку, на полу—зимою вмѣстѣ со скотьяной, съ телятами, коровами, свиньями. „Теплѣе такъ-то“, говорятъ.

Трудно и представить себѣ, до чего доходитъ неопрятность и нечистоплотность вотяковъ. Они моютъ свои чашки и ложки въ лахани, надъ которой умываются и изъ которой пьютъ скотьяна,—вотяку это и горе мало... Не во что вотяку щей налить, онъ не задумается долго, возьметъ изъ-подъ лавки чашку, изъ которой собака и кошка локали молоко, и ѣсть изъ нея. Не всегда даже помоями въ лахани сполоснетъ: къ чему дескать? и такъ баско (хорошо).

На чистоту одежды вотяки также мало обращаютъ вниманія и ходятъ, вообще, грязно и неопрятно. Мужчины по одеждѣ своей мало чѣмъ отличаются отъ русскихъ крестьянъ: та же шляпа грешневинкомъ, тѣ же лапти, тотъ же кафтанъ изъ сѣраго грубаго сукна. Только названія разныя; такъ, полшубокъ по-вотяцки—пашъ, зипунъ—дукось, опучи—намыдъ и такъ далѣе. Несравненно удивительнѣе костюмъ женщинъ-вотячекъ. Ихъ сарафаны обшиты по подолу и рукавамъ красною лентой. Передникъ весь расшитъ разноцвѣтными нитками. На шею надѣвается монисто (мольясъ) изъ крупныхъ серебряныхъ монетъ. Въ ушахъ—серьги, а къ нимъ привязаны ленты, узананія старинными серебряными рублевниками и полтинниками. Отъ такой тяжести уши безобразно растягиваются и отвисаютъ, особенно у старухъ. Волосы

Наша страна.

свои вотячки завиваютъ на вискахъ булками и спускаютъ ихъ по бокамъ въ видѣ гирекъ. Сверху на голову надѣвается айшонь. Это нѣчто въ родѣ русскаго кокошника, только гораздо выше его; у нѣкоторыхъ щеголихъ онъ бы-

Рис. 320. Вотячка.

ваетъ въ три четверти аршина вышиною. Спереди и сзади айшонь унизывается сплошь серебряными денгами или оловянными бляхами и обвѣшивается лентами и кистями (рис. 319).

Но не слѣдуетъ заключать изъ этого, что вотяки богаты,—далеко нѣтъ. Иногда весь денежный капиталъ семьи заключается въ тѣхъ монетахъ, что бречатъ на айшонѣ и ожерельи хозяйки. Но монеты эти составляютъ фамиліную заветную святыню, и какъ ни бѣденъ вотякъ, онъ ни за что не согласится растратить ихъ.

Вотяки очень бережливы и трудолюбивы, но это все-таки не спасаетъ ихъ

отъ нужды. Работая круглый годъ, изо дня въ день, то въ лѣсу, то въ полѣ, вотякъ едва-едва сводитъ концы съ концами. Да и какъ сводить! Обыкновенно пицей его въ будни служатъ рѣдька, зайчина и сезь-пыжъ — овсяная мука, размѣшанная въ квасу. Въ праздники этотъ столъ пополняется тухлою кониной или другимъ какимъ-нибудь не мѣше вкуснымъ блюдомъ. Вообще, вотякъ не прихотливъ на пищу, не разборчивъ и ѣсть всякую гадость. Вотякъ и радъ бы ѣсть постоянно хорошій хлѣбъ, да нужда злодѣйка заѣла его совсѣмъ... Онъ и то изловчается выжимать изъ природы все, что только позволяетъ ему силы его ананія. На всемъ онъ норовитъ съэкономить и обойтись безъ покупки, извернуться собственными домашними средствами. Онъ самъ и кузнецъ, и плотникъ, и столяръ, и портной. Самъ все сдѣлаетъ, починитъ и исправитъ, никому не поклонится.. Ложки, чашки, столы, лыжи, сани,—все это у него самодѣльщина. Изъ бересты онъ дѣлаетъ умывальники, солонки, чашки. Самъ вялетъ себѣ шкуру изъ овечьей шерсти, самъ плететъ лапти, приготовляетъ сукно, шьетъ шубу и зипунъ, самъ устраиваетъ соху и борону, дѣлаетъ изъ мочалъ сбрую для лошади.

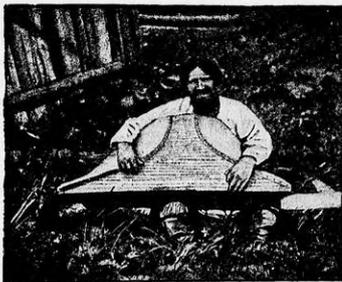

Рис. 321. Вотякъ-гусларь.

щина. Вотячки знаютъ цѣлебныя свойства многихъ травъ и растений и лѣчатъ ими.

Расчетливъ вотякъ до невѣроятности. На охотѣ за бѣлками, рябчиками и другою мелкою дичью вотякъ заряжаетъ ружье одной или двумя дробинками, никакъ не болѣе. Да и эти дробинки у него никогда не пропадаютъ. Онъ стрѣляетъ прекрасно, почти никогда не даетъ промаха, и когда станетъ снимать шкуру, то ужъ непременно найдетъ ихъ,—всю бѣлку по кусочкамъ распластаетъ, а все-таки найдетъ и снова употребитъ ихъ въ дѣло.

Но какъ ни бережливъ вотякъ, а нужда все-таки допекаетъ, одолеваетъ его...

Если вы хотите узнать народъ,—вслушайтесь въ его пѣсни. Въ нихъ, какъ въ зеркалѣ, отражается вся жизнь народа, его характеръ, вѣрованія и взгляды. У вотяка пѣсенъ, собственно говоря, нѣтъ. Онъ ихъ сочиняетъ въ то время, когда пѣть начинаетъ. Что видитъ передъ глазами, про то вотякъ и поетъ. Увидитъ зайца — и затянетъ: „Зайцъ бѣжитъ, зайцъ убѣжалъ! ой, хитрый, убѣжалъ!“ Замѣтитъ старый лапоть на землѣ — и про лапоть поетъ: „Лапоть лежитъ, ой-ду-ду лежитъ, а моя лошадъ бѣжитъ!“

Въ своихъ пѣсняхъ вотякъ не знаетъ веселыхъ напѣвовъ. Напѣвъ его пѣсенъ тихий и унылый. Въ нихъ слышатся грусть, глубокое безысходное горе. Даже на пиркахъ своихъ и на попойкахъ вотякъ не поетъ веселыхъ пѣсенъ.

Тѣмъ же безотраднымъ характеромъ запечатлѣны и всѣ молитвы вотяка. Въ нрѣтъ нѣтъ ни поэзія, ни чувства. Одно только горькое сознание собственного ничтожества и жалостная просьба о кускѣ насущнаго хлѣба — и ничего болѣе.

Бѣдность, невѣжество и даже кумышка *) не мѣшаютъ вотякамъ быть

*) Кумышка — горькая водка, имѣющая опьяляющее и одуряющее свойство, которую вотяки гоняетъ изъ овса.

добрыми и честными. Честность ихъ вошла даже у русскихъ въ пословицу. „Нынѣ право-то у Бога на небесахъ да у вотяка въ лѣсахъ“, говорятъ русскіе. Вотяку всегда вѣрить на слово, анал, что онъ ни въ какомъ случаѣ не обманетъ. Воровъ среди вотяковъ совсѣмъ нѣтъ. Замки, запоры стали вводиться у нихъ только въ недавнее время.

Между собою вотяки живутъ дружно, любовно. Они во всемъ помогаютъ другъ другу деньгами, работой, разумнымъ мужскимъ словомъ. Безъ совѣта сосѣдей вотякъ не рѣшается ни на какое дѣло. Случится ли у него нужда какая, или просто задумаетъ что-нибудь, вездѣ и всегда онъ прибѣгаетъ къ сосѣдямъ за помощью и совѣтомъ. Въ вотяцкихъ деревняхъ нѣтъ ни очень богатыхъ крестьянъ, у которыхъ сундуки ломятся отъ добра разнаго, ни такихъ бѣдняковъ, которымъ бы негдѣ было преклонить голову. Достатки у всѣхъ равны, всѣ живутъ одинаково. Тотъ же мартъ и любовь царятъ и въ семьѣ вотяка. Въ дому у нихъ никогда не слышно ругани. Мужъ не бьетъ и не тиранитъ своей жены, какъ это, къ сожалѣнію, бываетъ среди русскихъ крестьянъ. Женщины здѣсь вполне равноправны съ мужчиной. Она завела себѣ независимость своимъ трудолюбіемъ. Вотячка работаетъ ничуть не меньше мужа, даже, пожалуй, больше его, если принять во вниманіе, что, кромѣ

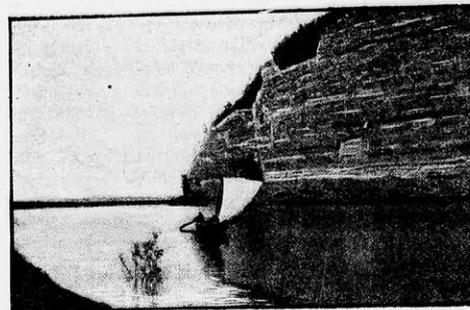

Рис. 322. Устье р. Камы. Обрывы пестрыхъ мергелей.

полевыхъ работъ, на ней лежитъ еще все домашнее хозяйство. Она отлично управляетъ съ сохой и бороной, коситъ не хуже мужика и лихо ѣздитъ верхомъ. Кромѣ того, она семейный докторъ в казначей, такъ какъ вотякъ на себя не полагается и отдаетъ всегда деньги на хранение женѣ. Живутъ вотяки большими семьями, иногда человѣкъ по тридцать или сорокъ въ одномъ домѣ, и живутъ всегда ладно, въ добромъ согласіи. Когда въ одной избѣ становится тѣсно, то расходятся по разнымъ дворамъ, но имущество при этомъ остается все-таки общее. Иногда цѣлыя деревни соединены между собою такимъ братскимъ союзомъ. Здѣсь всѣ работаютъ на одномъ полѣ, всѣ вмѣстѣ жнутъ, пашутъ, косятъ, всю артелью ходятъ на охоту, дѣлятъ хлѣбъ и добычу поровну, безъ обиды. Отрадно бываетъ встрѣтить въ глухихъ и дальнихъ сѣверныхъ лѣсахъ такую апостольскую общину.

Весенній сплавъ на р. Чусовой.

(Изъ разск. Д. Н. Мамина-Сибиряка).

I.

Распахнувъ окно, я долго любовался разстилавшейся передъ моими глазами картиной бойкой пристани, залитой

тысячеголосой волной собравшагося сюда народа; любовался Чусовой, которая сильно надулась и подняла свой синеватый грязный рыхлый ледъ, покрытый желтыми наледями и черными полыньями,

точно онъ проржавѣлъ; любовался густымъ ельникомъ, который, сейчасъ за рѣкой, поднимался могучей зеленой стѣной и выстилалъ загоравившій къ рѣкѣ дорогу горы. Въ логахъ еще лежалъ снѣгъ, точно извѣданный червями; по проталинамъ зазеленѣла первая весенняя травка, но березы были еще совсѣмъ голы и печально свѣсили свои припухшія красноватая вѣтви.

Каменка, одна изъ нижнихъ чувскихъ пристаней, раскинула свои полтора бревенчатыхъ изъбы по крутому правому берегу въ углу, который образовала съ Чусовой бойкая горная рѣчка Каменка. Моя комната была во второмъ этажѣ, и изъ окна открывался широкій видъ на рѣку и собственно на пристань, т.-е. гавань, гдѣ строились и грузились барки, на шлюзъ, черезъ который барки выплывали на Чусовую, лѣсопильню, приотвишшую сейчасъ подъ угоромъ, на которомъ стоялъ домъ, гдѣ я остановился, и на красавищуся вдали двухъэтажную караванную контору, построенную на самомъ юру, на стрѣлкѣ между Каменкой и Чусовой. За рѣкой Каменкой, на низкомъ, отлогомъ берегу, приткнулась маленькая деревушка, точно она сейчасъ вылѣзла изъ воды своими двумя десятками избушекъ и теперь сушилась на солнечномъ пригрѣвѣ. Гавань устроена, вѣроятно, изъ островка или песчаной косы, которая образовалась на самомъ устьѣ Каменки; нижняя часть этой косы была соединена съ крутымъ берегомъ, на которомъ раскинулась пристань широкой плотиной. Берега гавани, въ сплошную, обставлены деревянными магазинами для слюда металловъ, строящимися и совсѣмъ готовыми барками; вездѣ валялись бревна, сложенные въ желтые квадраты, свѣжій теель, обломки сгнившихъ барокъ, кучи пакли, козла и платформы спущенныхъ въ гавань барокъ. Нѣсколько огней, около которыхъ варили смолу для барокъ, дополняли картину. Весь берегъ былъ залитъ народомъ, который толпился,

главнымъ образомъ, около караванной конторы и магазиновъ, гдѣ торопливо шла нагрузка барокъ; тысячи четыре бурлаковъ, какъ живой муравейникъ, облѣпили все кругомъ, и въ воздухѣ висѣлъ глухой гулъ человѣческихъ голосовъ, рѣзкій лагъ нагружаемаго желѣза, удары топора, рубившаго дерево, визгъ пилы и глухое постукиванье рабочихъ, конопатившихъ уже готовую барку, точно тысячи лятловъ долбили сырое, крѣпкое дерево. И надъ всей этой картиной широкой волной катилась безшабашная бурлацкая „Дубинушка“. Не успѣвалъ замѣрить въ одномъ мѣстѣ дружный окрикъ работавшихъ бурлаковъ, какъ сейчасъ же съ новой силой вставалъ въ другомъ. Могучій валъ самой пестрой смѣси звуковъ гулкимъ эхомъ отдавался на противоположномъ берегу и, какъ пѣнистая волна вѣшной полой воды, тянулся далеко внизъ по рѣкѣ, точно рокотъ живого человѣческаго моря. Эта картина кипучей дѣятельности тысячъ людей представляла неизгѣримый контрастъ съ тѣмъ глубокимъ, мертвымъ сномъ, какимъ покоится пристань Каменка цѣлый годъ, за исключеніемъ двухъ-трехъ недѣль весенняго сплава. Еще день или два, рѣка взломаетъ ледъ, и вмѣстѣ съ водой ульмываетъ вся эта бѣшеная работа, неистовый шумъ и крикъ, и опять все будетъ тихо и мертво кругомъ, вплоть до будущей весны.

— Съ весной, голубчикъ! Съ весной поздравляю! — кричалъ хриплымъ голосомъ хозяинъ моей квартиры, врываясь въ комнату въ высокихъ охотничьихъ сапогахъ и въ короткомъ ватномъ пиджакѣ.

II.

Я долго бродилъ по пристани, толкаясь между крестьянскими артелями и другими бурлацкимъ людомъ. Шумъ и гамъ живого человѣческаго моря утомлялъ слухъ, а эти испитыя лица и однообразные лохмотья мозолили глаза.

Картины и типы повторялись на одну тему, кипѣвшая сумятица начинала казаться самымъ обыкновеннымъ дѣломъ.

Послѣ обѣда, когда я успѣлъ немного отдохнуть отъ вороха воспринятыхъ ощущений, я опять отправился бродить по пристани, только на этотъ разъ пошелъ не къ караванной конторѣ, а въ противоположную сторону, по нагорному берегу Чусовой, гдѣ видѣлись славныя изъбы, и голы бурлаковъ не были такъ густы.

Между прочимъ, здѣсь мнѣ кинулись въ глаза нѣсколько бурлацкихъ группъ, которые отличались отъ всѣхъ другихъ тѣмъ, что среди нихъ не слышалось шума и говора, не вырывалась пѣсня или веселая прибаутка, а, напротивъ, кака-то мертвая тишина и неподвижность дѣлала ихъ замѣтными среди другихъ бурлаковъ. Кромѣ рыхлыхъ овчинныхъ полушубковъ, сѣрыхъ кафтановъ и лаптей, здѣсь попадались бѣлые войлочные шляпы, съ широкими полями, мѣховые треухи, оленьи круглыя шапки съ наушниками и просто невообразимая рвань, какимъ-то чудомъ державшаяся на головахъ. Обладатели этихъ треуховъ, бѣлыхъ шляпъ и оленьихъ шапокъ совсѣмъ не принимали никакого участія въ общемъ шумѣ и гвалтѣ, а боязливо держались поодаль отъ остальныхъ бурлаковъ. По всему было замѣтно, что эти люди чувствовали себя совсѣмъ чужими въ этомъ разгулявшемся морѣ, а сознание своей отчужденности заставляло ихъ сбѣгать въ отдѣльныя кучки.

— И уродить же Господь-батюшко эту страсть! — богобоязливо и съ замѣтнымъ отвращеніемъ говорила какая-то старушонка, тащившая къ гавани рѣшетку съ свѣжими калачами.

Нѣсколько мальчишекъ образовали около смѣлявшихся людей двѣ-три веселое смѣявшихся шеренги; мальчишки посмѣтые пробовали заговорить съ ними, но, не получая отвѣта, ограничивались тѣмъ, что громко хохотали и указывали пальцами.

— Гли, робя, шапка-то какъ на ѣмъ! — рѣзко выкрикивалъ босой мальчуганъ, вытирая носъ рукавомъ рубахи. — Какъ мукоморь. А глаза узонькие да чернящие! Страсть!

— А у другого - то, робя, ремennyй поясъ и скобка прикована къ поясу... Дядя, на што скобку приковаль?

— Это бороться, надо полагаютъ.

— Врешь. Они топоры въ скобахъ носятъ... Гли - ко, огниво у каждаго! Тоже вотъ нехристи, а огонь любить.

Эти странные, молчаливые люди — инородцы, которыхъ на каждый сплавъ сбирается изъ разныхъ мѣстъ Урала иногда нѣсколько сотъ. Были тутъ башкиры изъ Уфимской губерніи, пермяки изъ Чердынского уѣзда, вогулы изъ Верхотурскаго, зыряне изъ Вологодской губерніи, татары изъ Кунгурскаго уѣзда и изъ-подъ Лаишева.

Изъ-подъ бѣлыхъ войлочныхъ шляпъ сверкали черные съ косымъ разрѣзомъ глаза кровныхъ степняковъ цѣлѣйшей Башкиріи; изъ-подъ оленьихъ шапокъ и треуховъ выглядывали прямые, жесткіе волосы съ чернымъ отливомъ, а приподнятыя скулы точно сдавливали глаза въ узкія щели. Бѣлобрысые пермяки съ безцѣтными, какъ пергаментъ, лицами, сѣрыми глазами и неподвижно сложенными губами казались еще безжизненнѣе и сѣрѣе рядомъ съ пронрыливыми и хитрыми зырянами.

Основные типичныя черты монгольскаго типа перемѣшались здѣсь съ финскими, и, право, трудно было рѣшить, кто изъ нихъ былъ жалче.

Русская бѣдность и ницета казались богатствомъ по сравнению съ этой степной голтыбтой и жертвами медленнаго вымирания самыхъ глухихъ лѣсныхъ дѣбрей. Какъ ни бѣдѣтъ русской бурлацкѣ, но у него есть еще впереди что-то въ родѣ надежды, осталось сознание необходимости борьбы за свое существованіе, а здѣсь крайній сѣверъ и степная Азія производили подавляющее впечатлѣніе пальцами.

своей мертвой апатией и полнейшей беспомощностью. Для этих людей не было будущего, они жили сегодняшним днем, чтобы медленно умереть завтра или послезавтра.

Жизнь других казалась башкиры и татары, которые, потому, и сосредоточивали на себе особенное внимание мальчишек.

„Славя гулять, вода ташилъ, барка кунчалъ“... задорно подраживал какой-то бѣлоголовый мальчуганъ.

Моя попытка разговаривать съ этими дикарями кончилась полной неудачей и вызвала только неумолкаемый смѣх маленькой веселой публики. При помощи трехъ словъ: „гулять“, „ташилъ“ и „кунчалъ“, трудно было разговаривать съ незнакомыми людьми, а перьяки и этого не знали. Одинъ, впрочемъ, какъ-то апатично произнесъ одно слово: „кльпъ“, т.-е. хлѣбъ.

— Нянь?—спросилъ я.

— Нянь, нянь...—отвѣтилъ пермякъ и даже не удивился, услышавъ свое родное слово; по-пермяцки „нянь“ значитъ хлѣбъ.

Другихъ пермяцкихъ словъ въ моемъ лексиконѣ не оказалось, и я расстался съ молчаливыми людьми, приговоренными исторіей къ истребленію. Но эти лица и это единственное русское слово „кльпъ“ все время не выходили у меня изъ головы. Какая сила была этихъ людей изъ ихъ дремучихъ лѣсовъ и привольныхъ степей и выкинула сюда, на берегъ далекой горной рѣки? Отвѣтъ, конечно, одинъ: нужда, которая въ лѣсу и степи еще страшнѣе и безопаснѣе, чѣмъ по городамъ и селамъ. Какъ солнечная теплота, заставляла таять зимній снѣгъ, собирать воду въ извѣстные водоемы, такъ и нужда стягиваетъ живую человѣческую силу въ опредѣленные боевые мѣста, гдѣ не существуетъ разницы племенъ и языковъ. Наблюдая этихъ позавѣстныхъ исторіей людей, эту живую иллюстрацію желѣзнаго закона вымирания сла-

бѣйшихъ цивилизацій подъ напоромъ и давленіемъ сильнѣйшихъ, я испытывалъ самое тяжелое, гнетущее чувство, которое охватывало душу мертвящей тоской. Въдѣ вся исторія человечества создана на подобныхъ жертвахъ, въдѣ подъ каждымъ благодѣніемъ цивилизаціи таятъ тысячи и миллионы безремьно погибшихъ въ непослѣдній борьбѣ существованій, въдѣ каждый вершокъ земли, на которомъ мы живемъ, напоенъ кровью аборигеновъ, и каждый глотокъ воздуха, каждая наша радость отравлена мириадами безвѣстныхъ страданій, о которыхъ позабыла исторія, которымъ мы не прибережъ названія, и которымъ каждый новый день хоронитъ мать-земля въ своихъ нѣдрахъ.

III.

Чусовая—одна изъ самыхъ капризныхъ горныхъ рѣкъ. Самыя заурядныя явленія, повторяющіяся періодически, не поддаются наблюденію и каждый разъ создаютъ новыя подробности, какія въ такомъ рискованномъ дѣлѣ, какъ сплавъ барокъ, вмѣютъ рѣшающее значеніе. Это зависитъ отъ тѣхъ физическихъ условий, какими обставлено теченіе Чусовой на всемъ ея протяженіи. Начать съ того, что паденіе Чусовой превосходитъ всѣ славянныя русскія рѣки: въ своей горной части, на разстояніи 400 верстъ до того пункта, гдѣ ее пересекаетъ Уральская желѣзная дорога, она падаетъ на 80 сажень, что составляетъ на каждую версту рѣки 20 сот. сажени, а въ самомъ гористомъ мѣстѣ теченія Чусовой это паденіе достигаетъ 22 сот. сажени на версту. Для сравненія этой величины достаточно указать на паденіе Камы, Волги и Сѣверной Двины, которое равняется всего 2—3 сот. сажени. Затѣмъ коренная вода на перекатахъ и переборахъ въ межень стоитъ 4 вершка, а весной здѣсь же сплавной валъ иногда достигаетъ страшной высоты въ 7 аршинъ.

Для сплава, конечно, самое важное, когда ледъ вскрыется на рѣкѣ. Но и здѣсь привыкаться къ Чусовой очень трудно, можетъ выйти даже такъ, что при малыхъ снѣгахъ рѣка сама не въ состояніи взломать ледъ, и главный запасъ весенней воды, при помощи котораго сплавляются караваны, уйдетъ подо льдомъ. Поэтому вопросъ о вскрытіи Чусовой для всѣхъ расположенныхъ на ней пристаней, въ теченіе нѣсколькихъ недѣль, составляетъ самую горячую злобу дня, отъ него зависитъ все. Чтобы предупредить неожиданные сюрпризы капризной рѣки, обыкновенно взламываютъ ледъ на Чусовой, выпуская воду изъ Ревдинскаго пруда. А такъ какъ вода въ каждомъ заводскомъ прудѣ составляетъ живую двигающую силу, то такой выпускъ изъ Ревдинскаго пруда обставленъ множествомъ недоразумѣній и препятствій, самое главное изъ которыхъ заключается въ томъ, что судостроители не могутъ никакъ прийти къ соглашенію, чтобы дѣйствовать заодно. Однимъ нужно раньше выпустить воду, другимъ позже, идутъ безконечныя препирательства, пока ревдинское заводоуправленіе, въ видахъ отравленія собственнаго каравана, не сдѣлаетъ такъ, какъ ему угодно. Остальнымъ пристанямъ приходится уже только ловить золотыя минуты, потому что пропуститъ какой-нибудь часъ, и все дѣло можетъ испортитъ. Поэтому ожиданіе, когда Ревдинскій прудъ спуститъ воду, чтобы взломать на Чусовой ледъ, принимаетъ самую напряженную форму; всѣ разговоры ведутся на эту тему, одна мысль вертится у всѣхъ въ головѣ.

Понятно то оживленіе, которое охватило всю Каменку, когда на улицѣ пронесся крикъ:

— Вода пришла!.. Вода... Ледъ тронулся!..

Это было глубоко торжественный моментъ.

Все, что было живо и не погерло способности двигаться, высыпало на бе-

регъ. Въ строй, однообразной толпѣ бурлаковъ, какъ макъ, застрѣли женскіе платки, яркіе сарафаны, цѣтныя шуганы. Ребятишкамъ былъ настоящей праздникъ, и они метались по берегу, какъ стаи воробьевъ. Выползали старе-старые старики и самыя древнія старушки, чтобы хотя однимъ глазкомъ взглянуть, какъ нынче разыграла матушка Чусовая. Нѣкоторые старики плохо видѣли, были даже совсѣмъ слѣпые, но имъ было дорого хотя послушать, какъ идетъ ледъ по Чусовой и какъ галдитъ народъ на берегу. Вѣроятно, многіе изъ этихъ ветерановъ чусового сплава, вдоволь порабатовавшихъ на своемъ вѣку на Чусовой, и пришли на берегъ съ печальнымъ предчувствіемъ, что они, можетъ-быть, въ послѣдній разъ любуется своей поилцей-кормилицей. Сюда же на берегъ выползли, приковыляли и были вытасканы на рукахъ до десятка разныхъ калѣкъ, пострадавшихъ на весеннихъ сплавахъ: у одного ногу отдалило поноснымъ, другому руку оторвало порывшейся снастью, третій корчился и ползаетъ отъ застарѣвшихъ ревматизмовъ. Эти печальные диссонансы какъ-то совсѣмъ исчезали въ общемъ весельѣ, которое охватило разомъ всю пристань. Это былъ настоящей праздникъ, нагонявший на всѣ лица веселыя улыбки.

— Вамъ, можетъ-быть, идетъ пенсія?—спросилъ я одного такого калѣку.

— Какая пенсія?—переспросилъ онъ съ удивленіемъ.

— Изъ караванной конторы пенсія... пособие.

— Нѣтъ, у насъ никакихъ пособіевъ не полагаются, баринъ.

— Да въдѣ тебѣ руку-то оторвало во время сплава, на караванной работѣ?

— Снастью отрѣзало... Я у огня стоялъ, а снасть-то и оборвисъ.

— Ну, такъ караванная контора и должна была тебѣ назначить денежное пособие, рубля хоть три въ мѣсяцъ. Какій ты работникъ безъ руки?

— Уясъ это што говорить: калѣка—калѣка и есть, куда меня повернуть. Пока около сродственниковъ прокармливаюсь, а тамъ и по-миру доведется итти. Такъ контора-то обязана, говоришь, насчетъ пособія?

— Конечно, обязана.

Мужикъ задумался: перспектива получить пособие смуглила его, хотя онъ и не доверялъ моимъ словамъ. Послѣ мнутаго раздумья онъ махнулъ оставшейся рукой и проговорилъ:

— Нѣтъ, баринъ, это никакъ невозможное...

— Почему?

— А ты посчитай-ка, сколь у насъ на одной Каменкѣ калѣк, а тутъ мы всѣ и приложимъ въ контору насчетъ пособія... Да это и денегъ неостанетъ... Которымъ сплавщикамъ уѣзнымъ—это точно, пособие бываетъ, а чтобы нашему брату, бурлаку... Вонъ онъ, Осипъ-то Иванычъ¹⁾ стоитъ, сунься-ко къ нему, онъ те задастъ такое пособие... Ишь, какъ глазищами ворочаетъ, въ родѣ какъ осетеръ...

Нахлынувшій валъ подъялъ ледъ, какъ яичную скорлупу; громадная льдыня съ трескомъ и шумомъ ломалась на каждомъ шагу, громоздились одна на другую, образуя заторы и, какъ живыя, лѣзли на всякій мысокъ и отлогость, куда ихъ прибывало сильной водяной струей. Недавно мертвая и неподвижная рѣка теперь шевелилась на всемъ протяженіи, какъ громадная змѣя, съ шипѣньемъ и свистомъ, собиравъ свои ледяныя кольца. Валоманный ледъ тянулся безъ конца, оставляя за собой холодную струю воздуха; вода продолжала прибывать, съ пѣной катилась на берегъ и жадно сосала остатки лежащаго тамъ и сямъ снѣга. Въмѣстѣ съ льдынями несло оторванные отъ берега молодыя деревья, старые пни, какиѣ-то доски и разный другой хламъ.

¹⁾ Приказчикъ на пристани.

Чусовскіе сплавщики—одно изъ самыхъ интересныхъ и въ высшей степени типичныхъ явленій своеобразнаго жизни чусовскаго побережья. Достаточно указать на то, что совсѣмъ безграмотные мужики дорабатываются до высшихъ соображеній математики и рѣшаютъ на практикѣ такіе вопросы техники плаванія, какіе неизвѣстны даже въ теоріи. Чтобы быть заправскимъ настоящимъ сплавщикомъ, необходимо имѣть колоссальную память, быстроту и энергію мысли и, что всего важнѣе, нужно обладать извѣстными душевными качествами. Прежде всего, сплавщикъ долженъ до малѣйшихъ подробностей изучить все течение Чусовой на разстояніи 400—500 верстъ, гдѣ рѣка на каждомъ шагу содеваетъ и громоздитъ тысячи новыхъ препятствій; затѣмъ онъ долженъ основательно усвоить въ высшей степени сложныя представленія о движеніи воды въ рѣкѣ при всевозможныхъ уровняхъ, объ образованіи суводей, струй и водоворотъ, а главное—досконально изучить законы движенія барки по рѣкѣ и тѣ исключительныя условія сочетанія скоростей движенія воды и барки, какія встрѣчаются только на Чусовой. Нужно замѣтить еще то, что каждый вершокъ лишней воды въ рѣкѣ выносить съ собою коренныя измѣненія въ условіяхъ: при одной водѣ существуютъ такія-то опасности, при другой—другія. При малой водѣ выступаютъ „огрудки“¹⁾ и „таши“²⁾, а при высокой—съ баркой подъ „бойцами“ невозможно никакъ справиться. Но одного знанія, одной науки здѣсь мало; необходимо умѣть практически приложить ихъ въ каждомъ данномъ случаѣ, особенно въ тѣхъ страшныхъ боевыхъ мѣстахъ, гдѣ отъ одного движенія руки зависить участь всего дѣла. Хладнокровіе, выдержка, смѣлость—самыя необходимыя качества для сплав-

¹⁾ Огрудки—мели въ срединѣ рѣки, гдѣ сгущается рѣчной хрянь.

²⁾ Таши—подводные камни.

щика: бываютъ такіе случаи, что сплавщики, обладающіе всѣми необходимыми качествами, добровольно отказываются отъ своего ремесла, потому что въ критическіе моменты у нихъ „не хватаетъ духу“, т.-е. они терпятъ въ случаѣ опасности. Кромѣ всего этого, сплавщикъ съ одного взгляда долженъ понять свою барку и внушить бурлакамъ полное довѣріе и уваженіе къ себѣ. Но все сказанное вполнѣ можно понять только тогда, когда видишь сплавщика въ дѣлѣ на утломъ, сшитомъ на живую нитку суденышкѣ, которое не только должно бороться съ разбушевавшейся стихійной силой, но и выйти побѣдителемъ изъ неравной борьбы.

Понятно, что типъ чусовскаго сплавщика выработывался въ теченіе многихъ поколѣній путемъ самой упорной борьбы съ бѣшеной горной рѣкой, при чемъ ремесло сплавщика переходило вмѣстѣ съ кровью отъ отца къ сыну. Обыкновенно выучка начинается съ дѣтства, такъ что будущій сплавщикъ органически срастается со всѣми подробностями тѣхъ опасностей, съ какими ему придется въ послѣдствіи бороться. Такимъ образомъ бурная рѣка, барка и сплавщикъ являются только отдѣльными моментами одного живого дѣла, одной комбинаціи.

IV.

Въ гавани работа кипѣла. Половина барокъ была совсѣмъ готова, а другая половина нагружалась. При нагрузкѣ барокъ непремѣнно присутствуютъ сплавщикъ и водолавъ; первый слѣдитъ за тѣмъ, чтобы барка грузилась по всѣмъ правиламъ искусства, а второй принимаетъ на свою отвѣтственность металлы.

На каждую барку идетъ около 300 бревенъ, такъ что она вмѣстѣ съ работою стоитъ рублею 500. Главное достоинство барки—быстрота хода, что зависить отъ сухости лѣса, отъ правильности постройки и отъ нагрузки. Опытный сплав-

щикъ въ нѣсколько минутъ изучаетъ свою барку во всѣхъ подробностяхъ и на глазомѣрѣ скажетъ, гдѣ пушено лишнихъ полвершка. Чтобы спустить барку въ воду, собирается больше сотни народа. Отъ платформы, на которой стоитъ барка, проводится къ водѣ склизина, т.-е. бревна, намазанныя смолой или саломъ; по этимъ склизинамъ барка и спускается въ воду. Спишка барокъ не идетъ за настоящую работу, какъ, напримѣръ, нагрузка, хотя отъ безтолковой суеты можно подумать, что творится и Богъ вѣсть какая работа. Самый трагическій моментъ такой спишки наступаетъ тогда, когда барку гдѣ-нибудь „заѣдетъ“, т.-е. встрѣтится какое-нибудь препятствіе для дальнѣйшаго движенія. При помощи толстыхъ канатовъ (снасть) и чегеня (обыкновенные колья) барка при веселой „Дубинушкѣ“ наконецъ всплываетъ на воду и переходитъ уже въ вѣдѣніе водолава, на прямой обязанности котораго находится слѣдить за исправностью судна все время каравана. Сплавщикъ обязанъ только сплавить барку въ цѣлости, а все остальное—дѣло водолава. Такъ что на баркѣ настоящимъ хозяиномъ является водолавъ, а сплавщикъ только командуетъ бурлаками.

Сплавщики съ разныхъ пристаней славятся разными достоинствами: съ однихъ пристаней не садятся на огрудки, съ другихъ ловко проводятъ барки подъ бойцами или на переборахъ. Но и у самыхъ лучшихъ сплавщиковъ есть извѣстные, почти органическіе недостатки и роковыя мѣста; если разъ сплавщикъ уберетъ барку подъ бойцомъ, въ слѣдующій разъ онъ уже теряетъ присутствие духа подъ нимъ. Случается такъ, что сплавщикъ бьетъ барки всего только подъ однимъ бойцомъ. Это зависить разъ отъ совершенно особенныхъ условій, съ которыми приходится бороться подъ каждымъ новымъ бойцомъ, а съ другой стороны, отъ того, что предыдущая неудача „огниваетъ духъ“.

V.

Иго-то на балконѣ махнулъ бѣлымъ платкомъ, на берегу грянулъ пушечный выстрѣлъ, и ворота шлюза растворились. Барка за баркой потянулись въ рѣку; при выходѣ изъ шлюза нужно было сейчасъ же дѣлать крутой поворотъ, чтобы струей, выпущенной изъ шлюза, не выкинуло барку на другой берегъ, и пятьдесятъ человѣкъ бурлаковъ работали изъ послѣднихъ силъ, подбрасывая тяжелые потесы, какъ игрушку. Одна барка черкнула носомъ, другая чуть не омельѣла у противоположнаго берега, но во-время успѣла отуриться, т.-е. пошла впередъ кромой.

Наступила наша очередь. Савоська ¹⁾ поднялся на свою скамеечку, поправилъ картузъ на головѣ и заученнымъ тономъ командовалъ:

— Отдай снасть!..

Двое косныхъ подобрали отвязанный на берегу канатъ къ огниву, и барка тихо поплыла къ горбатуму мосту. Замѣтно было, что Савоська немного волнуется для перваго раза. Да и было отъ чего: другія барки вышли въ рѣку благополучно, а вдругъ онъ осрамится?..

Вотъ и горбатый мостъ; вода въ открытый шлюзъ летитъ сдавленной струей, точно въ воронку, наша барка быстро врывается въ рѣку, и Савоська кричитъ отчаяннымъ голосомъ:

— Носъ направо, молодцы! Сильно-гораздо, носъ направо! Направо носъ!.. Корму поддержи!..

Барка дѣлаетъ благополучно крутой поворотъ и съ увеличивающейся скоростью плыветъ впередъ, оставляя бегеогъ, усыпанный народомъ. Кажется въ первую минуту, что плыветъ не барка, а самые берега, вѣстѣ съ горами, лѣсомъ, пристономъ, нараванной канторой и этими людьми, которые съ каждымъ

мигновеніемъ дѣлаются все меньше и меньше.

Вотъ въ послѣдній разъ взмылъ кверху бѣлой шапкой клубъ дыма и гулко прокатился по рѣкѣ рокотъ пушечнаго выстрѣла, а барка уже огибаетъ песчаную узкую косу, и впереди стелется безконечный лѣсъ, встаютъ и надвигаются горы, которыя сегодня, подъ этимъ сѣрымъ свинцовымъ небомъ, кажутся выше и угрюмѣе.

Каменка быстро скрылась изъ виду. Мимо зеленой шпалерой бѣжитъ темный ельникъ, шальная вѣшная волна съ захватывающимъ стономъ хлещетъ въ крутой берегъ, и барка несется впередъ все быстрѣе и быстрѣе.

— Похаживай, молодцы!—весело крикиваетъ Савоська, прищуренными глазами зорко глядявался на быстро бѣгущую намъ навстрѣчу синевато-сѣрую даль.

Барка быстро плыва въ зеленыхъ берегахъ, вѣрнѣе, берега бѣжали мимо насъ, развертываясь причудливой цѣпью безконечныхъ горъ, крутыхъ утесовъ и глубокихъ логовъ. Это было глухое царство настоящей сѣверной ели, которая лѣпилась по самымъ крутымъ обрывамъ, цѣпляясь корнями по уступамъ скалы, и образовала сплошныя массы по дну логовъ, точно тамъ стояло стройными рядами цѣлое войско могучихъ зеленыхъ великановъ.

Рѣка неслась какъ бѣшеный звѣрь. Въ излучинахъ и закругленіяхъ водяная струя съ шипѣніемъ и осущимъ свистомъ свивалась въ одинъ сплошной пѣнившійся клубъ, который съ ревомъ лѣзъ на камни и, отброшенный ими, развивался дальше широкой клочкотавшей и бурлившей лентой. Въ этомъ бѣшеномъ разгулѣ могучей стихійной силы ключомъ била суровая поэзія глухого сѣвера,—поэзія титанической борьбы съ первозданными препятствіями, борьбы, не знавшей мѣры и границъ собственнымъ силамъ. Это былъ апогеевъ стихійной работы великаго труженника, для котораго тѣсно

было въ этихъ горахъ и который точилъ и рвалъ цѣлыя скалы, неудержимо прокладывая широкий и вольный путь къ теплему, южному морю. Нужно видѣть Чусовую весной, чтобы понять тѣ поэтическія грезы, преданія, саги и пѣсни, какія вырастаютъ около такихъ рѣкъ такъ же естественно и закононо, какъ этотъ сказочный богатръ — лѣсъ.

Только когда барку подхватило струей, какъ перышко, и понесло впередъ съ неудержимой бѣшеной быстротой, только тогда я понялъ и оцѣнилъ, почему бурлаки относятся къ баркѣ, какъ къ живому существу. Это нескладное суденышко, спитое на живую нитку, дѣйствительно, превратилось въ одно живое цѣлое, исторически сложившееся мужицкимъ умомъ, управляемое мужицкой волей и преодолевающее на своемъ пути почти непреодолимыя препятствія мужицкой силой, той силой, которая смѣло вступала въ борьбу съ самой бѣшеной стихіей, чтобы побѣдить ее.

Первое впечатлѣніе отъ этой живой бурлацкой массы, которая волной шевелилась на палубѣ, получалось самое смутное: отдѣльныя фигуры исчезали, сливаясь въ безформенную кучу тряпья и рвани. Вы видите только, какъ два поносныхъ съ страшной силой распахиваютъ воду, два пѣнящихся вала и снова поднимаются изъ воды. Только мало-помалу изъ этой безформенной шевелящейся массы начинаютъ выступать отдѣльныя фигуры и лица, и вы, наконецъ, разбираетесь въ работѣ этого муравейника. Вотъ у поносныхъ подъ губой—конечъ поноснаго съ кочетомъ — стоятъ плечистые ребята: это подгубщики, которые выбираютъ изъ самыхъ сильныхъ бурлаковъ. У насъ всѣ четыре подгубщика были „каменщи“, самый отчаянный народъ и замѣчательно ловко работавшій. Не успѣвала команда сорваться у Савоськи съ языка, какъ подгубщики уже бросали поносное въ воду, налегая на губу всею грудью. На такую работу

„однимъ сердцемъ“ можно залюбоваться. На каждой палубѣ по два поносныхъ. У лѣваго поноснаго подгубщикомъ стоитъ рослый бурлакъ Гришка; онъ въ одной пестрядевой рубахѣ, пестрядевые порты шероховато забраны подъ носомъ очуци, забинтованныя крестъ-накрестъ свѣжими веревочными новыхъ лаптей. Изъ-подъ кожаной фуражки, которая сидитъ на головѣ Гришки, какъ блинъ, глядятъ узкими черными глазами коровое, изрытое оспой лицо съ жидкой растительностью на подбородкѣ. „Ошно навались, робя!“ говоритъ онъ, всею грудью напирая на свою губу; видно, какъ подъ рубахой напряживаются желѣзные мускулы, лицо у Гришки наливается кровью, даже синѣетъ отъ напряженія, но онъ счастливъ и ворукаетъ свое бревно, какъ шестигодовалый медвѣдь.

На задней палубѣ толклось нѣсколько башкиръ. Они держались особнякомъ. Мало-по-малу всѣ присмотрѣлись другъ къ другу, и на баркѣ образовалось сплоченное общество, при чемъ всѣ элементы заваяли надлежащее мѣсто. Меня всегда удивляла необыкновенная суровость русскаго человѣка къ быстрому образованію такого общества; достаточно нѣсколькихъ часовъ, чтобы люди, совершенно незнакомые, слились въ одну органическую массу, при чемъ образовалась что-то въ родѣ безмолвнаго соглашенія относительно достоинствъ и недостатковъ каждаго. Безъ словъ всѣ отлично понимали сущность дѣла, и общественное мнѣніе сейчасъ же вступило въ свои права. Я особенно любовался Савоськой, которому достаточно было окинуть глазомъ эту толпу, чтобы сразу опредѣлить, кто и чего стоитъ. Настоящаго работника онъ чувствовалъ уже потому, какъ тотъ брался за кочетъ поноснаго. Тысячами мельчайшихъ примѣтъ, приобретенныхъ постояннымъ обращеніемъ „на людяхъ“, выработали у Савоськи тотъ глазомѣръ, который безошибочно опредѣляетъ микроскопическія особенности.

¹⁾ Славящикъ.

— Веселенько похаживай, голуби! — покринивает Савоська, глядя вдаль. — Ночь нальво ударь... ность - оть!.. Шабашь, корма!

Я любовался этимъ Савоськой, который, разставив широко ноги на своей скамеечкѣ, теперь служилъ олицетвореніемъ движенія. Голось звучалъ уверенно и твердо, въ каждомъ движеніи сказывалась напряженная энергія. Онъ слился съ баркой въ одно существо. Но нужно было видѣть Савоську въ трудныхъ мѣстахъ, гдѣ была горячая работа; голось его росъ и крѣпчалъ, лицо оживлялось лихорадочной энергіей, глаза горѣли огнемъ. Преняго Савоськи точно не бывало; на скамеечкѣ стоялъ совсѣмъ другой человекъ, который всей своей фигурой, голосомъ и движеніями производилъ магическое впечатлѣніе на бурлаковъ. Въ немъ чувствовалась именно та сила, которая такъ заразительно дѣйствуетъ на массы.

VI.

Самая гористая часть Чусовой находится между пристанями Демидовой Уткой и Кыномъ. Мы теперь плыли именно въ этой живописной полосѣ, гдѣ по сторонамъ вставали одна горная картина за другой. Чусовая въ межень, т. е. лѣтомъ, представляетъ собой въ горной своей части рядъ тихихъ плесей, гдѣ вода стоитъ какъ зеркало; эти плесы соединяются между собою шумливыми переборами. Въ нѣкоторыхъ переборахъ вода стоитъ всего на 4 вершкахъ, а теперь она поднялась на 3 аршина и неслась впередъ сплошнымъ гнѣзнымъ валомъ, который покрывалъ всѣ плесы и переборы. Самые опасные переборы, въ родѣ Кашинскаго, сдѣлалась еще страшнѣе въ поую воду, потому что здѣсь теченіе рѣки сдвлено усѣтисми берегами.

Главную красоту чусовскихъ береговъ составляютъ скалы, которыя съ небольшими промежутками тянутся сплошнымъ усѣтиснымъ гребнемъ. Нѣкоторыя изъ

нихъ совершенно отвѣсно поднимаются вверхъ, сажень на 60, точно колоссальныя стѣны какого-то гигантскаго средне-вѣковаго города; иногда такая стѣна тянется по берегу на нѣсколько верстѣ. Представьте же себѣ размеры той страшной силы, которая прорыла такіе коридоры въ самое сердце горъ. Всѣ эти сланцы и известняки теперь представляютъ сплошныя отвѣсныя громады бурогрязнаго цѣта съ ржавыми полосами и красноватыми пятнами. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ горная порода вывѣтрилась подъ влияніемъ атмосферическихъ дѣятелей, превратившись въ губчатую массу, въ другихъ—она осыпается и отстаетъ, какъ старая штукатурка. На нѣкоторыхъ скалахъ вполне ясно обрисовано расположение отдѣльных слоевъ; иногда эти слои идутъ въ замѣчательномъ порядкѣ, точно эта работа не стихійной силы, а разумнаго существа, нѣчто въ родѣ циклопической гигантской кладки.

Подъ такими скалами рѣка катится черной волной съ подавленнымъ рокотомъ, жадно облизывая всѣ выступы и углубленія, гдѣ лѣтомъ топорщится зеленая травка и гнѣздятся молоденькія ели и пихты. Все, что успѣваетъ вырасти за лѣто, рѣна смываетъ, безжалостно уносятъ съ собой, точно слизываетъ широкимъ холоднымъ языкомъ всякіе слѣды живой растительности, осмѣливающейся переступить роковую границу, за которой кипитъ страшная борьба воды съ камнемъ. Барка подъ такими скалами плыветъ въ густой тѣни; свѣтъ падаетъ сверху разсѣивающейся полосой. Сыростью и холодомъ вѣетъ отъ этихъ каменныхъ стѣнъ, на душѣ становится жутко и хочется еще разъ взглянуть на яркій солнечный свѣтъ, на широкое приволье горной панорамы, на синее небо, подъ которымъ дѣшится такъ легко и свободно. Малѣйшій звукъ здѣсь отдается чуткимъ эхомъ. Слышно, какъ каплетъ вода съ поднятыхъ поносныхъ, а когда они начинаютъ работать, разгребая воду,

по рѣкѣ катится оглушающая волна звуковъ. Команда сплавщика повторяется эхомъ, нѣсколько разъ перекатываясь съ берега на берегъ. Даже нестоялая рѣка стихаетъ подъ этими скалами и проходитъ мимо нихъ въ почтительномъ молчаніи.

Самыя высокія и массивныя скалы—еще не самыя опасныя. Большинство настоящихъ „бойцовъ“ стоятъ совершенно отдѣльными утесами, точно зубы гигантской челюсти. Опасность создается направленіемъ водяной струи, которая бьетъ прямо въ скалу, что обыкновенно происходитъ на самыхъ крутыхъ поворотахъ рѣки. Обыкновенно боецъ стоитъ въ углу такого поворота и точно ждетъ добычи, которую ему броситъ рѣка. Душой овладѣваетъ неудержимый страхъ, когда барка сдѣлаетъ судорожное движеніе и птицей полетитъ прямо на скалу... На баркѣ мертвая тишина, бурлаки прильнули къ поноснымъ, боецъ точно бѣжитъ навстрѣчу, еще одинъ моментъ—и наше суденышко разлетится вдребезги. Савоська мѣриетъ глазами быстро уменьшающееся разстояніе между бойцомъ и баркою и, когда остается всего нѣсколько сажень, отдастъ команду какъ-то всей грудью.

Сарты (рис. 323).

(Изъ очер. Э. С. Вульфсона).

Представьте себѣ безконечную пустыню, гдѣ на сто съ лишнимъ верстѣ едва-едва встрѣтишь одну рѣчку или озеро. Какъ тутъ быть, какъ воздѣлывать такую землю? Посмотришь на эту скудную, мертвую почву—махнешь рукой и невольно подумаешь: нѣтъ, не видать ей сохи, не жить на ней человеку! Но сарты не убоились труда и ухитрились помочь обидѣвшей ихъ природѣ: они прорыли искусственные каналы различной величины и провели въ нихъ воду прямо изъ рѣкъ и озеръ. Не подъ сяду, конечно, такая работа каждому отдѣльному человеку, а взялись за нее всѣмъ обществомъ—миромъ.

Бурлаки испуганно спархнуты по плубѣ, и поносныя, эти громады бревна, даже изогнутыя подъ напоромъ человѣческой силы. Нужно видѣть, какъ работали бурлаки: это была артистическая работа, достойная кисти художника.

Но вотъ барка быстро повернула нось отъ бойца и вѣжливо проходитъ мимо него однимъ бортомъ; опасность такъ же быстро минуетъ, какъ приходитъ, и не хочется вѣрить, что кругомъ опять зеленые берега и барка льветъ въ совершенной безопасности.

— Съ коня долой! — командуетъ Савоська.

Передъ каждымъ бойцомъ, какъ при отвалѣ и привалѣ, а также и послѣ прохода подъ бойцомъ, бурлаки усердно молятся. Такая молитва еще увеличиваетъ торжественность критическаго момента, но она является самымъ естественнымъ проявленіемъ того напряженного состоянія духа, который переживаетъ невольна каждый. Хорошо дѣлается на душѣ, когда смотришь на эту картину молящихся народа; и молитва, и трудъ, и неданная опасность,—все сливается въ одинъ стройный аккордъ.

Эти оросительные каналы, по мѣстному *арыки*, точно сѣткой покрываютъ землю сарта (рис. 324). Сначала прямо изъ рѣки или озера проводится главный каналъ, отъ него по бокамъ идутъ меньшіе каналы, отъ этихъ еще меньше и такъ далѣе. Въ то же время, при помощи особыхъ отводныхъ протоковъ, всѣ эти каналы собираются въ одинъ или нѣсколько большіхъ рукавовъ, откуда вода снова возвращается въ главный каналъ. Для спуска воды служатъ плотины, которыя устраиваются при самой вершинѣ каналовъ и канавъ.

Нелегко приходится земледѣльцу-сарту при такомъ способѣ обработки земли.

Каждый год всё каналы до самых мельчайших канавок должны расчищаться, и начинается эта неустанная, кропотливая работа еще раннею весной: сначала, в конце февраля, расчищаются мелкие и боковые каналы, а потом уже в марте мѣсяцѣ и главный канал. Такая очередь установлена для того, чтобъ каждый земледѣлец, лишь только наполнится главный каналъ, могъ бы тутъ же и пустить воду на свои пашни. Какъ только заканчивается чистка каналовъ,

пару воловъ, запряженныхъ въ соху, необходимы ручныя орудія и при всемъ этомъ одного рабочего. По - туземному весь этотъ нарядъ для работы называется *кошемъ*. Сколько кто представитъ кошей, столько же получитъ онъ и участковъ; конечно, богатый снарядитъ и нѣсколько такихъ кошей, а у иного горюна и одного не наберется. Такие бѣдняки соединяются по нѣскольку человекъ вмѣстѣ и въ складчину содержатъ одинъ кошъ. За каналами наблюдаютъ особые надсмотрщики.

Когда наступаетъ время полевыхъ работъ, надсмотрщики эти рѣшаются, какая часть земли отдохнула подъ паромъ и годится для обработки. Передъ началомъ работъ они расхаживаютъ по всѣмъ улицамъ, оповѣщая жителей, что желающіе получить землю должны въ такой-то день явиться вмѣстѣ съ своими кошами на назначенное мѣсто.

И вотъ лишь только наступаетъ условленный день, каждый земледѣлецъ отправляетъ свой кошъ на отведенное ему мѣсто и принимается за расчистку и исправление канала. Когда дѣло это окончено и поля уже совсѣмъ приготовлены для обработки, тогда вся земля дѣлится на участки по числу кошей: сколько выходило на работу кошей, столько же, стало-быть, будетъ и участковъ.

Когда все поле уже подѣлено на участки, тогда начинаютъ ихъ дѣлить между земледѣльцами. Дѣленка эта производится по жребію: приглашаютъ какого-нибудь совсѣмъ непрічастнаго къ

дѣлу человека, и каждый владѣлецъ коша бросаетъ къ нему въ поду свой значокъ. Затѣмъ значки перемѣшиваются и раскладываются прямо по участкамъ: на какой участокъ чей значокъ легъ, тому онъ и достается. По обычаю владѣльцу нѣсколькихъ кошей общество отводитъ обыкновенно смежные участки. Нечего говорить, что въ смыслѣ цѣнности всѣ участки совершенно равны: общество зорко слѣдитъ за тѣмъ, чтобъ при раздѣлѣ одному не досталось лучшей земли, чѣмъ другому.

Но вотъ, наконецъ, участки съ помощью Божіею подѣлены уже, и каждый приступаетъ къ работѣ; посмотримъ теперь, въ какомъ порядкѣ сартъ обрабатываетъ свою землю. Прежде всего онъ вспахиваетъ ее, уважливаетъ, а потомъ уже спускаетъ на нее воду; когда вода простояетъ, какъ слѣдуетъ, тогда онъ принимается за бороньбу. Пашутъ сарты не на лошадахъ, какъ у насъ, а на парѣ быковъ, иногда даже и коровъ; вмѣсто нашего плуга употребляется деревянный брусъ съ желѣзнымъ наколочникомъ, который прикрѣпленъ къ длинному дышлу. Для запряжки къ концу этого дышла привязывается бревно около сажени длиною, съ веревками по кон-

Рис. 325. Ферганскій сартъ, больной зубомъ, характерной болѣзью Кокаяла.

Рис. 324. Срошаемое поле у сартовъ. (Дынный грядъ).

цамъ. Это-то бревно и служить ярмомъ для быковъ, которыхъ привязываютъ къ нему веревками.

Какъ мы уже раньше говорили, за каналами наблюдаютъ особые надсмотрщики. Въ теченіе всего лѣта, два раза въ недѣлю пускаютъ они воду поочередно на каждый участокъ. Для того, чтобъ никого не обдѣлать, эти надсмотрщики требуютъ, чтобъ тотъ, кому вода не очень нужна, задѣлывалъ бы у себя канавки и отнюдь не пускалъ бы въ нихъ воду безъ ихъ разрѣшенія.

Существуетъ у сартовъ любопытный обычай: кто разведетъ на своемъ участкѣ садъ или обнесетъ его оградой, выстроитъ на немъ домъ или же засѣетъ его *джунукию* ¹⁾, тотъ получаетъ этотъ участокъ уже *въ полную собственность*. По все - таки такой новый владѣлецъ обязанъ попрежнему отправлять на общественныя работы по кошу за каждый участокъ. А когда поле его будетъ отдыхать подъ паромъ, то онъ обязанъ провести къ нему постоянный каналъ и уже самъ, на свой страхъ, поддерживать его.

¹⁾ *Джунукию* наз. родъ клевера.

Рис. 323. Сарты.

тотчасъ же разрываются плотины, но не разомъ, а постепенно, смотря по напору воды и по тому, сколько требуется напустить ея въ боковыя каналы. Въ главномъ каналѣ вода держится круглый годъ, но поздно осенью уровень ея настолько понижается, что боковымъ канавкамъ съ этого времени уже нечѣмъ питаться, и онѣ высыхаютъ до слѣдующей весны. На зиму запружаются только тѣ каналы, которые подвержены внезапнымъ приливамъ воды.

Лишь только общество начинаетъ дѣлать землю, каждый желающій получить участокъ обязанъ представить сначала

Осенью, когда кончаются полевые работы, всё канавы, орошавшие поля, закладываются глиною, и только по главным арыкам (каналам) продолжает течь вода. По воть проходит недолгая в томъ край зима, и вь концѣ февраля, смотришь, опять тянется трудолюбивый сартъ со своимъ кошмъ вь поле, опять чистить и исправляетъ онъ свои непзмѣнные арыки, безъ которыхъ немислимо было бы тамъ ни земледѣліе, ни даже самое существованіе его. Такой способъ орошенія обезпечиваетъ пахарю урожай, затопляеть сѣмена саранчи, которал здѣсь, вь Средней Азій, не опустошаетъ такъ поля, какъ у насъ; наконецъ, благодаря проведеннымъ каналамъ, сухой воздухъ безводной степи становится болѣе влажнымъ, безъ чего трудно бы было выжить тамъ человѣку.

Такъ воть, стало-быть, какъ умудряется многотерпѣливый сартъ разводить вь своей мертвой песчаной пустынѣ цвѣтущія поля, прекрасные сады и огороды. Не чудомъ, а долгимъ кропотливымъ трудомъ добивается онъ этого, помня заветы своего пророка Магомета, который говоритъ, что трудъ пахаря есть одно изъ самыхъ благороднѣйшихъ занятій на землѣ.

Сарты исповѣдуютъ магометанскую вѣру. Все ученіе ихъ изложено вь священной книгѣ, называемой *Кораномъ*, которую написалъ пророкъ Магометъ, основатель магометанской религіи.

Коранъ заключаетъ вь себѣ не только молитвы и правила духовной жизни человѣка, но и всевозможная житейскія правила на всѣ случаи обыденной жизни: какъ должны относиться мужъ и жена другъ къ другу; когда закономъ разрѣшается разводъ; какъ обязанъ отецъ дѣлять наслѣдство между дѣтьми; какъ обращаться съ сиротами и многое другое. Нѣтъ, словомъ, такого случая вь жизни, хотя бы самого мелкаго, на который нельзя было бы найти указанія вь Коранѣ; даже такія мелочи, напримѣръ,

какъ поступъ и говоръ человѣка, и то затронуты вь этой мудрой книгѣ. Воть какъ учитъ Коранъ: „Походка твоя пусть будетъ скромная. Говори голосомъ тихимъ, такъ какъ самый неприятный изъ голосовъ есть голосъ осла“. Поэтому-то каждый мало-мальски почтенный сартъ ходитъ плавно, не горюхитъ, и не только избѣгаетъ пѣвня, пляски, свиста, но старается также и говорить тихо.

Какъ и у всякаго другого народа, вѣра у сартовъ оберегается, главнымъ образомъ, духовенствомъ. У магометанъ духовенство не рукоположенное, а на духовныя должности назначаетъ или правительство, или же выбираеть само населеніе. Точно такой же порядокъ существовалъ еще и при ханакъ, т.-е. до завоеванія края русскими, и тогда также церковно-служителей назначали или сами ханы, или же выбирали ихъ жители.

Каждый грамотный сартъ, умѣющій читать и писать, получаетъ, согласно магометанскому закону, званіе *муллы*, что по-арабски означаетъ „учитель“. А тѣ лица, которые, кромѣ того, еще изучили и главнѣйшія духовныя книги, носятъ названіе *улема*, что означаетъ „ученый“ или „богословъ“. Храмы, куда стекаются для молений сарты, называются *мечетью*. Весь причтъ вь каждой мечети состоитъ всего на всего изъ двухъ духовныхъ лицъ: *имамъ* (въ родѣ нашего священника) и *азаничи*.

Чтеніе Корана считается у сартовъ дѣломъ самымъ душеваспасающимъ, такъ какъ пророкъ Магометъ совѣтуетъ каждому вѣрующему какъ можно чаще читать эту священную книгу; неграмотный же долженъ заставлять ее читать себѣ кого-нибудь изъ грамотныхъ. Воть почему образовалось среди сартовъ цѣлое сословіе книжниковъ, изучившихъ наизусть весь Коранъ; среди нихъ довольно часто встрѣчаются и слѣпцы. Для книжниковъ этихъ богатые богобоязненные сарты строятъ особья помѣщенія на нѣсколько человѣкъ каждое; при этомъ

живущіе вь нихъ обязаны ежедневно прочитывать извѣстную часть Корана за упокой или во спасеніе души устроителя.

Во всѣхъ сомнительныхъ случаяхъ своей жизни, когда богобоязненный сартъ не знаетъ, какъ ему поступить, онъ непременно идетъ за совѣтомъ къ книжнику и спрашиваетъ: „А что говорить на такой случай Коранъ?“ Нечего говорить, что отвѣтъ всегда найдется: вѣдь Коранъ откликается на всякую мелочь въ человѣческой жизни.

У сартовъ, какъ и у прочихъ магометанъ, мечети посѣщаются только мужчинами; женщины же совершаютъ свои моленія дома. Законъ велитъ пять разъ вь день молиться Богу, но какъ ни богобоязненна сартянка, ей не всегда удается это выполнять: самъ же законъ часто мѣшаетъ ей вь этомъ. Такъ, напримѣръ, молится матери вь томъ же самомъ платьѣ, которое только что испортила маленькій ребенокъ, считается страшнымъ грѣхомъ, а гдѣ же работающей женщинѣ взять времени на частое переодеванье? Да немало еще и другихъ обстоятельствъ мѣшаютъ женщинѣ выполнять всѣ обряды. Поэтому-то уже издавна такъ завелось, что мужчины у магометанъ строже придерживаются закона, чѣмъ женщины, среди которыхъ тверды вь вѣрѣ по большей части лишь однѣ старухи.

Самыми большими праздниками у сартовъ, какъ и у прочихъ магометанъ, считаются *Курбанъ* и *Рамазанъ*. Праздникъ Рамазана продолжается цѣлый мѣсяцъ, и во все это время вѣрующіе должны проводить всѣ дни вь полномъ воздержанія; только по ночамъ, послѣ заката и до восхода солнца, законъ разрѣшаетъ принимать пищу. Но зато ужъ вь эти часы розговѣнья сартъ можетъ ѣсть все, что ему угодно: ни скромной, ни постной пищи не существуетъ.

Цѣлый день во все время этого долгаго поста сарты бродятъ вялые, унылые; вь городахъ и селеніяхъ мертвая тишина.

Но зато съ закатомъ солнца все кругомъ оживаетъ: подкрѣпившіеся пищей жители гуляютъ и веселятся на славу. Особенно кипитъ жизнь на базарахъ: тутъ вь разныхъ концахъ устраиваются балаганы, поютъ пѣвцы, показываютъ свое искусство фокусники, гремитъ шумная сартовская музыка. А тамъ, смотришь, устроено что-то вь родѣ театра, гдѣ даются представленія съ куклами: показываютъ русскіе военные смотры, танцуютъ танцовщицы и пр. Вь чайныхъ толпится народъ и благодушествуетъ за чаемъ, наслаждаясь пѣніемъ пѣвцовъ и весело гремящей музыкой.

Нечего говорить, что строгое соблюденіе такого длиннаго поста очень вредно отзывается на здоровьѣ; чуть ли уже не съ первой недѣли человѣкъ начинаетъ слабѣть, и не всякій вь силахъ довести постъ до конца. Бываетъ и такъ: не выдержитъ искуса семья, смотришь, и начинаютъ всѣ потихоньку ѣсть другъ отъ друга днемъ, чтобъ не было зазорно. А иной догадливый малый такъ и прямо пускается на хитрости: по закону больные и путники могутъ не поститься, воть возьметъ онъ да и отправится нарочно вь путь куда-нибудь...

Душеваспасающимъ дѣломъ считается также у сартовъ ѣздитъ на богомолье. Особенно большія охотницы до этого женщины. Сартянки (рис. 326) до страсти любятъ всякую новизну и смотрятъ на такую поѣздку не только какъ на богоугодное дѣло, но и какъ на пріятное развлеченіе. Мѣстомъ для богомолья служатъ обыкновенно могилы святыхъ, а иногда и просто такое мѣсто, гдѣ произошло какое-нибудь замѣчательное событіе.

Всѣ дѣла и поступки людей сартъ дѣлать на злые и добрые; за зло человѣка вь будущей жизни ожидаетъ геенна огненная, за добро — награда. Все, что совершаетъ человѣкъ на землѣ — и хорошее и дурное — вписывается двумя ангелами вь книгу живота, по которой и производится будущій судъ.

Какъ и всякій невѣжественный народъ, сарты чрезвычайно суевѣрны. Они вѣрятъ въ существованіе *шайтана* (дьявола), вѣрятъ въ добрыхъ и злыхъ духовъ, которые могутъ оказывать хорошее или дурное вліяніе на жизнь человѣка. Вѣрятъ они, что падучую болѣзнь и разную порчу наводятъ на людей *аджина*—страшная, огромнаго роста женщина, съ желтыми косматыми волосами, что-то среднее между домовымъ и вѣдьмой. Послѣ рожденія ребенка цѣлыхъ шесть недѣль родительницу не оставляютъ одну изъ

Рис. 326. Сартянка.

суевѣрнаго страха, что придетъ эта страшная аджина и задушитъ ее и ребенка. Вѣрять сарты и въ домового, котораго представляетъ себѣ въ видѣ безобразной старухи съ растрепанными волосами; вѣрять въ бабу-ягу и въ разная зловѣщія примѣты. Стоитъ хотя бы нечаянно качнуть пустую люльку, значить ребенокъ непременно умретъ. А сниметъ кто-нибудь калоши не вблизи самой двери, а чуть подальше, стало-быть, враги хозяина размножатся и погубятъ его. И въ какую только чертовщину не вѣрять темный, невѣжественный сарты!

Не обходится, конечно, дѣло и безъ вѣры въ колдовство, знахарство и гаданье.

Наговорами занимаются по большей части грамотные мужчины, ворожкой же почти исключительно женщины. Нерѣдко такіа ворожея занимаются еще и леченіемъ, и можно себѣ представить, сколько бѣдъ приноситъ такой темный лѣкарь.

Хотя сарты народъ немногочисленный— ихъ всего около милліона душъ, но занимаются они самымъ разнообразнымъ трудомъ. Однако главное занятіе ихъ

все же составляетъ земледѣліе, которое процвѣтаетъ въ трехъ областяхъ Туркестана, населенныхъ сартами: Сыръ-Дарьинской, Ферганской и Самаркандской.

Мы ужъ упоминали, что магометанская вѣра считаетъ трудъ пахаря самымъ благороднымъ на землѣ.

Насколько народъ этотъ сроднился съ землей, видно хотя бы изъ того, что тамошніе богатые купцы, ведуще даже торговля дѣла съ Россіей, не только не бросаютъ земли, а, наоборотъ, чѣмъ больше они богатѣютъ,

тѣмъ все больше расширяютъ свои посѣвы. И что замѣчательнѣе всего— богатство очень мало сказывается на обычной жизни сарта; есть множество купцовъ-богатеевъ, которыхъ по виду, одѣянію и домашней жизни не отличишь отъ самаго обыкновеннаго земледѣльца сарта.

Изъ хлѣбныхъ растений туземцы за сѣваетъ больше всего пшеницу, которая въ Туркестанѣ бываетъ четырехъ сортовъ: 1) *красная* пшеница—самая цѣнная, изъ которой готовится наилучшій хлѣбъ; 2) *бѣлая*—похожа на нашу пшеницу; 3) *черноколосая*—съ тоненькими

темно-коричневыми зернами, растутъ въ дикомъ видѣ и больше идетъ на кормъ лошадямъ и, наконецъ, 4) такъ называемая *лѣтній плодъ*,— сортъ, посѣвающій въ самое короткое время; пшеница эта замѣчательно легковѣсна и употребляется въ примѣси съ другими сортами; растетъ также въ дикомъ видѣ.

Кромѣ пшеницы, за сѣваются *рисъ*, *просо*, *ячмень* и *джугара*, мѣстами *кумакъ* (оба послѣднихъ злака—родъ мелкаго проса).

Едва ли половина сартовъ, занимающихся исключительно земледѣліемъ, имѣетъ достаточный участокъ земли, доходъ съ котораго обезпечивалъ бы имъ жизнь. Большинство же земледѣльцевъ совсѣмъ не имѣетъ своей земли; они или нанимаются въ работники на все время полевыхъ работъ, или же арендуютъ чужую землю. Работникъ получаетъ отъ хозяина все необходимое для работы: зерно для посѣва, плугъ и воловъ или лошадей; самъ же онъ даетъ только свой трудъ и обязанъ вспахать землю, засѣять и слѣдить за орошеніемъ ея, убрать урожай и ухаживать за рабочимъ скотомъ. За все это работнику полагается четвертая часть урожая пшеницы и третья хлопка и джугары. Но до расчета хозяинъ изъ общаго сбора вычитываетъ еще одну пятую часть на подати и плату жнецамъ. Живетъ такой работникъ чаще всего у себя въ домѣ, особенно если онъ семейный; харчи же (на себя одного) получаетъ отъ хозяина, но по желанію можетъ получать ихъ прямо натурой.

Поденный трудъ въ сельскихъ мѣстностяхъ никогда почти не встрѣчается, а принять лишь въ пригородныхъ мѣстахъ; поденщиковъ тамъ нанимаютъ для окучиванія дынь, джугары, кукурузы и хлопчатника; въ селеніяхъ же всѣ эти работы производятся взаимною помощью. Расходы на поденныхъ рабочихъ несеть, смотря поговору, или одинъ хозяинъ или пополамъ съ работникомъ.

Къ сожалѣнію, и среди сартовъ-земледѣльцевъ такъ же немало безземельныхъ, какъ у насъ. Чѣмъ ближе селеніе къ городу, тѣмъ больше въ немъ безземельныхъ, хотя даже въ самыхъ глухихъ мѣстахъ трудно встрѣтить такое селеніе, гдѣ бы ихъ совсѣмъ не было. И такъ же, какъ и у насъ, число безземельныхъ сартовъ изъ года въ годъ все растетъ да растетъ.

Послѣ земледѣлія слѣдуютъ садоводство и огородничество. Сады составляютъ красоту Туркестана и гордость туземцевъ: богатъ-сартъ щеголяетъ своими садами, и ими же измѣряется его богатство. Ухитрившись покрыть безводную песчаную степь обширными прекрасными садами, сартъ бережно лелѣетъ свое любимое дѣтище: онъ обноситъ свой садъ глиняной стѣной, вдоль которой сажаетъ еще тополь, таль и тутъ, чтобъ защитить свои плодовые деревья отъ холодныхъ вѣтровъ.

Посреди сада выкапывается прудъ, отъ котораго тянутся во всѣ стороны арки.

Изъ плодовыхъ деревьевъ и кустарниковъ трудолюбивый сартъ разводитъ виноградники, персики, гранаты, смоквицу, айву, тутъ, яблоки, груши, сливы, вишни, волошскіе орѣхи и мѣстами миндаль. Туземные плоды не отличались раньше особенно нѣжнымъ вкусомъ; сарты не имѣли понятія ни о прищепѣ, ни о прививкѣ. Но съ приходомъ русскихъ для садовъ наступила счастливая пора: наши любители-садоводы не пожалѣли трудовъ и денегъ, развели въ Туркестанѣ лучшіе сорта плодовыхъ деревьевъ и, глядя на нихъ, смысленный туземецъ уже безъ всякихъ затратъ улучшилъ свои породы.

На огородахъ сарты разводятъ дыни разныхъ сортовъ, арбузы, свеклу, огурцы, морковь, рѣдкку, лукъ, бобы, кукурузу и мѣстами капусту и картофель. До прихода русскихъ сарты не знали ни капусты, ни картофеля; прежде всего они стали разводить понемногу капусту, къ карто-

фелю же долго питали недовѣріе, называя его „чортовымъ яблокомъ“. Въ первое время послѣ завоеванія Туркестана онъ привозился для русскихъ издалика и стоилъ по 3 руб. за пудъ.

Главнѣйшимъ подспорьемъ въ сельскомъ хозяйствѣ сартовъ служатъ слѣдующіе промыслы: откармливаніе убойного скота, тканье грубыхъ бумажныхъ и шерстяныхъ матерій, вѣтье аркановъ, приготовленіе войлоковъ, шелководство, прядка нитокъ, очистка хлопка, а также извозъ. Осенью и зимою, въ свободное отъ полевыхъ работъ время, трудолюбивый туземецъ рыскаетъ по степи, собираетъ на топливо сорные травы и кустарники, ухитряясь еще продавать ихъ на ближнихъ базарахъ.

Какъ ни трудится неутомонный сартъ, но и природа ему помогаетъ. Рано начинается весна въ томъ краѣ. Въ областяхъ Сыръ-Дарьинской, Ферганской и Самаркандской, гдѣ, главнымъ образомъ, проживаютъ сарты, полевая работа начинается уже въ концѣ февраля или въ началѣ марта. Тогда же появляются и нѣкоторыя травы, зацвѣтаютъ понемногу миндальныя и абрикосовыя деревья. Въ маѣ наступаютъ уже жары и самая большая прибыль воды въ рѣкахъ; въ горахъ усиленно таетъ тогда снѣгъ. Въ этомъ же мѣсяцѣ посѣваютъ и ячмень, абрикосы и тутовья ягоды. Въ іюнѣ уже готова пшеница, въ іюль — виноградъ и кукуруза. Эти два мѣсяца самые невыносимые по своей жарѣ, когда и по ночамъ страшная духота не даетъ покоя, а бесчисленное множество комаровъ и мошекъ окончательно донимаютъ людей и животныхъ. Въ августѣ жить становится легче: днемъ жара уже не такъ мучить, ночи прохладнѣе, понемногу исчезаютъ и комары. Осень, сухая и теплая, начинается здѣсь съ октября; къ концу этого же мѣсяца доврѣваютъ хлопчатникъ и рисъ. Въ концѣ ноября или началѣ декабря наступаетъ зима, которая длится до половины или конца февраля.

Въ горныхъ мѣстахъ лѣто короче и меньше знойное, зима же длиннѣе и суровѣе: мѣстами уже не вырѣваютъ рисъ, дыни, виноградъ, гранаты и хлопчатникъ, а вмѣсто нихъ сѣютъ ленъ и просо. И чѣмъ выше, тѣмъ ближе подходитъ природа къ нашей, а на высотѣ 7.000 футовъ можно встрѣтить и нашихъ сѣверныхъ знакомцевъ—березу, ель и рябину.

Послѣ земледѣлія самымъ распространеннымъ занятіемъ у сартовъ служитъ торговля какъ между своими, въ Туркестанѣ, такъ и на вывозъ. Самыми выгодными предметами торговли считаются въ городахъ хлѣбъ, а въ селеніяхъ—мясо.

Много народа занимается еще барышничествомъ и мелкимъ торгашествомъ: перепродаютъ разный скотъ, зерно мелкими частями, бумажныя матеріи и другой товаръ. Занимаются этимъ, по большей части, или земледѣльцы, почему-либо отбившіеся отъ земли, или же безземельные горожане. Изъ селенія въ селеніе снуютъ такой неутомимый торгашъ, побываетъ на всѣхъ базарахъ, глѣлый день божится, порою обвѣшиваетъ и обмѣриваетъ, а смотришь, иной день частаго барыша наберется не больше двугривеннаго.

Кромѣ всего описаннаго, сарты занимаются еще шелководствомъ, тканьемъ бумажныхъ, полудшелковыхъ и шелковыхъ матерій и всевозможныхъ ремесламъ.

Сарты народъ необыкновенно чадолобивый: дѣтей своихъ, особенно малышей (рис. 327 и 328), они балуютъ до того, что тѣ нерѣдко прямо отбиваются отъ рукъ и перестаютъ слушаться старшихъ. И что удивительнѣе, всего больше балуютъ дѣтей бѣдняки — земледѣльцы. Если такого отца упрекнуть во вредномъ баловствѣ ребячь, то онъ отвѣтитъ вамъ: „Что же дѣлать? У богатыхъ есть земля, сады, лошади, бараны,— все это они хоятъ и любятъ не меньше семи; на долю же бѣдняка остаются одни только дѣти; больше ему нечего любить.“

Дѣвочки лѣтъ съ 8—9 уже перестаютъ играть съ мальчиками, а забавляются только съ подругами, все больше игрою въ куклы. Сартовскія дѣвушки выходятъ замужъ очень рано—съ 12—13 лѣтъ она считается уже невѣстой, поэтому и немудрено, что до самой свадьбы

дѣвочка не перестаетъ играть въ куклы, порою же продолжаетъ это занятіе и послѣ замужества. Съ этихъ же лѣтъ, т.-е. 8—9, мать понемногу начинаетъ приучать дочь къ тѣмъ работамъ, которыми ей придется заниматься въ будущемъ: она учитъ шить, очищать хлопокъ, прядь и т. д.

Годамъ къ 10 дѣвочка начинаетъ уже причесывать голову, какъ взрослая. Въ богатой семьѣ она въ этомъ же возрастѣ надѣвается и различныя украшенія, до которыхъ такіе страстные охотники сартянки. Съ этихъ же поръ маленькая щеголиха начинаетъ привыкать подкрашивать себѣ брови и рѣсницы. Если родители собираются поскорѣе отдавать ее замужъ, то начинаютъ набавлять ей года. Въ 12—13 лѣтъ городская дѣвица закрываетъ себѣ лицо сѣткой, закутывается въ халатъ совсѣмъ съ головой и считается совершеннолѣтнею.

Школы у сартовъ бываютъ двухъ родовъ — *низнія* или *приходскія*, которая находится при каждой мечети, и *выснія* школы, имѣющіяся только въ городахъ и большихъ базарныхъ селеніяхъ. Приходская школа, по большей части, строится тѣмъ же самымъ лицомъ, которое построило и самую мечеть; она состоитъ изъ комнатъ, гдѣ могутъ помѣститься отъ 10 до 30 учениковъ. Во время занятій дѣти сидятъ близко другъ

къ дружкѣ прямо на полу, поджавъ въ себя ноги, и читаютъ всѣ разомъ вслухъ, такъ что гулъ стоитъ кругомъ непообразимый. Обученіе въ такой приходской школѣ тянется отъ 2 до 5 лѣтъ, и здѣмъ идуть каждый день, кромѣ пятницъ и другихъ праздниковъ.

Рис. 327. Дѣти сартовъ (дѣвочки).

Рано начинается ученіе въ школѣ: лишь только взойшло солнышко, маленький сартъ уже бѣжитъ учиться. Часовъ въ 10—11 утра учениковъ отпускаютъ по домамъ завтракать; въ полдень они снова уже въ школѣ и остаются тамъ часа на два, а бываетъ, что и до самаго вечера: наука не легко дается сартовскимъ ребятамъ. Лѣтомъ иногда, по уговору съ родителями, учениковъ распускаютъ мѣсяца на два; за это время дѣти поправляются на

Рис. 328. Сартенокъ.

волѣ и съ радостью отдыхаютъ отъ непосильнаго ученія.

Когда ученикъ научился уже достаточно бѣгло читать, то приступаютъ къ письму; счету же въ сартовскихъ приходскихъ школахъ совсѣмъ не обучаютъ. Кромѣ чтенія священныхъ книгъ, школьники заучиваютъ наизусть персидскіе стихи, которые у этого народа пользуются большимъ почетомъ. Каждая книга, какъ прежде дощечка, также полагается на двоихъ учениковъ.

Окончивъ приходскую школу, большинство учениковъ принимается за обычныя занятія сартовъ. Если же кто захочетъ избрать себѣ ученую дорогу, то поступаетъ въ высшую школу или *медресе*. Тамъ юноша обучается арабскому языку, богословію и разнымъ законамъ все на томъ же мудреномъ для него языкѣ (рис. 329). Въ городахъ имѣется по нѣсколькимъ такимъ школамъ, и строятся онѣ опять-таки при мечетяхъ; въ каждой изъ нихъ нерѣдко до 100 и больше учениковъ и до 10 учителей. И въ большихъ базарныхъ селеніяхъ всегда найдется по такой школѣ съ однимъ учителемъ и отъ 5 до 15 учениковъ.

Построить медресе считается у сартовъ дѣломъ богоугоднымъ; поэтому раньше

все эти школы строились хапанами или же просто богатыми людьми. При этомъ еще жертвователи отводили обыкновенно школы и землю, доходы съ которой идутъ не только въ пользу учителей, но и учениковъ; такое недвижимое имущество называется *вакуфомъ*. Самое зданіе школы строится изъ обожженного кирпича съ неизмѣнной плоской крышей. Ученики принимаются не моложе 14—15 лѣтъ, и такъ же, какъ учителя, живутъ тутъ же, для чего при школѣ устроены особыя кельи; въ каждой изъ нихъ помѣщается отъ 1 до 4 человекъ. Обученіе въ медресе длится очень долго, и находятся порою такіе любители, что и на всю жизнь остаются тамъ, благо получаютъ готовое содержаніе.

Однако питаются ученики довольно плохо. Общаго стола не полагается, а каждая келья кормится своею артелью и часто готовитъ ѣду тутъ же у себя. Но бываетъ и такъ, что въ одной кельѣ живутъ по трое, а ѣдятъ все врозь. Вся пища состоитъ изъ чая, хлѣба, сушеныхъ и сырыхъ плодовъ, и только изрѣдка полагается излюбленный палау или другое какое-либо сытное блюдо. Зато ученаго сарта всегда и по одному виду узнать легко: лицо у него замореное и блѣдное, руки бѣлыя, не рабочія, и одѣтъ онъ, если и бѣдно, то всегда опрятно. А начнетъ говорить, то и дѣло вставляетъ въ свою рѣчь разныя арабскія и персидскія слова, говоритъ такъ тихо и вѣжливо.

Послѣ завоеванія Туркестана русскими наше правительство мало-по-малу стало открывать еще такъ называемыя *русско-туземныя* школы, гдѣ бы сарты могли обучаться и русской грамотѣ. Первая такая школа открыта была въ Ташкентѣ въ 1884 г. Первыми учениками въ ней были 39 мальчиковъ — все дѣти именитыхъ сартовъ, которые захотѣли подать тѣмъ добрый примѣръ своимъ сородичамъ. Нечего говорить, долго косялись туземцы на эти новыя школы, но мало-

по-малу поняли, какую пользу принесетъ ихъ дѣтямъ знаніе русскаго языка. Прежде всего наше правительство стало назначать на туземныя должности тѣхъ сартовъ, которые знакомы были съ русской грамотой. Да и торговля съ русскими годъ отъ году все расширяется, и вотъ тутъ-то туземцы увидели, насколько трудно будетъ обойтись ихъ дѣтямъ безъ знанія русскаго языка. Такъ что въ настоящее время школы эти не только не пустыютъ, но, наоборотъ, открываются все новыя да новыя. А нѣкоторые почетные и болѣе образованные сарты отдадутъ своихъ сыновей и въ русскія гимназіи.

Въ русско-туземныхъ школахъ русскіе учителя обучаютъ чтенію и письму по-русски, а также и счету. Кромѣ того, туземные муллы учатъ и магометанскому закону Божію, что очень привлекаетъ въ эти школы сартовъ.

Но зато для дѣвочекъ въ дѣлѣ обученія сдѣлано еще очень мало. Далеко не все родители считаютъ нужнымъ обучать дочерей даже родной грамотѣ, а если ужъ кто надумаетъ, то посылаетъ дѣвочку къ учительницѣ (туземной) на домъ; особыхъ же школъ не полагается. Учене ведется почти такъ же, какъ и въ мужскихъ приходскихъ школахъ. Но какъ ни учатся сартовскія дѣвочки, а очень рѣдко выходятъ изъ нихъ хорошія грамотейки — научаются онѣ только съ грѣхомъ пополамъ читать Коранъ, иногда даже лишь одну какую-нибудь часть его, при чемъ читаютъ, совсѣмъ не понимая, безъ всякаго смысла. Остальныя же книги онѣ разби-

раютъ съ большимъ трудомъ, а еще рѣже научаются письму. Однако, несмотря на все это, среди сартовскихъ женщинъ попадаются и знаменитыя: лѣтъ 85 тому назадъ были двѣ писательницы, стихи которыхъ и до сей поры очень высоко цѣнятся туземцами. Одна изъ нихъ прославилась до того, что являлась даже къ ханскому двору, а такъ какъ женщинамъ запрещень, по обычаю, доступъ въ общество мужчинъ, то она передѣвалась въ мужское платье и приходила съ открытымъ лицомъ. Самъ ханъ отдавалъ ей большія почести и даже награждалъ ее генеральскимъ чиномъ.

Рис. 329. Студентъ изъ Медресе.

Въ Самаркандѣ.

(Из очерк. А. Краснова).

Изъ всѣхъ городовъ Средней Азии Самаркандъ производитъ самое сильное впечатлѣніе: нигдѣ русская культура не сдѣлала столько успѣховъ, нигдѣ не чувствуется она такъ сильно, какъ въ Самаркандѣ, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, нигдѣ жизнь осѣдлыхъ народностей Средней Азии не выступаетъ съ такою рельефностью и полнотою, какъ опять-таки въ

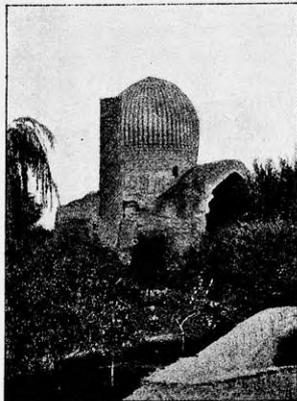

Рис. 330. Самаркандъ. Гуръ-Эмиръ-мавзолей на могилѣ Тимурлана.

Самаркандѣ, гдѣ она не стѣснена новыми порядками, гдѣ она не подлаживается подъ русскій образецъ, но бьетъ въ глаза своею оригинальностью. Два города—старый азіатскій и новый русскій,—слившись въ одно цѣлое, образовали нѣчто до крайности своеобразное. Соединившись другъ съ другомъ, они, однако, не изменили своихъ основныхъ чертъ и индивидуальныхъ отличій; соединеніе это не только ихъ не обезличило, но, напротивъ, послуживъ для ваиннаго развитія, дало

возможность еще рѣзче выразиться тѣмъ контрастамъ и противоположностямъ между западомъ и востокомъ, которые здѣсь мирно уживаются другъ съ другомъ. Въ древнемъ городѣ все еще дышитъ азіатской самобытностью. Куда ни повернете голову, всюду вы видите колонны и снѣгіе куполы многочисленныхъ мечетей и медресе; съ каждой изъ этихъ мечетей и медресе связаны свои преданія, и видомъ своимъ онѣ свидѣлствуютъ о глубокой древности. Если въ ясный день смотрѣть на городъ съ возвышенія, то вездѣ, куда только хватитъ глазъ, среди низенькихъ четырехугольныхъ земляныхъ построекъ современнаго города видны колоссальныя мозаично-изразцовыя колонны, развалины сводовъ, арки, куполы мечетей или полуобсыпавшіяся стѣны громаднхъ построекъ медресе. Вотъ въ зелени деревьевъ недавно разведеннаго русскими сада тонетъ небольшая постройка желто-бурого цвѣта, украшенная пестрыми изразцами: это святыня города—гробница Тимура, или Темура, какъ произносятъ это имя здѣшніе магометане (рис. 330).

Откуда бы вы ни смотрѣли на городъ, три медресе, Ширдаръ, Итилякаръ и Хаи, будутъ всегда играть главную роль въ пейзажѣ. Обращенныя фасадами другъ къ другу, эти колоссальныя строения образуютъ большую четырехугольную площадь. Высоотою превосходя наши шестиэтажныя зданія, съ громадными мозаичными колоннами по бокамъ, выложенныя бѣлыми, синими и желтыми изразцами, колоссальныя арки этихъ строений производятъ необыкновенный эффектъ своею грандіозностью и пестротой, такъ хорошо гармонирующими съ голубымъ небомъ и пестрою толпою, съ утра до ночи толкующеюся на площадяхъ.

Только здѣсь, подъ этимъ бѣчно голубымъ небомъ, среди этого сухого и теплаго воздуха, можетъ такъ кипѣть жизнь, какъ мы это видимъ на площадяхъ Самарканды. Вездѣ на сѣверѣ, въ сѣверномъ Туркестанѣ, даже отчасти и въ Ташкентѣ, вы видите въ костюмахъ тѣ неопредѣленные унылые цвѣта, къ которымъ такъ привыкаетъ глазъ въ городахъ Европы. Между тѣмъ въ Самаркандѣ, этомъ центрѣ шелководства, шелковыя матеріи всевозможныхъ цвѣтовъ и рисунковъ, но всѣ яркія и эффектныя, явля-

ю только здѣсь, сидятъ на короткокахъ. Здѣсь происходитъ бой перепеловъ, любимая азартная игра сартовъ. Двухъ птицъ ставятъ другъ противъ друга, заставляя смотрѣть другъ другу въ глаза. Когда птицы достаточно разгорячатся, ихъ пускаютъ другъ на друга и держатъ пари, кто останется побѣдителемъ. Тутъ же, черезъ нѣсколько шаговъ, отчаянно размахивая руками, говорятъ энергичную проповѣдь противъ азартныхъ игръ проповѣдникъ. Его слушаютъ внимательно и даже благоговѣйно, хоромъ поддерживаятъ въ патетическихъ

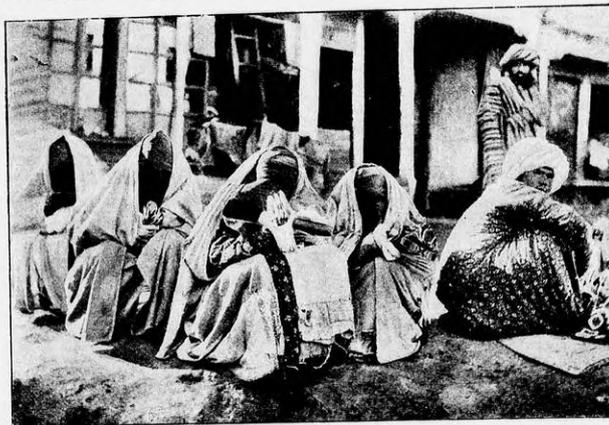

Рис. 331. Самаркандъ. Торговки шапочками на базарѣ.

ются преобладающей частью костюма. Сарты, этотъ прирожденный франтъ, въ Самаркандѣ довели свое искусство одѣваться до послѣдней степени совершенства. Самаркандъ въ отношеніи костюмовъ можно назвать среднеазіатскимъ Парижемъ, а его улицы и площади—живыми модными картинками.

Площадь—это мѣсто времяпровожденія большинства обезпеченныхъ жителей города. Чего-чего только не насмотришься на такой площади! Вотъ кучка народа, съ напряженнымъ вниманіемъ глядя въ

мѣстахъ рѣчи или, умиляясь, произносятъ: „Эхъ, дай ни Алалы“. Но стоитъ ему кончить рѣчь,—и слушатели сами примутъ немедленно же участіе въ игрѣ.

Но если здѣсь, на обыкновенной площади, халаты зеленые, красные, золотые, чалмы желтыя и полосатыя до того пестрятъ, что рябитъ въ глазахъ, и не знаешь, на чемъ остановиться, то можно себѣ представить, что должно быть на настоящей базарной! Тутъ уже совершенная каша. Въ самую многолюдную ярмарку врядъ ли можно увидѣть то, что со-

вершается здесь каждый день. Люди здесь перемешаны съ ослими и набиты так тѣсно, что совершенно недоумываешь, какъ можно протискаться, не рискуя получить удар ногою отъ какого-нибудь ослика или лошади. Говоръ безчисленнаго множества людей покрывается концертомъ ишаковъ, а глаза разбѣгаются на пестрыхъ товарахъ, поражающихъ своимъ разнообразіемъ. Вотъ круглое зданіе съ крестообразно раздѣляющими его проходами, это бывший невольничій рынокъ. Теперь здѣсь торгуютъ всевозможными мѣхами, любетейками, бирюзкою, настоящей и поддѣльной, и разною мелочью. Неподалеку отсюда помѣщается лавка съ халатами. Какъ у французскихъ модистокъ, вы найдете здѣсь халаты самыхъ модныхъ фасоновъ подъ вычурными названіями. Вотъ халатъ „мулла“—сѣрый, полосатый, шелковый съ серебристымъ отливомъ; его принято носить только солиднымъ пожилымъ особамъ; вотъ черно-желтый или зеленый халатъ съ тонкими черными полосками и короткими рукавами. Его носятъ теперь вся самаркандская молодежь—это костюмъ фатовъ и франтоватыхъ юношей. Вотъ халаты вродѣ ризы священника—образцовый халатъ бухарскаго покроя. Въ Самаркандѣ такихъ уже не носятъ; это мода бухарская, и по ней вы всегда узнаете человѣка, прибывшаго изъ Бухары или вернушагося оттуда изъ гостей. Халаты знатныхъ бековъ, на мѣху и опушенные бобримъ, цѣнятся дорого и не носятъ простолюдинами. При этихъ халатахъ всегда надевается шапочка съ мѣховою опушкой.

Рядомъ съ матеріями въ москательныхъ лавкахъ вы найдете цѣлый рядъ сартовскихъ специй и лѣкарствъ и возбуждающихъ приправъ къ чаю. Съ ихъ помощью можно усилить кровообращеніе, поднять температуру тѣла, сдѣлаться оживленнымъ и интереснымъ и т. п. До нихъ сарты большіе охотники. Еще большіе охотники они до гашиша. Этотъ послѣдній здѣсь не только курится, но также

входитъ въ составъ разнообразныхъ ваяній и ледяныхъ, утолщенныхъ которыми можно довести себя до различныхъ степеней одурманенія, начиная отъ веселости и истерическаго хохота до чудовищныхъ видѣній.

Желающій покупать въ сартовскихъ лавкахъ долженъ запастись значительною долею терпѣнія. Сартъ страшно любитъ торговаться и запрашивать невозможныя цѣны за товары. Не столько надежда выторговать лишнюю копейку, сколько самый процессъ торговли кажется для него привлекательнымъ, и вы не можете доставить ему большаго наслажденія, какъ просидѣвъ въ его лавкѣ за чаемъ нѣсколько лишнихъ минутъ.

Большую роль играетъ въ городѣ улица, сплошь состоящая изъ кузницъ, въ которыхъ полунагіе рабочіе съ шумомъ и грохотомъ съ утра до вечера кулютъ различныя вещи; особенно же много такъ называемыхъ сартовскихъ подковъ, легкихъ подковообразныхъ пластинокъ, которыя, будучи гораздо тоньше нашихъ, при мягкомъ лессовомъ грунтѣ гораздо удобнѣе для лошадей, чѣмъ русскія.

Что это за шумъ слышится по улицѣ? Это идетъ цѣлая вереница нищихъ, которые однообразнымъ голосомъ просятъ подаенія. Эти обходы совершаются довольно часто. Еще чаще вы видите мальчиковъ, которые, ходя съ погрешками, приятнымъ голосомъ и отбивая ногою тактъ, поютъ стихи духовнаго содержания, собирая вокругъ себя толпы народа.

Унылый, протяжный звукъ, въ родѣ звука нашего петербургскаго фабричнаго гудка, извѣщаетъ народъ, что хамашъ, т.-е. публичныя бани, уже наполнены. За исключеніемъ особыхъ дней, когда моются женщины, онѣ всегда доступны для публики. Самаркандскія бани одгѣ изъ самыхъ чистыхъ и лучшихъ въ краѣ, если не считать ташкентскихъ. Это рядъ полутемныхъ комнатъ со сводообразными потолками. Изъ просторной раздѣвалъ-

ной, завернувшись обязательно простынею и надѣвъ особый халатъ, вы идете въ полупрохладную приемную съ сидѣньями, гдѣ можно дѣлать холодныя омовенія или совершать мытье ногъ. Слѣдующая часть бани—это рядъ звѣздообразно расположенныхъ комнатъ, также со сводообразными потолками, обладающихъ температурою болѣе высокою. Здѣсь васъ встрѣчаютъ банщики, которые путемъ массажа умиютъ такъ укрѣпить усталые члены, что изъ бани выходишь освѣженнымъ, совершенно новымъ человѣкомъ, несмотря на то, что васъ мыли и колотили самымъ безцеремоннымъ образомъ. По выходѣ изъ бани вамъ немедленно предлагаютъ чай, виноградъ, если это осень, различные плоды и неизмѣнные въ Средней Азій изюмъ, фисташки и урюкъ. Если вы охотникъ поболтать и знаете туземный языкъ, то можете здѣсь прохладиться сколько угодно, что и дѣлаютъ многіе изъ гражданъ Самарканды, пока крикъ муэдзина не призоветъ ихъ къ молитвѣ.

Таковъ древній туземный городъ, такова жизнь въ его узкихъ и тѣсныхъ

улицахъ, набитыхъ народомъ,—столь узкихъ, что если ѣдетъ русскій экипажъ, то туземныя двухколесныя арбы (рис. 333), съ колесами болѣе сажени въ діаметрѣ, не будучи въ состояніи дать дороги, принуждены сворачивать въ первый попавшійся переулокъ. Улицы эти, состоящія изъ одгѣхъ голыхъ, желто-бурыхъ невысокихъ стѣнъ и заборовъ, мало интересны, такъ какъ вся жизнь перенесена на базаръ, на площадь, гдѣ и живетъ сартовскій людъ, приходя домой только ночевать или навѣстить женъ, которыя то и дѣло попадаютъ на улицахъ съ лицами, затянутыми темною матеріей. Стыдливо отворачиваясь, онѣ жмутся къ забору, если случайно ихъ застигнутъ съ открытыми лицами въ пустынной улицѣ. Онѣ выдѣляются своею быстрой походкой, равно какъ и евреи, въ большомъ количествѣ шмыгающіе тамъ и тутъ по улицамъ. Евреи одѣты здѣсь въ халаты, какъ и сарты. Но длинныя черныя локоны даютъ сразу возможность отличить этого „кафиря“, невѣрнаго отъ правобѣрнаго, бритаго голова котораго скрывается подъ благородною чалмой.

Рис. 332. Самаркандъ. Муллы на молитвѣ.

Рис. 333. Сартовскія арбы.

Рѣзкій контрастъ съ суетливымъ и тѣснымъ сартовскимъ городомъ, гдѣ бюющая ключомъ жизнь и знать ничего не хочется о неизбежности смерти, о которой ей постоянно напоминаютъ разваливающіяся остатки старины, представляетъ русская часть Самарканда. Это чинный, богатый европеецъ, важный тюря, сознающій свое положеніе среди азіатовъ. Дѣйствительно, русскій Самаркандъ не имѣетъ въ себѣ рѣшительно ничего изъ того, что связано обыкновенно съ понятіемъ о русскомъ губернскомъ городѣ. Дома частенькіе, бѣленькіе, какъ игрушки, едва видны изъ-подъ густой сѣни деревьевъ, самыхъ колоссальныхъ, самыхъ

Въ пескахъ Кизыль-кумь.

(Изъ разск. А. Никольскаго).

Мало-по-малу передъ нами развернулась величавая картина песчаной пустыни. Уже на второмъ переходѣ стали попа-

даться отдѣльные песчаные холмы—барханы, но чѣмъ дальше, тѣмъ ихъ становилось больше, и, наконецъ, пошла сплош-

разнообразныхъ. Вязы обыкновенные и пробковые, айлантусы и укусныя деревья, ясени и всевозможные тополи, начиная отъ длинныхъ, какъ башни минарета, и кончая развѣсистыми серебристыми тополями, перемежаются съ бигоніями и другими деревьями юга, которыя всѣми силами и не безъ успѣха стараются здѣсь акклиматизировать.

Но вся прелесть этихъ улицъ, усаженныхъ деревьями, блѣднѣетъ, когда въѣдешь на новый, усыпанный пескомъ, городской бульваръ, содержимый въ удивительномъ порядкѣ и чистотѣ. Это—длинною ровно въ версту, прямая, какъ струнка, аллея изъ колоссальныхъ, одна къ одной подобранныхъ, круглыхъ, какъ шаръ, бѣлыхъ акацій, прелестная зелень которыхъ необыкновенно гармонируетъ съ темной и густой зеленою посаженныхъ справа и слева

аллей изъ массивныхъ пробковыхъ вязовъ.

Просто не вѣрится, что эти колоссальныя деревья аллей, что постоянно попадающіеся скверы и сады съ разнообразнѣйшими породами деревьевъ и кустарниковъ, съ чисто содержимыми дорожками, мраморными спусками и вазами, сады, занимающіе въ городѣ помногу десятины, были созданы въ короткое время нашего владычества. Диву даешься, наблюдая эту чистоту и порядокъ, эту поражающую массу зелени, эти привѣтливые домики, этихъ полицменовъ изъ туземцевъ въ оригинальной туземной формѣ и при шашкѣ, любезно отвѣчающихъ на ваши разспросы.

Рис. 334. Въ Среднеазиатской степи.

ные пески, кое-гдѣ только прерываемые небольшими площадками солонцеватой глины—*такырами* (рис. 334).

На сотни верстъ, какъ застывшія волны, стоятъ въ пустынѣ холмы сыпучаго песка; какъ волны, они всѣ обращены

сдуваемымъ съ нихъ, пересыпается мало-помалу по направленію вѣтра, отчего и весь холмъ медленно, но неудержимо ползетъ все дальше, засыпая на пути своемъ и кусты, и такыры, и все, что стоитъ ему поперекъ дороги. Чѣмъ силь-

Рис. 335. Туркестанъ. Работы по укрѣпленію песковъ. Заготовка черенковъ черкеса.

своими крутыми склонами въ одну сторону и, какъ гребни волнъ въ сильную бурю, вершины ихъ срываются и уносятся вѣтромъ. Уже при слабомъ движеніи воздуха острые гребни бархановъ начинаютъ какъ бы дымиться: песокъ,

нѣе вѣтеръ, тѣмъ больше начинаютъ дымиться вершины бархановъ. Въ бурю уже не видать границъ, гдѣ кончается гребень холма и гдѣ начинается струя летящаго песка; тогда весь воздухъ кругомъ полонъ песчаной пылью, и, словно

въ густомъ туманѣ, видны въ немъ неясныя очертанія ближайшихъ предметовъ. Настоящій песчаный душъ обдаетъ путника, застигну- таго бурей въ Кизыль-кумахъ *). Песокъ набивается въ уши, въ глаза, хруститъ на зубахъ; съ поразительною быстротой засыпаетъ онъ всё преграды, которыя по- падаются ему на пути.

Въ одну изъ подобныхъ бурь, пока мы поили у колодца верблюдовъ, наша телѣга была засыпана выше ступицъ колесъ, и намъ пришлось отравить ее, чтобы сдвинуть съ мѣста. Если бы не кустарникъ, мѣстами растущій на склонахъ бархановъ, едва ли Кизыль - кумы были бы проходими во время сильнаго вѣтра. Но кусты скрѣпляютъ песокъ и останавливаютъ его движеніе.

Было бы большою ошибкой думать, что песчаная пустыня лишена всякой расти-

Рис. 336. Текинцы.

тельности; наоборотъ, изъ всѣхъ пустынь Туркестана, именно песчаная отличается, сравнительно, богатою и чрезвычайно оригинальною флорой.

Склоны многихъ холмовъ покрыты, правда, очень рѣдкимъ, но довольно высокимъ кустарникомъ, иногда въ человѣческой ростъ, а мѣстами въ Кизыль-кумѣ попадаются настоящіе лѣса. Но что это за лѣса и что это за кустарники! Ничего подобнаго въ Европейской Россіи не увидишь. Прежде всего здѣсь нѣтъ травы, той травы, которая зеленымъ ковромъ покрываетъ у насъ землю между деревьями и кустами. Здѣсь, въ этихъ промежуткахъ, голый летучій песокъ. Листья кизыль-кумскихъ кустовъ и деревьевъ не имѣютъ зеленого цвѣта напичкхъ растений; они сѣры или зеленовато-сѣ-

Рис. 337. Ст. Бухара. Около Лябихауэ.

*) Пески Кизыль-кумъ занимаютъ огромную площадь между рѣками Сыръ и Амударья.

ры, къ тому же чрезвычайно мелки, расположены рѣдко и почти не даютъ тѣни. Лучи солнца насквозь пронизываютъ самый густой кустъ или самое развѣсистое дерево и накаляютъ обнаженный песокъ. Поэтому въ здѣшнихъ лѣсахъ такъ же жарко, какъ и на голыхъ холмахъ, но еще болѣе душно.

Глядя на кусты и деревья пустыни, невольно спрашиваешь себя, какими образомъ могутъ они существовать здѣсь? Лѣтомъ въ Кизыль-кумахъ по цѣлымъ мѣсяцамъ не выпадаетъ совсѣмъ дожда. Только изрѣдка небо покроется тучами, но дождевыя капли испаряются прежде, чѣмъ достигнуть раскаленной земли. Росы тоже въ Кизыль-кумахъ не бываетъ. Повидимому, здѣсь немислимо существовать даже самой скудной растительности, а между тѣмъ на холмахъ сыпучаго песка мы видимъ и кусты и деревья. Это объясняется только тогда, если мы попробуемъ выкопать хотя бы одинъ кустъ съ корнемъ.

Прежде всего при такой попыткѣ мы скоро убѣдимся, что одному на это не хватитъ ни силъ, ни терпѣнія, какъ ни легко разрывать сыпучій песокъ. Корни кизыль-кумскихъ растений проникаютъ въ необычайную глубину; они прободаютъ всю толщину песчаного слоя, лежащаго на глинистой, непроницаемой для воды подпочвѣ. Только тамъ, на этой глине, подъ защитой мощнаго песчаного слоя, все лѣто сохраняется влага, накопляющаяся весной во время таянія снѣга. Весьма понятно поэтому, отчего въ Кизыль-кумахъ нѣтъ мелкой травы: она просто не въ силахъ отрастить себя такихъ гигантскихъ корней, какіе необходимы для жизни въ песчаной пустынѣ. Понятна также и та скудость, съ какою

здѣшнія растения расходуютъ добытую съ такими усилиями влагу. Весь кустъ или все дерево, начиная съ цвѣтовъ и кончая стволомъ, все, до мельчайшихъ подробностей, приспособлено къ тому, чтобы по возможности уменьшить потребность во влагѣ и чтобы успѣшнѣе бороться противъ губительнаго дѣйствія горячаго солнца и сухого воздуха. Въмѣсто

Рис. 338. Бухарець.

сочныхъ стволовъ нашихъ растений, кизыль-кумскіе кусты и деревья имѣютъ твердую и сухую, какъ камень, древесину. Мѣстное дерево *саксаулъ* имѣетъ стволъ настолько твердый, что онъ не поддается топору; зато онъ хрупокъ, какъ камень, и настолько сухъ, что даже только что сложенная, совершенно свѣжая вѣтка горитъ, какъ сухой хворостъ. Листья у здѣшнихъ растений всегда мелки; у однихъ они жестки и колючи; у

других, наоборот, очень мясисты, но в таком случае поверхность их покрыта густым белым пухом, защищающим лист от палящих лучей солнца.

Странное впечатление производит скасуловый лось. В нем нет ни прохлады, ни тени, поэтому он несколько не радуется путника; напротив, даже какую-то тоску нагоняет своим мертвым видом. Не слышно в нем гниения и гниль, не стрекочат кузнечики, даже шума листьев вы не услышите, потому что и листьев настоящих в нем нет; вместо них какие-то зеленовато-серые бугорки, как сыпь, покрывающие ветви.

Не менее оригинален и животный мир в песках Кызыль-кумь. Здесь водятся не животные, а как будто тени животных. При беглом взгляде на поверхность песков, вы не заметите на ней ничего; по видимому, все пусто. По

присмотревшись внимательно, вы увидите то там, то здесь неясный, как тени, очертания ящериц. Что это? Комочки песка, принявшие форму животного или действительные ящерицы? Подойдите поближе, и вы увидите, как этот комочек вдруг встрепетает, неслышно помчится от вас и вдруг исчезнет, как тень. В большинстве случаев, вы даже не заметите ящерицы, если только не начнете двигаться. На ваших глазах, среди голаго песка, она явится, как привидение, мелькнет и, как привидение исчезает. В другом месте вы можете увидеть комочек, похожий на птицу. Шагните к нему, комочек вспорхнет и превратится в жаворонка. Вот он съел на голый камень и исчез как видение. Эти таинственные появления и исчезания очень просто объясняются тем, что большинство животных песчаных пустынь

окрашены до поразительности сходно с цветом песков и потому, пока не двигаются, совершенно не заметны.

Пустыня Кызыль-кумь — настоящее царство ящериц. Все остальные ее обитатели — суслики, зайцы, жаворонки и еще кое-какие птицы — составляют только едва заметное прибавление к этому царству. Ящерицы сотнями сплывают по голым склонам песчаных барханов; тут и крошечные, и большие, в полтора аршина длиной, с круглой головой и с треугольной, с ушами и без ушей, — словом, разные, но только все, как одна, песчаного цвета. Их кожа до такой степени совершенно подделана под песок, что даже сами они не могли бы видеть друг друга, если бы не были надлены особыми приспособлениями. На нижней стороне хвоста, на самом кончике, у них окрашены ярко-красные и черные поперечные полосы, очень резко выделяющиеся на желтоватом фоне песков, когда животное поднимет хвост и начнет двигать им. По этим-то сигнальным знакам ящерицы и отыскивают своих родных и знакомых. Местами, где этих животных особенно много, можно видеть любопытную картину. Там

Рис. 341. Памирь.

и здесь, на склонах песчаного бархана, пестрят, словно флаги, яркие значки. Они завиваются в спираль, опять раскручиваются, местами бьются по песку, то исчезают, то снова появляются, блестя на солнце. Подойдя совсем близко, вы видите, что эти значки не что иное, как закорюченные хвосты ящериц. При первом переполюхе, шустрые создания опускают хвосты и пропадают безследно, делаясь невидимыми. Но если бы даже какой-нибудь степной хищной птице и удалось заметить ящерицу, — эта последняя обладает еще и другим средством прятаться: быстрым движением тела вправо и влево она раздвигает песок и тонет в нем, забрасывая себя песчинками с помощью лап. На ее месте остается едва заметная неровность.

Рис. 339. Таджик.

Рис. 340. Горные таджики.

На базаре в старом Ташкенте.

(Из очер. Кауфмана).

Мы на базаре в этом сердце азиатского города. Безконечный лабиринт широких улиц и узких переулков, по обшивкам сторон которых тянутся дощатые балаганы-лавки. Все улицы и переулки перекрыты навесом из нетолстых жердей, поверх которых кое-где набросана солома. Еще недавно над

всеми улицами и переулками базара были устроены плоские земляные крыши, но после анджанского землетрясения начальство велело снять их и заменить нынешними легкими навесами. Но и под этими навесами достаточно прохладно, и на постоянно поливаемых из бурдюков улицах стоит местами порядочная грязь.

Недалеко от входа в базарный лабиринт мой спутник останавливается около одной, сравнительно, большой лавки, мало отличающейся, впрочем, на вид от других окружающих лавок: всякая мелкая, низкопробная бакалея, и только столице горюю около лавки цыбики чал позволяют предположить, что это не простая мелочная лавочка. Перед лавкой стоит невысокого роста, худощавый, пожилой сартъ, одѣтый немногимъ лучше и не чище, нежели все вокруг, съ умнымъ и серьезнымъ лицомъ.

Рис. 342. Каракиргизки.

Мой спутникъ подходитъ къ нему и здоровается за руку.

— Это, — говоритъ онъ, обращаясь къ сарту и указывая на меня, — мой знакомый, господинъ такой-то, прѣѣхалъ изъ Петербурга. А это Юсупъ — аксакалъ, бывший базарный староста, хороший человекъ. Не пройдетъ вы съ нами, Юсупъ?.. Мы, можетъ-быть, ковры покупать будемъ, такъ вы намъ поможете, да и такъ на базарѣ я одинъ, пожалуй, запутаюсь.

Юсупъ съ видимымъ удовольствіемъ соглашается быть нашимъ чичероне, и мы пускаемся въ дальнѣйшій путь уже

втроемъ. Юсупъ, видимо, пользуется на базарѣ большимъ почтеніемъ: вездѣ, гдѣ мы проходимъ, ему дѣлаютъ кудлукъ — слегка наклоняются, прижимая объ руки къ груди; болѣе цивилизованные, впрочем, очень немногіе, дѣлаютъ козырекъ или даже приподнимаютъ тюбетейку. Кто курить свой чилимъ (нальня), съ поклономъ протягиваетъ его къ Юсупу, который дѣлаетъ глубокую заятку.

На базарѣ самая строгая специализация. Каждый видъ торговли, каждый промыселъ имѣетъ свою улицу или свой переулокъ. Вотъ длинный и широкій мануфактуръ — рядъ, съ сравнительно большими лавками, гдѣ торгуютъ частью сарты, но больше, кажется, бухарскіе евреи, рѣзко отличающіеся отъ сартовъ красивыми, правильными чертами лица, черными шапочками вмѣсто сартовскихъ расшитыхъ тюбетеекъ и непробритыми, хотя коротко подстриженными, прядками волосъ на вискахъ, выглядывающими изъ-подъ шапки; это туземные евреи, пользующіеся въ Туркестанѣ всѣми правами мѣстныхъ обывателей, если только они или отцы ихъ проживали въ краѣ во время присоединенія.

Въ мануфактурныхъ лавкахъ — мѣстныхъ бумажныхъ матерій, и тутъ же „пунцъ“ россійскихъ фабрикантовъ. Среди массы розничныхъ лавокъ обычнаго восточнаго типа нѣсколько фабричныхъ лавокъ — Карла Шейлера, Морозовыхъ и другихъ, изъ Лодзи и подмосковнаго района. Вотъ шелковый рядъ — шелковыя и полшелковыя матеріи, платки, косынки и т. п. Покупатели почти вездѣ мужчины, и только въ двухъ или трехъ мѣстахъ на порогѣ лавокъ сидятъ женщины-сартянки, совершенно закрытыя своими сѣрыми халатами и волосяными фатами, и ведутъ какіе-то переговоры съ продавцомъ (рис. 331).

Рис. 343. Ташкентъ. Ашъ-Ханъ.

Еще и еще торговые ряды: вотъ специальный сундучный рядъ; вотъ рядъ лавокъ съ кошмами, деревянными остовами для киргизскихъ юрть, грубыми коврами и другими атрибутами кочевого киргизскаго обихода; здѣсь длинный рядъ небольшихъ лавочекъ, гдѣ торгуютъ дынями и арбузами (рис. 344); тамъ лав-

чонки съ сартовскимъ мыломъ, угольный рядъ, бакалейная улица, гдѣ располагаются вперемежку, почти не отличаясь по виду, маленькія торговашки, съ нѣсколькими десятками рублей оборотнаго капитала, и большія оттово-розничныя дѣла съ оборотомъ въ сотни тысячъ.

Рис. 344. Ташкентъ. Овощной базаръ.

Ряд других улиц — ремесленники разных специальностей, которые тут и работают и продают свои изделия. Громкий стук молотков по металлу привлекает нас в мѣдный ряд: нѣсколькими десятками лавок, гдѣ куют мѣдные изделия, дѣлают на них высьчки, лудят; на выставкѣ готовы изделия — по большей части дешевые кунганы, или мѣдные ведра, но по просьбѣ Юсула выносятся и показывают намъ и дорогіе вещи, съ чудною, мелкою, художественною высьчкой. Вотъ токарный рядъ, гдѣ на глазахъ у всѣхъ точатся и отдѣляются ручки для бритвъ, дѣтскія люльки и всякія другія деревянныя изделия; перовытнатога устройства станокъ приводятся въ движение ремнемъ, который перекинутъ черезъ ось и за который тянется то въ одну, то въ другую сторону полуголый сартъ, помощникъ токаря. По съѣдству изготовляются деревянные частые гребни, которые выпиливаются ручною пилой на небольшомъ, но остроумно приспособленномъ станочкѣ. Вотъ продавцы тюбетеекъ. Заказчикъ выбираетъ у нихъ матерію и указываетъ рисунокъ для шитья по одному изъ готовыхъ, разложенныхъ на прилавкѣ штампамъ; торговецъ снимаетъ мѣрку, тутъ же, на глазахъ у заказчика, выкраиваетъ тюбетейку, отпечатывается на ней штампомъ рисунокъ и передаетъ другому работнику, который дѣлаетъ вышивку и сшиваетъ тюбетейку. Поблизости отъ мануфактурнаго ряда лавки „машиначей“ — портныхъ, которые кроютъ и на машинѣ шьютъ общераспространенные у сартовъ и киргизъ бухарскіе халаты.

Еще и еще разнообразныя ремесленники. Вотъ, между прочимъ, пекаря, изготовляющіе излюбленные сартовскія лепешки; въ пекарнѣ работаютъ трое: одинъ раскатываетъ куски тѣста, другой на раскатанной уже лепешкѣ накалываетъ зубчатымъ колесикомъ традиціонные узоры, третій, полуголый, съ головою, повязанною платкомъ, влѣзаетъ въ

жарко исполенную печь и прилѣпляетъ готовую лепешку къ ея своду, гдѣ она печется „до готовности“. Вотъ рядъ себерианниковъ, дѣлающихъ разнообразныя, по большей части очень грубыя по отдѣлкѣ, но красивыя по общему рисунку серебряныя украшения. А вотъ среди горы битаго фарфора сидитъ старичокъ-клещикъ, который какъ разъ въ данную минуту чинитъ разбитую чашку. Мы останавливаемся посмотреть, какъ онъ ловко и быстро дѣлаетъ свою очень тонкую и деликатную работу: составивъ чашку, онъ особеннымъ сверломъ продѣлываетъ въ ней небольшія дырочки, въ которыя вставляются металлическія скобки, и починенная такимъ образомъ чашка служитъ нерѣдко еще много лѣтъ.

Базаръ — сердце стараго Ташкента; сердце базара — широкая улица, сплошь занятая чай-ханями (чайными) и аш-ханями (харчевнями); попережку съ ними то шырьюльни, гдѣ на виду у всѣхъ сарты бреютъ голову и лицо, то лавочки, гдѣ продаются дыни и жевательный табакъ. Тутъ же, на улицѣ, стоятъ нѣсколько мороженниковъ — только роль мороженого играетъ глыба снѣга, которая поливается патокой и въ такомъ видѣ подается потребителямъ; тутъ же и фонографъ, со множествомъ слуховыхъ трубокъ.

„Чайная“ улица биткомъ набита народомъ: во всѣхъ чайныхъ масса сартовъ и киргизъ, кое-гдѣ между ними русскіе, мѣщане или солдаты; на порогѣ одной изъ чайныхъ сидятъ туземный полицейскій, въ длинномъ коломанковомъ халатѣ и мерлушковой папахѣ, но съ жгутами и пашкой, какъ у настоящаго городского, и мирно пьетъ чай изъ круглой чашки; завидѣвъ проходящихъ „тюра“, изъ которыхъ одинъ въ полувоенной формѣ, онъ приподнимается и дѣлаетъ подъ козырекъ.

Въ одномъ мѣстѣ большое собраніе народа: тѣсными рядами, по обѣимъ сторонамъ улицы, сидятъ сарты и киргизы, въ чалмахъ, тюбетейкахъ и сѣрыхъ вой-

лочныхъ треухахъ, а посреди улицы стоитъ длиннородый старикъ, въ бѣлой чалмѣ, опираясь на длинный посохъ, и что-то оживленно рассказываетъ, усиленно жестикуюрируя и оборачиваясь то къ одному, то къ другому ряду своихъ слушателей; порою онъ прерываетъ свое повѣствованіе какимъ-нибудь вопросомъ; ему отвѣчаютъ изъ толпы, иногда много людей; за разъ, иногда только одинъ или двое, сидящихъ прямо противъ старика и, повидимому, поддерживающихъ съ нимъ особенно оживленную бесѣду. Это „маддахъ“, специалистъ-рассказчикъ, который ходитъ по чай-ханамъ и увеселяетъ собирающуюся здѣсь публику рассказами на всевозможныя темы; чтобы не дать остыть живому интересу публики, онъ пересыпаетъ свой рассказъ разными вопросами, а среди слушателей сидятъ его негласные сотрудники, которыхъ обязанность — отвѣчать на его вопросы и такимъ образомъ придавать представлению „маддахъ“ видъ оживленнаго діалога. Окончивъ какой-то длинный рассказъ, маддахъ обходитъ публику и собираетъ мелкія подаванія.

Немного дальше — опять сплошные ряды сидящихъ по обѣимъ оторонамъ улицы пестрыхъ халатовъ, — всѣ въ чалмахъ или тюбетейкахъ, киргизскихъ треуховъ не видно. Здѣсь уже нѣтъ никакой центральной фигуры, а просто ведется какой-то оживленный общій разговоръ.

— Маслянятъ держать? — спрашиваетъ мой спутникъ Юсула.

Рис. 345. Дервишъ.

Рис. 346. Чай-ханя (чайная).

— Такъ тошно, маслянятъ, — отвѣчаетъ тотъ.

Это оказывается, сарты собрался обсуждать какія-то свои общественныя дѣла.

Еще дальше — опять небольшая кучка халатовъ, на зотѣ разъ уже не сидящихъ, а стоящихъ, а посреди этой кучки, оживленно жестикуюрируя, громкимъ и рѣзкимъ голосомъ рассказываетъ что-то точно сошедшій съ версатинской картины дервишъ (рис. 345), въ остроколенной расшитой шапкѣ, обмотанной бѣлою чалмою, въ грязномъ и ободранномъ халатѣ, съ посохомъ и съ висающею черезъ плечо дорожною флягою изъ тыквы-горлянки, — рассказываетъ, очевидно, о святыхъ мѣстахъ, чудодѣйственныхъ могилахъ и благочестивыхъ ишанахъ. Тутъ же среди толпы похаживаетъ мальчуганъ съ корзиною небольшихъ незатѣйливо связанныхъ букетовъ.

— Это для кого букеты? — спрашиваю я моего спутника.

— Какъ для кого! Сарты же страшно любятъ цвѣты, вотъ посмотрите, — указавъ онъ мнѣ на нѣсколько человекъ изъ толпы: изъ-подъ тюбетеекъ выглядывали,

падал на лобъ, небольшие вѣточки цвѣтущей люцерны.

Заглянули въ двѣ-три чай-ханъ (рис. 346); всѣ онѣ болѣе или менѣе одного типа: чай изъ круглыхъ фарфоровыхъ чашекъ, сартовскія лепешки, дыни, горою наваленныя у входа; въ углу стоитъ обязательный чилимъ, изъ котораго, по исконному обычаю, можетъ сдѣлать затяжку каждый прохожій, хотя бы онъ и не по-

требовалъ никакой платной порціи, и тутъ же обязательная туземная гитара или домбра, на которой играетъ каждый потребитель, которому захочется усладить свой кейфъ тихимъ и меланхолическимъ перебираниемъ струнъ; въ нѣкоторыхъ висятъ своеобразныя коническія кѣтки съ перелами, воспитываемыя то для пѣнія, то для боя.

Въ низовьяхъ Аму.

(Изъ пут. очер. Каразина).

I.

Кара-Кумы.

Вотъ они, мои старые, хорошо знакомые Кара-Кумы! Мы подъѣзжаемъ къ ихъ преддверію.

Майское солнце уже успѣло выжечь всю растительность тощихъ солонцеватыхъ равнинъ. Бѣловатая почва солончаковъ ослѣпительно сверкаетъ на солнцѣ и слѣпнитъ глаза, не защищенные даже синими очками. Часто приходится переѣзжать черезъ озера. Но это мертвыя

озера, безводныя. Странный видъ представляютъ они глазу, непривычному къ этимъ явленіямъ природы: и берега есть у нихъ, отчетливо видны они со всѣми своими изгибами, и островки есть, покрытые бурю, жесткою колючкою, есть даже гладкая блестящая водная поверхность. Недостаетъ только воды, и даже поблизости нѣтъ и капли этой животворной влаги.

Это окаменѣлыя озера.

Богъ вѣсть, сколько столѣтій тому назадъ испарились послѣднія капли воды;

Рис. 347. Ташкентъ. Медресе.

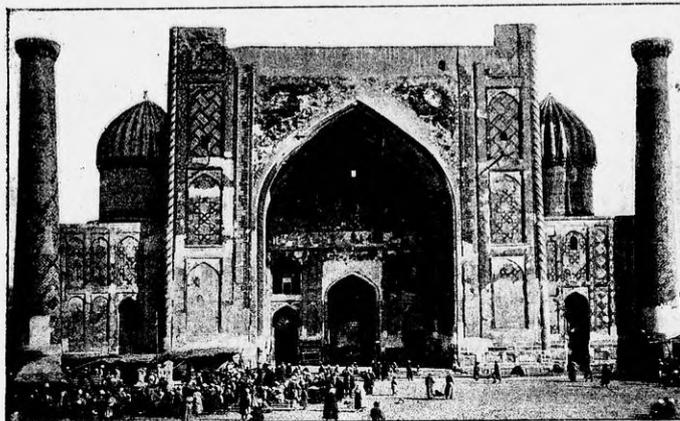

Рис. 348. Ташкентъ. Мечеть Ширъ-Дар'.

озерная соль, вмѣстѣ съ клейкимъ иломъ, осыла плотнымъ, блестящимъ слоемъ, что еще болѣе увеличиваетъ сходство съ водной поверхностью. Осадокъ этотъ окрѣпъ, сплотился, и, словно по асфальтовой мостовой, глухо гудятъ по немъ экипажныя колеса, отчетливо звякаютъ некованныя копыта почтовой тройки. Вотъ и берегъ. Онъ довольно крутъ. Въ карьеръ выхватываютъ на него привычныя лошади, тянутъ потомъ потихоньку по глубокому сыпучему песку и снова спускаются къ другому, подобному же озеру. Глазъ утомляется этимъ скучнымъ однообразіемъ... Удушливый жаръ стоитъ въ воздухѣ... Такъ и паритъ, словно передъ грозой. Но не рассчитывайте на благотворный дождь, на освѣжающіе воздухъ громовые удары. Это жаръ нормальный, никакихъ переминь не предвѣщающій. А если и шевельнется вѣтеръ отсюда, гдѣ синюю грядю видѣется „Термекъ-Безъ“, то это скверный вѣтеръ: онъ подниметъ вѣдую, солонцеватую пыль, и взмучитъ васъ эта пылъ тяжелымъ кашлемъ, удушьемъ и нестерпимымъ зу-

домъ въ ноздряхъ, въ углахъ глазъ и въ горлѣ.

Отрадно переминою покажутся вамъ послѣ солонцеватыхъ пустынь сыпучіе пески, мѣстами голые, мѣстами поросшіе зелеными кустиками молодого саксаула и джингила. Странный видъ имѣетъ мѣстность въ послѣднемъ случаѣ. Почти постоянный вѣтеръ вырвалъ и унесъ песокъ отсюда, гдѣ онъ не былъ скрѣпленъ корнями этого кустарника; тамъ же, гдѣ спугались и распозлились эти корни, песокъ остался въ видѣ высокихъ кочекъ, увѣчаннахъ зеленою кроною саксаула и розовыми султанами джингила. Кочки эти мѣстами такъ высоки, что человекъ верхомъ свободно скрывается за ними. Эти бугристые пески недавно еще были притономъ мелкихъ шайкамъ барантачей и всякой вольницы, приходившей съ Усть-юрта, изъ Арала, черезъ *Большіе и Малые Барсуки*, обильные колдовцами и родниками. Вотъ показались и высокіе холмы, цѣлыя горы чистаго, сыпучаго песку, лишенная уже положительно всякой растительности. Горизонтъ

исчезает, заслоненный этими холмами и „барханами“. Глаз поражается контрастом сѣро-синяго раскаленного неба съ красно-темною поверхностью песка.

Безлюдна степь эта. Кромѣ почтовых лошадей, ямщиковъ, смотрителей и верблюдовъ, содержимыхъ на станціяхъ для черной работы на всякій случай, ничего живого вы не встрѣтите дорогой. Какъ ни напрягайте глазъ, вы не замѣтите даже признака кочевья, не увидите чернѣющей верхушки закопченной кибитки, не увидите дымка, привѣтливо клубящагося изъ-за горки, ни стада. А вотъ ѣдетъ какой-то всадникъ, за плечами у него торчитъ длинный стволъ, заткнутый

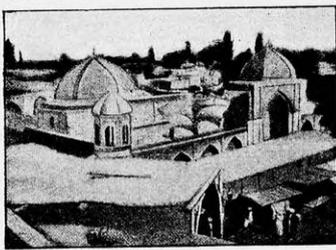

Рис. 349. Кокандъ. Кладбище.

трипкою, по бокамъ сѣдла качаются воздушные мѣшки — „коржумы“, войлочная бѣлая шапка надвинута на глаза, одинъ только уголокъ надрѣзанныхъ полей торчитъ высокимъ рогомъ. Въ поводу всадникъ этотъ ведетъ другую, запасную лошадь, тоже осѣдланную... Это не житель здѣшній, это — тоже, какъ и вы, путешественникъ; только онъ путешествуетъ не съ такамъ, какъ вы, комфортомъ... въ экипажѣ и на смѣнныхъ лошадяхъ, а верхомъ, все на одной и той же парѣ. Проѣдетъ верстѣ 30 на одномъ конѣ, пересядетъ на другого; еще верстѣ 30 проѣдетъ, отдохнетъ часа два, и дальше отправится въ путь такимъ же неапатѣливымъ порядкомъ. Это на мѣстномъ языкѣ называется путешествовать „ике-

ать“, то-есть о дву-конь, и составляетъ исключительный способъ далекихъ передвиговъ.

Все путешествие наше по Кара-Кумамъ тинулось бы ровно и однообразно, если бы не налетѣвший передъ разсвѣтомъ ураганъ, надѣлавшій намъ немало тревоги.

Ураганъ пронесся пологою, съ запада на востокъ; онъ пронесъ съ собою цѣлыя тучи песка и чуть было не перевернулъ кверху колесами наши тарантасы. Особенно эффектна была въ эту минуту послѣдняя четверть луны, только что появившаяся изъ-за горизонта. Багрово-красный, словно раскаленное желѣзо, дискъ оригинально просвѣчивалъ сквозь забудораженные массы песчаной пыли и придавалъ всему причудливый колоритъ.

Близость Аральскаго моря начинала уже выражаться значительнымъ пониженіемъ мѣстности. Справа отъ дороги показались уже продолговатая озера — затоны соленой воды, оставшіеся послѣ разлива. Появилась вода — появилась и жизнь. Ярко-бѣлыя крупныя чайки морскихъ типовъ съ крикомъ носились надъ затонами; всѣ отдели пестрѣли рыболовами. Множество орловъ неподвижно сѣдло на берегу и ждало чего-то. Вотъ одинъ изъ рыболововъ быстро спустился къ водѣ, черкнулъ крыломъ по ея поверхности, захватилъ что-то и торопливо понесся къ берегу. Ближайшій орелъ замѣтилъ это обстоятельство, взмахнулъ крыльями тяжело, словно раскачиваясь, подпрыгнулъ, наискось понесся къ рыболу и разомъ заставилъ выпустить добычу. Это ужъ такіа нахальныя привычки здѣшнихъ орловъ, привычки, присущія, впрочемъ, всѣмъ хищникамъ...

II.

Дельта Сыръ-Дарьи и Аральское море.

Чудную картину представляли безчисленные развѣтвленія Сыръ-Дарьи, вливавшей въ море свои мутныя воды. Гро-

мадные отмели, почти не возвышались надъ водною поверхностью, отличались отъ нея только своимъ золотисто-желтымъ цвѣтомъ. Передъ вашими глазами раскидывалась точно гигантская карта, раскрашенная самыми яркими тонами. Тамъ желтый, сверкающій на солнцѣ песокъ граничитъ съ темно-лиловою полосой воды, на которую набѣжала тѣнь облака; тамъ, словно бирюза, сверкаетъ чудная лазурь отраженного неба, рядомъ съ нею тянется изумрудная полоска камышовыхъ зарослей, а за нею, словно синѣтъ, бѣлымъ покровомъ раскинулся солончакъ испещренный бурными пятнами прошлогодней погибшей растительности.

Мѣстами видѣлись отмели, покрытыя водою не болѣе какъ на дюймъ. Бѣлые пеликаны сидѣли на мели цѣлыми группами; лебеди плавали и ныряли, брызгая и оставляя за собой длинныя, издала замѣтныя борозды. Тысячи чаекъ съ крикомъ носились надъ мачтами, темный альбатросъ высоко распластался въ воздухѣ свои крылья... Да это цѣлое птичье царство!.. Я ничего еще до сихъ поръ не выдалъ подобнаго.

Къ водамъ Аральскаго моря можно вполне примѣнить названіе „изумрудная“. Вода здѣсь, дѣйствительно, прелестнаго изумруднаго цвѣта и необыкновенно прозрачна.

На вкусъ вода Аральскаго моря очень солоная и сильно возбуждаетъ кожу послѣ купанья. Все тѣло ваше горитъ, какъ въ огнѣ, зато скоро этотъ усиленный жаръ смѣняется приятною свѣжестью и бодростью во всемъ тѣлѣ. На пароходѣ у

колеса устроены превосходный душъ, и мы всѣ очень часто пользуемся этимъ удобствомъ.

Куртъ парохода удаляется мало-помалу отъ восточнаго берега; онъ идетъ какъ разъ срединю моря, напрямикъ. Кругомъ не видно ничего, напоминающаго землю. Одна безконечная лазурь водной поверхности. Небо чистое, безоблачное; вѣтерокъ легкій и къ тому же попутный. Наши баржи поставили паруса — ходъ усилился.

Мы вышли уже на параллель острова „Николая“; самый островъ не можетъ

Рис. 350. Кокандъ. Хлопкоочистительный заводъ.

быть виденъ: онъ не высокъ, а до него, по крайней мѣрѣ, 80 верстъ... А вотъ еще что-то синѣтъ вдали, вправо, не то облачко, не то миражная туманная полоска. Это островъ Барса - Кельмесь — страшное зловѣщее названіе, напоминающее одно изъ трагическихъ событій въ жизни прараральскихъ кочевниковъ.

„Барса-Кельмесь“ значитъ: туда пойдешь — назадъ не вернешься. Легенда говоритъ, что лѣтъ сорокъ тому назадъ нѣсколько прибрежныхъ ауловъ, испугавшись стѣнныхъ смутъ и разбоевъ, рѣшили воспользоваться суровою зимою, сковавшею льдомъ море, и переселились на этотъ островъ. Переселенцы очень хорошо знали, что постоянно жить на пе-

счаникъ, лишенных растительности отменяя, невозможно, а потому запасливая слѣдующему зимю, по льду же, вернуться на твердую землю. Къ тому времени, предполагали они, въ степи станутъ покойнѣе; кто-нибудь возьметъ же верхъ: или русскіе или смѣлый батыръ ихъ—Аблай-Кенисары... а тогда, во всякомъ случаѣ, кончатся военные ужасы. Но—увы!—въ степяхъ, дѣйствительно, успокоились, зато слѣдующая зима оказалась менѣе суровой,—море не замерзло, и несчастнымъ пришлось провести на островѣ еще годъ. Къ половинѣ этого рокового года уже ни одного живого существа не было на островѣ. Голодная смерть покончила со всѣми, и, много лѣтъ спустя, русскія суда, плавающія по Аральскому морю и у его острововъ, нашли только множество человѣческихъ скелетовъ, разбросанныхъ поблизости обветшалыхъ, полуразнесенныхъ вѣтромъ, разстрепанныхъ кибитокъ.

III.

Озеро Кара-Куль.

Мы вошли въ озеро Кара-Куль. По мѣрѣ нашего входа въ озеро берега все удалялись и удалялись, скрываясь за камышами. Мы плыли по цѣлому лабиринту гигантскихъ, чудовищныхъ камышей. Все озеро заросло ими; между этими ярко-зелеными стѣнами извиваются тысячи водныхъ протоковъ, глубокихъ, прозрачныхъ, переплетающихся между собою и извивающихся въ самыхъ неожиданныхъ изворотахъ... Глухой гулъ, словно въ дремучемъ лѣсу, стоптъ въ этихъ могучихъ заросляхъ, густая, темная зелень которыхъ приятно ласкаетъ глазъ, угнетенный однообразнымъ пепельно-желтымъ цвѣтомъ сожженныхъ солнцемъ равнинъ.

Надъ поверхностью воды камышъ достигалъ до 12 аршинъ высоты; бросили дотъ—онъ показалъ глубину отъ 7 до

8 аршинъ и даже болѣе мѣстами. А камышъ вѣдь этотъ растетъ на днѣ, надъ водою мы видимъ только верхнюю его половину!

Тысячи птицъ снуютъ и щебечутъ въ этихъ тѣнистыхъ чащахъ; тамъ и сямъ чернѣются ихъ качающіяся гнѣздышки... Тяжелые пеликаны съ шумомъ вылетаютъ изъ чащи и опускаются на открытые мѣстахъ понырять и поплавать; граціозные лебеди несутся по низу, вытинувъ длинныя шея, задѣвая крыльями за гибкія метелки... Голубой пчеловѣдъ, словно бирюзовая точка, дрожитъ и сверкаетъ въ воздухѣ, или же покачивается, усѣвшись на самомъ кончикѣ стебля, толщиною въ палець... Шумными тучами переносятся розовые скворцы, прилетавшіе съ берега сюда на охоту за мошками и комарами...

Жизнь кипитъ надъ водою, кипитъ и въ водѣ: громадные сомы вслываютъ почти на самую поверхность и, словно бревна, неподвижно чернѣютъ въ прозрачной спокойной водѣ; цѣлыми стадами гуляютъ, рѣзвятся мелкая рыба, и только шумъ паровозныхъ колесъ да звонкое шелпанье буксирного каната тревожить все это население и гонять его прочь, дальше отъ человѣка, въ самую глубь непроходимой чащи, куда никакіе „шайтанъ-капки“ не доберутся.

Между этими неподвижными зарослями встрѣчаются и другія, плывучія. Корни камыша устарѣютъ и подгниютъ, вѣтеръ раскачаетъ ихъ и сорветъ такимъ образомъ цѣлый островъ, вотъ и плыветъ этотъ островъ, пугаясь, пугаясь и цѣпляясь на каждомъ поворотѣ за другіе кусты, срывая ихъ, въ свою очередь, загораясь свободные проходы, затрудняя и безъ того трудное плаванье по этимъ зеленымъ лабиринтамъ. Мы замѣтили мѣстами снопы камыша, связанные въ пучки,—это путеводныя вѣхи. Онѣ замѣтны издали, ихъ назначеніе—указывать дорогу, однако нашъ лоцманъ не обращаетъ на нихъ никакого вниманія; да

нимъ и не слѣдуетъ особенно догнѣряться: изъ дружелюбія съ русскими здѣшніе *каракамаки* часто срѣзываютъ настоящія, правдивыя вѣхи и вяжутъ новыя тамъ, куда пароходу заходить совсѣмъ не слѣдуетъ. Безъ опытнаго проводника можно забраться съ большимъ судномъ въ такую глушь, откуда уже назадъ не выберешься. До ста верстъ въ ширину разливается воды этого озера, сохраняя вездѣ почти одинаковую глубину. Профильрованная камышами вода чиста и прозрачна, но на вкусъ отдаетъ нѣсколько сырѣмъ и гнилью.

Воздухъ здѣсь прохладенъ, имъ легко дышится; и если бы только не эти мириады комаровъ, густымъ туманомъ волнуящихся надъ водою, то прогулка по этому оригинальному озеру была бы однимъ изъ самыхъ пріятныхъ воспоминаній путешествія въ Аму-Дарьинскую дельту.

Тутъ и люди гнѣздятыся, словно птицы, въ своихъ легкихъ временныхъ жилищахъ, весьма много общаго имѣющихъ съ птичьими гнѣздами. Рыбаки-каракал-

паки забираются сюда на свои лѣтніе промыслы. Мы нѣсколько разъ встрѣчали ихъ какки и проходили мимо ихъ пріютовъ. Послѣдніе устраиваются очень просто: камышъ срѣзываютъ на четверть аршина надъ поверхностью воды и, связавъ въ пучки срѣзанные, настилаютъ его прямо на оставшіеся комки; такимъ образомъ получается свайная постройка; только свая эти каждая въ палець и немного больше толщиною и гнутся какъ волость; но зато ихъ много, цѣлая сплошная густая щетка, и взаимная упругость ихъ сдерживаетъ довольно значительную тяжесть. Мы видѣли такіе помосты, на которыхъ гнѣздылось по 3—4 человѣка. Рыбаки ухитрялись даже раскладывать огонь, насыпавъ предварительно слой песка или земли, привезенной издалика, съ береговъ, для этой именно цѣли. Надъ помостами, на легкихъ шестахъ, устраиваются навѣсы, все изъ того же камыша; тамъ и сямъ между чащами, въ свободныхъ проходахъ, виднѣются нехитрые рыболовные снаряды.

Земледѣльческая полоса Западной Сибири.

(Изъ очер. М. Петрова).

Великій сибирскій желѣзнодорожный путь проходитъ чрезъ южную часть Западной Сибири, черезъ ея земледѣльческую полосу. Земледѣльческая полоса включаетъ въ свои предѣлы южный кусокъ Тобольской губерніи и среднюю часть Томской. Эта часть Западной Сибири представляетъ изъ себя широкія степи, гдѣ повсюду зеленѣетъ трава. Равнина до того плоская, а земля до того мягкая, что мѣстные жители могутъ прожить всю свою жизнь и не увидѣть не только скалы, но даже и камней.

Сначала, послѣ Уральскихъ предгорій, лежитъ сухая, особенно въ своихъ южныхъ частяхъ, Ишимская степь; ея огромная пространства выходятъ изъ границы Западной Сибири и на югъ слива-

ются съ безводными киргизскими степями. Рѣчки и озера Ишимской степи богаты водою только ранней весною; въ половинѣ юля они уже подсыхаютъ; а по обнаженному дну раскидывается яркій пологъ зелени и полевыхъ цвѣтовъ.

Чѣмъ дальше на востокъ, тѣмъ замѣтнѣе мнѣется степь, изъ Ишимской переходя въ Барабинскую, которая залегла отъ Иртыша на 600 верстъ до Оби и на 400 верстъ въ ширину до Алтая.

Озера попадаются чаще; среди нихъ много съ солено-горькой водой и съ берегами, покрытыми бѣлымъ налетомъ соли. Вода въ барабинскихъ озерахъ отъ гниющего камыша коричневаго цвѣта. Самое большое озеро Чаны въ 2.870 кв. верстъ; мѣстные жители величаютъ его

моремъ; но это жалкое море съ желто-бутылочною водою; оно усыхаетъ на глазахъ сибиряковъ.

Почва Барабинской степи влажная; крестьянамъ нужно рыть канавы для стока воды и осушать землю. Несмотря на изобиліе влаги, населенію иногда ея не хватаетъ; вода случается то соленая, то горькая, то гнилая; какъ глубоко ни роютъ землю, до свѣжей воды иногда добрать не могутъ.

Рис. 351. Горная рѣчка въ Алтаѣ.

Климатъ земледѣльской полосы лѣтомъ немного отличается отъ климата соседнихъ мѣстъ Европейской Россіи; разница въ климатѣ зимою гораздо ощутительнѣе.

Чѣмъ дальше двигаться къ востоку, тѣмъ больше разница въ климатѣ земледѣльской полосы Западной Сибири и соседнихъ областей Европейской Россіи. Вместе съ этимъ въ растеніяхъ появляется все больше и больше новыхъ видовъ.

Для того, чтобы имѣть болѣе свѣжую траву, и желая вмѣстѣ съ тѣмъ уничтожить вредныхъ для земледѣлія насекомыхъ, сибирскіе крестьяне часто поджигаютъ степи. Эти пожары ужасны; отъ нихъ гибнутъ хлѣба, горятъ деревни. Огонь бѣжитъ по вѣтру днями, неделями, мѣсяцами, переходя изъ степной полосы въ лѣсную, до самаго сѣвера. Въ нѣсколькихъ верстахъ отъ пожара среди бѣлаго дня отъ дыма становится такъ

темно, что на десять сажень невозможно различать предметы, а солнце мутнѣетъ и кажется краснымъ кругомъ безъ лучей и свѣта.

Сѣверная желѣзная дорога изъ Россіи проникаетъ въ лѣсную земледѣльческую часть Западной Сибири. Около Урала она непріятливо встрѣчаетъ своими лѣсами, которые кажутся еще темнѣе послѣ свѣжихъ панорамъ Волги и даже Камы. Но эти хмурые картины недолго пода-

вляютъ свою угрюмостью и скукой. Чѣмъ глубже проникать въ Западную Сибирь, тѣмъ привѣтливѣе становится окружающая природа. Корявую ель сменяютъ красивыя сосновые и березовыя рощи, раскиданныя не то среди степей, не то луговъ. Кругомъ все оживаетъ разнообразіемъ и свѣтомъ. Къ рощамъ березы примѣшиваются новыя сѣверныя породы; онѣ гущаются, переходятъ въ настоящіе лѣса. Такія мѣста лежатъ около Тюмени, гдѣ

орѣшникъ, яблоня и другія деревья замѣняются липой, осиной, ольхой, серебрянымъ тополемъ, рябиной, ивой, вязыемъ, бояркомъ, черемухой и хвойными сибирскими породами; не пропадаютъ только береза.

Преобладаютъ лиственные деревья. Лѣсъ съ сѣвера языками проникаетъ въ степную полосу по теченію рѣкъ. По Тоболу сосны встрѣчаются у Кургана, по Ишиму—у Петропавловска, по Иртышу и

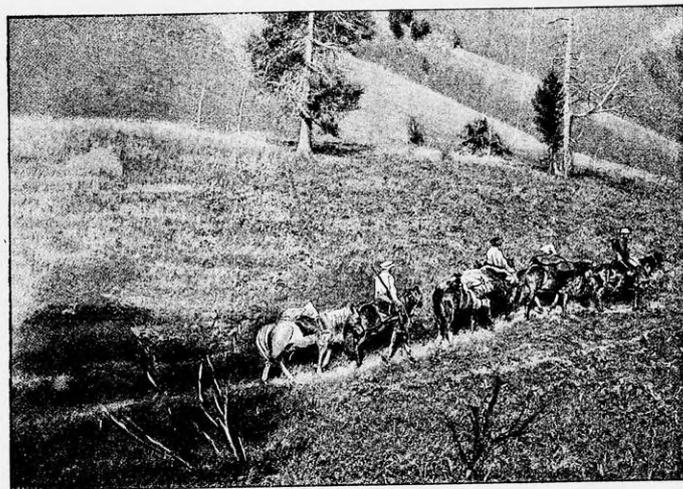

Рис. 352. Въ Алтайскихъ горахъ.

кончается желѣзная дорога; но уже и тамъ, въ пограничныхъ съ лѣсной полосой краяхъ, деревья рѣдкуютъ, главнымъ образомъ, кругомъ городковъ и большихъ селъ; въ Тюмень лѣсъ уже сплавляютъ съ сѣвера по рѣкѣ Турѣ, отсюда, гдѣ царитъ настоящая глушь.

Въ перелѣсахъ земледѣльской полосы сначала встрѣчаются древесныя породы, знакомыя намъ въ Россіи, но, чѣмъ глубже забираться на востокъ, тѣмъ все больше и больше онѣ пропадаютъ. Дубъ,

сколько не доходятъ до Омска и, наконецъ, расселяются по Оби и ея притокамъ.

Животныя земледѣльской области Западной Сибири немногимъ отличаются отъ нашихъ. Было время, когда птицъ, рыбъ и звѣрей было больше, и водились тамъ чисто сибирскія породы; но обращались съ ними сибиряки такъ неосторожно и хищнически, такъ усердно били, ловили и стѣбляли, что теперь кусты и рощи удивительно молчаливы и степи пустыни.

Главное занятие, которымъ живётъ население земледѣльной полосы, — это земледѣліе; имъ занято 75% жителей въ рабочемъ возрастѣ. Огромная равнина, переѣченная небольшими рощами, очень удобна для земледѣлія. Хотя пространства западно-сибирской низменности не сплошь пригодны для крестьянскаго хозяйства, и если выбрать плодородную, сухую почву на „гривахъ“¹⁾ и другихъ

Рис. 353. Вѣлуха—самая высокая вершина Алтая (14.800 футовъ).

мѣстахъ, то получится не больше 1/6 части степной полосы, но все-таки въ распоряженіи человѣка въ земледѣльской области остается много пригодныхъ для обработки земель. По всему пути Великой Сибирской желѣзной дороги, съ двухъ сторонъ ея раскинулись черноземныя пространства; на нихъ, главнымъ образомъ, и осѣло сибирское население.

Черноземы Западной Сибири плодородны, но сравниться съ русскими они

не могутъ. Хорошіе урожаи, получающіеся на сибирскомъ черноземѣ, зависятъ, главнымъ образомъ, отъ двухъ причинъ: 1) продолжительности лѣтняго тепла и 2) отъ неистощенности почвы, которую человѣкъ еще не успѣлъ вспахать до конца.

Лучшія земли лежатъ на „гривахъ“ и „островахъ“, повсюду разбросанныхъ по Ишимской и Барабинской степямъ. На высокихъ, широкихъ и пологихъ холмахъ расположенъ самый отборный черноземъ; на узкихъ и крутыхъ—уже суглинистый. На склонахъ гривъ, которые сибиряки называютъ „подгрявками“, лежитъ „подсолонокъ“—солончановый черноземъ, пригодный для хлѣбныхъ растений. Въ промежуткахъ между гривами почва плохая для земледѣлія; тамъ ковыльная степь, колки, болота и солонцы; среди нихъ иногда въ Ишимской степи попадаются мѣста, на которыхъ возможно земледѣліе,—это подсолонки. Ишимская степь—самый богатый край земледѣльской полосы. Ея огромныя гривы тянутся иногда на нѣсколько верстъ, занимая нѣсколько десятинъ, съ отлогими скатами, удобными для стока воды.

Среди земель южной полосы Западной Сибири теперь совсѣмъ уже не осталось зови. Не только переселенцамъ, но и сибирякамъ мѣста начинаютъ не хватать, особенно въ западныхъ частяхъ, гдѣ угнѣненіе заставляетъ покидать свои наделы и уходить на сѣверъ или востокъ въ поискахъ за новыми свободными землями; но ихъ повсюду въ Западной Сибири становится все меньше и меньше, а въ земледѣльской полосѣ нѣтъ совершенно.

Вся сибирская земля—казенная, принадлежитъ государству. Самая небольшая часть составляетъ собственность помѣщиковъ. Южный кусокъ Томской губерніи, такъ называемый Алтайскій горный округъ, принадлежитъ Государю; заводитъ Алтайскіи землями Кабинетъ Его Величества; эта часть—самые плодородные и богатые края Сибири, на нихъ

никто никакихъ правъ имѣть не можетъ; Алтайскія земли называютъ „житницей Сибири“. На казенныхъ земляхъ Западной Сибири сидятъ крестьяне, работаютъ и уплачиваютъ подати-аренду. Въ послѣдніе годы правительство призвало межевныхъ инженеровъ для раздѣленія земли на участки и разъясненія, кому на какой землѣ слѣдуетъ работать. Во время межеванія оказалось, что отъ многихъ сельскихъ обществъ пришлось отобрать часть пахотной и другой земли, потому что они работали на ней, не имѣя отъ казны на то разрѣшенія. Эти новые „отрѣзки“ давались пріѣзжимъ переселенцамъ. Прѣжніе душевые наделы доходили до 17 десятинъ, а въ послѣдніе годы переселенцамъ нарѣзывали не больше 14—15 десятинъ на душу; сюда входили, конечно, и неудобныя земли.

Въ прѣжнія времена раздобывали себѣ земли по-иному. Приходящіе изъ Россіи выбирали себѣ мѣста получше и начинали подымать новыя; они строились, обзаводились скотомъ и необходимымъ хозяйствомъ, рубили лѣсъ и рощи; такимъ образомъ появлялась заимка. Земля принадлежала тому, кто на ней трудился, и до тѣхъ поръ, пока онъ трудился. Люди считали, что земля, такъ же, какъ вода и воздухъ, никому не принадлежитъ. Жили тогда люди вотъ по какому зареченію: „селись, гдѣ хочешь; живи, гдѣ знаешь; паши, гдѣ лучше; паси, гдѣ любе; коси, гдѣ густо; лѣлуй, гдѣ пусто!“ О немъ до сихъ поръ помнятъ

Рис. 354. Алтайскіи инородцы.

Рис. 355. Алтайскіи.

въ Западной Сибири. Но мало-по-малу земля становилась все меньше,—сначала въ пахотныхъ земляхъ, а потомъ въ пастбищакъ и лѣсахъ почувствовался недостатокъ. „Вольное“ пользование уступило мѣсто общинному. Теперь земля въ земледѣльской полосѣ находится въ пользованіи подеревенныхъ обществъ и въ рѣдкихъ случаяхъ волостныхъ общинъ.

Внутри постепенно устанавливаются наши русскіе, общинные порядки. Землю дѣлятъ между всѣми работниками общества, но не помощью жеребьевки, а по общему уговору, какъ говорятъ, „по торгу“. Смотрятъ на качество, количество земельного участка, далеко ли онъ лежитъ отъ села, города и желѣзной дороги. Въ земледѣльской полосѣ „вольнаго“ землевладѣнія нѣтъ совершенно, мѣста осталось такъ мало, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ на душу приходится 6—8 десятинъ, а это по сибирскимъ размѣрамъ и по сибирской почвѣ совсѣмъ не много. Общинные порядки переходятъ и къ инородцамъ, конечно, къ тѣмъ, которые осѣли на землю и принялись за сельское хозяйство. Теперь Сибирь ожи-

¹⁾ Продолговатые и покатыя степные холмы.

васть, и отъ крестьянъ для новыхъ производящихся дорогъ часто отбираютъ землю изъ-подъ пахень.

Новымъ переселенцамъ, новоселамъ, теперь уже совсѣмъ не осталось свободныхъ „отрѣзковъ“, отобранныхъ у сибирскихъ старожиловъ послѣ межеванія. (Трѣзки представляли изъ себя „мягкую“ землю, на которой человекъ уже успѣлъ потрудиться и подготовить ее для земледѣлія—это была удобная почва. Вместо отрѣзковъ прѣзжимъ крестьянамъ стали отводить залежь и залогі, и то, конечно, тамъ, гдѣ они еще оставались; съ залежью предстоитъ такой же трудъ, какъ съ подъемомъ дѣлны, которая съ большимъ трудомъ поддается стараніямъ сибирскаго хлѣбопашца.

Несмотря на то, что запасъ свободной земли въ земледѣльской полосѣ истощается, даже, за небольшими исключеніями, истощился, народъ изъ Россіи все идетъ и идетъ. Переселенцы сначала посылаютъ своего „ходока“ развѣдать новыя мѣста, выбрать среди нихъ лучшее. Ходокамъ, а потомъ и переселенцамъ на желѣзной дорогѣ дѣлаютъ различныя льготы: за проѣздъ берутъ въ три раза дешевле, по дорогѣ устраиваютъ пріюты съ хлѣбомъ, горячей пищей и болыпнами. У кого изъ переселенцевъ въ дорогѣ израсходуются средства, тѣмъ выдаютъ въ долгъ пособія, а очень бѣднымъ и совсѣмъ безвозвратно. Переселенцамъ помощь и льготы необходимы, потому что, уѣзжая изъ дому, они вообще достаткомъ не только не обладаютъ, а имѣютъ только самое необходимое—иначе чего было бы тащиться Богъ знаетъ куда, покидая родные края и отцовскія могилы. Свои небольшія сбереженія крестьяне въ дорогѣ окончательно теряютъ. Путь предстоитъ желающимъ переселиться очень трудный и длинный, ѣдутъ въ неудобныхъ грязныхъ товарныхъ вагонахъ, такъ называемыхъ четвертаго класса, набиваясь въ нихъ точно селѣди, укладываваясь на полу, простужаясь отъ

большихъ раздвигающихся дверей. Всѣмъ переселенцамъ обыкновенно не хватаетъ мѣстъ, и они на промежуточныхъ станціяхъ дѣльнымъ таборомъ ожидаютъ очереди. Жить въ это время приходится подъ открытымъ небомъ, въ палаткахъ, растрачивая послѣдніе гроши, болѣя и хороня своихъ дѣтей. Но теперь, съ проведеніемъ желѣзной дороги, условія путешествія еще улучшились; что дѣлалось въ то время, когда переселенцамъ приходилось плыть въ душныхъ, вонючихъ баржахъ по сибирскимъ рѣкамъ въ продолженіе 10—14 дней, застревая на пристаняхъ мѣсяцами, — этого передать невозможно. Крестьяне, имѣя малѣйшую возможность, покупали лошадей съ телѣгой и пускались въ путь по сибирскому тракту; этихъ переселенцевъ называли „самоходами“. Конечно, въ сравненіи съ прежними бѣдами, теперешнее путешествіе кажется превосходнымъ.

Прибывая, наконецъ, на мѣсто своего назначенія, переселенцы или устраивались всей партіей сообща самостоятельно, или приписывались къ уже существующимъ старожильскимъ обществамъ, выплачивая за это нѣкоторую сумму. Вместе съ земледѣльцами изъ Россіи очень часто выѣзжали мастера и ремесленники, пытая со своими односельчанами счастья на чужой сторонѣ. Первые три года переселенцы освобождаются отъ налоговъ.

Но не всѣмъ уѣзжающимъ изъ Россіи оказывалась помощь, ее получали только тѣ, которые были снабжены отъ своихъ властей разрѣшеніемъ на выселеніе изъ родной общины. Лучше другихъ уживались тѣ изъ переселенцевъ, которые еще на родинѣ принадлежали къ разряду среднихъ по достатку крестьянъ, — они съ помощью накопленныхъ запасовъ выдерживаютъ первая неудачи въ борьбѣ съ непривычной, частью суровой природой и постепенно обзаводятся хозяйствомъ.

Въ 1903 году больше третьей части (36,2%) всѣхъ переселенцевъ, переѣхавъ

пахъ черезъ Челябинскъ, вернулось обратно! Послѣ того, какъ прошла желѣзная дорога, облегчившая проѣздъ, и правительство свободнѣе стало выпускать крестьянъ изъ Россіи, — переселеніе быстро увеличилось. Въ 1900 году 200.000 человекъ переѣхало границу между Россіей и Азіей, но уже въ слѣдующемъ 40% изъ нихъ должны были вернуться, и съ тѣхъ поръ переселенческій потокъ все мельчаетъ. Въ 1903 г. въ Сибирь прибыло только 77.000 человекъ. Въ самое послѣднее время и правительство и поддерживающіе его классы общества стали всячески способствовать переселенію крестьянъ изъ центральной и южной

Россіи на окраины. Изъ мѣстъ, наиболѣе страдающихъ отъ малоземелья, вновь хлынула переселенческій потокъ, и съ такой силой, что сибирскіе губернаторы очень скоро должны были просить правительство сократить число разрѣшеній: земель не хватаетъ. Впрочемъ, знающіе люди уже давно предупреждали правительство, что въ Сибирь осталось мало пригодныхъ земель, и указывали, что, хотя, напр., въ Тобольскую губернію и идутъ переселенцы, но туда уже лѣтъ 15 идутъ свои крестьяне дальне на востокъ.

Шли они, главнымъ образомъ, въ земледѣльческую область Тобольской и Томской губерній, но были такіе, которые шли дальше на востокъ, на Амуръ. Преобладали крестьяне изъ черноземныхъ и степныхъ губерній; свободные же участки въ земледѣльской полосѣ остались въ самомъ небольшомъ количествѣ, и только на сѣверѣ, среди лѣсовъ; тамъ нашъ русскій южанинъ чувствовалъ себя совсѣмъ безпомощнымъ, хотя среди переселенцевъ это, вообще, самый работящій и умѣлый народъ; русскіе же сѣверяне,

т.е. изъ центральныхъ и особенно заволжскихъ губерній, оказываются людьми слабыми, неустойчивыми и очень обезсиленными борьбой за существованіе еще на родинѣ; вообще, на сѣверѣ очень трудно выбиться на дорогу, и тѣ немногія земли, что тамъ еще остались, въ счетъ итти не могутъ. Такимъ образомъ хотя правительство и поощряетъ теперь крестьянское переселеніе и думаетъ оказывать ему еще большую помощь, но быть мѣстомъ, куда можно было бы переселять малоземельныхъ крестьянъ, Западная Сибирь не можетъ.

Собственно говоря, въ Сибирь, конечно, еще очень много незанятыхъ земель, но

Рис. 356. Переселенческіе бараки въ Челябинскѣ.

почти всѣ онѣ въ теперешнемъ видѣ непригодны для немедленной обработки. Въ однихъ мѣстахъ, степныхъ, надо приготовить колоды, пруды или, наоборотъ, отвести излишекъ воды; въ другихъ—лѣсныхъ—надо прорубить лѣса, осушить болота, проложить дороги, устроить сбытъ для хлѣба и т. п. Очень часто всѣ эти подготовительныя работы требуютъ громадныхъ затратъ и не могутъ быть выполнены полуразоренными или совершенно обнищавшими переселенцами — крестьянами. Это подѣ силу только государству. Для того же, чтобы правильно вести подготовку земель для переселенія, надо изслѣдовать и изучить Сибирь, а она еще

очень и очень плохо изучена. Въ настоящее время правительство предприняло и изслѣдованіе свободныхъ земель и подготовку ихъ для переселенцевъ, но все это ведется въ сравнительно маломъ размѣрѣ.

Въ Сибири сельское хозяйство еще не стало на прочную ногу. Въ различныхъ частяхъ земледѣльческой полосы существуютъ разные приемы обработки и сѣвооборота. Общій характеръ земледѣлія, однако, приблизительно одинъ и тотъ же и заключается въ слѣдующемъ: всѣ крестьяне свой посѣянный хлѣбъ, главнымъ образомъ, доверяютъ землѣ; самъ же человѣкъ на подготовку почвы удобреніемъ силъ своихъ не тратитъ; даже усиленное вспахиваніе сибиряками производится не для того, чтобы разрыхлять пашню, а для того, чтобы бороться съ сорными травами, обильно прорастающими около хлѣбовъ. Послѣ подъема цѣльны хлѣба сѣютъ одинъ за другимъ нѣсколько разъ подъ рядъ, послѣ чего пускаютъ землю подъ черный паръ, т.-е. не даютъ пару зарастать травой, и чередуютъ посѣвы съ паромъ нѣсколько лѣтъ; когда земля истощается, ее бросаютъ въ залежь. На хорошихъ мѣстахъ снимаютъ съ участка 25—30 хлѣбовъ, прежде чѣмъ пустить ее въ залежь; на плохихъ 3—4. Земля отлеживается отъ 3 до 25 и даже 30 лѣтъ; попадаютъ мѣста, къ которымъ вторично и не прикасались съ тѣхъ поръ, какъ оставили ихъ подъ залежь, а есть и такія, которыхъ совсѣмъ не оставили. Количество хлѣбовъ, чередованіе съ паромъ и продолжительность залежи, — все это зависитъ отъ качества почвы, а такъ какъ она въ земледѣльческой полосѣ неровная, то и порядки тамъ различные. Сѣвооборотъ же, главнымъ образомъ, двухпольный. Сибирскій теперешній способъ хозяйства уже не первобытный „переложный“, которымъ онъ былъ въ старину, когда хлѣба засѣвали нѣсколько лѣтъ подъ рядъ до полного истощенія почвы и только тогда ее надолго

забрасывали; уменьшеніе земля привело сибирскихъ крестьянъ къ залежно-паровой системѣ, а теперь заставляетъ ихъ бросать двухполье и переходить на наше русское трехпольное хозяйство съ удобреніемъ. Переселенцы, прѣзжавшіе съ привычкой къ трехполью и удобренію, скоро отъ нихъ отыкали, поддаваясь влиянію сибиряковъ, хищно ведущихъ свое земледѣльческое хозяйство.

Хотя пашню и не уваживаютъ, но возни съ нею много. Земля сибирская очень плотная, требующая большого старанія; пашутъ на 4—5 и даже 6 вершковъ въ глубину. Эта усердная распашка возможна только при большомъ количествѣ скота, которое и превосходитъ въ Сибири то, какое мы имѣемъ у себя въ Россіи. Въ соху запрягаютъ пару, а то и тройку лошадей. Тамъ крестьяне работаютъ съ сохами на колесахъ; особенно распространилась соха „пермянка“ по образцамъ изъ Пермской губерніи. Русскія фирмы ежегодно отправляютъ въ Сибирь огромное количество земледѣльческихъ орудій. Среди сибирскихъ крестьянокъ образовалось даже серьезное движеніе въ пользу распространенія земледѣльческихъ машинъ и поощренія ихъ покупки, такъ какъ машины облегчаютъ трудъ крестьянокъ.

Быстрое проникновеніе сельско-хозяйственныхъ орудій въ среду сибирскаго крестьянства кажется особенно значительнымъ рядомъ съ медленнымъ распространеніемъ машинъ среди крестьянъ русскихъ.

Хлѣба воздѣлываются въ земледѣльческой полосѣ самые различные. Чѣмъ дальше къ сѣверу и чѣмъ хуже земля, тѣмъ проще хлѣба, менѣе прихотливы. На югѣ земледѣльческой области, въ Ишимской степи, сѣютъ больше всего пшеница, на востокъ и на сѣверѣ хорошо родится яровая рожь, ячмень, а около Томска, т.-е. въ сѣверо-восточномъ углу, — озимая рожь. Мѣстами сѣютъ просо, гречиху, горохъ, картофель и по-

чти вездѣ ленъ и коноплю. Средніе урожаи пшеницы на плодородной землѣ 60—80 пудовъ съ десятины, ржи—60—90 пудовъ, ячменя—50—60 пудовъ, овесъ на парахъ даетъ 80—100 пудовъ, а на жнивахъ—40—50 пудовъ^{*)}. Однако сибиряки знаютъ и не такіе урожаи. Въ южныхъ плодородныхъ мѣстахъ съ десятины снимали: 240 пудовъ пшеницы, 200 пудовъ ржи и 350 пудовъ овса!

1894 году. Въ настоящее же время хлѣбъ родится все хуже и хуже. Неурожайные годы слѣдуютъ одинъ за другимъ три-четыре раза подъ рядъ. Случается такъ, крестьяне буквально ни одного колоса не снимаютъ со своей пашни. Вообще, урожай земледѣльческой полосы Западной Сибири удивительно неровны и перемѣнчивы.

Въ этомъ нѣтъ ничего страннаго, если

Рис. 357. Сибирскіе крестьяне.

Эти огромные урожаи поражали своимъ изобиліемъ прѣзжихъ путешественниковъ; предполагая, что такой сборъ хлѣбовъ бываетъ ежегодно, они повсюду и развели рассказы о чудесномъ сибирскомъ хлѣбопашествѣ. Въ дѣйствительности такіе урожаи и прежде бывали очень рѣдки: одинъ разъ въ 20—30 лѣтъ; послѣдній большой урожай случился въ

вспомнить, что сибиряки ведутъ свое хозяйство легкомысленно и неразумно. Страдаетъ земледѣлецъ не только отъ истощенія почвы, но и отъ засухи и кобылки. Тучами кобылка ползетъ, летитъ и скачетъ на сибирскія поля, покрывая собою огромныя пространства; ее не остановить ни рѣки, ни озеро; кобылка гибнетъ, и все-таки ее остается еще много.

Другой врагъ крестьянскаго хозяйства—это сорная трава. Много труда приходится затрачивать земледѣльцу на борьбу съ нею; землю пашутъ и перепашиваютъ

^{*)} Для Европейской Россіи средніе урожаи слѣдующіе: пшеница—31—32 пуда, рожь—38 п., ячмень—36—37 п., овесъ—36 п.

вают помногу разъ; яровые хлѣба при-
ходятъ усиленно полоть.

Въ мѣстахъ, богатыхъ рощами, дурно
отзывается на урожаяхъ влага. Повсюду
вредятъ посявамъ поздніе заморозки весно-
ною и ранніе утренники осенью; крестья-
нину вѣчно приходится зорко слѣдить,
чтобы не поторопиться или не упустить
удобнаго времени. Весенние разливы раз-
мываютъ пашни, засыпаютъ ихъ иломъ
и пескомъ. Чѣмъ больше несчастій спл-
нется на крестьянскую голову, чѣмъ
напривѣе природа, земля и климатъ,
тѣмъ труднѣе хлѣбопашцу обходиться
безъ машинъ и безъ удобрения.

Подъ влияніемъ всѣхъ неудачъ и, глав-
нымъ образомъ, въ виду истощенія почвы
населеніе стало замѣнять нѣжные хлѣба
болѣе грубыми, сѣверными. Крестьяне
убѣждаются, что имъ необходимо бро-
сить старый нерасчетливый способъ хо-
зяйства и приняться за удобреніе земли;
съ удобреніемъ мѣняется и сѣвоборота.
Съ переходомъ къ правильному хозяй-
ству урожай становится ровнѣе. Лучше
всего это замѣтно на сѣверной границѣ
земледѣльской полосы, гдѣ раньше все-
го сказалось угѣсеніе и истощеніе и
прежде перешли къ удобрению и трех-
полью. Тамъ, правда, хлѣбъ не родится
въ сказочномъ изобиліи, но зато и не
бываетъ полныхъ неурожаевъ.

Вся Западная Сибирь, т.-е. всѣ ея об-
ласти съ Алтайскимъ горнымъ округомъ,
давала ежегодно 64.000.000 пудовъ раз-
ныхъ хлѣбовъ. Почти все это количество
приходилось на земледѣльскую область.
Изъ нихъ 13.000.000 пудовъ вывозилось
въ Россію и за границу. Выходъ съ не-
урожаими вывозъ становится все меньше
и меньше. Прежніе хлѣбные запасы, ко-
торые давно скупили крупные купцы,
всѣ вышли, а новыхъ урожаевъ вотъ
уже сколько лѣтъ безплодно ждать си-
бирскій крестьянинъ. Желѣзная дорога
повысила сначала вывозъ, такъ какъ си-
биряки стали продавать послѣдній хлѣбъ,
отрывая отъ своей семьи.

Пользуясь обиліемъ хлѣба, сибиряки
во многихъ мѣстахъ земледѣльской по-
лосы занимаются винокуреніемъ. Въ од-
ной Томской губерніи построено 12 за-
водовъ для винокуренія, пиво и медо-
варенія, на которыхъ въ 1900 году было
выкурено одной волки 1.134.000 ведеръ.

Для нуждъ сельскаго хозяйства нева-
женъ отъ рѣчныхъ пристаней, съ кото-
рыхъ хлѣбъ идетъ въ отправку, начи-
наютъ строить паровыя мельницы.

Есть въ земледѣльской полосѣ за-
воды крахмальные, паточные, пряничные,
но имъ приходится вырабатывать мате-
риала гораздо меньше, чѣмъ водочнымъ
заводамъ, хотя рабочихъ участвуетъ въ
этомъ производствѣ гораздо больше.

Вообще же, если сравнить число всѣхъ
заводовъ и фабрикъ, которые обрабаты-
ваютъ продукты земледѣлія, съ количе-
ствомъ снимаемыхъ ежегодно хлѣбовъ,
то окажется, что эта отрасль фабричной
промышленности находится въ Западной
Сибири еще въ зачаточномъ состояніи.

Земледѣльская полоса Западной Си-
бири богата пастбищами. Сибиряки мо-
гутъ держать рабочей скотъ въ такомъ
количествѣ, которое нашимъ русскимъ
крестьянамъ недоступно. Въ хозяйствѣ
средняго сибирскаго мужика 2—3 ло-
шадьи, 2—3 коровы и 5—6 овецъ—обыч-
ное правило, а зажиточные семьи дер-
жатъ еще больше. Вообще, считаютъ,
что на каждые 100 жителей приходится
85 головъ лошадей. Гораздо хуже положе-
ніе новыхъ переселенцевъ-новоселовъ:
первое время имъ приходится переби-
ваться не только съ одной лошадейю, но
даже и безъ нея.

Лошади нужны не только для одного
земледѣлія. Въ мѣстахъ, лежащихъ по
сосѣдству съ большими прѣзжими до-
рогами и трактами, лошади служатъ для
извознаго промысла на крестьянскихъ
постоялыхъ дворахъ. Главнымъ мѣстомъ,
гдѣ процвѣтала почтовая и пассажир-

ская гоньба, прежде былъ большой Си-
бирскій трактъ, по которому шло все
движеніе въ Сибирь и чрезъ нее на
Дальній Востокъ. Но вотъ засвистѣлъ
паровозъ, пролегли желѣзные рельсы—
и замеръ Сибирскій трактъ; все отъ него
отняла чугунка. Цѣлые хутора и поселки,
жившіе извознымъ промысломъ, остались
безъ заработка. Ища новой работы, люди
обращались къ земледѣлію, уходили на
сѣверъ, образовывали тамъ новыя заимки
и подымали еще нетронутую цѣлину.

Сибирская лошадь сильно отличается
отъ російской: она малоросла и не сильна,
зато неприхотлива въ пищѣ
и питѣбъ, вынослива и очень
быстра на ходу; по порядочной
дорогѣ эта лошадь „сибирка“
пробѣгаетъ скорымъ бѣгомъ
въ день верстъ съ сотню безъ
всякаго для себя вреда.

Рогатый сибирскій скотъ
совсѣмъ не имѣетъ досто-
инствъ: мелкій, тощій, и даетъ
совсѣмъ малый удой плохого,
жидкаго молока. Въ этомъ
больше всего виноватъ, конечно,
небрежный уходъ, но от-
части въ слабости домашняго
скота повинна и сибирская
трава, изъ которой получается
не особенно питательный
кормъ, а иногда даже вредный.

Въ послѣднее время крестьяне стали
заботиться о молочномъ скотѣ гораздо
больше, чѣмъ раньше. Эта перемена
произошла, главнымъ образомъ, подъ
вліяніемъ спроса на молочные товары.

Въ 1893 году въ Тобольской губерніи
около города Кургана впервые появились
молочные хозяйства, а оттуда пошла по
всей Западной Сибири. Молоко идетъ на
выдѣлку масла, которое вывозятъ въ Рос-
сію и, главнымъ образомъ, за границу.

Сибирскій крестьянинъ темень, не-
развѣтъ, онъ не умѣетъ своего молочнаго
хозяйства вести какъ слѣдуетъ. Желая
увеличить количество продаваемого мо-

лока, онъ покупаетъ столько коровъ, что
имъ не хватаетъ корма. Скотъ начинаетъ
давать молока еще меньше, оно стано-
вится жидке. Коровы тощатъ, болѣютъ,
вырождаются, приносятъ слабое потомство.
Сибиряки, продавая все молоко на масло-
дѣлнн, отнимаютъ его отъ своихъ дѣ-
тей. Молоко послѣ выработки изъ него
Масла, сырое и воднисто-жидкое, воз-
вращаютъ крестьянамъ подъ названіемъ
„обрата“, и они этимъ „обратомъ“ кор-
мятъ телятъ. Этотъ „обратъ“ не только
полезенъ, но даже вреденъ, потому что
въ немъ смѣшивается молоко всѣхъ ко-

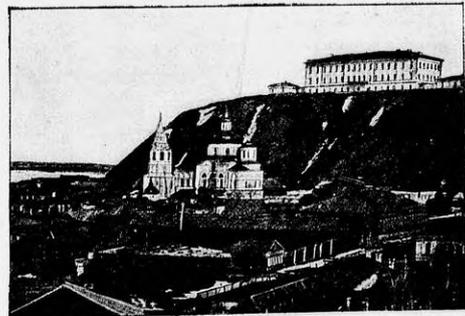

Рис. 358. Тобольскъ (основанъ въ 1587 г.; населенія около
20 тысячъ.)

ровъ, и здоровыхъ и больныхъ, телята
заражаются, хирѣютъ и мрутъ. Болѣютъ
отъ недостатка молока и дѣти.

Крестьяне увидѣли, что маслодѣліе
приноситъ имъ не одну только пользу,
но и вредъ, истощая ихъ семьи. Они по
своей темнотѣ начали даже приписывать
вліянію маслодѣлія такія бѣды, какъ за-
сухи и неурожаи! Сибиряки выдумали,
что на маслодѣльняхъ, которыя тутъ на-
зываются „молоканками“, выработкой му-
чатъ молоко, за что имъ въ наказаніе и
посланы всѣякія бѣды. Крестьянское не-
довольство доходило даже до открытаго
бунта, во время котораго было разбито
нѣсколько „молоканокъ“.

Маслодѣліе, истощая семью сибиряка и давая ему за это нѣсколько лишнихъ рублей въ годъ, дѣйствительно, принести ему, пожалуй, больше вреда, чѣмъ пользы. Наживаются же на этомъ дѣлѣ конторы скупщиковъ да туча кулаковъ, содержателей маслодѣленъ.

Въ сибирскомъ хозяйствѣ скотъ содержится еще для убоя. Мясо, сало и шерсть отправляютъ въ Россію, туда же и за границу вывозятъ кожи и живой рогатый скотъ. Для этихъ дѣлѣй разводять животныхъ только на югѣ земледѣльской полосы и въ сосѣднихъ съ нею областяхъ киргизскихъ степей.

Кожевенное производство поставлено въ Сибирѣ очень слабо, работа повсюду происходитъ ручнымъ способомъ, заводы состоятъ изъ жалкихъ деревянныхъ и даже плетеныхъ зданій, часто безъ потолковъ и половъ, случаются и безъ крышъ. Всѣ отбросы остаются валяться на дворахъ, гниютъ и заражаютъ воздухъ. Рабочіе кожевеннаго производства не имѣютъ отдѣльныхъ помѣщеній, а живутъ тамъ же, гдѣ выдѣлываются кожи, овчины и пр. Самый большой заводъ стоитъ въ Тюмени, въ Тобольской губерніи. Онъ производитъ товара ежегодно на нѣсколько сотъ тысячъ рублей; въ той же губерніи, главнымъ образомъ, сосредоточены и остальные кожевенные заводы.

Вообще, фабрично-заводская промышленность Западной Сибири обрабатываетъ сырые матеріалы мѣстнаго происхожденія: на винокуренные, пряничные и другіе подобные заводы уходятъ продукты земледѣлія, на кожевенные и суконные — продукты скотоводства. Другихъ фабричныхъ заведеній совсѣмъ мало. Они не только не разрастаются, но даже существовавшіе ранѣе въ послѣднее время разоряются.

И въ будущемъ фабрично-заводская промышленность врядъ ли очень скоро пойдетъ тамъ на ладъ, — съ одной стороны, нѣтъ настоящихъ, умѣлыхъ, со-

знательныхъ рабочихъ тамъ, гдѣ опытная руки необходимы, съ другой — послѣ проведенія желѣзной дороги провозъ товаровъ изъ Россіи настолько удешевился, что сибирскимъ съ привозными спорить стало не подъ силу. Въ Россіи хоть и слабѣе заграничнаго фабричнаго промышленность, но, въ сравненіи съ сибирской, она давно окрѣпла и потому можетъ свои продукты продавать дешевле.

Ввозъ русскихъ товаровъ въ Сибирь растетъ быстро и непрерывно.

Послѣ того, какъ прошла желѣзная дорога, упразднившая весь большой Сибирскій трактъ, сильно пострадала кустарная, работавшая на извозной промышленности. Вообще, желѣзная дорога, открывшая широкій доступъ въ Западную Сибирь фабричнымъ товарамъ, убиваетъ кустарную промышленность, потому что привозные товары не только лучше качествомъ, но и дешевле.

Торговые сношенія Сибири съ Россіей въ то время, когда Великой Сибирской желѣзной дороги не было и въ поминѣ, являлись дѣломъ труднымъ и не всѣмъ доступнымъ. Вся торговля была въ рукахъ немногихъ богатыхъ купцовъ, назначавшихъ на свой привозной товаръ цѣны и наживавшихся какъ угодно, Тенерьдѣло сильно измѣнилось; русскіе фабриканты стали держать въ Западной Сибири своихъ представителей, и мелкіе купцы могутъ свободно миновать прежнихъ посредниковъ, покупая товаръ небольшими партиями изъ первыхъ рукъ; цѣны на товары упали; упало и значеніе ярмарокъ — не только сибирскихъ, но даже Нижегородской.

Устраиваются же въ настоящее время ярмарки въ земледѣльской полосѣ для сбыта произведеній сельско-хозяйственной промышленности. Но и мѣстные товары попадаютъ теперь прямо къ покупателямъ изъ Россіи безъ участія посредниковъ, чрезъ прѣѣзжихъ представителей. Самая большая изъ такихъ внутреннихъ ярмарокъ зимою — въ городѣ

Ишимѣ. Дѣлала она ежегодный сборъ въ 2½ милліона рублей, но и на ней сильно замѣтно паденіе ярмарочной торговли.

Путь, по которому шла изъ Сибири товары, тоже рѣзко измѣнился. Все къ себѣ перетянула „сибирка“, и только такіе грубые матеріалы, какъ кожи, провозятся еще по водѣ на Тюмень, и то потому, что рѣчнымъ сообщеніемъ перевозка обходится дешевле.

Проходя чрезъ Западную Сибирь, желѣзная дорога бѣжитъ еще дальше на востокъ. Поэтому населеніе земледѣльской полосы участвуетъ не только въ мѣстной торговлѣ, но и въ торговыхъ сношеніяхъ Россіи съ остальной Сибирью и Китаемъ. Больше всего съ востока привозится чаю. Въ 1899 году чрезъ Челябинскъ прошло 1.594.000 пудовъ чаю разныхъ сортовъ. Сама Сибирь его поглощаетъ очень много; янордцы и даже крестьяне предпочитаютъ кирпичный, плиточный чай, который очень удобенъ при постоянныхъ передвиженіяхъ и охотахъ. Изъ степныхъ, киргизскихъ областей постоянно отправляютъ транспорты лошадей. Вывозная торговля, главнымъ образомъ, сейчасъ находится въ рукахъ иностранцевъ, которые раньше настъ обратили вниманіе на Сибирь и успѣли тамъ прочно устроиться.

Для торговыхъ и пассажирскихъ сообщеній въ земледѣльской полосѣ, гдѣ нѣтъ рѣчныхъ путей, проложены почтовые тракты — широкія грунтовыя дороги съ канавами по обѣимъ сторонамъ, съ довольно прочными деревянными мостами чрезъ ручьи и овраги и съ порогами чрезъ рѣки. Около почтовыхъ дорогъ кормится много народу: кустари работаютъ тельги, брички, упряжи и проч., крестьяне держатъ лошадей, открываютъ постоялыя двory.

Извозный промыселъ дурно отзывается на нравственности притрактоваго населенія. Легкіе заработки, постоянная встрѣча со всевозможными людьми, среди которыхъ множество лицъ совершенно испор-

ченныхъ, все это испортило притрактовыхъ сибиряковъ. Въ тамошнихъ селахъ живутъ самые испорченные въ Сибирѣ крестьяне: среди нихъ слыньба, чѣмъ гдѣ-либо, развито пьянство и другіе пороки; народился даже совсѣмъ особый воровской промыселъ „чаерѣзъ“. Въ зимнія темныя ночи чаерѣзы, закутавшись въ бѣлыя простыни, ложатся въ придорожные сугробы и ждутъ, когда появятся обозы съ чаемъ; тогда чаерѣзы быстро вскакиваютъ и валятся въ розвальни, откуда еще быстрѣе срываются нѣсколько тюковъ — цибниковъ чая. Этотъ промыселъ считался такимъ доходнымъ, что были села, сплошь занимавшіяся срываніемъ грузовъ чая.

Самыя главныя отрасли промышленности земледѣльской полосы — хлѣбопашество и скотоводство — ведутся безъ помощи наемныхъ рабочихъ рукъ. Кустарный промыселъ тоже лежитъ, главнымъ образомъ, на самихъ хозяевахъ, и только немногочисленные заводы и фабрики Западной Сибири требуютъ для себя рабочихъ. Такимъ образомъ рабочаго населенія въ земледѣльской полосѣ немного. Оно состоитъ изъ обѣднѣвшихъ мѣщанъ и крестьянъ да изъ ссыльчанъ.

Промыслы рыбные, охотничьи и сборъ кедровыхъ орѣховъ въ земледѣльской полосѣ занимаютъ самое послѣднее мѣсто.

Богатствъ ископаемыхъ земледѣльская область почти не имѣетъ. Кое-гдѣ добываютъ каменный уголь; на востокѣ, въ Маринскомъ округѣ и около Томска, разрабатываютъ бѣдныя золотыя россыпи. Въ степныхъ озерахъ находится соль, но ея не хватаетъ даже для мѣстнаго населенія. Всѣ эти промыслы ничтожны въ сравненіи съ сельскимъ хозяйствомъ.

Земледѣльская полоса — не только самая богатая, но и самая населенная часть Западной Сибири. Жители ея раз-

сбаны по деревням и селам, и только меньшинство, не больше десятой части, постоянно устроилось в городах. Города рѣдки, и народу в нихъ живетъ немного; но подъ вліяніемъ желѣзной дороги вдоль пути городская жизнь быстро оживаетъ, и население городовъ увеличивается. Города растутъ такъ удивительно скоро, что, напримѣръ, тамъ, гдѣ въ 1898 году стоял поселокъ Ново-Николаевскій всего въ 3.000 жителей, въ 1902 году, т. е. чрезъ 4 года, выросъ цѣлый городъ въ 25.000 человекъ!

Сибирскіе города имѣютъ жалкій видъ. Вдоль узкихъ, немощеныхъ улицъ, съ гнилыми деревянными тротуарами, тянутся покосившіеся дощатые заборы вперемежку съ низкими деревянными домами; переулки покрыты иногда на 8—10 вершковъ свѣжимъ или перепрѣвшимъ навозомъ. Города малолюдны; наступившая ночь загоняетъ всѣхъ жителей въ комнаты; закрываются ставни, жизнь замираетъ надъ пустыннымъ, почти неосвѣщеннымъ городомъ; только уныло перекатывается по дворамъ вой и лай многочисленныхъ собакъ. И русскіе провинціальныя города не блещутъ красотой, но сибирскіе выглядятъ еще хуже, походя скорѣе на большія села. Чѣмъ дальше къ сѣверу, тѣмъ грязнѣе и бѣднѣе города.

Въ самые послѣдніе годы города начали понемногу отстраиваться и подниматься, но тѣ, которые остались въ сторонѣ отъ желѣзно-дорожнаго сообщения и торговаго объѣма, постепенно замираютъ, напр., Тюмень, одинъ изъ древнѣйшихъ русскихъ городовъ Сибири, основанный въ 1586 г.

Особенно замѣтенъ упадокъ городовъ, оставшихся безъ желѣзной дороги на Тобольскѣ, самомъ сѣверномъ среди большихъ сибирскихъ городовъ. Недалеко отъ него когда-то стояла татарская столица края — городъ Сибирь, и онъ самъ одно время считался столицей Сибири. Тобольскъ лежитъ на границѣ двухъ различныхъ частей Западной Сибири:

земледѣльческой и лѣсной полосы, и его жизнь связана съ одной и другой. Съ юга онъ получаетъ по Иртышу сибирскіе и русскіе товары, отправляя ихъ внизъ по Оби, на сѣверъ, или вверхъ по ней, на востокъ. Въ городѣ живетъ много купцовъ и промышленниковъ, занимающихся торговлей съ сѣверными инородцами и рыбными промыслами. Упадокъ Тюмени и сосредоточеніе всей административной и торговой жизни на югѣ заглушили Тобольскъ настолько, что его население почти не увеличивается. Городъ застроенъ грязными деревянными зданиями, по которымъ постоянно гуляетъ „красный пѣтухъ“. Старыхъ построекъ сохранилось поэтому очень мало (рис. 358).

Самый богатый и населенный городъ во всей Западной Сибири — Томскъ, въ которомъ считаютъ 56.000 жителей. Онъ хотя и лежитъ не на самой Сибирской желѣзной дорогѣ, но къ городу отъ нея проведена небольшая желѣзно-дорожная вѣтка. Томскъ разрастается. Тутъ театр, университетъ, основанный въ 1888 г. (рис. 359), технологическій институтъ, три среднихъ учебныхъ заведенія, много специальныхъ, духовныхъ, низшихъ и воскресныхъ школъ. Всего 59 учебныхъ заведеній и 7.400 учащихся. 3 публичныхъ библиотеки, есть отдѣлы ученыхъ обществъ. Выходятъ 4 газеты. Это настоящій городъ, и сибиряки, которые, вообще, отличаются большимъ патриотизмомъ, утверждаютъ, что Томскъ не хуже Петербурга. Томскъ непрерывно увеличивается и улучшается. Особенно возросло за послѣднее время торговое значеніе Томска, благодаря развивающемуся пароходству и дешевымъ и удобнымъ воднымъ путямъ сообщения.

Если города Сибири невелики и неблагоустроены, то деревни ея гораздо лучше русскихъ; онѣ выглядятъ многолюдными селами. Тутъ много красивыхъ двухъ-этажныхъ домовъ, вокругъ которыхъ тѣсятся уголья и службы; крыши этихъ лѣзь-домовъ крыты тесомъ, а на нихъ и на выращенныхъ ставняхъ часто красу-

ются рѣзные деревянные узоры. Въ комнатахъ у крестьянъ чистъ и уютно, стѣны и потолки выбѣлены; иногда стѣны оклеены обоями и почти всегда увѣшаны разными портретами и картинами; полы устланы цыновками, разноцвѣтными половиками; на подоконникахъ стоятъ горшки съ цвѣтами; въ частыхъ горницахъ обязательны столы и стулья, даже диваны.

Теперь лѣсу становятся все меньше и меньше; скоро сибирскія деревни земледѣльческой полосы перестанутъ поражать обширностью своихъ построекъ.

Людскія селенія росли по берегамъ рѣкъ и озеръ. И теперь къ сѣверу и востoku по теченію рѣкъ постоянно строятся новыя прѣзжими переселенцами. Но деревни новоселовъ гораздо малочисленнѣе и бѣднѣе, снаружи похода на тѣ мѣста, откуда выбрались переселенцы. Изъ Западнаго края, Прибалтійскаго и Малороссіи крестьяне ставятъ деревни чище, удобнѣе; наши коренные русскіе приносятъ съ собою изъ дому прежнюю грязь и темноту, съ которой они уже тѣсно сжились на родинѣ.

Сибиряки — народъ темный и необразованный. Школъ и училищъ у нихъ еще меньше, чѣмъ у русскихъ крестьянъ. Въ земледѣльческой полосѣ народное образование поставлено лучше, чѣмъ въ другихъ частяхъ Западной Сибири, но и здѣсь большинство школъ страдаютъ отсутствіемъ денегъ, недостаткомъ книгъ и другихъ учебныхъ пособій; къ школамъ, вообще, относятся невнимательно и небрежно, нанимая, напримѣръ, учителей изъ отставныхъ солдатъ, сапожниковъ и даже изъ уголовныхъ ссыльныхъ. Для населенія не хватаетъ школъ, нѣтъ библиотекъ, читаленъ и книжныхъ складовъ; а сибиряки очень цѣнятъ образо-

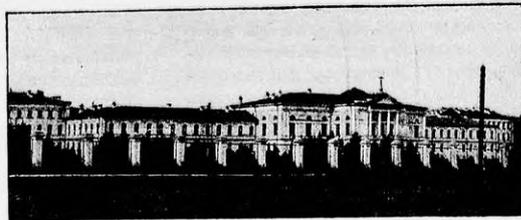

Рис. 359. Сибирь. Томскій университетъ.

ване и не только охотно посылаютъ своихъ дѣтей въ существующія школы, но и сами широко жертвуютъ на нихъ деньги. Напримѣръ, Томскій университетъ основанъ на деньги, наполнову по жертвованію населеніемъ. Если бы въ Сибири было земство и само населеніе имѣло бы право заботиться о народной грамотѣ, то школьное дѣло пошло бы на ладъ. Въ сибирскихъ городахъ образованіе лучше, чѣмъ въ деревняхъ.

Въ прежнее время, когда земля у сибиряковъ было вдоволь и жить было легче, невѣжество не очень вредило крестьянамъ; а теперь, когда имъ приходится всѣми силами изворачиваться при неурожаяхъ, земельномъ угтѣсненіи и проч., отсутствіе знанія и просвѣщенія является для сибиряковъ большою бѣдою.

Отсутствіе земскаго самоуправленія отозвалось и на врачбеномъ дѣлѣ. Больницъ и докторовъ такъ мало, что населенію совершенно не хватаетъ, и оно попрежнему, какъ въ старину, подчасъ обращается къ знахарямъ и знахаркамъ и даже къ помощи языческихъ, инородческихъ колдуновъ-шамановъ. Болѣзней же всевозможныхъ среди сибиряковъ очень много.

Среди населенія земледѣльческой полосы больше всего русскихъ—2.000.000, которые раздѣляются на коренныхъ сибиряковъ—старожилдовъ и прѣзжихъ—новоселовъ.

Стадивалось постоянно съ инородцами, сибиряки постепенно замѣнили свой

языкъ, коверкая произношеніе и вставляя новыя слова. Въ разговоръ старожила входятъ не меньше 3.000 заимствованныхъ отъ инородцевъ или вновь составленныхъ словъ. Въмѣстѣ съ языкомъ сибиряки отчасти измѣнили свой видъ; къ ихъ русской крови примѣшалось не мало инородческой; это уже не наши голубоглазые блондины, а люди смуглые, съ темными волосами и карими глазами; попадаются широкія скулы и узкіе глаза; растительности мало. Сибирячки не отличаются красотой (рис. 357).

Сибирякамъ изстари приходилось бороться то съ природой, то съ инородцами, устраниваться на новыхъ мѣстахъ, заводить новое хозяйство, поэтому у нихъ сложился крѣпкій, энергичный и предпримчивый характеръ. Любовь къ труду у сибиряка проявляется во всемъ.

Если ему удастся научиться читать и писать, онъ всю жизнь интересуется книгамъ. Среди старожилловъ бывали удивительно способные самородки.

Такой же энергіей и трудолюбіемъ отличаются сибирскія женщины; въ семьѣ онѣ совершенно самостоятельны: съ мужьями держатъ себя гордо и не позволяютъ собою помыкать. Къ достоинствамъ сибирячки необходимо добавить смѣтливость и чистоплотность.

Рис. 360. Село Кольванское, Бйского уѣзда (Императорская гранильная фабрика).

Старожилы не знали крѣпостного права угнетавшаго на Руси нашихъ дѣдовъ, убивавшаго въ нихъ гордость и человѣческое достоинство. Благодаря такимъ счастливымъ обстоятельствамъ, сибирякъ не такъ забитъ и униженъ, какъ нашъ російскій мужикъ.

Въ Сибири много раскольниковъ, сектантовъ и, вообще, свободныхъ толкователей священнаго писанія. Отношенія между различными религіозными теченіями терпимы, мирныя.

Хотя теперь благосостояніе сибирскихъ крестьянъ падаетъ, но все-таки сибиряки и живутъ и выглядятъ гораздо довольнѣе русскихъ крестьянъ.

Земледѣльская полоса въ послѣднее время стала сильно поддаваться вліянію Европейской Россіи. Населеніе земледѣльской полосы увеличивается отчасти отъ переселенія, и новые люди, принося съ собою свои порядки и обычаи, затираютъ коренныхъ жителей. Ихъ воздѣйствіе сильнѣе всего сказывается въ городахъ. Въ деревняхъ же переселенцы скорѣе сами поддаются мѣстнымъ сибирскимъ вліяніямъ. Но и тамъ новоселы долгое время сохраняютъ свой характеръ, особенно вышедшіе изъ Западнаго или Прибалтійскаго края; поэтому въ земледѣльской полосѣ встрѣчаются селенія, совершенно различныя между собою.

Хуже всѣхъ живетъ ссыльнымъ, которыхъ тамъ очень много. Городъ Курганъ, напримѣръ, наполовину состоитъ изъ ссыльныхъ, ихъ потомковъ и семей. Въ Тобольской губерніи еще недавно на каждыя 12 человѣкъ поселенія приходился одинъ ссыльный. За 45 лѣтъ, съ 1854 г. по 1899 г., по самому малому под-

счету, сослано полтора милліона человѣкъ, а на самомъ дѣлѣ гораздо больше.

Ссыльнымъ приписываютъ къ крестьянскимъ или мѣщанскимъ обществамъ, но не даютъ имъ никакихъ пособій на обезпеченіе самымъ необходимымъ для крестьянскаго хозяйства или для ремесла.

Большинство изъ нихъ, въ чужой сторонѣ съ суровымъ климатомъ, безъ привычки къ земледѣльческому труду и безъ всякой помощи, не можетъ выжить въ мѣстахъ присылки и сбѣгаетъ, тѣмъ болѣе, что тамъ само населеніе относится къ присланымъ очень недружелюбно. Живется настолько тяжело, что они бросаютъ осѣдлую жизнь и предпочитаютъ испытывать всѣ лишенія скитаній.

Уголовные ссыльные раздѣляются на отбывающихъ ссылку, какъ перное наказаніе, и на отбывающихъ ссылку послѣ казни и тюремнаго заключенія. Обыкновенно ссыльные второго рода — народъ испорченный.

Присутствіе большого количества ихъ дурно вліяетъ на мѣстное населеніе, особенно на молодежь; объ этомъ часто заявляли въ своихъ приговорахъ волостные сходы. Сибиряки успѣли кое-гдѣ порядочно испортиться: вдоль проѣзжихъ трактовъ и около бывшихъ каторжныхъ заводовъ коренное населеніе отличается мошенническими наклонностями; есть цѣлая села, занимающіяся воровствомъ, конокрадствомъ, срязаніемъ чайныхъ грузовъ и такъ далѣе.

Только недавно была отмѣнена ссылка по суду, но административная, т.-е. безъ суда, по одному распоряженію начальства, осталась и до сихъ поръ.

Изъ инородцевъ больше всего живутъ въ земледѣльской полосѣ татары — 75.000 (рис. 361). Поселились они около

русскихъ деревень и городовъ, и гдѣ осѣли на землю, гдѣ еще кочуютъ по степи. Но, вообще, они забываютъ теперь свою прежнюю, привольную, кочевую и воинственную жизнь, строятъ деревни, занимаются торговлей, земледѣліемъ и навозомъ.

Въ предѣлахъ Тобольской губерніи до сихъ поръ живутъ потомки выходцевъ изъ Бухарскаго ханства. Они были первыми проводниками среди сибирскаго населенія мусульманскихъ нравовъ и религіи.

Вотъ уже лѣтъ сто, какъ часть татаръ, живущая въ Тобольской губерніи, осѣла по деревнямъ и занялась, главнымъ образомъ, земледѣліемъ. Новая жизнь

Рис. 361. Сибирь. Татары.

имъ плохо удается. Ихъ семьи малочисленны, бѣдны, неприятны; хозяйство всебѣмъ скверное и терпитъ постоянный недостатокъ; даже и это скудное имущество постоянно разоряется. Свои обычаи и нравы они забываютъ, перенимая у сибиряковъ очень многое.

Иначе устроились татары барабинскіе, т.-е. живущіе въ Томской губерніи, въ степяхъ Барабы. Здѣсь они кочевники и скотоводы, единственный народъ земледѣльской области, занимающійся только скотоводствомъ и притомъ въ большихъ размѣрахъ.

Кочевники сохраняютъ свои прежніе обычаи и нравы гораздо успѣшнѣе, чѣмъ ихъ осѣдлые соплеменники, но все-таки

дорска, не знающая отдыха от хлопот. Гости движутся все ближе и ближе к Обдорску, сь прибрежій Ледовитаго океана, сь высоту Урала, изъ лѣсовъ,— словомъ, сь сѣвера, юга, востока и запада. Пробыли они въ этихъ пустыняхъ со стадами оленей, вытравили лѣтнія кочевья; теперь, идя къ Обдорску, они вездѣ находятъ кормъ для оленей, хорошую дорогу, покрытую снѣговымъ покровомъ, изъ-подъ котораго только одинъ олень ухитряется доставать пищу въ видѣ лишайниковъ. Тѣмъ временемъ сами хозяева ведутъ промыселъ на песна, лисцу, выдру, добываютъ бѣлыхъ куропатокъ. Изъ далекихъ прибрежій Ледовитаго океана остяки, а больше самоѣды, везутъ клыки моржей, шкуры бѣлаго медвѣдя, рыбій клей, мамонту кость — бивни. Всѣ эти гости пробыли цѣлый годъ въ безлюдныхъ тундрахъ, припасы ихъ истощились, дѣти подросли, устроились свадьбы; нуженъ калымъ, въ составъ котораго входятъ и сукна, и бусы, и украшения изъ мѣди, но больше всего нуженъ хлѣбъ. Возвратиться къ Обдорску раньше, какъ черезъ годъ, гость не можетъ: уйдя съ своими оленями въ исходѣ зимы въ тундру, онъ лѣто проводитъ въ далекихъ прохладныхъ мѣстахъ: тамъ и овода меньше, и корма больше, и промыселъ прибыльнѣе. Тамъ и живетъ самоѣдъ; на приморскихъ берегахъ, освѣжаемыхъ прохладнымъ вѣтромъ съ плавающихъ въ океанѣ льдовъ, нѣтъ комаровъ и мошки,—оленямъ покойнѣе.

Остяки и самоѣды останавливаются, значительно не доходя до Обдорска. Старѣйшіе изъ нихъ начинаютъ ежедневно набѣгать въ село съ малыми запасами товаровъ, да и везутъ пока то, что похуже. Не везутъ они разомъ всѣхъ

товаровъ, чтобъ не увлечься и не отдать слишкомъ дешево. Такъ начинается торговля сь попойками, драками, шумомъ, гамомъ. Село кишитъ народомъ; улицы, площади, дома—полны гостями. Пестрая толпа народа переѣхана сь не менѣе разношерстными оленями, собаками, нартами. Наполняются, наконецъ, гостями и ихъ оленями и ближайшія окрестности Обдорска. Ярмарка превращается въ обширный, своеобразный зоологическій садъ. Зима стоитъ въ это время въ полной своей силѣ, повсюду лежатъ глубокие снѣга, и продолжительная темная ночь прикрываетъ ихъ. И всю ночь не умолкаютъ своеобразные обдорскіе концерты. Главные артисты, участвующіе въ этихъ концертахъ,—собаки, которыя замѣняютъ обдорчанамъ лошадей для возки дровъ и пр. После утомительной дневной работы голодные собаки поднимаютъ ночью чудовищный волчій вой, способность къ которому собаки здѣшняго края сохранили какъ бы въ доказательство своего родства сь ихъ близкимъ собратомъ—волкомъ.

Случается по обыкновенію, что остяки или самоѣды, отпраздновавъ день сь друзьями, пропеть все, что приобрѣлъ продажей пушнина, и прокороатъ ночь на снѣгу подъ заборомъ въ безучастномъ состояніи. Въ ту же ночь находящееся въ окрестностяхъ села стадо принадлежащихъ ему оленей исчезаетъ. Оленекрадство сдѣлалось на ярмаркѣ такимъ же зломъ, какъ у насъ конокрадство. Оно влияетъ въ такой же степени на обнищаніе остяковъ и самоѣдовъ, какъ падежъ оленей въ тундрѣ. Но послѣ падежа остается у туземца все же десятокъ-другой животныхъ, а послѣ пограба онъ дѣлается совершенно нищимъ.

Остяки.

(Изъ очер. А. Ф. Добряковой).

Остякамъ принадлежатъ громадныя пространства земли, которыя захватываютъ три уѣзда Тобольской губерніи: Березовскій, Обдорскій и Сургутскій, и лежатъ по теченію Оби, Иртыша и другихъ притоковъ Оби. Край этотъ чрезвычайно суровъ: зима продолжается здѣсь восемь мѣсяцевъ, сь сильными морозами, нерѣдко въ 40 и болѣе градусовъ, лѣто же короткое, но жаркое. Чѣмъ ближе къ Ледовитому океану, тѣмъ холоднѣе, длиннѣе зима, короче лѣто. Зимой солнце показывается часа на 3, на 4, а въ тундрѣ, близко лежащей къ океану, почти и совсѣмъ не восходитъ, такъ что въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ царитъ ночь, освѣщаемая по временамъ только сѣвернымъ сияніемъ. Лѣтомъ же солнце почти совсѣмъ не заходитъ, ночи бываютъ очень коротки, и иногда долго длится почти непрерывный день.

Весна и осень очень коротки здѣсь: въ нѣсколько недѣль послѣ холодной зимы устанавливается жаркое лѣто, почти слѣдомъ за лѣтомъ идетъ зима. Мѣстности, близко лежащія къ океану, представляютъ изъ себя промерзшія болота, оттаивающія лѣтомъ не болѣе, какъ на $\frac{3}{4}$ аршина. Это такъ называемыя тундры. Лѣтомъ тундры покрываются густымъ слоємъ моха, лишайника, среди которыхъ выдѣляется яркая морощка, брусника и клюква. Изрѣдка попадаютъ деревья на тундрѣ, но какія деревья! Искривленные, согнувшіяся, они напоминаютъ скорѣе кустарники, чѣмъ прямая высокоствольный лѣсъ, который тянется густой полосой отъ тундры. Это начинается лѣсная полоса, тайга — дремучіе, непроходимыя лѣса, состоящіе по преимуществу изъ хвойныхъ деревьевъ.

По мнѣнію ученыхъ, остяки происходятъ сродни нашимъ финнамъ. Сь не-

запамятныхъ временъ пришли они въ эти мѣста сь юга Сибири. Они жили родами, т.-е. всѣ родственники, даже самыя отдаленные, жили вмѣстѣ и составляли какъ бы одну семью. Дѣлами всего рода управлялъ старшій изъ мужчинъ въ родѣ, онъ же рѣшалъ суды между родственниками. У остяковъ имѣлись князья, власть которыхъ была невелика. Князья жили въ городахъ, остатки которыхъ сохранились до сихъ поръ въ видѣ громадныхъ кучъ мусора. Въ этихъ кучахъ найдены были разныя хозяйственныя принадлежности, сдѣланныя изъ желѣза. Изъ этого можно заключить, что древніе остяки не были совсѣмъ дикимъ народомъ, такъ какъ умѣли добывать желѣзо и знали кузнечное ремесло. Остякъ того времени былъ обезпеченъ всѣмъ необходимымъ для жизни. Рыба-кормилца давала ему рыбу круглый годъ, олени давали мясо, матеріалъ для одежды и жилища; звѣря всякаго было вдоволь; промышлять его было нетрудно, и привольно жилосъ остяку въ этомъ суровомъ, но богатомъ краю.

Триста лѣтъ назадъ Сибирь зовоевали русскіе; слѣдовательно, и остяки подпали подъ русское владычество. Сь этихъ поръ положеніе остяковъ круто мѣняется: они мало-по-малу бѣднѣютъ, терпятъ свои олени стада въ нѣсколько тысячъ головъ и доходить до состоянія нищеты и полной безпомощности, въ которой мы застаемъ ихъ теперь.

Остякъ (рис. 362)—небольшого роста, сутуловатъ, лицо смугло-желтаго цвѣта, сь узкими черными глазами, приплюснутымъ носомъ и черными, жесткими волосами на головѣ. Борода и усы не растутъ у остяковъ, а если и появятся нѣсколько волосковъ, то ихъ поспѣшно вырываютъ. Женщины (рис. 363) еще

Рис. 362. Сибирь. Остяки Тобольской губернии.

ниже ростом и, пожалуй, еще некрасивее мужчин. Волосы на головах остьяк заплетаются в несколько кос; если же своих волос не хватает, то привязывают искусственные, травяные косы.

Одежда остяка очень удобна и хорошо приспособлена к этому суровому климату (рис. 364 и 365), так что ее переняли и здешние русские поселенцы.

По образу жизни остяки разделяются на кочевых и осёдлых.

Кочевую жизнь ведут оление остяки, т.-е. те, у которых сохранились стада оленей, хотя таких немного. Прежде, когда остяки владели громадными стадами оленей, они всё вели кочевую жизнь; теперь же большинство из них лишилось оленей и живет осёдло, или же, занимаясь промыслом зверя и рыбной ловлей, бродят с одного места на другое.

Олениных остяков побуждают вести кочевую жизнь их олени. Когда олени съедят мох в одном месте, они чутьем отыскивают его в другом, совершая для этого весьма дальние странствования.

Понятно, что при постоянном переходе с места на место неудобно было остяку строить каждый раз дом, поэтому он выработал себе походное жилище — „чум“, который он постоянно возит с собой и постройка которого занимает несколько часов. Холодно, дымно в остяцком чуме, да, кроме того, там царит постоянно нестерпимо тяжелый запах от гниющих

объедков, которые остякия хозяйки не считают нужным убирать. Непривычному человеку неприятно пробыть в чуме несколько часов: ему трудно дышать; остяки же настолько свыкся со всей этой грязью, смрадом и вонью, что во всякой другой, более чистой обстановке чувствует себя неловко. Летом остяки живут в тех же чумах, только крытых берестой, вываренной в воде, чтобы не ломалась. Осёдлые остяки живут небольшими поселками, состоящими из плохоньких и маленьких бревенчатых избушек, называемых юртами. Юрта строится из тонких бревен, проконопаченных мохом, покрыта берестой, с одним маленьким окошечком, в которое вместо стекла вставлена лядина или рыбьи пузыри. Внутреннее убранство юрты такое же, как и чума. Около юрты устраивают амбарушки для склада хозяйственных запасов. Амбарушки устраиваются на высоких ножках во избежание нападения хищных зверей.

Постановка чума, равно как разборка его при переходе на другое место, изготовление одежды, пищи и других домашних работы делаются лежат на остяцкой женщине, тогда как обязанность мужчины состоит только в том, чтобы добыть пропитание, все же остальное время у него проходит в лежании на боку да в чуме. Впрочем, находясь на охоте или на рыбной ловле, мужчины сами готовят себе пищу, но она так проста, что не требует особых знаний для своего приготовления. Остяки едят рыбу и мясо всех животных, даже хищных, как медведя, волка, лисицы и др.

Рис. 363. Сибирь. Остячка Обдорского края.

Вообще, остяки неразборчивы относительно пищи, едят, что ни попаало, даже не брезгают падалью. Мясо и рыбу остяки употребляют в сыром виде и в вареном, жарить же они не умеют. Мясо оленя и особенно кровь его считаются у остяков самой вкусной пищей.

Прежде остяки не знали хлеба, но с прибытием русских стали употреблять его в большом количестве. Хлеб они приобретают или мукою у промышленников в обмен на добычу с промыслов, или покупают уже печеный на ярмарке. В Обдорске, где в декабре бывает ярмарка, все жители занимаются печением хлеба. Часто с одного двора выпекается до 10.000 ковриг хлеба, который складывается в сараях, как дрова. Хлеб этот очень дурного качества.

Кроме хлеба, русские познакомили остяка с водкой, к которой он до такой степени пристрастился, что готов пожертвовать ради приобретения ее чем угодно. Водку пьют не только мужчины, но и женщины, даже дети. Прежде, когда остяки не знали водки, они ели

Рис. 364. Сибирь. Остяк, собравшийся на охоту.

Мало страна.

Рис. 365. Сибирь. Остячка в зимнем наряде.

ядовитые грибы, мухоморы, от которых пьянели. Ведро водки самого плохого качества стоит в тулунге от 4 до 10 оленей, а олень на плохой конец стоит 5 р. Для крепости остяки настаивают водку табаком, так как она на половину почти разбавлена водой и некрепка. От страсти остяков к водке воспользовались промышленники для достижения своих корыстных целей.

Мы уже упоминали, что все работы исполняют остяцкие женщины, но, несмотря на это, мужья очень дурно с ними обращаются: часто и жестоко бьют их, кормят же впроголодь. Женщина, по мнению остяков, существо нечистое.

У остяков выработался взгляд на женщину, как на вещь, необходимую в хозяйстве, а не как на человека. Это объясняется тем, что остяки покупают себе жен и потому считают себя в праве распорядиться ими, как купленными вещами. Плата за жену ее родителем называется калымом. У закн-

точных остяков калымъ простирается отъ 100 рублей и дороже, у бѣдныхъ — отъ 40 рублей. Уплата калыма производится не всегда сразу, иногда продолжается годъ, два, даже нѣсколько лѣтъ, въ течение которыхъ невѣста живетъ у своихъ родителей до полной уплаты калыма. Такъ какъ большая часть остяковъ очень бѣдна и не въ состояннн купить себѣ жени, то распространялся обычай воровать дѣвушекъ, конечно, съ согласія самахъ дѣвушекъ. У болѣе зажиточныхъ имѣются по нѣскольку женъ, хотя это случается рѣдко. Дѣтей своихъ остяки очень любятъ, нѣжно обращаются съ ними, желаютъ имѣть ихъ, какъ можно больше. Но дѣти рѣдко выживаютъ въ такой неблагоприятной для нихъ обстановкѣ, въ которой живутъ остяки, и обыкновенно мрутъ въ самомъ раннемъ возрастѣ. Особенно губительно отъзывается на здоровьѣ дѣтей тотъ обычай, по которому женщину во время родовъ переводятъ изъ чума въ другое отдѣльное помѣщеніе, гдѣ еще холоднеѣ, чѣмъ въ чумѣ: здѣсь часто роженица и младенецъ простуживаются, послѣ чего болѣютъ и нерѣдко умираютъ. Вообще, нужно сказать, что теперешній остякъ не то, что прежній, почти не знавшій болѣзни, а, напротивъ, сложенія слабаго, видъ у него краплен болѣзненный.

Прежде всѣ остяки были язычники, теперь же значительная часть ихъ считается христианами. Однако остяки-христиане, поклоняясь Единому Богу, все же почитаютъ и своихъ старыхъ боговъ-идоловъ, усердно молятся имъ и приносятъ жертвы, прося удачи на звѣриную или рыбную промыслѣ. Происходитъ это отъ того, что остяки не понимаютъ и даже совсѣмъ не знаютъ христианской вѣры, а научить ихъ некому: церкви удалены отъ нихъ на сотни верстъ, такъ что младенцы долгое время остаются некрещеными, покойники неотбитыми, свадьбы совершаются безъ церковнаго вѣчанія. Изрѣдка наѣзжаютъ въ тундру русскіе священники

и разомъ совершаютъ всѣ церковныя требы: крестятъ подростковъ уже дѣтей, вѣчаютъ давно поженвшихся супруговъ, отпѣваютъ давно схороненныхъ покойниковъ.

Главное божество остяковъ — язычниковъ — Турумъ, богъ свѣта и всей вселенной. Остяки считаютъ себя слишкомъ недостойными, чтобы обременять его своими мольбами. Для этого существуютъ другіе низшіе боги, которые могутъ дѣлать людямъ добро и зло. Изображенія боговъ дѣлаются изъ дерева или металла въ видѣ людей, птицъ, рыбъ, звѣрей, особенно медвѣдя.

Чтобы умилостивить своихъ боговъ, остяки строятъ капища въ глубинѣ лѣсовъ, гдѣ приносятъ имъ обильныя жертвы, закалывая оленей, или въ видѣ сунка, сита, звѣриныхъ шкуръ и денегъ, такъ что у идоловъ накапливается значительное богатство. Въ случаѣ надобности остяки берутъ взаимы изъ этого богатства, но всегда добросовѣстно возвращаютъ взятую вещь. Теперь такихъ богатыхъ капищъ, какія были въ старину, не осталось, такъ какъ русскіе и зырянскіе промышленники сильно опустошили ихъ. Главнѣйшіе идолы остяковъ слѣдующіе: Обскій старикъ — божество рыбъ, изображается въ видѣ человека съ безобразнымъ лицомъ, жестянымъ носомъ, стеклянными глазами и рогами на головѣ; мѣдный гусь — божество птицъ, изображается въ видѣ птицы, сидящей въ гнѣздѣ; кумиръ, вылитый изъ золота и сидящій въ золотой чашѣ. Въ эту чашу наливается вода, которую пьютъ для исцѣленія отъ болѣзней.

Кромѣ этихъ общахъ боговъ, у каждой семьи, даже у каждого человека, есть свои домашніе божки, они дѣлаются изъ дерева и обиваются цвѣтными лоскутками. Въ послѣднее время остяки стали покупать на ярмаркахъ дѣтскія куклы для домашнихъ божковъ. Отправляясь на охоту или на рыбную ловлю, остякъ усердно молитъ своего божка по-

слать ему удачу. Если удача была, то онъ, возвратившись, благодаритъ идола и приноситъ ему жертву, помазывая его губы кровью и жиромъ; если же удачи не было, то остякъ зачастую бѣгъ своего идола и даже забрасываетъ. Неудивительно, что остяки боготворятъ лѣса и рѣчки, такъ какъ это ихъ кормилцы.

Есть священные лѣса, въ которыхъ запрещено охотиться, и мѣста на рѣкахъ, гдѣ нельзя ловить рыбу: иначе божества разгнѣваются и покараютъ людей.

Среди животныхъ особымъ почетомъ пользуется у остяковъ медвѣдь.

Убивъ медвѣдя, остяки совершаютъ въ честь его празднество. Если медвѣдь — самецъ, то праздника длятся 5 дней, если самка — 4 дня.

По понятію остяковъ, жизнь со смертью человека не кончается: онъ продолжаетъ жить и послѣ смерти. Эта загробная жизнь будетъ во всемъ похожа на первую земную жизнь: такъ, если человекъ былъ богатъ на землѣ, то будетъ богатъ и въ другой жизни; если же бѣденъ, то и тамъ будетъ бѣденъ; если съ нимъ поступали несправедливо въ земной его жизни, то такъ же будетъ продолжаться и тамъ. Наконецъ, послѣ второй своей жизни человекъ превращается въ небольшое насекомое — жукулцу и въ такомъ видѣ остается навсегда. Вотъ почему убить жукулцу остяки считаютъ тяжкимъ грѣхомъ. Если умершій человекъ будетъ послѣ смерти продолжать точно такую же жизнь, какую онъ велъ на землѣ, то, слѣдовательно, онъ будетъ нуждаться въ тѣхъ вещахъ, которыми онъ пользовался при жизни. Поэтому къ нему въ могилу и кладутъ самыя необходимыя и любимыя вещи: его платье, стрѣлы, котелъ для варки пищи, на могилу кладутъ нарты, на которыхъ онъ ѣздилъ, и другія хозяйственныя принад-

лежности. Въ заключеніе на могилѣ закалываютъ оленя.

Украсть что-нибудь изъ могилы покойника считается непростительнымъ грѣхомъ: остяки думаютъ, что покойникъ придетъ требовать украденную вещь. Въ память покойнаго его родственники устраиваютъ куклу, одѣваютъ ее въ его платье, усаживаютъ за столъ, кладутъ спать, — словомъ, обращаются какъ съ живымъ человекомъ; по прошествіи года куклу зарываютъ, думая, что покойникъ устроился въ это время въ новой жизни и не нуждается въ помощи.

Мы уже говорили, что остяки были

Рис. 366. Сибирь. Знаменитый среди остяковъ музыкантъ и шаманъ Игалевъ.

единственными владѣтелями этого края и его богатствъ: они имѣли громадныя оленья стада, богатѣйшіе промыслы, звѣриные и рыбные. Съ приходомъ русскихъ остякамъ стало жить труднѣе: уменьшился звѣриный промыселъ, и затѣмъ оленеводство пришло въ сильный упадокъ. Уменьшеніе звѣря объясняется отчасти неразумнымъ истребленіемъ его, но, главнымъ образомъ, разрушительнымъ дѣйствіемъ лѣсныхъ пожаровъ, которые начались съ тѣхъ поръ, какъ русскіе поселились въ этомъ краю и стали вырубать лѣса, и продолжаются до сего времени. Лѣсные пожары истребили громадныя пространства лѣса, на мѣстѣ

которого образовались болота от падающих и гниющих деревьев. Звѣри гибли в этих плавающих лесах или же переселялись в другие леса, менее доступные человеку. Только по берегам рѣкъ остались леса, нетронутые пожаром: это такъ называемые урманы. В урманях и до сих пор сохранилось много пушного звѣря,—сюда заходят летом лоси и олени, спасаясь вблизи воды от комаров и мошек, здесь встрѣчается соболь, ставший теперь рѣдким звѣрьком. Истреблять звѣрей съ появлением русских стали гораздо больше, чѣм прежде: остиаки были обложены податью, которую они платили звѣрными шкурами; затѣм началась мѣновая торговля съ русскими, т. е. остиаки платили за привезенные товары шкурами звѣрей. Такая торговля, разумеется, была выгодна кучкамъ: за такие ничтожные товары, какъ ситецъ, плохое сукно и различныя побруски для украшений, они получали драгоценные мѣха.

Уменьшение звѣрей замѣтно особенно на лосяхъ, соболяхъ и бобрахъ: лоси, вмѣсто громадныхъ стадъ, встрѣчаются только десятками, соболи стали рѣдки, а бобры почти и совсѣмъ перевелись. Для оленеводства появление русскихъ также оказалось неблагоприятно: огромныя стада оленей требуютъ громадныхъ пространствъ земли, по которымъ они могли бы совершать свои длинные переходы; теперь же многія мѣстности заселены русскими, мѣста для оленеводства стало меньше, а потому и олени стада сильно поуменились. Кроме того, на убыль оленей сильно повлила торговля съ русскими, такъ какъ остиаки расплачивались за товары оленьими шкурами. Теперь остиаковъ-оленоводовъ мало, да и стада у нихъ небольшія: стадо въ 200 головъ считается уже богатствомъ. Остиаки, которые лишились своихъ оленей, живут или осѣло, занимаясь рыбнымъ промысломъ, или ведутъ бродячую жизнь, выимой промышляя въ урманяхъ звѣря,

весной селясь по берегамъ рѣкъ для рыбной ловли. Охотники уходятъ въ урманы промышлять звѣря обыкновенно послѣ Покрова и возвращаются въ декабрѣ, къ Рождеству; затѣмъ они отправляются на ярмарку въ Обдорскъ, чтобы обмѣнять свою добычу на нужные имъ товары: хлѣбъ, соль, кирпичный чай, водку, сукно, украшения для одежды и другіе предметы. Цѣны на товары здесь очень высокія, такъ какъ торговцы сами назначаютъ ихъ. Большую часть своей добычи остиакъ тратятъ на водку; поэтому на ярмаркѣ происходятъ безобразныя попойки, время которыхъ остиаковъ сильно обворовываютъ.

Итакъ, звѣринный промыселъ уменьшился, олени стада исчезли; было въ рукахъ остиаковъ другое большое сокровище—рѣки, которыя давали имъ столько рыбы, сколько они хотѣли. Однако и рыбные промыслы остиаки не удержали за собой: они перешли въ руки промышленниковъ. Посмотримъ, какимъ образомъ это произошло. До прихода русскихъ остиакъ довольствовался тѣмъ, что давала ему природа этого края, и не требовалъ ничего большаго. Но вотъ черезъ русскихъ онъ узналъ хлѣбъ, и хлѣбъ полюбился ему, узналъ водку, и она сдѣлалась для него дорожкой жизни, узналъ много другихъ предметовъ, безъ которыхъ онъ раньше легко обходился, и которые теперь стали для него необходимыми. Иначе говоря, потребности остиака увеличились. Но чтобы удовлетворять новыя потребности, нужны большія средства, а у остиака стало ихъ меньше, чѣмъ прежде, такъ какъ богатства его сильно поуменились. Поэтому остиаку приходится много трудиться надъ тѣмъ, что давалось прежде легко. Много же работать остиакъ не привыкъ по безопасности своего характера: если у него есть пища на сегодня, то онъ не пойдетъ добывать ее для завтрашняго дня. Вслѣдствіе этой безопасности характера остиаки попали въ неоплатные должники къ про-

мышленникамъ, которые давали имъ нужные припасы, вносили за нихъ подати. Такихъ долговъ накопилось очень много, тѣмъ болѣе, что остиакъ никогда самъ не знаетъ своего долга, и промышленники часто взыскиваютъ одинъ и тотъ же долгъ по нѣскольку разъ. Долгъ отца обыкновенно переходитъ къ сыну или другимъ родственникамъ мужского пола и очень рѣдко пропадаетъ. Эти долги до того закабалали остиаковъ, что они стали какъ бы рабами промышленниковъ, которые дѣлаютъ съ ними, что хотятъ. Такъ, всѣ лучшіе пески (такъ

вленной рыбы, другую половину они берутъ себѣ. пойманная рыба здесь же на мѣстѣ солится, вялится и сушится. Остиаки не умѣютъ солить рыбу,—она очень жестка и не вкусна, хотя сибѣжая обская рыба славится своимъ нѣжнымъ вкусомъ. Изъ своей половины остиаки отбираютъ рыбу похуже для собственного употребления, лучшая же идетъ на продажу тому же рыбопромышленнику.

Всѣ промышленники ведутъ торговлю съ остиаками, снабжая ихъ необходимыми припасами. Цѣны на свои товары промыш-

Рис. 367. Сибирь. Г. Красноярскъ.

называются мѣста, удобныя для рыбной ловли) за долги перешли въ собственныя владѣнія промышленниковъ, а когда продавать ихъ было запрещено правительствомъ, то сданы въ долгосрочную аренду имъ же за ничтожную цѣну. Цѣны на пески различны, колеблются приблизительно отъ 20 руб. до 200 рублей въ годъ, хотя промышленники выручаютъ на тѣхъ же пескахъ тысячи. Работниками у промышленниковъ на пескахъ служатъ тѣ же остиаки на такихъ условіяхъ: промышленникъ даетъ рыболовныя снасти, задатокъ, а остиаки обязаны къ сроку доставить ему половину выло-

ленные устанавливаетъ сами, и потому онѣ очень высокія. Особенно сильно распространена здесь торговля водкой по непомѣрно дорогой цѣнѣ. Торговля водкой запрещена правительствомъ, но промышленники берутъ спиртъ какъ бы для собственного употребления, разбавляютъ его водой и продаютъ, какъ водку. Мы уже упоминали, что ведро водки стоитъ отъ 4 до 10 оленей, считая оленя по 5 руб. на плохой конецъ. Прежде, чѣмъ заключить какую-либо сдѣлку, промышленники поятъ остиаковъ водкой, такъ какъ за водку остиакъ согласится на все, чего бы отъ него ни требовали.

Благодаря невѣжеству и темнотѣ своей, остяки дошли до такого жалкаго состоянія, въ которомъ мы видимъ ихъ теперь. Въ исторіи народовъ всегда случалось такъ, что сильный, могущественный народъ вытѣснялъ слабый, безспланный народъ. То же самое явленіе мы видимъ на остякахъ: пока они жили одни, они

Тайга.

(С. Елатьевского).

Только между Ачинскомъ и Краснояркомъ предо мной встала настоящая тайга,—встала мочулач, суровая, темная. По нашимъ московскимъ и владимирскимъ лѣсамъ трудно себѣ представить, что такое тайга.

Нужно представить себѣ, что мрачный, плотно сдвинувшійся лѣсъ протянулся до тундры, до моря... на тысячи верстъ; нужно вообразить, что можно пройти сотни верстъ, не встрѣтивши человѣка, что въ глубинѣ тайги человѣческая нога не бывала. Все темное, мрачное. Мохнатый угрюмый кедръ, сумрачная пахта, стройная пирамида ели, таежная красавица, мрачная и печальная красавица — лиственница; изрѣдка мелькнетъ блѣлый стволъ березы; протянетъ къ свѣту свою перистую вѣтвь кривая рябина, какъ глянется за подальнѣею рукою нищаго ребенка между локтями взрослыхъ; притаится въ ложбинѣ задумчивая черемуха, окруженная, какъ малыми дѣтьми, кустами смородины и ежевики, и снова непрерывною полосой потянутся темныя иглы. Кое-гдѣ тайга раздвинулась, чтобы пропустить рѣку, раздалась, чтобы дать мѣсто какой-нибудь сотнѣ, двумъ человѣческимъ жизнямъ, и опять сомкнулась тѣснымъ кольцомъ, опять ревниво хранить свою тайну.

Именно тайна чувствуется въ глубинѣ тайги. Мнѣ пришлось, долго сунуть по прѣздѣ въ Сибирь, цѣлый день ѣхать верхомъ съ проводникомъ въ глухой

могли существовать, но какъ только столкнулись съ сильнымъ русскимъ народомъ, какъ только измѣнились условія ихъ жизни, то имъ жить стало слишкомъ трудно. По этой-то причинѣ остяки вымираютъ, т.-е. каждый годъ умираетъ ихъ больше, чѣмъ нарождается.

тайгѣ. День погасъ, бѣлая сѣверная ночь спускалась съ неба, и полосы холоднаго, безжизненнаго свѣта вставали между деревьями. Въ тайгѣ ни звука, — тамъ не видно и не слышно птицъ, только изрѣдка коротко и глухо стучатъ копыта лошадей о древесные корни. Что-то загадочное, что-то таинственное и суровое чувствовалось въ этомъ странномъ колеблющемся свѣтѣ весеннихъ сумерекъ, въ этихъ неподвижныхъ, молчаливыхъ деревьяхъ, строго и важно обступившихъ меня. Казалось, предо мной былъ храмъ, суровый и мрачный храмъ, гдѣ, какъ черезъ эти иглистые вѣтви, медленно льется блѣдный свѣтъ сквозь узкія стрѣлчатая окна, гдѣ человѣкъ придвигаетъ къ землѣ высокими стѣнами, темными сводами, молитвенной тишиной, и только душа его, отрѣшенная отъ всего земного, возносится къ небу, —туда, куда несутся эти строгія линіи храма, эти острые шпильки церковныхъ башенъ, эти темныя верхушки елей и пихтъ... А бѣлая ночь широко распростерлась надъ тайгой. Острый аромат пихты, кедровъ и лиственницъ, какъ чудный оміамъ, стоитъ въ воздухѣ. Какъ блѣдные свѣтлячки, мерцаютъ красные жарки и желтыя лиліи. Только нѣтъ молящихся, — храмъ пустъ и безмолвенъ, развѣ изрѣдка, словно вдохъ, пронесется по тайгѣ, вырастетъ, разойдется и снова замретъ гдѣ-то далеко-далеко. Да кукушка вдали печально кричитъ свое «ку-ку», точно тамъ, въ

глубинѣ храма, одинокій голосъ повторяетъ все одну и ту же однослонную молитву — печальную, строгую, великопостную молитву.

Я не замѣтилъ, какъ чаще и чаще вздыхала тайга, и вздрогнулъ отъ неожиданности. Что-то громко охнуло вдали отъ меня, побѣжало по верхушкамъ, затрепетало надъ моей головой и понеслось дальше, по тайгѣ. Глухимъ ропотомъ отозвался другой дальній уголокъ. Словно огромный, настраивающійся оркестръ, все громче и громче носились звуки по тайгѣ; только около меня по-прежнему молчаливо и грозно стояли деревья. Вотъ съ тяжелымъ стономъ зашатался огромный, цѣлой головой возвышающійся надъ тайгой кедръ, налетѣла буря и покрыла отдаленные звуки, — тайга завывала. Я испытывалъ поистинѣ чувство страха... Вы слышите, какъ гнѣвно и мрачно шумятъ близъ васъ стоящія деревья, но вы скоро забываете ихъ; отсюда изъ глубины тайги, какъ изъ громадной пасти чудовища, подымается глухой непрерывный шумъ: это — тайга воетъ. И день и ночь, и еще день и ночь ѣхалъ я, и тайга все выла своимъ страшнымъ, угрожающимъ воемъ, все ревѣвъ расходившійся, растревоженный звѣрь.

Подъ эту воющую пѣсню я не могу не думать о тайгѣ. Мнѣ невольно рисуется въ этой сибирской тайгѣ человекъ — первый пришелецъ изъ русской земли. Онъ принесъ съ собой оживленную шумъ и вольный просторъ многоводной Волги, добродушную и широкую натуру русскаго человѣка, принесъ свои пѣсни, свои легенды и сказки.

Онъ — въ тайгѣ, куда ушелъ одинъ, безъ семьи, на звѣроловный промыселъ. Тайга должна покорить его. Онъ дѣлается молчаливъ и серьезенъ. Въ тайгѣ не хочется смѣяться, и пѣсня не идетъ

съ губъ человѣка, — она такъ странна въ мертвой тишинѣ этого угрюмаго лѣса и такъ бесцельно замираетъ въ ревущей таежной пѣснѣ. Онъ не видитъ восхода и захода солнца: свѣтлый шаръ встанетъ изъ-за одной щетиной стѣны и закатывается за другую, такую же мрачную стѣну, — вотъ и все, что онъ видитъ. И вездѣ, куда ни глянетъ глазъ его, онъ наткнется на обросшіе мохомъ стволы, на иглы елей и пихтъ. Какъ его глазъ видитъ только деревья, такъ и его умственный взоръ суживается болѣе и болѣе, все труднѣе и труднѣе можетъ вырваться изъ предѣловъ этого сжимаю-

Рис. 368. Главная вершина хребта Мунку-Сардыкъ (вер. Восточного Саяна) 11.290 фут. Граница России и Китая.

щего кольца. Не поется пѣсня, не думается дума, не мечтается мечта. Глухнутъ старыя пѣсни, старыя легенды; тухнутъ старыя воспоминанія, глухнеть даже голось.

Тайга — не храмъ для звѣролова, и онъ пришелъ не молиться. Кругомъ его борьба, — борьба не стихающая, непримиримая и неутолимая. Подстерегаетъ соболь зазѣвавшуюся птичку, падаетъ съ дерева кроважидная рысь на пробирающагося оленя и кабаргу, ломаетъ медвѣдь огромнаго сохатаго, а человѣкъ уничтожаетъ ихъ всѣхъ.

И этотъ борющійся человѣкъ долженъ быть вѣчно настроенъ, вѣчно присма-

траваться и прислушиваться,—не хрустеть ли вѣтка подъ тяжестью лапы медвѣдя, не мелькнуть ли голубая спинка пса.

По мѣрѣ того, какъ онъ забываетъ человѣческую рѣчь, онъ выучивается звѣриному языку,—учится безошибочно узнавать крикъ птицъ и ревъ звѣря, понимаетъ манеры ихъ и, какъ тунгусъ, начинаетъ определять по слѣду, сердитый ли медвѣдь прошелъ, или смѣрный. По мѣрѣ того, какъ отвыкаетъ отъ нравовъ человѣческихъ, онъ больше и больше привыкаетъ жить правами звѣриными. Онъ одинъ-одинешенекъ и долженъ полагаться только на себя. Съ него быстро сбѣгаютъ русское разгильдяйство и добродушная распушенность: онъ весь подбieraется, подтягивается; его толетья, расплывающаяся губы рѣзче складываются, крѣпче сжимаются; его глаза не смотрятъ открыто, а высматриваютъ исподлобья, выслеживаютъ...

Не дрогнетъ рука, не поблѣднѣетъ лицо, не забьется сердце отъ страха, когда неожиданно вылезетъ на него медвѣдь, и ужъ, конечно, не будетъ жалости къ этому медвѣдю.

Звѣроловъ вырывается, наконецъ, изъ тайги и съ добычей пришелъ къ себѣ въ семью, въ русскій поселокъ. Языкъ не такъ легко ворочается во рту, не такъ

свободно слетаютъ съ губъ слова нѣжности и любви. Онъ встрѣчается со своими друзьями — односельцами, — ему непривычно, онъ отвыкъ отъ сколько-нибудь плавной рѣчи, и вотъ онъ говоритъ отрывочными предложениями, на которыхъ его собеседники, такіе же только что вернушіеся звѣроловы, отвѣчаютъ такими же односложными фразами.

Замѣчательно характеренъ для сибиряка этотъ отрывистый разговоръ.

Даже окончившіе въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ—и тѣ не мастера, не любители длинной рѣчи и предпочитаютъ обмѣниваться короткими и всегда посленными острою солью сибирскаго юмора фразами.

Звѣроловъ поживаетъ известное время дома, снова привыкнуть къ людямъ и потомъ опять уйдетъ въ тайгу. И каждый разъ все большій и большій отпечатокъ будетъ клась тайга на человѣка. А пройдетъ пять-десять лѣтъ,—его уже будетъ тянуть въ тайгу, тайга заполонитъ его, онъ почувствуетъ на себѣ ту странную и могучую власть ея надъ человѣкомъ, которую я наблюдалъ здѣсь, въ Сибири, на бродягахъ, на старикахъ-крестьянахъ, по году не выгзажающихъ изъ тайги даже къ роднымъ въ деревню. Я знаю культурнаго человѣка, выдава-

Рис. 369. Сибирь. Г. Иркутскъ.

го виды, который искренно говорилъ мнѣ, что не понимаетъ жизни безъ тайги.

Сынъ того звѣролова, о которомъ я говорилъ, ужъ только услышитъ про старыя мѣста и русскую жизнь. Онъ юношей начинаетъ ходить съ отцомъ „бѣлковать“ и „соболевать“, и на него, еще юношу, тайга налагаетъ свою неизгладимую печать. А дѣти и внуки этого сына потеряютъ уже всякую связь съ Россіей, позабудутъ складъ ея жизни, ея вѣрованія, пѣсни, легенды, и будутъ думать, какъ думаютъ крестьяне въ Забайкальѣ, что Ермакъ завоевалъ ихъ предковъ, всегда

жившихъ въ Сибирь,—они превратятся въ сибиряковъ.

Не удивляйтесь, что я отвелъ такое большое мѣсто тайгѣ. Въ сущности, тѣ двѣ-три тысячи верстъ, которая я проѣхалъ по Сибири,—сплошная тайга, и огромная масса населенія Сибири и теперь живетъ приблизительно въ тѣхъ же условіяхъ звѣроловаго промысла. Здѣсь не человѣкъ царствуетъ надъ природою, а природа надъ нимъ, и тайга какъ будто только позволяетъ на своихъ полянахъ раскинуться городамъ, а по оврагамъ и рѣчкамъ вытянуться селамъ и деревнямъ.

Въ Якутской области.

(В. Спироевскаго).

Тотъ край, гдѣ живетъ мирное, способное племя якутовъ, гдѣ кочуютъ благородные великодушные тунгусы и воинственные, гордые чучи, принято называть Якутской областью. Онъ очень обширенъ. Пространство, занимаемое имъ, имѣетъ болѣе трехъ милліоновъ квадратныхъ верстъ. Его площадь почти равна Россіи—безъ Польши, Кавказа и Финляндии. Съ сѣвера омываетъ его Ледовитый океанъ; съ востока—океанъ Великій. Оба океана находятся подъ угломъ у Чукотской земли, въ проливѣ Беринга. Эта часть Сибири неровна, волниста, вся изрѣзана многочисленными цѣпами горъ и поката къ Ледовитому океану. Последнее обстоятельство открываетъ доступъ внутрь страны холоднымъ сѣвернымъ вѣтрамъ. По морю, откуда они дуютъ, круглый годъ носятъ ледяныя поля и глыбы, что очень дурно вліяетъ на климатъ Якутской области. Онъ былъ бы и безъ того суровъ, въ виду гористаго ея характера и сѣвернаго положенія. Сосѣдство Ледовитаго океана еще болѣе удлиняетъ зиму и производитъ среди лѣта рѣзкія перемены температуры, опасныя для жизни.

Зима начинается рано. Рѣки и озера начинаютъ замерзать уже съ сентября. Къ Покрову вся страна почти сплошь покрыта бѣлой пеленой снѣга. Стужа нарастаетъ изо дня въ день. Дни укорачиваются, блескъ ихъ меркнетъ, кругомъ тихо, даже вѣтры не дуютъ. Густой морозный воздухъ насыщенъ ледяною пылью.

Температура зимнихъ мѣсяцевъ держится въ среднемъ: въ октябрѣ и ноябрѣ—между 15° и 30°¹⁾, въ декабрѣ, январѣ и февралѣ—между 25° и 40°, и въ мартѣ, апрѣлѣ—между 10° и 30°. Сорокаградусные холода, особенно въ срединѣ зимы,—явленіе во всей странѣ обычное. Термометръ нерѣдко падаетъ ниже 50°, а въ окрестностяхъ Верхоянска²⁾, гдѣ случаются самыя большія стужи на земномъ шарѣ, наблюдали температуру въ 69° Цельсія. Если бы не совершенное безвѣтріе, царствующее въ такіе холода, они убили бы все живое. Густота воздуха и большая его сухость затрудняютъ излученіе теплоты. Это спасаетъ животныхъ и растенія. Все въ такіе холода

¹⁾ По стародавнему термометру Цельсія.

²⁾ Узкій городъ Якутской области.

молчить, застывает, придавленное, сжатое. Звѣри прячутся въ снѣгу, а люди въ домахъ; даже дымъ изъ трубъ подымается вверхъ съ трудомъ и невысоко. Въ темнотѣ, точно выстрѣлы изъ пушки, гудятъ взрывы лопающейся отъ холода земли да стонетъ ледъ на озерахъ. Ледъ достигаетъ здѣсь на стоячихъ водахъ восьми футовъ толщины, а въ рѣкахъ и того больше. Отъ холода онъ приобретаетъ твердость камня, его осколки рѣжутъ тѣло, какъ стекло, и при ударѣ о сырое замерзшее дерево топоръ нерѣдко отбрасываетъ искры.

Суровую картину якутской зимы увеличиваетъ еще яркъ. Въ сѣверной части страны, за полярнымъ кругомъ, съ Николы зимняго солнце уже не является на горизонтѣ. Вмѣсто него здѣсь вспыхиваетъ на короткое время блѣдно-розовая заря. Все остальное время стоитъ сплошная ночь. Только яркій мѣсяцъ да звѣзды гуляютъ по небу, да вспыхиваетъ иногда трепетное сѣверное сіяніе. Темное время продолжается, смотря по географической широтѣ мѣстности, до сорока дней, даже до двухъ мѣсяцевъ. Южнѣ полярнаго круга солнце, конечно, всходитъ ежедневно, но оно невыразимо тускло, холодно, стоитъ низко и прячется скоро. Только съ Аванасія (22 февраля) „быкъ зимы“, какъ говорятъ якуты, „теряетъ рога“. Солнце подымается выше, начинается пригрѣвать, снѣга сверху подтаиваютъ, на нихъ намерзаетъ ледяная кора, „насть“, и они блестятъ ослѣпительно. Тогда-то охотятся на оленей и лосей на лыжахъ: замучиваютъ ихъ, заганиваютъ до смерти по глубокому снѣгу.

Осени и весны, похожихъ на наши, здѣсь собственно нѣтъ. Зима быстро, въ продолженіе какихъ-нибудь 15—20 дней, превращается въ лѣто; снѣга дружно таютъ, вода стекаетъ въ ложбины, озера и рѣки; она подымаетъ тамъ ледъ, толстый, но рыхлый, расколотый зимними морозами на мелкія части. На озерахъ онъ долго таетъ; его медленно разбиваютъ и

орошаютъ вѣтры, гоняющие льдины изъ края въ край. На рѣкахъ весенній разливъ сбрасываетъ его къ морю. Недостатокъ воды и толщина льда создаютъ тогда на поворотахъ „запоры“. Пловучіе льды, въ узкихъ колѣнахъ, налетаютъ другъ на друга, запруживаютъ корыто и приостанавливаютъ теченіе рѣки до тѣхъ поръ, пока воды сверху не прибудетъ настолько, что она сможетъ поднять тяжелую запруду и сбросить дальше. Послѣ разрыва запруды вода льется, какъ водопадъ, производитъ быстрые, неожиданные многоводные разливы, въ нѣсколько часовъ затопляетъ огромныя пространства и причиняетъ большія опустошенія.

Лѣто здѣсь продолжается не больше четырехъ мѣсяцевъ. Если зима темна и холодна, то взаменъ того лѣто свѣтло и знойно. Ночей почти нѣтъ; онѣ прозрачны настолько, что можно работать и даже читать. Все время горитъ на небѣ заря; звѣздъ не видно, а мѣсяцъ всходитъ блѣдный, какъ льдинка. На сѣверѣ Якутской области солнце по нѣскольку недѣль не закатывается за горизонтъ. Отъ неустаннаго дѣйствія его лучей земля согрѣвается, растенія всходятъ, распускаются и вырастаютъ немовѣрно скоро. Также скоро послѣ снѣга и холодовъ наступаютъ иногда знойные дни, жара достигаетъ 40°. Земля накаляется до того, что по ней трудно ходить босикомъ, травы сохнутъ и вянуть, хлѣба горять, лѣса желтѣютъ. Первая половина лѣта всегда почти засушлива. Дождя иногда не бываетъ полтора мѣсяца и больше. Растенія живутъ тогда исключительно росой и влагой, которую выделяетъ медленно оттаивающая подпочва. Хорошо, если послѣдняя съ осени напиталась дождями; въ противномъ случаѣ наступаетъ полный неурожай травы.

Вторая половина лѣта обыкновенно дождлива. Дождь льетъ иногда по недѣлямъ безъ перерыва, что также дурно отзывается на хлѣбопашествѣ, которымъ занимаются на югѣ страны, а главное, на

сѣнокошеніи, которымъ занимается во всей странѣ, исключая ея приморскую, тундрную полосу. Самыми опасными для растительности являются лѣтніе неожиданные скачки температуры. Случается, что вѣтеръ съ Ледовитаго океана понижаетъ вдругъ температуру съ +25—+30° жары до +8 днемъ или +0° Цельсія ночью. Иней по утрамъ здѣсь совѣтъ не рѣдко.

Самая большая рѣка въ Якутской области—Лена; длина ея 4340 верстъ. Въ нижнемъ теченіи она рѣдко уже 5—6 верстъ безъ острововъ, а гдѣ они есть, тамъ она разливается на 20—30 верстъ. Въ Лену впадаетъ до тысячи рѣкъ и рѣчушекъ. Есть среди нихъ большія (по двѣ и по три тысячи верстъ), какъ Алданъ, Вилюй, Оленка и др. Кромѣ Лены съ притоками, по Якутской области протекаютъ и другія большія рѣки, какъ Анабара, Оленекъ, Яна, Индигирка, Колыма и Анадырь. Всѣ, исключая послѣдней, впадаютъ въ Ледовитый океанъ.

Рис. 270. Сибирь. Якутъ.

Озеро въ Якутской области насчитываютъ до ста тысячъ. Многія изъ нихъ изобилуютъ пресноводными сортами рыбы, преимущественно лососями, сельмой, моксиномъ и чиромъ. Во многихъ на югѣ водятся крупные, вкусные караси, щуки и родъ мелкихъ линей. Послѣдняя рыба составляетъ въ извѣстное время года главную пищу жителей въ южной части страны. Она мелка, но добывается

Рис. 371. Сибирь. Якутка въ праздничномъ нарядѣ.

ею населеніемъ великое множество при помощи ивовыхъ вершъ, по-сибирски — „мордь“.

Въ лѣсахъ водятся звѣри: медвѣдь, лось, олень, лисица, волкъ, заяцъ и др. Лѣтомъ здѣсь масса перелетной птицы.

Якутская область сплошь покрыта „тайгой“, дремучими борами, преимущественно хвойными, листовициными. Къ листовицнѣмъ вездѣ примѣшивается береза, а на югѣ—сосна, ель, осина, кедръ. По берегамъ рѣкъ растутъ обильно ивнякъ — „тальникъ“. Гребни горъ по большей части обнажены и скалисты. Луга встрѣчаются только въ долинахъ рѣкъ и по берегамъ обсыхающихъ озеръ.

На лугахъ, главнымъ образомъ, и живутъ якуты со своими стадами (рис. 370). Усадьбы ихъ разбросаны группами среди совершенно нежилыхъ пустынь. Якутовъ болѣе 200.000 душъ обоего пола. Если бы они равномерно расселились по всей странѣ, то пришлось бы ихъ всего по одной семьѣ больше чѣмъ на 60 кв. верстъ пространства. Но якуты держатся обществами; они селятся тамъ, гдѣ луч-

ше пастбища, сѣнокося, гдѣ есть хлѣбопашотныя земли; на сѣверѣ—тамъ, гдѣ есть рыболовные озера, на рѣкахъ—удобныя „тони“ или звѣриные промыслы. Такія общества считаются *родственными* и называются „отчими родами“. Члены такого общества не женятся между собою, помогаютъ другъ другу, заступаются другъ за друга. Они выбираютъ общаго старшину, образуютъ общій *родовой* сходъ, который вѣдаетъ всѣ общественныя дѣла, судить и распоряжается. Нѣсколько обществъ соединяются и образуютъ „наслеги“, союзъ родовъ, нѣсколько наследовъ—„улусъ“, нѣчто въ родѣ нашей волости. Во главѣ „улуса“ стоитъ „голова“ и „улусная управа“. „Наслеги“ управляютъ наследными сходами и старостами, которыхъ называютъ „князьями“. Подати, повинности и другія тяготы, „ясакъ“, налагаетъ и собираетъ „улусъ“. Каждый якутъ платитъ повинностей отъ 5—20 р., смотря по количеству сѣнокосяной земли и общему достатку.

Якуты бѣдны. Главное богатство ихъ—рогатый и конный скотъ. Лошади якутскія небольшой, лохматая, но очень выносливая, крѣпкая и неприхотливая. Онѣ круглый годъ въ состояніи прожить на подножномъ корму и зимою выгребаютъ его изъ-подъ глубокаго снѣга копытами. Якутскіе коровы и быки тоже маленькіе. Лучшая якутская корова даетъ не больше ста пудовъ сырого жидкаго молока въ годъ. Для того, чтобы якутская семья изъ пяти человѣкъ могла прожить, быть сытой и одѣтой, ей необходимо 10—15 штукъ рогатаго скота; но большинство якутскихъ семей не обладаетъ и этимъ количествомъ. Неудивительно, что якуты въ большинствѣ оборваны, грязны, вѣчно голодны, живутъ тѣсно. Якуты по большей части въ долгу у богачей. Должаютъ они за подати, за чай, за платёж, а въ неурожайные или голодные годы—за сѣно и муку.

Сѣять хлѣбъ якуты выучились отъ русскихъ совсѣмъ еще недавно. Раньше

вмѣсто муки они подмѣшивали въ „тарь“¹⁾ основную заболонь. И теперь они употребляютъ ее, но значительно меньше.

Не больше пятидесяти лѣтъ тому назадъ всѣ думали, что хлѣбъ не будетъ родиться въ Якутской области. Дѣйствительно, вначалѣ онъ вымерзалъ, но затѣмъ привыкъ, примѣнился и теперь растетъ довольно хорошо. Онъ скороспѣлый: въ два мѣсяца онъ всходить, наливается и созреваетъ. Сѣмена его, перезезенныя на югъ, на двѣ недѣли опереживаютъ мѣстные хлѣба, хотя онъ на югѣ растетъ тише, чѣмъ въ Якутской области, гдѣ длинные, въ двадцать часовъ, лѣтніе дни сильно ускоряютъ растъ растенія. Землю обрабатываютъ якуты очень еще неумѣло, но дѣйственная почва пока родитъ хорошо. Если засуха и ранніе инеи не убьютъ хлѣбовъ, то случаются урожаи ячменя въ самъ-сорокъ, а пшеницы въ самъ-тридцать. Средній урожай считается *самъ-десять, самъ-двадцать*, но урожайныхъ лѣтъ бываетъ мало: три-четыре въ десять лѣтъ, не больше.

Пашутъ якуты быками. Одинъ человѣкъ ведетъ животное, а другой придерживаетъ ручку плуга. У рабочихъ быковъ пробита ноздря и заложено кольцо для повода. На быкахъ якуты вѣздятъ верхомъ и въ саняхъ, возятъ дрова, сѣно и другія кладя.

Живутъ якуты въ деревянныхъ домахъ съ косыми стѣнами. Бревна избъ не срубомъ сложены, а поставлены торцомъ. Такой домъ русскихъ зовутъ юртой. Юрта для тепла обмазана снаружи глиной, смѣшанной съ навозомъ. Зимой обмазываютъ ее якуты поверхъ того мокрымъ снѣгомъ. Вмѣсто оконъ лѣтомъ вставлены бычій или рыбій пузырь, а зимою—лыдина. Окна разбѣремъ не больше квадратнаго фута. Его юрты вѣчно царствуютъ сумракъ. Его разгоняетъ только

¹⁾ „Тарь“—главная пища большинства якутовъ. Приготавливается онъ изъ варенаго снятаго, охлажденнаго и заваженнаго молока.

свѣтъ пылающаго камина. Каминъ на большомъ, наполненномъ глиною, шестигрѣ помѣщенъ почти посрединѣ избы. Онъ представляетъ сѣзанную съ одной стороны трубу изъ связанныхъ прутьями жердей, вымазанныхъ внутри толстымъ слоемъ глины. Кругомъ избы вдоль стѣны идутъ жердяныя, невысокія нары. На нихъ днемъ сидятъ, а ночью спать. Домъ раздѣленъ на двѣ половины: налѣво отъ входа—мужская, чистая половина, гдѣ хозяева принимаютъ гостей, гдѣ сидятъ и работаютъ мужчины, направо отъ входа—женская половина, гдѣ спятъ и работаютъ женщины, дѣти, гдѣ стоитъ посуда, утварь, а у бѣдныхъ въ глубинѣ помѣщается скотъ.

Среди якутовъ есть прекрасные мастера: кузнецы, оружейники, серебряки, столары и плотники. Они сами умѣютъ добывать желѣзо изъ руды, для чего строятъ невысокія глиняныя печи. Якуты прекрасные рѣзчики по кости и дереву. Они приготавливаютъ изящную рѣзаную деревянную посуду, большіе бокалы и кубки для кумыса. Въ школахъ они прилежно занимаются, и сыновья богачей нерѣдко окончиваютъ гимназію и даже поступаютъ въ университетъ¹⁾. Въ городѣ Якутскѣ (рис. 373) нѣтъ вышивихъ школъ, а есть только мужская и женская прогимназія. Якуты любознательны, но имъ трудно учиться, такъ какъ въ улусныхъ школахъ преподаваніе происходитъ по-русски, а рѣдкіе среди нихъ знаютъ этотъ языкъ. Языкъ якутовъ очень близокъ къ татарскому. Они по происхожденію тюрки и жили, по преданію, когда-то на югѣ Сибири. Войны, вспых-

нувши въ Центральной Азіи и Монголіи, за тысячу с лишкомъ лѣтъ назадъ, заставляли ихъ, вѣроятно, уйти со своими стадами на сѣверъ.

Женятся якуты рано; дѣтей у нихъ бываетъ много, но мало выживаетъ. За женъ якуты платятъ родителямъ невѣсты „калымъ“, т.-е. выкупъ. Когда молодой

Рис. 372. Сибирь. Якутскій шаманъ.

человѣкъ высмотритъ себѣ по сердцу дѣвушку, то засылаетъ сватовъ, которые уговариваются о размѣрахъ „калыма“ и времени свадьбы. Величина „калыма“ бываетъ различна, смотря по достатку вступающихъ въ бракъ. Бѣдники даютъ за жену отъ двухъ до десяти штукъ скота, богачи—пятьдесятъ, сто и часто нѣсколько сотъ рублей деньгами. „Калымъ“ счи-

¹⁾ Въ 1888 году университетъ открытъ въ Томскѣ.

тается платой за воспитание дѣвушки. Часть „калыма“ невесты приносятъ обратно въ домъ мужа въ видѣ приданнаго.

Якуты уже болѣе ста лѣтъ приняли христіанство. Они очень усердно посѣщаютъ церковь, крестятся, молятся, говѣютъ и исповѣдаются. Мертвыхъ они такъ же теперь хоронятъ, какъ православные. Но въ то же время у нихъ сохранилось много повѣрій, обрядовъ и предразсудковъ отъ ихъ прежней религіи—шаманства. Шаманъ (рис. 372) до сихъ поръ является у якутовъ единственнымъ врачомъ, заступникомъ и совѣтникомъ въ бѣдѣ и болѣзни. Позванный, онъ одѣваетъ свой общиптый желѣзомъ кафтанъ, беретъ бубенъ, пляшетъ, играетъ, поетъ,

реветъ, закликаетъ и, вообще, старается уговорить или испугать духовъ и боговъ, причинившихъ несчастье. Всякое несчастье, всякая болѣзнь происходитъ, по понятію якутовъ, отъ козней злыхъ духовъ. Грознымъ, могучимъ духамъ приносятся они въ жертву лошадей, менѣе грознымъ—рогатый скотъ, а еще болѣе незначительнымъ—бросаютъ въ огонь сало, масло, пряники, деньги и льютъ водку. Якуты почитаютъ боговъ рошъ, горъ, водъ и нѣкоторыхъ звѣрей: медвѣдя, лося и волка. Изъ птицъ: орла, чайку, кукушку, куропатку, утку-гагару, кулика считаютъ въщими птицами, а змѣю, ящерицу, свинью считаютъ нечистыми животными.

Путь отъ Якутска къ Ледовитому морю.

(Изъ очерка А.).

Путь отъ Якутска къ Ледовитому морю представляетъ величайшія трудности. Безъ собственного опыта нельзя составить себѣ вѣрнаго понятія о тѣхъ мученіяхъ, съ какими сопряжено подобное путешествіе. Закутавшись въ толстыя, но промерзшія мѣховыя платья, около пуда вѣсомъ, дышать можно только украдкой изъ-за медвѣжьего воротника, покрытаго густымъ инеемъ; мѣховая шапка закрываетъ все лицо, потому что внѣшній воздухъ такъ рѣзокъ, что каждый вдохъ производитъ несносно болѣзненное чувство въ горлѣ и легкихъ.

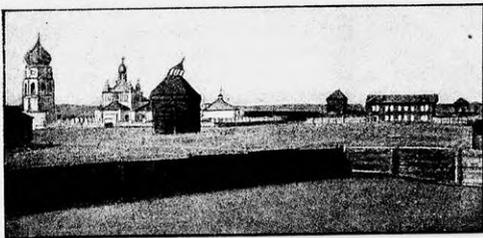

Рис. 373. Сибирь. Площадь въ Якутскѣ.

Сверхъ того, путешественникъ въ продолженіе 10 часовъ (обыкновеннаго перѣзда отъ одного ночлега или привала къ другому) прикованъ къ лошади, съ трудомъ пробирающейся по глубокому снѣгу, въ которомъ человѣкъ утонуть бы, не говоря уже, что въ тяжелой шубѣ всякое движеніе почти невозможно. Лошади терпятъ столько же, сколько и всадники отъ холода, также на нихъ дѣйствующаго. Около ноздрей образуются у нихъ ледяныя закраины и сосульки, препятствующія дыханію. Онѣ извѣщаютъ о томъ болѣзненнымъ ржаніемъ и судорожнымъ трясеніемъ головы. Вздокъ долженъ подать въ такомъ случаѣ помощь своей лошади, а безъ того она можетъ задохнуться. На безснѣжныхъ, ледяныхъ пустыняхъ, при слишкомъ сильной стужѣ, копыта лошадей нерѣдко трескаются. Караванъ всегда бываетъ окруженъ густымъ синимъ

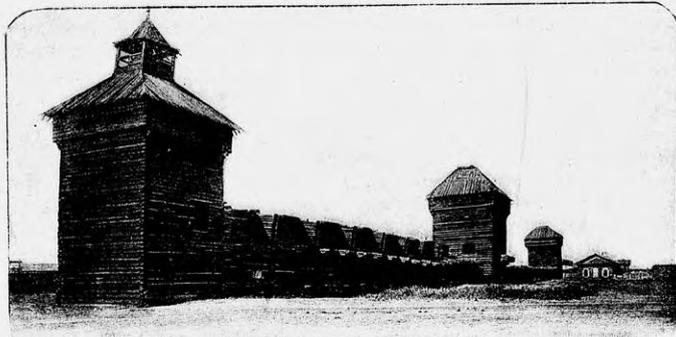

Рис. 374. Сибирь. Г. Якутскъ. 300-лѣт. деревянная башня.

облакомъ, производимымъ собственными его испареніями. При сильнѣйшихъ холодахъ даже снѣгъ, болѣе и болѣе сжимаясь, отдѣляется отъ себя теплотворъ. Водяныя частицы паровъ мгновенно превращаются въ миллионы ледяныхъ блестокъ, наполняютъ весь воздухъ и производятъ непрерывный шорохъ, нѣсколько похожій на звукъ, происходящій отъ раздранія бархата или толстой шелковой матеріи.

Даже олень, вѣчный житель отдаленнаго сѣвера, ищетъ въ лѣсахъ защиты отъ ужаснаго холода. На тундрахъ олени становятся въ тѣсныя кучи, стараясь согрѣть другъ друга своими испареніями. Только зимній воронъ медленнымъ, слабымъ полетомъ разсѣкаетъ ледяной воздухъ, оставляя за собою тонкую, какъ нить, струйку пара. И не одни одушевленные, но даже и неодушевленные предметы подвержены бываютъ ужасному вліянію стужи. Вѣковыя деревья трескаются отъ оглушительнымъ шумомъ, кото-

рый раздается въ стѣняхъ, какъ выстрѣлъ среди моря; тундры и скатистыя долины щелятся, образуя глубокия рытвины; скрытая въ нѣдрахъ земли вода, дымясь, разливается по поверхности и мгновенно превращается въ ледъ, а въ горахъ огромныя скалы отрываются и съ грохотомъ катятся въ долины.

Даже на самый воздухъ простирается вліяніе сильныхъ морозовъ. Столь часто и справедливо восхваляемая величественная красота темно-голубого полярнаго неба пропадаетъ въ воздухѣ, стуженномъ стужено; звѣзды теряютъ свой обыкновенный блескъ, и сіяніе ихъ становится тусклымъ. Таинственная прелесть лунной ночи исчезаетъ тамъ, гдѣ мертвая природа скрыта подъ бѣлымъ саваномъ снѣговъ, и задавленное однообразіемъ воображеніе тщетно ищетъ предмета своей дѣятельности въ страпѣ, гдѣ все неподвижно, и гдѣ послѣднія усилія животнаго и человека кланяются только къ тому, чтобы спастись отъ замерзанія.

Послѣдній лучъ.

(Изъ очер. В. Короленко).

Нюйснй станокъ расположенъ на небольшой полянкѣ, на берегу Ленъ. Нѣсколько обогихъ избушекъ задаями при-

жимаются къ отвѣснымъ скаламъ, какъ бы пятакъ отъ сердатой рѣки. Лена въ этомъ мѣстѣ узка, необыкновенно быстра

и особенно угрюма. Горы противоположного берега стоят подошвами въ водѣ, и если гдѣ, то здѣсь особенно Лена заслуживает свое название „Проклятой щели“. Дѣйствительно, это какъ будто гигантская трещина, по дну которой клубится темная рѣка, обставленная угрюмыми скалами, обрывами, ущельями (рис. 375). Въ ней надолго останавливаются туманы, стоятъ холодная сырость и почти непрерывныя сумерки. Население этого станка даже среди остальныхъ прилен-

Рис. 375. Сибирь. Скалы столбы на рѣкѣ Ленѣ.

сныхъ жителей поражаетъ своей вялостью, худосочиемъ и безнадежною апатіей. Унылый гулъ лиственницъ на горныхъ хребтахъ составляетъ вѣчный аккомпанементъ къ этому печальному существованію.

Приѣхавъ наканунѣ на этотъ станокъ ночью, усталый и озябшій, я проснулся на слѣдующее утро, повидимому, довольно рано.

Было тихо. Въ окна глядѣлъ не то тусклый разсвѣтъ, не то поздній ве-

черь,— что-то наполненное безформенной и сумеречной мглой. Вѣтеръ дулъ въ „щели“, какъ въ трубѣ, и гналъ по ней ночные туманы. Заглянувъ изъ окна къверху, я могъ видѣть клочки яснаго неба. Значитъ, на всемъ свѣтѣ зарождалось уже яркое, солнечное утро. А мимо станка все продолжала нестись клубами холодная мгла... Было сумрачно, тихо, сѣро и печально.

Лежа на своей постели, я могъ видѣть изъ-за перегородки столъ съ лам-

пой у противоположной стѣны. За этимъ столомъ сидѣлъ старикъ, рядомъ съ нимъ сидѣлъ мальчикъ лѣтъ около восьми. Мнѣ была видна только его наклоненная голова, съ тонкими, какъ ленъ, бѣлокурыми волосами. Старикъ, щуря сквѣзь очки свои подслѣповатые глаза, водилъ указкой по страницѣ лежавшей на столѣ книги, а мальчикъ съ напряженнымъ вниманіемъ читалъ по складамъ. Когда ему не удавалось, старикъ поправлялъ его съ ласковымъ терпѣніемъ.

Мальчикъ прочелъ какую-то фразу все тѣмъ же тусклымъ, не понимающимъ голосомъ и вдругъ остановился.

— А что, дѣдъ, — спросилъ онъ, — намъ не пора ли, гляди?..

Тотъ посмотрѣлъ на часы, равнодушно тикавшіе маятникомъ, потомъ на окно съ клубившеюся за стеклами мглой и отвѣтилъ спокойно:

— Рано еще. Только половина!..

— Можетъ, дѣдушка, часъ-то испортится?

Старикъ на цыпочкахъ вышелъ отъ нея, взглянулъ на часы, потомъ въ окно и задумалъ лампочку. Стало замѣтно, что за это время въ комнатѣ посвѣтлѣло.

— Одѣвайся тихонько, — шепнула дѣдъ, — чтобы Таня не услышала.

Мальчикъ быстро соскочилъ со стула.

— А ее не возьмемъ? — спросилъ онъ тоже шопотомъ.

— Нѣ... куда ей... И то кашляетъ...

Не трогъ ее, спи.

Мальчикъ принялся одѣваться съ осто-

Рис. 376. Сибирь. Ярмарка на р. Ленѣ.

— Ну, ну... темно еще... Да оно, глупый, намъ же лучше. Вишь, вѣтеръ... Можетъ, мороки-те прогонитъ, а то ничего и не увидишь, какъ третьево дни...

— Лучше, — повторялъ мальчикъ своимъ прежнимъ, покорнымъ голосомъ, и чтеніе опять продолжалось. Въ сосѣдней каморкѣ послышался дѣтскій плачь, тихій и жалобный. Старикъ вошелъ туда и сталъ укачивать дѣвочку. Плачь понемногу стихалъ, потомъ перешелъ въ невнятное бормотаніе, и дѣвочка заснула.

рожной торопливостью, и скорѣе обѣ фигуры — дѣда и внука — промелькнули въ полусумеркахъ комнаты. На мальчикѣ было надѣто что-то въ родѣ пальто городского покроя, на ногахъ большіе валенки, шея закутана женскимъ шарфомъ. Дѣдъ былъ въ полшубкѣ. Дверь скринула, и оба вышли наружу.

Я остался одинъ. За перегородкой слышалось тихое дыханіе спящей дѣвочки и хриплое постукиваніе маятника. Движеніе за окномъ все усиливалось, туманы проносились все быстрѣе, разрывались

чаще, и въ промежуткахъ все шире проглядывали суровыя пятна темныхъ скалъ и ущелій. Комната то свѣтлѣла, то опять погружалась въ сумракъ. Мой сонъ прошелъ. Мнѣ было скучно и тоскливо, какъ будто я поддался невольной молчаливой печали этого мѣста. Я ждалъ съ чѣмъ-то въ родѣ нетерпѣнія, что дверь опять скрипнетъ, и дѣдъ съ внукомъ опять примутся за урокъ. Но ихъ все не было...

Тогда я поднялся, въ свою очередь, и рѣшилъ посмотрѣть, что это ихъ выманило изъ избы въ туманъ и холодъ. Спалъ я одѣтый, поэтому мнѣ не нужно было много времени, чтобы натянуть сапоги и пальто и выйти...

Итти, впрочемъ, пришлось недалеко: оба—и старикъ и мальчикъ—стояли на крыльцѣ, заложивъ руки въ рукава и какъ будто чего-то ожидая.

Мѣстность показалаась мнѣ теперь еще угрюмѣе, чѣмъ изъ окна. Небо вверху было сине, и вершины горъ рисовались особенно сурово на посвѣтлѣвшемъ небосклонѣ. Туманъ разсѣялся, на темномъ фонѣ горъ проносились только отдѣльные горизонтальные клочья, но внизу все еще стояли холодныя сумерки. Ленскія струи, еще не замершія, но уже тяжелья и темныя, стланивались въ тѣсномъ руслѣ, заворачивались воронками и омутами. Казалось, рѣка въ нѣмомъ отчаяніи кипитъ и рвется, стараясь пробиться на волю изъ мрачной щели... Холодный предутренній вѣтеръ, прогонявшій остатки ночного тумана, трепалъ на крыльцѣ нашу одежду и сердито мчался далѣе...

Я остановился въ нѣкоторомъ недоумѣніи, оглядывая непривѣтливую картину. Дома станка, неопредѣленными кучками раскиданные по каменной площадке, начинали просыпаться. Кое-гдѣ тинулся дымокъ, кое-гдѣ мерцала окна; ящичькъ, звѣвая, провель въ поводу пару лошадей къ водопою и скоро ступевалъ въ тѣни берегового спуска. Все было буднично и уныло.

— Что это вы ждете?—спросилъ я у старика.

— Да вотъ, внуку охота солнышко посмотрѣть,—отвѣтилъ онъ и спросилъ, въ свою очередь:

— Вы чьи? Россійскіе?

— Да.

— Чернышовыхъ тамъ не знавала?

— Какихъ Чернышовыхъ? Нѣтъ, не знавала.

— Гдѣ, поди, знать. Россія велика... Сказываютъ, генераль былъ...

Онъ помолчалъ, пожимаясь отъ холода, и, что-то обдумавъ, опять повернулся ко мнѣ:

— Пробѣжій тутъ одинъ сказывалъ: при царицѣ Екатерины служилъ Захаръ Григорьевичъ Чернышовъ...

— Да, такой былъ...

Старикъ хотѣлъ спросить еще что-то, но въ это время мальчикъ рѣзко задвигался и тронулъ его за рукавъ... Его глаза были расширены, блѣдное лицо оживилось и засвѣтилось восторгомъ... Я невольно поглядѣлъ въ направленіи его взгляда, устремленнаго на вершину утеса, стоявшаго на нашей сторонѣ, у поворота Лены...

До сихъ поръ это мѣсто казалось какии-то темнымъ жерломъ, откуда все еще продолжали выползать туманы. Теперь, надъ ними, въ вышинѣ, на острокопечной вершинѣ каменнаго утеса, внезапно какъ будто вспыхнула и засвѣтилась верхушка сосны и нѣсколькихъ уже обнаженныхъ лиственницъ. Прорвавшись откуда-то изъ-за горъ противоположнаго берега, первый лучъ еще невзошедшаго для насъ солнца уже коснулся этого каменнаго выступа и группы деревьевъ, выросшихъ въ его разсѣлинахъ. Надъ холодными снимами тѣнями нашей щели они стояли, какъ будто въ облакахъ, и тихо сіяли, вздрагивая и радуясь первой ласкѣ утра.

Вѣсь мы молча смотрѣли на эту вершину, какъ будто боясь спугнуть торжественно тихую радость одинокаго

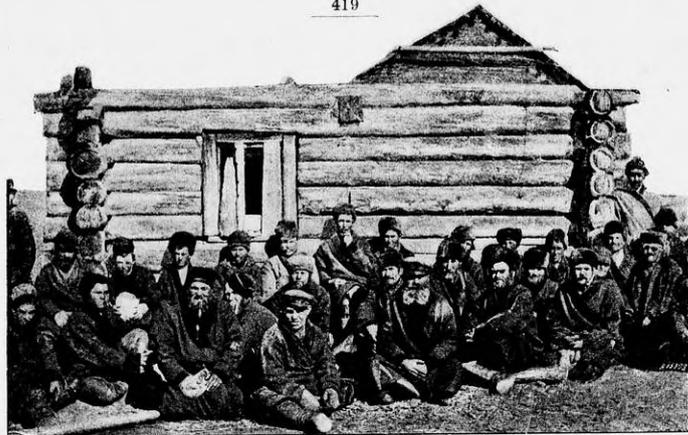

Рис. 377. Сибирь. Бурлаки на р. Ленѣ.

камня. Между тѣмъ около него что-то опять дрогнуло, затрепетало, и другой утесъ, до сихъ поръ утопавшій въ общей синевѣ угрюмаго фона горы, тоже загорѣлся, присоединившись къ освѣщенной группѣ. Еще недавно безлично сливавшіеся съ отдаленными склонами, теперь они смѣло выступили впередъ, а ихъ фонъ сталъ какъ будто еще отдаленнѣе, мгlistѣе и темнѣе.

Мальчикъ опять дернулъ дѣда за рукавъ, и его лицо уже совершенно преобразилось. Глаза сверкали, губы улыбались, на блѣдно-желтыхъ щекахъ, казалось, проступилъ яркій румянецъ.

На противоположной сторонѣ рѣки тоже произошло перемѣна. Горы все еще скрывали за собой взошедшее солнце, но небо надъ ними совсѣмъ посвѣтлѣло, и очертанія хребта рисовались рѣзко и отчетливо, образуя между двумя вершинами значительную впадину. По темнымъ еще склонамъ, обращеннымъ къ намъ, сползали внизъ струи молочно-бѣлаго тумана и какъ будто искали мѣста потемнѣе и посырѣе... А вверху небо расплѣвалось золотомъ, и ряды лиственницъ на гребнѣ выступали на свѣтломъ

фонѣ отчетливыми, рѣзко фиолетовыми силуэтами. За ними, казалось, шевелится что-то радостное, неугомонное и живое. Въ углубленіи отъ горы къ горѣ проплыла легкая тучка, вся въ огнѣ, и исчезла за сосѣдней вершиной. За ней другая, третья, цѣлая стая... За горами совершалось что-то ликующее и радостное. Дно разсѣлины все разгоралось. Казалось, солнце подымается съ той стороны по склонамъ хребта, чтобы заглянуть сюда, въ эту убогую щель, на эту темную рѣку, на эти сиротливыя избушки, на старика съ блѣднымъ мальчикомъ, ждавшихъ его появленія.

Наконецъ оно появилось. Нѣсколько ярко-золотистыхъ лучей брызнули безпорядочно, въ самомъ днѣ разсѣлины между двумя горами, пробивъ отверстія въ густой стѣнѣ лѣса. Огненные искры посыпались пучками внизъ, на темныя пади и ущелья, вырываая изъ синяго холоднаго сумрака то отдѣльное дерево, то верхушку сланцеваго утеса, то небольшую горную полянку...

Подъ ними все задвигалось и засуетилось. Группы деревьевъ, казалось, перебѣгали съ мѣста на мѣсто, скалы высту-

пали вперед и опять тонули во мглѣ, поляны свѣтились и гасли... Полосы тумана амблялись внизу тревожище и быстре.

Потом на нѣсколько мгновений засвѣтлалась даже темная рѣка... Вспыхнули верхушки зыбкихъ волгъ, бѣжавшихъ къ нашему берегу, засверкалъ береговой песокъ съ черными пятнами ямщичьихъ лодокъ и группами людей и лошадей у водопада. Косые лучи скользнули по убогимъ лачугамъ, отразились въ слюдяныхъ окнахъ, ласково коснулись блѣднаго, восхитеннаго лица мальчика...

А на самомъ дѣлѣ разсѣлины между горами уже ясно продвигалась часть огненнаго солнечнаго круга, и на нашей сторонѣ весь берегъ радовался и свѣтился, сверкала, искрся и переливалась разноцвѣтными слоями сланцевыхъ породъ и зеленое пушистыхъ осеней...

Но это была лишь недолгая ласка утра. Еще нѣсколько секундъ, и дно долины опять стало холодно и сине. Рѣка погасла и мчалась опять въ своемъ темномъ руслѣ, бѣшено крутя водоворотами, слюдяныя окна померкли, тѣни подымались все выше, горы задернули недавнее разнообразіе своихъ склоновъ одноцвѣтною синею мглою. Еще нѣсколько секундъ горѣла на нашей сторонѣ одинокая вершина, точно угасающій факель надъ темными туманами... Потомъ и она померкла. Въ разсвѣтнѣ закрылись всѣ

отверстія, дѣла сомкнулись попрежнему сплошной траурной каймой, и только два-три отсталыя облачка продвигались надъ ними, обезцвѣченныя и холодныя...

— Все,—сказалъ мальчикъ грустно. И черезъ нѣсколько секундъ, поднимая на дѣда свои печальные, потускнѣе глаза, прибавилъ вопросительно. — Больше не будетъ?

— Не будетъ, чай,—отвѣтилъ тотъ.— Самъ ты видишь: только край солнышка показался. Завтра уже пойдетъ низомъ.

— Кончалъ, братъ!—крикнулъ возвращавшейся съ рѣки ямщикъ. — Здравствуйте, дѣдъ со внукомъ!..

Повернувшись, я увидѣлъ, что у другихъ избушекъ тоже кое-гдѣ виднѣлись зрители. Скрипѣли двери, ямщики уходили въ избы, станокъ утопалъ опять въ обезцвѣчивающемъ холодномъ туманѣ.

И это уже на долгіе мѣсяца!.. Старикъ разсказалъ мнѣ, что лѣтомъ солнце ходитъ у нихъ надъ вершинами, къ осени оно опускается все ниже и скрывается за широкимъ хребтомъ, безсилное уже подняться надъ его обрѣзомъ. Но затѣмъ точка восхода передвигается къ югу, и тогда на нѣсколько дней оно опять показывается по утрамъ, въ разсвѣтнѣ между двумя горами. Сначала оно переходитъ отъ вершины къ вершинѣ, потомъ все ниже, наконецъ, лишь на нѣсколько мгновений золотые лучи сверкаютъ на самомъ доньшкѣ впадины. Это и было сегодня.

Ньюйскій станокъ прощался съ солнцемъ на всю зиму. Ямщики, конечно, увидятъ его во время своихъ разлѣздовъ, но старики и дѣти не увидятъ до самой весны или, вѣрнѣе, до лѣта...

Послѣдніе отблески исчезли... Внизу опять стужался туманъ, склоны горъ задернулись мутной одноцвѣтной дымкой. Разсвѣтанный свѣтъ просачивался изъ-за горъ холодный и непривѣтливый...

На Олекминскихъ присакахъ.

(Изъ очер. Г—ва).

Въ разрѣзѣ, гдѣ разрабатываютъ пески, до 700 рабочихъ. Тутъ и плечистая высокая фигура поселенца, и приземистая фигура сибиряка, и широкое, скуластое, безусое и безбородое лицо тунгуза или якута, и красивое кавказское лицо черкеса, обрамленное черной бородой, съ его черными, выразительными, хотя и суровыми глазами, и татаринъ въ своей мурмолкѣ на бритой вспотѣвшей головѣ, и длинный, сухощавый, простоватый бѣлорусъ.

Крики рабочихъ, громко отдаваемыея призыванія служащихъ, шумъ воды, грохотъ быстро вертящагося барабана, стукъ копытъ и колесъ о помостъ машины,— все сливается въ одинъ общій гулъ и стоитъ надъ окрестностью.

Но вотъ наступаетъ урочная пора утренняго снятія намытаго золота и объденный часъ рабочихъ. Вода остановлена, барабанъ повернулся еще разъ-два, глухо прошумѣвъ землей, камнями, и стихъ. Таратайки остановились, тамъ и сямъ раздалось громкое лошадиное ржаніе, въ забояхъ тяжелыя кайлы опустились уже въ уставшихъ рукахъ покрытаго потомъ поселенца, шумъ и гамъ смолкли, работа прервалась до 2-хъ часового отдыха.

Начинается съемка золота. Въ присутствіи становаго, золотопріемника, смотрителей машины, разрѣза и 2 казаковъ, небольшими деревянными лопатками снимаютъ темноватую массу золотоноснаго песку вмѣстѣ съ приставшей къ нему грязью и кладутъ на важдерты, гдѣ снова начинается уже окончательная, чистой водой тщательная промывка его особенными щетками.

Когда все готово, и на бѣлыхъ доскахъ важдерта блеститъ чистый безъ всякихъ примѣсей, видимыхъ для глаза, золотой песокъ,—его собираютъ, заключаютъ въ

железную банку, запираютъ на замокъ, накладываютъ восковую печать и несутъ, въ сопровожденіи казаковъ, въ золотопріемную контору, гдѣ взвѣшиваютъ, снова запираютъ въ крѣпкій железный сундукъ и вновь печатаютъ.

Народъ гурьбой повалилъ къ казармамъ, отстоящимъ отъ разрѣза версты на полторы, и принимается за насыщеніе тощихъ, голодныхъ желудковъ. Благодаря неустанному семичасовому труду, аппетитъ у всѣхъ, рѣшительно, волчий. Въ это время весь присакъ, насчитывающій порой болѣе 1000 ротвъ, усилло жуеитъ и дробитъ зубами, часто крайне скудную, малопитательную пищу. Обѣдъ отошелъ. Вставши рано, при первыхъ солнечныхъ лучахъ, рабочий сладко потягивается на грязныхъ нрахахъ въ своемъ огромномъ сквозномъ балаганѣ. Желаніе отдохнуть такъ законно, такъ естественно, сонъ уже летаетъ надъ его головой, смыкая глаза, уже начинаетъ рисовать предъ нимъ что-то покойное, хорошее, не имѣющее ничего общаго съ его настоящимъ положеніемъ. Чувствуется такъ привольно, легко; забыта и суровая окружающая обстановка и весь тяжелый гнетъ, чуть ли не съ колыбели тяготѣющій надъ бѣднымъ отверженцемъ; видятся знакомые образы, слышатся милые голоса, въ душѣ пробуждается что-то напоминающее о быломъ, когда-то близкомъ сердцу, давно забытомъ, похороненномъ... какъ вдругъ рѣзкій ударъ призывнаго колокола, сразу оторвавъ отъ сладкихъ грезъ, возвращаетъ къ угрюмой, холодной дѣйствительности. Снова шумятъ машина, ползутъ таратайки, вычищенные землей железныя кайлы блестятъ въ воздухѣ, снова кипитъ работа; снова онъ въ забой и подъ ягучими палачими лучами солнца, измучиваясь, обезсиливая, покрываясь

Рис. 378. Сибирь. Колонія прокаженныхъ въ Вилюйскомъ округѣ, Якутской области.

потомъ, и подь сѣрмъмъ, ненастнымъ днемъ съ его свинцовыми облаками, моросящими, какъ изъ рѣшета, назоливъ, пронизывающимъ до костей дождемъ,—словомъ, съ ранняго утра до поздняго вечера снова тотъ же тяжелый 15-часовой трудъ, не даромъ окрещенный рабочими мѣткимъ, характернымъ прозвищемъ „вольной каторги“.

Рабочие раздѣляются на 2 разряда: на надворныхъ и горныхъ. Къ первымъ относятся всѣ ремесленники: столяры, плотники, слесари, кузнецы, портные, сапожники и тому подобное; назначаемые къ наряду. прислуга, банщики, конюха, сторожа при складахъ, амбарахъ, магазинахъ и такъ далѣе. Ко вторымъ относятся: забойщики, возчики, свальщики, разборщики и промывальщики.

Непосредственнымъ начальникомъ первыхъ, дающимъ каждый день въ контору отчетъ о ихъ дѣятельности, состоятъ надворный смотритель, а вторыхъ—становой, смотрители разрѣза, машины, отваловъ торфа, гальки и другихъ мѣстъ, смотря по тому, гдѣ они находятся въ извѣстный день на работѣ.

Жилыя помѣщенія на приискахъ, отличающіяся спѣшной постановкой ихъ на мѣста, говорятъ скорѣе о чемъ-то временномъ, чѣмъ постоянномъ, и не обладаютъ даже тѣми необходимыми качествами каждаго дома—тепломъ и сухостью,—въ которыхъ, при доходящихъ въ тайгѣ нерѣдко до 40 градусовъ морозахъ и бушующихъ метеляхъ, чувствуется настоящая потребность, и если изъ ряда такихъ дурно построенныхъ, плохо проконопаченныхъ зданий, нѣсколько выдѣляется, въ силу своей особенной цѣлы, присоваякская больница, то, съ другой стороны, казармы рабочихъ, напоминающія своимъ вѣицимъ видомъ обширныя конюшни, и внутри представляющія далеко не завидное зрѣлище. Грязный сарай, съ проходомъ посерединѣ, съ нарами по бокамъ, тускло освѣщаемый высоко поднятыми отъ пола небольшими окнами, въ которыхъ закоп-

ченныя, вѣчно немытая стекла чередуются съ бычачьимъ пузырьемъ, дурно сколоченный потолокъ, черезъ который въ ненастное время обильно просачивается дождь, падая внутрь постройки и внося съ собой неизбежную сырость, а съ ней всевозможныя простудныя болѣзни—вотъ главные особенности такихъ помѣщений для рабочихъ, которые, вообще, держатся въ черномъ тѣлѣ. Къ казармамъ съ разныхъ сторонъ примыкаютъ бани и обширныя лѣтнія столовыя, представляющія огромный крытый навѣсъ на столбахъ со столами и скамейками.

Положеніе служащихъ, сравнительно, лучше, хотя и здѣсь трехсотрублевое вознагражденіе крайне мизерно и не отвѣчаетъ тѣмъ многотруднымъ обязанностямъ, которыя несутъ на себѣ бѣдняки горный служащій.

Лѣтомъ, рано утромъ, онъ уже на работѣ и въ продолженіе цѣлаго дня терпѣть участь, почти равносильную участи рабочаго - поселенца. Сверху на него летятъ, пронизывая до костей, сентябрьскій дождь или палить жгучими лучами июньское солнце, ноги вязнуть чуть не по колѣна въ липкой тяжелой грязи,—измученный, усталый, пошатываясь, переходятъ онъ отъ заботъ къ заботѣ, отдавая приказанія, слѣдя за ходомъ работъ.

По окончаніи дневной промывки тѣ изъ счастливыхъ, которымъ удалось добыть подъемное золото, являются для сдачи его. У каждаго изъ нихъ въ зажатомъ кулакѣ, въ грязной тряпкѣ, въ какой-нибудь бумажонкѣ большее или меньшее количество цѣннаго металла. Начинается приемъ.

Большимъ молотомъ, въ особенной мѣдной чашкѣ, изъ самородка выбивается порода, то-есть тѣ постороннія частицы, которыя пристають въ скважинахъ, затѣмъ кусокъ взвѣшивается на вѣсахъ, дѣлается расчетъ, и рабочему объявляется общая сумма.

Къ столу подходитъ здоровенный, плечистый поселенецъ, весь день прорабо-

тавший на свалкѣ, и изъ кармана широчайшимъ шароваръ вытаскиваетъ вѣснй, золотникъ въ 60, самородокъ золота.

— Пятьдесятъ семь рублей шестьдесятъ копеекъ—объясняетъ золотоприемщикъ.—Въ листикъ?

— Нѣтъ, Альбертъ Александровичъ, зачѣмъ все въ листикъ... Надо и намъ... пообносился тоже!

— Говори.

— Запишите азиямъ...

Азиямъ записывается.

— Сапоги кунгурскіе, хорошіе, потому больше на своей подошвѣ ходишь... теперь масла десять фунтовъ, сахару пятнадцать, чаю два кирпича, поддужный колокольцевъ.

— Да куда тебѣ все это? Вѣдь завтра опять придетъ въ контору...

— Ужъ запишите, Альбертъ Александровичъ, сдѣлайте милость, потому безпремѣнно нужно.

На смѣну этого рабочаго, одинъ за другимъ, показываются новыя лица, заявляютъ новыя требованія; приходитъ скуластый, коротенькій, вѣчно немытый тунгузъ. Въ грязнѣйшей тряпкѣ онъ принесъ мелкій золотой песокъ.

— Въ заботѣ намывать, небось?

— Запѣмъ мыла! Моя поднялъ... Тебѣ говорю поднять, — подтверждаетъ онъ, видя недовѣрчивое лицо приемщика.

— Одиннадцать рублей двадцать копеекъ.—Чего тебѣ надо?

— Сахаръ шатыре фунтъ...

— Любимъ сладко-то! Дальше?

— Далше пиши бродни! Крѣпко такъ!—говоритъ онъ, показывая развалившіяся подметки громадныхъ, неуклюжихъ бродней.—Остался мало-мало... На листикъ пиши.

Часто одинъ и тотъ же рабочій, взявши за недѣлю, на деньги подъемнаго золота, до 30 фунтовъ масла, болѣе полпуда сахару, нѣсколько фунтовъ чаю, два азияма, 5—6 паръ сапогъ, кутановъ, колокольцевъ и тому подобное, на слѣдующей недѣлѣ записываетъ себѣ то

же масло, сахаръ, чай, сапоги и такъ далѣе.

Въ разгарѣ дѣятельности на главномъ приискѣ Ленско-витимскаго товарищества въ концѣ 60-хъ годовъ эти требованія поражали своимъ крайнимъ безобразіемъ; рабочіе кичились, шеголяли другъ передъ другомъ своей разнузданностью.

Во время полдня, когда работы прекращались на полчаса, для отдыха, въ въ разрѣзѣ, подь открытымъ небомъ готовилась чай, при чемъ въ котлы съ кипящей водой всыпалось по нѣсколькимъ фунтовъ чаю, бросались цѣлыя головы сахару, и все это сопровождалось общимъ шумомъ, гамомъ и линованьемъ; спиртъ, покупаемый такой дорогой цѣной, истреблялся въ огромномъ количествѣ; золото за ничтожную цѣну перепродавалось на чужіе прииски; платья, обуви хватало только на одинъ день, послѣ чего оно, какъ негодное, бросалось и замѣнялось новымъ, — рабочій словно одурѣлъ, потерялся среди того богатства, какое разсыпано вокругъ, и гдѣ стояло только нагнуться, чтобы поднять цѣнный, вѣснй самородокъ!).

Хотя время это принадлежитъ къ области воспоминаній, но и въ данную минуту, при, сравнительно, меньшихъ промысловыхъ богатствахъ, рабочій, по существу, остался тѣмъ же. И теперь рѣдкій изъ рабочихъ оставитъ деньги на рукахъ конторы, большинство не выйдетъ изъ нея до тѣхъ поръ, пока послѣдній рубль не пойдетъ ребромъ на приобретение какого-нибудь шермунца или бубенца, въ которомъ онъ рѣшительно не имѣетъ никакой надобности. Причины этого легкаго отношенія къ деньгамъ кроются какъ въ самомъ рабочемъ, такъ и въ тѣхъ условіяхъ, въ которыя онъ поставленъ. Рабочій не знаетъ, къ чему послужатъ ему накопленные деньги. Пе-

1) Тогда приискъ намывъ въ одинъ лѣтній сезонъ около 400 унцъ золота. Самородки попадались въ огромномъ количествѣ, нерѣдко достигали 2 и 3 фунтовъ вѣса.

реходъ отъ излишества къ нищетѣ его не пугаетъ: онъ привыкъ къ нищетѣ болѣе, чѣмъ къ излишеству. Въ болышинствѣ рабочихъ — бобыль, у котораго нѣтъ ни своего угла, ни родныхъ: они или умерли, или не примутъ въ свою среду преступнаго поселенца-отщепенца, или они гдѣ-нибудь далеко, куда ему „и крылья связаны и пути всѣ заказаны“. Сегодня онъ живъ, а завтра обрушившаяся шахта или трехсотпудовая бадь, сорвавшаяся съ канатовъ, расплющила буйную голову, стерла съ лица земли его

Въ золотоносномъ районѣ.

(Изъ очерка П. Б.).

Если судьба занесетъ кого-нибудь въ золотоносный районъ, то первое время тому человѣку будетъ трудно разобратъся въ своихъ впечатлѣнiяхъ. Куда бы онъ ни пошелъ, съ кѣмъ бы ни встрѣтился, его будетъ преслѣдовать слово „золото“.

Всѣ помыслы, интересы сосредоточены здѣсь только на одномъ предметѣ и вертятся около него, какъ земля вокругъ солнца, — все другое отходитъ на второй планъ и не имѣетъ значенiя въ глазахъ населенiя, добывающаго себѣ средства къ жизни золотымъ промысломъ. Власть этого металла сказывается необычайно сильно. Золото порабощаетъ волю, комкаетъ характеръ и вселяетъ въ человѣческую душу злыя и алчныя побужденiя. Свѣжаго человѣка поражаетъ стремленiе къ быстрой наживѣ, которое онъ видитъ и слышитъ отъ всѣхъ, живущихъ въ золотосодержащихъ мѣстностяхъ. И въ то же время золотой промыселъ способствуетъ обѣднѣнiю занимающихся имъ кустарей. Сдѣлавъ нѣсколько тщательныхъ наблюденiй, познакомившись съ обиходомъ и бытомъ населенiя и взвѣсивъ выгоды, доставляемая ему золотымъ промысломъ, вы непременно придете къ выводу, что до-

жалкое существованiе. Сегодня онъ здоровъ, а завтра ноги, нѣсколько недѣль стоявша по колѣно въ грязи, водѣ, уже получили задатки сильнѣйшаго ревматизма или покрылись язвами разлагающей цинги, столь обыкновенной на промыслахъ; рѣзкій холодный вѣтеръ продуть насковоз, осеннiй дождь пронизалъ до костей.

Съ работы — въ лаваретъ, а послѣ того зачастую безвѣстная, заброшенная въ далекой сѣверной тайгѣ одинокая могила одна лишь является нѣмымъ признакомъ погибнувшей силы.

статки жителей, добывающихъ средства къ жизни золотопромышленностью, въ общемъ, не могутъ быть признаны прочными. Правда, въ исключительныхъ случаяхъ трудъ вознаграждается баснословно, но такое быстрое обогащенiе не способствуетъ процвѣтанiю и благосостоянiю „минутныхъ“ богачей. Напримѣръ, населенiе въ 9—10 тысячъ душъ получило въ теченiе лѣтнихъ мѣсяцевъ сумму въ 500.000 рублей за сданное золото; польза оказалась совсѣмъ не та, которая могла бы оказаться, если бы эти полмиллиона были заработаны на другомъ промыслѣ. Во-первыхъ, жители богаче не сдѣлались, и обиходъ ихъ не улучшился; не было учреждено на эти деньги ни одного благотворительнаго, образовательнаго или общественнаго учрежденiя; съ вишней стороны постройки, т.-е. дома обывателей, остались въ прежнемъ видѣ. Нѣкоторое время процвѣтала лишь бакалейная, отчасти мануфактурная и сильно винная торговля, да жены и дочери обывателей ридались (одягъ лишь нѣкоторое время) въ шерстяныя платья, сшитыя „по-городскому“, и цѣлыми днями простаивали за воротами, грызя кедровые орѣшки и пережевывая каменнотвердые пряники.

Громадные заработки не внесли въ населенiе ничего, кромѣ разрашающаго влеченiя и стремленiя къ роскоши. Пища, напримѣръ, не улучшилась, зато нѣкоторое время за столомъ въ обывательскихъ домахъ подавались разныя дорогія вина. Было куплено несмѣтное количество гармоникъ, нашито „нѣмецкое“ платье — и только. Хозяйство же почти не улучшилось, почти не прибавилось скота и не отремонтированы жилища. Миѣ известны случаи заработка въ лѣто двумя старателями по 16.000 рублей, и что же? Эти огромныя и не для крестьянина деньги такъ же быстро исчезли, какъ и появились, уйдя на безобразный разгулъ, самодурство и нелѣпыя расходы въ родѣ покупки серебряной сбруи, благодаря чему случайные богачи очень скоро превратились въ страшнѣйшихъ бѣдняковъ. Примѣры такого быстрого обогащенiя дѣйствуютъ на населенiе замѣчательно сильно: у всѣхъ проявляется одно желанiе — какъ можно скорѣе добыть больше денегъ, чтобы спустить ихъ съ шумомъ, съ трескомъ, самымъ безобразнымъ способомъ. Нѣтъ предѣла алчности и желанiю скораго обогащенiя, — все для этого пускается въ ходъ, отъ простой уловки до кроваваго преступленiя. Да и какъ не развиться алчности, когда, напримѣръ, работаютъ два старателя рядомъ, и у одного намываются пустыни, а другой, попавъ на „струйку“, получаетъ хорошее золото. Одинъ смываетъ золото съ своего „машерта“ съ проклятиемъ, а другой сiяетъ и хвастаетъ своимъ торжествомъ. Просыпается у неудачника глухая за-

вистъ, злобно смотритъ онъ на счастливаго и въ дуплѣ проклинаетъ его. А тотъ бахвалится, показываетъ ему свое золото, ехидно совѣтуетъ: „Ты бы, Карпычъ, работу свою не бросалъ. Кто его знаетъ, можетъ, и тебѣ пофартитъ, можетъ, и ты на струю попадешь“.

— Что жъ, я развѣ брошу, думаешь, развѣ попустишь? — отвѣчаетъ со злобою несчастливецъ. — Нѣтъ, братъ, я жену, дѣтей зарюю, а отъ своей „постати“ (дѣлянка) не уйду, насковозъ ее пророблю.

Начинается лихорадочная работа, старатель лѣзетъ впередъ, какъ разъяренный звѣрь, но — увы! — золота нѣтъ, и вышли всѣ деньги. Что дѣлать? Несеется къ ростовщичку все, что имѣетъ какуя-нибудь цѣнность, и на эти крохи продолжается борьба со счастьемъ. Наконецъ и эти деньги проработаны, и только тогда несчастливцевъ отступаетъ, разоренный и раздавленный неудачей. Между тѣмъ и у „счастлива“ струйка начинаетъ исчезать: онъ гонится за ней, ищетъ, бросается изъ стороны въ сторону и тоже прорабатываетъ все, что заработалъ, конечно, за исключенiемъ того, что успѣлъ прокутить. Оба тогда встрѣчаются гдѣ-нибудь въ кабацѣ и уже безъ злобы начинаютъ свою безконечную работу снова, если ухитрятся добыть еще денюжку. Можно опредѣлить внутреннее состоянiе прискателей пословицей: „Хоть часъ, да вскачь; хоть день, да всласть“. И ради этого пустуютъ села, деревни, люди гибнутъ, развращаются и живутъ огнѣми надеждами на какое-то несбыточное, туманное счастье...

Изъ жизни юкагировъ.

(Изъ разск. Александрова).

Была весна. На Аноѣ, притокѣ рѣки Колымы, въ маленькомъ кочевѣ небольшого народа юкагировъ свирѣпствовала голодь. Ни въ одной юртѣ, ни въ одной семьѣ не осталось отъ зимнихъ запасовъ ни куска оленины; а сонливый юкагиръ,

ворочавшiйся доселѣ съ боку на бокъ у своего очага и ввалившiй всю работу на жену, рыскалъ теперь день и ночь по тундрѣ, высматривая оленя. Несчастный юкагиръ возлагалъ на него всѣ свои надежды. Въ оленѣ было все его

спасенье; и, казалось, давно уже наступила пора для весеннего хода этого животного, когда оно, заждаемое в лѣсу комарами и мошками, обжить громадными стадами мимо юагирских кочевьев на обильную лишаями тундру, къ прохладным морским берегамъ. Въ прежние годы въ это время юагиры наслаждались уже спокойно его свѣжкимъ мясомъ, сидѣли на берегу рѣки и расстѣвали счастливо свои импровизированныя пѣсни; но теперь былъ годъ иной. Бѣдный юагиръ не разъ переплывалъ Аною, всматривался своими узенькими глазами въ туманную сѣроватую даль; не разъ оглядывалъ свои стрѣлы и ножъ; но олень все еще нигдѣ не показывался, повсюду ходили одни и тѣ же слухи, что его нигдѣ не видать, и повсюду, по всѣмъ берегамъ Аноя, голодный юагиръ, а также тунгузъ и якутъ, бродили отъ холма къ холму и ждали оленя съ часу на часъ. У юагировъ истреблялись уже для пищи домашніе олени, было съѣдено все, что возможно, приходилось приниматься, наконецъ, и за послѣдняго друга—собаку. Но вотъ какъ-то на зарѣ вдали за Аноемъ послышался легкій стукъ отъ бѣгущаго стада. Кочевье встревожилось: выходили на берегъ женщины и дѣти, переплывали Аною вооружившіеся юагиры, и, причась въ засаду, за камнями и холмами, на сползхъ маленькихъ, легкихъ лодкахъ, они уже лхорачдоно жаждали смертельнаго боя; уже на горизонтѣ на всѣхъ высотахъ показался движущійся лѣсъ оленьихъ роговъ, и олени шли подъ предводительствомъ опытнаго, сильнаго самца прямо на Аною. Казалось, что не миновать имъ сдѣланной засады, и они подходили уже къ ней весьма близко; но опытный самецъ точно по воздуху отгадалъ стерегущую его гибель; онъ остановился, поглядѣлъ, постоялъ, будто о чемъ-то подумалъ, и неожиданно, круто взявъ въ сторону, скрылся со всѣмъ стадомъ, на глазахъ юагировъ, за ближайшія горы.

Смятенье и ужась объяли все кочевье; безвыходность и голодъ грозилъ теперь юагирамъ неминуемою смертью, и юрты огласились отчаяннымъ крикомъ и стономъ. Женщины падали, билась оземь и рвали на себѣ волосы, дѣти кричали и падали, мужчины же поднимали безнадежно руки къверху и, точно молясь, издавали какой-то вой, и только оиѣмѣвшіе старики смотрѣли тихо, со слезами на глазахъ, на тѣ горы, куда ушли олени стада. Могила заживо лежала у ногъ юагира; но голодный человѣкъ забываетъ и лѣнь и всякую опасность, онъ дѣлается предприимчивѣе и лукавѣе всякаго животнаго на мѣрѣ и находитъ пищу, поддерживая свое существованіе самымъ удивительнымъ образомъ. Онъ и ѣсть и не ѣсть, и питается то травами, то деревьями, и открываетъ такіе источники, про которые трудно и вообразить себѣ. Впрочемъ, передъ юагирами была рѣка, стало-бытъ, и рыба; наступило лѣто, и темнѣвшая тундра наливалась кое-гдѣ моршочкой и другими ягодами, а по болотамъ кричали гуси, утки, и голодному юагиру можно еще было перебиваться кое-чѣмъ со дня на день. Нѣкоторые, однако, совершенно истощенные и обезсиленные, умерли, а остальные дѣвательно хлопотали, бродя по тундрѣ, по рѣкѣ, и добывали кто что могъ. Мужчины приносили иногда немного рыбы, иногда дичи, а женщины собирали ягоды, травы и разыскивали весьма искусно въ норахъ, вырытыхъ особою породой мышей (мышью-экономомъ), какіе-то мучнистые корни, изъ которыхъ варили зачастую довольно сытную похлебку. Такъ голодъ, благодаря лѣту, былъ утоленъ; юагиръ, нагнавъ заупынную импровизированную пѣсню, полегивалъ опять подъ вечеръ на берегахъ Аноя и вспоминалъ со своимъ товарищемъ о могущественныхъ предкахъ. Омаки, предки его, были народъ сильный, какъ онъ говорилъ, вели, сто лѣтъ тому назадъ, войны съ сосѣднимъ храбрымъ народомъ чукчами и частью пали на войнѣ а

частью поморила ихъ страшная болѣзнь—оспа, отъ которой и разсѣялись они то между тунгузами и русскими. то удалились, какъ передаютъ старики, на острова Ледовитаго океана. Онъ воспѣвалъ своихъ предковъ, а новая бѣда вступала надъ нимъ. Жаркіе дни лѣта вступали въ полную силу, и мириады комаровъ, оводовъ и мошекъ, которыхъ справедливо причисляютъ къ семи египетскимъ названьямъ, кишѣли цѣлыми тучами. *Дымокуръ*, или большія кучи сваленнаго мха, листа и сырого лѣса, дымились, зажигаемая около пастбищъ и челювѣческихъ жилищъ; дымъ отгонялъ докучливую мошку, но олень, заждаемый ею, бѣжалъ, спасаясь, въ воду. Суцая же бѣда была на самой тундрѣ. Тутъ только что зазеленѣвшій листъ на тальникѣ пожелтѣлъ и засохъ, ягоды пропали, птица, ища корму, снѣлась съ болота и улетѣла въ другія мѣста, олень также потянулъ въ сторону, вдоль береговъ Аноя, и тундра въ продолженіе этихъ немногихъ лѣтнихъ дней, подъ палящими лучами солнца, засохла, мѣстами сдѣлалась черная, мѣстами сѣрая, красная и точно подготовлялась къ зимнему мраку и вьюгамъ. Туманы густыми болотными испареніями висѣли надъ ней удручивымъ слоємъ, и ни шелеста, ни звука не слышать было въ этой замершей пустынѣ. Въ нѣскольکو дней погибла только что явившаяся жизнь; въ нѣскольکو дней лишень былъ бѣдняга-юагиръ своего жалкаго временнаго спасенія, и, тащась или перекочевывая теперь за оленями, онъ уже ѣлъ черезъ три дня на четвертый и жилъ весь въ будущемъ, всѣ помышленія его ограничивались слѣдующей засадой, вторымъ, или осеннимъ, ходомъ дикаго оленя. Отъ этого второго хода завязѣла вся пища на долгую зиму и все его существованіе. Второй же олений ходъ, отъ холодныхъ береговъ Ледовитаго океана опять обратно въ лѣса, долженъ былъ наступить весьма скоро. Рѣзкій сѣверный вѣтеръ нагонялъ уже и

дожди, и буря, дни замѣтно стали убывать, и вотъ въ одинъ случайно явившійся солнечный день раздался по кочевью крикъ: «Олени, олени идутъ!»

Застучали стрѣлы и луки, побѣжали юагиры, кто въ чемъ былъ, прямо на лодки и тихо, но быстро помчался по Аною на то мѣсто, которое должны были переплывать олени. Одинъ берегъ былъ немного кругъ, но сухъ, съ камнями и маленькими заливами, на другомъ была песчаная плоская отмель, удобная для выхода оленя изъ воды, и переправа оленя на этомъ мѣстѣ казалась несомнѣнной. Подобной переправы на далекомъ протяженіи Аноя нигдѣ не существовало. Юагиры спрятались подъ вѣтромъ въ заливы, за камни и кусты, нѣкоторые изъ нихъ поднимались, выглядывали смотрѣть, «бѣгутъ ли олени», и олени, точно тучи, ровною, сплошною массой неслись черезъ холмы и лощины, какъ разъ на ждущую ихъ засаду. Это небольшое животное, съ толстымъ, неуклюжимъ туловищемъ, на короткихъ ногахъ, съ такою же вытянутою совершенно впередъ шеей, бѣжало весьма плавно и грациозно легкою иноходью, и передній сильный вожакъ, украшенный подъ шеей длиннымъ волосомъ, въ родѣ бороды, стучалъ вмѣстѣ съ шумящимъ стадомъ довольно звонко по замершей землѣ. Иные олени бѣгле, какъ и всѣ животныя арктическаго полюса, которыхъ защищаетъ природа этимъ цвѣтомъ отъ жестокихъ холодовъ; иные же, какъ и лѣтомъ, все еще бурные, показались на бѣгу своими вѣтвистыми, лапчатыми рогами; и зтогъ вождѣлнный стукъ уже близко раздавался надъ ухомъ юагира. Юагиръ прилегалъ, прятался, смотрѣлъ изъ-за своего дикаго оленя. Отъ этого второго хода завязѣла вся пища на долгую зиму и все его существованіе. Второй же олений ходъ, отъ холодныхъ береговъ Ледовитаго океана опять обратно въ лѣса, долженъ былъ наступить весьма скоро. Рѣзкій сѣверный вѣтеръ нагонялъ уже и

пять, разнесся нѣкоторый плескъ,—это вожакъ попробовалъ переходъ, опять черезъ нѣкоторое время плескъ, и потомъ еще и еще, и зашумѣли, и покрылись воды Аноя безчисленнымъ количествомъ несчастныхъ головъ. Въ одно мгновеніе вылетѣли юкагиры на своихъ маленькихъ, легкихъ лодкахъ прямо навстрѣчу имъ, въ одно мгновеніе засверкали надъ головами ножи и стрѣлы, и началась схватка, кроваваѣйшей которой нѣтъ и названія. Съ быстротою молніи стучали ножи по черепамъ и ребрамъ, съ гикомъ и крикомъ бросался юкагирь отъ одного оленя къ другому; олени защищались рогами, зубами и задними ногами, самки старались передними ногами прыгнуть на край лодки; одна лодка опрокинулась, и юкагирь тонулъ, но, ухватясь за сильнаго оленя, онъ вдругъ пронесся съ нимъ на берегъ, положивъ его однимъ взмахомъ на берегу, и снова былъ на водѣ, и снова билеталъ его ножъ направо и налево. Бой продолжался, не смолкалъ. Иной охотникъ уложивъ шестой, седьмой десятокъ, другой переходилъ и за сотню, и волны Аноя, пѣнясь, окрасились въ темно-красный цвѣтъ, и кровь струилась у береговъ. Убитыхъ возили юкагиры на особыхъ челнокахъ и связывали ихъ ремнями, раненые приплывали къ берегамъ и дѣлались добычею стрѣлковъ; и на волнахъ, и на берегу кипѣла адская рѣзня; и стукъ роговъ, и крикъ охотниковъ, и

Земля чукчей и коряковъ.

(Изъ разск. Александра).

— Куда отправляетесь?—спрашиваютъ колымцы выѣзжающихъ изъ Колымска торговцевъ.

— На край свѣта... на Аною... — отвѣчаетъ предприимчивая толпа сибиряковъ. — Съ чукчами будемъ торговать... Въ Островное...—раздается вдогонку поясненіе изъ послѣднихъ промчавшихся саней.

смертный храпъ оленей,—все заодно сливалось въ какой-то хаосъ, и далеко шель гулъ и стонъ по всей пустынѣ.

Въ кочевьѣ была возня, суматоха; женщины и дѣти бѣжали изъ него смотреть на бой; голодные собаки летѣли стремглавъ лизать дымящуюся кровь, и всѣ радостно трепетали при видѣ этого давножданнаго зрѣлища, и у всѣхъ было одно чувство—жажда мяса и крови. Юкагиры насчитывали на свой чумъ, на свою семью, по сто, по полтораста штукъ, которыхъ онъ убилъ въ какихъ-нибудь полчаса, и, наѣвшись послѣ боя вплотную, онъ завалился теперь, наконецъ, на богатыйскій, долгій зимній сонъ, а жена принялась за уборку и стала одна работать съ утра до ночи. Тутъ, вскорѣ послѣ добычи, очутились у юкагира и табакъ, показалась и бутылка вина, и, раবেвевшись, пиликалъ онъ на самодѣльной скрипцѣ, охотно таскаясь всю зиму отъ сосъда къ сосѣду. Онъ, насытившись, не замѣчалъ и наѣтво. Бой продолжался, бѣгающей около его юрты, его не заботило ничто, и только жена брала каждый день сохранявшихся оленей изъ водъ Аноя и то вялила оленье мясо, то коптила его, то морозила. Самый лакомый кусокъ—оленій языкъ—она отдавала на съѣденіе мужу, а оленье шкуры, весьма искусно выдѣлывая (звущимся юкагирами *радуга*), продавала русскимъ и доставала на нихъ хлѣбъ и котлы и все необходимое для жизни.

И невеселый и опасный путь свой по безконечно растянувшейся впереди тундрѣ сокращаютъ ѣдущіе торговцы разсказами о страшныхъ происшествіяхъ, случавшихся въ тундрѣ,—о томъ, какъ одинъ заблудившійся караванъ чуть было не погибъ, заметенный сибѣгами. Пересыпаютъ они эти разказы всякаго рода быліями и небыллицами, разными вымы-

слами и сказками; говорятъ и о чукчахъ; находятся и такіе, которые бывали въ самой землѣ чукчей и коряковъ; а вотъ одинъ сибирякъ вспомнилъ и о томъ, что онъ слышалъ про чукчей отъ дѣда.

— Бѣдовый народъ, — прежде всего замѣчаетъ начавшій свой разсказъ сибирякъ. — Сказывалъ дѣдъ, что только въ Америкѣ такой народъ есть—индѣйцами называется. И лѣтъ дѣвяти тому назадъ про нихъ и знать у насъ не знали, да казаки якутские провѣдали, а по ихъ-то слѣдамъ и торговцы пошли. И страшны въ ту пору были эти чукчи, и на людей не походили: губы у всѣхъ были прорывзаны, а изъ прорывзей-то этихъ торчали моржевые клыки; и чукчи да коряки—это не то, что самоѣдининъ или остякъ,—это здоровый, отчаянный народъ. Якутскіе воеводы, когда пошли на нихъ съ войскомъ, такъ чукчи впереди коряковъ, впереди всѣхъ шли и дрались, какъ бѣшеные. Дрались они и между своими народами; только и слышать бывало, что чукчи грабятъ да разбойничаютъ. Юкагировъ, тѣхъ вонъ въ конецъ разорили.

— Да и нашему брату доставалось, — замѣчалъ другой сибирякъ.

— Доставалось мнѣ,—сказывалъ дѣдъ,—крѣико доставалось. Разъ на ярмаркѣ всѣхъ нашихъ торговцевъ чуть было не переколола. Это вотъ уже лѣтъ 80 или 90, какъ сдѣлали съ ними договоръ обо всемъ, а то, бывало, явятся торговцы на торгъ, а они сейчасъ пни впередъ, да и держатъ на концѣ пикъ то, что у нихъ торгуютъ, и чуть сдѣлалъ кто не такъ, или обманулъ чукча, такъ онъ тутъ же пикой того и пырнетъ. Да они и теперь безъ властей живутъ и ясака не платятъ,—разсуждалъ сибирякъ;—а что и когда вздумается, то въ видѣ ясака и привносятъ, да и то одни богатые. Въ ихъ же землѣ,—тамъ каждый самъ себѣ законъ, а предводители ихъ *тумы*,—тѣ только такъ себѣ считаются предводителями, а сдѣлать-то ничего не могутъ,—все рѣшаютъ всѣ вмѣстѣ.

— Проѣзжалъ я, братцы, ихъ страну вдоль и поперекъ, отъ Колымы до Берингова пролива и отъ Камчатки до Ледовитаго океана; два раза проѣзжалъ,—говорить сибирякъ, бодро шагалъ съ товарищами по сугробамъ около усталыхъ оленей. — Ледяная, мерзлая страна, — продолжалъ онъ послѣ долгаго молчанія. — Здѣсь лѣтсомъ вотъ хоть снѣгъ спадаетъ, траву увидишь, птицы разныя налетаютъ, а тамъ вѣдь только орлы да соколы носятся, лѣта же и не видаль никто.

И бывалый сибирякъ описываетъ своимъ товарищамъ землю чукчей и коряковъ самыми страшными красками.

— Да, братцы, — дсбавляетъ онъ въ заключеніе, — много тамъ горя и страху навидишься. Случалось испытывать такіе ужасы, что, какъ вспомню, такъ и теперь дѣломъ волосъ становится. А вотъ и тамъ люди живутъ, и высклисъ сосѣмъ, и переносятъ все, да еще такъ переносятъ, точно и не чувствуютъ ничего. Смотришь, бывало, буря, ураганъ, на землю, ни неба не видать, а чукча и корякъ караулятъ свои олени стада верстъ за десять, за четырнадцать отъ юрты, и лежатъ какъ ни въ чемъ не бывало подъ маленькими шалашинками. Буря и шалашинъ сорветъ, и его снѣгомъ занесетъ, а онъ вслушивается только въ отдаленной вой своихъ непрітелей, волковъ да караулитъ оленей отъ нихъ. И нипочемъ ему ни сорокаградусный морозъ, ни ураганъ,—все онъ вынесетъ... Да вотъ и на ярмарку въ Островное мы ѣдемъ, и только жадность наша да корысть вѣдетъ насъ по этимъ пустынямъ и, Богъ вѣсть, доберемся ли въ живыхъ, а чукча и корякъ шутя тамъ будутъ; они цѣлый годъ бродятъ изъ конца въ конецъ по своей землѣ, и двухъ недѣль на мѣстѣ не стоятъ—имъ это все равно.

И сибирякъ сталъ вслѣдъ за этимъ объяснять своимъ товарищамъ, что у чукчей и коряковъ есть по 4 и по 5 тысячъ оленей, и что кормъ для оленя

составляет самое важное для чукчей, такъ какъ олень и одѣваетъ, и кормитъ, и возитъ его.

Долго говорили сибирякъ про жизнь чукчей и коряковъ, про ихъ торговлю и барыши,—и всѣ, жадно вдушаваясь въ его слова, переносились уже мыслями на ярмарку въ Островное. Пересчитывали и свои барыши и обсуждали, что и какъ изъ товаровъ лучше теперь идти. Но вотъ какъ-то ночью послышался вдали протяжный вой нѣсколькихъ сотъ собакъ; разнесся затѣмъ глухой бой шаманскихъ барабановъ, показались и огни,— это было Островное.

Маленькая крѣпостца или село съ нѣсколькими лачужками, расположенными на небольшомъ островѣ Малаго Анюя, круглый годъ никѣмъ не посѣщаемое и пустое, представляло въ настоящую минуту весьма живую, но вѣстѣ съ тѣмъ какую-то самую причудливую и дикую картину.

Около русскихъ лачужекъ на изрядномъ отъ нихъ разстояніи безпорядочно тянулись всевозможнаго вида палатки съѣхавшихся дикарей. Повсюду подымались изъ этихъ палатокъ высокіе столбы красноватаго искристаго густого дыма, повсюду видѣлись разнообразныя кучи нартъ и саней, и въ одномъ мѣстѣ между палатками и нартами двигались человѣческія фигуры, освѣщенные огненнымъ свѣтомъ пылающихъ костровъ, въ другомъ толпились стаи собакъ, тамъ опять вырисовывались на блестящемъ свѣту темныя вѣтви красивыхъ оленьихъ роговъ,—и все это, сверху залитое зелеными, синеватыми и бѣлыми лучами сѣвернаго сіянія, копошилось, двигалось, шумѣло и кричало. Слышались и чукотскіе, и якутскіе, и корякскіе и юкагирскіе голоса, слышался по временамъ и свистъ, и гиканье, и какой-то дикій стонъ предвѣщавшихъ что-то шамановъ, разносилась въ заключеніе гдѣ-то и протяжная пѣсня сибиряковъ, и этотъ гулъ, и гамъ, и эта разношерстная толпа

среди далекой сѣверной пустыни сразу возникали передъ глазами и сразу представлялись во всей своей наготѣ. Тутъ стоялъ якутъ, тунгузъ, тутъ же и юкагиръ, и съ длинной пикой сибирскій казакъ, и рядомъ рѣзко обозначались изъ-за огня тагуированныя пестрыя лица корякскихъ женъ и за ними живописная гурьба сѣверныхъ силачей — чукчей и коряковъ.

Вотъ онъ этотъ стройный, высокаго роста дикарь-чукча, покрытый отъ горла до колѣнъ тяжелой *хукликой* или охотничьей изъ оленьей шкуры рубашкой, ловко перехваченной на талии крѣпкимъ и толстымъ ремнемъ. Рубашка оторочена внизу длиннымъ чернымъ мѣхомъ и украшена мѣстами пестрыми бусами, кусточками краснаго сафьяна и блестящими металлическими пластинками.

Мѣховые штаны и высокіе сапоги изъ тюленьей шкуры довершали все остальное въ костюмѣ, а изъ-подъ большой волчьей шапки съ наушниками рѣзко выдаются смуглыя скулы, бойкіе глаза и короткіе, черные, какъ уголь, волосы. Чукча смотритъ открыто и честно; но на лицѣ его видна какаля-то задумчивость; остальная гурьба дикарей также чѣмъ-то, должно-быть, смущена, о чемъ-то толкуетъ, машетъ руками и блестятъ передъ огнемъ ихъ длинныя пикы и большіе ножи.

— Что-то недоброе вѣщаютъ шаманы,—объясняли это смущеніе русскіе торговцы.—Ишь, какъ разбушевался,—говорятъ они, прислушиваясь къ глухимъ, заливающимся звукамъ шаманскихъ бубенъ.

— Падежъ на оленей,—предполагаютъ одни изъ торговцевъ.

— Жертвъ требуютъ идолы,—объясняютъ другіе.

— Нѣтъ, не то и не другое,—утвердительно произносятъ бывалый сибирякъ.—Жертвы они съ радостью принимаютъ, вотъ только табакъ неохотно бросаютъ при переходѣ черезъ горы. а то

родится человѣкъ — сейчасъ въ жертву оленя, умерь — опять жертва, случится ль какое несчастье или радость — все жертвы... Нѣтъ, тутъ, должно-быть, что-то особенное..

И действительно, второй ужъ день, какъ у чукчей и коряковъ, во всѣхъ почти палаткахъ приносятся жертвы, повсюду бьютъ оленей, висятъ уже кое-гдѣ на длинныхъ жердяхъ принесенныя въ жертву собаки, а тутъ вѣсть проносится и о томъ, что шаманы требуютъ

за оленьи шкуры, тѣ нынѣ ничемъ должны быть: вишь, сколько ихъ навезли и сколько бьютъ еще на эти жертвы.

— Не спускай дѣши,—повторяютъ торговцы ежечасно.

И хотя звуки шаманскихъ барабановъ или бубновъ, не умолкая, становятся свирѣпѣе и громче, но русскій чиновникъ обошелъ уже съ наибольшимъ коновоемъ всѣхъ чукчей, собралъ, какую они ему дали дань, а затѣмъ утромъ, въ день ярмарки, раздался благовѣстъ къ обѣднѣ,

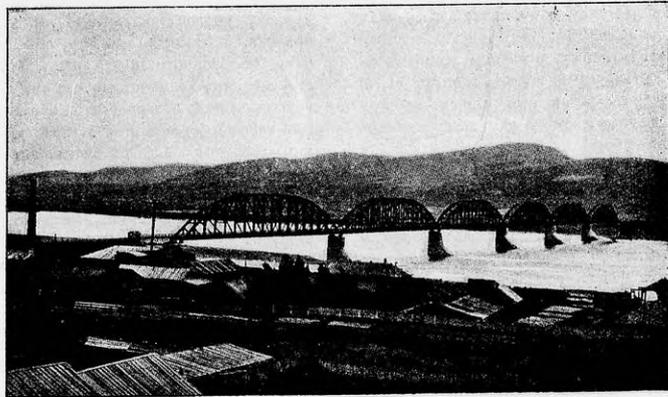

Рис. 379. Сибирь. Мостъ черезъ Енисей (4341 $\frac{1}{2}$ саж. длины, при пролетахъ въ 70 саж.).

въ жертву какого-то чукчу. Всѣ любопытствуютъ развѣдать, кого хотятъ принести въ жертву... Но колымскіе и якутскіе купцы или торговцы опредѣлили уже цѣнность своимъ товарамъ, вошли въ соглашеніе съ чукчами и коряками, и назавтра должна открыться ярмарка.

— Смотри,—говорятъ другъ другу торговцы, заинтересованные уже ярмаркой и забывшіе про жертву чукча.— Смотри, не прорывайся: цѣна намъ будетъ хорошая—16 лисьяхъ и 20 кунныхъ шкуръ положено за 2 пуда табаку,—надо держаться крѣпко, не уступать ничего

и русскіе отправились въ небольшую островную церковь. Обѣдня отошла, и на маленькой башенкѣ острога поднялся флагъ,—знакъ открытія ярмарки. Задвигались и засуетились какъ инородцы, такъ и русскіе. Чукчи, вооруженные дротиками, стрѣлами, луками, а гѣкоторые и ружьями, устанавливаютъ свои нагруженные товаромъ сани полукругомъ около крѣпости; русскіе суетятся, спѣшатъ стать противъ нихъ же. И вотъ все на время замолкаетъ, и, затанъ дыхане, всѣ ждутъ колокольнаго звона, по знаку котораго начинается торговля. Чукчи стоятъ совершенно покойно, рус-

ские жь отъ нетерпѣнія едва ужь держатся на ногахъ, и лишь только раздается вождѣлѣнный колокольный ударъ, какъ опротя они бросаются все впередъ. Нагруженные самымъ страннымъ образомъ — табакомъ, котлами, ножами, бусами и другими произведеніями, нужными для чукчей и коряковъ, они толкаются, кричатъ и падаютъ.

Вотъ одинъ торговецъ, желая быть первымъ у чукотскихъ саней, перескакиваетъ черезъ другого, тотъ сбиваетъ съ ногъ третьяго; въ одномъ мѣстѣ торговецъ растянулся на снѣгу и разодралъ все свои товары, тамъ опять какой-то потерялъ шапку, рукавицы и, несмотря на 30-градусный морозъ, летитъ сломя голову, восклавъ еще издали на русскомъ, чукотскомъ и якутскомъ языкахъ удивительную добродѣтельность своего табака и необыкновенную прочность своего котла. Чукчи же и при такой азартности все-таки молча, спокойно выжидаютъ русскихъ около своихъ саней и съ какой-то непоколебимой важною выслушиваютъ всю болтовню. Они качаютъ по временамъ головой и, нисколько не теряясь, безъ всякихъ вѣсовъ, вѣрно, на рукѣ взвѣшиваютъ табакъ, не берутъ табака, если въ пудѣ недостаетъ хоть четверти фунта, и пристально и зорко осматриваютъ все пріобрѣтенныя вещи. Тутъ чукча уличаетъ торговца въ обманъ и не беретъ недостающей по вѣсу табакъ, тамъ опять чукча замѣтилъ въ котлѣ изьянъ, въ другомъ мѣстѣ бракують ножи, волчи шкуры, и при всемъ этомъ сохраняется полнѣйшее хладнокровіе и строго слѣдится за оцѣнкой.

— Хорошъ котель, очень хорошъ, лучшаго ни у кого не найдешь! — кричитъ торговецъ.

Но чукча, отвергая котель, машетъ рукой, и торговецъ бѣжитъ къ другимъ санямъ, предлагаетъ другому чукчѣ котель и, сговариваясь, въ поспѣшности, второпяхъ, вмѣсто чернубурой лисицы хватается красную, а дальѣ опять вмѣсто

пуда табаку отдастъ два, и уже потомъ, уходя вечеромъ съ ярмарки, почесываетъ затылокъ да приговариваетъ: бѣдовый народъ, бѣдовый, — ничего съ нимъ не подѣлаешь. Нѣкоторые, впрочемъ, возвращаются совершенно довольные: кто пріобрѣлъ превосходныя медвѣжьи шкуры, моржевые ремни и клыки, кто санные полозья изъ реберъ кита, чумоданы изъ тюленьихъ шкуръ и одежду изъ шкуръ сѣверныхъ оленей, а вотъ одинъ торговецъ хвастается своимъ собраниемъ ярмарки, промышляя затѣмъ обь удачахъ завтрашняго дня; а нашъ бывалый сибирякъ-колымецъ нашель уже знакомыхъ чукчей и коряковъ, и, предлагая имъ тайный запрещенный товаръ грибомухоморы, отправился съ однимъ изъ молодыхъ торговцевъ къ корякамъ на свадьбу. Коряки, пригласившіе его на свадьбу, прѣехали на собакахъ и нисколько поэтому не чувствовали той печали, которая царствовала въ лагерѣ чукчей. Тамъ, въ бродившихъ неподалеку стадахъ, валялись олени цѣлыми десятками, и тревога, производившаяся по этому случаю шаманами, была необычайная. Чукчи записали уже шамановъ въ отдѣльный чумъ и, сомнѣваясь въ истинности вдохновенія, безпощадно били ихъ и сѣкли; но шаманы, мужественно перенося этотъ искусь, твердо стояли на своемъ и истолковывали волю злыхъ духовъ однимъ и тѣмъ же изреченіемъ: злые духи требуютъ въ жертву тѣна — предводителя чукчей.

На слѣдующій день тѣномъ былъ устроенъ олений бѣгъ на призы и военные игры. Чукчи, вооруженные луками, копьями, ружьями, въ панциряхъ изъ лютяго уса, явились на это игрище. Производила стрѣльбу и схватки на ножкахъ и копьяхъ, они представляли такое зрѣлище, въ которомъ трудно было превзойти ихъ относительно храбрости, ловкости и искусства. Побѣдители занимали во время шара почетныя, первыя

мѣста, а побѣжденные — послѣднія. По окончаніи игрища и пара тѣнъ созвалъ всехъ родныхъ и родственниковъ и объявилъ, что для общаго блага онъ приносить себя въ жертву. Чукчи отговаривали, упрашивали его, наконецъ, снова подвергали шамановъ испытанію и, снова слыша отъ нихъ то же изреченіе, что злые духи требуютъ въ жертву тѣна, молча, съ повисшими головами шку къ тѣну и убѣждали его не слушать злыхъ духовъ. Но тѣнъ, какъ истинный герой-чукча, легъ среди собравшихся друзей и родственниковъ и нанесъ себѣ глубокую рану прямо въ бокъ.

Вѣсть объ этомъ разнеслась мгновенно по всей ярмаркѣ, — пошли толки и обсужденія этого происшествія. Русскіе говорили: у чукчей и коряковъ это дѣло простое, у нихъ родится ли слабый ребенокъ — убиваютъ его, сильно больно — убиваютъ, старика и дряхлаго — тоже убиваютъ, — это имъ нипочемъ. „Сказано, — восклицали торговцы, — разбойники и душегубцы!“ Но коряки и другіе туземцы смотрѣли на это убійство съ благоговѣніемъ, а самъ тѣнъ вполне при-

знавалъ себя обязаннымъ исполнить этотъ долгъ даже и при послѣднихъ предсмертныхъ судорогахъ. Чукчи, видя его мученія, происходившія отъ неудачнаго удара, доколяли тѣна заботливой и дружеской рукою. Съ особымъ глубокомыслиемъ рассуждали они потомъ, глядя на трупъ и на большую рану, о тѣхъ мѣстахъ человѣческаго тѣла, гдѣ рана скорѣе можетъ лишитъ челоуѣка жизни, и, какъ знатоки, они порицали ударъ, который нанесъ самъ себѣ тѣнъ. До разсвѣта, всю ночь возновался весь чукотскій лагерь, и на другой день, послѣ окончанія ярмарки, чукчи обрядили покойника въ бѣлыя оления одежды, запрягли въ нарты его любимыхъ оленей и, разложивъ далеко за Островнымъ костеръ, повезли тѣна сжигать. На кострѣ вмѣстѣ съ тѣномъ положены были нарты, убитые олени, все оружіе тѣна, все его вещи, и чукчи, окруживъ костеръ, зажгли его со всехъ четырехъ сторонъ. Высоко поднялось пламя горѣвшаго костра, и чукчи думали, что душа тѣна возносится вмѣстѣ съ этимъ пламенемъ прямо на небо.

Развлеченія чукчей.

(Изъ разск. Тана).

Когда на другое утро я вышелъ изъ полога, приготовленія къ бѣгу были въ полномъ разгарѣ. Чаунчики¹⁾ и кавралны²⁾ уже прѣехали со своихъ стойбищъ. Оленные жители были тоже въ полномъ сборѣ. Кромѣ чукчей, явилось еще челоуѣвъ двадцать ламутовъ, не столько для участія въ состязаніи, сколько въ смутной надеждѣ урвать какъ-нибудь кусокъ мяса отъ щедрости или простодушія хозяевъ.

1) Чукчи, живущіе на р. Чаушъ.

2) Кавралны — бродячій челоуѣкъ. Оленные чукчи такъ называютъ тѣхъ изъ ярморскихъ, которые приходятъ къ нимъ за торговъ, или просто на поиски счастья.

Старики стояли группами у шатровъ, молодые люди озабоченно осматривали копыта оленей и полозья бѣговыхъ нартъ. Аномлюка празднично стоялъ у своего шатра. Не надѣясь на быстроту своей упряжки, онъ рѣшилъ отказаться отъ участія въ бѣгѣ.

— Ты бы не ставилъ на борьбу!.. — заговорилъ онъ сконфуженно. — Разный народъ есть, со всехъ земель... Худые люди!.. Можетъ выйти драка!..

— Нельзя не поставитъ!.. — отвѣчалъ я. — Все люди знаютъ. Станутъ приставать!

— А кто худые? — спросилъ я не безъ задней мысли. — Кэргакъ?..

— Пустое! — отвѣтилъ онъ съ неудовольствіемъ. — Умку могу я швырнуть

дальше Бѣлаго моря, пусть себѣ живеть съ медвѣдями...

Дульбундси. Имя Умки, дѣйствительно, озвначает по-чукотски бѣлаго медвѣдя.

— По-моему пусть!—продолжалъ Акомлюка. — А только Митрошки¹⁾ скажи, пусть онъ не борется! Хотя стануть тянуть за полы, хоть самъ я стану звать, пусть укрѣпится!.. Русскій!.. Худой!.. Еще опять выйдетъ смута!

Онъ имѣлъ въ виду столкновение русскихъ съ чукчами, имѣвшее мѣсто въ 1895 году на Алюйской ярмаркѣ.

Я общалъ удержатъ Митрофана отъ участія въ борьбѣ. Этынкэзу торжественно вынесъ изъ-за своего шатра связку березовыхъ жердей, провелъ черту на снѣгу, воткнулъ на чертѣ вѣтку тальника и подлѣ нея положилъ свою ставку. Я воткнулъ вѣтку немного подалше и привязалъ къ ней большой ножъ въ кожаныхъ ножнахъ, довольно грубое произведение якутскаго кузнечнаго ремесла. Третій призъ состоялъ изъ туленьей шкуры и былъ поставленъ Акомлюкой. Женщины заглажи около каждой ставки по небольшому костру и бросили въ огонь по нѣсколькx зеренъ жира. Ыздоки уже запрягали оленей. Толнигъ крѣпко подтянулся и заткнулъ за поясъ широкія полы своей кукашки.

— Ухъ!—говорилъ онъ, обращаясь къ намъ.—Я все равно вашъ землякъ, на этой землѣ одинъ съ запада. Пожелайте мнѣ счастья, чтобы я опередалъ. Они все противъ меня, носовые¹⁾ и оленные!.. Ухъ, какъ хочется обогатиться!..

Кокколи-Ятиргинъ заботливо выравнивалъ длину построюекъ и испытывалъ крѣпость ремешковъ, соединяющихъ концы ременнаго хомута.

Всѣхъ упряжекъ, желавшихъ принять участіе въ бѣгѣ, было около сорока. Къ великой утѣхѣ молодыхъ людей, вертялая Калия вывелъ и свою упряжку, желая состязаться съ мужчинами.

¹⁾ Примельцы съ Чукотскаго Носа.

Какъ только всѣ олени были запряжены, участники бѣга безъ всякаго порядка ринулись впередъ, каждый съ того мѣста, гдѣ находилась его нарта, и крупной рысью понеслись по дорогѣ, понемногу выравниваясь и вытягиваясь въ долгую линію. Черезъ двѣ минуты всѣ они уже исчезли въ глубинѣ дороги, но изъ срединъ стойбища выѣхала новая нарта, возбуждая всеобщій восторгъ зрителей. Десятилѣтняя Ванга, старшая дочь Этынкэзу, изловивъ старую важеньку¹⁾, смирную, какъ корова, запрягла ее въ полуизломанную кладовую нарту и, насажавъ глѣзую кучу ребятишекъ, выѣхала на дорогу. Важенка бѣжала мелкой рысцою, погнувъ голову и лѣвню передвигая ноги, но Ванга немилосердно дергала вожжами и махала длинной талиной, замѣнявшей бичъ. Ей во что бы то ни стало хотѣлось догнать старшихъ участниковъ бѣга, умчавшихся впередъ.

— Гото, гото, гото!—присвистывалъ Амрилькутъ.—Вотъ самые быстрые ѣдутъ! Самые лучшіе сѣзди!

Нѣсколькx самыхъ почтенныхъ стариковъ и старухъ, въ порывѣ неупержимаго восторга, бросались къ нартѣ и расхватывали ребятишекъ.

Любовь къ маленькимъ дѣтямъ составляетъ самую свѣтлую черту чукотскаго жизни и часто выражается такими бурными порывами. Ребятишки отбивались изо всѣхъ силъ.

— Отстаньте!—кричали они.—Мы топчимся. Не приставайте!..

Старикъ, однако, не слушала и таскала ихъ назадъ на стойбище.

— Чѣмъ вамъ бѣгать на оленяхъ,—говорилъ Амрилькутъ,—лучше поборитесь!.. Конечно, такіе силачи не хотятъ стоять безъ дѣла!..

— Эти пусть!—указалъ онъ на двухъ пузатыхъ мальчиковъ, похожихъ на самодвижущія связки оборванныхъ мѣховыхъ лохмотьевъ.

¹⁾ Олень-самка.

Мальчишки сѣпились тутъ же, не сходя съ дороги, и весьма добросовѣстно принялись таскать другъ друга по ухабамъ накатанныхъ колеи.

— Гэтъ, гэтъ, гэтъ!

— Гы, гы!

— Гото, гыч!

— Гото, гото, гото!

Присвистывали и притопывали зрители, болѣе увлекаея этой кукольной борьбой, чѣмъ серьезнымъ состязаніемъ взрослыхъ борцовъ.

— Ыдутъ, ѣдутъ!—закричали другіе мальчишки постарше, которые убѣжали впередъ, чтобы первыми увидѣть возвращеніе состязавшихся.

Зрители съ недоумѣніемъ стали присматриваться вдаль. На узкой полоскѣ дороги, убѣгавшей въ глубину рѣчной долины, дѣйствительно, показались два крошечныхъ облачка снѣжной пыли, быстро приближавшихся къ стойбищу.

— Мало бѣгали!—недовольнымъ тономъ сказалъ Рольтиаргинъ.—Ставка большая, надо бѣгать дальше!

Неугомонный Амрилькутъ попытался вскарабкаться на огромную кучу мерзлыхъ шкуръ, сваленныхъ у послѣдняго шатра, но она немедленно расплзлась подъ его ногами и на минуту совсѣмъ заслонила отъ его глазъ приближавшихся ѣздовковъ. Они мчались во весь опоръ, заставляя оленей напрягать послѣднія силы. Комья снѣгу такъ и летѣли изъ-подъ копытъ. Маленькія легкія нарти судорожно подпрыгивали на каждомъ ухабѣ.

— Напрасно смотрите,—вдругъ сказалъ Акомлюка.—Это не передніе!

— Ты откуда знаешь?—спросилъ я съ удивленіемъ.

— А ты думаешь, передніе олени такъ отбрасываютъ ноги?—саркастически возразилъ онъ.— Это какіе-то хромые, должно-быть, съ полдороги вернулись!..

Дѣйствительно, когда черезъ нѣсколькx минутъ нарти подсакали къ стойбищу, ѣздоки сконфуженно стали распрягать оленей къ сторонкѣ, не дотрогиваясь до ставки.

Настоящія переднія нарти показались почти черезъ полчаса. На этотъ разъ въ глубинѣ дороги появилось только одно облачко, которое мчалось съ удивительной быстротой, гораздо скорѣе двухъ раньше прѣбывавшихъ нартъ.

Рис. 380. Сибирь. Средне-Колымскъ.

Амрилькутъ опять полѣзъ на свои шкуры.

— Двѣ нарти!—сказалъ онъ увѣренно.— Толнигъ и Кокколи, больше некому.

Облачко, дѣйствительно, раздѣлилось надвое, и задняя половина постепенно начала отставать отъ передней. Сѣзди на самомъ краю горизонта появлялась длинная полоска снѣжной пыли, низко прилегавшая къ землѣ и тоже быстро катившаяся по направленію къ стойбищу. Черезъ пять минутъ весь побѣздъ былъ на виду. Толнигъ и Кокколи-Ятиргинъ, дѣйствительно, снакали во главѣ состязавшихся. Толнигъ былъ впереди всѣхъ;

его высокие поджарые олени вытягивались, как борзые собаки, и так далеко забрасывали свои длинные ноги, что задние копыта чуть не стучались о передние. Вздох сидель скорчившихся и только похлопывал вожжами. Толинг только всего гордился именно тѣмъ, что его олени не нуждаются въ ударахъ бича. Коколи-Ятиргинъ, оставши отъ него саженей на десять, напротивъ, осыпал оленей беспощадными ударами остраго костяного наконечника¹⁾. Его олени, очевидно, достигли высшей быстроты бѣга и не имѣли силъ ускорить движеніе. По лицу Амрилькута расплылась широкая улыбка. Толинг былъ женатъ на его племянницѣ и, прїѣзжая на р. Россомашью, жилъ у него на стойбищѣ.

— Наддай, Толинг!—крикнулъ онъ и, не надѣясь, что его слова будутъ услышаны, дернулъ съ головы свой широкий лисій шлыкъ и азартно замахалъ имъ въ воздухъ.

Толингъ бросилъ бѣглый взглядъ въ сторону зрителей и, привставъ на полозьяхъ, приподнялъ бичъ. Олени его рванулись впередъ и оставили Коколи-Ятиргина еще на нѣсколько саженей. Побѣда его была обезпечена. До конца бѣга оставалось не болѣе тридцати или сорока саженей. Вдругъ лѣвый олень неловко передернулъ въ воздухъ передними ногами и неожиданно воткнулся носомъ въ снѣгъ. Толингъ взмахнулъ бичомъ и на этотъ разъ ударилъ оленя съ такой силой, что кровь брызнула изъ-подъ наконечника. Олень сдѣлалъ было усиліе, чтобы рвануться впередъ, но, вмѣсто того, сталъ клониться на сторону и, наконецъ, повалился на снѣгъ, увлекая за собой другого оленя, соединеннаго съ нимъ общей короткой уздой.

Толингъ еще разъ передернулъ вожжами, потомъ хотѣлъ было соскочить съ

¹⁾ Бичъ состоитъ изъ гибкаго деревяннаго прута съ острымъ наконечникомъ изъ моржоваго зуба.

нарты и докончить состязаніе пѣшкомъ, но было уже поздно. Коколи-Ятиргинъ успѣлъ схватить главную ставку, а саади, какъ буря, налетала безпорядочная вереница бѣговыхъ нартъ.

— Ухъ! — жалобно простоналъ онъ, ударивъ себя руками по бедрамъ, и пошелъ въ сторону, не позаботившись даже распрячь своихъ бѣгуновъ, запутавшихся въ упряжи и бившихся на снѣгу. Впрочемъ, два или три подростка тотчасъ же подскочили къ его нартѣ и, осторожно распутавъ упряжь, распрягли оленей и повели ихъ къ мѣсту привязей. Лѣвый олень поднялся на ноги, и теперь, какъ ни въ чемъ не бывало, стулалъ по снѣгу вельдъ за мальчикомъ, державшимъ въ рукѣ узду.

Амрилькутъ, стоявшій рядомъ со мной, нахмурился.

— Посмотри, — сказалъ онъ мнѣ таинственно, указывая на удалявшихся оленей. — Непремѣнно напущено! Олени съсѣмъ не пристали. Безъ колдовства равнѣ упадутъ олени передъ концомъ бѣга? Чье-то злоумышленіе; тайныя слова!..

Я слушалъ его безъ удивленія, ибо мнѣ было извѣстно, какое мѣсто занимаютъ всевозможные заговоры и чары въ чукотской жизни.

Вниманіе Амрилькута тотчасъ же отвлеклось въ другую сторону. Участники бѣга продолжали прїѣзжать, то группами, то поодиночкѣ, до послѣдней минуты, стараясь блеснуть передъ зрителями быстротой своихъ упряжекъ. Вхавшие вмѣстѣ такъ усердно стремились обогнать другъ друга, какъ будто ни одна ставка еще не была взята. Къ великому утѣшенію всѣхъ зрителей, Каляя вернулась въ числѣ самыхъ первыхъ и, подлетѣвъ къ стойбищу, бойко соскочила съ нарты, круто осадивъ оленей. Ея некрасивое лицо разгорѣлось отъ холода и движенія и какъ будто преобразилось; она казалась теперь моложе и свѣжѣе; ея юркая фигура, въ одеждѣ изъ растрепан-

наго рыжаго мѣха, замелькала по стойбищу, показываясь то въ одномъ, то въ другомъ мѣстѣ.

Самые задніе вернулись шагомъ на обезсѣлвшихъ оленяхъ, еле передвигавшихъ ноги. Иные ѣхали на одномъ оленѣ, а другого вели саади на привязи. Этынькуэ, хвастливо намеревавшійся захватить собственную ставку, прїѣхалъ двадцатымъ. Единственный ламутъ, дерзнувшій вступить въ состязаніе съ чукчами, прїѣхалъ въ самомъ хвостѣ ѣдущихъ и поспѣшилъ удалиться въ сторону, избѣгая насмѣшекъ.

Калюунъ, самый удалый изъ чаунщиковъ, олени котораго взяли не одинъ призъ на разныхъ бѣгахъ отъ Чауна до Колымы, вернулся послѣднимъ. Онъ вельз за собою на длинной привязи трехъ или четырехъ оленей. То были присталые, покнутые по дорогѣ различными ѣздоками, на попеченіе того, кто будетъ ѣхать саади всѣхъ.

— О-о! — смѣялись чукчи, глядя на этого поѣздъ. — Предводитель кочевья ѣдетъ! Другъ! Другъ твой кочевой караванъ? Кочевой караванъ обыкновенно движется шагомъ.

— Близко! — отшучивался Калюунъ. — Да и стадо тутъ же. Что, мохъ найдется ли? Ваши копыта все мохъ вытоптали!.. — Что дѣлать? Олени пристали, — объяснялъ онъ потомъ зрителямъ. — Только третьяго дня прїѣхалъ съ Чауна!..

Молодые парни, собиравшіеся состязаться въ пѣшмѣ бѣгъ, уже давно сгорали отъ нетерпѣнія. Маленькій и невзрачный Келекнакъ, бѣдный родственникъ Акомлюки, проживавшій въ качествѣ пастуха при его стадахъ, подбѣжалъ ко мнѣ съ озабоченнымъ видомъ.

— Хочешь ставить, такъ ставь! — заговорилъ онъ безъ обиняковъ. — Молодые люди хотятъ бѣжать. Видишь, солнце перевалило черезъ макушку неба. До вечера еще много работы!..

Я вельзъ одному изъ своихъ спутниковъ достать обшуканную ставку.

— Только поставь побольше! — сказалъ Келекнакъ. — Далеко будемъ бѣжать! Жалко нашихъ ногъ при малой ставкѣ!..

— А тебѣ какая работа! — возразилъ я шутя. — Развѣ ты возьмешь? Твои ноги что-то коротки!..

— Пусть коротки! — возразилъ Келекнакъ утѣренно. — Все равно возьму! Ставь ставку! Замедленіе ты!..

Ставка вызвала одобреніе всѣхъ присутствующихъ. Она состояла изъ полукирпича чаю, папуши листового табачу, что представляло по южно-сибирскимъ цѣнамъ стоимостъ нежного болѣе полтинника, но мнѣ обошлось не менѣе двухъ рублей, а у окрестныхъ жителей представляло мѣновую цѣну двухъ молодыхъ оленей. Келекнакъ и его товарищи тотчасъ же стали приготовляться къ бѣгу. Они снимили обувь и верхнее платье и оставляли на себѣ только нижнюю одежду, сдѣланную изъ тонкихъ и мягкихъ шкуръ, и тонкіе мѣховые чулки, надетые шерстью внутрь, запущенные подъ шаровары и плотно затянутые шнурками вокругъ щиколотки. Въ рукахъ у каждаго были короткій и крѣпкій посохъ съ широкимъ роговымъ наконечникомъ, для того, чтобы подпираться во время бѣга. Всѣхъ участниковъ бѣга набралось человѣкъ двѣнадцать. Большая часть ихъ сгруппировалась около ставки, нѣсколько не заботясь о томъ, чтобы выровняться въ линію, и дожидаясь только, чтобы послѣдніе окончили переодѣваніе. Плотная фигура Акомлюки замѣтно выдавалась между другими.

Онъ не снялъ кукашки и только плотнѣе затянулъ поясъ вокругъ стана и неподвижно стоялъ, опираясь на посохъ, весь наклонившись впередъ и готовый каждую минуту сорваться съ мѣста. Трое молодыхъ ламутскихъ парней, тоже пожелавшихъ принять участіе въ состязаніи, тощихъ и низкорослыхъ, съ ногами, похожими на сички, вылидѣли рядомъ съ нимъ просто пигмеями.

— Какъ весенние телята возлѣ сохатаго!—самодовольно говорила чучки, поглядывая на группу молодыхъ людей. Старые ламуты, стоявшіе въ толпѣ, только поддакивали. Они слишкомъ боялись чучекъ и зависѣли отъ нихъ, чтобы защищать передъ ними свое национальное достоинство. Даже степенный Павелъ—Павель (Павель Филипповъ), капраль ¹⁾ рода Балаганчиковъ, считъ своимъ долгомъ замѣтить на ломаномъ чукотскомъ языкѣ:

— Ламуты слабѣе, ламуты мало ѣдят! Накогда ѣды нѣтъ—оттого!..

Какъ только послѣдній изъ передѣвавшихся поднялся съ земли, вся группа кинулась врасыпную, толкая и перегоняя другъ друга, но все-таки видимо, стараясь сберечь свои силы для дальнѣйшей части состязанія. Въ виду важности ставки бѣгъ предполагался далекій.— „Пока обезсилимся!“— „Пока мозги въ костяхъ не сожмется!“— говорили парни. Рѣшавшее значение, конечно, должно было принадлежать обратной половинѣ пути по направленію къ стойбищу.

Зрители стояли, не расходясь, и смотрѣли вслѣдъ убѣгавшимъ. Я сталъ искать глазами Толйна. Они стояли съ Амрилькутомъ въ сторонѣ и о чемъ-то оживленно разговаривали. Я подошелъ слушать.

— Я тебѣ опять говорю,—настаивалъ Амрилькутъ:—не гонись ты за призомъ! Ихъ умы всѣ противъ тебя! Еще испортятъ тебя, да!.. Если нельзя не состязаться, самъ останься саади, прѣзжай третьимъ или четвертымъ!.. Дай другимъ потѣшиться!..

Толйнъ упрямо тряхнулъ своими длинными серьгами.

— Скажи ему, Взипъ!—обратился ко мнѣ Амрилькутъ съ огорченнымъ видомъ. — Онъ русскихъ любить, можетъ, тебя послушаетъ!..

¹⁾ Капраль—одна изъ мелкихъ родовыхъ властей у ламутовъ.

— Я какъ стану саади оставаться?..—проворчалъ Толйнъ.— Люди хотятъ обогнать, а я стану оленей удерживать?.. Пусть колдуютъ! Мы тоже найдемъ вдохновение!..

Къ моему удивленію, Эмувиѣ не побѣждалъ вмѣстѣ съ другими.

— А ты чего?—насмѣшливо обратился къ нему Селивановъ.— А еще, говорятъ, легкой человекъ.

Эмувиѣ печально посмотрѣлъ на него.

— Худо!—сказалъ онъ со вздохомъ.— Съ утра занемогъ. Чай пилъ плохо. Ъду не ѣлъ. Теперь все тѣло дрожить!..

— Отчего заболѣлъ?—допытывался Селивановъ.

— Кто знаетъ?—отвѣтилъ Эмувиѣ уклончиво.

— Людей съ твердымъ сердцемъ слишкомъ много, мужчанъ и женщинъ!..

— Видишь!—сказалъ Селивановъ съ негодованіемъ, уразумѣвъ намекъ и обращаясь на этотъ разъ ко мнѣ.—Только у нихъ ума, чтобы портить другъ дружку. Давеча Толиновыхъ оленей, а теперь и до людей дошло!..

Каляя отыскивала меня въ толпѣ.

— Другъ,—сказала она просительно,— ты общалъ поставить и женщинамъ. Поставь поскорѣе. Я не въ силахъ дожидаться. Сами ноги такъ и убѣгаютъ. Поставь, пожалуйста! Пусть и изъ насъ кто-нибудь потѣшитъ душу, русскую ставку возьметъ!

Я поставилъ ставку и для женщинъ. Онѣ оказались гораздо азартнѣе мужчанъ и толпою бросились впередъ, не давая себѣ даже времени раздѣться и кое-какъ на бѣгу развязывая оборы и сдергивая черезъ голову мохнатыя верхніе каркеры. Толстая Вискать не преминула заутаться въ собственной волочащейся штанинѣ и тутъ же, около стойбища, ткнулась лицомъ въ снѣгъ, вызывая смѣхъ зрителей.

Вмѣстѣ со взрослыми дѣвками и молодыми бабами побѣжали и молоденькія дѣвочки, которыя не могли имѣть ника-

кой належаи добѣжать даже до половины бѣга. Маленькая Уанга тожековыляла саади всѣхъ на своихъ короткихъ ногахъ. Черезъ четверть часа женщины, въ свою очередь, потерялись изъ глазъ, раставя въ сверкающей снѣжной бѣлианѣ рѣчной долины. Ожидать возвращенія обѣихъ партій приходилось долго, ибо пѣшій бѣгъ, конечно, происходить гораздо медленнѣе оленьяго.

Этньюку посмотрѣлъ кругомъ. Акомлюки и Умки не было. Всѣ тѣ люди, столкновение которыхъ могло оказаться опаснымъ, были въ числѣ участниковъ бѣга. Въ его головѣ неожиданно родился мудрый планъ.

— Если бороться,—громко заговорилъ онъ,— надо теперь начинать. Вечеръ приближается. Когда еще окончимъ!

— Кто хочетъ бороться, пусть бѣжитъ грѣться!—заклучилъ онъ, входя въ роль хозяина.—А ты давай ставку!..

Человекъ тридцать изъ присутствующихъ, всѣ, кто были помоложе, побѣжали толпой по общей дорогѣ. Эта была первая партія состязавшихся. Этньюку, отыскивая мѣсто поровнѣе, заботливо утаптывалъ ногами снѣгъ и убиралъ прочь сучья и щепки. Люди, побѣжавшіе грѣться, тоже скрылись изъ глазъ, но вмѣсто нихъ на горизонтѣ показались нѣсколько движущихся точекъ, которыя, конечно, должны были принадлежать партіи женщинъ.

Бѣгъ молодыхъ парней долженъ былъ простираться гораздо дальше и для нихъ было еще рано появиться на полѣ зрѣнія.

Женщины постепенно приближались къ стойбищу. Онѣ растянулись въ длинную линию съ огромными промежутками и, видимо, избежали отъ усталости. Всѣ ныли ихъ ушли на стремительность первоначального порыва. Большая часть уже умала не о ставкѣ, а о томъ, чтобы какъ-нибудь добраться до стойбища. Иныя дожились лицомъ на снѣгъ и лежали неподвижно, ожидая, пока подой-

дутъ бышія позади. Только Каляя и еще одна молодая дѣвушка, лѣтъ 18, разгорѣвшаяся, какъ огонь, и выпроставшая плечи и грудь изъ широкихъ рукавовъ корсажа, еще имѣли силу бѣжать вшапку. Каляя, впрочемъ, успѣла добѣжать первая и, схвативъ чай и табакъ, бывшіе на ставкѣ, въ обѣ руки, невозможно опустилась на аемло. Лицо ея посягло отъ напряженія; растрепанныя косы были покрыты густымъ слоемъ мохнатого инея; на бровяхъ, на рѣсницахъ, вездѣ былъ бѣлый налетъ. Она хотѣла что-то сказать, но не могла выговорить ни слова и только громко и часто дышала, какъ загнанная лошадь. Дѣвушка, приближавшая саади, съ досадою сдернула свой корсажъ еще ниже и повалилась навзничъ въ сугробъ рыхлаго снѣга.

Люди, убѣжавшіе для того, чтобы согрѣться передъ борьбой, тоже возвратились. Добѣгав до мѣста борьбы, они устанавливались широкимъ кругомъ вмѣстѣ съ простыми зрителями.

Калоунъ, славившійся своимъ искусствомъ въ борьбѣ, вышелъ на средину и сдернулъ свою парную кукашку, обнажившись до пояса. Его красивый бѣлый торсъ съ выдающимися мускулами на груди и на рукахъ какъ-то странно отдѣлялся отъ неуклюжихъ мѣховыхъ штановъ, спитыхъ по обычному чукотскому покрою и потому лишенныхъ пояса и упрямо сдвигавшихся внизъ.

Шея его была украшена ожерельемъ изъ двойного ряда крупныхъ разноцвѣтныхъ стеклянныхъ бусъ.

— Ну, кто хочетъ?—сказалъ онъ, прѣсѣдая на коротки и растярая снѣгомъ свои плечи и грудь, чтобы вызвать приливъ крови къ кожѣ, защищающей отъ холода.

Долговязый молодой кавралинъ выступилъ изъ рядовъ и тоже снялъ кукашку, приготовляясь къ борьбѣ. Онъ былъ хромъ на лѣвую ногу и это помѣшало ему принять участіе въ бѣгѣ, но онъ хотѣлъ наверстать свое.

— Ты куда, Иченъ? — останавливали его зрителя, — Калюунъ тебѣ еще изломаетъ что-нибудь!

Но Иченъ не обращалъ вниманія на угрозы и всталъ въ боевую позицію, наклонивъ впередъ туловище, немного разставивъ ноги и стараясь покрѣпче утвердить на сибѣгу скользкія подошвы своихъ сапоговъ. Борьба началась.

Противники бросились другъ на друга по очереди. Одинъ стоялъ пассивно, а другой нападалъ, стараясь сбить его съ ногъ, или, по крайней мѣрѣ, стащить съ мѣста. Они безъ разбора хватили одинъ другого всей горстью за грудь, за кожу на загривкѣ, за бока, повсюду, куда только можно было впрячься крѣпкими пальцами и даже ногами. Двѣ пары рукъ, непрерывно упавая на мокрое тѣло, отскакивали съ хлопаящимъ звукомъ, похожимъ на удары вальца по мокрому бѣлью. Борцы падали на землю, перекатывались другъ черезъ друга, таскали одинъ другого въ мокромъ сибѣгу, вскакивая, расходились, присѣдали на корточки на противоположныхъ концахъ арены, натирались сибѣгомъ и снова становились въ позицію для возобновленія борьбы. Наконецъ, Калюунъ такъ хлопнулъ Ичена о твердо утоптанннй сибѣгу, что тотъ, поднявшись, началъ смущенно потирать плечи и отошелъ въ сторону, признавъ себя побѣжденнымъ. Одолѣвъ еще одного соперника, Калюунъ тоже вошелъ въ ряды для того, чтобы передохнуть; за нимъ оставалось право вступить въ единоборство съ послѣднимъ побѣдителемъ для того, чтобы испытать, кто окажется сильнѣе всѣхъ. На арену выступили новые борцы, но борьба почему-то не разгоралась. Чукчи, видимо, боялись увлекаться, очень хорошо зная, что у такихъ разнородныхъ соперниковъ, какіе были здѣсь, при первой же серьезной стычкѣ борьба можетъ обратиться въ кулачный бой и окончиться неожиданнымъ побождемъ. Когда человѣкъ десять уже перебивало на аренѣ, на-

онецъ, раздавался крикъ подростковъ, бѣгавшихъ взадъ и впередъ по стойбищу:

— Вбѣгутъ!

Борьба тотчасъ же прекратилась; смотрѣть на состязаніе бѣжавшихъ было гораздо интереснѣе. Ставку подѣлили между собою Калюунъ и еще одинъ черннй приземистый чукча, тоже свалившій двухъ человекъ.

Черезъ нѣсколько минутъ бѣжавшіе уже приближались къ стойбищу. Впередѣ всѣхъ, дѣйствительно, былъ Келеккакъ. Несмотря на десятиверстное разстояніе, оставшееся за его спиной, онъ бѣжалъ легко, рѣдкими и большими прыжками, каждый разъ закидывая впередъ посохъ и стараясь ступить какъ можно дальше вытянутымъ носкомъ ноги.

— Хорошо бѣжить, — рѣшили знатоки. — Настояція оления ноги.

Шагахъ въ двадцати за Келеккаккомъ бѣжали рядомъ Акомлюка и одинъ изъ молодыхъ ламутовъ. Ламутъ постоянно убѣгалъ впередъ, но Акомлюка снова дѣлалъ усиліе и настигалъ его, забѣгая со стороны дороги и стараясь отгѣснить его въ сибѣгу. Другіе такъ отстали, что ихъ едва можно было разглядѣть. Мало-помалу ламутъ и Акомлюка стали приближаться къ Келеккакку. Разстояніе между ними сократилось шаговъ до десяти, потомъ сдѣлалось еще меньше. Одну минуту казалось, что кто-нибудь изъ задней пары вырветъ пальму побѣды у передняго бѣгуна. Но Келеккакъ рванулся впередъ съ новой энергіей и снова оставилъ своихъ соперниковъ за спиной. Нѣсколькими широкими прыжками онъ достигъ цѣли и схватилъ призъ. Его волосы, брови и рѣдкіе усы тоже были запущены инеемъ, но онъ, повидимому, не очень усталъ.

— Куда имъ со мной состязаться? — гордо говорилъ онъ. — Я съ измалѣтства привыкъ; сутками бѣгаю за стадомъ, не разу не садясь; не знаю, что такое пологъ.

Акомлюка въ изнеможеніи опустился на нарту, стоящую у межевой черты.

— Если бъ не моя болѣзнь, — сказали онъ, съ трудомъ выговаривая слова отъ усталости, — мы бъ еще потягались. Злой духъ лишилъ меня силы. Это всѣ знаютъ.

Акомлюка, дѣйствительно, недавно оправился отъ болѣзни.

— А хочешь? — сказалъ вызывающимъ тономъ Келеккакъ, въ упоеніи побѣды, повидимому, забывшій свое зависимое положеніе. — Хочешь, опять побѣдимъ. Я готовъ пробѣжать еще столько же.

Оставшіеся зади подбѣгали одинъ за другимъ. Мой новый пріятель Ятиргинъ, несмотря на усталость, тотчасъ же освѣдомился о ставкѣ для борцовъ и былъ весьма неприятно удивленъ, узнавъ, что борьба уже окончена.

— Зачѣмъ такъ сдѣлали? — громко ропталъ онъ. — Жаль табаку. Мы развѣ не люди, что насъ не захотѣли ждаты?

Однако ропотъ его остался безъ послѣдствій. Солнце быстро спускалось на западный склонъ горизонта и для вторичнаго состязанія не оставалось времени.

Молодые подростки, не принимавшіе участія въ бѣгѣ, не желая отставать отъ старшихъ, затѣяли состязаніе въ прыганіе, воздвигая изъ жердей и изломанныхъ саней импровизированные барьеры и преграды. Прыгали они, не раздвигая ногъ, съ плотно сложенными носками, стараясь придать себѣ легкости нѣсколькими послѣдовательными прыжками и сдѣлать послѣдній рѣшительный прыжокъ возможно дальше. Неловкій обыкновенно попадалъ ногами въ средину груди деревянныхъ обломковъ и шпалителъ довольно чувствительными ушибами. Парни, немного отдохнувъ, принялись прыгать взадъ и впередъ съ такимъ увлеченіемъ, какъ будто никто изъ нихъ не участвовалъ въ недавнемъ бѣгѣ. Каждый, вновь прыгавшій, старался превзойти предшественника; предѣльная черта прыжка отодвигалась все дальше и дальше. По-

бѣдителемъ, однако, оказался не Келеккакъ и никто изъ чукотскихъ парней, а довольно пожилой ламутъ съ безобразнымъ лицомъ и ногами, искривленными отъ постояннаго сидѣнія на оленьемъ хребтѣ. Его подошвы, казалось, были сдѣланы изъ каучука; онъ легко переносился черезъ всѣ барьеры, и каждый слѣдъ, оставленный его ногами на сибѣгу послѣ предѣльнаго прыжка, былъ недостижимой цѣлью для всѣхъ чукотскихъ прыгуновъ.

Мальчишки отстали отъ взрослыхъ и, привязавъ къ верхннгу дерева длинный ремень съ лямкой на концѣ, бѣгали по кругу, забавляясь „гигантскими шагами“. Нѣсколько молодыхъ женщинъ собрались на другомъ концѣ стойбища и затѣяли своеобразное игрище, которое тотчасъ же привлекло къ себѣ вниманіе всѣхъ мужчинъ, молодыхъ и старыхъ.

Три пары самыхъ бойкихъ женщинъ встали другъ противъ друга и начали такъ называемое „городохрипѣе“, которое замѣняютъ у чукчей хоровое пѣніе и служатъ введеніемъ къ пляскѣ.

Онѣ испускали странные горловые звуки, совершенно не поддающіеся описанію, производя ихъ непрерывной смѣнной короткихъ и отрывистыхъ выдыханій и выдыханій. Казалось, какъ будто оригинальными пѣвицы изо всѣхъ силъ стараются удержать голосъ въ самой глубинѣ гортла, и каждый звукъ, все-таки выходящій наружу, стремятся снова проглотить и вернуть обратно. Сквозъ это странное хрипѣе съ трудомъ можно было уловить слова прнѣтвѣа:

„Одноглазый старикъ съ молодой дѣвкой состязались въ горлохрипѣе. А-хай, а-хай, а-хай!“ Пока у старика не выльзъ послѣдній глазъ изъ лба... „А-хай, а-хай, а-хай! А-хай, а-хай, а-хай!.. Гуня вай, гуня вай!“ — затнудли пѣвицы протяжнымъ речитативомъ.

— Мы стали безъ костей!

Начался обычный танецъ, состоявшій изъ довольно нелѣпаго топтанья на

мѣстѣ. Мальчишки тоже приняли участие въ пляскѣ. Послѣ пляски женщины завязали цѣлый рядъ разнообразныхъ игръ. Однѣ прыгали черезъ веревочку, перепрыгивая съ ноги на ногу, похлопывая мѣховыми руками въ тактъ прыжкамъ и каждый разъ задѣвая штаниной штанину. Другія пускались вразпуски „на четырехъ косякахъ“, крупно упираясь въ землю носками ногъ и кулаками выпрямленныхъ рукъ, которыя должны были оставаться все время не согнутыми. Третьи прыгали взадъ и впередъ, сжавшись въ комъ и схватившись руками за носки сапогъ, что, при массивности мѣховыхъ одѣждъ, требовало не малой ловкости. Четвертыя, наконецъ, попросту поляли на брюхѣ, вытянувъ ноги, сложенные вмѣстѣ, упираясь локтями о землю и поразительно напоминали ползущихъ червь: онѣ, дѣйствительно, имѣли въ виду подражать червямъ.

Акомлюка проявлялъ весьма живой интересъ къ женскимъ играмъ и осыпалъ участницъ шумными возгласами одобренія.

— А ты что стоишь, какъ дерево? — задорно сказалъ онъ Ятиргину. — Давай хоть поборемся, — предложилъ Акомлюка. — Зачѣмъ тебѣ стоять безъ дѣла?

Ятиргинъ тотчасъ же согласился. Несмотря на свой тщедушный видъ, онъ считался однимъ изъ самыхъ сильныхъ борцовъ въ Качетунѣ, Энурминѣ и Нэ-тэиѣ, трехъ приморскихъ поселкахъ, расположенныхъ рядомъ.

Они схватились, не снимая кулашки, и стали топтаться на мѣстѣ, стараясь половчѣе притянуть къ себѣ противника. Акомлюка нападалъ, а Ятиргинъ, сообразно обычаю борьбы, долженъ былъ ограничиваться только пассивнымъ сопротивленіемъ. Вдругъ замѣтивъ, что Акомлюка слишкомъ подался впередъ, онъ сильно отскочилъ и дернулъ за плечи противника; тотъ немедленно растинулся во всю длину, ударившись лицомъ о снѣгъ.

— Это противъ обычая! — кричалъ онъ, вскакивая на ноги. — Не твоя очередь. Вотъ я тебя еще не такъ дернулъ!

Но долговязый Энмуя удержалъ его за руки. Съ утра онъ успѣлъ оправиться и теперь сгоралъ желаніемъ испробовать свои силы.

— Я стану, — говорилъ онъ нетерпѣливо. — Ты потомъ...

Волей-неволей Акомлюка вынужденъ былъ уступить мѣсто новому претенденту.

Началась борьба между маленькимъ навалиномъ и долговязымъ оленеводомъ, который былъ выше своего противника на полторы головы, и дѣлалась очень долго безъ всякаго рѣшительнаго перевѣса въ ту или другую сторону. Энмуя два раза высоко приподнималъ Ятиргина въ своихъ огромныхъ объятіяхъ и далеко бросалъ его въ сторону, совсѣмъ наотмашь, но Ятиргинъ оба раза, какъ кошка падалъ на ноги. Съ другой стороны, всѣ уловки, изобрѣтенныя чукотской борьбой и поочередно пущенныя въ ходъ Ятиргиномъ, оказались безсильными для того, чтобъ сбить съ ногъ огромнаго представителя оленныхъ людей.

Акомлюка ни за что не хотѣлъ успокоиться.

— Моя очередь! — кричалъ онъ. — Перестань, Энмуя! Пусть я попробую...

Дюжій Умка, дѣйствительно, напомнившій фигурой бллаго медвѣдя и для довершенія сходства съ головы до ногъ облеченный въ бѣлую мѣховую одѣжду, выступилъ впередъ и неторопливо сталъ развязывать поясъ.

— Если тебѣ хочется, такъ попляшемъ со мной, — сказалъ онъ съ жесткой улыбкой на своемъ четверугольномъ, кирпично-багровомъ лицѣ съ крупнымъ носомъ и массивными челюстями.

Акомлюка на минуту смѣшался, но старики, находившіеся среди зрителей, единодушно запротестовали противъ борьбы.

— Довольно! — кричалъ Амрилькутъ. — Перестаньте на ночь! Народъ озябъ, нужно войти въ пологъ, у бабъ ужъ чай варится. Вотъ и солнце входитъ въ свой шатеръ.

Солнце, дѣйствительно, закатилось. У каждаго шатра было разведѣн огонь, и женщины суетливо перебѣгали отъ огня къ шатру и обратно, занимаясь приготовленіемъ ужина и ночлега. Всѣ полога уже были поставлены на мѣсто. Морозъ

былъ еще крѣпче, чѣмъ вчера. Молодые дѣвки мерзли и то и дѣло вскакивали въ густую струю дыма, тинущуюся отъ костра по направленію вѣтра, для того, чтобы нѣсколько согрѣть свои полуобнаженные плечи. Спутники мои давно заблизилъ въ пологъ, хотя въ только что поставленномъ чукотскомъ пологѣ, пока онъ не прогреется парами чайника и дыханіемъ ночлежниковъ, пожалуй, еще холоднѣе, чѣмъ на дворѣ.

Буряты (рис. 381).

(Изъ кн. „Народы Россіи“, изд. журн. „Природа и Люди“, и др.).

Между народами, обитающими въ Сибирѣ, буряты, по многимъ даннымъ, заслуживаютъ особеннаго вниманія. Они съ незапамятныхъ временъ населяютъ мѣстность кругомъ озера Байкала, преимущественно Иркутскую губернію и Забайкальскую область вплоть до китайской границы.

Что касается до происхожденія бурятъ, то безошибочно можно сказать, что они потомки монголовъ: это отчасти подтверждается и тѣмъ, что языкъ ихъ очень сходенъ съ языкомъ китайскихъ монголовъ, равно какъ и сходство по образу жизни указываетъ на то, что два эти народа суть только вѣтви одного и того же племени.

Буряты, живущіе къ западу отъ Байкала, болѣе или менѣе сблизились съ русскими, ведутъ болѣею частью осѣдлую жизнь. Буряты же, живущіе на востокъ отъ Байкала, напротивъ того, недобѣрчиво относятся къ русскимъ и ренносно стараются сохранить свою національность.

Буряты, подобно монголамъ, имѣютъ цѣтѣе кожи коричнево-бронзовый, лицо широкое и плоское, носъ небольшой и приплюснутый; глаза у нихъ маленькіе, косо расположенные, болѣею частью черные; уши большія и далеко отстоятъ

отъ головы; ротъ большой, борода рѣдкая; волосы на головѣ черные.

Росту буряты средняго или малаго, но крѣпко сложены. Характеръ бурятъ отличается скрытностью. Они обыкновенно миролюбивы и кротки, но злы и мстительны, когда ихъ оскорбятъ. По отношенію къ своимъ родичамъ, они сострадательны и никогда не откажутся помочь бѣдному. Несмотря на внѣшнюю грубость и неразвитость, между бурятами въ высшей степени развита любовь къ ближнему, честность и справедливость; и хотя это въ большинствѣ случаевъ ограничивается только предѣлами своей одноплусной семейно-родовой общины, но есть также между ними и такія личности, у которыхъ эти прекрасныя качества распространяются на всѣхъ людей безъ исключенія, къ какой бы они націи ни принадлежали.

По образу жизни буряты дѣлятся на осѣдлыхъ и кочевниковъ. Осѣдлыхъ бурятъ не болѣе 16-ти тысячъ. Они усвоили много русскихъ обычаевъ и мало отличаются отъ нихъ по образу жизни. Кочевники же живутъ иначе, какъ мы сейчасъ увидимъ. Что касается до общественаго быта бурятъ, то они придерживаются и понынѣ первобытной родовой общины. По широкой степи сазисами

разбросаны группы восьмиугольно-круглых юрт. Кругом жердяных загородей, а в загородах все юрты, амбары и разные другія строения, большую часть перенятая из русско-крестьянского домохозяйства, хотя часто съ оригинальными измѣненіями и особенностями самобытнаго бурятскаго мастерства.

Рис. 381. Сибирь. Забайкальскіе буряты.

Каждый улусъ обыкновенно состоитъ изъ нѣсколькихъ невысокихъ жердяныхъ загородей, представляющихъ большую частью видъ круга. Вь каждой такой загорода стоитъ одна, двѣ, три и болѣе юртъ съ разными постройками. Вь одной изъ такихъ юртъ живетъ старшій вь семьѣ бурятъ, старикъ со старухой, иногда съ какимъ-нибудь сиротами-родственниками. Вь другой, рядомъ стоящей

юртѣ живетъ сынъ этого старика съ женою и съ дѣтми. Если у старика есть еще женатые сыновья, то и они живутъ вь особыхъ юртахъ, но все вь одной и той же общей загороде, по обѣ стороны юрты отца¹⁾. У всего этого единокровнаго, семейно-родового круга, пашни, покосы, утѣги, скоть—все общее. Всѣ члены загорода работаютъ сообща. Иногда даже и обдѣляютъ вмѣстѣ; вообще, при всякой „жаренинѣ“, при всякомъ сборѣ гостей, всѣ соучаствуютъ, какъ одна семья. Далѣе, рядомъ, вблизи, вь другой подобной загороде, живутъ ближайшіе родственники главы первой группы юртъ, напримѣръ, его братья съ своими семьями, съ своимъ единокровнымъ родомъ—и тутъ опять, вь одной общей загороде посрединѣ стоитъ юрта старшаго вь родѣ, по бокамъ же стоятъ юрты его сыновей. Далѣе вь болѣе отдаленныхъ загородахъ живутъ болѣе отдаленные родственники и называемые уже „сосѣдями“. Наконецъ, наиболее отдаленные сродичи обособляются вь особый улусъ и повторяютъ ту же организацию, тотъ же строй улусной родовой общины.

Русскіе сибирскіе крестьяне говорятъ про бурятъ: „Да, у братскихъ не по-нашему, все артельно: ломоть хлѣба они раздѣляютъ всѣмъ по ровнымъ кусочкамъ, кто бы ни случился вь улусѣ“. И это, дѣйствительно, такъ: если, напримѣръ, вь какой-нибудь юртѣ закалываютъ барана, готовятъ „жаренину“, то буряты всѣхъ сосѣднихъ одноулусныхъ юртъ могутъ, не стѣняясь, ити на жаренину, какъ на общую трапезу: хозяйка дѣлаетъ мясо всѣмъ по ровнымъ кусочкамъ, жиръ—по ровнымъ частичкамъ. Надо отдать справедливость бурятамъ, что они гораздо

¹⁾ Буряты часто строятъ юрты сыновьямъ, когда послѣднимъ еще только 12 или даже 6 лѣтъ

болѣе способны къ организаци рабочахъ или промышленныхъ артелей, чѣмъ наши русскіе сибирскіе крестьяне.

Но самое замѣчательное выраженіе артельного начала представляетъ такъ называемая *аба*. „Аба“—это большая звѣропромышленная артель, бывающая не каждый годъ, а преимущественно вь хорошие, приплодные и урожайные годы. Обыкновенно съ осени собираются буряты, человекъ до 1.000—1.500 и болѣе. Всѣ обдѣваются вь лучшую одежду, берутъ

зомъ, точно ли будетъ вь немъ пудъ. По старому обычаю требуется вѣшать именно на рукѣ. Затѣмъ вся большая артель разбивается на множество мелкихъ артелей, состоящихъ каждая человекъ изъ 20. Каждая частная артель выбираетъ своего частнаго артельного старшину. Передъ отправкою на промыселъ, на абу, каждая артель оставляетъ старику—главному общему артельному старостѣ и судѣ—по одной шапкѣ, вь залогъ общей взаимной вѣрности и чест-

Рис. 382. Сибирь. Буряты за чаемъ.

съ собою лучшіе лука и стрѣлы. Каждый несетъ съ собою вь общую складчину пудъ своего лучшаго, самаго жирнаго мяса, масла, сметаны и прочаго, и все это складывается вь общій артельный запасъ. Выбираютъ всѣ изъ одного и того же рода наиболее опытнаго, всеми уважаемаго старика и назначаютъ его общимъ, главнымъ старостою и судьею артели. Старикъ этотъ, главный руководитель артели, принимаетъ отъ каждой провизію, *вмѣщаетъ ее на руки*: возьметъ передъ всѣми на руку пудъ и триестъ его на рукѣ, разузнавая такимъ обра-

ности на промыслѣ. Послѣ того всѣ мелкія артели, образуя одинъ общій, дружный артельный союзъ, отправляются вь хребты на олаву, цѣною охватывая большое пространство вь лѣсу.

Вообще, вся организаци артели основана на строжайшемъ обезпеченіи взаимной вѣрности артельщиковъ. Главный артельный староста и судья строго наблюдаетъ за согласіемъ и взаимною вѣрностью артельщиковъ. Вь случаѣ споровъ или, вообще, какого-нибудь нарушенія артельного согласія судить ихъ, разбираетъ несогласія, ссоры.

Судь переходит тогда, когда сходятся все в каком-нибудь лѣсномъ стойбищѣ. Если чуть кто изъ артели провинится въ чемъ-нибудь, то на собраніи всей артели берутъ у виновнаго шапку, кладутъ ее посрединѣ стойбища, и главный артельный староста или судья, старикъ, обращая глаза къ небу, кричать, вызываетъ къ тэнгери-бурхану, закликаетъ и обличаетъ виновнаго при всѣхъ и, наконецъ, стрѣляетъ изъ лука стрѣлою вверхъ, въ воздухъ, надъ самую шапку; если стрѣла упадетъ на шапку, значить—обвиняемый, дѣйствительно, виноватъ.

Точно такъ же, если кто-либо изъ артельщиковъ что-нибудь потеряетъ въ лѣсу, то нашедшій потерянную вещь непременно долженъ представить ее обществу артельному старостѣ. Тотъ опять на общемъ сходбищѣ артели кричать, громко спрашиваетъ, не потерялъ ли кто чего-нибудь, или чья такая-то потерянная вещь. Потерявшій вещь членъ артели выходитъ и получаетъ ее при всѣхъ.

Въ лѣсу, на абѣ, есть особые выборные артельные приготовители пищи. Если кто въ лѣсу, на артельной абѣ, или хотя даже въ частной звѣропромышленной артели, первый застрѣлитъ звѣря, то не самъ его беретъ, а отдаетъ другому для вклада въ артельный уловъ. Наконецъ все добытые звѣри между всеми артельщиками дѣлятся поровну, подъ контролемъ артельного суглана и старосты. Такова, въ общихъ чертахъ, бурятская звѣропромышленная, облавная артель, называемая *абоо*.

Хотя она нынѣ во многихъ бурятскихъ родахъ уже выходитъ изъ обычая, но все-таки буриты рассказываютъ о ней съ живымъ воспоминаніемъ, какъ о свѣщенномъ учрежденіи предковъ.

Буриты помогаютъ другъ другу въ нуждѣ, въ несчастіяхъ, въ сиротствѣ. Такъ, во всѣхъ улусныхъ общинахъ безродные сироты, бѣдные, ходятъ по юртамъ, какъ по своимъ собственнымъ

жилищамъ, и находятъ тамъ пріютъ и пропитаніе. Они могутъ сами, безъ всякаго спросу, взять, что увидятъ въ юртѣ съѣстного, и сродичи, одноулуслики, за это не гонятъ, не попрекаютъ ихъ. Даже спротивъ ясныхъ осѣдлыхъ инородцевъ буриты содержатъ на свой счетъ.

У буритъ никогда не существовало рабства; они и до сихъ поръ не нанимаютъ по рядъ въ работни своихъ же буритъ, особенно одноулуслиныхъ, однородныхъ, а нанимаютъ на сроки за условную плату русскихъ. А свои работники—бесемейные бѣдняки буриты—считаются не слугами, а равноправными членами семьи.

Во главѣ бурятскаго управленія стоитъ *тайша*, онъ же и начальникъ *степной думы* (въ родѣ нашего волостнаго управленія). Въ степной думѣ все начальствующія лица—старосты, старшины, десятники, сборщики податей и прочее—некрещеные буриты. Расходы на *сугланъ* (мирскаго схода) падаютъ на ясачныхъ, такъ называютъ крещеныхъ буритъ. Единственное богатство буритъ составляетъ скотоводство. Стада состоятъ изъ коровъ, лошадей и овецъ (овцы почти все бѣлыя съ черными головами). Стада, какъ лѣтомъ, такъ и зимою, пасутся по степи; только молодой скотъ во время суроваго времени года остается въ юртахъ вмѣстѣ съ хозяевами. Буриты почти не имѣютъ свиней и домашней птицы, для которыхъ необходимо было бы заготовлять зимніе запасы.

Забайкальскіе буриты рѣдко занимаются земледѣліемъ; но если и имѣютъ небольшія поля, то орошаютъ ихъ искусственнымъ образомъ, отчего они большею частью получаютъ хорошіе урожаи, между тѣмъ какъ русскіе часто жалуются на неурожай вслѣдствіе засухи.

Буриты же, по эту сторону Байкала, напротивъ того, много занимаются земледѣліемъ, которому они научились у русскихъ.

Главный промыселъ буритъ—скотоводство; звѣроловный промыселъ у нихъ распространенъ менѣе, чѣмъ, напримѣръ, у тунгусовъ. Что касается до занятій, то они распределены между мужчинами и женщинами такъ: мужчины присматриваютъ за пасущимся скотомъ, строятъ юрты и готовятъ хозяйственные принадлежности—стрѣлы, луки, сѣла и другія части конской сбруи. Они искусные кузнецы; сами отдѣлываютъ металлы въ маленькихъ ручныхъ печкахъ и довольно щеголевато убираютъ ими конскую сбрую. Женщины занимаются при-

ея обыкновенный видъ. Женщина, побурятски *изи*, взятая изъ чужаго дальняго рода, является въ бурятской общинѣ рабаю въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова. Она все въ юртѣ дѣлаетъ—и коровъ или кобылъ доитъ, и даруунъ, то-есть водку, гонитъ, и шубы и турски берестяные шьетъ, и войлоки вываливаетъ и прочее. *Посаганъ* же, дѣвушка, не только не раба, но пользуется особенной любовью, почетомъ, подарками, восхваляется въ пѣсняхъ, какъ подруга „*налагюра хубунъ*“—хорошихъ парней.

Рис. 383. Сибирь. Приготовленіе національнаго напитка у буритъ въ юртѣ.

готовленіемъ войлоковъ, выдѣлываніемъ кожь, плетеніемъ веревокъ изъ конскихъ волосъ, дѣлаютъ изъ жила нитки, кроютъ и шьютъ всевозможную одежду себя и мужьямъ своимъ и, какъ монголки, искусно вышиваютъ тонкіе узоры на одеждѣ и обуви.

Положеніе женщинъ у буритъ—самое печальное: въ семьѣ она чисто рабочее животное, поэтому рѣдко встрѣчаются между ними здоровыя женщины. Сморощенное лицо, костлявыя руки, неловкая походка, тупое выраженіе глазъ и грязными плетями свѣшивающіяся косы—вотъ

Жилища большей части забайкальскихъ буритъ состоятъ изъ войлочныхъ юртъ. Онѣ бываютъ отъ 15 до 25 футовъ (отъ 6 стъ половиной до 11 аршинъ) въ поперечникѣ и чаще всего имѣютъ форму островерхую. Эти юрты дѣлаются изъ жердей, воткнутыхъ въ землю, оконечности которыхъ сверху сходятся; самыя же жерди обтянуты большей частью внутри нѣсколькими рядами войлока. Наверху находится отверстие для дыма, которое можетъ быть закрыто крышкою; входъ въ юрту, представляющей низкую, часто деревянную дверь, всегда

обращенъ къ югу. Полъ этого жилища составляеть очищенная отъ травы земля, на которой стоитъ юрта; посрединѣ ея подъ отверстіемъ, сдѣланнымъ вверху, находится очагъ, обыкновенно состоящій изъ четырехугольнаго деревяннаго ящика, выложеннаго внутри глиной. По стѣнамъ идетъ возвышеніе, на которомъ спятъ обитатели юрты и стоятъ различныя хозяйственныя принадлежности, сундуки и шкапы, служащіе для хранения одежды, украшеній и прочаго; тутъ же всегда находятся небольшой жертвенный столикъ, на которомъ ставятъ изображенія боговъ, жертвенные сосуды, благовоныя свѣчи. Нынѣ большая часть бурятъ, оба пола, начали носить для нижняго бѣлья мужской крестьянскій костюмъ, то-есть рубаху и штаны русскаго покроя, у женщинъ всегда изъ синей *дабы*, а сверхъ нихъ надѣвается верхній костюмъ; иногда мужчины поверхъ лѣтней или зимней одежды надѣваютъ *куртану* (родъ кофты съ рукавами); моду эту они заимствовали у китайцевъ. Нѣкоторые буряты носятъ суконныя шинели (синія или черныя) съ разрѣзомъ назадъ для удобства при верховой ѣздѣ; покрой дыгила и шувы ламъ (духовныхъ лицъ) отъ простыхъ бурятъ отличается тѣмъ, что у первыхъ они походятъ на обыкновенный халатъ съ открытымъ воротомъ; у прочихъ же бурятъ на груди нашиты узкія полосы чернаго, краснаго или синяго сукна или плюша, въ нѣсколько рядовъ вдоль и поперекъ, соединенныхъ между собою подъ прямымъ угломъ; нашивки эта по формѣ напоминаеть чертежъ какого-нибудь карниза. Верхняя одежда стягивается въ талия кожаными или ткаными поясами, на которомъ висятъ ножъ собственнаго издѣлія, кошелекъ съ огнивомъ, кремнезъ и трутомъ и кистецъ для табаку. Буряты никогда не различаются съ небольшою металлической трубкой, называемой ганзою. Шапка или шляпа у нихъ часто украшена красной кистью, сдѣланной изъ шелку, крашенныхъ конскихъ волосъ или

изъ перьевъ. Шапки эти у богатыхъ бурятъ имѣютъ круглую форму, въ подражаніе китайскимъ. Мужчины бреютъ головы, но не часто, оставляя на верхушкѣ хохоль, который заплетаютъ косяю. Ламы же бреютъ всѣ волосы. Въ конецъ косы для красоты вилетаютъ шелковую или бумажную кисть.

Крещеные буряты стараются по возможности подражать въ костюмѣ русскимъ, за что ихъ и величаютъ *харамангутъ*, что означаетъ въ переводѣ на русскій языкъ „черный лѣшій“, такъ какъ словомъ *мамутъ* (лѣсной чортъ) буряты вихомолку называютъ русскихъ.

Женская одежда много похожа на мужскую, но только болѣе украшена (рис. 384). Такъ, напримѣръ, нафтагъ у женщинъ часто имѣетъ цвѣтную оторочку, а на спинѣ—вставки краснаго цвѣта. Чѣмъ богаче бурятка, тѣмъ болѣе на ней маржанъ въ серебряной оправѣ (красныхъ корольковъ изъ коралла), серебряныхъ привѣтъ замысловатой формы и даже серебряныхъ монетъ. Женщины отпускаютъ себѣ волосы какъ можно длиннѣе,—это считается у нихъ красотою; если волосы рѣдки, то женщины прибавляютъ къ нимъ фальшивые локоны, часто сдѣланные изъ конскихъ волосъ. Замужнія женщины заплетаютъ волосы въ двѣ толстыя косы, которая висятъ по сторонамъ головы и часто бывають соединены одна съ другой металлическими кольцами; самыя косы спрятаны бывають въ чехлахъ изъ чернаго бархата, съ украшениями изъ малахита, коралла, перламутра, серебра, латуни, раковинъ и прочаго. Кромѣ того, для наряда употребляются серьги, часто весьма большія и тяжелыя, ожерелья и перстни. На головѣ женщины носятъ уборъ, въ родѣ обруча съ маржанами, а бѣдныя—съ китайскими корольками, приготовленными изъ какой-то мягковатой массы, подъ цвѣтъ коралла, въ посеребренной или даже желтзной оправѣ; уборъ этотъ очень рѣдко снимается съ головы. Костюмъ дѣвушки от-

личается тѣмъ, что она не носитъ *уджн* (безрукавой курмы) и головного убора, которые составляютъ принадлежность костюма замужнихъ женщинъ. Общая принадлежность костюма какъ женщины, такъ и дѣвушки—красная лента черезъ плечо, вершка 2 или 2 съ половиной шириною, заязанная у пояса бантомъ и съ опущенными концами. Она надѣвается черезъ лѣвое плечо. Къ шегольству же должно отнести ручныя кольца, всегда серебряныя и притомъ массивныя; у нѣкоторыхъ на обѣихъ рукахъ можно насчитать съ полудесятка широкихъ, часто съ вырѣзанными печатями колецъ.

Дѣвушки убираютъ голову иначе, чѣмъ замужнія женщины. Онѣ заплетаютъ волосы въ множество косъ, часто до 20, которыя откидываются назадъ и доходятъ перѣдко до икръ; сверхъ того, косы эти украшаютъ онѣ кораллами, серебряными монетами, мѣдными и свинцовыми пластинками, шелковыми кисточками и прочимъ.

Женщины такъ же, какъ и мужчины, курятъ табакъ и на поясъ всегда имѣютъ трубку, кистецъ и приборъ для добыванія огня.

Пища бурятъ обуславливается ихъ кошею жизнью. Она состоитъ изъ мяса всякаго рода, преимущественно же изъ жирной баранины; молоко въ разныхъ видахъ, кипичный чай съ молокомъ или *затураномъ* ¹⁾, *сараны* ²⁾—это главная пища, а затѣмъ уже хлѣбъ. Соли буряты употребляютъ очень мало, болѣею частью только прѣбавляютъ ее для вкуса въ чай. Кромѣ соли, въ чай прибавляютъ *уджжир*, отчего чай, по ихъ мнѣнію, дѣлается мягче, вкуснѣе. Самоваръ это уже роскошь, а всегда варятъ чай на своемъ

Рис. 384. Сибирь. Бурятка въ праздничномъ нарядѣ.

очагѣ, въ чугунной чашѣ. Въ этой же чашѣ варятъ всякую пицу. Посуду не чистятъ, а такъ слегка обтираютъ какой-нибудь грязной тряпкой. Вилочъ не употребляютъ, а замѣняютъ ихъ руками. У каждаго бурята и бурятки непременно на поясъ, вмѣстѣ съ *ганзою* ¹⁾, огнивомъ, табачнымъ кисетомъ, виситъ ножъ. Этимъ ножомъ буряты, взявши кусокъ мяса въ зубы и придерживая его лѣвой рукой, правой ловко отрѣзають подлѣ самой губы, снизу вверхъ. Надо удивляться ловкости и проворству, съ какими они дѣйствуютъ этимъ ножомъ, не отрываая вмѣстѣ съ мясомъ изъ губы ни носа.

Табакъ курятъ всѣ—мужчины, женщины и даже пятилѣтніе дѣти—изъ мѣдной ганзы.

Въ прежнее время буряты почти всѣ были шаманисты и только со времени покоренія русскими и сближенія съ монголами стали принимать буддѣйскую и христіанскую религію. Шаманство—это вѣра въ добрыя и злыя силы природы. Живя среди природы и находясь въ полной завѣсности отъ всѣхъ ея явленій, буряты смотрятъ на нее, какъ на живое

¹⁾ Мука, подаренная на бараньемъ салтѣ или маслѣ.

²⁾ Луквица полевоу лиліи; конается она раніею весною и осенью; тогда она бываетъ очень сладкая; кромѣ того, осенью вынимается она изъ машинныхъ гнѣздъ; мыши запасаютъ ее на зиму.

существо, которое иметь всё человеческия качества, хороша и дурна, может точно так же, как люди, гнѣваться, мстить, любить и ненавидѣть. Каждый бурятъ долженъ приносить своимъ богамъ жертвы, иначе боги разсердятся и накажутъ его. Когда боги гнѣваются и посылаютъ бурята несчастья и неудачи, онъ спѣшитъ умиловать ихъ подарками и жертвами. Жертвы бываютъ иногда кровавыя, закалывается баранъ или какое-нибудь другое животное, устраивается пиршество при большомъ съѣздѣ народа; внутренности и часть мяса торжественно сжигаются въ честь бога, а остальное мясо варится и дѣлится между прюющими. Жертвоприношеніе совершаетъ шаманъ — бурятъ, одѣтый въ украшенную ленточками и бубенчиками одежду (рис. 385). Буряты вѣрятъ, что шаманъ имѣетъ сношеніе съ богами и можетъ ихъ видѣть. Поэтому

Рис. 385. Сибирь. Бурятскій шаманъ.

шаманы пользуются среди бурятъ большимъ почетомъ, а послѣ смерти имъ воздаютъ большія почести. По большей части шаманы — люди нервно-больные, похожіе на нашихъ кликушъ, и во время шаманства съ ними дѣлается нервный припадокъ. Чаще всего шаманы и шаманки (женщины — шаманокъ такъ же много, какъ и мужчинъ) кончаютъ жизнь свою сумасшествіемъ. Имѣть въ своей семьѣ шамана или шаманку считается бурятами за большое счастье. Шаманы бываютъ добрые и злые, смотря по тому, какихъ боговъ они призываютъ, злыхъ или добрыхъ.

Злыхъ или такъ называемыхъ черныхъ шамановъ буряты не любятъ, думая, что они приносятъ человѣку несчастья, и только въ крайнихъ случаяхъ зовутъ ихъ къ себѣ. Даже послѣ смерти черный шаманъ можетъ вредить, и поэтому ихъ хоронятъ всегда въ основномъ гробу, лицомъ внизъ и въ спину вбиваютъ осиновый колъ, послѣ чего шаманъ, по ихъ мнѣнію, безвреденъ. Шаманы совершаютъ свое богослуженіе большею частью по ночамъ, чтобы сильнѣе повліять на воображеніе слушателей. Шаманъ, ударяя въ бубенъ, чтобы изгнать злого бога, а добраго заставить себя слушать, кружится въ дикой пляскѣ вокругъ очага, испуская громкіе крики или подражая животнымъ, разговариваетъ такимъ образомъ съ богами, то умоляя ихъ о чемъ-нибудь, то приказывая имъ повиноваться ему. Во время пляски на шамана бываетъ страшно глядѣть: глаза его наливаются кровью, изо рта идетъ пѣна, и, наконецъ, обезсилѣвъ, онъ падаетъ въ страшныхъ корчахъ на землю. Богослуженіе считается законченнымъ, а въ тѣхъ бессмысленныхъ фразахъ, которыя выкрикивалъ шаманъ во время своей безумной пляски, буряты видятъ рѣшеніе или предсказаніе своей судьбы. Послѣ каждаго шаманства шаманъ долгое время не можетъ прийти въ себя. Жертвоприношенія у бурятъ бываютъ двухъ родовъ — общественныя и частныя. Общ-

ественныя бываютъ тогда, когда цѣлое общество въ нѣсколько сотъ, а иногда тысячъ человѣкъ собирается вмѣстѣ и умоляетъ о чемъ-нибудь или благодарить боговъ. Такія богослуженія бываютъ обыкновенно раза 2 въ годъ — при встрѣчѣ весны и осенью по окончании полевыхъ работъ. Сопровождаются они играми, плясками, борьбой и, вообще, состязаніями всякаго рода. Частныя же богослуженія совершаются по желанію какого-нибудь одного семейства, съ которыми случилось несчастье, — болѣзнъ ребенка или кого-нибудь изъ членовъ

Кромѣ главныхъ боговъ, тэнгри, есть еще боги второстепенные, посредники между богами и людьми, гнѣто въ родѣ нашихъ ангеловъ; они называются „хатами“. По преданію бурятъ, богъ Бурханъ создалъ прежде всего міръ невидимый, т.-е. хатовъ, а потомъ уже землю и людей. Кромѣ тэнгри и хатовъ, есть еще домашніе боги, онгоны, покровители семейнаго очага, скота, здоровья, игръ, промысла и пр. Для этихъ онгоновъ буряты устраиваютъ возлѣ своихъ жилищъ особаго рода деревянные ящики, въ родѣ нашихъ скворечницъ, въ надеждѣ, что

Рис. 386. Сибирь. Буддискій лаянъ въ Забайкальской области.

семьи, падежъ скота и пр. Буряты вѣрятъ, что всѣ ихъ несчастья происходятъ оттого, что въ ихъ жилищѣ поселился злобный духъ, и чтобы выгнать его, они зовутъ шамана.

Боговъ у бурятъ очень много; они видятъ ихъ всюду — боги населяютъ землю, горы, лѣса, моря, рѣки, камни, небо. Боги раздѣляются на нѣсколько разрядовъ; всѣ они носятъ общее названіе „тэнгри“. Живутъ они точно такъ же, какъ люди, сорятся и дерутся между собой, женятся и выходятъ замужъ; объ ихъ жизни рассказываютъ шаманы во время богослуженія. Самымъ главнымъ богомъ считается у нихъ богъ неба, отъ котораго исходитъ все благо, — тепло, влага и свѣтъ, дающие жизнь всему на землѣ. Его называютъ отцомъ людей.

Въ этихъ ящикахъ будутъ жить онгоны, или съ тою же цѣлью вѣшаютъ внутри юртъ особые мѣшечки, часто, напримѣръ, надъ колыбелью ребенка, чтобы онгонъ охранялъ его. Онгонамъ тоже приносятъ жертвы, которая, главнымъ образомъ, состоитъ въ томъ, что въ честь ихъ сжигаютъ масло. У каждаго, даже самаго бѣднаго буряты въ юртѣ на лучшемъ мѣстѣ устроена божница съ нѣсколькими бурханами, т.-е. фигурками боговъ, или же съ изображеніями этихъ боговъ на картинкахъ. Такимъ образомъ и бурханамъ буряты приносятъ жертвы и молятся. По мнѣнію бурятъ, боги ихъ могутъ превращаться въ звѣрей, птицъ, или принимать на себя образъ шамана.

Теперь шаманство среди бурятъ считается все меньше и меньше, такъ

какъ съ каждымъ годомъ распространяется буддизмъ и христіанство. Всего бурятъ 270 тысячъ, а шаманистовъ изъ нихъ только 70 тысячъ. Христіанство къ бурятамъ прививается довольно туго. Еще въ XVII вѣкѣ прибѣжали къ нимъ англійскіе христіанскіе мисіонеры, но дѣятельность ихъ была не особенно успѣшна. Русскіе, завоевавъ Сибирь, также прислали своихъ священниковъ для обращенія бурятъ въ христіанство. Въсплѣдствіи здѣсь учредили первую епархію и прислали епископа, которому предписано было смягчать и исправлять нравы бурятъ, такъ какъ, по донесенію одной грамоты, нравы ихъ были очень распущены. Этотъ епископъ сталъ первый вести лѣтопись, т. е. записывать всѣ событія, и изъ нея мы узнали, что тогда дѣлалось. Чтобы укрѣпить христіанство, начали строить монастыри. Для привлеченія бурятъ къ христіанской вѣрѣ крестившимся давали даромъ рубашку, крестъ и немного денегъ; ради этого многіе приходили и крестились, иногда даже по нѣскольку разъ, но вѣры своей въ сущности не мѣняли и оставались тѣми же шаманистами или буддистами, каковыми были до крещенія.

Больше же всего между бурятами буддистовъ; вѣру эту они заимствовали у монголовъ. Буддѣйская религія учитъ, что все на землѣ суета и ничтожество и что человѣкъ, елико онъ хочетъ достигнуть успокоенія и счастья, долженъ отказаться отъ всѣхъ земныхъ желаній и быть господиномъ своихъ страстей. По ученію буддистовъ, душа человѣка послѣ смерти, если онъ былъ добродѣтельный, переселяется въ тѣло какого-нибудь святаго или знатнаго человѣка; если же онъ былъ порочный, то душа его переселяется въ тѣло такого животнаго, на которое онъ походилъ своими пороками, — злой превращается въ волка, грубой, неблагодарный — въ свинью и такъ далѣе. Главное божество у буддистовъ — ихъ учитель, индійскій принцъ Будда или

Сакиа-Муни, который жилъ за много лѣтъ до Рождества Христова; былъ онъ богатъ и знатенъ, но, узнавъ, какъ много на свѣтѣ горя, бросилъ все — и богатство и почести — и пошелъ нищимъ странствовать. Черезъ нѣсколько лѣтъ онъ сталъ учить народъ, что всѣ земныя радости — суета, что человѣкъ не долженъ привязываться къ земнымъ благамъ. Послѣ смерти Будда воскресъ и вознесся на небо и послѣ этого приходилъ нѣсколько разъ на землю и принималъ на себя образъ человѣка. Священникъ буддистовъ называется лама, а самый главный изъ нихъ — Далай-Лама; онъ живетъ въ Тибетѣ, и ему поклоняются, какъ божеству. У бурятъ главный лама называется Хамбо-Лама. Вообще, духовенства у буддистовъ очень много, почти въ каждомъ домѣ одного изъ сыновей назначаютъ быть ламой. Очень немногіе изъ ламъ живутъ въ монастыряхъ и занимаются исключительно богослуженіемъ; большинство изъ нихъ живутъ въ міру и занимаются такой же работой, какъ всѣ міряне. Посвященіе въ ламы происходитъ обыкновенно такимъ образомъ: родители выбираютъ кого-нибудь изъ своихъ сыновей, чтобы онъ сдѣлался со временемъ ламой. Чаще всего это бываетъ совсѣмъ маленький мальчикъ, лѣтъ 6—8. Въ домѣ родителей устраивается угощеніе, собираются нѣсколько ламъ, и главный изъ нихъ, задавъ мальчику нѣкоторые вопросы, посвящаетъ его. Это первое посвященіе не имѣетъ большого значенія, и посвященный дѣти отличаются отъ непосвященныхъ только тѣмъ, что носятъ желтое платье и красную ленту черезъ плечо. Черезъ нѣкоторое время происходитъ второе посвященіе въ первый монашескій чинъ, послѣ чего ребенокъ все-таки остается въ домѣ родителей и воспитывается, какъ прочія дѣти, съ той только разницей, что его никогда не наказываютъ и исполняютъ всѣ его прихоти, вслѣдствіе чего всѣ маленькіе ламы бываютъ капризны и своевольны. Лѣтъ

двѣнадцати ихъ отвозятъ въ буддѣйскій монастырь, гдѣ для нихъ начинается строгая жизнь. Но изъ этихъ дѣтей очень немногія сравнительно доучиваются до званія ламы (рис. 387).

Каждый лама долженъ знать тибетскій языкъ, который считается священнымъ нарѣчіемъ, ибо всѣ священныя книги, хотя бы и написанныя на монгольскомъ языкѣ, переведены съ тибетскихъ. Ламы воспрещено вступать въ бракъ. Они имѣютъ громадное вліяніе на свою паству и, пользуясь этимъ, нерѣдко са-

нима Николая). При входѣ въ храмъ бурята идутъ къ продавцу свѣчей и, набравъ ихъ столько, сколько можетъ помѣститься въ рукѣ, отправляются къ празднуемой иконѣ. Здѣсь они падаютъ ницъ со сложенными на чело ладонями, читаютъ обыкновенно „омъ-манибаумъ“, что значитъ „Господи помилуй“, съ обращеніемъ „хутухту Никола“ (святый Николай); затѣмъ они наперерывъ спѣшаютъ къ подвѣшечку, чтобы вознестъ свои свѣчи. Затѣмъ опять читается та же молитва съ ушачеными поклонами. Этого

Рис. 387. Сибирь. Бурятскіе ламы.

мымъ безсовѣстнымъ образомъ эксплуатировать бѣдныхъ бурятъ и не мало препятствуютъ сближенію ихъ съ русскими. Кромѣ своихъ языческихъ праздниковъ, бурята празднуютъ день св. Николая съ меньшей торжественностью. У забайкальскихъ жителей сильно распространено чествованіе св. Николая, равно какъ и св. Иннокентія иркутскаго. Особенно чтутъ бурята св. Николая въ дни памяти этого угодника 6 декабря и 9 мая. 9 мая, разряженные пестро и роскошно, старые и малые, мужчины верхомъ на лошадахъ, бурята несутся къ православному храму поклониться „Михолъ“ (они иначе не могутъ пропнести

мало: нѣкоторые достаточные бурята бросаютъ къ подножію иконы мѣдныя и серебряныя монеты, каковыми жертвами стараются низвести благословеніе святаго на себя и на свой скотъ, который составляетъ главный предметъ заботъ ихъ, такъ какъ въ немъ заключается все ихъ богатство.

Послѣ праздничнаго богослуженія начинается гулянье, во время котораго горѣлка льется рѣкою. Бурята чуть ли не съ молокомъ матери всасываютъ страсть къ водкѣ и готовы пить ее во всякое время, а въ такой день, какъ праздникъ св. Николая, они считаютъ даже какъ бы грѣшнымъ для себя не выпить лиш-

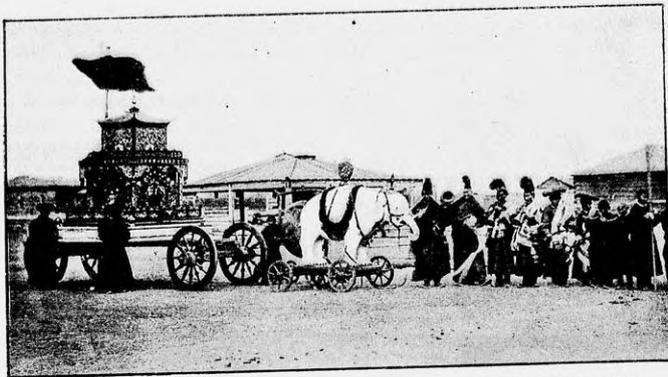

Рис. 388. Сибирь. Процессия во время бурятского праздника „Сумэ Маидари бурханъ“.

ней чашки *араки*. Буряты не пьют из рюмокъ, а изъ красныхъ деревянныхъ чашекъ (алга), вывозимыхъ изъ Китая, которая по формѣ своей похожа на наши блюда. Въ такой чашкѣ можетъ вѣститься отъ 3 до 5 нашихъ рюмокъ; чашка бурята осушается всегда залпомъ въ два приема. Тостовъ у нихъ не бываетъ; простое „мэнду“ (здравствуй, будь здоровъ) произносится передъ питьемъ каждой чашки араки. Если праздникъ бываетъ у русскихъ, то визитъ дѣлается бурятамъ, и наоборотъ. Но такъ какъ св. Николай чувствуется какъ русскими, такъ и бурятами, то празднество въ честь этого святого бываетъ общее. Что касается до питья водки, то русскій валится съ четырехъ чашекъ, а буряты, истребивши водки вдвое болѣе, — никогда, и какъ бы онъ ни былъ пьянъ, ему лиха бѣда дотачиться до своей лошади, на которой онъ, безстрашно качаясь изъ стороны въ сторону, но не теряя равновѣсія, несется къ своимъ юртамъ. Дома объявляется женѣ о прибытіи гостей, начинаются приготовления — и черезъ нѣсколько часовъ въ юртѣ идетъ пиръ на славу. Такъ встрѣчается и провожается

праздникъ св. Николая забайкальскими бурятами.

При рожденіи ребенка въ бурятской семьѣ соблюдаются слѣдующіе обряды: родитель, приглашая къ себѣ ламу, просить его сдѣлаться *найджемъ*, то-есть духовнымъ наставникомъ новорожденнаго младенца. Лама, рассмотрѣвъ астрономическія буддйскія книги, говоритъ, напримеръ: „сынъ родился въ лѣто древеснаго коня, имѣющаго 4-й зеленый родимый знакъ мынгъ“¹⁾. Потомъ назначаетъ ему имя, и со дня рожденія его въ продолженіе одного года читаетъ разныя книги, между прочимъ Банзаракца, чтобы быть новорожденному долгодѣтельнымъ и добродѣтельнымъ.

Буряты допускаютъ многоженство, но этимъ пользуются только зажиточные. Вторая жена должна во всемъ повиноваться первой женѣ, какъ матери, и этимъ самымъ не нарушается миръ домашняго очага. Часто буряты высватываютъ невѣсть своимъ сыновьямъ, когда тѣ находятся еще въ малолѣтствѣ, а это впо-

¹⁾ Мынгъ — девять знаковъ, означающихъ качества лѣтъ и дней въ буддйскихъ календаряхъ.

слѣдствіи вѣдетъ къ ссорамъ и разводамъ.

Женившійся обязанъ выплатить отцу невѣсты *калымъ*, преимущественно скотомъ. Плата эта, смотря по знанію и состоянію родителей невѣсты, бываетъ иногда очень велика и уплачивается нѣсколько лѣтъ. Въ случаѣ развода калымъ возвращается, и это служитъ поводомъ къ нескончаемымъ тяжбамъ. Случается и такъ, что воруютъ замужнихъ женщинъ, конечно, съ ихъ согласія, — и тогда новая тяжба. Кровавой мести нѣтъ у бурятовъ, и все можетъ кончиться сдѣлкой, если только обѣ стороны сойдутся въ условіяхъ.

Ламы занимаютъ, помимо своей духовной обязанности, лѣченіемъ тѣлесныхъ недуговъ; иногда къ ихъ помощи прибѣгаютъ и русскіе.

Будучи знакомы съ народной медициной, они иногда лѣчатъ удачно, но не задумываются также и въ случаѣ неудачнаго лѣченія; тогда они прибѣгаютъ къ всевозможному шарлатанству: и къ отчитыванію, и къ напотьиванію, и къ разнаго рода заклинаніямъ. Чѣмъ богаче больной, тѣмъ болѣе усердствуютъ ламы

въ шарлатанствѣ. Но когда, несмотря ни на какія ихъ штучки, для страждущаго наступаетъ послѣдній конецъ его жизни, ламы оставляютъ бездушный трупъ и передаютъ его поченію родныхъ. Тѣло покойника обертываютъ кускомъ дабы, а лицо закрываютъ хадакомъ, согнувъ ноги покойнаго и приложивъ правую руку къ уху, стараются придать ему видъ уснуващаго. Потомъ сваливаютъ трупъ въ уголь юрты и набрасываютъ сверху тулупъ, а передъ бурханами зажигаютъ курительныя свѣчи. Главный лама отыскиваетъ въ священныхъ книгахъ, когда слѣдуетъ назначить день и часъ для погребенія. Мало того, онъ опредѣляетъ, какимъ образомъ долженъ быть погребенъ покойникъ, то-есть бросить ли его въ воду или въ лѣсъ, сжечь ли его, или просто закопать въ землю. Послѣ того лама со всею своею прелюбою идетъ на кладбище, чтобы назначить мѣсто для могилы. Кладбища буряты бываютъ большей частью поблизости ихъ кочевья, въ увалахъ на холмистой мѣстности... Маленькихъ же дѣтей хоронятъ иногда подлѣ юртъ; значительныхъ бурятовъ и ламъ въ особенности —

Рис. 389. Сибирь. Озеро Байкаль. Село Лиственничное.

на пригорках и возвышенных холмах. Тѣла ламъ иногда сжигаютъ и пепель въ глиняномъ сосудѣ ставятъ въ небольшихъ часовняхъ, построенныхъ изъ дерева, на вершинѣ холма или горы. По прибытіи ламы на кладбище онѣ отыскиваетъ то мѣсто, на которомъ, по указаніямъ священныхъ книгъ, должна быть вырыта могила для усопшаго. Тогда съ особенными молитвами онѣ беретъ конецъ шнура, привязаннаго за голову лагушки, которую онѣ тащитъ по землѣ; другой лама слѣдъ ея обозначаетъ рогами, навязываемымъ орономъ, а третій углубляетъ

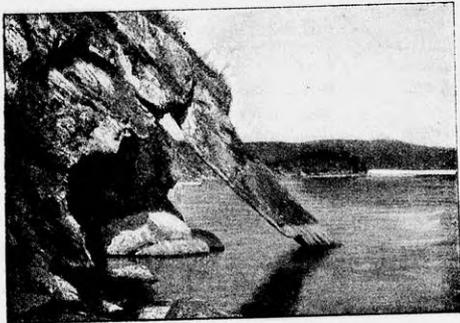

Рис. 390. Сибирь. Скала Хоботь на Байкаль.

четру остриемъ копья или стрѣлы. Очертивъ такимъ образомъ пространство земли для будущей могилы, главный лама беретъ связку моделей желѣзныхъ инструментовъ, употребляемыхъ бурятами въ ихъ домашнемъ быту, какъ-то: сошника, заступы, топора, ножа, иглы и прочаго, и каждымъ изъ нихъ ковыряетъ землю внутри обозначенной черты. Положеніе могилы всегда бываетъ съ востока на западъ, и покойника кладутъ головою на западъ, такъ, чтобы лучи восходящаго солнца падали прямо въ глаза усопшаго. Могилу роютъ не глубоко, едва только чтобы помѣстить гробъ; это, вообще, дѣлается на томъ основаніи, что у ламъ существуетъ повѣрье, требующее, чтобы

тѣло покойника съѣли дликіе звѣри и хищныя птицы, иначе мертвецъ встаетъ и будетъ тревожить родныхъ, являясь ночью въ ихъ юрты. Ламы по возвращеніи съ кладбища усаживаются въ юртѣ покойнаго и возобновляютъ безконечный гурумъ (то-есть молебствіе), который продолжается до той минуты, когда вынесутъ тѣло покойнаго на кладбище, что иногда тянется до семи дней. И тогда какъ одни пьютъ, пьютъ и дѣлать безъ усталости, другіе готовятъ необходимую принадлежность для могилы. Изъ нихъ главныя—это лоскуты разноцвѣт-

ныхъ матерій; эти лоскуты матерій ламы развѣшиваютъ по веревкамъ, свитымъ изъ конского волоса, натянутымъ между длинныхъ кольевъ, вбитыхъ кругомъ могилы. За могилу богатый бурятъ платитъ 81 барана; человекъ средняго состоянія—21, даже самый бѣдный не получаетъ могилы даромъ. За погребеніемъ слѣдуетъ длинный рядъ поманокъ и жертвоприношеній. У зажиточныхъ людей справляются онѣ въ течение 49 дней, поутру, въ полдень и вечеромъ а люди съ малымъ состо-

яніемъ обязаны исполнить этотъ обрядъ по крайней мѣрѣ три раза: въ 3, 7 и 49 день. При этомъ поставляется за правило, чтобы первая жертва была принесена за три шага отъ юрты, вторая—за шесть, и такъ далѣе. Жертвенное животное дѣлится на многія части, и одна изъ нихъ поступаетъ на долю души покойника и сжигается. Остальными частями пользуются ламы. Сверхъ того, они получаютъ по животному за каждый совершенный ими обрядъ и общую благодарность за всѣ труды при поминкахъ. Какъ ни тяжки условія, но семейство покойнаго бываетъ радо, если только этимъ отдѣливается.

По совершеніи религіознаго обряда родные дѣлаютъ пиръ и угощаютъ прѣз-

жихъ гостей. Надъ могилою умершаго ставятъ надгробный памятникъ (деревянный срубъ). Памятникъ этотъ окрашиваютъ краской и вырѣзываютъ на немъ разныя молитвы на тибетскомъ или монгольскомъ языкѣ. Памятникъ обшиваются кругомъ разноцвѣтными лоскутками, съ написанными на нихъ молитвами, для успокоенія души умершаго. Украшеніе памятника зависитъ отъ состоянія. За погребеніе ламамъ даютъ, смотря по состоянію: богатые отдаютъ шубу покойника, лошадь, до 10 головъ разнаго скота, также даютъ и деньгами. Бѣдные даютъ кто что можетъ. Родные поминуютъ умершаго ежегодно въ полнолуніе бѣлаго мѣсяца (на полнолуніе каждаго мѣсяца у ламайтовъ бываетъ полное служеніе по ихъ вѣрѣ) и дѣлаютъ поминки по покойномъ.

Нерѣдко ламы-гайновидцы, руководимые священными книгами, объявляютъ родственникамъ, что душа покойника, будучи чѣмъ-то недовольна, направила полетъ свой на чужую сторону и тамъ ищетъ сближенія съ душою избраннаго ею человека, или настоятельно требуетъ къ себѣ душу одного изъ родственниковъ своихъ, и ея только переселеніемъ можетъ быть успокоена въ новомъ мірѣ. При роковомъ этомъ объявленіи начинаются новыя жертвоприношенія, новыя испуски, новыя обѣты и гурумы, пожирающие все добытое тяжелымъ трудомъ имущество кочевника-бурята.

Остается сказать нѣсколько словъ о забавахъ бурятъ. Буряты—страстные охотники до картежной игры; иногда они совершенно разоряются, благодаря этой страсти. Играютъ они въ три листика и въ монгольскіе дурочки. За неизмѣнимъ картъ прибѣгаютъ къ старинной національной игрѣ въ *шайаки* (баранья лодыжки). Кости эти, взявъ въ руку, бросаютъ на полъ и по расположенію ихъ заключаютъ, по принятому въ игрѣ условію, о выигрышѣ или проигрышѣ.

Въ улусахъ въ лѣтнее время, особенно во время праздниковъ, устраивается

борьба, лошадиные бѣга, стрѣльба изъ лука. Знать бурятская сидитъ на войлокахъ, поджавши ноги и пошивая *арахи*, а охотники стараются передъ ними отличиться. Отличившимся выдается небольшая награда въ видѣ бумажнаго платка, полукиршича чаю, цѣлковый и прочее. Но тутъ болѣе всего дѣйствуетъ самолюбіе и гордость побѣдителя, на котораго обращаются взоры степныхъ красавицъ, передъ которыми онъ рисуетъ по-своему. Для борьбы бойцы выходятъ совершенно нагими. Бойцы, какъ пѣтухи, косятся другъ на друга, подходятъ медленно, потирая руки землею, которую время отъ времени схватываютъ съ полу,

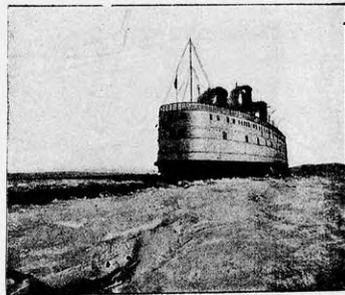

Рис. 391. Сибирь. Ледоколъ „Байкаль“.

и затѣмъ, улучивъ минуту, когда противникъ проглаголетъ, кидаются на него, схватываются съ нимъ, стараются неожиданно сбить его съ ногъ сразу. Но если противники равновильны, то борьба продолжается очень долго. Потъ лезетъ градомъ, кости хрустятъ, жилы напрягаются, и, наконецъ, обезсиленный, запыхавшійся борецъ въ изнеможеніи падаетъ,—и противникъ, вставая съ него, торжественно окидываетъ взоромъ собраніе и медленно идетъ къ своей одеждѣ. Ему подносятъ арани и подзываютъ къ себѣ старики, чтобы похвалить, а иногда дать небольшой подарокъ. Противникъ при общемъ смѣхѣ исчезаетъ съ арены, но все-таки

приходится работать на свежем воздухе, есть здоровую пищу, тунгусы доживают до глубокой старости.

Оружие, с которым они отправляются на зверя, очень просто: это или лук, из которого стреляют стрелами, или рогатина, с которой они идут на медведя, а то просто устраивают загороди на лося, на оленя и на других животных. Ходят они на охоту и с винтовкой.

Трудно жить такому бродячему народу, как тунгусы: если мало зверя ему встретится или не удастся поймать много рыбы—тунгусу приходится голодать; а еще хуже стало тунгусам с тех пор, как в Амурском крае, в их родных местах, поселились русские и стали истреблять зверей. Поэтому тунгусов с каждым годом становится все меньше и меньше, они вымирают. Русские купцы обманывают их, беря с них иногда за бутылку водки или за несколько пуговиц дорогую звериную шкуру.

Кроме тунгусов, из других инородцев в Амурском крае живут орононы (рис. 395 и 396). Лицом они очень похожи на тунгусов и жизнь ведут почти такую же: кочуют со своими шалашами с места на место и охотятся на зверей. Орононы очень нечистоплотны: они едят, например, мясо животных, околѣвших от какой-нибудь болѣзни. Лѣтом, пока река свободна ото льда, они занимаются рыбной ловлей, и в это время их главная пища—рыба. Когда же наступает зима и мех животных становится пушистым и ценится дороже, они идут на охоту.

Орононы очень честны, и воровство считается у них страшным преступлением: вора обыкновенно немедленно выгоняют. Муж в своем доме дѣлает, что хочет; жена у него работница, она не смеет ослушаться мужа и должна исполнять дома все тяжелыя мужскія работы: она ходит за скотом, рубит дрова,

устанавливает жилище, она же смотрит за дѣтьми.

В Амурском крае живут еще так называемые мангры. Они говорят языком, очень похожим на язык орононов. Живут они в шалашах и юртах. Их одежда похожа немного на китайскую и дѣлается часто из китайской материи: это длинный халат, сверт которого надѣвается безрукавка, зимой же во время холодов они носят еще китайскую шубу, обращенную мехом наружу, и подпоясываются поясом из ремешков или конских волос. Внизу у них, как и у тунгусов, короткіе штаны, а на головѣ китайская шапочка. Свои волосы мангры, как и китайцы, заплетают в косы. Женская одежда почти такая же, как и мужская, только халат немного длиннее и больше раскрашен. Мужчины занимаются рыбной ловлей и охотой, при чем концы своих стрѣл они отравляют гнилым жиром; от этого мясо убитаго животного имѣет запах гнили, мангры же едят это мясо с удовольствіем. На женщинъ лежить гораздо больше работ; она наполняет дома все мужскія дѣла: ухаживает за домашним скотом, сбѣлает лошадей, дѣлает сѣти, носит дрова.

В Амурском крае еще живут голды, которые ведут не кочевую жизнь, а полусѣдлую, то-есть живут на одном и том же мѣстѣ, пока им не станет здѣсь плохо, тогда они покидают его и выбирают новое. Живут они не в шалашах, как кочевые народы, и не в настоящих избах, как осѣдые, а в жилищах, которыя представляют среднее между тѣм и другим: это мазанки, сдѣланныя из сучьев и смазанная глиной; при каждой такой мазанкѣ есть огород, гдѣ можно увидѣть кукурузу, тыкву, чеснок и разные овощи; поэтому, кроме мясной пищи и рыбы, голды едят еще овощи. Среди этого народа очень распространено пьянство

Кроме инородцев, ведущих кочевую образ жизни, в Амурском крае есть инородцы, которые живут осѣдло, то есть в постоянных селенях, едят хлѣб и разводять скот. Это китайцы и корейцы.

Китайцы живут приблизительно по среднему течению реки Амура, недалеко от города Благовѣщенска. Их деревни бывают обыкновенно раскинуты на большое разстояніе, потому что каждая фанза (такъ называются их домики) окружена садомъ и огородомъ. Китайцы очень трудолюбивы, и лѣтемъ они съ утра до вечера работают в полѣ. Благодаря той заботливости, с которой они обрабатывают свои поля, у нихъ бывают очень хорошіе урожаи. Они едят свои хлѣб на грядкахъ, какъ овощи в огородѣ; это дѣлается для того, чтобы земля скорѣе высыхала и освобождалась отъ воды, накопленной отъ постоянныхъ дождей. Такимъ образомъ хлѣбъ спасается отъ загниванія. Почти всю полевою работу справляютъ мужчины, они же жнутъ созрѣвшій хлѣбъ. Женщина работает дома и на огородѣ. Огороды у нихъ содержатся всегда очень хорошо и служатъ большимъ подспорьемъ въ хозяйствѣ. Но надо сказать, что живутъ китайцы грязно; ихъ фанзы закопчены и

Рис. 395. Сибирь (Амурскій край). Оронокъ.

и куренье табаку, при чем курятъ и женщины и дѣти.

По нижнему течению Амура живут гилыки (рис. 398 и 399). Тамъ и сямъ разбросаны ихъ дереушки по берегамъ Амура. Живя на берегу реки, гилыки ловятъ рыбу, которой запасаются на цѣлый годъ; надо сказать, что гилыки сушатъ рыбу около своихъ жилищъ, тутъ же они ее и чистятъ; рыбные отбросы гниютъ и заражаютъ воздухъ. Жилища гилыковъ также очень грязны; они полны дыма отъ табаку, который курятъ не только женщины, но и

дѣти, и отъ очага, разложеннаго посреди землянки. Настоящихъ трубъ, которыя бы выводили весь дымъ наружу, нѣтъ, поэтому почти весь дымъ остается въ избѣ.

У гилыковъ допускается многоженство, такъ что богатые имѣютъ обыкновенно нѣсколько женъ. Гилыки вѣрятъ въ добрыхъ и злыхъ духовъ и поклоняются идоламъ, которыхъ вырѣзываютъ изъ дерева. Покойниковъ они сжигаютъ и оставшіяся отъ нихъ пепелъ вмѣстѣ со всеми вещами покойнаго зарываютъ въ лѣсу.

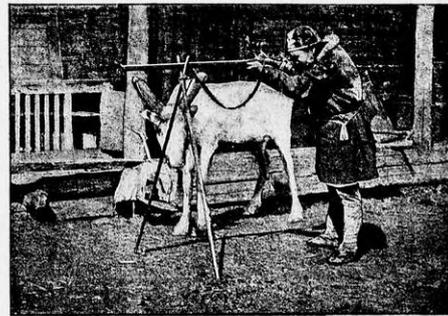

Рис. 396. Сибирь (Амурскій край). Оронокъ.

загрязнены, послѣ каждой топки фанзы наполняется дымомъ. Вмѣсто стеколь окна заклеены китайской, пропускающей свѣтъ, бумагой; пища у нихъ готовится очень грязно. Моются китайцы очень рѣдко, а одежду носятъ на тѣлѣ до тѣхъ поръ, пока она не истлѣетъ.

Ближе къ низовой рѣки живетъ другое осыдлое инородческое населеніе—корейцы. Лѣтъ тридцать тому назадъ они были переселены сюда съ своей родины, и они до сихъ поръ сохранили свои обы-

Рис. 397. Сибирь. Приемка чая отъ монголовъ.

чап, свои языки и свой образъ жизни. Глядя на ихъ поля, можешь смѣло сказать, что это народъ трудолюбивый и любящій порядокъ. И селенія и поля мало похожи на русскія. У корейцевъ все чисто, обработано съ большимъ стараніемъ. Около каждой фанзы находится поле ея владѣльца, такъ что ему нечего далеко ѣздить, чтобы убирать созрѣвшій хлѣбъ,—онъ у него подъ рукою; во все продолженіе роста хлѣба владѣлецъ и его семья постоянно могутъ наблюдать за нимъ, выпалывать свои посѣвы по нѣскольку разъ, такъ что въ хлѣбныхъ по-

ляхъ совсѣмъ не видно, чтобы выростали сорная трава. Кромѣ того, корейцы привыкли къ климату и хорошо знаютъ, что каждый годъ въ опредѣленное время здѣсь идутъ дожди, и если они во-время не примутъ мѣръ, то могутъ остаться безъ хлѣба, что онъ весь погниетъ. Поэтому они, какъ и китайцы, устриваютъ свои поля, какъ огороды, то-есть дѣлаютъ гряды, на которыхъ сбываютъ хлѣбъ, а между грядами остаются канавки, по которымъ можетъ стекать вода и произ-

водиться скорѣйшая осушка земли. Благодаря такому уходу, хлѣбъ рождается хорошо, такъ что бывають урожаи самъ-240. Также хорошо содержатся у нихъ и огороды, они прокармливаютъ семьи корейцевъ почти круглый годъ. Между отдѣльными фанзами, окруженными полями и огородами, идутъ улицы и переулки. Съ виду всѣ фанзы похожи другъ на друга: онѣ сплетены изъ вѣтвей, а внутри и снаружи обмазаны глиной: крыша сдѣлана или изъ соломы, или изъ прутьевъ. Внутри фанзы очень чисто.

Ознакомившись съ тѣми народами, которые, кромѣ русскихъ, населяютъ Приамурскій край, перейдемъ къ нашимъ русскимъ переселенцамъ, посмотримъ, какъ и гдѣ они живутъ и чѣмъ занимаются.

Какъ только русскими было приобретѣн Амурскій край, понадобилось поставить тамъ охрану изъ солдатъ. Но, привезя ихъ туда, надо же было доставать откуда-нибудь скотъ, хлѣбъ и другіе необходимые предметы. А между тѣмъ людей, которые занимались бы тамъ хлѣбопашествомъ, не было. Тогда русское правительство разрѣшило желающимъ переселяться на Амуръ. Первое время охотниковъ было мало, поэтому стали переселять туда казаковъ, противъ ихъ воли, а для того, чтобы и крестьяне шли туда охотѣе, обѣщано было отдавать землю въ ихъ вѣчное владѣніе, освободили ихъ отъ всякихъ повинностей и помогали имъ при переселеніи деньгами.

Трудно было вначалѣ заселять Амурскій край; приходилось везти изъ сибирь-

скихъ городовъ и изъ средней Россіи съѣстные припасы, скотъ, домашнюю утварь и разныя мелочи. Переправа всего этого на такомъ-большомъ разстояніи, конечно, была очень затруднительна; происходили задержки, вслѣдствіе которыхъ переселенцамъ приходилось иногда голодать,—они не получали продовольствія во-время.

Климатъ мѣстность Приамурья совсѣмъ были незнакомы переселенцамъ; они не знали ни мѣсть, гдѣ надо было сѣять, ни времени, когда надо пахать землю; поэтому первое время были неурожай, и хлѣбъ вздорожалъ до небывалой цѣны. Число же желающихъ ѣхать на Амуръ увеличилось съ каждымъ годомъ, и, наконецъ, правительство рѣшило прекратить переселеніе на казенный счетъ, такъ какъ это стоило дорого.

Переселявшійся продавалъ на родинѣ свое имущество, разузнавъ заранѣе отъ своихъ родныхъ или знакомыхъ о житье-бытьѣ на Амурѣ. Въ началѣ заселенія, по прибытіи на Амуръ, каждый получалъ столько земли, сколько онъ могъ запахать. Тѣ, которые приходили на мѣсто безъ денегъ, нанимались въ работники къ тѣмъ, которые уже обзавелись своимъ хозяйствомъ. Проработавъ такъ нѣкоторое время и заработавъ немного денегъ, они покупали все необходимое для хозяйства и сами начинали пахать и сѣять.

Если вновь приходившая партія была мала, то ее приписывали къ уже существующему поселку; если же партія состояла семей изъ пятнадцати, то имъ отбывалась новая земля, и они образовывали новый поселокъ. Сюда приходили

Рис. 399. Гилячка.

Рис. 398. Айны, живущіе на Сахалинѣ, и гиляки—на низовьяхъ Амура, по охотскому по берегу и на Сахалинѣ.

крестьяне из разных губерний, больше же, конечно, из тех мѣст, гдѣ земельный надѣлъ оказывался недостаточнымъ и собственного хлѣба не хватало.

Земля по самой рѣкѣ Амуру была уже заселена казаками; поэтому вновь прибывающимъ русскимъ приходилось селиться по обширной равнинѣ, по рѣкамъ вливающимся въ Амуръ: по Зеѣ, по Буреѣ и по другимъ притокамъ. Надѣлы давались очень большіе, иногда приходилось по 125 десятинъ на дворъ; поэтому здѣшніе крестьяне живутъ въ довольствѣ.

Но нельзя сказать, чтобы и казаки такъ же хорошо жили, какъ русскіе крестьяне. Дѣло въ томъ, что казаки заселяли эту мѣстность не по своей доброй волѣ; идя въ эту невѣдомую страну, они разставались со слезами со своей родной. Къ тому же тѣ, кто выбирали мѣста для казачьихъ поселковъ, плохо были знакомы съ этимъ краемъ: станицы строились на заливныхъ лугахъ или болотахъ, гдѣ хлѣбъ погибалъ отъ наводнений и отъ сырости.

Поэтому казакамъ-переселенцамъ пришлось много потрудиться, перенести много лишней, и то, въ концѣ-концовъ, хлѣба у нихъ едва хватаетъ для себя. Придя на Амуръ, они увидали, что у нихъ на родинѣ совсѣмъ иначе: тамъ лѣто сухое, а здѣсь проливные дожди идутъ иногда больше, чѣмъ по двѣ недѣли безъ перерыва. У нихъ на родинѣ были сухія пастбища, а здѣсь скотъ ходилъ по высокой болотистой травѣ, которая не годна для корма, и, еще болѣе проголодавшись, возвращался домой.

Кромѣ того, пришедши весною на открытую роскошной травой долину вдоль Амура, они не рассчитывали, что она будетъ наводняться: они думали, что, какъ и у нихъ на родинѣ, рѣки разливаются здѣсь весной. Но они ошиблись: пришло лѣто, настали проливные дожди, разлилась рѣка; сѣно и хлѣбъ, которые уже были скошены, уносились водой, затоплялись цѣлыя деревни, сплоснились избы. Казаки совсѣмъ

пали духомъ, и не стало у нихъ больше охоты работать. Многие изъ нихъ перенесли свои поселки выше, дальше отъ рѣки, а многие вовсе ушли изъ своихъ жилищъ. Видъ казачьихъ поселковъ печальный, и они поражаютъ своей бѣдностью.

Такъ было заселено казаками верхове и середина рѣки Амура, пространство же по притокамъ Амура, по Зеѣ и по Буреѣ—крестьянами. Здѣсь есть много земель, удобныхъ для хлѣбопашества; поэтому, если сюда переселить еще столько же жителей, сколько ихъ здѣсь живетъ, то и будетъ много свободной земли. Еще дальше отъ Амура, по верховьямъ его притоковъ, мѣстность врядъ ли когда можетъ быть заселена; тамъ нельзя ни построить городовъ, ни начать пахать землю,—этому препятствуютъ большіе холода, которые на даютъ вырывать хлѣбу.

Но зато эта суровая страна можетъ служить неисчерпаемымъ источникомъ разныхъ богатствъ. Мы уже упомянули о томъ, сколько здѣсь лѣса, разныхъ вѣтрей, птицъ, золота и сколько еще могутъ найти такихъ цѣнныхъ предметовъ, какъ желѣзо, каменный уголь и тому подобное.

Главныя занятія переселенцевъ въ Амурскомъ краѣ—это, конечно, хлѣбопашество и скотоводство. Въ верхнемъ Амурѣ это дѣло поставлено хуже, чѣмъ въ среднемъ Амурѣ и по Зеѣ и по Буреѣ, потому что здѣсь земля каменистая, повсюду болота, а ближе къ рѣкѣ, хотя земли и лучше, но во время дождей заливаются водою. Поэтому въ верховьяхъ Амура земли на человѣка приходится немного; чтобы получить большій надѣлъ, поселенецъ долженъ затратить много труда, долженъ расчистить лѣсъ, высушить мѣсто. Казаки сѣютъ всѣ тѣ яровые хлѣба, которые сѣются и у насъ, но озимыхъ, вслѣдствіе безснѣжныхъ зимъ, здѣсь совсѣмъ нѣтъ. Казаки, разводящіе на родинѣ скотъ, здѣсь держатъ его понемногу, такъ какъ нѣтъ большихъ и хорошихъ луговъ. Больше всего они дер-

жать лошадей, потому что онѣ даютъ имъ возможность много заработать. Казакъ нанимается возить почту и хлѣбъ на пріиски и этимъ можетъ въ зиму заработать рублей 200 чистаго. Но близость золотыхъ пріисковъ и частая побѣднѣ туда портятъ казаковъ, и многие изъ нихъ не работаютъ дома, а наживаютъ деньги покупкою и продажей ворованнаго золота, или тайкомъ привозятъ принскимъ рабочимъ водку, за которую имъ хорошо платятъ.

Кончится зима, а съ нею и извозъ (лѣтомъ дороги тамъ очень плохи, такъ какъ много болотъ; зимою же казаки ѣздятъ по льду—это гораздо удобнѣе), казаки начинаютъ ловить рыбу; мы уже говорили, какъ ее въ Амурѣ много. Казаки пользуются этимъ даромъ природы, продавая ее, запасая ею для себя, пополняютъ этимъ недостатокъ въ хлѣбѣ.

На среднемъ Амурѣ казакамъ живется лучше, чѣмъ на верхнемъ: здѣсь нѣтъ такихъ сильныхъ холодовъ, да и земля не такъ плоха. Но хозяйство ведется здѣсь нехорошо; каждый старается захватить какъ можно больше земли и сѣять на ней до тѣхъ поръ, пока земли не истощится. Когда же урожаи становятся плохи, вмѣсто того, чтобы оставить

землю подъ паромъ или удобрить, ее бросаютъ и принимаютъ за другой участокъ земли и также его бросаютъ, когда онъ становится непригоднымъ; поэтому теперь тамъ встрѣчается много участковъ испорченной земли, на которой, кромѣ дурной травы, ничего не растетъ.

Скота здѣсь, какъ и въ верхнемъ Амурѣ, разводятъ немного, потому что скотъ только болѣетъ на сырыхъ пастбищахъ. Съ другой стороны, казаки могли бы воспользоваться этой сыростью и начать разводить огороды, что дало бы имъ хорошаго заработка, но они не занимаются этимъ и сѣютъ овощи только для себя.

Лучше всего хлѣбъ родится не у казаковъ, а у крестьянъ изъ разныхъ губерний. Урожай здѣсь такъ хорошъ, что на человѣка приходится около 42 пудовъ хлѣба. Но опять бѣда въ томъ, что и здѣсь поселенцы слишкомъ истощаютъ землю; они стараются нажить и берутъ изъ этой земли все, что только могутъ взять; поэтому часто оставляютъ послѣ себя землю, поросшую бурьяномъ, на которой уже ничего больше нельзя сѣять.

Кто здѣсь хочетъ имѣть хорошаго урожая, долженъ работать, не покладая рукъ. Настанетъ весна, надо скорѣй сѣять, чуть опоздаешь—придется голодать,

Рис. 400. Сибирь. Караванъ-чай.

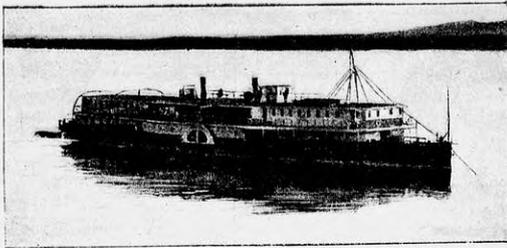

Рис. 401. Амурь. Почтово-пассажирский пароходь.

кончили сѣять, а уже настало время косить сѣно, котораго надо много приготовить для скота на семимѣсячную зиму; потомъ надо скорѣе пахать землю для будущихъ посѣвовъ, а то, когда хлѣбъ поспѣетъ, некогда будетъ, — его надо скосить и высушить, пока не начались осенніе дожди; а тутъ надо дрова возить, а то настанутъ холода, нечѣмъ будетъ избу топить. Зимой переселенецъ чинить сохи, бороны, телѣги, чтобы къ веснѣ у него ужъ все было въ порядкѣ. Круглый годъ идетъ такая работа безъ перерыва, и если чуть что прозвѣваетъ сдѣлать, потомъ ужъ трудно нагнать. Не даромъ достается тамошнимъ крестьянамъ эта жизнь въ довольствѣ: они работаютъ безъ усталы.

Скотину здѣсь трудно водить, хотя и въ ней нѣтъ недостатка у здѣшнихъ крестьянъ; это скотъ плохой породы, такъ что иногда хозяйка, имѣя пять коровъ, получаетъ только двѣ бутылки молока. Скотъ у переселенцевъ постоянно болѣетъ: то сибирской язвой, то чумой.

Уссурийскій край.

(Растительная и животная жизнь его).

(По Алябьеву).

Извѣстный путешественникъ Пржевальскій, охотившійся въ лѣсахъ Уссурийскаго края, описываетъ ихъ растительность слѣдующими словами:

„Здѣсь растительная жизнь, — говоритъ онъ, — является во всей силѣ, и часто на небольшомъ пространствѣ тѣнятся самыя разнообразныя породы деревьевъ и

Онъ пасется на сырыхъ пастбищахъ, поросшихъ плохой водянистой травой и вокругъ которыхъ много болотъ; а тутъ еще овода, мошки и комары, которые нападаютъ на скотину цѣлыми тучами, кусаютъ до крови и не даютъ ѣсть траву. Кроме того, эти настькомья переносятъ заразу съ одного животнаго на другое. Гдѣ же мѣсто

чуть выше и пастбища суше, тамъ заболѣванія скота гораздо рѣже.

При помощи иностранцевъ торговля здѣсь увеличилась; русскіе же купцы часто разорились, несмотря на то, что они странно обманывали тамошнихъ инородцевъ и вымѣнивали у нихъ, напримѣръ, за мѣдную пуговицу, за бутылку водки или за небольшое количество пороха соболью шкурку, которая стоитъ нѣсколько рублей. Они привозили сюда гнилой, залежавшійся товаръ, иностранцы же привозили товаръ хорошаго качества и продавали его гораздо дешевле. Поэтому всѣ жители Амурскаго края стали охотиве покупать у иностранцевъ. Тогда русскіе купцы поняли свою ошибку и стали стараться подражать иностранцамъ, послѣ чего и ихъ торговля пошла лучше.

Теперь, когда Амурскій край будетъ соединенъ желѣзной дорогой со средней Россіей, можно навѣрно сказать, что разработка богатствъ этого края пойдетъ быстро.

кустарниковъ, образующихъ густѣйшія заросли, переплетенныя различными вьющимися растениями. Въ особенности роскошно развивается въ такихъ мѣстахъ виноградъ, который то стелется по землѣ и покрываетъ ее сплошнымъ ковромъ зелени, то обвиваетъ, какъ лѣны тропиковъ, кустарники и деревья и свѣшивается съ нихъ самыми роскошными гирляндами. Невозможно забыть впечатлѣнія, производимаго, въ особенности въ первый разъ, подобнымъ лѣсомъ. Правда, онъ такъ же дикъ и недоступенъ, какъ

сѣвера и юга, которыя сталкиваются здѣсь какъ въ растительномъ, такъ и въ животномъ мѣрѣ. Въ особенности поражаетъ видъ ели, обвитой виноградомъ, или пробковое дерево и грешей орѣхъ, растущіе рядомъ съ кедромъ и пихтою. И торжественное величіе этихъ лѣсовъ не нарушается присутствіемъ человека; развѣ только пробредетъ по нимъ звѣроловъ или раскинетъ свою юрту кочующій дикарь, но тѣмъ скорѣе дополнитъ, нежели нарушитъ картину дикой, дѣвственной природы.

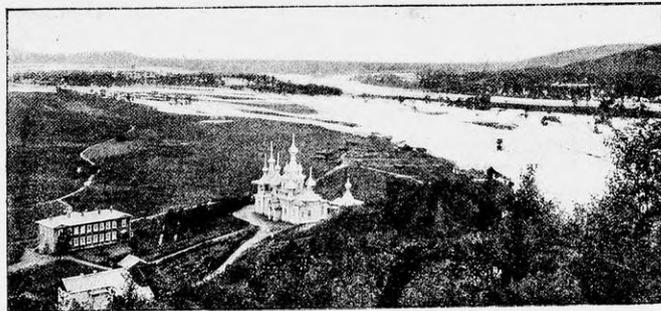

Рис. 402. Первая обитель на Дальнемъ Востокѣ. Уссурийскій Свято-Троицкій Николаевскій монастырь.

и всѣ прочія сибирскія тайги, но въ тѣхъ однообразіе растительности, тонкая, тулдристая почва, устланная мхами и лишаями, навѣваетъ на душу какое-то уныніе; здѣсь, наоборотъ, — на каждомъ шагѣ встрѣчаешь роскошь и разнообразіе, такъ что не знаешь, на чемъ остановить свое вниманіе: то высится передъ вами громадный ильмъ, съ своею широкорѣвистою вершиной, то стройный кедръ, то дубъ и липа съ пустыми, дуплистыми отъ старости стволами, болѣе сажени въ обхватѣ, то орѣхъ и пробка съ красивыми перистыми листьями, то пальмовидный диморфантъ, довольно, впрочемъ, рѣдкій. Какъ-то странно непривычному взору видѣть такое смѣшеніе формъ

Что касается до луговой растительности, то она такъ же, какъ и *лѣсная*, въ высшей степени богата разнообразіемъ и роскошна по виду. Всѣ луга Уссурийскаго края покрыты бываютъ изумительнымъ разнообразіемъ всевозможныхъ цвѣтовъ и цвѣтами всевозможныхъ формъ. Изъ наиболее рѣдкихъ цвѣтковъ слѣдуетъ указать на одинъ, родина котораго Индія. Это *нелюбия*, встрѣчающаяся въ береговыхъ озерахъ и заливахъ рѣки Сунгачи. Представьте себѣ, что вся вода покрыта зелеными круглыми листьями, диаметръ которыхъ весьма часто достигаетъ аршина съ четвертью; поверхность этихъ листьевъ на довольно толстыхъ стебляхъ поднимается множество розо-

выхъ цѣтвовъ, имѣющихъ полторы четверти въ диаметръ. Растеніе это напоминаетъ собою царственную викторию.

Относительно произведеній земли, касающихся полевого сельскаго хозяйства, слѣдуетъ сказать, что въ Уссурийскомъ краѣ могутъ произрастать всѣ яровыя растенія, а относительно ржи можно сказать, что она здѣсь составляетъ растеніе вполне надежное. Урожай бываетъ самый разнообразный, что зависитъ, кромѣ мѣстности, главнымъ образомъ, отъ степени обработки.

Въ то время, какъ у нашихъ казаковъ онъ бываетъ въ 20 пудовъ съ десятины, у китайцевъ снимаютъ съ десятины отъ 80 до 200 пудовъ урожая. Здѣшніе луга даютъ очень много сѣна и, мѣстами, прекраснаго. Наконецъ въ здѣшнемъ краю есть еще одно растеніе, которое составляетъ предметъ, весьма выгодный для воздѣлыванія и торговли имъ. Это *жень-шень*, цѣнящийся очень дорого въ Китаѣ. Цѣлебное свойство корня этого растенія не признается европейскими медиками. Добываніе жень-шеня сопряжено

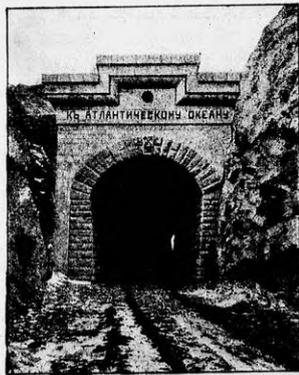

Рис. 403. Сибирская желѣзная дорога. Запальный порталъ тоннеля при спускѣ съ перевала черезъ Яблоновый хребтъ.

бываетъ не только съ очень большими лишениями, но даже и съ серьезной опасностью для жизни. Жень-шень растетъ обыкновенно въ самыхъ дикихъ и непреступныхъ лѣсистыхъ ущельяхъ, гдѣ добывающій растеніе легко можетъ наткнуться на барса или тигра и поглотиться при этомъ жизнью. Несмотря, однако, на такой рискъ, торговля этимъ продуктомъ такъ выгодна, что страсть къ приобретению беретъ перевѣсъ надъ страхомъ, и каждое лѣто множество китайцевъ отправляются на поиски въ глухія мѣста. Идя очень медленно по лѣсу, китаецъ посредствомъ палочки раздвигаетъ на своемъ пути густо-растущую траву и ищетъ жень-шеня; найдя его, онъ съ величайшей осторожностью его выкапываетъ и для предохраненія отъ воздуха тотчасъ же завертываетъ въ бумажку. Въ теченіе лѣта каждый изъ искателей можетъ набрать отъ 15 до 20 и даже до 30 корешковъ.

Животный мѣръ, какъ было уже сказано выше, отличается въ здѣшнемъ краѣ не меньшимъ разнообразіемъ, чѣмъ мѣръ растительный.

Изъ животныхъ млекопитающихъ наибольшую промышленную выгоду доставляетъ мѣстнымъ жителямъ *соболь*, водившійся въ значительномъ количествѣ въ Уссурийскомъ краѣ. Этотъ маленький цѣнный звѣрокъ живетъ въ гористыхъ мѣстахъ, поросшихъ хвойнымъ лѣсомъ, и теперь замѣтно уменьшается, вслѣдствіе усиленной на него охоты, которая начинается съ ранней зимы. Какъ только рѣчки покроются льдомъ, а земля снѣгомъ, на которомъ ясно отпечатываются слѣды дикихъ животныхъ, какъ всѣ *гольды*¹⁾, кромѣ стариковъ, женщинъ и малыхъ дѣтей, берутъ своихъ идоловъ-бурхановъ, кладутъ заготовленную для зимняго времени провизію на нарты и удаляются въ лѣсистыя горы, гдѣ, по-

1) Гольды—дикари, коренные жители здѣшняго края.

строить шалаши и сложивъ въ нихъ провизію, раздѣляются на партіи и начинаютъ охотиться за вслѣдствіемъ, и преимущественно за *соболемъ*. Степень удачи охоты за этимъ животнымъ зависитъ, между прочимъ, отъ перехода соболей изъ одного мѣста въ другое. Эти переходы подтверждаются всѣми туземцами и объясняются необходимостью для соболей отыскивать себѣ пищу. Известно, что зотыя кровожадный звѣрокъ, иногда поѣдающій собственныхъ дѣтей, питается бурндуками, бѣлками, мышами и другими мелкими грызунами, а такъ какъ бѣлки естественно переходятъ туда, гдѣ болѣе урожай кедровыхъ орѣховъ, то вслѣдъ за ними отправляются и собои.

Что касается до другихъ пушныхъ звѣрей, то охота на нихъ далеко не имѣетъ той важности и значенія, какъ охота на соболя.

Изъ прочихъ животныхъ, имѣющихъ цѣнность для охотника, можно указать на *кабана*, мясо котораго—лакомый кусокъ для инородцевъ и русскихъ; на самца—*кабару*, въ задней части живота котораго помѣщается мѣшечекъ съ мускусомъ, стоящій на мѣстѣ до двухъ и болѣе рублей, на *олень*, называемаго въ Сибирѣ *изюбромъ*, и, наконецъ, на дикую козу.

Про оленя слѣдуетъ замѣтить, что рога его, такъ называемые *панты*, составляютъ предметъ большой торговли и цѣнятся очень высоко. Они употребляются китайскою медициною какъ успѣшное средство противъ грудныхъ болѣзней. Для употребленія изъ роговъ вываривается экстрактъ, похожій на желатинъ, и распущенный въ водѣ принимается внутрь, какъ укрѣпляющее средство. Пара хорошихъ пантовъ покупается китайцами отъ 60 до 120 серебряныхъ рублей. Мѣхъ же убитыхъ оленей идетъ на выдѣлку, и по своему качеству, заключающемуся въ необыкновенной теплотѣ его, употребляется на

одежду—известную по всей Сибирѣ подъ именемъ *дахи*. Эта шуба составляетъ неогнѣннующую вещь во время пути среди

Рис. 404. Первый памятникъ военнымъ павшимъ въ русско-японскую войну, на братской могилѣ въ Харбинѣ.

жестокихъ сибирскихъ морозовъ, въ особенности при вѣтрѣ; ни одинъ изъ мѣховъ въ этомъ случаѣ не можетъ соперничать съ оленемъ. Не менѣе *олень* заслуживаетъ вниманія *лань*, которая довольно, впрочемъ, рѣдко встрѣчается на Уссуріи. Ея рога цѣнятся еще дороже оленьихъ, потому что имъ приписывается еще большая сила и дѣятельность въ болѣзняхъ, а лѣтнія шкуры употребляются при религиозныхъ обрядахъ шамановъ, дѣятельность заклинаній которыхъ зависитъ именно отъ того обстоятельства, сдѣланы ли кафтаны ихъ изъ лѣтнихъ шкуръ ланей.

Гроза здѣшнихъ мѣхъ—*бемальскій мѣхъ* встрѣчается по всему Уссурийскому краю, въ особенности же въ южной его части, близъ озера Ханка, на морскомъ побережьи, между гаванями Ольга и Посеть. Мѣстныя условія края весьма благоприятны для тигра: лѣсистыя горныя

дци Усурийского края, его луговые пространства, покрыты лиственными рощами, высокою травой и болотами, дают ему прекрасное убьище и представляют собою богатый источник охоты на животных, которыми онъ питается. Любимую пищу тигра составляет олень и особенно козуля; кроме того, онъ любит лакомиться и мясомъ кабана, охота на котораго, впрочемъ, не такъ легка, ибо клыки вепря—такое оружие, которое даже и тигру не кажется ничтожнымъ, несмотря на то, что обыкновенно изъ борьбы между тигромъ и кабаномъ первый выходитъ побъдителемъ. Величина встръчающагося здъсь тигра нисколько не уступаетъ большимъ экземплярамъ королевскаго тигра, водящагося въ Бенгалии; сила же его и ловкость изумительны. Я видълъ въ Николаевскъ выдланную шкуру тигра, которая отъ лба до хвоста имъла безъ малаго три съ половиной аршина, кроме того, на хвостъ приходилось еще болъе полтора аршина. Шкура здъшняго тигра, долженствующаго переносить суровую зиму, имъетъ шерсть гораздо болъе длинную и густую, нежели его индйские собратья, живущие подъ тропиками и вовсе незнакома съ морозами. Мясо этого звъря употребляется въ пищу только охотниками изъ севърья, что это сообщаетъ храбрость и предохраняетъ отъ нападения тигра. Китайцы употребляютъ кости тигровъ какъ лъкарство, увеличивающее тлъсную силу.

Литомъ тигра бываетъ чрезвычайно трудно встрътить, и это понятно: онъ такъ много находитъ дичи въ лъсахъ, что не стоитъ рыскавать встръчею съ человекомъ, котораго звърь хотя и пожираетъ при встръчъ, однако все-таки и побаивается. Поэтому-то онъ держится вдали отъ человъческаго жилья, уходя въ горы, куда не проникаетъ нога человека. Зимую же дъло совсъмъ другое: снъгъ, покрывающй землю, и морозъ, уничтожающй листву, выдаютъ тигра

другимъ звърямъ, которые издавела могутъ увидъть своего страшнаго врага и заранъе принять мъры предосторожности противъ его нападения; охота для тигра тогда дъляется затруднительнъе, и онъ, понуждаемый голодомъ, приближается къ человъческому жилью, являясь въ русскую деревню или къ отдълно стоящей китайской фанзъ, душитъ собаку и лошадей, и съ сознаниемъ своей силы принимаетъ утлатъ свой аппетитъ даже человъческимъ мясомъ, хотя бы для того пришлось вытащить черезъ окно спящаго человека. Такой случай, дъйствительно, былъ съ однимъ китайцемъ, спавшимъ у окна и обязаннымъ своимъ спасениемъ только тому обстоятельству, что окно было слишкомъ мало, китаецъ завязъ въ немъ и своимъ крикомъ разбудилъ остальныхъ товарищей, отбившихъ его изъ пасти звъря.

Страхъ, нагоняемый тигромъ на мъстныхъ жителей, въ особенности силенъ между туземцами. Они называютъ тигра *амба*, что значить дъяволъ; у нихъ есть идолы, представляющйе тигра, размалеваннаго красной и черной краской. Китайцы, однако, совершенно чужды севърнаго страха и не воздаютъ изображению тигра никакихъ почестей. Иноходецъ при встръчъ съ тигромъ приветствуетъ его какъ высшее существо, становясь на колъни и кланяясь ему; если при этомъ дикарь безоруженъ, то, конечно, безпрекословно дъляется легкой добычей этого кровожаднаго бога; если же у дикаря есть въ рукахъ хоть какое-нибудь оружие, хотя бы въ видъ палики съ желъзнымъ наконечникомъ, то поклонение, которое гольдъ только что оказалъ высшему существу, нисколько не мъшаетъ ему постараться пропороть брюхо тигру.

Теперь слъдуетъ сказать нъсколько словъ относительно *рыбы*, которой рька Усури такъ богата, что когда пароходъ плыветъ по ней, то постоянно слышатся удары рыбы о дно, а на поверхности воды только и виднются выскакивающивверхъ

рыбы. Бывали примъры, что въ рькѣ Усури однимъ неводомъ вытаскивали болъе 2.000 пудовъ рыбы. Обыкновенное время для рыболовства—весна, лъто и осень; послъдняя составляетъ самую горячую пору, когда начинается ходъ красной рыбы, которая изъ устья Амура идетъ въ громадномъ числѣ во всъ притоки этой рьки для метаня икры. Это продолжается нъсколько болъе двухъ недълъ и вызываетъ особенную дъятельность мъстныхъ туземцевъ и даже птицъ, сле-

обстоятельство, что ни одинъ изъ мъстныхъ жителей ровно ничего не знаетъ объ обратномъ ходѣ рыбы, вошедшей въ рьку миллионами; между гольдами даже утверждено мнъние, что рыба назадъ вовсе не возвращается, а вся истребляется и вылавливается.

Наибольшее значение для мъстныхъ жителей имъетъ красная рыба, извътная подъ названемъ кета. Другая рыба, очень часто попадающаяся и извътная по своей величинѣ,—это *блуда*, называемая

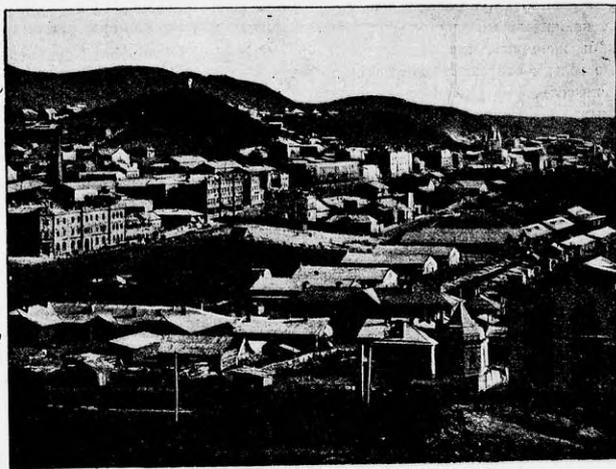

Рис. 405. Общий видъ г. Владивостока.

тающихся сюда издавела для легкой поживы.

Гольды ловятъ здъсь рыбу самымъ варварскимъ образомъ, употребляя, между прочимъ, такую снасть, что рыба зацъпляется на ходу крючкомъ; на каждую зацъпвшуюся такимъ образомъ рыбу приходится нъсколько десятковъ, а врьнѣ, дъляя сотни такихъ, которыя уходятъ израненными и издыхаютъ отъ поврежденй. Доказательствомъ страшнаго вреда подобнаго рода ловли служить то

здъсь калугою. Рыба эта имъетъ болъе сажени длины и до 10 пудовъ вѣса. Ловить рыбу эту съ лодки, которая представляетъ собою такую посудину, въ которой можетъ усидѣть только гольдъ.

Омороча, или берестянка, состоитъ изъ тонкихъ палокъ, которыя обтягиваются берестею, и управляется или однимъ длиннымъ весломъ, дъйствующимъ въ обѣ стороны, или небольшими лопаточками. Въ первомъ случаѣ омороча, подъ искуснымъ управлениемъ гольда, летитъ

по водѣ съ быстротой струйм; во второмъ—она тихо и неслышно скользятъ по поверхности; поворотливость ея изумительна, даже въ довольно сильный вѣтеръ. Форма оморочи та же самая, что у эскимосскихъ лодокъ, длина беретанки доходитъ отъ 7 до 9 аршинъ, а ширина 1 аршинъ; оба конца загнуты вверхъ.

Осетры также водятся здѣсь въ весьма большомъ изобиліи и достигаютъ значительнаго роста.

Зимой прекращается рыболовство въ большихъ размѣрахъ, и занятіе это дѣлается исключительнымъ достояніемъ стариковъ и женщинъ, потому что всѣ взрослые голды отправляются на звѣриный промыселъ. Эти рыболовы съ изумительнымъ постоянствомъ и выносливостью дикарей проводятъ цѣлые дни среди вѣтра на трескучемъ морозѣ у проруби, вылавливая рыбу на удочки.

Въ заключеніе отдѣла животнаго царства слѣдуетъ упомянуть о разнаго сорта насѣкомыхъ, составляющихъ истинный бичъ страны и мучащихъ въ теченіе лѣта какъ человѣка, такъ и животныхъ.

Съ утра миллионы появляются всякаго рода *мухъ*, какъ называютъ здѣшніе жители всѣхъ этихъ насѣкомыхъ; прежде

всего являются *овода*, которые подъ палящимъ солнцемъ тучами устремляются на скотъ, кусаютъ его до крови и не даютъ ему покоя до сумерекъ. Въ теченіе всего этого времени скотъ несетъ самая ужасныя мученія, не думая вовсе объ ѣдѣ, а стараясь только всѣми силами освободиться отъ докучливыхъ насѣкомыхъ. Но всѣ усилія бываютъ обыкновенно тщетны...

Только что покончатъ къ заходженію солнца свою роль овода, какъ на смѣну имъ являются другіе мучители въ видѣ *мошекъ* и *комаровъ*, изъ которыхъ первые забиваются во всякое свободное отверстие на тѣлѣ человѣка и животныхъ; въ то же время какъ тѣ, такъ и другіе жестоко кусаются, и это продолжается опять до смѣны на другое утро оводами. Отъ насѣкомыхъ здѣсь нѣтъ спасенія ни человѣку, ни животнымъ; они одинаково надѣдаютъ и изнуряютъ все живущее, и китайцы во время полевыхъ работъ устриваютъ у себя на головахъ особое приспособленіе, въ которомъ курится и тлѣетъ трутъ; только дымъ отъ этого курева до нѣкоторой степени спасаетъ отъ укушеній насѣкомыхъ. Смолная сѣтка, закрывающая все лицо, только одна и спасаетъ совершенно отъ боли.

Конецъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	<i>Стр.</i>		<i>Стр.</i>
1. Островъ Новая Земля	3	65. На Олекминскихъ приискахъ	421
2. Печорскій край	14	66. Въ золотоносномъ районѣ	424
3. Тундра	20	67. Изъ жизни юкагировъ	425
4. Сѣверное сіяніе	22	68. Земля чукчей и кориковъ	428
5. Самоды	—	69. Различныя чукчей	433
6. Мурманъ	37	70. Бураты	443
7. Лапландія и ея жители	47	71. Населеніи Амурскаго края	458
8. Вѣра лопарей въ сейта	51	72. Уссурийскій край	466
9. По озеру Имандрѣ	52		
10. Кола	54		
11. Соловецкіе острова на Бѣломъ морѣ	56		
12. Въ Поморскомъ сѣвѣ	61		
13. Заключеніе города и мѣстности			
Сѣвернаго края	64		
14. Финляндія	84		
15. Въ „странѣ великихъ озеръ“	104		
16. Эсты	112		
17. Народное образованіе и общественная			
жизнь у латышей	118		
18. Полясье	130		
19. Мазуры	141		
20. Шляхта	143		
21. Городъ Вильна	150		
22. Въ литовской деревнѣ	154		
23. По Волгѣ отъ Гвери	162		
24. Инородческое населеніе средняго По-			
волжья	165		
25. Черемисы	171		
26. По Волгѣ отъ Нижняго-Новгорода до			
Царицына	176		
27. На ватагѣ	187		
28. Волжская дельта	189		
29. Сарепта	191		
30. Ярмарка въ Малороссіи	198		
31. Въ заводскихъ лѣсахъ	200		
32. Подъ землей	214		
33. Черноморскій степной край	225		
34. Чатырдагъ	231		
35. Въ Бахчисарѣ	238		
36. Южная часть Крыма	251		
37. По Сочинскому побережью	257		
38. Сванетія	261		
39. Аварія	264		
40. Чеченцы	265		
41. Дарьяльское ущелье и Терекъ	268		
42. Казбекъ	272		
43. Закавказье	278		
44. Въ Тифлисѣ	285		
45. Видъ съ вершины Цхра-Цхаро	287		
46. Въ нефтяномъ городѣ	292		
47. Прикаспійскія степи	304		
48. Киргизы	—		
49. Киргизскій народный поэтъ - пѣвецъ			
Ногобай	315		
50. Уралъ и его богатства	318		
51. Въ Башкири	330		
52. Воткинъ	336		
53. Весенній сплавъ на р. Чусовой	339		
54. Саргы	349		
55. Въ Самаркандѣ	360		
56. Въ пескахъ Кизылъ-кумъ	364		
57. На базарѣ въ старомъ Ташкентѣ	369		
58. Въ низовьяхъ Аму	374		
59. Земельная комиссия Зап. Сибири	379		
60. Березовъ и Обдорскъ	396		
61. Тайга	406		
62. Въ Якутскій области	409		
63. Путь отъ Якутска въ Ледовитому морю	414		
64. Послѣдній лучъ	415		
1. Новая Земля. Маточкинъ Шаръ	3		
2. Зимній полдень на сѣверѣ	6		
3. Въ области льда	8		
4. Песецъ	—		
5. Птичий островъ	9		
6. Газарки	10		
7. Самоды на Новой Землѣ	11		
8. Церковь въ Маныхъ Кармакулахъ на			
Новой Землѣ	12		
9. Собачья упряжка на Новой Землѣ	13		
10. Зипринъ	25		
11. Изменная тундра	21		
12. Полярная ива	—		
13.	—		
14. } Виды сѣвернаго сіянія	23		
15.	—		
16.	—		
17. Самоды	24		
18. Полярный лѣсъ	25		
19. Ягель—олений мохъ	26		
20. Самодѣльная собачья упряжка	28		
21. Перекочевка самодѣловъ	29		
22. Вѣдый медвѣдь	30		
23. Двѣнадцатилѣтній самодѣль - охотникъ			
на Бѣломъ медвѣдь и его сестра	31		
24. Лешій, спускающийся въ море	32		
25. Оленья почта	33		
26. На Мурманѣ	37		
27. Екатерининская гавань. Пароходъ			
„Мурманъ“.	38		
28. Пловучая ледяная гора	39		
29. Поморы	40		
30. Поморы въ зимней одеждѣ	41		
31. Ловъ трески на полдень съ парохода			
„Мурманъ“.	—		
32. Ладья поморовъ	42		
33. Чайка	43		
34. Гавань г. Архангельска	44		
35. Таможня въ Архангельскѣ	45		
36. Набережная въ Портъ-Александровскѣ	46		
37. Кольскій полуостровъ	47		
38. Гористая тундра	50		
39. Начало рыбки Колы у Мурдозера	54		
40. Г. Кола	55		
41. Промысловая избушка	57		
42. Общій видъ Соловецкаго монастыря	—		
43. Часть стѣны Соловецкаго монастыря			
съ тѣмъ	—		
44. Внутренній видъ Соловецкаго мона-			
стыря. Колокольная Багаѣвѣтника	58		
45. Книгъ Сѣкиръ - гора въ Соловецкомъ			
монастырѣ	59		
46. Трапеза въ Соловецкомъ монастырѣ	—		
47. Оружейная палата въ Соловецкомъ мо-			
настырѣ	60		
48. Кормленіе часть въ Соловецкомъ мон.			
. . . . .	61		
49. Поморское село	62		
50. Китъ	63		

	Стр.		Стр.
51. Морж	63	116. Варшава. Мостъ съ памятникомъ Юанну III Собьскому	121
52. Архангельскъ. Шимецкая свобода	65	117. Варшава. Саксонскій садъ	122
53. Архангельскъ. Ломоносовская площадь	67	118. Курни	123
54. Острожокъ на Свѣной Двиѣ	68	119. Литовскіе	125
55. Вукисрова дѣса въ Архангельскѣ	69	120. Г. Юрьевъ	125
56. Перегуза трески изъ шхуны въ бочкѣ въ Архангельскѣ	70	121. Нарна	126
57. Памяти Ломоносову въ Архангельскѣ	71	122. Памятникъ на мѣстѣ боя со шведами подъ Нарвой	126
58. Меанъ, узбанный городъ Архангельской губ.	72	123. Крѣпость Ивангородъ	127
59. Древняя деревянная церковь на Свѣной Двиѣ	73	124. Петербургъ. Невскій проспектъ	127
60. Мѣсенскіе промышленники на тюленяхъ	76	125. . . . . Видъ на Суворовскую площадь и Марсово поле	—
61. Р. Онега	76	126. Петербургъ. Исаевскій соборъ и памятникъ Петру I	128
62. Типы старовѣровъ на сѣверѣ	77	127. Петербургъ. Видъ на Исаевскій соборъ съ Невы	129
63. Главная улица Коми	77	128. Петербургъ. Зимній дворецъ и р. Нева	130
64. Поморки Кемского уѣзда	78	129. . . . . Памятникъ Суворову	131
65. Кемлянка	78	130. . . . . Новый Троицкій мостъ	132
66. Старый Кемскій Успенскій соборъ	79	131. . . . . Петропавловская крѣп.	133
67. Ловля жемчуга	80	132. Петербургъ. Казанскій соборъ	133
68. Отборка жемчуга	81	133. Петербургскіе фонтаны	134
69. Домикъ въ Вологдѣ, гдѣ жилъ Петръ В.	82	134. Царскосельскій лицей (гдѣ воспитанъ А. С. Пушкинъ)	135
70. Г. Великій Устюгъ	83	135 Пулковская астрономич. обсерваторія	136
71. Входная ворота собора въ Соавычоготскѣ	85	136. Москва. Красная площадь	137
72. Введенскій мостъ въ Соавычоготскѣ	86	137. . . . . Кремль	138
73. Финляндскіе шхеры	87	138. . . . . Церковь Василія Блаженнаго Часовня Иверской Вожней Матери	139
74. Вагуны въ финляндскомъ дѣсу	88	140. . . . . Успенскій соборъ	139
75. Вадуъ на берегу моря въ Финляндіи	89	141. . . . . Благоуспенскій соборъ	140
76. Ледниковые шхеры на Суайсарскомъ островѣ	90	142. . . . . Колокольня Ивана Великаго	140
77. Водопадъ Иматра	91	143. . . . . Памятникъ Минину и Пожарскому	141
78. На Саймискоемъ каналѣ	92	144. . . . . Храмъ Христа Спасителя	142
79. Финскіе рыбаки въ морѣ	93	145. . . . . Верхніе торговые ряды	143
80. Зданіе финляндскаго сейма въ Гельсингфорсѣ	94	146. . . . . Историческій музей	144
81. Корельскія дѣвушки въ праздничныхъ нарядахъ	95	147. . . . . Городская Дума	145
82. Сѣбное зѣлье, играющій на кантеле	95	148. . . . . Домъ бояръ Романовыхъ	146
83. Село Поджукса	97	149. . . . . Терема царя Алексѣя Михайловича	146
84. Усадьба крестьянина въ Финляндіи	99	150. . . . . Терема царя Алексѣя Михайловича Корноръ	147
85. Кароика—финскій экипажъ	100	151. . . . . Терема царя Алексѣя Михайловича Тронная	148
86. Финскій крестьянинъ	101	152. . . . . Терема царя Алексѣя Михайловича Диванная	148
87. Финляндія. Богоуслуже въ шхерахъ	102	153. . . . . Большой кремлевскій дворецъ. Екатерининскій залъ	149
88. Финляндія. Сельское народное уч.	103	154. . . . . Большой кремлевскій дворецъ. Георгиевскій залъ	150
89. Пам. Александру II въ Гельсингфорсѣ	104	155. . . . . Большой кремлевскій дворецъ. Александровскій залъ	151
90. Гавань въ Гельсингфорсѣ	105	156. . . . . Большой кремлевскій дворецъ. Андреевскій залъ	152
91. Эспланада—главная улица Гельсингфорса	106	157. . . . . Воспитательскій залъ	153
92. Литеранскій соборъ въ Гельсингфорсѣ	107	158. . . . . Румянцевскій музей	154
93. Спасительбургская крѣпость	108	159. . . . . Университетъ (старое зданіе)	155
94. Дѣловый „Мургага“	109	160. . . . . Университетъ (новое зданіе)	156
95. Спасить жень на Свѣной	110	161. . . . . Памятникъ Пушкину	156
96. Новгородъ. Древній Соборскій соборъ	111	162. Храмъ въ с. Дьяковѣ, близъ Москвы	157
97. Новгородъ. Памяти 1000-лѣтня Россіи	112	163. Троице-Сергіева лавра. Успенская церковь села Годуновыхъ	158
98. Церковь въ погостѣ Спасъ-Нередицѣ	113	164. Троице-Сергіева лавра	158
99. Тихвинскій монастырь	114	165. Тула. Оружейный заводъ	159
100. Видъ кремля въ Псковѣ	115	166. Молодуха съ ребенкомъ (Тульскій г.)	160
101. Олонць	116	167. Велинорусская крестьянская изба	161
102. Проломъ Стефана Баторія въ Псковѣ	117	168. Крестьяне Рязанской губерніи	161
103. Водопадъ Кивачъ	118	169. Крестьянка Рязанской губерніи	161
104. Старая чухонка	120	170. Деревянные кушанки	162
105. Крестьянка Псковской губерніи	121	171. Иконоп. село Холуй, Владимірской г.	163
106. Исковъ. Дворецъ паврича Дмитрія	122		
107. Улицы. Дворецъ паврича Дмитрія	123		
108. Соавныи колоколь въ Угличѣ	124		
109. Р. Ровель	125		
110. Ровель. Коммерческій портъ	126		
111. Дюны Валтійскаго побережья	127		
112. Латыши въ полѣ	128		
113. Рига. Городскій театръ	129		
114. Вѣлорусія. Пинскія болота	130		
115. Маазуръ	131		

	Стр.		Стр.
172. Ученики за урокомъ иконописи	164	235. Крымъ. Байдарскія ворота	241
173. Чувашка	167	236. . . . . Алушка	244
174. Мордва	169	237. . . . . Ай-Тозоръ	245
175. Мордовка	170	238. . . . . Ялга	247
176. Черемисы	171	239. . . . . Сакля	248
177. Общій видъ пристаней въ Ярославлѣ	172	240. . . . . Соборъ винограда въ Массандрѣ	249
178. Киношма	173	241. . . . . Турузуфъ	250
179. Черемиски	173	242. Кавказъ. Геленджикъ	252
180. Нижній-Новгородъ. Слѣние Оки съ Волгой	174	243. . . . . Окрестности Пятигорска. Мѣсто дуази Лермонтова	253
181. Нижній-Новгородъ съ Волги	174	244. . . . . Долина р. Терекъ. Ермоловскій камень	255
182. Нижній-Новгородъ. Видъ отъ Стрѣлки на ярмарку во время всеобщаго полюдья	175	245. . . . . Военно-Осетинская дорога. Цейскій лѣдникъ	258
183. Нижегородская ярмарка. Главный домъ	176	246. . . . . Военно-Осетинская дорога. Селеніе Тибъ по Зараманскому ущелью	259
184. Нижній-Новгородъ. Памятникъ Минину и Пожарскому	177	247. . . . . Военно-Осетинская дорога. Мѣстечко Они и р. Ронъ	260
185. Нижній-Новгородъ. Гробница Минина	178	248. . . . . Военно-Осетинская дорога. Видъ на Мамсонскій перевалъ	261
186. Нижній-Новгородъ. Домикъ Петра Великаго	179	249. . . . . Аварецъ	262
187. Вѣяна	180	250. . . . . Аварка	262
188. Казань. Крѣпость	180	251. . . . . Осетинъ	265
189. Казань. Часовня-памятникъ убиеннымъ воинамъ	181	252. . . . . Военно-Грузинская дорога. Вилъ Пасанауръ	266
190. Молодецкій курганъ въ Жигуляхъ	182	253. . . . . Военно-Грузинская дорога. Чортывъ мостъ въ Дарьльскомъ ущельѣ	267
191. Паревъ курганъ	183	254. . . . . Осетинки	268
192. Жигульскія ворота	184	255. . . . . Военно-Грузинская дорога. Казбекъ	269
193. Самара	185	256. . . . . Алаханецъ	270
194. Сызрань. Мостъ Александра II черезъ Волгу	186	257. . . . . Курды	271
195. Нагрузка баржей	187	258. . . . . Чашникъ для сохраненія вина	270
196. Рабочій на пристани	188	259. . . . . Черкесъ—женитъ и нѣбста	—
197. Тоня на Волгѣ	188	260. Закавказье. Знаніе каначейства въ Анджагѣ, разрушенное землетрясеніемъ	273
198. Пристань въ Астрахани	189	261. Зданіе водокачки, поврежденное землетрясеніемъ	274
199. На Диблѣ въ тулуную ночь	190	262. Кахетинецъ	275
200. Порогъ „Ненаситеть“	191	263. Лазы—горные жители Валуа	276
201. Балча	192	264. Кавказскіе еврей	277
202. Малороссіянка	193	265. Тифльск. Майданскій мостъ черезъ р. Куру	279
203. Наружное строеніе каменноугольныхъ копей	194	266. Лезгинъ	280
204. Работы заобшниковъ въ рудникѣ	205	267. Грузинъ	280
205. Отпечатокъ листа папоротника въ скалицѣ	207	268. Давакъ—персиянинъ	281
206. Галерея, укрѣпленная деревянными стойками	209	269. Два муши съ бурдюками	282
207. Шахтеръ, тащущій ямку съ углемъ	210	270. Грузинки	283
208. Общій видъ рудника въ разрывѣ	211	271. Грузія. Анапуръ	—
209. Обвалъ рудничнаго газа	212	272. Древняя грузинская церковь	284
210. Обвалъ въ шахтѣ	213	273. Эльбурсъ	285
211. Золотенная шахта	215	274. Въ ледникахъ Эльбурса	286
212. Поляная степь	216	275. Ваку	287
213. Комыльная степь при вѣтрѣ	217	276. Ваку. Вышки и нефтяное озеро	288
214. Степной хуторъ	218	277. Нефтяной пожаръ	289
215. Байбаки	219	278. Армянская семья	290
216. Хомки	220	279. Саванскій мостъ около Ахала	290
217. Тухачкичи	221	280. Успенская армянскія князей въ Ахталѣ	—
218. Сусанки	222	281. Церковь Спасителя въ Ани	291
219. Кузьяки	223	282. Зданіе судицанъ X в. съ пристроеннымъ впоследствии мусульманскимъ минаретомъ	—
220. Саранча	224	283. Калмыцкая кибитка	292
221. Станица въ области Войска Донскаго	225	284. Духовная процессія калмыковъ	293
222. Улица въ Одессѣ	226	285. Ломы	—
223. Крымъ. Чагырдагъ	227	286. Главный лама калмыцкаго народа	294
224. Въ Алуштѣ	228	287. Баскунчакское озеро	—
225. Чабанъ	229		
226. Море	230		
227. Странствованіе пастуха	231		
228. Въ морѣ подъ парусами	232		
229. Крымскіе татары	234		
230. Крымскій татаринъ	235		
231. Татарская дѣвушка	236		
232. Татарская женщина	237		
233. Луная ночь въ Крыму	239		
234. На морѣ въ бурю	239		

	<i>Стр.</i>		<i>Стр.</i>
288. Жена зайсанга	295	352. Въ Алтайскихъ горахъ	381
289. Хурул (калмыцкій монастырь)	—	353. Бѣлуха — самыя высокія вершины	392
290. Внутренность хурула	296	Алтая	383
291. Мощи знатныхъ калмыковъ	297	354. Алтайскіе инородцы	—
292. Маски ламскихъ божествъ при мистическихъ буддійскихъ богослуженіяхъ	—	355. Алтайскіе	385
293. Перевозка соли	298	356. Переселенческіе бараки въ Челябинскѣ	387
294. Сѣпка соли	299	357. Сибирскіе крестьяне	389
295. Уральскіе казачи	301	358. Тобольскъ	393
296. Старая киргизка	304	359. Томскій университетъ	—
297. Киргизская новѣста	305	360. Село Кольванское. Императорская грандиальная фабрика	394
298. Киргизскій аулъ	308	361. Сибирскіе татары	395
299. Утопленіе кумысовъ въ киргизской юртѣ	309	362. Остяки Тобольской губерніи	400
300. Киргизъ съ соколомъ	313	363. Остячка Обдорского края	—
301. Киргизскій пивецъ съ „домброй“	314	364. Остякъ, собравшійся на охоту	401
302. Начало Уральского хребта	318	365. Остячка въ зимнемъ нарядѣ	—
303. Вогуль	319	366. Знаменитый среди остяковъ музыкантъ и шаманъ Игалевъ	403
304. Вогуль на охотѣ	320	367. Красноярскъ	405
305. Линія Самаро-Златоустовской ж. д. по косогору р. Бѣлой	321	368. Главная вершина хребта Мунку-Сардыль (граница Россіи и Китая)	407
306. Ураль „Цисаиы“ камни на р. Тагилѣ	323	369. Иркутскъ	408
307. Уральскій заводъ	325	370. Якутъ	411
308. Работа „старателей“	326	371. Якутка въ праздничномъ нарядѣ	—
309. Золотопромышленная машина	327	372. Якутскій шаманъ	413
310. Ураль. Г. Екатеринбургъ	—	373. Площадь въ Якутскѣ	414
311. „Смирный камень“ на р. Юрзани	329	374. 300-лѣтняя деревянная башня въ Якутскѣ	415
312. Ураль. Горная рѣчка Бердянь	329	375. Скалы-столбы на р. Ленѣ	416
313. „Видъ хребта Зигальги	330	376. Ярмарка на р. Ленѣ	417
314. Южный Ураль. Башкирская деревня	331	377. Буряки на р. Ленѣ	419
315. Башкиръ	332	378. Колонія прокаженныхъ въ Вилюйскомъ округѣ	420
316. Старый башкиръ	—	379. Мостъ черезъ р. Енисей	431
317. Древній башкирскій храмъ	335	380. Средне-Колымскъ	435
318. } Вотяки	336	381. Забайкальскіе буряты	444
319. }	337	382. Буряты за заемъ	445
320. Вотячка	338	383. Приготовленіе національнаго напитка у буряты въ юртѣ	447
321. Вотякъ-гусляръ	339	384. Бурятка въ праздничномъ нарядѣ	449
322. Устье р. Камы. Обрывы пестрыхъ мергелей	350	385. Бурятскій шаманъ	450
323. Сарты	351	386. Буддійскій дацанъ въ Забайкальской области	451
324. Орошаемое поле у сартовъ	350	387. Бурятскіе ламы	453
325. Ферганскій саръ, большой зобомъ, характерной болѣзью Коканда	—	388. Процессія во время бурятскаго праздника	454
326. Сарыянка	354	389. Озеро Байкаль. Село Лиственничное	455
327. Дѣти сартовъ (дѣвочки)	357	390. Скала Хоботъ на Байкалѣ	456
328. Сартепокъ	358	391. „Белозубъ“ „Байкаль“	457
329. Студентъ изъ медресе	359	392. Великая Сибирская желѣзная дорога. Въ долинѣ р. Хилока	458
330. Самаркандъ. Гуръ-Эмиръ	360	393. Кяхта	459
331. „ Торговки на базарѣ	361	394. Чайный дворъ въ Кяхтѣ	—
332. „ Мушды на молитвѣ	363	395. } Орокъ	461
333. Сартовскія арбы	364	396. }	462
334. Въ Среднеазиатской степи	365	397. Пріемка чая отъ монголовъ	463
335. Туркестанъ. Работы по укрѣпленію песковъ	—	398. Аины и гиляки	463
336. Текинцы	366	399. Гилячка	465
337. Ст. Бухара. Около Либихаузы	—	400. Сибирь. Караванъ-чай	466
338. Бухаренъ	367	401. Амуръ. Почтово-пассажирскій пароходъ	466
339. Таджикъ	368	402. Первая обитель на Дальнемъ Востоку. Уссурийскій Свято-Троицкій Николаевскій монастырь	467
340. Горные таджики	369	403. Сибирская желѣзная дорога. Западный порталъ туннеля при спускѣ черезъ Ибаноновый хребетъ	468
341. Памиръ	370	404. Первый памятникъ воинамъ, павшимъ въ русско-японскую войну, на братской могилѣ въ Харбинѣ	469
342. Каракиргизки	370	405. Общій видъ Владивостока	471
343. Ташкентъ. Ашъ-Ханъ	371		
344. „ Овощной базаръ	373		
345. Дервишъ	—		
346. Чай - ханъ	374		
347. Ташкентъ. Медресе	374		
348. „ Мечеть Ширъ-Даръ	375		
349. Кокандъ. Кладбище	376		
350. „ Хлопкоочистительн. заводъ	377		
351. Сибирь. Горная рѣчка въ Алтайѣ	380		